

ВЕСТНИК
ИНТЕГРАТИВНОЙ
ПСИХОЛОГИИ

Ярославль, Москва, 2009

ВЕСТНИК ИНТЕГРАТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Выпуск 7 2009

ЖУРНАЛ ДЛЯ ПСИХОЛОГОВ

Основан в 2002 г.

УЧРЕДИТЕЛИ ЖУРНАЛА:

**МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ НАУК**

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ
ИНТЕГРАТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ**

**АССОЦИАЦИЯ
ТРАНСПЕРСОНАЛЬНОЙ
ПСИХОЛОГИИ И ПСИХОТЕРАПИИ**

**Главный редактор
Козлов В.В.**

**Заместитель главного редактора
Мазиллов В.А.**

**Редакционная коллегия
Новиков В.В.
Карицкий И.Н.
Карпов А.В.**

**Редакционный совет
Бубеев Ю.А. Майков В.В.
Волков И.П. Кашапов С.М.
Клюева Н.В. Львов В.М.
Поваренков Ю.П.
Петренко В.Ф.
Орел В.Е. Семенов В.Е.
Мануйлов Г.М. Фетискин Н.П.**

**Технический редактор
Лисовенко Б.С.**

Адрес редакции

150057, г. Ярославль, проезд Матросова, д.9 оф.206
тел. (4852) 218914, 728394, 478666

*E-Mail: novikov @ bio. uniyar. ac. ru; vvk@ mail.yar. ru
wladwww@ramler.ru*

Новиков В.В., Козлов В.В. (Ярославль)
ИНТЕГРИРУЮЩИЙ РЕСУРС ЯРОСЛАВСКОЙ ШКОЛЫ ПСИХОЛОГИИ

Эта статья пишется накануне конференции «Интегративная психология: теория и практика», который будет проходить в г. Ярославле. Неординарность события для нашей науки невольно заставляет задуматься о том, когда, как и почему город на Верхней Волге стал столь приятательным для профессиональных психологов не только своего региона, но и для многих столичных ученых. К нам всегда охотно едут и выступают в различных аудиториях, занимаются с нашими студентами многие именитые ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, других столиц ближнего и дальнего зарубежья.

Город Ярославль и Ярославская область дали стране немало блестящих ученых, которые приумножили ее славу в этой сегодня популярной и значимой в мире сфере человеческого познания. Здесь родились, получили специальное образование или сложились как профессиональные психологи профессора: Абрамова Г.С., Громыко Ю.В., Добрынин Н.Ф., Дружинин В.Н., Егоров Т.Г., Ерастов Н.П., Зубов И.О., отец и сын Карповы В.В. и А.В., Колбановский В.Н., Корнилов Ю.К., Ланда Л.Н., Лебедева Н.М., Новиков В.В., Поливанов М.Н., Старовойтенко Е.Б., отец и сын Страховы И.В. и В.И., Талызина Н.Ф., Ушинский К.Д., Ухтомский А.А., Филатов В.С., Филиппов А.В., Четвериков И.П., Шадриков В.Д. На разных кафедрах в разные годы работали в ярославских вузах профессора: Абульханова-Славская К.А., Беляев Б.В., Брушлинский А.В., Волобуев П.Ю., Драпкина Е.С., Дьяков И.П., Роговин М.С., Рудик П.А., Смирнов В.Е., Шварц Л.М., Ярошевский М.Г. и некоторые другие.

Круг научных интересов ярославских психологов был и остается необычайно разноплановым. И тем не менее, их всегда объединяла и до сих пор отличает от других одна общая черта, которую я называю «совершенно нескрываемой прикладностью». Именно четкая практическая направленность, если хотите, прагматичность - вот «лакмусовая бумажка» и даже «визитная карточка» ярославца. Никому не уступая в теоретической тщательности и зрелости исследования, они с честью оказываются востребованными практикой. Так было, так есть и хочется надеяться, что эта ярославская традиция останется и впредь.

Сколько уже написано о том, что общая ситуация в России критическая!? Перманентно следуют такие изменения в социально-экономическом состоянии общества, которые в народе называют «обвальными». Эти «обвалы», безусловно, вносят существенные изменения в психику людей, ибо касаются самых основополагающих представлений.

Известно, что наши привычки, традиции и обычаи чрезвычайно инертны, поэтому всякое поспешное суждение чревато ошибками. Однако профессиональный психолог не может равнодушно наблюдать за тем, что происходит вокруг, как изменяются содержание и особенности общения, стиль управления, взаимоотношения малых и больших групп, руководителей и подчиненных, учеников и учителей, преступников и законопослушных.

Эти и многие другие явления систематически отслеживаются психологами Ярославля. По мнению многих из них, наблюдается научный и нравственный кризис, коррозия социально-психологической экологии. Совершенно очевидна очередная попытка превращения человека в безразличное существо с помощью религии, оружия, манипуляций с зарплатами, собственностью и т.п., а главное в нынешних условиях - угрозой лишения работы.

При лозунговой свободе личности – налицо неприкрытая экспансия в сферу личного, интимного посредством массовых коммуникаций прессы, радио и телевидения. В лучшее телевизионное время на личность все бесцеремоннее давят обnoxious рекламы, примеры легкой наживы и распущенности.

Отражая все это, люди образуют собственные представления о нынешних социальных и поведенческих нормах, которые по своей сущности становятся бесчеловечными.

В России регулярно ведутся опросы общественного мнения, проводились и намечаются различного рода референдумы. К сожалению, интерпретация результатов подобных опросов чрезмерно субъективна. Более того, совершенно не учитывается хорошо известный в социальной психологии парадокс: любой массовый опрос оценивает лишь вербально осознаваемое, часто весьма абстрактно понимаемое отношение индивидов предполагаемому событию, которое, возможно, и не наступит, но которое можно оценить с точки зрения общепринятых законов, общественных норм и морали. Конкретные же поступки совершаются людьми в жестко детерминированных ситуациях, в ситуативно возникающем психическом состоянии, под сильнейшим влиянием субъективных мотивов поведения и так называемых конвенциональных норм. При этом нередко конформизм общественного уровня уступает место конформизму малой группы ближайшего окружения. Этот эффект открыт давно и во всем мире учитывается психологами, консультирующими власть предержащих, но не у нас. К психологам наши власти почти не обращаются, а если и «советуются иногда», то поступают все равно по-своему. Оказываясь не нужными властям, психологи вынуждены выживать самостоятельно.

Психология как наука, по функциональной природе своей - глубоко жертвенна! Но эта жертва не ради самоотречения ученых от мира, а ради дальнейшего познания объективных возможностей человеческой психики в любых воображимых и невообразимых, т.е. предсказуемых и непредсказуемых, обстоятельствах.

Сегодня профессиональные психологи России и Ярославля, в частности, не просто гордятся своей принадлежностью к научной сфере, они стойко продолжают свою научную деятельность в теории, исследовании и практике. Но стало почти невозможным бескорыстное, самоотверженное служение высокой теории. Психолог-теоретик попросту не может выжить физически, если не имеет каких-либо других средств существования, кроме государственного или академического жалования.

Жизнь настоятельно потребовала от нас таких знаний и решений, за которые нуждающийся в них потребитель платил бы не как спонсор и меценат, а как покупатель товара. Обнаружилось, что такого товара у отечественной психологии, к сожалению, чрезвычайно мало, да и сразу, на потребу дня, его не произвести: нет соответствующих навыков у бывших кабинетно-библиотечных ученых. Действительно, работающие на потребителя наши знания практически нельзя получить привычными абстрактными созерцательными размышлениями, облеченными в форму наукообразных словесных экзерсисов. Даже самое объективно необходимое, но далеко не всегда субъективно понимаемое, наше предложение должно быть предельно заземлено, детально нацелено на реальный объект, действующий в конкретных обстоятельствах. Еще недавно эффективно звучавшие и привлекательно выгля-

девшие инновации психологов, с помощью которых наиболее предприимчивые руководители госпредприятий добивались порою временного, а нередко и показного эффекта, уже не срабатывают. Заказчик справедливо требует инноваций нового уровня и для таких условий, где без них он малопродуктивен или совершенно бессильен.

К сожалению, многие из нас – так называемых «фундаменталистов – теоретиков» – до сих пор не могут осознать этого требования. Что ж, такое в истории тоже случалось и с куда более известными, чем многие из современных «классиков», учеными-энциклопедистами. И без этого, видимо, не обойтись.

Сегодняшние российские психологи должны нашему потребителю в лице государственных деятелей, руководителей организаций и рядовых предпринимателей такие инновации, за которые бы они не только платили, но которые бы охотно внедряли, имели бы с них экономическую выгоду и солидный политический капитал.

Поэтому первое, что мы обязаны сделать как можно быстрее, – это отрефлексировать и осознать состояние нашей науки. Надо критично оценить себя, свои многие методологические положения, которыми мы еще недавно гордились, но которые были иллюзорными: принципы партийности, классового подхода, понятие и определение коллектива, личности и некоторые другие. Без принципиально другой методологии трудно двигаться и в теории, и в психологической практике.

Мы ни в коей мере не претендуем на приоритет в постановке указанной проблемы, и ему не хотелось брать на себя инициативу в разработке названных вопросов – тем более, что ими уже давно и достаточно эффективно занимаются не только в Ярославле, но и прежде всего в Институте психологии РАН. К.А. Абульханова-Славская, А.Л. Журавлев, Ю.К. Корнилов, В.А. Мазиллов и другие серьезно прорабатывают новые методологические принципы современной психологии, в частности, проблему субъекта деятельности. Однако, эти бесспорно нужные и перспективные направления не закрывают всего спектра необходимых для жизни нашего государства психологических проблем.

Второе, пересмотрев свой арсенал, отбросив «заржавевшее оружие», следует доходчиво разъяснить потребителю возможности или резервы того, что не стареет и никогда не устареет; при этом надо четко локализовать сферу применения этого «оружия».

Большое счастье, что «оружие» такое в нашем распоряжении имеется и сфер его применения при условии модернизации и модификации бесчисленное множество.

Прежде всего мы располагаем колоссальным теоретическим наследием, лежащим пока мертвым капиталом. Идеи М. Троицкого, С. Трубецкого, Н. Румянцев, Л. Петражицкого, Г. Плеханова, Л. Гумпловича, братьев Ухтомских, Н. Бердяева, П. Сорокина и многих других отечественных психологов, социологов, философов не только не развиты нами, но и халатно, если не сказать суровее, забыты или не востребовааны.

Вся современная отечественная психология поднималась и воздвигалась такими личностями как Б.Г. Ананьев, В.М. Бехтерев, Л.С. Выготский, А.А. Бодалев, Н.Ф. Добрынин, Е.С. Кузьмин, Б.Ф. Ломов, В.Н. Мясищев, Б.М. Теплов, Б.Д. Парыгин, К.К. Платонов, С.Л. Рубинштейн, В.И. Селиванов, В.С. Филатов, Е.В. Шорохова и многими другими учеными, жившими не только в Москве и Ленинграде, но и в глубокой провинции. Было совсем не просто, но у первопроходцев хватило смелости и подвижничества вынести все не своих плечах, чтобы выросли такие известные сегодня психологи как К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский, И.П. Волков, А.Л. Журавлев,

Б.Ф. Ломов, Н.Н. Обозов, А.В. Свенцицкий, В.И. Страхов, Б.Д. Парыгин, Л.А. Петровская и многие-многие другие.

Судьба отечественной психологии и Ярославской, в том числе, тесно связана с судьбой страны. Она была нужна тому государству и той единственной партии, которые пусть не до конца, но востребовали ее развитие. Конечно же, в ответ на это наша наука объективно служила им. Но не надо искать среди ныне живущих психологов виноватых в этом. Вместе с тем, совершенно ясно, что некоторым недавним «кумирам» пришлось сойти с пьедестала. И процесс этот является болезненным не только для них, но и для всех к ним причастных, в том или ином качестве. Давайте хотя бы не обострять его, быть психологами по сути, а не по званию – и покажем отрицательный пример желающим «кохотиться на ведьм». Среди подлинных психологов таких охотников быть не должно...

Вместе с тем, факт остается фактом. Вопреки ожиданиям, при явной активизации социальных процессов в обществе, в России в целом наблюдается спад интереса к теории психологии и прямая невостребованность ее прикладных исследований.

Что это – свидетельство исчерпанности нашего теоретического потенциала? Возможно и так. Но признавая это, мы не должны посыпать голову пеплом и раскаиваться в содеянном. Методология любой науки, понимаемой в качестве отрасли, производящей новые знания, требует строгого анализа эмпирических явлений. Потом становится возможным подъем до абстрактных обобщений, складывающихся в определенную теоретическую систему, моделирующую реальность. При этом созданная теоретическая модель должна обладать способностью к развитию. Это достаточно банальные истины, но... Есть ли в нашей отечественной психологии такая система? Полагаем, что есть, и мы можем гордиться ею! Но от некоторых идеологизированных постулатов следует, все-таки, откровенно отказаться, равно как и от ряда «неработающих» теорий. В этом аспекте пульсирует мысль А.В. Карпова, С.М. Кашапова, Ю.П. Поваренкова, Н.В. Ключевой, В.А. Мазилова, Г.М. Мануйлова, В.Е. Орла, Н.П. Фетискина, но и других ярославских психологов.

Извечен спор о первенстве теории и практики! Давно в эту диадку вклинился и эксперимент. Вспоминается случай, происшедший с книгой П.Л. Капицы по физике. После фто смерти вышла монография с подзаголовком: «Теория, эксперимент, практика». Казалось бы, все логично. Но в рукописи Петра Леонидовича эти термины стояли в другой последовательности: «Эксперимент, теория, практика». В последующих изданиях набор был исправлен.

В нашей науке слишком долго первенствовала «теория», притом нередко понимаемая чуть ли не как «дополнительная», а то и «составная» часть исторического материализма. Но, образно говоря, эта «теория» так и не стала тем словом, которое было в начале... С подлинным Экспериментом, а тем более с настоящей Практикой она часто соприкасается лишь вербально. Может быть, настала пора идти в нашей науке от Практики, поставив ее прочно на первое место, а далее последовательно привычные Теория и Эксперимент, вновь замыкающиеся на Практику?

Авторы осмеливаются настаивать на том, что в современной психологии давно пора принять формулу: «Практика, теория, эксперимент, практика». Такая методологическая последовательность не просто уже прижилась, но и оправдывается жизнью, результативностью нашей науки.

Прикладные науки, востребованные жизнью, во всем мире становятся приоритетными. Но при той невысокой востребованности психологии, которая наблюдается в российском государстве, прикладные исследования ведутся у нас весьма ограниченными силами. К сожалению фактически ни в России, ни в других ныне независимых

государства бывшего СССР нет ни одного крупного бюджетного научного прикладного подразделения (института, центра, лаборатории), в котором бы имелись достаточные силы для целенаправленных и глубоких разработок практической значимости. Тем не менее, нам доподлинно известно, что во многих городах России подлинными энтузиастами подготовлено множество специальных методик и конкретных рекомендаций по их использованию в реальной жизнедеятельности предприятий и организаций разных форм собственности. Однако эти методики малоизвестны, ибо почти нет возможности их массового тиражирования.

Та практическая психология, которая культивируется в Ярославле, на наш взгляд, весьма рациональна и композиционно стройна. Она органично включает в себя три взаимопроникающих друг в друга блока: психологическую диагностику, психологическое прогнозирование и психологическое управление. Названные блоки чрезвычайно емки и многогранны. Их содержание существенно отличается от содержания конструкций теоретической психологии, но в этом их сила и прагматическая ценность. В последние 15 лет в Ярославском университете и под эгидой МАПН издано множество монографий, посвященных актуальным проблемам психодиагностики, мышления, практической психологии, кризисологии, творчества, предпринимательства и управления.

Многие психологи, в особенности молодые, нередко абсолютизируют метод. Но он не самоцель, а всего лишь средство. В конечном счете, за ним стоит исследователь с его методологией, профессионализмом. К сожалению, нельзя не отметить увлечения молодых чисто технической, скорее псевдоматематической стороной дела. Как ни парадоксально, но во многом это объясняется нашей технической вооруженностью, применением компьютеров и других приборов с цифровой и графической индексацией.

Но есть и другая сторона вопроса. Абстрактно-созерцательная психология недавних лет поощряла математизацию и «приборотизацию» исследований. Это не только помогало ускорять исследования, но и создавало «видимость» научной солидности, достоверности, убедительности выводов и рекомендаций.

В свое время П.А.Сорокин резко выступал против бездумного математизирования в социологии в ущерб интуиции. Он утверждал, что почти все великие открытия – интуитивные, объяснить их с помощью математической логики невозможно, более того, сделай это, они могут считаться антинаучными.

Не будет большой методологической ошибкой, если исследователи отойдут от глобальных проблем, обязательно требующих системного подхода, а займутся детальной проработкой той или иной стороны жизнедеятельности конкретного объединения людей, конкретной производственной, научной, творческой или какой-либо другой организации, производственных и управленческих групп, небольшой фирмы и т.п.

Думается, теперешняя чрезмерная направленность пропаганды индивидуализма, а не гуманизма, ориентированности на социальное служение – явление временное, но достаточно опасное. В России, по крайней мере, традиционно общинные, соборные, социально-ориентированные отношения всегда были не только предпочтительными, но и во многом решающими успех любого сложного дела. На основании большого материала, опубликованных и неопубликованных наших собственных исследований, огромного литературного наследия В.М. Бехтерева, А.С. Макаренки, В.А. Сухомлинского, С.Н. Трубецкого, Л.И. Уманского, А.А. Ухтомского, В.С. Филатова и других ученых можно предположить: развитие индивидуальной предприимчивости, изворотливости, устой-

чивости и т. п. совсем не противоречит позитивному социальному взаимодействию, а лишь дополняет его. В бизнесе, и в предпринимательской деятельности без взаимной помощи, взаимной требовательности и взаимной ответственности большой успех практически невозможен.

Высшим уровнем социализации личности является, как известно, реализация ее внутреннего потенциала в соответствии с конкретным социально-психологическим сценарием. Автором такого сценария является сама личность (тут ей на помощь может прийти психолог-профессионал).

Многие из нас пытаются на свой страх и риск создавать различные консультационные, научно-коммерческие, учебно-тренировочные и другие фирмы, центры, кабинеты, даже академии; пытаются помогать в «написании» и реализации сценариев становления личности, профессионала... И это похвально, если за дело берутся действительно специалисты. Тесно смыкаются с этой проблемой вопросы формирования государственных и частных служб профориентации и социальной поддержки населения, развития профессиональных социально-психологических служб в различных отраслях человеческой жизнедеятельности.

Представляется, что любая психологическая служба – это столб необходимой сегодня часть триады: заказчик, организатор, испытатель. Практический психолог – это менеджер, создающий оптимальные условия для исполнения заказа: он ведет отбор людей, обучает их делу, помогает в обустройстве рабочих мест и т. д. Более того, именно через такую службу решается и проблема социального контроля.

Социально-психологическая поддержка организации любого масштаба, подготовка и переподготовка руководителей, тренинг, деловые и инновационные игры, формирование и оптимизация благоприятного психологического климата, различного рода службы доверия – все это не под силу даже самым одаренным одиночкам. Нужны пусть небольшие, но сплоченные группы профессиональных практических психологов. Приходится констатировать, что, как это ни парадоксально, с годами таких групп становится все меньше. Причин этому множество, однако, во многом новый парадокс в основе своей отражает невысокий уровень квалификации практических психологов. В результате господствует самодельность в худшем фэ смысле.

Необходимо решать проблему повышения профессионализма психологов-практиков, но прежде всего, создать единый сертификационный комитет или совет из наиболее квалифицированных профессионалов соответствующего профиля, вменив ему в обязанность изучение состояния названных служб и аттестацию их работников.

Читатель вправе спросить: а какой именно психологической структуре, какому конкретно институту под силу решение подобных проблем в разваливающейся системе науки? Мы верим, что пока бьется пульс российской психологии, названные проблемы решить можно, хотя это и очень трудно. Надо искать пути, создавать прецеденты.

И здесь хочется отметить «инициативу снизу», уже проявленную представителями 12 государств, входивших еще недавно в СССР, при создании *Международной Академии Психологических наук*. Она была направлена как раз на решение рассматриваемых вопросов... Такая Академия создана в качестве негосударственной организации еще в 1992 году. По своему юридическому статусу – это товарищество профессионалов высшей квалификации открытого типа. В него могут входить все желающие. Но желание такое иногда бывает необходимо пробудить, особенно у тех, кто намерен искренне и полезно работать на поприще практической психологии. Такие люди и такие службы охотно вступают в контакт с признанными, а не просто амбициозными профессионалами. Академия со-

здала свой печатный орган, выпускает множество книг, в том числе и на иностранных языках. Но как и всякая элитная академия, МАПН не может «объять необъятное». Ровно через два года, в 1994 году, было воссоздано Российское психологическое общество, которому по силам объединить всех профессиональных психологов страны. Это общество многое делает сегодня для мобилизации хотя бы самых активных своих членов.

Решение затронутых в данной статье актуальных проблем отечественной психологии – дело, конечно же, не

одного дня. Прежде всего, необходимо развернуть подготовку и переподготовку психологов-практиков на серьезной научной, финансовой и хорошо технически обеспеченной основе, как это уже делается во многих цивилизованных странах.

Ответственность психолога-профессионала за свои поступки, профессиональную квалификацию, выводы и рекомендации – непереносимое условие эффективности и надежности его деятельности.

Козлов В.В. (Ярославль) **ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПСИХОЛОГИИ**

Интегративная психология не отличается от других направлений психологии как научная дисциплина. Она, как все парадигмы психологии, содержит теоретическое описание психического, исследование феноменологии психической реальности и воздействие на нее.

В отличие от многих других направлений, интегративная психология является попыткой нового, интегративного понимания теории и практики психологии, которая вбирает в себя не только классические представления, но и его духовное, философское, психотехническое осмысление.

В последние 20 лет мы посвятили поиску наиболее адекватной по отношению к накопленному в культуре опыту системы психологии. Постепенное формирование учения об этой системе, наши методологические изыскания нас привели к интегративной методологии и попытке целостного описания психической реальности.

Мы рассматриваем интегративную психологию в триединстве:

как способ теоретического исследования;
как систему способов и приемов эмпирического изучения;

как профессиональное психотехническое, практическое воздействия или взаимодействия с субъектом (индивидуальным или групповым).

Следует отметить, что в первых двух компонентах современная психология достаточно сильна, но практическая составляющая, даже на уровне личностного роста, разрешения внутренних проблем самого психолога, очень не развита. Именно поэтому в настоящий момент остро стоит проблема психотехнизации психологии и развития ее практической составляющей. Именно по этой причине на третьем аспекте интегративной психологии мы будем останавливаться более подробно. Но при этом проблему методов воздействия мы будем толковать более многомерно и расширенно. На наш взгляд, современная психология не может существовать без инструментов самоисследования, методов разрешения внутриличностных и межличностных проблем, инициации духовного опыта, каковыми и являются психотехники, разработанные внутри психодуховных, в том числе религиозных, мистических, эзотерических традиций человечества.

Теория психологии.

Когда я представляю теоретическое содержание современной психологии, то мое сердце наполняется грустью и отчаянием.

У меня возникает ощущение, что я хочу переплыть океан на маленькой лодочке и уже видя гребни волн, понимаю, что это невозможно: не превозмочь.

Не хватит даже сотен жизней и упорных сидений с утра до вечера перед текстами, чтобы даже конспективно ознакомиться со сотворенной человеческим умом психологией.

И, каждый психолог, умудренный с минимальным знакомством с теорией психологии, понимает, что психологию трудно объяснить не потому, что в ней существует недостаток интерпретаций и пониманий, а потому, что

есть ужасающий разрыв множество пониманий и объяснений.

Мы не будем останавливаться на конкретных методах формирования психологических теорий и концепций типа анализа, синтеза, эмпирического обобщения и т.д. Нам важно выстроить минимальные требования к теоретическим построениям, которые для нас являются существенными.

Любое теоретическое построение психологии должно обладать тремя качествами, для того, чтобы адекватно отражать своей предмет:

1. Понятность и доступность. Вне сомнения, в современной психологии нет недостатка в теоретических построениях, описывающих территорию психического. Но в основном они написаны на таком языке, что человеку нужно очень долго заниматься внутри школы или направления психологии, чтобы приблизительно осознать контуры этой карты. Классическими образцами таких карт являются психоанализ, гештальт-психология, бихевиоризм.

К великому сожалению каждый достаточно крупный лидер психологии разрабатывает свой терминологический аппарат, мало созвучный языку нормального человеческого общения. В этом смысле получение современного психологического образования сводится к освоению смысловых пространств различных направлений психологии.

Огромное количество текстов в психологии явно не соблюдают требование понятности и доступности. Более того, многие психологи сознательно или бессознательно стремятся усложнить свой язык терминологически с тайной надеждой, что это им придаст «научной» весомости. Тексты, да сама психология при этом не только становятся малопонятными. Они становятся скучными и мертвыми.

Категориальный аппарат психологии должен иметь некоторую меру сложности. Система понятий должна быть достаточной для описания и объяснения феноменов в пределах сферы охвата данной теории.

На мой взгляд, более простые и более четкие объяснения предпочтительнее более сложных. Многословие и многосложность понятий является больше показателем скудости мышления ученого. Чем меньшее количество концепций и предположений требуется психологу для объяснения какого-либо феномена, тем лучше. Простота и доступность психологии открывает возможность знать как можно больше о себе и об окружающих нас людях не только «людям с улицы», но и самим психологам. Основная ценность многих классических текстов (Л.С. Выготский, З. Фрейд, А.Н. Леонтьев, К.Г. Юнг) заключается в их красоте и способности пролить свет на понимание себя, своей жизни, межличностных отношений. Классический язык отличается не только красотой и простотой, но и свободой от внутренних противоречий. Они состоят из положений и определений, которые последовательно согласуются друг с другом и формируют единую и логически

стройную систему знания, что и составляет шарм хорошей теории.

Все можно превратить в пустые слова с латинизированными или греческими или санскритскими корнями.

На мой взгляд, психологические тексты должны быть живыми, как живо все многообразие предмета психологии. Именно такого рода тексты имеют эвристическую ценность и стимулируют психологов проводить дальнейшие теоретические и экспериментальные исследования. Живость психологического текста должна иметь характер, побуждающий творчество, давать толчок исследовательской активности.

Другой крайностью является профанация психического, когда сложные механизмы человеческого поведения, мотивации, деятельности упрощаются, и за видимой простотой выхолщивается само содержание механизмов, свойств, явлений души человеческой. Именно по этим причинам необходимо найти некоторую срединность изложения между псевдонаучной сложностью (птичьим языком психологии, как выражается известный психолог В.В.Новиков) и плоским упрощением психологии.

2. Точность и соответствие реальности. Нет ни в философии, ни в психологии, ни в духовных традициях абсолютно точной теории, описывающей психическое. Более того, в научных кругах несоответствие теории (карты психического) с самой психической реальностью (местностью), является основной движущей силой методологических и теоретических поисков психологии в течение последних 2,5 тысячелетий. Точность определяется объяснительными качествами карты, насколько она созвучна с реальной жизнью, поведенческой, интеллектуальной, эмоциональной активностью людей. Более того, все универсальные карты психической реальности, которые разрабатывались внутри духовных традиций (особенно в буддизме и даосизме) обладали прагматической привлекательностью и помогали людям находить решения их повседневных проблем.

Часто, анализируя психологические теории, мы приходим к выводу, что они мало соприкасаются с жизнью людей, существующих в обыденном мире. Они являются продуктом коллективного сознания психологов, объединенных в определенную парадигму психологии.

Если мы разберемся еще глубже, то впадаем в мажорную ересь: нет психологии, а есть некие слегка диффузные представления о психологии самих психологов и при этом субъективный (личный, биографический) компонент в этом собирательном образе психологии играет большую, если не решающую роль. Станным образом некоторые психологические теории являются больше способом саморефлексии, но никоим образом не обращены на помощь людям в понимании их повседневного опыта и поведения.

Несмотря на то, что меня причисляют к лидерам попсихологии, я уверен – психологическая теория должна помогать людям решать их жизненные проблемы. Знание внутренних и внешних закономерностей, полученное из теории психологии, должно обогащать понимание и оценку нюансов человеческих эмоций, отношений, поступков. Именно тогда, я думаю, 98% «научной» литературы не будет превращаться в макулатуру и профессорам не будет необходимо выпускать монографии тиражом 50 экземпляров слепым текстом.

Часто точные и подробные теории (карты) в психологии разрабатываются для определенных территорий психического, например, сенсорно-перцептивных процессов. При этом происходит явное предметное сужение «территории» психики. Так же существует соблазн закономерности, полученные на определенной территории, экстраполировать, перевести на все пространство психического. Это наблюдается повсеместно в психологической науке. С другой стороны, узкие территориальные теоретические и экспериментальные модели в основном имеют «са-

кральный» характер и доступны только для узких специалистов в психологии.

Одновременно существует реальная угроза формирования теорий несуществующих феноменов психики, основанных на фантазиях и вымыслах. В последнее время появилось огромное количество «психологий» с галлюцинаторной «территорией», которые больше похожи на шизофренический бред, но тиражируются под названием «популярная психология» в огромных количествах. Большую роль в этом направлении играют «популяризации» (профанации) психологии в различных телепрограммах. Когда читаешь эти книги или смотришь эти программы, часто задаешь себе вопрос: «Где же психологическая наука?» Ведь есть же, в конце концов, требование верифицируемости теории. У любой теории должна быть эмпирическая основа, хорошая концепция должна выработывать проверяемые гипотезы и открыта для независимой экспертизы других исследователей.

Для любого человека, осознающего и воспринимающего, без всякого специального психологического образования, существует потребность в целостном понимании себя не только как носителя материальных и социальных качеств, но и души, духа.

Именно в силу этого теория психологии должна быть достаточно универсальна, проста, читаема и адекватно применима в любой жизненной ситуации человека, но не терять при этом научной надежности и точности.

3. Достаточная подробность и широта. Это требование является особенно значимым для объяснения феноменов интерперсонального и трансперсонального характера.

Монтень писал, что человек не живет, а собирается жить завтра. Насколько я понимаю, это не касалось той выборки людей, которые занимаются психологией. Многие психологи странным образом умудряются жить в тех методологических и смысловых пространствах, которые были существенно важны и адекватны 100-150 лет назад.

И вправду, иногда психолог выглядит человеком, который не живет, а бродит среди теней давно ушедшего.

Вне сомнения, каждый достаточно образованный психолог понимает, что психическая реальность всегда более сложна и многомерна, чем любая теоретическая модель. Теория должна в идеале предметно охватывать всю психическую реальность и охватывать широкий круг и разнообразие феноменов. Чем более многосторонней является теория, тем на большую сферу эмоциональных, поведенческих, мотивационных, интеллектуальных, социальных и культурных проявлений она распространяется. Законы, принципы, механизмы, установленные в теории психологии, должны иметь всесторонний и универсальный характер, помогать обеспечить внутреннюю согласованность и такого рода теория всегда предпочтительнее узкой и ограниченной.

Интегративная установка в теории имеет позитивный смысл еще и потому, что позволяет сформировать как логический каркас для объединения разных парадигм, разных предметных областей психологии и новых, разрозненных фактов, установленных в психологическом исследовании.

Одновременно многие психологи модель, теорию психологии путают с самой психической реальностью и известный феномен «влияния установки на восприятие» срывает как «видение» (слово точное, т.к. точно отражает галлюцинаторный характер модели) самой психической реальности.

Есть феномены еще печальнее среди психологов, когда они перестают верить, что можно что-то получить из мира развития психологии, других, конкурирующих теорий и моделей, часто культурно и парадигмально построенных на других образах и идеях, моделях теории и практики науки. При этом безопасность субъективной модели психологии основывается на экономии интеллектуальных и

эвристических способностей, а любая минимальная критика воспринимаются как угроза картины мира. Некоторых психологов отпугивает все новое и в своей маниакальной чистоплотности «соблюдения научных традиций» они готовы к «кострам очищения». И самое страшное – они плодят в вузах и в других системах такую же узколобость и ограниченность, что не соответствует общему требованию к психологическому образованию и теории психологии – широте охвата.

И по этой причине особенно хочется сформировать установку открытости и понимания среди разных поколений психологов, да и между психологами одной эпохи, но принадлежащим к разным парадигмам понимания теории и практики психологии.

Ведь суть уже не в том, что карта психического подробно не описана, а в том, что эти подробные карты никак не могут вписаться в мировоззренческие модели самих психологов.

Основные отличия теорий в психологии

Идея поиска адекватной теории психического была доминирующей не только в психологии, но и в психодуховных традициях большей части цивилизованного человечества на протяжении почти всей его истории, как в религиозных, так и в философских и культурологических системах.

Концептуальное осмысление психической реальности, каким бы неясным ни было его выражение в прошлом, является центральной для эволюции человечества и пронизывает культуры и эпохи, сохраняя общие существенные черты. Она сформировала не только экзистенцию мировых традиций – даосизма, буддизма, христианства, мусульманства, но и теорий величайших философов, ученых и психологов.

Реализация метода как способа теоретического исследования и понимания психического в различных подходах имеет следующие базовые различия:

- 1) в терминологическом аппарате;
- 2) в степени сложности структурно-функциональной дифференциации психического;
- 3) в специфике предмета, фокусировке исследовательских усилий на различных структурных компонентах, свойствах, уровнях, механизмах психического;

Остановимся на них подробнее, т.к. это нам позволит выделить главные особенности в теоретических построениях не только в психологии и философии, но и в других гуманитарных науках.

1) Различия в терминологическом аппарате.

При первом приближении мы можем установить тот факт, что рефлексия предмета психологии существовала в различных языковых средах и само понимание «тайны тайн» обусловлено культурно-исторически.

Наиболее далекими по семантическому содержанию являются те теоретические построения, которые принадлежат разным культурам по способу мышления – восточный и европейский. Таковыми же являются смысловые пространства психологии, которых разделяют исторические эпохи.

С другой стороны, все базовые парадигмы в понимании предмета, метода и содержания психологии – физиологическая, психоаналитическая, бихевиористическая, экзистенциально-гуманистическая и трансперсональная существуют в своем специфическом терминологическом аппарате, не говоря о более мелких школах и направлениях.

Любая психологическая теория является внешним проявлением многих аспектов человеческого существования и потенциально может отразить многие его сокровенные стороны. Теория как метод вербализует картины мира, в которых человек занимает центральное место, кодирует, хранит, распространяет в социальную среду и передает из поколения в поколение в материальной форме. Потен-

циально она способна описать все, что есть в культурной картине мира, хотя и не всё фиксирует.

При этом следует понимать, что психологическая теория отражает определенный способ восприятия и устройства мира, человека, социальных сообществ. Совокупность представлений о психической реальности (от индивида до ноосферы и универсума), заключенных в терминологическом аппарате психологической теории, образует некую единую систему взглядов или предписаний и навязывается в качестве обязательной всем носителям данной парадигмы психологии (или любой другой гуманитарной дисциплины – начиная от эзотерических школ до глобальных мировоззренческих установок типа материализма) В этом заключается его чрезвычайно важная образовательная, социализирующая и культурно-воспроизводящая функция психологической теории.

Одновременно смысловые компоненты, входящие в терминологический аппарат психологической теории в форме непосредственных утверждений, могут оспариваться разными носителями этой теории, т.е. находятся в противоречии с «канонами» теории, с общей системой представлений, которая формирует содержание и принципы теории.

Это означает, что даже если и существует два психолога с идентичной моделью психологии (что крайне сомнительно), внутренняя, смысловая, концептуальная сторона этой модели будет различной. А это еще раз показывает, что даже если в концептуальном осмыслении психической реальности есть общие точки соприкосновения, они все равно носят индивидуальный, уникальный характер. Владея терминологическим аппаратом, психолог с помощью него концептуализирует феноменологию психического. При этом конфигурации идей, заключенных в значении терминологического аппарата парадигмы психологии, воспринимаются им как нечто само собой разумеющееся, и у него возникает иллюзия, что так вообще устроена сама психическая реальность. Но сопоставление разных индивидуальных «карт психической реальности» показывает значительные расхождения между ними. Это наблюдается как внутри школ психологии, так и (тем более) в различных научных моделях психологии.

Содержательная сторона психологической теории тем или иным образом связана с концептуальной системой психолога. В свою очередь, реализуясь в теоретических представлениях, концептуальная картина психического преодолевает в некоторой степени свою абстрактность и становится более понятной для самого человека и для его собеседников и потомков. Теоретические модели психологии, хоть и несколько искаженно, но аккумулирует опыт отдельного индивида, языковой, стратовой, этнической, культурной и т.д. групп.

Так, роль теории психологии при образовании и отражении психической реальности не должна ни переоцениваться (в некоторых случаях он может дать только описание явлений, но не непосредственный опыт), ни недооцениваться (это высшая форма обобщения науки о человеке).

Теория это не зеркальное отражение феноменологии психического, а некоторая ее интерпретация, осуществляемая отдельными психологами, которые отличаются друг от друга. Поэтому можно сказать, что любая психологическая теория – это динамичное явление: она постоянно уточняется.

Одновременно следует помнить, что теория – это лишь один из методов, на которых «говорит» психология. Даже при изучении психологической теории познать категориальный строй – это не означает познать все компоненты реальности теории. За теорией стоят ощущения, эмоции, образы и символы, культурный и языковой опыт как среда, из которого родилась и формировалась теория.

Вне сомнения, теоретический метод самое сложное образование в психологии из-за того, что оно вбирает в себя

все аспекты других методов и имеет самый выраженный индивидуальный характер.

В формировании теории психологии, на наш взгляд, наиболее полно проявляется «принцип неопределенности Гейзенберга». Это ряд математических отношений, которые определяют, в какой мере классические понятия могут применяться к атомным феноменам, каким образом эти отношения кладут предел человеческому воображению в субатомном мире. Принцип неопределенности указывает меру влияния ученого на свойства наблюдаемых объектов в процессе изменения. В атомной физике ученый уже не может играть роль отстраненного объективного наблюдателя. Он вовлечен в мир, который он наблюдает, принцип неопределенности Гейзенберга измеряет эту вовлеченность.

Вернер Гейзенберг как никто иной исследовал границы человеческого воображения, пределы привычных понятий и степеней нашей вовлеченности в мир. Он не только указал на эти различия и их глубокие философские следствия, но также сумел дать их точное и ясное математическое описание.

Нам трудно представить, насколько личность и опыт ученого влияет на создание психологической теории.

Любая психологическая теория включает множество слов, которые как бы остаются «за кадром»:

исходящие из основных мировоззренческих концептов создателя теории;

условий, в которых он рос, учился, жил, работал;

традиций и обычаев, которые соблюдал;

стратегию его жизни, идеалы, которым подражал и за которыми тянулся;

архетипическая идентификация, какие архетипы поведения он избрал для себя.

Вне сомнения, терминологическая разногласия часто является барьером для взаимопонимания между профессиональными сообществами различных направлений психологии. Это приводит к необходимости направить усилия на разработку единого научного аппарата, стройной категориальной системы, позволяющей реально соотносить различные концепции и, тем самым, способствовать установлению взаимопонимания в рамках научной психологии.

Но мы одновременно при этом должны учитывать те особенности и сложности на пути формирования понятийной однозначности в теориях психологии, которые мы указывали выше.

Конкретная задача, которую предстоит решить в первую очередь, состоит в разработке категориального аппарата психологической науки, направленной на улучшение реального взаимопонимания не только между различными направлениями в рамках научной психологии, но и между академической, научной психологией и практико-ориентированными концепциями, другими ветвями гуманитарных дисциплин, в том числе искусством, литературой, философией, религией и духовными традициями.

2) Степень сложности структурно-функциональной дифференциации психического.

Что касается степени сложности структурно-функциональной дифференциации психического, эта особенность является более противоречивым и разъединяющим. Справедливости ради следует отметить, что любая сложившаяся традиция, будь то религиозная, философская или психологическая, предполагает определенную структурно-функциональную расчлененность психики и иерархически выстроенный путь к целостности высшего порядка. Более того, на мой взгляд, сама иерархия и выстроена для того, чтобы простроить развитие человека и духовный рост.

При этом каждый уровень имеет свою степень сложности языка и предполагает уровень тонкости восприятия, интеллектуальной развитости, образованности. Когнитив-

но сложные тексты и смыслы попросту отбрасываются людьми менее способными как невосприимчивые.

Мы никогда не теряем высшие уровни понимания и традиционную мудрость в силу того, что всегда в человеческой общности существуют люди, способные понимать сложные структурно-функциональные дифференциации психического, обладающие необходимыми навыками понимания, созерцания, рефлексии.

Для большей ясности приведем классический пример, показывающий, как один объект может вызывать различные реакции и обнаруживать различные уровни смысла.

Животное может увидеть черно-белый объект причудливой формы.

Дикарь – гибкий прямоугольный объект с загадочными знаками.

Для западного ребенка это книга, тогда как для взрослого человека это может быть определенная книга, а еще точнее книга, полная непонятных, даже нелепых утверждений о реальности.

Наконец, для физика это может быть глубокий текст по квантовой физике.

Важно понять, что все представленные наблюдателями описания книги являются отчасти верными, но все эти наблюдатели, кроме образованного физика, не осознают, что объект гораздо многозначнее и осмысленнее, чем они могут себе это представить. И что важнее всего, для необразованного взрослого эта книга непонятна и даже нелепа. Из этого примера прекрасно видно, что, когда нам не удается понять высших уровней смысла, мы можем слепо верить, что полностью поняли нечто такое, чье истинное значение совершенно упустили.

Как отмечал Шумахер, «факты не несут в себе указатель уровня, на котором их можно было рассматривать. И выбор неверного уровня не ведет ум к фактической ошибке или логическому противоречию». Все уровни смысла вплоть до адекватного, то есть уровня значения в примере с книгой, одинаково соответствуют фактам, одинаково логичны, одинаково объективны, но не одинаково реальны...

Когда уровень познающего не соответствует уровню смысла познаваемого объекта, появляется не фактическая ошибка, а нечто гораздо более серьезное: неадекватное и обедненное представление о реальности, в нашем случае – о психической реальности.

Так что вопрос состоит в том, какие высшие уровни смысла, какие глубинные значения и сообщения, существующие в описаниях психического, мы упускаем.

Говорят, что для мудреца листья на дереве подобны страницам сакрального текста, исполненного трансцендентного смысла.

Мы видим вещи не только такими, каковы они есть, но и такими, какими являемся мы.

Любое толковое образование психолога должно быть направлено на изменение тонкости восприятия глубинных смыслов бытия в мире, степени сложности предмета психологии.

Теория психологии должна открывать простор, инициировать движение своих адептов навстречу скрытой мудрости и высшим уровням смысла в сознании, личности, интерперсональном и трансперсональном.

Во всех традициях путь к самосовершенствованию представлен в виде иерархии в порядке возрастания их способности к целостности и интеграции. Каждый шаг вверх по пути означает увеличение единства и расширение идентичности – от изолированной идентичности тела, через социальную и общественную идентичность разума, к высшей идентичности духа, идентичности буквально со всеми проявлениями многомерной реальности, идентичности с универсумом.

Не так важно, сколько мы выделяем уровней, три - материю, разум, дух, пять: материя, тело, разум, душа и дух или 120 базовых состояний сознания в трех гунах как в

теории дхарм в буддизме (360 состояний алфавита дхарм). Важно понимание неразрывной связи между этими шагами идентификации на духовном пути и важна идея роста и трансформации личности по иерархической лестнице вплоть до высших уровней.

Что касается психологических теорий, то они предлагают свои модели структурно-функциональной дифференциации психического и свои ступени личностного роста. Иногда они соотносимы по сложности с духовными традициями, но в основном более примитивны. Все базовые парадигмы (кроме физиологической), предполагают свои цели в личностном росте и самопостижении, вычленяют свою иерархию достижения.

Любая психологическая традиция, школа, так же, как и религиозная, философская или мистическая, предполагает определенный способ структурно-функциональной дифференциации психического и иерархический путь к целостности высшего порядка.

3) Специфика предмета, фокусировка исследовательских усилий на различных структурных компонентах, свойствах, уровнях, механизмах психического.

Мы уже в некотором приближении описали основные характеристики предметной фокусировки теории психологии в предыдущем параграфе. Каждый структурно-функциональный компонент является предметом исследования не только различных отраслей знания, но и усилий адепта, который «встраивается» в ту или иную традицию (духовную, философскую или психологическую).

Мы с более обобщенных позиций и проанализировали «тело» современной психологии в 5 базовых парадигмах психологии, которые по своему понимают свой научный предмет в предыдущих статьях и монографиях.

В настоящее время существует широкий интерес к всякого рода школам и методикам, нацеленных на работу с сознанием и личностью. Многие люди обращаются к психотерапии, юнгианскому анализу, мистицизму, психосинтезу, дзен-буддизму, транзактному анализу, цигун, индуизму, биоэнергетике, психоанализу, йоге и гештальт-терапии. Общим для всех этих школ является то, что они пытаются тем или иным путем вызвать изменения в человеческом сознании, личности. На этом, однако, их сходство заканчивается.

Человек, искренне стремящийся к самопознанию, сталкивается с огромным разнообразием психологических систем, крайне затрудняющих проблему выбора, так как эти школы, взятые в целом, явно противоречат друг другу. Например, дзен-буддизм предлагает забыть или превзойти «эго», а психоанализ – усилить и укрепить «эго». Кто прав? Эта проблема стоит одинаково остро как перед непрофессионалами, так и перед психотерапевтами и практическими психологами.

Но если представить, что в действительности эти различные подходы являются подходами к различным уровням человеческого «я», тогда они не противоречат друг другу, но отражают действительные и весьма существенные различия между разными уровнями психической организации, и все эти подходы могут быть более-менее верны в приложении к соответствующим уровням среды сознания.

Различные религиозные и психологические школы представляют собой не столько различные подходы к рассмотрению человека и его проблем, сколько дополняющие друг друга подходы к рассмотрению различных уровней человеческого сознания. При этом все множество школ распадается на пять-шесть ясно различных групп, и становится очевидно, что каждая группа ориентирована преимущественно на один из основных диапазонов уровней психической организации.

Чтобы дать несколько кратких и общих примеров, отметим, что целью психоанализа и большинства форм традиционной психологии является устранение раскола между сознательным и бессознательным аспектом психи-

ки, с тем, чтобы человек вошел в соприкосновение со всем, что творится в его душе. Эти школы психологии нацелены на воссоединение, если воспользоваться юнгианской терминологией, маски и тени для создания сильного и здорового «эго» – правильного и приемлемого образа себя. Иными словами, все они ориентированы на уровень «эго». Они пытаются помочь индивиду, живущему на уровне маски, переделать карту своей души так, чтобы перейти на уровень «эго».

В отличие от этого цель большинства школ так называемой гуманистической психологии и психотерапии иная – устранить раскол между самим «эго» и телом, воссоединить психику и соматику для возрождения целостного организма. Вот почему о гуманистической психотерапии, называемой «третьей силой» (другими двумя является психоанализ и бихевиоризм), говорят также как о «Движении за осуществление возможностей человека». По мере расширения самоотжествления человека от одного разума или «эго» до организма в целом огромные возможности целостного организма высвобождаются и становятся достоянием человека.

Если мы пойдем еще дальше, то обнаружим такие дисциплины, как ранний даосизм, буддизм третьего круга Шакьямуни или веданты, задача которых состоит в интеграции целостного организма и среды для восстановления внешнего тождества со всей Вселенной. Они нацелены на уровень единства сознания во всем многообразии.

Между уровнем сознания единства и уровнем целостного организма лежат надличные, трансперсональные диапазоны психической реальности. Школы психологии и психотерапии, которые обращаются к этому уровню, заняты углубленным изучением «сверхиндивидуальных», «коллективных» или «трансперсональных» процессов в человеке. К числу школ, ориентированных на этот уровень, относятся психосинтез, юнгианский анализ, различные предварительные ступени йогической практики, «трансцендентальная медитация», различные дыхательные психопрактики типа холотропного дыхания и так далее. Цель некоторых из этих видов терапии, таких как юнгианская психология, состоит в том, чтобы помочь нам сознательно признать в себе эти могущественные силы, подружиться с ними и использовать их, вместо того чтобы быть движимыми ими бессознательно и против нашей воли.

Многомерное понимание предмета психологии предполагает интегрированность и целостность предмета науки. В каждый раз, когда мы сужаем предмет, мы искажаем само знание. По этой причине психология должна принимать все уровни и измерения человека.

Система способов и приемов эмпирического изучения. Слова Д.М. Кеттела «Психология не может стать прочной и точной, как физические науки, если не будет базироваться на эксперименте и измерении» (журнал «Mind», 1890), не теряют своей актуальности и через 125 лет развития психологии.

В предыдущем разделе при описании развития предмета психологии мы уже писали о начале психологии как научной дисциплины со второй половины 19-го века.

Что касается метода психологии как способов и приемов эмпирического изучения, то их становление и развитие происходит в конце XIX в. Оно связано с зарождением дифференциально-психологического изучения человека, которое складывалось под влиянием запросов практики.

Именно в конце XIX века оформилась «индивидуальная психология», целью которой было изучение индивидуальных особенностей человека с помощью экспериментальных психологических методов. Общеизвестно, что первыми достижениями индивидуальной психологии были исследования учеников В. Вундта: Э. Крепелина, Д. Кеттела, а также других ученых - А. Бине, А. Лазурского. Тестология не являлась единственным направлением психологии дифференциальной психологии. А.Ф. Лазурский (в 1912 г.)

писал, что изучать индивидуальные различия с помощью одних только тестов недостаточно и выступал за естественный эксперимент, благодаря которому исследовались не отдельные психические процессы (как с помощью тестов), а психические функции и личность в целом. Примерно в эти же годы другим русским ученым Г.И. Россомо было предложено метод целостной оценки личности с помощью «психологического профиля», показывающего уровни развития психических процессов. В начале 20-го столетия были заложены основные прототипы современных направлений метода психологии как способов и приемов эмпирического изучения.

В силу того, что отцы-основатели психологической науки были представителями точных наук, то они привнесли в психологию базовую позитивистскую идею о том, что основной характеристикой научного метода является объективность.

Психологическая наука на уровне исследовательских методов – это способ получения знаний на основе объективных наблюдений, которые проводятся таким образом, чтобы исследователи с нормальным восприятием при использовании одних и тех же методик достигают одних и тех же результатов.

Что касается нормы восприятия, то оно, к сожалению не может быть усреднено и это особенно это касается психологов, которые претендуют на уникальность своего восприятия и понимания мира. Следует отметить, что часто научная гипотеза, выдвигаемая исследователем, категориально-смысловой аппарат парадигмы или школы психологии создают предпосылки «влияния установки на восприятие». Собственно, объективность в науке не подразумевает независимость ученого от предмета его исследований, но предполагает, что если наблюдения проведены объективно и описаны достаточно точно, то они могут быть снова повторены другими исследователями, и, на наш взгляд, воспроизводимость является единственной характеристикой, которая отделяет то, что является наукой, от того, что таковой не является.

Мера научности метода определяется связью теоретических построений с исследуемыми психологическими явлениями. Категориальный аппарат должен быть тщательно определен, чтобы значение терминов было понятным относительно феноменов психического, наблюдаемых объективно, а также относительно теорий, разработанных для объяснений этих феноменов.

Современный психологический рынок стран СНГ и России наводнен множеством способов и приемов эмпирического изучения различных сфер функционирования личности и групп, которые используются на практике как профессионалами, так и людьми далекими от психологии.

С другой стороны, многие из этих исследовательских методов не имеют достаточного научного осмысления. Часто малоизвестно, на каких методологических позициях разработана та или иная экспериментальная процедура, тест, каким образом результаты и выводы воздействуют на испытуемого или на группу клиентов, каковы ожидаемые результаты и соответствует ли именно эта методика поставленной цели... Использование методов превращается в игру со многими неизвестными. Особенно это касается тех методик, которые переведены с других языков и не прошли научную апробацию в России.

Если мы будем фиксировать свое исследовательское внимание на интерперсоне (групповое сознание и бессознательное), то обнаружим, что в современной практической психологии и психотерапии разработано колоссальное количество методов и техник для групповой работы с населением.

Несмотря на это множество, точных и адекватных исследований эффективности такой работы единицы и, как правило, они мало отражают необходимости многомерности исследования трансформации как личности, так и группы.

Разорванность и фрагментарность, научная некорректность этих исследований, их огромная зависимость от научных парадигм и гипотез самих исследователей являются уже патологией не роста, а жизни тех странных многоформных безжизненных призраков, фантомов, которые принято называть психологическим исследованием групповой работы.

Автор этой статьи в течение 20 лет занимается практической групповой работой в русле интенсивных интегративных психотехнологий с применением различных методов, индуцирующих измененные состояния сознания (ИСС) и провел 540 групповых тренингов с участием более 16000 человек. По этой причине автор из своего опыта представляет, насколько сложно организовать сколько-либо достоверные экспериментальные исследования в групповом пространстве. Наверно сама интегративная теория групповой работы должна пройти ту фазу, когда преобладает постепенное накопление эмпирических, экспериментальных данных и доминируют описательные схемы исследования.

На этой стадии научные исследования экстенсивный характер и сами исследователи проявляют больше экспансивную тенденцию, интроецируя в свое концептуальное пространство все большее и большее количество фактов.

Можно со всей уверенностью утверждать, что исследования групповой работы проходят эту эмпирическую фазу своего развития. И, может быть, в силу этого наблюдается незрелый характер самих научных представлений, раздробленность и фрагментарность рефлексии предмета, эклектизм, противоречивость, бессистемность и др.

В российской психологии существуют следующие требования к эмпирическому научному методу:

достоверность, которая сводится к минимализации влияния случайных факторов на измерение и постоянство получаемых результатов;

объективность, которую мы можем интерпретировать как воспроизводимость, стабильную повторяемость данных и минимализацию влияния личности исследователя.

валидность, которая отражает соответствие метода предмету исследования и оценивает, измеряется ли рассматриваемая характеристика или, напротив, измерение отражает влияние других факторов.

В психологии мало методик, которые удовлетворяют всем этим требованиям. Есть, конечно, малоутешительный аргумент, что психология является молодой наукой и может пока экспериментировать с методами исследования и еще на некоторое время оставаться на описательном уровне. Тем более, если возвращаться к анализу парадигм психологии, можно утверждать, что существует большое количество противоположных подходов к описанию предмета науки. Вне сомнения, хотя это и печально, данный факт демонстрирует примитивное состояние психологической науки.

К концу двадцатого столетия выявился тот факт, что психология, по праву претендовавшая на роль лидера человекознания, не обладала должной методологией интегративного познания человека, включая все уровни функционирования психического – персоны, интерперсонального и трансперсонального.

Психологическая практика.

Мы должны признать, что современная российская психология теоретична, но не психотехнична. Собственно, это касается не только российской, но и ортодоксальной психологии Европы и Америки.

Российские и западные психологи, философы обычно предполагают, что интеллектуальное обучение и анализ — «кратчайший путь» к пониманию. К сожалению, часто понимания и анализа недостаточно даже в простых жизненных ситуациях, не говоря об иерархических ступенях интеграции.

Практические методы психологической работы с использованием интегративного подхода включают в себя широкий спектр психологических техник, общим для которых является использование личностного ресурсного потенциала. Современный этап развития психологии выдвигает ряд кардинальных задач по научному и методологическому осмыслению сформировавшихся подходов и поиску новых принципиальных идей, интегрирующих различные научные направления.

Еще в начале 90-х годов мы основали прикладное психологическое направление, которое обозначили «интенсивные интегративные психотехнологии». Мы рассматривали его как систему теорий, концепций, моделей, методов, умений и навыков, которые ведут человека к большей целостности, к меньшей конфликтности, раздробленности сознания, деятельности, поведения.

Интенсивность психотехнологий вызвана следующими причинами:

- огромным массивом кризисных состояний личности, высокой репрезентацией кризисной личности в социуме;
- сжатием времени, убыстрением и уплотнением энергоинформационных процессов в обществе и индивидуальном сознании;
- проявленной потребностью быстрого и эффективного, точного и безопасного разрешения проблем личности за счет расширения ресурсов самоосознания и рефлексии.

Интенсивные интегративные психотехнологии (ИИПТ) появились в начале 90-х годов в России в соответствии с теми проблемами, которые возникли перед социумом и личностью.

Интенсивные интегративные психотехнологии работают на следующих уровнях психики как живой, открытой системы:

- а) физическом и психофизиологическом (работа с физическими, соматическими последствиями стрессов и стрессогенных ситуаций, психофизиологическая саморегуляция и др.);
- б) психологическом (самоисследование, разрешение внутриличностных проблем, личностная трансформация, психотерапия, достижение интеграции личности, ресурсная самореализация и др.);
- в) разрешение социально-психологических проблем личности (проблемы коммуникации и социальной интеракции, социальной адаптации, реализации в общественных связях и отношениях);
- г) разрешение проблем самоактуализации (расширение личностной свободы выбора; открытие внутренних, витальных, интеллектуальных, эмоциональных ресурсов; нахождение глубинной мотивации человека и приобретение права личностью проявить свою индивидуальность);
- д) удовлетворение потребности личности в трансцендировании (нахождение психодуховных измерений личности, определение ответов на основные вопросы человеческого бытия и принятие права на «воплощенное» существование, «примирение человека с Богом», «просветление» и «второе» рождение).

Как показывает опыт масштабных экспериментов и практической работы, интенсивные интегративные психотехнологии удовлетворяют качествам системности, многомерности, целостности.

Высокая адаптивность интенсивных интегративных психотехнологий (ИИПТ) обеспечивается следующими факторами:

- огромной предысторией использования (40 тысячелетий) методов и техник трансформации и интеграции личности;
- тесной связью с эмпирическими техниками самоинтеграции, которые используются людьми в обыденной жизни без теоретического осмысления;
- высокой мерой научности.

В интегративной психологии существует огромное концептуальное поле, а также выверенные психофизиологи-

ческие, социально-психологические, психологические исследования внутри картезианской парадигмы науки, что отвечает принципу научности. Теоретический пласт седьмой волны психологии обладает следующими качествами:

- высокий динамизм;
- открытость;
- губчатость;
- тесная связь с практикой.

Теоретические представления при всем многообразии подходов и направлений имеют ряд общих свойств:

- нелинейность и многомерность пространства, времени и человеческого сознания;
- голографическая, холономная интерпретация психики;
- расширенные карты идентификации сознания;
- технологическое разрешение проблем с опорой на эмпирические практики;
- холистическая ориентированность трансформации.

Теория интегративной психологии имеет следующие истоки:

- духовные и философские (даосизм, буддизм, чань-буддизм, эзотерические направления мировых религий, философский и религиозный мистицизм);
- холономная парадигма науки, сформированная в атомной физике и теории систем (теория относительности А. Эйнштейна, исследования Дэвида Бома и Карла Прибрама - голографическая модель мозга, теория шнура Джеффри Чью, теория диссипативных структур И. Пригожина).

- психолого-философские теории трансперсональной ориентации (Ст.Гроф, К.Уилбер, Ч.Тарт, Р.Дасс, Т.Макена и др.)

- личностно-ориентированные психологические теории (У.Джеймс, З.Фрейд, В.Райх, О.Ранк, К.Г.Юнг, К.Роджерс, А.Маслоу, Ф. С. Пёрлз и др.).

- теории и методы 5 волн психологии.

Психотехнологии мы можем рассматривать на следующих уровнях:

- работа с телом (шаманские психотехники, ориентированные на тело; телесно-ориентированные психотехники, направленные на расширение осознания тела и телесности; фокусированная работа с телом в стилях: массаж (китайские, японские, европейские техники); райхианские техники; рольфинг; различные статические позы; динамические движения; ци-гун; тайцзыцюань; телесные медитативные практики; синтетический массаж; сегментарный массаж; биоэнергетика Боаделла; суфийские техники балансировки энергии; трансовые танцы; ритуальные практики; холистический палсинг; система рейки; випассана; пранаяма и др.).

- индивидуально-психологический уровень (трансактный анализ; психосинтез; юнгианский анализ; суггестивные техники; аутотренинг; тренинг релаксации; техники переформулировки; игротехники; регрессия возраста; реинкарнационная терапия; различные дыхательные техники погружения; направленная визуализация; биографический метод; ребефинг; вайвейшн; холотропное дыхание; свободное дыхание; ДМД; медитация; работа со снами; мандалотехника; терапия искусством и др.).

- социально-психологический уровень (коммуникативные тренинги; тренинги сензитивности; тренинги встреч; психодрама; ролевые игры; тренинг любящих взаимоотношений; гештальт-практики; различные форматы работы: процессы «глаза в глаза»; суфийские ритуальные игротехники; обряды; групповые песнопения; танцевально-двигательные психотехники, групповые ритуальные взаимодействия и т.д.).

- психодуховный аспект (буддистские и даосские техники самоисследования; трансцендентальные медитации; дзогчен; психотехники дзень; глубинный опыт различных сессий гипер, гипоситумляции и погружений в расширен-

ные состояния сознания; молитвенные практики; практики аскезы; ритуальные практики; депривационные практики; направленные визуализации и идентификации; различные инициации и др.).

Интегративная психология в практическом отношении использует различные пласты психотехнической культуры, накопленной в процессе развития человечества.

Интегративная психология реализуется в триединстве - как способ теоретического исследования, как система способов и приемов эмпирического изучения, как профессиональное психологическое, психотехническое,

практическое воздействие или взаимодействие с субъектом (индивидуальным или групповым).

Таким образом, психологическая наука - это не только система принципов, приемов и средств теоретического и эмпирического познания действительности, но также и практического воздействия на нее. Знание является «реализованной силой» в той мере, насколько оно может служить потребностям общества и личности. Психология должна быть «соизмерена» обыденностью человеческого существования и инструментально адаптирована к его проблемам жизни в обществе. Именно это является условием ее эффективности и востребованности.

А.В. Карпов(Ярославль)

МЕХАНИЗМЫ КОГНИТИВНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ПРОЦЕССАХ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского Гуманитарного научного фонда; № проекта 09-06-00269а.

Исследование механизмов и закономерностей психической интеграции является, как известно, одной из важных теоретических задач общей психологии. Данная задача особенно актуальна в русле когнитивной психологии, а исследования, направленные на ее решение, здесь представлены очень широко и разнопланово. Вместе с тем, до сих пор традиционная проблематика когнитивной психологии явно недостаточно включает в себя изучение того, процесса, в котором механизмы психической интеграции выражены наиболее полно и отчетливо, составляют самую его суть. Речь идет о процессе *принятия решения*. В развитых нами в работах (3, 4, 5, 6, 8) представлениях доказано, что данный процесс является синтетическим, интегральным по своей психологической структуре и содержанию. Он формируется и разветвляется как закономерная и целеобусловленная интеграция многих иных психических процессов (когнитивных, эмоциональных, волевых, мотивационных) и образований. Поэтому сама его психологическая природа создает адекватные и даже – естественные предпосылки для изучения общих закономерностей и механизмов психической интеграции. Тем самым процессы принятия решения (ПР) являются не только предметом исследования, но выступают и в функции метода решения одной из основных задач когнитивной психологии – изучения механизмов и закономерностей психической интеграции.

На основе этих представлений нами был реализован в достаточно обширный цикл исследований процессов ПР на материале различных видов и типов профессиональной деятельности, а также в экспериментальных условиях (2, 4, 7, 10). Полученные в нем результаты характеризуются принципиальным сходством, общностью их психологического смысла, что предполагает необходимость аналогичной – то есть также обобщенной их интерпретации. При этом наиболее общей и как бы «сквозной» является закономерность, согласно которой результативные параметры процессов ПР (особенно – качество) *прямо пропорциональны* степени *когнитивной интегрированности*, имеющей место а ходе подготовки и принятия решения. Проще говоря, качество процессов ПР зависит от степени синтезированности, тесноты взаимодействия и организованности основных когнитивных процессов и, скорее всего, определяется этой степенью. Данный результат, повторяем, является общим, поскольку обнаруживается в различных видах деятельности и на различных экспериментальных моделях. Принципиальная же схема исследований, в которых он установлен и изучен, состоит в следующем.

Вначале общая выборка на основе метода «полярных групп» (10, 11, 12) дифференцируется по «внешнему критерию» на три подгруппы («лучших», «средних» и «худ-

ших»); причем, в роли «внешнего критерия» как раз и выступает качество реализации процессов ПР. Затем в двух группах («лучших» и «худших») проводится процедура психодиагностического обследования, направленного на определение уровня развития основных когнитивных качеств и соответствующих им когнитивных процессов. Далее, по отношению к результатам психодиагностического обследования реализуется метод нахождения матриц интеркорреляций продиагностированных качеств и процессов. Данный метод необходимо рассматривать как иной, нежели аналитический, - как *структурный* способ изучения субъектно-процессуальных детерминант тех или иных психических явлений. Он позволяет выявить и охарактеризовать детерминацию какого-либо явления не только в плане его аналитических – «единичных» связей с отдельными индивидуальными качествами и процессами, но и в плане его комплексной – структурной обусловленности их целостными подсистемами. В матрицах представлен исчерпывающий комплекс взаимосвязей исследуемых когнитивных параметров, выраженных в количественных значениях коэффициентов корреляции между уровнями их развития в рассматриваемой выборке. Значимые из этих связей отображаются в виде коррелограмм и подвергаются последующему анализу. Коррелограммы значимых связей эксплицируют поэтому тот комплекс когнитивных параметров (качеств, процессов), а также *паттерн* связей между ними (то есть структуру), который лежит в основе обеспечения того или иного психического образования (в нашем случае – в основе процесса ПР). Следует особо подчеркнуть, что природа этих связей такова, что они не носят, конечно, морфологического характера, а являются *функциональными* и отражают факт сорганизованности когнитивных качеств и процессов в плане реализации определенной цели (например, принятия решения). Поэтому коррелограммы являются адекватным средством отображения тех функциональных синтезов, которые обеспечивают тот или иной психический процесс.

Способы анализа матриц и коррелограмм достаточно разнообразны и подробно описаны в литературе (10, 11, 12). Главными из них являются: определение меры когерентности (интегрированности) коррелограмм; определение меры их дифференцированности и общей организованности; анализ функциональной роли каждого параметра (качества, процесса) в общей их структуре (выявление так называемых «ведущих» и «базовых» параметров; определение степени гомогенности-гетерогенности коррелограмм методом « χ^2 » и др. Особую значимость в анализе матриц и коррелограмм имеет определение трех наиболее обобщенных индексов, предложенных в наших работах (3, 4, 5). Первый из них - индекс *когерентности* структур (коррелограмм) - ИКС; он определяется как функция числа положительных значимых связей в структуре и меры их значимости. При этом обычно учитывают-

ся связи, значимые на $\alpha=0,99$ и $\alpha=0,95$; первым приписывается «весовой коэффициент» 3 балла, вторым – 2 балла. В ряде случаев учитываются и связи, значимые на $\alpha=0,90$ (с «весовым коэффициентом» 1 балл). Полученные по всей структуре «веса» суммируются, что и дает количественное значение индекса. Второй индекс – индекс дифференцированности структур (ИДС); он находится аналогичным образом, но на основе обобщения значимых отрицательных корреляционных связей. Третий индекс – индекс организованности структур (ИОС) является функцией от общего количества положительных и отрицательных связей, а также их значимости и определяется как модуль ИКС и ИДС.

Различия в степени интегрированности когнитивных процессов количественно проявляются именно в величинах ИКС в группах «лучших» и «худших». Эти различия обычно таковы, что измеряются не «в процентах», а «в разгах» и варьируют от 1,5 до 3 раз и выше (2, 4, 5, 6). Безусловно, такой характер различий свидетельствует об их существенности, значимости, что подтверждается и статистически.

Данный результат согласуется с полученными ранее результатами, в соответствии с которыми не только процессы принятия решения, но и иные процессы организации деятельности, а также и вся она в целом тем эффективнее, чем выраженнее интегративные механизмы организации когнитивных качеств субъекта (4). В этих и других исследованиях систематически обнаруживается сходная и, по-видимому, достаточно общая закономерность. Расслоение выборки на «успешных» и «неуспешных», т. е. на «лучших» и «худших» по какому-либо внешнему критерию (деятельностному, результативному - например, эффективности деятельности в целом, эффективности процессов принятия решения в ней и др.) практически всегда обнаруживает большую интегрированность когнитивных процессов и соответствующих им качеств в первой подгруппе.

Зависимость эффективности процессов ПР от меры когнитивной интегрированности, на наш взгляд, вполне естественна. Дело в том, что такая интеграция - синтез когнитивных качеств, процессов ведет, в конечном итоге, к расширению функциональных возможностей как отдельных структур, так и их подсистемы в целом. В основе такого расширения лежит, по-видимому, механизм синергии, эффект системных качеств: отдельные качества и процессы, соорганизуясь, приобретают такие свойства, возможности и потенции, которые выходят за рамки аддитивной совокупности свойств и не обнаруживаются поэтому ни у одного из них, ни у их суммы. Но тогда вполне логично и то, что, чем выше мера такой соорганизации (то есть степень интегрированности), тем полнее и действеннее реализуются механизмы синергии, тем выраженнее эффекты супераддитивности, тем больше «интегративная прибавка» когнитивного потенциала и тем отчетливее ее влияние на конечный результат - внешний критерий.

Системное функционирование частных аспектов когнитивной сферы во многом идентично эффектам ее интегративного проявления в обобщающем показателе уровня развития интеллекта. В этом плане сам интеллект - это и есть эффект интеграции всей системы когнитивных механизмов и процессов, проявляющихся в тех или иных когнитивных качествах. Специально проведенные нами исследования выявили существование значимой ($\alpha=0,95$) связи между уровнем общего интеллекта и мерой интегрированности отдельных когнитивных качеств субъекта (для невербального интеллекта она значима на $\alpha=0,99$) (5).

Следует, однако, подчеркнуть, однако, что эти результаты не вполне согласуются с полученными ранее данными относительно связи уровня интеллекта с мерой

интегрированности когнитивных качеств субъекта (1, 9). Согласно им, между первым и второй существуют, скорее, обратная связь. Например, в (9) установлено, что интеллект коррелирует со степенью дифференцированности структуры когнитивных свойств, с числом отрицательных (а не положительных) связей между ними. В (1) показано также, что с возрастом, то есть - по мере онтогенетического повышения уровня интеллекта также имеет место дифференциация его отдельных проявлений. Аналогичные данные содержатся и в других исследованиях, где, однако, постоянно подчеркивается принципиальная трудность их интерпретации и те противоречия, к которым они приводят. Одно из главных среди них состоит в том, что, согласно этому выводу, придется признать минимальную степень интегрированности интеллекта (то есть, фактически, его дезинтегрированность) у лиц с максимальным его уровнем, что бессмысленно. По нашему мнению, для решения этого - действительного, трудного вопроса и преодоления отмеченного противоречия как раз и должны быть привлечены данные, полученные при изучении когнитивных аспектов организации процессов ПР.

Дело в том, что и в группах с относительно высоким интеллектом, и особенно - в группах высокого качества процессов ПР возрастает не только мера интегрированности когнитивных качеств, но и мера их дифференцированности. Речь при этом идет лишь о доминировании первой (интегрированности) над второй (дифференцированностью). Если сравнить подгруппы «низкого интеллекта» и «высокого интеллекта» (или подгруппы относительно неразвитой и относительно развитой способности к ПР), то во вторых, действительно, мера дифференцированности будет выше, чем в первых. Однако в них же будет выше и мера преобладания интегрированности над дифференцированностью (которая, повторяем, также возрастает, но в меньшей степени, чем интегрированность). Вообще, следует подчеркнуть, что и интегрированность и дифференцированность - это два неразделимо связанных системных механизма интеллектуальной активности.

Далее, следует иметь в виду, что при проведении исследований мы намеренно стремились к возможно более полному охвату всех уровней организации когнитивной подсистемы (начиная от процессов сенсорно-перцептивного уровня и кончая мыслительным уровнем). Отсюда следует, что общая интегрированность обусловлена, в первую очередь, межуровневыми связями когнитивной подсистемы; это - показатель степени интегрированности когнитивной иерархии как таковой. Если же делать акцент на определении меры интегрированности когнитивных качеств какого-либо одного (или двух) уровней, как это было осуществлено в исследованиях, приведших к обратной зависимости интеллекта и интегрированности когнитивных качеств, то на первый план, естественно, выходят внутриуровневая интеграция и дифференциация. В них проявляются связи между различными показателями памяти (мнемический уровень), мышления (мыслительный уровень), то есть связи, обнаруживаемые внутри этих уровней, а не между ними. И в этом плане можно высказать следующую гипотезу.

Общий интеллект определяется мерой межуровневой интеграции и внутриуровневой дифференциации общей иерархии когнитивных процессов. Когнитивная иерархия тем эффективнее, чем более представлены в ней в целом механизмы межуровневой интеграции, а на каждом из ее уровней - механизмы дифференциации. В ее организации (и соответственно, в интеллекте в целом) синтезированы, таким образом, два основных принципа системной организации: иерархический - субординационный, «вертикальный» (реализующийся посредством интегративных механизмов межуровневой организации) и координационный - «горизонтальный» (реализующийся посредством механиз-

мов дифференцирующего типа). Тем самым обеспечивается и синтетическая организация и, в то же время, специализация основных когнитивных функций. Чем выше интеллект, тем больше межуровневая интегрированность и внутриуровневая дифференцированность, и наоборот. Эта трактовка снимает противоречивость существующих экспериментальных данных; показывает реальный - *взаимодополнительный* характер механизмов психической интеграции и дифференциации в структуре интеллекта.

Наконец, важно иметь в виду и то обстоятельство, что дифференцированность когнитивной подсистемы, ее связь с общим интеллектом значительно выше в тех случаях (и, соответственно, в тех экспериментальных задачах), когда в качестве внешнего критерия берутся результаты выполнения каких-либо *познавательных* функций. Именно таким является внешний критерий в отмеченных выше работах (1, 9). Иначе говоря, если интеллект направлен на выполнение собственно познавательных функций, на "решение задач", вообще - на познание, то, действительно, очень отчетливой становится роль механизмов дифференциации. Это и понятно, поскольку в познавательных задачах внешний критерий (качество их решения) зависит, в основном, от высшего уровня когнитивной иерархии - мыслительного. Поэтому здесь доминируют внутриуровневые связи (см. выше). Имеет значение и то, что сама суть познавательных задач и функций связана, прежде всего, с *аналитической* направленностью интеллекта; с ведущей ролью адекватных такой направленности дифференцирующих механизмов. Познание, анализ, действительно, требуют, в первую очередь, именно дифференциальных механизмов интеллектуальной динамики, опираются на них и потому прямо связаны с мерой их выраженности.

Однако иная ситуация имеет место в тех случаях, когда в качестве внешнего критерия используются не "теоретические" - познавательные задачи, а "практические" - деятельностные, регулятивные задачи и функции. Они связаны непосредственно уже не с анализом (хотя, конечно, предполагают и его), познанием, а с организацией *целостной* деятельности и отдельных ее компонентов (например, с обеспечением процессов принятия решения), что предполагает ведущую роль собственно *синтетических* механизмов. Как было показано нами ранее, в структуре психики существует качественно специфический класс процессов - интегральные процессы психической регуляции деятельности и поведения. Они имеют принципиально иную, нежели у когнитивных процессов, направленность и функциональное предназначение - *регулятивную* (а не познавательную). Они поэтому синтетичны и по своему содержанию и по своей направленности. Это - процессы "эфферентного синтеза" деятельности и поведения; они реализуются на основе *всей* системы когнитивных (и иных) процессов, на основе синхронизированного вовлечения всех уровней когнитивной иерархии, то есть на базе межуровневой интеграции когнитивных процессов. Поэтому в них объективно ведущими являются не механизмы интеллектуальной "специализации" - дифференциации, а механизмы синтеза - интегративные механизмы. Именно это и обнаруживается в прямой зависимости эффективности ПР (как одного из представителей класса интегрально-регулятивных процессов) и степени когнитивной интегрированности.

В свете сказанного становится очевидной также некоторая надуманность, и даже схоластичность, дискуссии о том, с чем связан интеллект - с дифференциацией когнитивных функций или с их интеграцией? Интеллект и как психическая структура и как онтологическая реальность гораздо сложнее и совершеннее, чем его уровень у любого из исследователей интеллекта и, соответственно, - чем та концентуализация, на которую способен его исследо-

ватель. Он богаче тех "представлений об интеллекте", которые отображаются и постоянно меняются на собственно концептуальном уровне познания. Интеллект, как это следует из представленных выше данных, характеризуется способностью трансформации самого *принципа* своего актуального функционирования. Если внешние задачи несут, по преимуществу, аналитико-познавательный характер, доминантными выступают дифференцирующие механизмы. Они адекватны сути *дивергентного мышления*. Если же внешние задачи несут преимущественно практический, а значит - синтетический характер, доминантными являются интегративные механизмы. Они отражают специфику *конвергентного мышления*. Интеллект - это не только качество реализации того или иного когнитивного механизма (точнее - системы механизмов); это - и способность к *выбору* наиболее адекватного ситуации механизма функционирования; к определению приоритетов между ними в зависимости от ситуации; наконец, - к *генерации* самих этих механизмов, к порождению новых принципов своей собственной организации. Поскольку, однако, ни одна ситуация не является ни "чисто познавательной", ни "чисто преобразовательной", а включает компоненты обоих этих типов, то в любой ситуации представлены как дифференцирующие, так и интегративные механизмы интеллекта, а речь может идти лишь о той или иной пропорции между ними. В свете этого, кстати говоря, получает свое естественное решение старая проблема соотношения так называемого "теоретического" и "практического" мышления.

Рассмотренные выше результаты приобретают дополнительный смысл в том случае, если учесть еще одну группу закономерностей, полученных в ходе исследования процессов ПР. Так, при изучении одного из наиболее сложных классов процессов ПР - управленческих решений нами было установлено, что качество управленческих решений находится в *обратном* отношении с *мерой связи* системы когнитивных процессов и личностных свойств субъекта. Иначе говоря, одним из условий достаточно высокого качества управленческих решений выступает относительная *автономность* этих подсистем индивидуальных свойств субъекта; субдоминантный, а не ведущий характер функциональных связей и взаимодействий между ними. Эти данные не вполне согласуются с обыденными, привычными представлениями. Согласно им, наоборот, так называемое "*единство*" ума и личности руководителя, "сплав его воли и интеллекта" и т.п. трактуются как залог эффективных решений и успешного руководства.

Однако при более глубоком анализе полученного результата, он предстает как вполне естественный и объяснимый, даже - как *необходимый*. Более того, его причины коренятся в достаточно общих особенностях организации (в том числе - и личностной) процессов выбора; они зафиксированы и в общих закономерностях теории решений.

Действительно, в когнитивно-личностной автономии проявляется следующая общая и в принципе известная в теории решений закономерность. Согласно ей, чем в меньшей степени *когнитивные* механизмы выработки решений подвержены "деформирующему" влиянию со стороны любых иных, внекогнитивных, факторов, тем эффективнее, "рациональнее" сами решения. Эта закономерность подробно рассмотрена в таких фундаментальных школах теории решений, как "теория ограниченной рациональности" Г.Саймона (16) и теория "познавательных уклонов" А.Тверского и Д.Канемана (17). Более того, считается, что именно мера и "чистота" представленности в общем процессе решения собственно когнитивных процедур механизмов, процессов и свойств субъекта вообще является *главным* условием рационального и, следовательно, эффективного решения. Наоборот, лю-

бое возмущающее воздействие со стороны внекогнитивных факторов приводит к "отходу от рациональности в выборе" (Г.Саймон (16)), к возникновению "когнитивных уклонов" и к "деформациям рационального выбора" (А.Тверский (17)). Последние, как показано в теории решений (3, 13, 15), являются двойными - ситуативными (обусловленными негативным влиянием параметров ситуации) и личностными (обусловленными стабильным влиянием личностных свойств субъекта выбора). Чем в большей степени они выражены, тем ниже эффективность решений. В свете этого очевидно, что подобное влияние как раз и должно проявляться в наличии устойчивых и значимых функциональных связей между когнитивными и личностными качествами. Чем больше таких связей, тем более субъективны, но менее рациональны и, в конечном итоге, эффективны решения. И наоборот, невыраженность взаимосвязей когнитивных и личностных качеств, их функциональная автономия является предпосылкой для рациональных, эффективных решений. Последнее как раз и проявилось в результатах исследования: мера когнитивно-личностной автономии существенно выше (в 3,5 раза) в группе "успешных".

Отметим также, что данный результат, несмотря на его видимую противоположность традиционной точки зрения о "единстве интеллекта и личности руководителя" (см. выше), в действительности, вполне согласуется с ним и даже его развивает. Дело в том, что процессы управленческих решений и, тем более, управленческая деятельность в целом имеют не один результативный параметр, а систему таких параметров, оценочных критериев, показателей. В частности, это и их качество (что выступало главным внешним критерием в наших исследованиях), и их надежность. Последняя, как известно, определяется как вероятность поддержания качественных параметров решений (и деятельности в целом) на допустимом уровне в течение заданного времени.

Кроме того, в параметр надежности входит и устойчивость решений (и деятельности) к воздействию экстремальных условий любого типа. Проведенные нами ранее исследования показали, что именно этот параметр - надежность - существенно и статистически достоверно связан с мерой общей интегрированности когнитивных и личностных качеств (5). Он определяется поэтому не их автономностью, а наоборот, синтезированной, функциональным взаимодействием. Следовательно, от величины когнитивно-личностной интегрированности зависит не качество решений, а их надежность (особенно при воздействии неблагоприятных - субэкстремальных и экстремальных факторов). И, наоборот, от степени когнитивно-личностной автономии зависит качество, а не надежность. Поэтому "жесткость" личностного контроля относится, в

первую очередь, к сохранению качества решений на том или ином уровне; обеспечение же этого качества - функция не "жесткости" личностного контроля решений, а наоборот, - их "свободы" от него. Кроме того, отметим, что в найденной закономерности проявляется также общая тенденция обратной связи между качеством и надежностью как двумя основными результативными параметрами. В свете изложенных данных эта закономерность, однако, не только получает свое объяснение, но становятся понятными и те психологические механизмы, которые ее обуславливают.

Литература

- Ананьев Б.Г., Степанова Е.И. (ред.). Развитие психофизиологических функций взрослых людей. М., 1972. 267 с
- Карпов А.В., Шадриков В.Д. Психологический анализ процессов принятия решения // Психологический анализ деятельности. Ярославль: ЯрГУ, 1982. С.22-98.
- Карпов А.В. Методологические основы психологии принятия решения. Ярославль, 1999. 210 с
- Карпов А.В. Психология принятия решения в профессиональной деятельности. М.: ИП РАН, 1991. 168 с.
- Карпов А.В. Психология принятия управленческих решений. М., 1998. 472 с
- Карпов А.В. Общая психология субъективного выбора: структура, процесс, генезис. М., 2000. 218 с
- Карпов А.В. Разработка принципов психодиагностики интегральных способностей // Способности и деятельность. Ярославль: ЯГПУ, 1989.
- Карпов А.В. Психология менеджмента. М., 1999 580 с.
- Луковников Н.Н. Нарастание дифференциации как закономерность развития психических процессов // Психол. журн. - 1985. - Т. 6. - № 1.
- Методология и методика подготовки операторов // Отчет о НИР № 93 / Научн. рук. В.Д. Шадриков. Ярославль, ЯрГУ, 1978. - 420 с.
- Суходольский Г.В. Основы математической статистики для психологов. Л.: ЛГУ, 1972. 450 с.
- Шадриков В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М., 1982. 180 с.
- Axelrod R.M. Framework for a general theory of cognition and choice. Stanford, SUP, 1972. - 317 p.
- Kahneman D., Slovic P., Tversky A. Judgement under uncertainty. Cambridge, CVP, 1982. - 555 p.
- Organizational psychology (Ed. by D.A.Kolb et al.). Prentice Hall, Englewood Cliffs. N.J. 1984. - 639 p.
- Simon H.A. New Science of management decision. N.Y., 1960. - 224 p.
- Tversky A., Kahneman D. Judgement under uncertainty: heuristics and biases // Science, 1974, V.185. - P.1124-1131.

Кашапов М.М. (Ярославль) **Специфика закономерностей, механизмов и принципов творческого профессионального мышления**

Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ; № проекта 08-06-00300а

Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ; № проекта 07-06-00279а

Проблема исследования профессионального мышления является одной из фундаментальных в когнитивной психологии. Её значимость обусловлена ролью мышления профессионала в организации и осуществлении собственной деятельности. К настоящему времени достаточно хорошо изучены общепсихологическая феноменология, закономерности и механизмы мышления, зависимость его от возрастных, индивидуальных и других особенностей субъекта, в том числе и когнитивных

(А.В.Брушлинский, Ю.Н.Кулюткин, А.К.Маркова, Л.М.Митина, А.А.Орлов, Е.К.Осипова, А.А.Рван, К.М.Романов, Е.А.Сергиенко, Г.С.Сухобская и др.), но до сих пор не разработана теория творческого профессионального мышления.

В деятельности профессионала прослеживаются все его нерешенные проблемы. Основой их решения является переход от интуитивного ощущения принципов, законов и закономерностей, которым подчиняется профессиональная деятельность, к их познанию, осмыслению и сознательному учёту и применению делает профессионала хозяином положения, а не рабом обстоятельств, плетущегося в хвосте событий. Знание закономерностей открывает новые горизонты творческого поиска, избавляет от

блуждания в потёмках, позволяет быстрее и увереннее находить верные решения профессиональных проблем. Иначе формируется усредненность, стереотипность мышления. Поэтому становится очевидной важность понимания практического смысла закономерностей творческой деятельности и умения этим пользоваться.

Необходимую закономерность творческого мышления, его начальный момент составляет возникновение проблемности. Знание причин возникновения рассогласований, затруднений в психологической деятельности позволяет своевременно разработать меры по их предупреждению, повысить уровень профессионализма в разрешении проблемности. Возникновение проблемности побуждает мысль к поиску недостающей информации, ее анализу и синтезу. В качестве значимых черт проблемности можно выделить наличие у субъекта потребности в их решении, причем принципиально новым, ранее не используемым способом. Проблемности порождают у субъекта потребность в выработке различного рода внутренних регуляторных схем, позволяющих более эффективно организовывать свои мыслительные действия.

Человек, по мнению А.Эйнштейна, не сможет решить проблему, если решает ее на том же уровне, на котором был, когда осознал эту проблему. Умение обнаруживать надситуативную проблемность в решаемой проблемной ситуации связывает воедино практическое и теоретическое мышление профессионала, т.к. от разрешения частных конкретных задач происходит переход к нахождению общих закономерностей, принципов решения профессиональных проблем. Например, руководитель от решения задачи организации работы подчиненного переходит к решению вопросов организации и создания конструктивных конфликтов, развивающих личность подчиненного. Содержание надситуативной проблемности по своему семантическому объему является более полным, чем содержание ситуативной проблемности.

Умение устанавливать надситуативную проблемность позволяет познавать и управлять причинно-следственными отношениями. За конгломератом частных профессионал видит общие тенденции, закономерности развития познаваемых явлений. Проблемность является закономерностью самостоятельной мыслительной деятельности. Теоретичность профессионального мышления означает умение исходить из закономерностей и принципов теории, значимой для практической деятельности. Индивидуальность характеризуется тем, что общие закономерности и принципы теории становятся достоянием личности профессионала. Закономерности мышления профессионала приобретают особые оттенки в силу его сильных и слабых сторон. Лучше всего он справляется с производственными задачами, в решении которых опирается на самые сильные стороны, как своей личности, так и решаемой ситуации.

Какова специфика психологических закономерностей творческого разрешения профессиональных проблемных ситуаций?

Эмпирическим путем нами обнаружены закономерности целостной организации процессов профессионального мышления [5-7, 10]. Они, как это и было спрогнозировано, принадлежат к закономерностям интегративного типа. К ним, в частности, относятся следующие закономерности: чем «ниже» уровень профессионального мышления, тем большую роль играют процессы и качества оперативной переработки информации о ситуационных характеристиках; чем «выше» уровень, тем большую роль играют качества надситуативного осмысления и понимания информации, личностные особенности субъекта; отсутствует значимая и стабильная связь между продуктивностью профессиональных решений и характеристиками развития отдельных психических свойств, личностных качеств,

но она существует между продуктивностью этих решений и степенью их интегрированности в структуры; оптимальность профессиональных решений в большей мере определяется не автономными влияниями со стороны отдельных компонентов профессионального мышления, а эффективностью их взаимодействия, которое обусловлено закономерностями как повторяющимися связями между элементами.

Закономерности творческого мышления с одной стороны, базируются на общих законах мышления, а с другой стороны, имеют свою специфику. Закономерность мышления – это причинно-следственные отношения, определяющие направление и эффективность мыслительного процесса. Творчество, согласно психологической закономерности, установленной Я.А.Пономаревым, является таковым лишь до тех пор и в тех ситуациях, в которых происходит саморазвитие личности, что невозможно без опоры на резервы самоуправления личности [10]. Творческая личность чаще отклоняется от жестких стандартов, не боится любых форм поведения, в том числе и детских. Это помогает человеку наиболее взвешенно относиться к ситуации. Каждый человек является творцом, если он активно занимается саморазвитием. Проявление закономерностей творческого профессионального мышления характеризуется подъемами и спадами. Один и тот же фактор (например, аттестация) может помогать или мешать развивать профессионалу свои творческие способности. Поэтому остро встает проблема психологического сопровождения профессионала.

Для успешного управления процессом становления и эффективного функционирования творческого мышления профессионала представляется целесообразным учитывать его закономерности. Зная общие закономерности в отношениях между людьми и овладев, хотя бы, азами осмысления взаимопонимания, мы можем улучшить отношения с теми людьми, общение с которыми для нас значимо.

Под законом, как сущностном обобщении, понимаются устойчивые, повторяющиеся, внутренне необходимые связи между явлениями. А закономерности приобретения социокультурного опыта характеризуют способности обучаемых к применению социальных действий, социального мышления, социального взаимодействия, имеющих эффект в профессиональной деятельности. Социальные действия предполагают развитие двух типов мышления у обучаемого: ситуативного, обеспечивающих профессиональное, деятельностное развитие специалиста и надситуативного - ориентированного на социальное достижение (социальный успех, личностное развитие профессионала). Два типа мышления предполагают функциональный и аксиологический уровни развития субъекта. Функциональный уровень развития субъекта характеризует цели, которые согласованы с его технико-нормативными возможностями. Обучаемый действует исходя из наличия определенных навыков в достижении соответствующих целей. Его действия характеризуются нормативно-одобренным способом осуществления профессиональной деятельности. Аксиологический уровень развития выражает жизненные смыслы субъекта, их взаимосвязь с общей системой ценностных ориентаций в социокультурной среде. В случае несоответствия целей возможностям субъекта осуществляется не редукция целей, а разрабатывается задача саморазвития соответственно достигнутому уровню самосознания, уровню притязаний, жизненной и профессиональной стратегии. Аксиологический уровень социальных достижений и личностного развития актуализируется на практическом уровне поведения субъекта.

Закономерности функционирования творческого профессионального мышления неразрывно связаны с зако-

номерностями протекания инновационных процессов, среди выделяется четыре закона: 1. Закон необратимой дестабилизации профессиональной инновационной среды. 2. Закон финальной реализации инновационного процесса. 3. Закон стереотипизации профессиональных инноваций. 4. Закон цикловой повторяемости, возвращаемости профессиональных инноваций.

Конкретное проявление любого общего закона психологии всегда включает в себя, по мнению Б.М.Теплова, фактор личности, фактор индивидуальности [15, С. 170]. Закономерности творческого мышления с одной стороны, базируются на общих законах мышления, а с другой стороны, имеют свою специфику. Закономерность мышления – это причинно-следственные отношения, определяющие направление и эффективность мыслительного процесса.

Самой постоянной характеристикой жизни является ее постоянное изменение. Что нужно для того, чтобы жить и трудиться в этом изменяющемся мире? 1. Умение работать с новой информацией. 2. Быть готовым к новому. 3. Человек сам должен быть изменяющимся, должен быть креативным. Поэтому становление креативной личности подчиняется следующим закономерностям:

Чувствительность к проблемным ситуациям и формулированию проблем.

Если среда удовлетворяет познавательной потребности, то происходит развитие креативной личности.

Уровень развития академического интеллекта гарантирует успехи в школе, но не в жизни. Поскольку в жизни, по мнению Р.Стернберга, требуется высокий уровень развития практического интеллекта [11]. В школе же дети с низким интеллектом получают высокие баллы по оригинальности мышления.

В результате анализа научной литературы и обобщения результатов наших исследований можно выделить ряд закономерностей психического развития, как повторяющихся связи между элементами, которые оказывают влияние на развитие творческого мышления профессионала: 1. Неравномерность и гетерохронность. Например, развитие профессионального мышления может опережать личностное развитие и наоборот. Однако, первое может опережать второе лишь до определенного уровня профессионализма. 2. Преемственность психического развития, которая выражается в том, что последующие стадии развития связаны с предыдущими периодами, которые при этом перестраиваются. 3. Сензитивность психического развития характеризуется тем, что человек на определенных этапах развития наиболее чувствителен к выработке определенных качеств творческого мышления. 4. Случайность – одно из частных проявлений закономерности. Умение в любом, даже случайном явлении видеть определенные причинно-следственные связи является одной из важных характеристик творческого мышления. 5. Высокий уровень интеллекта характеризуется отсутствием связи с креативностью, а средний уровень – положительной связью с креативностью.

Важно понимать практический смысл закономерностей и механизмов творческой деятельности и уметь адекватно и оперативно этим пользоваться. А в целях управления процессом формирования творческого мышления необходимо познать его психологическую природу. Эффективность психологических механизмов и закономерностей творческого мышления возрастает, когда они выступают комплексно. В качестве психологических механизмов и закономерностей нами были выделены те, которые способны оказывать наиболее действенное влияние на развитие качеств творческого мышления профессионала. Чтобы добиться успеха в формировании творческого мышления профессионала важно создать такие условия образовательной, социальной и профессиональной среды, выстроить такие конструктивные отношения, кото-

рые становятся средствами развития творческой личности специалиста, поскольку творчество является залогом физического и психологического здоровья, а также благополучного долголетия.

Знание закономерностей явлений, как считает Г.С.Альтшуллер, даёт ключ к управлению ими [1]. Незнание этих закономерностей делает явления роковыми. Закономерности не бывают ни плохими, ни хорошими. Они м.б. "ещё неизвестными" или "уже известными". Новая ситуация в психологической науке выводит к проблемам, которые связаны с уточнением предмета, выявлением в науке соотношения теоретико-методологического и прикладного, определением взаимосвязей с естественными, общественными и техническими науками. В частности, важно выделять не только философский или общенаучный уровни методологии, но и ее конкретно-научный и процедурно-методический уровни. Именно в рамках такой методологии стала возможной реализация целостно-интегративного, акмеологического подхода. Акмеологический подход, кроме того, предполагает целостность и интеграцию в рамках единой системы не только исследовательских, но и деятельностных, развивающих моделей, алгоритмов и технологий.

Принципиальным для акмеологии является вывод, касающийся ключевого положения методологического основания - закономерностей. Прежде всего, можно выделить то, что характерно и является общим для психологических и акмеологических закономерностей.

Во-первых, акмеологические закономерности (как и психологические) есть не что иное, как устойчивые связи или отношения.

Во-вторых, акмеологические закономерности (как и психологические) одновременно объективны и субъективны.

В-третьих, акмеологические закономерности характеризуются повторяемостью, не только как "внутреннее" устойчивое проявление определенных характеристик, но и как "внешняя" выраженность в более широкой, открытой системе.

В-четвертых, акмеологические закономерности сходны с психологическими еще в том, что они относятся к четвертому и пятому уровню законов (закономерностей), а именно к закономерностям, отражающим процессы психического развития человека, и закономерностям связей между различными уровнями организации психических процессов и явлений.

В-пятых, акмеологические закономерности относятся к классу "законов-тенденций", обладающих некоторой "нежесткостью", варианностью вокруг устойчивого общего.

Следует также отметить наличие существенных отличий акмеологических закономерностей от закономерностей других наук. Они заключаются в следующем: 1. Существенно меньшая вариантность по сравнению с другими и, прежде всего, психологическими закономерностями. 2. Технологическая направленность, охватывающая потенциальный, актуальный и модельно-прогностический компоненты исследуемого объекта. 3. Акмеологические закономерности обладают потенциальными, связанными с возможным развитием субъекта характеристиками. 4. Ярко выраженная специфичность существенных характерных связей, которая обусловлена предметом науки и др.

Учет всего отмеченного круга вопросов дает возможность более зримо и убедительно определить предметное поле акмеологии. Приоритетным в нем, безусловно, является Человек, реальный носитель собственного опыта и социальных ценностей. Его "АКМЕ" - это вершина, пик, оптимум, совершенство самого человека и всех его макрохарактеристик, связей и отношений. Такое состояние достигается и проявляется в конкретных условиях и ситуациях.

Интеллект у человека, по мнению Б.М.Теплова, один и едины основные механизмы мышления, но различны формы мыслительной деятельности, поскольку различные задачи, стоящие в том и другом случае перед умом человека» [15, С. 114]. Им было показано, что основные элементы мышления едины, они своеобразно функционируют при решении тактических и стратегических задач. Должны присутствовать такие черты, как «схватывание» целого при одновременном внимании к деталям, умение находить быстрое решение, способность к предвидению и др. Механизмы творческого профессионального мышления невозможно понимать без учета механизмов развития психики.

Механизм развития психики (по мнению Л.С.Выготского) – это усвоение социально-исторических форм деятельности. К основным психологическим механизмы формирования высших психических функций относятся: 1. Механизм интериоризации распределенной деятельности. 2. Механизм «осмысления» элементов распределенной деятельности на основе символизации (прежде всего на основе реального включения в соответственные отношения, свойственные взрослым). При этом за счет управляемого формирования коллективно распределенной деятельности в ученических коллективах можно добиться такого положения, когда личные цели учащегося становятся подчиненными коллективным. Для целенаправленного формирования смысла той или иной деятельности необходимо использование особых организационно-игровых методов, реально моделирующих распределение интенсивных эмоциональных состояний при опоре на идею ответственности, свойственную коллективизму взрослых [3].

Как профессионал воспринимает и осмысливает ситуацию, так он и поступает. Его творческие мысли определяют соответствующие действия, направленные на эффективное разрешение конкретной ситуации. Управлять процессом становления и совершенствования творческого мышления профессионала возможно при условии учета многоуровневости и единства психологических закономерностей и механизмов его функционирования.

Идея многоуровневости, интегральности когнитивных образований, представленная в работах В.Д.Шадрикова, В.Н.Дружинина, А.В.Карпова, Е.А.Сергиенко, В.В.Знакова, М.А.Холодной, В.И.Панова и др., имеет, на наш взгляд, непосредственное отношение к рассмотрению психологических механизмов, под которыми понимается система различных условий, средств, отношений, связей и других психических явлений, обеспечивающих развитие качеств творческого мышления. Механизм творческого акта состоит, по мнению Д.Н.Завалишиной, в «выходе за пределы» исходного уровня психического обеспечения деятельности, преобразования ситуации, в подключении (или специальном формировании) новых «пластов», «планов» психической организации субъекта. В результате продуктивный процесс становится многомерным, гибким [4, С. 21].

Профессиональное же мышление, наряду с общими механизмами, имеет свою специфику, которая определяется своеобразием решаемых задач и условиями труда. Проведенный теоретический анализ, а также обобщение эмпирических данных, полученных в ходе исследования специфики творческого мышления на разных этапах профессионализации (двузоровский, вузовский и послевузовский), а также в различных видах профессиональной деятельности (Е.В.Коточигова, Т.Г.Киселева, Ю.В.Скворцова, Т.В.Огородова, С.А.Томчук, О.Н.Ракитская, А.В.Лейбина и др.), позволяет отметить, что существуют механизмы тормозящие (актуализация дистрессового опыта, самоосуществляющийся прогноз, драматизация). А также поз-

воляет выделить следующие механизмы, повышающие эффективность профессионального мышления.

I. Механизмы операционной интеграции отвечающие на вопрос «Каким образом?» – это внутренние психические образования когнитивных действий, участвующих в процессе переработки профессиональной информации и принятии решений. Такие механизмы обогащают функциональную систему познавательных процессов человека и адаптируют её к профессиональной деятельности, которую человек осваивает.

1. Механизм «анализ через синтез». Поиск неизвестного с помощью механизма «анализ через синтез», по мнению С.Л.Рубинштейна, означает выявление свойств объекта через установление его взаимосвязей с другими объектами [14]. В процессе решения любой задачи происходит расчленение ее на несколько частей: что известно, что надо найти (анализ), а потом результаты решения данных вопросов объединяются в единый способ, который и будет ответом к задаче. Одним из методов изучения мыслительных механизмов, определяющих успешность производственной деятельности, может служить анализ развивающегося отражения профессионалом ситуации своей деятельности (через анализ представленности в сознании знаний о ней).

2. Механизм поиска неизвестного на основе взаимодействия интуитивного, спонтанного и логического, рационального начал. Ход удовлетворения потребности в новом знании всегда предполагает интуитивный момент, вербализацию и формализацию его эффекта; то решение, которое можно назвать творческим, не может быть получено непосредственно путем логического вывода. Рождение нового связано с нарушением привычной системы упорядоченности: с переструктурированием знания или с достраиванием знаний посредством выхода за пределы исходной системы знаний.

II. Функциональные механизмы отвечающие на вопрос «Для чего?». 1. Механизм интерпретационных обобщений. Интерпретация предполагает понимание не только того, что происходит, но и того, что это значит для личности, как на нее влияет. Интерпретация в этом значении становится возможной в ситуации социального взаимодействия и характеризуется выработкой своего отношения к познаваемому.

2. Механизм актуализации айстрессового опыта: творчески думающий профессионал начинает мыслить от продуктивного, успешного завершения ситуации. Ориентация на достижение позитивного, нового отличает эффективного профессионала от неэффективного.

Данные механизмы обеспечивают формирование, коррекцию, создание новых интеллектуальных качеств профессионального мышления.

III. Уровневые механизмы отвечают на вопрос «Каковы границы ситуации?», «Каковы параметры – актуальные, перспективные - осмысления ситуации?».

1. Механизм перехода с ситуативного уровня профессионального мышления на надситуативный позволяет профессионалу в более полной мере актуализировать собственный творческий потенциал [4, 5]. Такой механизм осуществляется через речевые конструкции + рефлексивные средства (осознание того, что стоит за рамками конкретной ситуации. Реализация мета-позиции в осмыслении происходящего характеризуется отсутствием ситуационной, внешней детерминистической зависимости) + внешняя помощь (обучение приемам надситуативного мышления). Учет данного механизма позволяет успешно формировать у будущих специалистов приемы надситуативного мышления как психологическую основу творческого профессионального мышления. Актуализация данного механизма осуществляется с помощью способности к самотранценденции, означающей способность человека

к выходу за пределы наличной ситуации, обеспечивающей ему возможность самоизменений и саморазвития. Находясь внутри ситуации трудно понять, что происходит. Нужно подняться над ситуацией. Для этого необходимо установить общности между элементами проблемности компетенции, возникающими в профессиональной деятельности, и элементами проблемности компетентности, затрагивающими личностные характеристики субъекта профессиональной деятельности. Характер выполняемой деятельности неизбежно изменяется под влиянием изменившегося субъекта мышления. Человек, приобретая адекватные профессиональной деятельности особенности мышления, в определенной степени изменяет саму эту деятельность. Благодаря актуализации данного механизма осуществляется выход на продуктивные виды деятельности. Установить механизм функционирования надситуативного уровня профессионального мышления можно с помощью метода динамического моделирования. Данный метод основан на процессе распознавания и классификации решаемых ситуаций.

2. Механизм когнитивной интеграции. Д.Н.Завалишина, рассматривая механизмы функционирования зрелого интеллекта, выделяет механизм операционной интеграции, основной формой реализации которого является постоянное образование новых операционных структур, представляющих собой достаточно устойчивые, целостные интеграции различных операционных элементов (перцептивных, логических, интуитивных), адресованных разным аспектам действительности.

IV. Личностные механизмы отвечают на вопрос «Кто?» и обеспечивают процессы личностной адаптации: **1. Механизм саморегуляции** означает сознательное воздействие профессионала на самого себя с целью реализации своего творческого потенциала. Когнитивная перестройка (по Ж.Пиаже) как смена наглядно-образных операций, дологических на формально-логические) «запускает» в определенном роде и качественные изменения профессионального творческого мышления, прежде всего, развитие самосознания, рефлексивности как способность к самоизменению. Данные изменения можно отнести к составляющим регуляторного компонента профессионального творческого мышления. Механизм творческого мышления как способ конструктивной саморегуляции и саморазвития личности в проблемно-конфликтной ситуации составляет конфликт интеллектуальных содержаний и рефлексивно осмысленных и отчужденных личностных содержаний [9]. Субъектная саморегуляция являясь важным психологическим механизмом рассматривается как сложное многокомпонентное психологическое образование личности, характеризующееся способами самоактуализации личности, при котором достигается (или нет) целостность и автономность саморазвивающейся и перспективной профессионала (К.А.Абульханова-Славская, Л.Г.Дикая, А.О.Прохоров).

2. Психодинамические механизмы характеризуются, по мнению З.Фрейд, тем, что творческую активность можно рассматривать как результат сублимации, смещения полового влечения на другую сферу деятельности: в результате творческого акта лежит всегда опредмеченная в социально-приемлемой форме сексуальная фантазия. Э.Фромм психологические механизмы рассматривал исходя из понимания креативности как способности удивляться и познавать, умения находить решения в нестандартных ситуациях, как нацеленности на открытие нового и способности к глубокому осознанию своего опыта [17]. Динамическая регуляторная система, по мнению О.К.Тихомирова, формируется здесь и сейчас и проявляется в регулировании смысла [16].

3. Механизм самооценки – оценивание профессионалом своих действий и деятельности в целом и внесение в

нее конструктивных изменений и корректив на основе анализа творческих ресурсов. Самооценка как оценка личности самой себя, своих возможностей, качеств и места среди других людей, является важным регулятором мышления и поведения личности.

V. Деятельностные механизмы отвечают на вопрос «Что?» и обеспечивают профессиональную адаптацию, идентификацию и оптацию. **1. Механизм творческой рефлексии:** осознание и понимание, каким образом происходит творческое изменение и улучшение деятельности. Применение рефлексии способствует расширению и увеличению зоны внутреннего плана и внешней активности. Взаимосвязь внешнего (предметного) и внутреннего (модельного) планов действий составляет основу психологического механизма творческой деятельности человека. Данный механизм характеризуется переосмыслением и перестройкой субъектом содержаний своего сознания, своей деятельности, направленной на преобразование себя, своих личностных черт, в том числе креативных, и окружающего мира.

2. Механизм соотношения осознанных и неосознаваемых компонентов мыслительной деятельности. Творческий акт как включенный в контекст интеллектуальной деятельности рассматривается Я.А.Пономаревым через призму соотношения осознанных и неосознаваемых механизмов по следующей схеме: на начальном этапе постановки проблемы проявляет активность сознание, затем на этапе решения – бессознательное, а отбором и проверкой правильности решения на третьем этапе занимает сознание.

3. Механизмы диссоциации и ассоциации. Работа профессионала не может стать творческой, если не обеспечены её механизмы диссоциации и ассоциации. Разложить действительность на элементы, освоить их для того, чтобы потом в конкретных условиях быть способным воссоединить их в необходимой – соответственно ситуации и поставленной цели! – комбинации, – вот суть творчества. Обратимость мышления означает умение мыслить от конца к началу, от дебюта к финалу, от заведомого поражения к реальной победе. С помощью ассоциативного механизма осуществляется поиск неизвестного. Под ассоциациями понимается установление взаимосвязей между явлениями на основе наличия у них сходных или различных признаков.

4. Механизмы интериоризации и экстериоризации. Соотношение интериоризации и экстериоризации рассматривается как проявление двух сторон единого эвристического процесса. Интериоризация как формирование внутренних структур человеческой психики осуществляется благодаря усвоению структур внешней социальной деятельности (П.Жане, Ж.Пиаже, А.Валлон и др.). Экстериоризация (от лат. exterior – наружный, внешний) – процесс порождения внешних действий, высказываний и т.д. на основе преобразования ряда внутренних структур, сложившихся в ходе интериоризации внешней социальной деятельности человека. Поиск неизвестного осуществляется с помощью следующих эвристических приемов: а) переформулирование требований задачи; б) рассмотрение крайних случаев; в) блокирование составляющих; г) аналогия.

5. Позитивное переструктурирование своего опыта является, по мнению Р.Ассаджолли механизмом самораскрытия творческого процесса [2]. Одним из основных психологических механизмов самораскрытия творческого процесса является позитивное переструктурирование своего опыта. Рождение нового связано с нарушением привычной системы упорядоченности: а) с переструктурированием знания или с его дестраиванием; б) с переструктурированием проблемной ситуации посредством модификации тех или иных базисных черт её проблемно-

сти, что влечет за собой изменение в межличностном взаимодействии; в) осуществления выхода за пределы исходной системы знания. Р.Ассаджоли рассматривал творчество как процесс восхождения личности к "идеальному Я", как способ её самораскрытия. Одним из основных психологических механизмов самораскрытия творческого процесса является позитивное изменение своего опыта.

6. *Механизм синергетической альтернативы* является способом снятия рассогласований в профессиональной деятельности. Данный механизм характеризуется обнаружением такого варианта выхода из ситуации, который не только устранял бы её исходную противоречивость, но и заставлял бы сами противоречия «работать» на преодоление друг друга. Работа профессионала не может стать творческой, если не обеспечены её механизмы диссоциации и ассоциации. Разложить действительность на элементы, освоить их для того, чтобы потом в конкретных условиях быть способным целенаправленно воссоединить их в необходимой комбинации, - вот суть творческого мышления профессионала. Поэтому неслучайно В.Д.Шадриков считает, что в качестве операционных механизмов мышления выступают познавательные способности, причем в мышлении отдельные познавательные способности интегрируются, проявляются системно в режиме взаимодействия [19, С. 236].

Знание психологической природы механизмов творческого мышления позволяет более адекватно рассматривать критерии их сформированности. Согласно М.А.Холодной, к сформированности механизмов метакогнитивной регуляции интеллектуальной деятельности имеют отношение когнитивные стили [18]. Когнитивный стиль характеризуется устойчивыми способами приема и переработки информации, проявляющимися в индивидуальной специфике организации познавательных процессов, влияющими на все уровни ментальной иерархии, включая личностные и интеллектуальные особенности, в том числе принципы творческого мышления. Учет принципов позволяет выработать общий подход к исследованию и формированию творческого профессионального мышления.

Творческое мышление неразрывно связано с осознанием господствующих идей. Развитие способности к осознанию поляризующей идеи в данной области знания и освобождение от её влияния. Поэтому нецелесообразно преждевременно вербализовывать рождающуюся идею. Особую ценность при этом имеет деление целого на более мелкие части, а затем создание крупных идей, мыслей, образов. Знание о мире, о способах деятельности, умения реализации творческого процесса и мыслительной деятельности, образы, ощущения, мотивы, потребности и т.д., органически сплетаясь, дают характеристику мышления профессионала.

Овладение учителем системой средств и способов решения педагогических задач, - считает Л.М.Митина, умение проникать в суть явлений формирует у него педагогическое мышление, а самоанализ развивает у него педагогическую рефлексивность [8, С. 69]. Можно выделить различные типы принципов, позволяющих выработать общий подход к исследованию и формированию творческого профессионального мышления. Прежде всего, следует выделить содержательные и процессуальные принципы. Каковы же эти принципы?

К **содержательным принципам**, лежащим в основе развития креативного мышления относятся:

Принцип системности - методологический подход к анализу психических явлений, когда соответствующее явление рассматривается как система, не сводимая к сумме своих элементов, обладающая структурой, а свойства элемента определяются его местом в структуре;

представляет собой применение в частной области общенаучного принципа системности. Системный подход профессионала к разрешению педагогической ситуации должен отвечать трем основным требованиям: 1. Научность: исходить из научно обоснованных закономерностей и принципов теории профессиональной деятельности. 2. Индивидуальность: общие закономерности и принципы практической психологии становятся достоянием личности профессионала. 3. Адаптивность: решение производственной ситуации приспособлено к конкретным обстоятельствам её реализации.

Системный подход – технология применения диалектического метода в решении ситуаций. Предшественником системного подхода является локальный подход, который оправдывает свое предназначение, когда в качестве локуса берется главное, приводится в порядок и это дает хороший практический результат. Однако некоторые существенные признаки ситуации оказываются неучтенными профессионалом, т.к. он считает их незначительными.

Системный принцип включает в себя следующие частные принципы: оптимальность (достижение наилучшего результата с наименьшими затратами сил и времени); структурность (выделение компонентов и их упорядоченность); функциональность (определение задач каждого компонента); интегративность (объединение элементов в единое целое).

Принцип дополненности действия ситуативных (обеспечивающих вариативность) и транситуативных (обеспечивающих постоянство поведения) факторов характеризуется тем, что в большинстве случаев детерминирующими факторами являются личностные факторы, тогда как ситуативные играют роль модулятора (определяя вариативность проявления личностных факторов). В некоторых, гораздо более редких, по мнению А.А.Реана случаях, иерархия факторов может меняться [13].

Принцип превентивности – для каждого уровня обнаружения проблемности учитель разрабатывает средства предупреждения возможных педагогических отклонений в развитии ситуации и находит приемы их устранения.

Принцип мультиплицированности – рассмотрение познаваемого объекта с противоположных точек зрения.

Принцип контекстности - в условиях обнаружения надситуативной проблемности профессионал неизменно удерживает, сохраняет контекст целостной деятельности (не давая "сбить себя с толку"), не поддаваясь сиюминутным требованиям производственного процесса.

К числу **процессуальных принципов** можно отнести:

1. Видение взаимосвязи компонентов педагогической деятельности; выявление их проблемности (рассогласования).

2. Поиски различных подходов (чем больше наборов рассмотрения данного явления, тем выше эффективность творческого мышления).

3. Высвобождение из-под жесткого контроля шаблонного мышления.

4. Использование случая (снять урожай результатов случайных взаимодействий идей). Подвергнуть себя воздействию стимулирующих ситуаций. Сознательное переплетение различных направлений мыслительной деятельности.

5. Нахождение и реализация новых идей в своей работе.

Эмпирическим обоснованием и подтверждением выделенных закономерностей, механизмов и принципов творческого профессионального мышления могут служить полученные нами результаты. Суть которых характеризуется тем, что для того, чтобы подняться над трагической ситуацией, смуть взглянуть на себя со стороны и отыскать смешное, нужно обладать незаурядной силой духа.

Душевный комфорт в трудной ситуации обеспечивается следующим образом: человек «отчуждается» от себя самого, смотрит на себя со стороны, и эта, вначале чисто интеллектуальная операция, смещает его «эмоциональную равнодействующую» в положительную сторону. Творческое желание возникает неосознанно, а способ реализации желания определяется осознанно. Разумное действие регулируется на основе рефлексии, в которой осмысливается надситуативная активность человека. В процессе актуализации надситуативного уровня решения ситуации появляется возможность учитывать разные точки зрения на решаемую проблему, мысленно проигрывать различные последствия предлагаемого решения. Благодаря надситуативному подходу профессионал может не только совершенствовать выполняемую деятельность, но и себя как субъекта деятельности.

В нашей работе, выполненной совместно с Т.В.Разиной (2002), выявлены закономерности и взаимосвязи уровня мышления и структуры рефлексии. В частности надситуативный уровень мышления характеризуется относительно равномерной развитостью всех выделяемых нами сторон рефлексии, хотя по абсолютной величине они могут быть значительно ниже отдельных показателей рефлексии на ситуативном уровне, в то время как надситуативный уровень характеризуется неоднородностью величин показателей рефлексии. Выявлена сложная и неоднозначная зависимость между уровнем мышления и уровнем рефлексии, а также доказано, что высокий уровень рефлексии еще не является гарантом обеспечения высокого уровня педагогического мышления. А овладение надситуативным мышлением означает, прежде всего, умение познавать и управлять причинно-следственными отношениями.

В проведенном исследовании (Кашапов М.М., Алексеева С.В., 2006) установлено, что на ситуативном уровне врач решает диагностическую задачу не выходя за рамки конкретной ситуации, используя имеющиеся знания и опыт. Именно на этом уровне, наряду с другими стилями мышления, возможно выделение репродуктивного стиля, как одного из подуровней, на котором врач использует имеющиеся в его профессиональном опыте структуры действия. На этом уровне мыслительная деятельность врача направлена на познание и изменение конкретной врачебной ситуации.

В центре внимания врача с надситуативным уровнем оказывается не только решение конкретной проблемной ситуации в контексте достижения намеченного результата, но и рефлексия самого процесса мышления. Следствием такой рефлексии может явиться более глубокое познание врачом особенностей своей личности. На данном уровне врач способен выйти за рамки конкретной диагностической задачи, осознать и в дальнейшем учитывать свои индивидуальные особенности, влияющие на процесс решения клинической задачи. Кроме того, профессиональное мышление на надситуативном уровне позволит врачу решать задачи собственного профессионального роста посредством личностных конструктивных изменений.

Оба уровня имеют важное значение в профессиональной деятельности врача. Однако, уровень развития каждого из них, чаще всего, не бывает одинаковым. Поэтому одной из задач профессионального обучения в медицинском вузе должна быть задача формирования профессионального мышления, заключающегося в гармоничном сочетании обоих уровней. Такое сочетание позволит сформировать у молодых специалистов гибкое, логичное, самостоятельное, рефлексивное мышление, и такие важные личностные характеристики как умение брать на себя ответственность за результаты решения профессиональных задач, способность к самопознанию и саморазвитию.

В исследовании, проведенном Р.М.Шагиевым (2009), установлены следующие проблемные зоны: у половины спортсменов был выявлен низкий уровень стрессоустойчивости, который характеризуется отсутствием таких важных интеллектуальных качеств, как осмысление и оценка результатов, планирование и прогнозирование своей деятельности, ответственности, что свидетельствуют о недостаточно развитом когнитивном компоненте стрессоустойчивости или о неадекватном применении его в напряженных стрессогенных условиях. Разработанная и апробированная им программа обучения с использованием методов саморегуляции способствует формированию высокой стрессоустойчивости (особенно когнитивного её компонента) спортсменов в целях повышения эффективности их соревновательной деятельности.

В исследовании О.Н.Ракитской проверялись следующие гипотезы: 1. Надситуативный характер педагогического мышления обеспечивается интеллектуальными стратегиями, ориентированными на взаимодействие с другими участниками образовательного процесса при постановке и решении профессиональных задач. 2. Надситуативный характер педагогического мышления более выражен у педагогов гражданских вузов, чем у педагогов-офицеров (Ракитская, 2007).

Установлена структура отношений между параметрами мышления, среди которых обнаружена зависимость между уровнем обнаружения проблемности и общей, а также коммуникативной рефлексией, что подтверждает гипотезу о наличии такой характеристики профессионального мышления преподавателя, как рефлексивность. Связь уровня педагогического мышления с показателями идеалистической, прагматической и синтетического мышления отражает наличие в структуре педагогического мышления диалогичности и критичности как социально-психологических характеристик профессионального педагогического мышления, а также подтверждает гипотезу об обеспечении надситуативности педагогического мышления интеллектуальными стратегиями, ориентированными на взаимодействие.

Творческому мышлению может обучить только творчески мыслящий и действующий преподаватель. Главным вектором в творческой работе такого преподавателя является обучение конструированию собственных способов творческого мышления. Основным инструментом обучаемого является рефлексия процесса и результата выполняемой деятельности – установление проблемности (в том числе и надситуативной), формулирование проблемы, выяснение причин неприемлемости нормативного подхода к ее решению, поиск и реализация творческого решения (Кашапов, 2000; 2006).

Анализ полученных результатов подтверждает целесообразность рассмотрения протекания процесса профессионального мышления на двух уровнях: ситуативном и надситуативном. Доминирующий ситуативный и доминирующий надситуативные уровни являются полюсами континуума уровней мышления. Умение устанавливать надситуативную проблемность в процессе решения проблемных ситуаций способствует не только активизации мыслительной деятельности, но и оказывает большое влияние на личностное развитие профессионала. А это, в свою очередь, ведет к формированию личностных позиций, убеждений, помогая тем самым субъекту совершенствовать свою деятельность. Надситуативный уровень характеризуется совокупностью отношений профессионала к проблемной ситуации в целом, к себе самому и своей деятельности. Именно поэтому надситуативный уровень разрешения проблемности связан с самоактуализацией творческого потенциала субъекта.

Следовательно, творческое разрешение профессиональных проблем профессионала возможно с решением

определенных вопросов. С одной стороны, с организацией ряда внешних условий (методическое обеспечение, своевременное обучение и др.), направленных на становление профессионала как субъекта деятельности. С другой стороны, с мерами, направленными на его личностное развитие, удовлетворяющими потребности в повышении компетентности, которая позволит не только профессионально ставить цели и задачи, но и выбирать эффективные, адекватные поставленным целям, надситуативные средства, способы и приемы выполнения профессиональной деятельности. Надситуативный вектор мышления характеризуется преобладающим направлением мыслительных действий, проявляющихся в процессе творческого решения конкретной ситуации. Таким образом, творческое мышление является разновидностью нешаблонного мышления как способа рождения новой идеи. Овладение обобщенными принципами творческого мышления дает возможность профессионалу увидеть выполняемую деятельность в целом, понять логику и закономерности её протекания.

ЛИТЕРАТУРА

- Альтшуллер Г.С. Творчество как точная наука. М.: 1979.
 Ассаджоли Р. Психосинтез: теория и практика. М.: REFL-book, 1994. 314 с.
 Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. М., 1960.
 Завалишина Д.Н. Творческий аспект практического мышления // Психологический журнал. 1991. Т. 12, № 2. С. 16-26.
 Кашапов М.М. Психология педагогического мышления. Монография. С.-Пб.: Алетейя, 2000. 463 с.
 Кашапов М.М. Психология творческого мышления профессионала. Монография. М.: ПЕР СЭ. 2006. 688 с.

Кашапов М.М. Совершенствование творческого мышления профессионала. Монография. М.-Ярославль, МАПН, 2006. 313 с.

Митина Л.М. Управлять или подавлять: выбор стратегии профессиональной жизнедеятельности педагога. М.: Сентябрь, 1999. 192 с.

Пономарев Я.А. Психология творческого мышления. М.: 1960. 352 с.

Пономарев Я.А.: Семенов И.Н.: Степанов С.Ю. Психология творчества: общая, дифференциальная, прикладная. М.: 1990.

Практический интеллект / Р.Дж.Стернберг, Дж.Б.Форсайт, Дж.Хедланд и др. СПб.: Питер, 2002. 272 с.

Психология профессионального педагогического мышления // Под ред. М.М.Кашапова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003. 398 с.

Реан А.А. Психология педагогической деятельности (Проблемный анализ): Учеб. пособие. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1994. 83 с.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: В 2 т. Т.1. – М.: Педагогика, 1989. 488 с.

Теплов Б.М. Избранные труды: В 2-х т. Т. 2. М.: Педагогика, 1985. 360 с.

Тихомиров О.К. Психология мышления. М.: МГУ, 1984. 272 с.

Фромм Э. Человеческая ситуация. М.: Смысл, 1995. 238 с.

Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е изд. СПб.: Питер, 2004. 384 с.

Шадриков В.Д. Ментальное развитие человека. М.: Аспект Пресс, 2007. 284 с.

Мазилев В.А. (Ярославль)

О РАЗРАБОТКЕ ТЕОРИИ МЕТОДОЛОГИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

(Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант 09-06-00412-а)

В последние годы наблюдается явное оживление интереса к методологическим вопросам психологической науки и практики. Выходят многочисленные научные публикации, посвященные анализу методологических проблем психологии, издаются учебные пособия по методологической проблематике. Нельзя не отметить вышедшие в последние годы работы, получившие широкую известность. В эти годы появились работы А.В. Юревича (2005), интересные методологические исследования В.М. Аллахвердова (2000, 2003), учебное пособие Т.В.Корниловой и С.Д.Смирнова (2006), методологические работы Ф.Е.Васильюка (2003), И.Н.Карицкого (2002) и др. В работах А.Ю. Агафонова, В.А.Барабанщикова, Ф.Е.Васильюка, И.П.Волкова, И.Е.Гарбера, А.Н.Гусева, М.С.Гусельцевой, А.Л.Журавлева, В.П.Зинченко, Ю.П.Зинченко, В.В.Знакова, И.Н.Карицкого, А.В.Карпова, В.А.Кольцовой, Т.В.Корниловой, Д.А.Леонтьева, С.В.Маланова, Б.Г.Мещерякова, И.А.Мироненко, П.Я. Мясоеда, В.Ф.Петренко, В.А.Петровского, Е.Е.Соколовой, С.Д.Смирнова, Е.Б.Старовойтенко, Д.В.Ушакова, Н.И.Чуприковой, В.Д.Шадрикова, А.В.Юревича и др. нашли решение многие важные методологические проблемы психологии, связанные с изучением психического. Важные вопросы методологии психологии обсуждаются в работах И.В.Вачкова, А.О.Проخورова, Е.В.Левченко, А.А.Пископеля, В.А.Янчука, А.Г.Лидерса и др. В последнее время опубликовано весьма значительное число работ, посвященных методологии психологии, высказано много продуктивных идей (см. например, «Труды Ярославского методологического семинара», Т. 1, Т. 2, Т. 3. Ярославль, 2003–2005, где опубликованы работы, рас-

сматривающие наиболее актуальные вопросы методологии психологической науки и практики).

В настоящее время методология психологии представляет собой интенсивно и динамично развивающуюся область психологического знания. В последние годы на страницах ведущих психологических журналов развернулись дискуссии, посвященные обсуждению вопросов методологии психологии (см. «Психологический журнал», «Вопросы психологии», «Психология. Журнал Высшей школы экономики», «Методология и история психологии» и др. К сожалению, ограниченный объем настоящей статьи не позволяет остановиться в настоящей статье на анализе в высшей степени интересных методологических дискуссий, происходящих в современной отечественной психологии в последние годы). Обилие публикаций на методологические темы не может не радовать, т.к. увеличение интереса к методологии обычно бывает связано (как свидетельствует история психологии) с появлением новых теоретических подходов и существенным продвижением в разработке предметного поля психологии. Вместе с тем нельзя не отметить, что интенсивные методологические поиски пока не привели к созданию концепции методологии, которая разделялась бы большинством психологов.

Более того, существует достаточное число принципиально отличающихся методологических установок. А.В.Юревич отмечает, что в системе интегративных установок современной психологии можно различить несколько различающихся между собой позиций. По мнению С.Д.Смирнова (Смирнов, 2004, с.280-281), могут быть выделены четыре позиции:

Методологический нигилизм.

"Методологический ригоризм" или "методологический монизм".

"Методологический либерализм".

«Методологический плюрализм».

А.В.Юревич, сформулировавший позицию методологического либерализма, интерпретирует различия между методологическим либерализмом и методологическим плюрализмом следующим образом: «Четвертую позицию С.Д. Смирнов называет «методологическим плюрализмом», отмечая, что сам он разделяет именно ее. Она состоит в том, что психологическим теориям следует признать друг друга (подобно «методологическому либерализму»), но (в отличие от него) не следует стремиться к «наведению мостов» между ними, оставив психологию в ее нынешнем раздробленном состоянии и признав ее «полипарадигмальность» в качестве неизбежной» (Юревич, 2005, с.380).

Позиция методологического либерализма представляется более конструктивной, т.к., по нашему мнению, интеграция психологического знания представляет собой одну из важнейших стратегических задач, стоящих перед психологической наукой в начале XXI столетия.

Представляется важным подчеркнуть, что методология имеет конкретно-исторический характер. М.С. Роговин и Г.В. Залевский выделяют три вида психологического знания. Первый вид – знание о психических процессах и индивидуальных особенностях, которое есть "предметное знание". Второй вид – знание о самом процессе психологического исследования, о том, как получается, фиксируется и совершенствуется предметное знание о психике – "знание методологическое". Третий вид знания - "знание историческое", в котором отражается закономерная последовательность развития первых двух видов знания и которое помогает нам понять общее состояние психологии на каждый конкретный период времени, при каждом хронологическом срезе (Роговин, Залевский, 1988, с. 8). Подчеркнем, что методологическое знание находится в процессе постоянного развития.

Методология психологической науки пока еще не является устоявшейся, сформировавшейся теорией. Напротив, методология психологии представляет собой совокупность идей, понятий, принципов, схем, моделей, концепций и т. д., и в каждый момент времени на первый план выходят те или иные ее аспекты. И если перед психологией встают новые задачи, то и методология должна осуществлять соответствующую проработку, создавая новые методологические модели. Иными словами, методология психологии имеет конкретно-исторический характер.

Традиционный подход определяет методологию как систему «принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности, а также учение об этой системе» (Спиркин, Юдин, Ярошевский, 1989, С. 359). Это же определение воспроизводится в ряде современных психологических словарей применительно к методологии психологии. В целом это определение не вызывает возражений, необходимы лишь некоторые уточнения. На этом вопросе мы остановимся ниже.

Из этого определения, в частности, следует, что:

возможна методология (система принципов и методов построения) практической психологии;

возможна методология (система принципов и методов построения) научной психологии;

возможна методология как концепция, учение о методологии.

Отметим, что в данном определении акцентируется познавательная функция методологии. Ниже мы остановимся на том, что возможно построение коммуникативной методологии, выполняющей важную функцию соотношения различных подходов и концепций.

Приступая к циклу методологических исследований и намечая контуры новой методологии психологической науки, мы отмечали (Mazilov, 1997), что, вероятно, она должна складываться из следующих составляющих, соответствующих трем основным группам задач, стоящих перед этой областью знания:

Когнитивной (познавательной) методологии, описывающей принципы и стратегии исследования психического.

Коммуникативной методологии, обеспечивающей соотношение различных психологических концепций и реальное взаимодействие различных направлений и школ в психологии.

Методологии психологической практики (практико-ориентированной психологии).

На наш взгляд, сейчас наиболее актуальна разработка общей теории методологии (учения «о системе принципов и способов организации и построения теоретической деятельности», согласно вышеприведенному определению). Общая теория методологии должна разрабатываться в первую очередь как когнитивная методология. Таким образом, ставится задача разработки общей (интегративной) теории когнитивной методологии.

Принципиальный вопрос, который необходимо решить, приступая к построению концепции методологии, это вопрос о том, что необходимо взять за основу. Выше мы уже упоминали, что многим авторам такая задача представляется невыполнимой.

По нашему мнению, она выполнима, если в качестве основы выступит схема психологического исследования. В самом общем виде она может быть представлена в следующем виде. Схема включает в себя следующие структурные компоненты: проблема, предмет психологии, определенная проблема, предтеория (в структуру которой входят базовая категория, идея метода, моделирующие представления, организующая схема), метод (включающий три уровня: идеологический, предметный и процедурный), эмпирический материал, объяснение (включающее объяснительную категорию, собственно объяснение, предполагающее уровневую структуру), теория как результат исследования. Подчеркнем, что данная схема является замкнутой, т.е. теория является основанием для постановки новой проблемы.

На этой методологической основе нами была разработана схема соотношения теории и метода в психологии (см., например, Мазиллов, 2007). Как показала проверка, данная схема является структурным инвариантом, т.е. характерна для любого психологического исследования.

Мы полагаем, что:

разработка общей методологии возможна, т.к. существует универсальная модель, позволяющая свести в «общем исследовательском пространстве» важнейшие методологические категории;

использование интегративной когнитивной модели позволяет учесть наработки ведущих отечественных и зарубежных методологов, что позволяет сделать разработанную ранее соотносительная модель (Мазиллов, 2001).

Итак, под интегративной когнитивной методологией понимается общая методология психологии как непротиворечивая концепция, трактующая проблемы предмета, метода, объяснения, факта, теории в их взаимосвязи. Вне учета подобной взаимосвязи не может быть достигнуто существенное дальнейшее продвижение в разработке этих (и многих других) важнейших методологических вопросов современной психологии. Очевидно, что целостная когнитивная методология психологии должна, как минимум, удовлетворять следующим требованиям: 1) должна быть достаточно широкой, т. е., как минимум, включать в себя основные названные компоненты методологии (предмет, метод, теория, объяснение и др.); 2)

должна иметь достаточно универсальный характер в том смысле, что должна быть приложима к широкому кругу психологических концепций.

Как нам представляется, в качестве такого основания может быть предложена модель соотношения теории и метода в психологии.

Представляется, что общая стратегия построения концепции когнитивной методологии может выглядеть следующим образом:

Корректировка и уточнение общей схемы соотношения теории и метода как основы для разработки общей концепции когнитивной методологии.

Разработка (исходя из общей схемы соотношения теории и метода) формальной схемы частных методологических концепций.

Разработка частных (содержательных) методологических концепций: а) предмета; б) предтеории; в) метода; г) психологического факта; е) психологической теории; ф) объяснения.

Композиция частных методологических концепций и их интеграция в общую концепцию когнитивной методологии.

Оформление общей когнитивной методологии как концепции, ее проверка.

К настоящему времени такая работа начата, завершены первый и второй этапы (основные результаты представлены в монографии (Мазилев, 2007)).

На очереди важнейший третий этап: наполнение общих (формальных) схем конкретным содержанием, разработка содержательных концепций предмета, предтеории, метода, психологического факта, психологической теории, объяснения. Как нам представляется, формулирование концепции когнитивной методологии психологической науки будет способствовать дальнейшему развитию методологических разработок в отечественной психологии.

Литература
Аллахвердов В. М. Сознание как парадокс. СПб.: ДНК, 2000.

Аллахвердов В. М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб., 2003.

Василюк Ф.Е. Методологический анализ в психологии. М., 2003

Зинченко В.П. Преходящие и вечные проблемы психологии // Труды Ярославского методологического семинара: Методология психологии. Ярославль, 2003, с.98-134

Карицкий И. Н. Теоретико-методологическое исследование социально-психологических практик. М., Челябинск: Социум, 2002.

Козлов В.В. Психология творчества. М., 2008

Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии. М., 2005

Мазилев В.А. Методология психологической науки: история и современность. Ярославль, 2007

Роговин М. С. Залевский Г. В. Теоретические основы психологического и

патопсихологического исследования. Томск, 1988.

Смирнов С.Д. Методологический плюрализм и предмет психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 2: Предмет психологии. Ярославль: МАПН, 2004. С.276-291.

Спиркин А.Г., Юдин Э.Г., Ярошевский М.Г. Методология // Философский энциклопедический словарь. М., 1989, с. 359-360.

Юревич А.В. Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии, 2001, №5, с.3-19

Юревич А.В. Психология и методология. М.: Изд-во ИПРАН, 2005

Мануйлов Г.М., Новиков В.В., Козлов В.В. (Ярославль)
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ ПСИХОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ

В работах отечественных психологов, выполненных в разные годы, были поставлены, сформулированы и разработаны многие методологические вопросы, имеющие принципиальное значение для психологии управления. Эти работы во многом определили последующее развитие нашей науки и, возможно, в них следует искать «ростки будущего», которые так необходимы сегодня отечественному менеджменту, испытывающему глубокий методологический кризис.

Управление – это сознательное воздействие человека на объекты, процессы и на участвующих в них людей, осуществляемое с целью придать определенную направленность деятельности для того, чтобы получить желаемые результаты. Управление ставит своей непосредственной задачей внести необходимую упорядоченность в процесс, организовать совместную деятельность людей, достичь согласованности, координации действий.

Эффективное управление является ключевой предпосылкой успешного функционирования организаций в сфере бизнеса, в государственном и общественном секторе. В наших переходных социально-экономических и политических условиях, особенно в ситуации глобального экономического кризиса, прежние управленческие схемы уже не работают. Современные западные подходы и методы нельзя переносить в российскую экономику и управление. Для их адаптации к условиям нашего рынка необходимо использовать методологические и теоретические разработки советской и российской психологии управления и социальной психологии.

Вариации такого подхода зависели от понимания предмета исследования. В принципе, установление предмета исследования в психологии менеджмента и предпринимательства, как и в любой другой психологической области, связано с определением единиц анализа психического. В.П. Зинченко отмечал, что в этой отрасли науки существует удивительная беззаботность по отношению к определению именно единиц анализа психического. Перед психологией управления, считает он, стоит проблема выделения таких исходных единиц анализа, которые строго соответствовали бы поставленным целям исследования и изначально содержали бы в себе целостные характеристики процессов управления в различных сферах социальной практики.

В работах по психологии управления чаще всего в качестве исходной единицы анализа рассматривался руководитель. Этому соответствовал круг таких, преимущественно, общепсихологических проблем как особенности аналитико-синтетической деятельности управленца, его эмоционально-волевой сферы, практического мышления, интуиции (Б.М. Теплов, 1946). В русле такого подхода эффективность руководства определялась как зависящая лишь от так называемых профессионально важных качеств, свойств руководителя. Предполагалось, что, чем полнее представлен у личности достаточно ограниченный набор необходимых свойств, качеств, тем эффективнее будут выполняться функции руководства. Среди выделяемых качеств указывались, как правило, врожденные и приобретенные в ходе деятельности. Спор о качествах, их

происхождении, вел к различиям во взглядах на предмет управленческой деятельности. Логика рассуждений была довольно проста: если конкретная деятельность требует приобретаемых свойств и качеств, и ее можно изучать с помощью определения причинно-следственных зависимостей между личностью и ее деятельностью, то она является предметом науки. И решающее значение в подготовке лиц, занимающихся данной деятельностью, придавалось знаниям, умениям и навыкам, приобретенному опыту. Другие исследователи считали и считают, что управление - это искусство, в основе которого лежат специальные врожденные способности. Отсюда, подобная деятельность индивидуально неповторима. Обучение и овладение знаниями мало что значат в ее осуществлении.

Некоторые ученые считают, что абсолютно все известные человечеству социальные группы различны настолько, что являются уникальными, и руководитель каждой из них тоже должен обладать неповторимыми врожденными качествами, позволяющими ему эффективно управлять конкретной группой. В таком случае жесткий набор свойств для него нецелесообразен и невозможен. Примерно так рассуждают Б.Д. Парыгин, А.В. Петровский и многие зарубежные ученые. Они считают, что это природный тип, он рождается, а «не делается», «не выращивается»... Один из классиков отечественной психологии, А.Г. Ковалев, уверенно полагает, что на практике руководитель, овладев наукой, начинает более искусно управлять, т.е., между искусством и наукой существует взаимодействие.

Другие авторы рассматривали проблему эффективности руководства как более зависимую от научения. Соглашаясь с тем, что руководителю необходимо иметь минимум врожденных свойств и качеств, они, все-таки, полагали, что более значимы качества, приобретаемые в ходе обучения и практической деятельности. Но в качестве единицы анализа и эти авторы рассматривали только «руководителя». {В этой сфере, пожалуй, наиболее приемлема концепция К.К. Платонова (1975)}.

Позднее произошло расширение единицы анализа до рамок системы «руководитель-подчиненный». Это повлекло за собой втягивание в орбиту исследований психологии управления проблематики, традиционно принадлежащей социальной психологии (стиль руководства, лидерство, взаимоотношения, авторитет).

С течением времени произошло еще большее расширение единиц анализа и, соответственно, предмета исследований. Некоторые ученые (А.И. Китов, С.Ю. Флоровский) рассматривают предмет психологии управления в виде совместной деятельности иерархизированной группы должностных лиц, реализующих функцию управления другими группами людей в рамках конкретной организации (воинской части, производственного предприятия, учреждения и т.п.). Все чаще подобные исследования наталкиваются на психологические проблемы так называемого социального управления (формирование активной жизненной позиции, идейно-культурного уровня, правосознания и т.п.). Такие исследования неизбежно выходят за рамки одной организации и рассматривают пути оптимизации работы, подчас значительного количества, организаций и ведомств: В.В. Новиков (1976, 1995, 2003), Ю.М. Забродин (1990-1992), А.И. Пригожин (1980-1988) и др.

Таким образом, рассмотренные подходы к эффективности управления постепенно расширяют свой предмет исследования.

В исследованиях последнего времени (А.Л. Журавлев, Г.М. Мануйлов, В.В. Марченко, В.В. Новиков, В.П. Позняков, А.В. Филиппов и др.) единицей анализа служит структура третьего типа. Управленческая деятельность рассматривается как зависимость от объективных и субъек-

тивных факторов. К субъективным факторам относятся, как правило, личностные качества, а также темперамент и свойства нервной системы. К объективным особенностям предпринимательской деятельности - ведомственная или отраслевая принадлежность предприятия, ситуация в обществе. Интересен в этой связи вопрос о формировании управленческой позиции руководителя. Формирование управленческой позиции обусловлено комплексом субъективных, объективных факторов, среди которых особое место принадлежит ценностным ориентациям личности и фактору соответствия характеристик личности требованиям деятельности.

Исследования Б.Г. Ананьева убедительно продемонстрировали преимущества комплексного междисциплинарного подхода к проблеме человека, позволили психологии действительно стать наукой о человеке во всей его сложности и многогранности. Антропологизм, в понимании Б.Г. Ананьева как принцип построения психологической науки, позволил по-иному взглянуть на сам предмет психологии, а сегодня - на возможности менеджмента и его части - психологии управления. При этом мы менеджмент понимаем как управление (планирование, регулирование, контроль), руководство, организацию производства. В инструментальном отношении это совокупность методов, форм, средств управления производством для достижения поставленных целей (повышения эффективности производства, увеличения прибыли и т.д.). Вне сомнения, современный менеджмент органично включает в свою структуру и управление персоналом как систему организационных, социально-экономических, психологических, нравственных и правовых отношений, обеспечивающих эффективную реализацию возможностей человека как в интересах самого работника, так и организации в целом.

В концепции Б.Г. Ананьева предмет психологии предстает как многоуровневая системная организация психики. Не анализируя подробно методологическую концепцию Б.Г. Ананьева, следует отметить, что именно ему и принадлежит наиболее известная классификация методов психологической науки. Им, кстати, были выделены следующие группы методов: организационные, эмпирические, методы обработки данных, интерпретационные методы. Таким образом, была разработана классификационная система, соответствующая современному уровню науки. Позднее она послужила стимулом для дальнейших исследований по этой центральной для методологии психологии проблеме. Ученики Б.Г. Ананьева: Е.С. Кузьмин, Н.Н. Обозов, В.Е. Семенов и другие дополнили эту классификацию, названную ими «группой управленческих методов».

Необходимо отметить, что в нашей психологии сложилось довольно странное положение. Эмпирические методы изучены, можно сказать, достаточно хорошо, по крайней мере, имеются их развернутые описания, наконец, существуют альтернативные классификации, хотя, нередко, и прямо противоположные суждения. О теоретических же методах психологии известно по-прежнему немного. Не вполне ясны, например, такие вопросы: каково соотношение теоретических и эмпирических методов, каково «происхождение» собственно теоретических методов, какова связь между теорией и методом в том же психологическом управлении и т.д.

Возникает такое впечатление, что многие современные ученые принципиально согласны с позицией, которую четко «артикулировал» более ста лет назад «создатель» экспериментальной психологии Вильгельм Вундт: «Всякая наука, в конечном счете, заключается в логическом соединении данных содержания опыта». Вряд ли сейчас можно согласиться с Вундтом в том, что «существует полное согласие между всеми представителями науки,

которые не верят, как некоторые философы, в чудодейственную силу специфического метода». Однако для того же психологии управления данный постулат Вундта вполне подходит. Требование его заключается в том, что соединение данных опыта, составляющее сущность научной работы, должно, безусловно, подчиняться законам логического суждения и умозаключения» (Вундт, 1914). Конечно же, подчас, это выглядит неоправданной уступкой позитивизму, но посмотрим на выдвинутое положение конкретно.

Опыт философии и психологии, да и некоторых других наук свидетельствует, что дело обстоит не так просто: теория не может быть сведена только к логическому упорядочиванию эмпирических данных, ибо теоретические методы, хотя и не имеющие «чудодейственной силы», все же существуют.

Недостаточная разработка названных методологических вопросов является существенным препятствием на пути развития отечественной психологии, вообще, и психологии управления, в частности, хотя разработка методологии в последние годы активизировалась (В.А. Мазиллов, В.В. Козлов, А.В. Юревич). Так, историко-методологическое исследование использования методов в психологии показало, что даже чисто эмпирические методы имеют выраженную обусловленность со стороны теоретических представлений. Было проанализировано использование метода интроспекции в психологии второй половины XIX - начала XX вв. Давно было известно, что существуют различные разновидности и модификации данного метода. Теперь же документально доказано, что структура метода интроспекции как эмпирического метода, все-таки, определяется исходными представлениями исследователя об изучаемом явлении.

Аналогичное отношение было выявлено при историко-методологическом исследовании, в котором изучалось использование метода эксперимента в психологии. Это позволило известному российскому методологу психологии В.А. Мазиллову ввести понятие «предтеория». Предтеория представляет собой комплекс исходных представлений, являющихся основой для проведения эмпирического психологического исследования. Предтеория, таким образом, предшествует не только теории как результату исследования, но и самому эмпирическому исследованию. Предтеория имеет сложную детерминацию (образование исследователя, научные традиции, идеалы научности и т.п.). Может быть описана структура предтеории: опредмеченная проблема, базовая категория, идея метода, объясняющая категория, способ (вид) объяснения. В основе возникновения предтеории лежит серьезная проблема. Для того чтобы проблема стала основой предтеории, она должна быть опредмеченной. Поясним это.

В психологии существуют традиции, с которыми каждый специалист должен считаться. К подобным традициям, в первую очередь, относятся те, согласно которым, психология должна заниматься изучением «психэ» (при всех различиях трактовок интуитивное представление является общим и хорошо описывается через самонаблюдение). Объяснение «души» (внутреннего мира - мыслей, чувств, воспоминаний и т.д.) - сверхзадача любой психологии. Даже самые радикальные реформаторы - представители объективной психологии - не ушли от этого. И.П. Павлов, например, в условном рефлексе видел возможность научного изучения именно психических феноменов (напомним, по Павлову, акт слюноотделения специфичен: состав слюны «соответствует» консистенции, биологическому составу пищи. Именно это соответствие дает основание заключить, что душевные способности, такие как память, мышление и др., включены в структуру этого акта). Разрыв с этой традицией лишает права называть свою концепцию психологической. Поэтому даже бихеви-

оризм Дж. Уотсона был психологическим: хотя и в специфической форме (включенным в поведение), психические явления в нем были сохранены.

Еще одной традицией, которой должна соответствовать опредмеченная проблема, давно стало определение психофизиологического статуса психического явления. Иными словами, опредмечивание означает, что дуалистически (имплицитно или эксплицитно) или монически будет рассматриваться психический феномен.

Таким образом, опредмечивание проблемы – это включение ее в контекст так или иначе трактуемого предмета психологии.

Центральным же элементом в структуре предтеории является базовая категория. Базовая категория фиксирует тип трактовки предмета, определяет основную ориентацию исследования, поэтому имеет самое непосредственное отношение к методу (точнее, идее метода). Базовая категория, таким образом, является основной детерминантой метода.

Историко-методологическое исследование показывает, что в качестве основных базовых категорий в психологических концепциях середины XIX - начала XX вв. выступают «структура», «функция (акт)», «процесс», «генезис», «уровень». В зависимости от выбранной базовой категории, метод может быть структурным, функциональным либо процессуальным. «Генезис» и «уровень» чаще используются в сочетании с другими категориями (в этих случаях исследование имеет комплексную ориентацию). Именно здесь и сама проблема, и методы ее решения часто выступают в качестве объясняющей категории. Могут быть выделены виды объяснения, использующиеся в психологии. Используемый метод (например, структурная интроспекция) позволяет получить эмпирический материал, который подлежит интерпретации. Ядром, определяющим вид интерпретации, является объясняющая категория.

В «наивных» концепциях, характерных для ранних этапов развития психологии как самостоятельной науки, часто наблюдается совпадение базовой категории и категории объясняющей. В более поздних концепциях происходит «наложение»: эмпирический материал добывается методом, соответствующим одной категории, а интерпретируется с помощью другой. Это создает возможности для появления других (альтернативных) видов объяснения. Могут быть описаны виды редукции в психологическом исследовании.

Историко-методологическое исследование позволило также выявить виды психологической теории. Исходным видом является концептуализация эмпирических данных с помощью объясняющей категории, совпадающей с базовой. Для объяснения могут использоваться гипотезы ad hoc. На более поздних этапах появляются теории, в которых для объяснения используется «наложение» схем: метод исследования и метод интерпретации не совпадают, так как порождаются различными категориями (базовая и объяснительная категории не совпадают).

Выявлено, что теоретический метод в психологии имеет уровневое строение. Могут быть выделены, по крайней мере, три уровня: уровень «идей», уровень «содержаний», уровень «техник». В зависимости от того, на каком уровне раскрывается метод, он существенно различается. Понятно, что на высшем уровне метод имеет методологические характеристики, соответствующие основным ориентациям исследования (структурный, функциональный или генетический). На этом уровне метод выступает как нормативный, определяющийся базовой категорией (или их сочетанием). На втором уровне («содержаний») проявляется «теоретичность» метода, так называемая «интимная связь с теорией», т.е., конкретным научным содержанием. На этом уровне метод выступает как дескриптив-

ный. Этот уровень метода определяется соотношением предмета исследования и объясняющей категории. На третьем («техническом») уровне метод может быть описан через совокупность приемов и операций, его составляющих.

Отметим, что, при такой трактовке диалектический метод в психологии оказывается одной из разновидностей генетического метода. Возможно, выделение и описание различных теоретических методов в психологии будет способствовать изучению психологии управления.

Поскольку психология управления признается особым видом управленческой деятельности, она (эта деятельность) должна иметь относительно самостоятельные психологические характеристики, достоверно отличающие ее от других видов человеческой деятельности, в том числе и, в первую очередь, от самого управления в широком смысле термина.

Большая зависимость руководителей государственных предприятий и организаций от вышестоящих органов де-

терминируется сложностью вертикально иерархизированной структуры их предприятий.

Представители негосударственных промышленных структур уже самым более простым построением их предприятий и организаций предрасполагаются к большей независимости и свободе действий, чем их коллеги из государственных организаций: у них объективно больше возможностей для использования элементов психологического управления.

Вместе с тем, предприниматели, в отличие от «государственных» руководителей, должны обладать и особыми личностными качествами – предрасположенностью к независимости, повышенной агрессивностью, смелостью, склонностью к рискованным действиям, одновременно расчетливостью и упорством, которые в своей совокупности могут мешать гуманизации управления, вообще, и психологического, в частности.

Карицкий И.Н. (Москва) **НАУКА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ**

Психологическая практика является центральной категорией практической психологии, прежде всего, потому, что все поле практической психологии тотально занимают различного рода психологические практики, общее содержание которых конституируется в данное понятие. В то же время эта категория не разрабатывается ни в рамках общей психологии, ни в социальной психологии, ни в общей теории деятельности как частный вид деятельности, ни в самой практической психологии на уровне ее теории. Конечно, существует множество отсылок к психологической практике в различных текстах, но при этом не рассматривается ни само понятие, ни его содержание, ни структура психологической практики. Анализ более-менее подробному подвергаются отдельные виды психологической практики, обычно психотерапия, психологическое консультирование, психодиагностика, психотренинг. Более того, в отношении психотерапии и психодиагностики можно констатировать, что здесь в развитой форме существуют оба уровня: теоретический и практический.

Анализ нескольких десятков источников по практической психологии как отечественных, так и зарубежных, которые включают в себя учебники по практической психологии, монографии по отдельным проблемам, статьи и т.п., показывает, что ни в одном из них в явном виде не рассматривается категория психологической практики как таковая, соответственно с ней никак не соотносятся такие практики как психотерапия, психологическое консультирование, психотренинг, психодиагностика, психологическое просвещение, практики личностного роста и саморегуляции и т.д. Хотя по логике вещей, если эти виды практики относятся к практической психологии, то их родовой категорией должно выступать понятие «психологическая практика». В то же время в ряде случаев на место центральной категории практической психологии предлагаются другие понятия: психотехника, психотехнология, психологический метод. Это делает необходимым специальное исследование психологической практики как центральной категории практической психологии и разработку соответствующей теории. Отсутствие понимания психологической практики как центральной и родовой категории по отношению к видам психологических практик приводит иногда к перевертыванию логических отношений между ними, а также к переворачиванию отношений между психологической практикой и ее элементами.

Термин «теория практической психологии» выглядит не совсем корректным с учетом существующих представлений о соотношении теории и практики. Практика – это то,

что не теория, а теория – то, что не практика. Теория – это знание о предмете, практика – это реальное взаимодействие с предметом. В то же время, если существует некоторая область практической деятельности, она находит свое отражение в совокупности знаний об этой деятельности, которые в развитой форме и при достаточном уровне обобщения приобретают статус теоретических знаний. Существует развитая область практической деятельности, которая называется практической психологией. Соответственно ей должна отвечать область своей теории. Аналогично тому, как существуют теория и практика психотерапии, теория и практика психодиагностики. Иногда говорят также о теории и практике психологического консультирования и уже наряду с многочисленными практиками психотренинга появились первые отечественные работы по его теории, а не только методические описания его многочисленных видов. Таким образом, видимая некорректность выражения «теория практической психологии» является не содержательной, а формальной. И собственно апеллирует к недостаточной представленности психологической практики на теоретическом уровне, к отсутствию теории психологической практики.

Обозначая эту же проблему, например, Ф.Е.Васильюк разрешает ее следующим образом: ставя в соответствие психологической практике психотехническую теорию. На наш взгляд, в более общей форме можно говорить о соотношении между психологией как практикой и психологией как наукой, знанием. При этом важно отметить следующие три момента. Во-первых, психология как наука содержит в себе два рода знаний: 1) об объектах психологии, их психологическом содержании (психологическая онтология) и 2) о способах практического взаимодействия с этими объектами (психологическая праксеология). И, значит, психологическая наука подразделяется на эти две глобальные области. Во-вторых, психологическая наука, как известно, имеет эмпирический и теоретический уровни познания и знания. И, в-третьих, эмпирический уровень практической психологии имеет двоякое происхождение. С одной стороны, он представляет собой эмпирический срез практической психологии как таковой. Это ее знание-вая составляющая, момент отражения, познания действительности (который подчинен в практике моменту воздействия), неотделимый исходно от самой практики и получающий в дальнейшем самостоятельное существование как знание. Другими словами, это знание, возникающее в процессе осуществления психологической практики без специальной цели получения этого знания. С другой сто-

роны, эмпирическое знание о психологической практике (и о ее объекте) может быть получено в ходе специально организованного ее изучения (т.е. как обычно осуществляются научные исследования). Таким образом, теоретические обобщения психологической практики имеют два источника: саму практику и ее научное исследование. При этом если говорить о научной, а не вненаучной психологии, то психологическая наука в целом (общая психология, социальная психология, конкретные психологические дисциплины) и составляет ту часть теоретического базиса практической психологии, которая относится к знанию об объектах. Схожую позицию на этот вопрос высказывает также В.А.Мазиллов, полагая недостаточным и односторонним психотехнический подход к методологии психологии. Вместе с тем, на теоретическом уровне психологии в сравнении с объемом знаний об устройстве объектов слабо представлены знания о методах практического взаимодействия с объектами психологии с задачей их целенаправленного изменения. Хотя в значительно более развитой форме наличествуют знания о методах познания. На эту проблему указывает, например, В.В. Новиков, всемерно настаивая на необходимости развития практического аспекта социальной психологии. Эти методологические знания практической работы, правда, достаточно разработаны, например, в таких частных областях, как психодиагностика, психотерапия, психоанализ, теория поэтапного формирования умственных действий и в некоторых других.

Вся психология как наука выступает по отношению к психологической практике в качестве ее теории, но ее (науки) знания говорят, в первую очередь, о том, как устроены психологические объекты, каковы их свойства, функции, закономерности, но не о том, как эти знания практически могут быть использованы, ей недостает прагматического элемента знаний. Если говорить о психологии как науке в целом и, в частности, о социальной психологии, то они естественно выступают концептуальными и методологическими основаниями практической психологии, задавая основные ориентиры в понимании психических явлений. И хотя понимание психических явлений имеет огромное значение, без знания способов его практического использования, оно не может быть востребовано психологической практикой. Таким образом, психологическая практика во всем своем многообразии, подвергнутая научной рефлексии, еще должна получить свое теоретическое выражение в рамках общей и социальной психологии, а, скорее, оформить собственную область науки.

Отнесение тех или иных психопрактик к определенному виду вызывает определенные трудности. То, что легко сделать на абстрактном уровне, не столь же просто сделать с реальными объектами. Многие специалисты говорят о том, что психотерапия и психологическая коррекция имеют один предмет и содержание, что размываются границы между психотерапией и психологическим консультированием, что психотренинги могут выступать и как самостоятельные практики, и быть включенными элементами, например, в процесс психотерапии. Приемы психологической коррекции встречаются в процессах психологического консультирования и просвещения. Многие тренинги, по сути, являются практиками личностного роста и развития. Вместе с тем еще существует чрезвычайно мощный пласт практической психологии – оккультных, эзотерических, психодуховных, религиозных, биоэнергетических и т.п. практик, который почти не получил никакого научно-психологического осмысления (и, говоря откровенно, наука сторонится этой сферы). Выделяя те или иные виды психопрактик, специалисты, вместе с тем, в качестве ведущих выделяют в них разные моменты. Кто-то говорит о психотехнической составляющей, кто-то о технологиче-

ской, одни акцентируют внимание на развивающем потенциале тренингов, другие на тренирующей стороне, для третьих существенны просветительские, образовательные аспекты. Для многих важна терапевтическая, ослабляющая сторона психологических практик будь-то психотерапия, аутогенная тренировка или медитация. Контекстуально также можно встретить высказывания о методическом, компенсирующем, интегрирующем, концептуализирующем, диагностирующем, исследовательском, прогностическом, коррекционном, игровом, профилактическом, обучающем, тестирующем, социальном, конструктивном, проектирующем, реабилитационном, гигиеническом и других компонентах психопрактик. Между исследователями нет и, наверное, никогда не будет единого понимания, где заканчивается психотерапия и начинается психологическое консультирование, как соотносятся психологическая коррекция и психотренинг, в чем определяющая разница между консультированием и просвещением и т.д. Причина заключается в том, что всякая конкретная практика в разной степени выраженности, в том числе, латентно содержит в себе все многообразие возможных психопрактических аспектов и способов действия.

Если идет процесс психотерапии, то врач или психолог не только осуществляют психотерапевтическое воздействие по известной методике, но также и тренируют нарушенные функции, просвещают пациента о причинах и возможностях выхода из болезненного состояния, консультируют, поддерживают и т.п. Естественно на всех стадиях психотерапии имеет место психодиагностика, происходит концептуальное осмысление специалистом проблемы-болезни, а сам процесс психотерапии содержит психотехническую и психотехнологическую стороны. Аналогично психологический тренинг – это не только тренировка какой-то функции, способности, навыка. В нем всегда содержатся моменты объяснения, просвещения, консультирования, диагностики. В ряде тренингов, особенно телесно-ориентированных, с использованием дыхательных техник, интегративных технологий, существенным является психотерапевтический эффект. Естественно, каждый тренинг также выстроен технологически и психотехнически. Важно и то, что каждый конкретный психопрактический процесс протекает как уникальный, в одном сеансе, например, холотропной терапии у конкретного клиента могут преобладать терапевтические эффекты, в другом – преобладать концептуальное осмысление, в третьем – будут иметь место процессы личностного роста или интеграции и т.п. Поэтому вопрос не в том, что является специфическим, присущим только данному феномену, признаком психотерапии, психологического консультирования или психотренинга – между ними существует множество пересечений, а в соотношении всем им присущих основных компонентов. На основе этого соотношения можно, с одной стороны, строить определения видов психологических практик, с другой – вычерчивать ориентировочные границы между ними, всегда имея в виду, что живая практика богаче любого представления о ней.

Психологическая практика как родовая эмпирическая категория есть целостность, интегральное единство ее сущностных моментов. Одни из этих моментов (аспектов) в одних видах практик представлены как ведущие, в других – как подчиненные, в третьих – почти не проявлены или скрыты. Их латентное наличие в то же время обнаруживается, например, тем, что, будучи никак не проявлены в одних процессах данной практики, они отчетливо присутствуют в других, в какое-то время даже выходя на первый план. По части этих аспектов получили свое название

отдельные виды психологических практик. Эти аспекты – терапевтический, консультационный, тренинговый, развивающий, диагностический, объяснительный, концептуализирующий, компенсационный, интеграционный, исследовательский, коррекционный, игровой, профилактический, обучающий, поддерживающий, контекстуальный и другие. Если конкретная психопрактика строится с доминированием терапевтического аспекта, то она имеет статус психотерапии. Если она направлена на передачу некоторых психологических знаний вне конкретной проблемной ситуации, то ее психопрактическое содержание отвечает понятию психологического просвещения. Если психологическую интерпретацию получает конкретная личностная (групповая, организационная) проблема с целью ее конструктивного разрешения, то речь идет о психологическом консультировании. Если имеет место освоение, развитие, тренировка каких-либо психических функций, навыков, способностей, то психопрактика разворачивается как тренинг. Если психопрактика направлена на индивидуальное освоение внутренних (психических) пространств, то можно говорить о психодуховной практике. Хотя непреодолимых границ между ними нет.

Представление о психологической практике (психопрактике) как центральной категории практической психологии позволяет уточнить содержание основных видов психологических практик во взаимном соотношении. Критериями этого соотношения являются следующие параметры, точнее, условные параметрические шкалы с интуитивным шкалированием: 1) шкала «Психическая норма – патология», т.е. объективные показатели психического здоровья; 2) шкала «Степень личностного (группового, организационного) благополучия», т.е. субъективная оценка состояния клиентом; 3) шкала «Степень профессионального воздействия», т.е. интенсивность воздействия практического психолога на клиента; 4) шкала «Степень клиентской активности», т.е. пассивное принятие помощи или активное участие; 5) шкала «Глубина психологической работы», т.е. с каким личностным (психическим) уровнем идет работа. Это соотношение задает только обобщенные характеристики психологических практик, т.е. относит их к некоторой области практической психологии, поскольку, как отмечалось, реальные вариации не вмещаются ни в одну абстрактную схему. При необходимости в целях более детального анализа число этих критериев может быть легко увеличено.

Психотерапия по первой шкале ориентирована на сферу болезней (как психических, так и соматических), на примыкающую к ней сферу пограничных состояний, но также работает и в области психической нормы, если имеет место та или иная степень личностного благополучия. По второй шкале психотерапия ориентируется на сферу различной степени личностного благополучия и страданий. Другими словами, индивид, который психически и соматически здоров, не имеет психических проблем, той или иной формы личностного благополучия и страдания, с низкой степенью вероятности попадет в сферу внимания психотерапевта. По шкале «Профессионального воздействия» психотерапия характеризуется как психологическая практика, в которой ведущая роль принадлежит психотерапевту, он осуществляет психотерапевтическое воздействие. Хотя можно указать и на такие психотерапевтические процедуры, которые включают активные методы, требующие самостоятельных действий от пациентов (клиентов). Но и они все же иницируются психотерапевтом. Психотерапия также ориентируется на глубинную работу с клиентом, поскольку причины сильных страданий личности, психопатий, психических проблем, психосоматических заболеваний и т.д. относятся к глубинной сфере личности. Собственно, психотерапия не может состояться на поверхностных уровнях сознания.

Психологическое консультирование. В сравнении с психотерапией – это область психической нормы и большего благополучия. Если клиент обращается за консультированием, то налицо некоторая существенная проблема, которая нуждается в разрешении. Если на консультирование попадет психически нездоровый или личностно неблагополучный индивид, то он будет переориентирован на психотерапию или к соответствующему специалисту.

Если клиент обращается к консультанту, то наиболее вероятно, что проблема в той или иной форме клиентом осознана, но он не способен самостоятельно ее разрешить и нуждается в профессиональной помощи. Проблема актуально не вызывает значительных психологических затруднений, но в то же время отвлекает на себя значительные силы клиента. При психологическом консультировании профессиональное воздействие осуществляется в менее широких масштабах и меньшей интенсивности, оно вообще может редуцироваться до предложения клиенту альтернатив разрешения ситуации. Клиент чаще всего сам находится в состоянии активного поиска решения проблемы, и психолог также ориентирует его на самостоятельное решение. В принципе психологическое консультирование ведется на меньшем уровне глубины личности, иногда только на уровне вербального осознания, хотя и здесь возможны вариации.

Психотренинг сориентирован на сферу нормы и личностного благополучия, хотя его элементы могут быть использованы, например, в психотерапии, в том числе при психических нарушениях. В нем значение активности и ведущего и участника скорее одинаково, а уровень работы зависит от концептуальных основ тренинга, поставленных целей, других факторов и занимает весь спектр шкалы глубины. Психологическое просвещение адресовано психически нормальным индивидам, с разной степенью благополучия, но скорее благополучных, чем нет, т.к. это обуславливает степень адекватного восприятия информации. Активность предполагается обеих сторон, и просветителя, и просвещаемого. Просвещение обычно захватывает только поверхностные слои психики, формируя некоторую совокупность психологических представлений, хотя может иницировать и другие процессы. Психологическая диагностика не имеет самостоятельного значения психологической практики, несмотря на всю двоякую разработанность и инструментальную оснащенность. В силу этого к ней не имеют прямого отношения и указанные выше критерии. Хотя в связи с ними можно указать на то, что психодиагностика используется во всех случаях нормы и патологии, при всех вариантах личностного благополучия и страдания, что она выявляет в зависимости от используемых методов и методик психические феномены самой различной глубины и обычно является инструментом психолога-практика, хотя может быть использована и для самоисследования. Практики личностного роста – это скорее область психической нормы и достаточного уровня личностного благополучия, хотя специалисты здесь могут столкнуться со всем спектром психических патологий и личностных проблем. Активность принадлежит практикующему эти практики, если он не передает ее ведущему, наставнику, учителю, гуру и т.п. В отношении глубины представлен весь спектр психического. Без труда можно сконструировать (или отыскать в эмпирическом пространстве) психологические практики, занимающие и другие ниши практической психологии в соответствии с указанными критериями.

В то же время, с учетом представления о психологической практике как центральной эмпирической и теоретической категории практической психологии, необходимо исследовать ее системные и динамические компоненты, развернуть целостность психологической практики в динамическую систему, исследовать ее основания, аспекты

и их взаимосвязи, другими словами – простроить учение о психологической практике именно как науку психологической практики

В.Ф. Петренко

ПОНЯТИЕ КОНСТРУКТИВИЗМА В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Исследования проводятся при финансовой поддержке РФФИ, грант № 08-06-001-176а

Термин конструктивизм (constructivism) используется в столь широких областях науки, культуры и искусства, что его можно рассматривать как омоним, за которым стоят совершенно разные словоупотребления. Тем не менее, можно полагать, что есть нечто общее на уровне метафорических связей и соответствий в использовании этого термина в философии, психологии, социологии, математике, архитектуре, поэзии и живописи. И это общее – построение субъектом-творцом идеальных (как в математике или философии) или материальных (как в архитектуре) конструкций, исходя из функционально необходимых задач в деятельности. Например, в понимании Ле Корбюзье, «дома как машины для жилья» в архитектуре, или конструкта (познавательного эталона) – как функционального элемента в построении модели мира, себя, других людей – в психологической теории личностных конструктов Дж. Келли.

Термин конструктивизм (хотя его содержание восходит еще к Э.Канту) вошел в активное употребление в конце 70-х годов для обозначения теоретических и методологических установок в гуманитарных науках, подчеркивающих роль социальных ценностей и познавательных мотивов в построении «картины мира» данной культуры, сети научной коммуникации и деятельности научных коллективов в производстве научных знаний. Как философия познания конструктивизм находится в скептической позиции относительно онтологических представлений классической науки.

Согласно методологическому принципу конструктивизма в философии, психологии, социологии (Дж. Келли, Ж. Пиаже, А. Шюц, К. Гergen, П. Бергер, Т. Лукман, В.С. Степин, У.Матурана, Ф. Варела, Р. Ватславик, И. Глазерфельд), знания не содержатся непосредственно в объекте (в «объективной действительности») и не извлекаются из нее в ходе «движения от относительной к абсолютной истине», а строятся (конструируются) познающим субъектом в виде различного рода моделей, которые могут быть как альтернативными, так и взаимно дополнительными. В этом плане конструктивизм стоит на позициях плюрализма или множественности истины, и находится в оппозиции ленинской «теории отражения» и родственной ей «корреспондентной» теории истины. (см. понятие «истины» Касавин (2001)

Иллюстрацией противопоставления позиций конструктивизма и реализма, а также «диалектического материализма», может служить заочный спор двух выдающихся психологов: швейцарского психолога Ж. Пиаже, утверждавшего, что в логике выражается специфика деятельности субъекта и различные культуры могут иметь несовпадающие логики, и отечественного психолога П.Я. Гальперина, утверждавшего, в полном соответствии с «ленинской теорией отражения», что логика скрыта в самих объектах познания и их отношениях. Немецкий философ и культуролог О. Шпенглер в фундаментальной работе «Закат Европы» писал о существовании различных логик: о логике Аристотеля, арабской логике, логике индуизма.

В рамках постнеклассической философии (термин и теория В.С.Степина 2000), разновидностью которой выступает и методология конструктивизма, на продукт

познания (концепции, теории, модели) влияют не только особенности объекта познания, но и субъекта познания (с его культурой ценностно-мотивационной сферой и языком описания), а также специфика инструментов познания (начиная от органов чувств и перцептивных эталонов субъекта и заканчивая наличием сложных технических приспособлений, таких как электронный микроскоп, циклофазотрон или радиотелескоп). Операциональные (инструментальные) средства познания определяют каркас познавательных моделей, где наряду с информацией, идущей от объекта (согласно классической науки извлечь можно то, что позволяют органы чувств и инструментальные орудия¹), в свернутой форме присутствует и ценностно-мотивационная составляющая познания (определяющая зону поиска и его ограничений) в конструировании моделей мира. Знания и информация о мире не тождественны. На знание о мире влияют культурно исторические аспекты бытия познающего субъекта и понимаемый, в широком плане, его язык описания, зависимый от специфики лексики и грамматики естественного языка, от уровня развития математических формализмов и визуальных средств, включая кино, телевидение, интернет. Образ, картина мира оказывается производной от ценностно-мотивационной сферы (единичного или коллективного) субъекта познания, степени развития и характера инструментальных средств познания, от модельного языка в котором создаются образы познаваемого.

Понятие «конструктивизм» не имеет четко очерченных смысловых границ и не представляет собой некую авторскую концепцию. Это мировоззрение, скорее, реакция на наивный реализм и вульгарный материализм. Этот концепт (термин Ж. Делёза) содержит ряд конструктивных идей в том или ином сочетании встречающихся у целого ряда мыслителей и ученых:

– Так, идея активности познающего субъекта проходит красной линией от И.Канта и Ф.Гегеля до отечественных вариантов теории деятельности (С.Н.Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Г.П. Щедровицкий), и основывается на идеи возможности активного преобразования социального мира у К. Маркса: «Все философы занимались тем, что объясняли мир, а действительная задача состоит в том, чтобы преобразовать его».

Идея опосредующей роли языка в познании восходит к В. Гумбольдту, полагавшему, что «различные языки не разные обозначения одного и того же предмета, а разные видения его», к идеям Э.Сепира - Б. Уорфа, сформулировавшим гипотезу «лингвистической относительности», полагающую определяющую роль того или иного национального языка в особенностях мышления людей различных культур и в содержании их картины мира. Близка этой позиции и культурно-историческая теория Л.С. Выготского (1982), подчеркивающая эволюцию человеческого познания и его обусловленность культурно-специфичными формами общественного сознания (образованием, наукой, искусством).

В рамках разделения «наук о природе» (естественных наук) и «наук о духе» (гуманитарных наук) в конце XIX века В. Дильтей ввел понятие «социальной ре-

¹ В рамках философии интуитивизма, медитации и голографических моделей памяти и допускается возможность и непосредственного познания вне обычных органов чувств.

альности», которое затем получило широкое применение в работах А. Шюца, П. Бергера, Т. Лукмана, включавших в это понятие субъективные представления, элементы веры и вымысла.

«...социальная реальность содержит в себе элементы веры и убеждения, поскольку так их определяют участники, и которые ускользают от чувственного наблюдения. Для жителей Салема в XVII столетии колдовство не было обманом, а элементом их социальной реальности, и вследствие этого, оно является предметом изучения общественной науки» (Шюц 1994, с. 487). Как полагают отечественные историки И.М. Савельева и А.В. Полетаев «Социальная реальность есть продукт человеческих действий, поэтому к знанию социальной реальности не применим тезис о предсуществовании объекта познания по отношению к познающим субъектам, который лежит в основе религиозного и естественнонаучного знания. С точки зрения феноменологической социологии, любое знание» в некотором смысле тождественно самому объекту: объект это существующие на данный момент коллективные представления о нем» (Савельева, Полетаев 2003, том 2, с. 97). Понятие конструируемой «социальной реальности» развиваемое социологами и историками, отрицающее «объективную» социальную действительность близко понятие «психологической реальности» в работах В.П. Зинченко и М.К. Мамардашвили» (1977), где навязчивым и патологическим процессам? выявляемым бессознательным, предубеждениям и иллюзиям, так же не отказывается в статусе психической реальности, ибо наличие их в сознании субъекта оказывает влияние на его деятельность и принимаемые им решения.

Идея того, что социальная реальность в значительной мере определяется тем, что мы думаем о ней постепенно входит в общественное сознание через журналистику и масс медиа. «Современная дипломатия – пишет корреспондент «Новой газеты» - если она хочет быть эффективной в отстаивании интересов страны...должна принять законы телевизионного ньюсмейкерства. Широкие улыбки, остроумные, но незлые реплики, легкие и прямые аргументы – все то, от чего наших политиков почти физически тошнит. Это сильно противоречит нашему глубоко культурному стремлению разделять «на самом деле» и «на словах». Однако мир теперь живет словами, и они определяют то, что есть «на самом деле». (Коровин (2008. с.5)

Конструктивизм как миропонимание того, что познающий (единичный или коллективный) субъект создает модели мира, которые, по принципу кольцевой причинности, определяют ту социальную реальность? в которую он погружен, содержит ряд базовых идей, выдвинутых и развитых рядом выдающихся гуманитариев.

- Идея конструирования моделей в познании содержится в работах швейцарского психолога Ж.Пиаже, использовавшего язык логики и теории множеств, для описания психологических когнитивных структур мышления, а так же американского психолога Дж. Келли, определившего свою теорию «Личностных конструктов» как «конструктивистский альтернативизм», подчеркивая тем самым множественность возможных моделей мира, себя, других людей. Келли рассматривает построение картины мира обычным человеком по аналогии с ученым, создающим гипотезы о мире и проверяющим их адекватность и корректирующим их. Важно подчеркнуть, что конструктивистский подход создает собственный язык (тезаурус) своей методологии. В рамках конструктивизма принято говорить не об истинности или ложности теории (модели), а о её соответствии (или не соответствии) критериям научности и рационального мышления, научной картине мира, о её конвергентной валидности в сопоставлении с теоретическими построениями смежных областей знания,

о ее прогностической (эвристической) силе, о широте охвата круга феноменов, ею объясняемых, о ее внутренней непротиворечивости, лаконичности и даже красоте. Картина мира выступает не слепком с действительности, а одной из удобных форм ее описания. «Это карта, а не территория» - пишут, вслед за К. Роджерсом, основатели Нейролингвистического программирования Р. Бэндлер и Д. Гриндер (1995). В рамках методологии конструктивизма понятие самой действительности можно рассматривать как сложную методологическую культурно- историческую конструкцию, где познающий субъект и его познавательные действия, получаемая эмпирическая фактология, ее осознание и теоретическое конструирование реальности, рефлексия субъектом собственного познания и его мотивов, влияние культурных стереотипов и представлений, влияние языка и «социальный заказ» в познании входят как единый контур в сложной динамической системе познавательной деятельности, продуктом, которой и является так называемая «объективная реальность» или «действительность».

Даже собственное «Я», ощущаемое человеком как безусловно достоверная реальность, как та «объективная действительность» с которой начинается день, стоит человеку только проснуться, в методологии конструктивизма рассматривается как сложная конструкция деятельности самосознания, включающая осознаваемые и бессознательные компоненты. Я конструирует не только свой автопортрет (образ Я), но, обладая свободой выбора и совершая поступки, конструирует и самое себя. Нобелевский лауреат Д. Канеман выделяет Я - переживающее (чувствующее), и Я – интерпретирующее, творящее автобиографическую память как версию рассказа о собственном прошлом. В нарративной психологии и психотерапии (Дж. Брунер, Т.Р.Сарбин, Д. МакАдамс) иная трактовка, иная версия собственного прошлого пациента, инициированная психотерапевтом, смена акцентов в выделении наиболее значимых событий жизненного пути, ведет к изменениям и трансформациям личности пациента, психокоррекции его травмирующих и невротических переживаний. Автобиографическая память трактуется в нарративной психологии не как склад воспоминаний прошлого, застывших в своей неизменности, а скорее как динамический механизм, конструирующий версии прошлого, исходя из актуальных задач настоящего и потребностей саморазвития личности.

- Принцип множественности истины наиболее присущ постмодернизму (Фуко, Ж. Деррида, Р.Барт, Ж.-Ф. Лиотар), но его истоки можно найти как в религиозной философии Востока, так и Запада. Так, в буддизме, в частности, дается на эту тему поэтический образ: «То, что является рекой Ганг для человека, будет потоком гноя и нечистот для голодного духа и потоком амброзии для божества». И, как отмечает выдающийся отечественный востоковед Е.А. Торчинов, буддисты школы йогачары не считали возможным утверждать, что за этими субъективными «Гангами» находится некий объективный, «правильный» Ганг» (Торчинов, 2005, с. 53). Релятивизм познания можно найти уже у древних греков - в высказывании Гераклита о том, что нельзя дважды войти в одну реку. В позднем средневековье Фома Аквинский высказал мысль, что Истина для Бога гораздо полнее и объемнее, чем истина для человека. Сопоставление картины мира людей разных культур привело К. Леви-Брюля к заключению об отличии мышления людей примитивных культур от мышления современного человека и введению понятия «прологическое мышление». Различие мировосприятия, присущее людям разных эпох и культур, описано в работах О. Шпенглера, французской исторической школы «Анналов» (М.Блок, Л. Февр), работах А.Я.Гуревича. На формирующуюся методологическую парадигму конструкти-

визма, бесспорно, влияют теория относительности А.Эйнштейна и принцип «дополнительности» Н.Бора, учитывающие позицию наблюдателя (исследователя и интерпретатора) и постулирующие возможность сосуществования и взаимодополнения альтернативных теорий и моделей. Как полагает буддизм, альтернатива великой Истине тоже великая Истина.

Как показывает А. Вежбицкая (1996), не существует объективных, т.е. безличных высказываний, и высказывания типа «смеркается», подразумевают наличие некоего субъекта, находящегося в некоторой точке пространства и времени, в восприятии которого осуществляется этот процесс. Позиция наблюдателя, его средства наблюдения, система ценностей и язык описания необходимо участвуют в построении познаваемой реальности. В этом плане можно сформулировать один из ведущих принципов конструктивистской парадигмы, согласно которой ученый не только изучает познавательную реальность, но и создает, конструирует ее. Радикальный конструктивизм (конструкционизм в терминах Гергена) идет дальше и согласно К. Кнорр-Цетиной ученые замкнуты в пространстве лаборатории и производят там собственную «научную действительность», которая и является единственной научной реальностью.

- Согласно базовому постулату Дж. Келли (2000), «поведение личности канализируется (структурируется) по тем же руслам тех конструктов, по которым происходит антиципация событий». Близкую мысль выразил С.Л.Рубинштейн в утверждении о «единстве сознания и деятельности». Система значений, категорий человеческого сознания опосредует восприятие и осознание социальной реальности. Введение новых понятий, трансформация категориальной сети мировосприятия, тем самым, согласно принципу Дж. Келли меняет и само человеческое поведение, что по принципу кольцевой причинности меняет, в свою очередь, и саму социальную реальность. Кеннет Дж. Герген (Джержен в иной транскрипции) выразил эту мысль следующим образом; «с точки зрения конструкциониста социально-психологическое исследование способно участвовать в сотворении новых форм культурной жизни. Разрабатывая новые теоретические языки, исследовательские практики, формы выражения и методы вмешательства, психология создает благоприятные условия для культурной трансформации» (Джерджен, 2003, с.43). Действительно, в современных научных обществах научное знание представляет собой не только способ мысленного освоения социальной реальности, но и средство ее практического творения. В этой связи, пишет социолог Н.Е. Покровский, сообщество ученых исполняет не только функцию экспертов, но и «драматургов» самого действия.

История стекает с кончика пера мыслителя, озвучивается политиками и средствами массовой информации, входит в сознание людей и реализуется многомиллионными массами. «Вначале было слово». (Петренко 2002, 2007). Сходную мысль о сотворении мира мыслителем я встретил у известного американского экономиста Дж Кейса. «Идеи экономических и политических мыслителей, и когда они правы, и когда они ошибаются, имеют гораздо большее значение, чем принято думать. В действительности только они и правят миром – безумцы, сто-

ящие у власти, которые слышат голоса с неба, извлекают свои сумасбродные идеи из творчества какого-нибудь академического писака, сочинившего несколько лет назад». (цит. по Гринберг 2008 с. 586). Соглашаясь, с близкой мне по духу цитатой, я хотел бы, тем не менее, отметить, что идеи все же «приходят с неба» и принадлежат тем «академическим писакам» о которых, несколько пренебрежительно, отозвался Кейс, а политики их чаще всего их только озвучивают, подчас неосознанно занимаясь плагиатом, впрочем, «каждому своё».

Литература

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.

Вежбицкая А. Язык, Культура, Познание. М. 1996. Выготский Л.С. Собрание сочинений в 6 томах. М. Изд. «Педагогика» 1982.

Гринберг Р.С. Пятнадцать лет рыночной экономики в России// Вестник Российской Академии наук, том 77, № 7, 2008.

Гриндер Д., Бэндлер Р. Структура магии. - М.: КААС, 1995.

Джержен (Герген) К. Дж. Социальный конструкционизм: знание и практика. Минск: БГУ, 2003.

Зинченко В.П., Мамардашвили М.К. Проблема объективного метода в психологии// Вопросы психологии, 1977.

Касавин И.Т. Истина// Новая философская энциклопедия. Изд. «Мысль» М., 2001.

Келли Дж. Теория личности. Психология личностных конструктов. СПб: Речь, 2000.

Коровкин В. Обама и мы// Новая газета. Свободное пространство. № 44, 2008.

Матурана У., Варела Ф. Дерево познания. М.: Прогресс-Традиция, 2001.

Назаретян А.П. Истина как категория мифологического мышления //Общественные науки и современное 1995, № 4, с.105-108.

Петренко В.Ф. Конструктивистская парадигма в психологической науке// Психологический журнал, том 23, № 3, 2002, с. 113-121.

Петренко В.Ф. Психосемантика как направление конструктивизма в когнитивной психологии// Когнитивный подход: философия, когнитивная наука, когнитивные дисциплины. Изд., «Каннон» М., 2007, с.435-463.

Степин В. С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Савельева И.М., Полетаев А.В. Конструирование прошлого. Том I // Знание о прошлом в двух томах. Санкт-Петербург «Наука» 2003.

Торчинов Е.А. Введение в буддизм. Изд. «Амфора», СПб. 2005.

Харре Р. Метафизика и методология: некоторые рекомендации для социально психологического исследования// Социальная психология: саморефлексия маргинальности. Хрестоматия / ред. сост. Е.В. Екимова. М. ИНИОН РАН, 1995, с. 74-93.

Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках// Американская социологическая мысль: тексты. М., МГУ, 1994, с. 481-496.

Фоменко Г.Ю. (Краснодар) ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕГРАЦИИ

Предлагаемые пути преодоления «схизиса» между исследовательской и практической психологией излагаются с опорой на собственный опыт автора, которому, исходя из специфики профессиональной деятельности, а соот-

ветственно, и профессионального позиционирования, всегда приходилось выступать в двух ипостасях: как преподавателя ВУЗа и практического психолога силового ведомства.

На наш взгляд, условиями преодоления расщепления между двумя составными частями психологии являются следующие:

Первое условие – это необходимость занятия мест в практической сфере высококвалифицированными специалистами на постоянной основе.

Второе условие – интеграция исследовательской и практической психологии через проблематизацию специалистами своей практической деятельности.

Третье условие – разработка рефлексивной методологии практической психологии (А.В.Юревич, 2005). В этом случае любые служебные задачи реализуются в научно-практическом контексте и рассматриваются как элемент сложного системного образования. Это позволяет на основании полученных результатов выдвигать теоретические предположения, касающиеся сути и содержания сложных понятийных конструктов (в нашем случае – это модус бытия личности в экстремальных условиях жизнедеятельности; профессионализация личности и т.п.). А далее создаётся возможность использовать арсенал теоретического дискурса для повышения потенциала практики. Таким образом, осуществляется взаимообратимость и обогащение научно-практической и исследовательской организационных стратегий.

В случае комплексной реализации указанных условий проблема схизиса между этими ветвями психологии может быть отнесена к разряду ложных дихотомий.

Именно благодаря интеграции двух организационных стратегий: исследовательской и научно-практической нам удалось концептуализировать и изучить такой сложный феномен как модус бытия личности в экстремальных условиях жизнедеятельности (Г.Ю. Фоменко, 2006).

Организационная исследовательская стратегия по выявлению модуса бытия личности в экстремальных условиях предполагает следующую этапность работы:

Организация клинической беседы на основе принципов методологии психологического обследования личности как субъекта самопознания и саморазвития.

Выявление системы разноуровневых противоречий по результатам клинической беседы и материалам социально-психологического изучения обследуемого.

Выявление внутриличностных типологических противоречий (модель дифференциально-типологического анализа личности Г.Ю. Фоменко).

Анализ противоречий в различных бытийных пространствах на основе структурно-динамической модели личности З.И. Рябикиной.

Анализ особенностей экзистенциальных противоречий.

Выявленная специфика модуса бытия личности позволяет прогнозировать особенности профессионализации, предвидеть возникновение кризисных явлений.

Организационная научно-практическая стратегия реализуется на основе разработанной нами ранее методологии практического исследования личности как субъекта самопознания и саморазвития (Г.Ю.Флоровская, 1998), предполагающей: стимуляцию субъектной активности личности в соответствии со спецификой взаимодействия эксперта и обследуемого («уравнение в правах» испытуемых и психологов; учёт двусторонности процесса изучения участников взаимодействия; привлечение обследуемого в качестве эксперта полученных результатов; личность как субъект интерпретации); сочетание качественных и количественных методов в условиях лонгитюдного обследования с интеграцией информации со всех уровней личностной бытийности на каждом из этапов профессионализации; синтез эмпирики и теории, благодаря чему «заключение по результатам психологического обследования» и другие итоговые документы (служебные справки, аналитические записки и т.п.) являются продуктом не только практической, но и исследовательской деятельно-

сти, поскольку содержат обобщения высокого уровня, отвечающие критериям научного знания.

Они могут служить материалом аналитической исследовательской работы. Причём обобщение материалов научно-практического этапа и его концептуализация не требуют дополнительного обращения к результатам конкретных методик для их статистического анализа.

В связи с тем, что данная информация нам доступна и на собственно исследовательском этапе, полученные формализованные материалы рассматриваются в индивидуальном преломлении к конкретному человеку и подвергаются качественному анализу для выявления проблемных моментов и противоречий в контексте исследовательской тематики

Конкретизируем специфику интегративного подхода в практике профессионального отбора и работы с персоналом (на этапе создания «психологического портрета»=заключения), положения которого выстроены в соответствии с субъектно-бытийной методологией, оптимально, на наш взгляд, согласующейся с тенденциями психологии на современном постнеклассическом этапе её развития.

Предлагаемый интегративный подход основан на следующих теоретических положениях и вытекающих из них требований к содержанию и оформлению психологических заключений.

I. Основной акцент необходимо делать на выявлении способов и форм существования и самоосуществления личности. При интегративном подходе мы пытаемся ответить на вопрос: кем и как человек сумел стать при данных внешних и внутренних, психологических, личностных и социальных условиях, каков его модус бытия (способ жизнедеятельности – для социального заказчика). Именно эта понятийная метаконструкция выступает в качестве системообразующей.

Диагностировав модус бытия личности, мы имеем возможность прогнозировать процесс её социализации/профессионализации, специфику становления профессиональной и социокультурной идентичности, особенности функционирования личности в кризисные периоды.

II. В заключении должен быть отражён жизненный (социальный, культурный) контекст, поскольку именно последний (а даже не экспериментальная ситуация) определяет результат исследования (В.Н.Дружинин, 2002).

III. Необходимость представленности в заключении самого субъекта – обследуемого с его собственной интерпретационной системой себя и образа мира.

Анализ содержаний предполагает, что они обязательно должны присутствовать в тексте заключений в виде прямой речи, высказываний из материалов беседы, сочинений, методики «Незаконченные предложения» и т.п. Это помогает также определить уровень развития рефлексивного сознания обследуемого. Выявление последнего необходимо для повышения прогностичности заключения, поскольку именно уровень развития рефлексивного сознания связан с самодетерминацией.

IV. В заключении должны присутствовать и рассуждения самого специалиста по поводу обследуемого. Эти рассуждения играют роль своеобразного социального контекста (позиция и отношение эксперта к излагаемому материалу в силу его субъективной пристрастности - «линзы» Т.Куна - своего рода функциональные органы мировосприятия эксперта), в котором выписывается психологический портрет.

V. Учёт и интенсификация субъектной активности обследуемого в экспертной ситуации.

В личностно-центрированном психодиагностическом подходе при безусловно центральной фигуре субъекта исследования, в вопросах совершенствования психодиагностики акцент перемещается как на личность самого

специалиста, так и на дефис в формуле S – S – взаимодействие клиента и психолога.

VI. В связи с новым типом рациональности и новыми критериями объективности и истинности (диалогическая парадигма) совершенно по иному при обсуждении экспертного вывода выстраиваются профессиональные коммуникации со специалистами-смежниками, с исключением жёстко ригористической манеры «или – или».

VII. Необходимость выявления сути и содержания личностного и профессионального самоопределения человека, поскольку человек не просто выбирает профессию, он выбирает образ жизни: принятие решения о варианте жизни является «точкой бифуркации». После выбора обратного пути нет, и личность человека должна модифицироваться под влиянием нового образа жизни (В.Н.Дружинин, 2000).

VIII. Согласно интегративному подходу, психологическое заключение является результатом аналитической работы специалиста.

В связи с этим на основе этих материалов имеется возможность:

- реконструировать облик человека, его проблемы, важные кризисные моменты независимо от срока давности;

- полноценно и многоаспектно обсудить особенности кандидата/сотрудника с работником кадрового аппарата, будущим начальником, с родителями;

- проанализировать практически любую проблему: особенности мотивации, профессионального самоопределения; тип жизнедеятельности личности; прогнозирование процесса профессионализации и его возможных ослож-

нений; способы совладания с критическими ситуациями и т.п.

- совершенствовать и оптимизировать экспресс – диагностическую процедуру: погружение в эмоционально-смысловое поле, адекватное особенностям ментальности обследуемого, в связи с чем наблюдается парадоксальное явление: высокая степень открытости в экспертной ситуации, которая не располагает к этому;

- осуществить сопряжённость психодиагностики и коррекции (не с такого-то числа начали заниматься реабилитацией, сопровождением, а таковое осуществляется перманентно в процессе психологического обследования при должностных перемещениях, служебных командировках, выдвигении на руководящую должность и т.п.);

- потребитель/заказчик понимает, из каких посылов исходит специалист, вынося своё решение: психолог в этом случае достаточно убедителен и доказателен.

В наших исследованиях, а соответственно и в заключениях, как практическом продукте, осуществляется, исходя из положений субъектно-бытийного подхода, переход от простого выявления отдельных качеств и типологических характеристик личности к уяснению противоречий в становлении личностной и социальной идентичности и противоречий, возникающих в процессе её самоосуществления в различных личностных бытийных пространствах

В завершении подчеркнём, что все вопросы практического плана по своей сути являются комплексными, включёнными в живую ткань человеческого бытия, и поэтому они наиболее остро ставят проблему продуктивной и корректной интеграции теоретических оснований психологического знания и целостного научно-практического мышления

Абдулаева А.В. (Караганда)

ВЛИЯНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ВОЛЕВОЙ АКТИВНОСТИ И МОРАЛЬНО-ПРАВСТВЕННОЙ НОРМАТИВНОСТИ НА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКУЮ АДАПТАЦИЮ СТУДЕНТОВ

Важным компонентом социально-психологической адаптации является эмоционально-волевая активность студента, в которой выражается способность к саморегуляции, сознательному мобилизирующему усилию и управлению своим поведением, а также опыт, знания, навыки, индивидуальные особенности, мотивы и мировоззрение. Все волевые качества (самообладание, дисциплинированность, настойчивость, смелость, инициативность, решительность, самостоятельность) взаимосвязаны и выступают как решающее условие эмоционально-волевой устойчивости студентов по отношению к отрицательным влияниям, сохранению эффективной деятельности в затрудненных ситуациях. В случае нарушения «нормальной» структуры волевого поведения в деятельности студентов возникают волевые срывы, на фоне которых у части из них развиваются склонности к использованию искусственных возбудителей и тормозов. В результате обнаруживаются различные проявления нарушения личного и социального статуса студента в коллективе, отчуждение от учебной группы.

Профессиональная направленность предполагает понимание и внутреннее принятие целей и задач профессиональной деятельности, относящиеся к ней интересы, идеалы, установки, убеждения, взгляды. При этом наибольшую ценность имеет идейно выраженная профессиональная направленность. Будучи сформированной, ставшей свойством личности, такая профессиональная направленность влияет на уровень текущих мотивов и эффективность деятельности в целом. Положительные изменения в содержании профессиональной направленности проявляются в том, что крепнут мотивы, связанные с будущей профессией, стремлением хорошо

выполнять свои профессиональные обязанности, усиливается чувство ответственности, желания добиться успеха на работе.

В настоящее время анализ содержания самого процесса адаптации является одной из наименее исследованных областей: большинство существующих моделей процесса адаптации ограничиваются краткими формулировками типа: конфликт - фрустрация - акты приспособления - изменение ситуации и основываются на отслеживании динамики общего психического состояния индивида, где особый вес имеет эмоциональный компонент. Уровень эмоционально-волевой устойчивости, это особенности эмоциональной сферы и уровень развития волевых характеристик человека. Следует отметить, что данная характеристика является весьма показательной в отношении поведенческой регуляции людей. Она связана, с одной стороны, с генетическими особенностями организма конкретного человека, а с другой стороны — с особенностями его воспитания.

Следует отметить, что неоднократно предпринимались попытки выделить основные, «фундаментальные» эмоции. В частности, принято выделять следующие эмоции:

Радость — положительное эмоциональное состояние, связанное с возможностью достаточно полно удовлетворить актуальную потребность.

Гнев — эмоциональное состояние, отрицательное по знаку, как правило, протекающее в форме аффекта и вызываемое внезапным возникновением серьезного препятствия на пути удовлетворения исключительно важной для субъекта потребности.

Страх — отрицательное эмоциональное состояние, появляющееся при получении субъектом информации о реальной или воображаемой опасности.

Эмоции и чувства опосредуются системой ценностных установок конкретного человека.

Особую форму переживания представляют собой высшие чувства, в которых заключено все богатство подлинно человеческих отношений. В зависимости от предметной сферы, к которой они относятся, чувства подразделяются на нравственные, эстетические, интеллектуальные.

Нравственными, или моральными, называются чувства, переживаемые людьми при восприятии явлений действительности и сравнении этих явлений с нормами, выработанными обществом. Проявление этих чувств предполагает, что человеком усвоены нравственные нормы и правила поведения в том обществе, в котором он живет. Нравственные нормы складываются и изменяются в процессе исторического развития общества в зависимости от его традиций, обычаев, религии, господствующей идеологии и т. д. Действия и поступки людей, соответствующие взглядам на нравственность в данном обществе, считаются моральными, нравственными; поступки, не соответствующие этим взглядам, считаются аморальными, безнравственными. К нравственным чувствам относят чувство долга, гуманность, доброжелательность, любовь, дружбу, патриотизм, сочувствие и т. д. К аморальным можно отнести жадность, эгоизм, жестокость и т. д. Следует отметить, что в различных обществах эти чувства могут иметь некоторые различия в содержательном наполнении.

Однако эмоциональное состояние индивида, прежде всего, является реакцией на позитивный или негативный характер взаимодействия со средой и отражает происходящие в процессе адаптации изменения, которые можно отследить как минимум, на трёх уровнях: эмоциональном, когнитивном и поведенческом. Детальный анализ происходящих изменений должен фиксировать не только динамику общего эмоционального состояния человека, но и степень его информированности о ситуации, а также характер активности, направленной на её преобразование.

В едином процессе социально-психологической адаптации мы можем выделить пять взаимосвязанных этапов, где каждая последующая стадия включает в себя результат предыдущей. Это: 1) первичная реакция на изменения, 2) ориентировка, 3) внутренняя переработка и осмысление, 4) действия, направленные на изменение, 5) продуктивное взаимодействие. При последовательном переходе с одного этапа на другой различные компоненты

(эмоциональный, когнитивный и поведенческий) приобретают неодинаковую значимость. Нагрузка как бы переносится с одного уровня на другой, в зависимости от тех задач, которые приходится решать личности в процессе построения новой системы взаимодействия со средой. При успешном течении процесс адаптации на каждом этапе характеризуется чётко определёнными характеристиками эмоционального состояния, познавательной и поведенческой активности. Их устойчивые сочетания могут служить индикаторами этапа. Как возможные нарушения процесса адаптации можно выделить: неудачную реализацию (неадекватное выполнение) основной задачи конкретного этапа, пропуск этапа, фиксацию на определённом этапе, нарушение поступательного движения и возвращение к предыдущему этапу. Использование развёрнутой модели процесса адаптации позволяет по-новому осветить и проблему определения степени адаптированности в некоторый момент времени.

Представители интегративной психологии рассматривают возможность выделения еще одного уровня адаптации личности - духовно-нравственного, являющегося стабилизирующим не в отношении личности с организмом, или с другими людьми, а в ее отношении к самой себе. Этот уровень связан с гармонизацией телесно-душевной и духовно-нравственной сфер личности. На этом уровне происходит осознание человеком собственной значимости, уникальности, смысла своей жизни; обретается эмоционально-психологическое и нравственное благополучие, создаются условия для преодоления любых форм дезадаптации.

Духовно-нравственный уровень адаптированности характеризуется способностью к децентрации, «доминантностью на собеседнике», умением понимать свободу выбора другого человека.

Важное место, как средство социально-психологической адаптации студента, занимают традиции, сложившиеся в вузе. Переходя от одного поколения к другому, они представляют собой устойчивые формы общественно полезной деятельности и общения студентов, способствующие формированию у них четкой социальной и профессиональной позиции. Новичок принимает их как норму, которая указывает на ориентиры поведения, принятого в вузе. Традиции воспитывают у студентов любовь к учебному заведению, приобщают к профессии, развивают познавательные интересы, духовные потребности, общую культуру, формируют общественно-трудовую активность, морально-нравственную ориентацию, ориентацию на требования ближайшего окружения.

Абрамович К.Н. (Иркутск) **СОЦИАЛЬНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ В СТРУКТУРЕ УЧЕНИЧЕСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ**

Стремление к социальной успешности становится актуальным не только в молодежной, но и в подростковой среде, и, в последнее время все более активно начинает развиваться такое направление деятельности как школьное ученическое самоуправление. Подростки, учащиеся старших классов, стремящиеся не только принимать активное участие в общественной жизни школы, но и выступать в роли организаторов процесса, проявлять свои лидерские качества, участвуют в работе структур ученических школьных самоуправлений. Это является одной из форм организации свободного времени, влияющих на личностное развитие ребенка.

Основное предназначение ученического самоуправления - удовлетворять индивидуальные потребности обучающихся, направленные, прежде всего, на защиту их гражданских прав и интересов, участие в решении насущных

проблем. Участие обучающихся в ученическом самоуправлении способствует формированию более четкой и осознанной гражданской позиции и ценностного отношения к себе и другим; позволяет повысить социальную компетенцию; развивать социальные навыки поведения и установок на самостоятельное принятие решений в социальных проблемных ситуациях. Самоуправление учащихся выражается в возможности самостоятельно проявлять инициативу, принимать решения и реализовывать их в интересах ученической группы, а также своих личных. Как правило, самоуправление проявляется в планировании деятельности группы, организации этой деятельности, в анализе своей работы, подведении итогов сделанного и принятии соответствующих решений. Общий смысл термина «самоуправления» понятен, а вот механизм воплощения принципа самоуправления оценивается с разных

точек и неоднозначно. На наш взгляд механизмы и способы работы структур ученического самоуправления важны, так как оказывают большое влияние на развивающуюся личность ребенка.

Основываясь на нашем опыте работы с социально – успешной молодежью, а именно структурой городского студенческого совета администрации г. Иркутска, попытках повлиять на стратегию жизни через осознание ценности категории свободного времени в среде молодежи со средним уровнем активности, мы предлагаем следующий подход к работе с ученическими самоуправлениями. В его основе лежит социальное проектирование, которое, на наш взгляд, является оптимальной формой работы с органами школьного самоуправления. Социальное проектирование позволит развивать социально-успешную личность, воспитывать гражданственность, активность и инициативность в подростковой среде, а также проводить подготовку так называемого кадрового резерва для полностью будет принадлежать подросткам, а взрослые (педагоги) могут выступать в качестве кураторов и консультировать подростков в случае их некомпетентности в каких-либо вопросах. Таким образом, в ситуации социального проектирования подростки получают возможность предлагать собственные идеи и их реализовывать, что дает простор для творчества, не ограниченный жесткой образовательной программой. Возможность предлагать и делать что-то самостоятельно заставляет думать и нести ответственность за свои решения и действия в полной мере. Такая форма работы также может выступать в качестве одного из способов установления контакта между подростком и взрослым. Это является очень важным фактором такой структуры как школьное самоуправление. Таким образом, в разработке и реализации социальных проектов очень важна инициатива учащихся, их желание изменить мир к лучшему и реализация этого желания. Так как в ученическом самоуправлении на добровольческих

условиях участвуют подростки, которые из всех форм досуговой работы выбрали для себя именно социально-направленную, социально-полезную деятельность, не исключено, что именно они в будущем составят кадры местного самоуправления и общественных организаций. Поэтому работа с такими подростками на этом этапе очень важна. Привить умение творчески подходить к решению проблем, заложить морально-нравственные установки в социальной работе является необходимым условием воспитательной деятельности педагогов, взаимодействующих со структурами школьного самоуправления. Социальное проектирование решает такие задачи, которые несет в себе организация ученических самоуправлений как: воспитание и развитие таких качеств, необходимых для социальной успешности личности, как: самоорганизация, умение работать в команде, активность, эффективное распределение времени, адаптивность и т.д. Социальное проектирование позволяет не только развиваться личностно, быть полезным для отдельной личности, участвующей в работе школьного самоуправления, но и быть полезным для общества в целом. Внимание школьников к какой-либо общественной проблеме, попытки как-то решить ее, не только изменяют ситуацию в окружающем мире, но и изменяют отношение к проблеме у самого школьника. И вовлечение в процесс решения проблемы подростка играет здесь важную роль.

Основываясь на этом, нами была разработана образовательная программа для школьного ученического самоуправления, которая получит апробацию в Иркутске. Также в дальнейшем нами планируется исследовательская работа психологических особенностей подростков и особенностей восприятия ими свободного времени, участвующих в работе структур школьного самоуправления.

Агибаева Г.Е. (Алматы)

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ В ПСИХОЛОГИИ. МУЗЫКАЛЬНАЯ ТЕРАПИЯ КАК ИНТЕГРАТИВНЫЙ МЕТОД ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПСИХИЧЕСКОЕ И ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА

В современном мире человек постоянно подвергается нервным перегрузкам. Негативные переживания, которые не могут быть выражены в социально приемлемой форме, приводят к перенапряжению нервной системы, неврозам и психосоматическим заболеваниям. Стресс оказывает влияние на все сферы человеческой жизни.

Нельзя не согласиться с мнением В.В. Козлова, отмечаящего что «с возникновением эгоцентрических, прагматических, индивидуалистических ценностей происходит тотальное отчуждение людей друг от друга и невозможность интимно-личностных отношений между людьми» [4]. Человек вытесняет из своего сознания сокровенную ценность жизни как живое общение – субъект-субъектные взаимодействия. Из всего этого следует полагать, что такой человек имеет низкую способность к интеграции, которая ведет к формированию деструктивных реакций личности, к внутренним противоречиям, психологической дисгармонии и депрессии.

Основным критерием психического здоровья человека является его способность к интеграции опыта. Поэтому наука психология все активнее включается в разработку проблем, поставленных самой жизнью нашего общества.

Важным этапом в развитии психологической науки является рассмотрение человека с точки зрения интегративной методологии.

В.В. Козлов: «Интегративная методология исходит из постулата, что человек - существо целостное, т. е. самостоятельное, способное к саморегуляции и развитию. Но человек - не единственная целостная сущность в мире. Все в природе обладает целостностью, сама природа целостна и представляет собой иерархию, в которой каждый элемент является "целым" по отношению к своим частям и "частью" по отношению к большему целому. Оба эти аспекта существования: и часть, и целое должны быть выражены полноценно для осуществления потенциалов любого существа. Отсюда понятна тяга человека выйти за свои пределы, трансцендировать, быть, чувствовать, осознавать себя частью мироздания». Таким образом, интегративная методология рассматривает саму природу и ее элементы как целостную систему, в которой все процессы и явления взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Психология очень долгое время развивалась на основе «глобально-аналитической» методологии, предполагающей разложение целостной психики на ее компоненты (В.Д. Шадриков, В.В. Козлов, А.В. Карпов, В. Мазилов).

В связи с этим Поль Фресс в своей статье настаивал на единстве психологии: «Сегодня проблема состоит не в том, чтобы создавать или не создавать психологию как науку, а в том, чтобы понять, не угрожает ли бурное развитие ее единству». "Я стою за сохранение Единства Пси-

хологии: 1) потому что ее объект - человек обладает своей спецификой, и нельзя игнорировать того, что малейшее из наших действий зависит от нашей природы и культуры. Но это не должно быть причиной разделения психологов на тех, кто изучает только мозг, и тех, кто занимается лишь поведением;

2) потому что у нас общий метод: исходя из поведенческих актов исследовать их биологические и личностные условия, а также условия, связанные с окружающей средой;

3) потому что единство, к которому мы придем, не есть единство синтетического знания, а единство все более полного знания сложности и взаимодополняемости систем, которые определяют каждый из наших поступков".

Практические методы психологической работы с использованием интегративного подхода включают в себя широкий спектр психологических техник. Одним из таких перспективных методов по восстановлению, укреплению и сохранению физического и психического здоровья человека признана музыкальная терапия. Как интегративный метод музыкальная терапия включает в свой арсенал медицинские, психологические, педагогические и психотерапевтические методы.

В древности и в настоящий момент, исследователи разных областей наук рассматривают музыку как уникальный вид искусство, который воздействует на психический и физический мир человека, не разделяя его целостность. Да, сама музыка является целостной системой, так как она состоит из различных звуков, которые, соединяясь воедино, создают мелодическую линию. Такая интеграция дает нам широкий спектр музыкальных шедевров.

Так, Д. Кемпбелл отмечает: *«звук обладает мистическими свойствами. Он может приобретать физическую форму и контуры, которые способны воздействовать на здоровье, сознание и поведение человека. Звуки могут колоссально воздействовать на клетки, ткани и органы человеческого тела. Вибрирующий звук создает образы и энергетические резонансные поля, которые вызывают движение в окружающем пространстве. Мы поглощаем эту энергию, и она воздействует на наш организм».*

Понятие «интеграция», на наш взгляд, требует конкретного определения. С латинского слова «интеграция» означает состояние связанности отдельных дифференцированных частей и функций системы, организма в целом, а также процесс, ведущий к такому состоянию. Поэтому, рассматривая музыкальную терапию как метод воздействия на психологическое и физиологическое состояние человека необходимо сделать акцент на функциональности музыки. Феномен функциональности музыкального искусства явление изменчивое и развивающееся. Среди функций музыки в одной из классификаций названы следующие: стимулирующая, седативная, церемониальная (включая ее применение в религиозных, военных ритуалах и др.), коммерческая (включая применение в труде, в торговле, просто для развлечения), терапевтическая, образовательная. Подобная классификация, несмотря на феноменологическую полноту, страдает отсутствием системности: в ней смешаны цели и сферы применения музыки. Для систематизации представлений о функциях музыки, т.е. целей, с которыми она используется, М. Леви предлагает выделить несколько уровней ее воздействия на человека:

Биологический. Цели использования: смягчение физического дискомфорта, уменьшение болевых ощущений, влияние на различные физиологические процессы (кровообращение, дыхание, внутреннюю секрецию, иммунитет и др.), терапия болезней, повышение эффективности различных методов лечения при комплексном их применении.

Психофизиологический. Цели использования: преодоление однообразия стимуляции органов чувств, повышение физической работоспособности, улучшение функций восприятия, внимания, памяти, сенсомоторных реакций, повышение уровня бодрствования, преодоление сонливости, релаксация, ускорение засыпания.

Психологический. Цели использования: улучшение настроения, создание положительных эмоций (тимогенная функция), снижение тревожности, отвлечение от неприятных мыслей (анксиолитическая функция), избавление от скуки или пресыщения какой-либо деятельностью, выявление и отреагирование - внешнее выражение - накопившихся переживаний (функция катарсиса), изменение состояния сознания, создание ощущений погружения в "другую реальность".

Ценностно-смысловой. Цели использования: воодушевление на выполнение какого-либо дела, способность вызывать энтузиазм и т.п., формирование мировоззрения, системы ценностей, направленности личности, развитие нравственных качеств человека.

Социально-психологический. Цели использования: улучшение способности к общению, повышение контактности, преодоление явлений аутизма, сплочение, объединение коллектива людей, улучшение их взаимоотношений, влияние на поведение больших и малых групп.

Абсолютного противостояния между этими уровнями воздействия не существует, напротив, музыка выполняя коммуникативную методологическую функцию стремится к взаимопроникновению, синтезу, интеграции (по В. А. Мазилу).

Таким образом, если рассмотреть эти уровни воздействия музыки, на человека исходя из целей, то можно определить функциональность музыки как процесс сближения и связи наук, происходящий наряду с процессами их дифференциации.

Как отмечает В.В. Козлов: *«современная ситуация в методологии психологии характеризуется противостоянием традиционного (академического) и огромного количества школ ... новых психологических подходов к пониманию теории и практики этой науки. ... Основная проблема заключается в том, что ни практики, ни теории психологии не пытаются рефлексировать целостную картину психической реальности человека. ... В силу этого необходимы создание и разработка принципиально новой методологии».* В качестве «первого приближения» автор предлагает выделить два уровня интегративной методологии:

- объяснительный – система основных постулатов, принципов построения науки, а также теорий, концепций, смысловых моделей, раскрывающих топологию, динамику психического;

- воздействующий – система методов, практик, умений, навыков, психотехник, направленных на восстановление целостности сознания, личности, деятельности.

В соответствии с интегративным подходом эти уровни методологии не могут существовать отдельно, так как любое объяснение является воздействием, а некоторые теории обладают качеством модели мира человека, имеющим мировоззренческий смысл.

Подводя итоги, необходимо отметить что, интегративная психология изучает целостного живого человека во всей его многомерности. Тем самым, музыкальная терапия, являясь интегративным методом в психологии, целостно воздействует на человека как на его психологическое, так и на физиологическое состояние.

общественных организаций и органов местного самоуправления. Под социальным проектированием нами понимается любое мероприятие, направленное на какую-либо сферу общества, организационная работа, необхо-

димая для эффективной его реализации, а также последующий анализ проведенной работы. Социальное проектирование в рамках школьного самоуправления может быть направлено на различные сферы социальной жизни. Отметим, что именно в рамках социального проектирования учащиеся могут предлагать идеи, направленные на такие процессы в обществе, которые их действительно волнуют, и делать какие – либо шаги для изменения и

улучшения ситуации, которая кажется подросткам проблемной. Здесь школьники могут не только делать что-либо по «указке» взрослых, но и сами предлагать и реализовывать идеи, которые их действительно волнуют и интересуют. В такой ситуации самоуправление будет действительно САМОуправлением, где инициатива целиком и

Акуленко А.Н. (Минск)

КАТЕГОРИЗАЦИЯ И КОНСТРУИРОВАНИЕ СМЫСЛОВЫХ ПОЗИЦИЙ В ДИАЛОГЕ.

В связи с лингвистическим поворотом в психологии и активизацией интереса к языковой, культурной детерминации психического получают распространение качественные методологии дискурсного, нарративного, конверсационного анализа. В данных подходах наблюдается выраженный сдвиг от простого анализа высказывания как репрезентации некоторой реальности (классическая концепция языка как кода) к прагматическим аспектам высказывания. В то же время интерес к прагматике приводит к редукции содержательных компонентов высказывания (например, теория речевых актов). Преодоление одностороннего анализа речи намечается в диалогических теориях (Hermans, Shotter, Wortham), которые следуют логике М. Бахтина в трактовке высказывания как выражения смысловой позиции, опирающегося на раскрытие тематического содержания и использования речевых жанров (для учета интерактивного контекста высказывания). В русле данных разработок мы предлагаем вариант диалогического подхода к анализу процессов взаимопонимания, на основе интегративно-эклетического подхода к методологии психологического исследования В.А. Янчука [1], объединяющий такие подходы как этнометодология (Garfinkel), конверсационный анализ (Sacks, Schegloff, Jefferson), интеракционная социолингвистика, теория речевых жанров М.Бахтина и другие диалогические концепции.

Конверсационный анализ представляет собой развитую методологию изучения естественной речи, основных принципов ее интерактивной организации (смена говорящих, исправления и уточнения, последовательное развитие темы и т.д.). Хотя конверсационный анализ преимущественно фокусируется на вопросах формальной интерактивной организации диалога, некоторые из ранних работ Сакса, интерес к которым возвращается у современных исследователей, касались проблемы категоризации — обозначения людей как принадлежащих к некоторой группе. Было введено понятие механизма категоризации членства (membership categorization device), посредством которого участники взаимодействия категоризируют себя и других людей, для обеспечения взаимопонимания и коммуникации. Механизм категоризации представляет собой своеобразный аппарат (apparatus), состоящий из коллекции категорий и правил их применения. Причисление человека к определенной категории позволяет говорящему (и слушателю) делать предположения о свойствах этого человека, формах деятельности, которые он осуществляет. Были предложены правила применения категорий: правило экономии (один термин из определенной коллекции в принципе может осуществлять адекватную референцию), правило связности (если первый человек, о котором упоминают в разговоре, обозначается категориями из определенной коллекции, то последующие люди относятся к той же, или иным категориям этой коллекции) [4, p. 471]. Изначально исследования касались категорий, связанных с референцией к людям, в дальнейшем распространились на неличные объекты [2].

Housley, W. and Fitzgerald, R. отмечают, что категоризация неразрывно связана с воспроизводством социального порядка. Они также отмечают, что коллекции категорий необходимо рассматривать как локальное и практическое достижение (а не как некоторые деконтекстуализированные нормативные правила в духе концепции Хомского): категории проявляются в локальных контекстах в соответствии текущим задачам взаимодействия [2]. Отслеживание проявляющейся последовательности и категоризации является единым процессом, на который ориентированы собеседники. Исследование категоризации также должно учитывать полезность самого процесса категоризации для участников — так как некоторые определения могут выступать в качестве атрибутов (для узнавания человека, к примеру), в то время как другие, на вид описательные, либо даже имена собственные, могут выступать в качестве категорий, с которыми связан некоторый социальный опыт (понятный участникам на уровне здравого смысла) [4]. В целом, анализ динамики содержания во многом должен быть привязан к исследованию его в последовательности. Организующим является принцип «диалогичности для получателя» (recipient design), согласно которому высказывание создается таким образом, чтобы быть понятным данному слушателю, как с точки зрения формальной организации последовательности, так и с точки зрения использования определенного тезауруса.

Рассмотрим процессы категоризации на примере интервью, посвященных молодежным субкультурам. Категоризация молодых людей в соответствии с их предпочтениями («панк», «хиппи») подвергается активному исследованию. В нашей культуре для обозначения принадлежности к молодежной субкультуре используется категория «неформал». Мы обнаружили, что зачастую в ходе самоописания участники интервью так или иначе отказываются от однозначной категоризации себя как «неформала». При чем этот отказ может осуществляться как прямо, так и косвенно, за счет дополнений и уточнений. В одном из интервью информант (одетый как представитель субкультуры, находящийся в месте, где встречаются «неформалы») явно сообщает, что не относит себя к неформалам, интервьюер обнаруживает и принимает данную позицию, и в свою очередь пытается прояснить причины подобного отказа и исследовать субъективное значение категории для собеседника: «а почему ты не относишь себя к неформалам, в принципе ты слушаешь рок-музыку, там допустим- некоторые {обрывает свою фразу}ладно, хорошо, давай скажем так: кого ты относишь к неформалам?». Информант отвечает следующим образом: «Ну не знаю точно, такие более очерченные границы трудно найти. Ну только одежда и только музыка мало что решает, это должно быть какой-то образ мыслей: не идти за толпой там, не следовать серому большинству. Хотя если честно, вот все эти неформалы которые здесь собираются, являются какой-то толпой, и тоже это ж получается, что они являются серой массой неформалов». Информант обсуждает категорию исходя из ее атрибутов

(«одежда», «музыка», «образ мыслей», форм активностей, привязанных к категории: «не идти за толпой»), при этом фактически переходя от единственной категории, к двум, отличающимся между собой. В последующем он дополняет: «ну изначально вот неформалы, когда только зарождались, это были совсем другие люди, действительно которые шли от толпы, преследовали какие-то свои цели, им было все равно мнение остальных, они жили как они хотели. А сейчас это, так, модное название». Рассказчик приходит к выделению двух категорий, которые можно условно обозначить — «неформал-раньше» «неформал-сейчас». Эти категории выделяются в ходе собственной интерпретации информанта, представляя его собственную субъективную конструкцию (при этом подобные рассуждения часто воспроизводятся представителями молодежных субкультур — с различной аргументацией и различными обоснованиями). Очевидно, что большинство конструкций, которые задействованы в диалоге, не носят субъективно устойчивого характера (как личностные конструкты Келли) или социально устойчивого (как механизмы категоризации членства), будучи при этом как субъективно, так и социально обусловленными. При интерпретации процессов категоризации можно выделить несколько общих тенденций: а) конструирование двух или более полюсов (различных категорий) позволяет организовать рассуждение через присоединение к одной категории и обособление от других; б) атрибуты категорий могут трансформироваться в самостоятельные категории; в) участники разговора опираются как на собственные категории, так и категории, предложенные собеседниками, как ресурсы тематического развития, реализуя принцип дизайна для получателя.

Необходимо отметить, что подобное конструирование категорий отнюдь не является абстрактным рассуждением по произвольной теме (хотя аналогичные процессы можно заметить и в подобных разговорах). В большинстве случаев участники разговора привносят категории и объясняют их, предоставляя отчет (account в этнометодологии) о собственной позиции, точке зрения на значимую для них проблему. Мы здесь приближаемся к центральному понятию нашего анализа — смысловой позиции (по Бахтину) — как выражению жизненного, ценностного отношения субъекта к миру и людям. В нашем примере проявление жизненной позиции информанта, указание на ценностную значимость разговора проявляется в его отказе от идентификации с группой «неформалов» и одновременной попытке объяснить нахождение среди них, последовательно осуществляемом, в то время как интервьюер, следуя своим собственным исследовательским интересам продолжает обращаться к нему, как представителю субкультуры (сам факт интервью указывает на это). Подобное отношение обнаруживает и информант, обращаясь к проблеме внешней категоризации в следующем эпизоде:

Инф: просто когда тебя к кому-то относят, ты как-то невольно, и становишься им, похожим на него,

Инт: а как так получилось, что тебя стали, к ним относить.

Инф: {говорит со улыбкой} я не знаю, я не помню как такое произошло, что там дали послушать такую музыку.

Просто начал общаться с этими людьми, как-то вот несolidно стало с ними стоять, и как-то на меня так смотрели... думаю: «Надо, наверное переодеться.» {смех} переоделся.

Разговор выстраивается как сложное переплетение различных способов категоризации и позиций: «неформальность» рассматривается одновременно как позитивное и негативное явление; интервьюер с одной стороны признает отказ от идентификации, с другой стороны продолжает обращаться к собеседнику как представителю культуры; информант сопротивляется категоризации его как неформала, и в то же время признает возможность такого его определения. В ходе беседы подобное противоречие накапливается и выражается в развернутом отказе информанта от самоописания себя как представителя субкультуры: «нет, я не могу сказать {что я неформал}, я просто случайно здесь. То есть прохожу, сижу. Больше сам по себе, просто поздороваюсь, поговорю, пару минут и все». Важно отметить, что отказ от идентификации с группой в данном случае является не просто выбором между двумя равнозначными определениями, или выбором более правильного из них. Он связан со включенностью говорящего в актуальный субкультурный контекст. Указатели места «здесь», описания людей соотносятся с действительным присутствием людьми, с которыми говорящий не хочет идентифицироваться.

Если для интервьюера обсуждение темы неформалов связано с попытками прояснить значение и содержание этого конструкта для участников субкультуры, то для последних это пространство, в котором формируется и устанавливается их идентичность, и не в терминах абстрактных категорий, а в отношениях с другими людьми, которые данными категориями обозначают свою принадлежность или непринадлежность к определенной группе. Аналогичное сопротивление представителей молодежных субкультур отмечается и в других исследованиях [3]. Отказ от жесткой идентификации с группой, позицией, ролью может быть связан с процессуальным характером идентичности, стремлением к гибкому самоконструированию.

Интеграция анализа формальной стороны организации речи — смены говорящих, уточнения, дополнения — и способов конструирования содержания позволяет обратиться к исследованию смысловых позиций, значимых для участников взаимодействия. Исследование процессов категоризации в диалоге приближает нас к анализу процессов конструирования субъективности, осуществляемых в естественных коммуникативных контекстах — субъективность постоянно воспроизводится и конструируется в отношениях с другими людьми.

Янчук В.А. Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: интегративно-эклетикий подход. — Мн.: Бестпринт, 2000.

Housley, W. and Fitzgerald, R. The Reconsidered Model of Membership Categorization Analysis// Qualitative Research. — 2002. — 2(1): P. 59–83.

Rapley, T.M. The art(fulness) of open-ended interviewing: some considerations on analysing interviews / T.M. Rapley // Qualitative Research. — 2001. — Vol. 1, №3. — P. 303–323.

Schegloff, E.A. A tutorial on membership categorization/ E.A. Schegloff // Journal of Pragmatics 39 (2007) P. 462–482.

Антоненко И.В. (Москва) МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ДОВЕРИЕ

В основе межличностного доверия лежит взаимодействие двух личностей, одна из которых выступает субъектом доверия, другая ее объектом (в соответствии с философскими дефинициями категорий субъекта и объекта). Поэтому для понимания межличностного взаимодействия

существенным является выявление структуры личности, релевантной доверию.

В настоящее время разработано огромное число различных концепций личности. Только их простое перечисление заняло бы десятки страниц. В частности, подробно разработанную социально-психологическую структуру

личности предлагает Б.Д.Парыгин, относя эту проблему «к числу актуальнейших вопросов социально-психологической теории». Б.Д.Парыгин пишет: «личность – это интегральное понятие, характеризующее человека в качестве объекта и субъекта биосоциальных отношений и объединяющее в нем общечеловеческое, социально-специфическое и индивидуально-неповторимое». И далее указывает: «социально-психологическая модель личности представлена двумя подструктурами – статической и динамической». Согласно автору, статическая подструктура включает в себя компоненты: общечеловеческий, биосоциальный, социально-специфический и индивидуально-неповторимый. А динамическая подструктура содержит следующие компоненты: психическое состояние субъекта и поведение. Б.Д.Парыгин подчеркивает целостность личности и при этом отмечает, что статическая и динамическая подструктуры являются разными сторонами одного целого – человека, поведение – лишь другая сторона личности. Далее ученый выделяет два инструментальных подхода к исследованию этих структур личности: аналитический и интегральный. Аналитический подход позволяет производить многообразные дифференциации внутри каждой подструктуры и их компонентов, при интегральном же подходе личность берется в самом общем плане.

Доверие имеет отношение к каждой подструктуре личности по Б.Д.Парыгину. Оно представлено в статической подструктуре личности общечеловеческим содержанием доверия, понятным для любой нации и расы, социально-специфическим содержанием, характерным для той или иной нации, культуры, государства, социального слоя, рода, семьи, и, наконец, индивидуально-неповторимым содержанием, специфичным для данного конкретного человека. В динамической подструктуре личности доверие также отражено и в психических состояниях индивида и в его поведении. Но это не разные не связанные друг с другом аспекты или проявления доверия в личности, а именно проявления целостной личности, проявления одного и того же феномена доверия в разных формах. Это не онтологически разные формы – онтология здесь одна – феномен доверия, а разные формы восприятия и постижения доверия, т.е. гносеологически различные формы данности доверия. Таким образом, о какой бы форме доверия речь не шла (его общечеловеческом, социально-специфическом или индивидуально-неповторимом содержании, его проявлении в виде состояния или поведения), его онтологическая форма психического бытия остается одной и той же, но в его содержании могут быть обнаружены моменты разной степени общности (всеобщие, частные, уникальные) и гносеологически различные проявления (психическое состояние как интроспективная данность доверия и поведение как данность доверия для внешнего наблюдателя).

Эта единая онтологическая форма психического бытия доверия нами прослежена в категориях: психическое явление – психическое образование – высшая психическая функция – функциональный психический орган (А.А.Ухтомский, Н.А.Бернштейн, Л.С.Выготский, А.Н.Гусев, А.В.Запорожец, В.П.Зинченко, А.Н.Леонтьев, А.Р.Лурия и др.). Но она требует своего содержательного наполнения. В то же время взаимодействуют в межличностном общении не функциональные органы, а конкретные люди. И в процессах социальной перцепции они постигают друг друга и значение доверия для межличностного взаимодействия.

Социальная перцепция обычно трактуется как восприятие, понимание и оценка отдельной личности или социальной группой социальных объектов (других личностей, социальных групп и общностей). В ее рамках также выделяется более узкое понятие – межличностной перцепции,

которое означает восприятие, понимание и оценку одной личностью другой в процессе общения и взаимодействия. В социальной перцепции существует ряд стадий переработки социальной информации: непосредственно процесс восприятия наблюдаемого поведения, интерпретация воспринимаемого поведения, эмоциональная оценка интерпретированного поведения и построение стратегии собственного поведения субъектом перцепции. Основными механизмами межличностного восприятия считаются идентификация, эмпатия, рефлексия и каузальная атрибуция. Каждый из этих механизмов содержит в себе возможность неточного или ошибочного восприятия. Одна из наиболее распространенных ошибок социальной перцепции называется фундаментальная ошибка атрибуции: она заключается в тенденции наблюдателей недооценивать ситуационную составляющую и переоценивать личностную в поведении других людей. Существуют и другие социальные эффекты, приводящие к ошибкам в социальной перцепции: это социально-психологические барьеры (Б.Д.Парыгин), эффекты установки, ореола, первичности, новизны, стереотипизации и др. В целом социальное восприятие является субъективным в отношении своего процесса и результата.

Социальная перцепция доверия в межличностном взаимодействии нами была исследована эмпирически на небольшой выборке. В основе этого исследования лежали три простые анкеты. Вопросы первой анкеты касались не только межличностного доверия, но и абстрактного и социального доверия. Интересным оказалось сравнить между собой перцепцию разных видов доверия респондентами. Испытуемые представляли собой работающих людей и одновременно получающих второе высшее образование, общим числом 57 человек, из них 36 – женщин, 21 – мужчин. Группа разнородна по возрасту (23–43 лет) и основной деятельности: от рядовых исполнителей и руководителей среднего звена (менеджер по персоналу, зам. начальника управления и пр.) до главных специалистов и руководителей организаций (ведущий экономист, директор и т.п.). Полученные данные рисуют сложную картину восприятия респондентами значения доверия в различных социальных сферах: в одних случаях доверие видится ими более значимым, чем в других. При этом существуют явно выраженные гендерные различия в оценке значимости доверия в некоторых сферах. Полученные данные можно проранжировать по оценке субъективной значимости доверия в отдельных областях социальной жизни.

Результаты исследования показывают, что 100% респондентов считают значение доверия в близких отношениях существенным. Из предложенных к оценке областей близкие отношения оказались для всех наиболее значимой сферой, в которой доверие признано безусловно необходимым элементом. Уже в деловых отношениях только 75% респондентов считают доверие существенным, 16% признают его значение средним, а 9% – несущественным. Всего оценивалось значение семи видов доверия, из них четыре вида доверия относятся к межличностному доверию. Во всех случаях значение доверия в межличностном взаимодействии в целом признано существенным. Как видно, уменьшение субъективной значимости доверия в целом происходит по мере удаления социальной сферы от непосредственной жизнедеятельности человека и актуальных смыслов: респонденту понятно и значимо доверие в близких отношениях, в деловых отношениях, к политическим деятелям, но для него менее ясным является доверие между людьми вообще или доверие в обществе. В целом полученные результаты свидетельствуют о высокой значимости доверия в межличностных отношениях. Одно дело – гипотетически предполагать такой результат, другое – получить его явные доказа-

тельства. При этом значимость доверия возрастает по мере возрастания значимости для респондента самих отношений, уменьшения, так сказать, социальной дистанции между субъектом и объектом. Эта тенденция выражена явно, и ее можно считать выявленной закономерностью значимости доверия: значение доверия для субъекта доверия тем выше, чем меньше социальная дистанция между ним и объектом доверия. При этом под социальной дистанцией мы понимаем соотношение формальных и неформальных аспектов общения в социальном взаимодействии: чем больше в общении представлено формальных аспектов по отношению к неформальным, тем больше социальная дистанция.

Посмотрим, в связи с этим, какой процент респондентов указал на существенность доверия в разных видах отношений. В близких отношениях социальная дистанция минимальна – значимость доверия максимальна (100%). В деловых отношениях люди выступают как партнеры или коллеги, от качества их взаимодействия зависит приоритетный для них результат, они сближены по многим общим позициям, – значение доверия велико (75%). Сотрудники организации взаимодействуют более формально – уровень доверия можно снизить (56%). Отношения между людьми вообще – категория не совсем ясная для респондента, но еще сохраняет характер межличностного общения, общения с «человеком с улицы», тем самым, значение доверия еще достаточно велико (51%). Практически на таком же уровне находится оценка значения доверия к руководству, людям, имеющим более высокий социальный статус (49%), это еще межличностные отношения, но в них социальная дистанция достаточно велика. Доверие в обществе – категория еще более абстрактная, социальная дистанция здесь предельна – между человеком и обществом, поэтому уровень доверия минимален, но достаточно высок (40%). Из выявленной закономерности выбивается высокое значение доверия к политическим деятелям и руководителям государства (68%), поскольку этот вид доверия является абстрактным доверием – обычные люди не вступают в межличностные отношения с политическими деятелями и руководителями государства. Но, во-первых, вероятно, ими предполагается (в форме бессознательной установки) большое значение этих деятелей в функционировании государства и влиянии на их собственную жизнь. Во-вторых, к ним существует личное отношение как к конкретным персонам, т.е. эти абстрактные отношения приобретают форму псевдо-межличностных отношений, воображаемых межличностных отношений и в шкале субъективной значимости они принадлежат категории межличностных, а не абстрактных отношений.

Еще один анкетный опрос проводился среди студентов дневного отделения и служил, в первую очередь, эмпирической проверкой теоретической модели доверия. Вопрос стоял о том, действительно ли доверие является встречным эквивалентным отношением, как это было обосновано теоретически. Было опрошено 47 студентов дневного отделения Государственного университета управления. В результате с высокой степенью достоверности было показано, что доверие является встречным эквивалентным отношением, обусловленным объектным отношением. 15% респондентов показали, что они «полностью доверяют», и 81% – «скорее доверяет» человеку, который к ним относится позитивно (в сумме это составляет 96%). 96% показали, что они «полностью не доверяют», и 4% – «скорее не доверяют» человеку, который к ним относится негативно (в сумме это составляет 100%). Эти результаты были также подтверждены на другой выборке, где была использована более дифференцированная анкета. Таким образом, мы считаем эмпирически доказанным факт, что доверие – это встречное эквивалентное положительное отношение субъекта к объекту, обладающему качеством направленной к субъекту позитивности; недоверие – это встречное эквивалентное отрицательное отношение субъекта к объекту, обладающему качеством направленной к субъекту негативности; доверие в широком значении – это встречное эквивалентное отношение субъекта к объекту в прямой зависимости от обладания этим объектом качеством направленной к субъекту позитивности или негативности.

Таким образом, доверие в межличностном взаимодействии является субъективно значимым, при этом действует следующая закономерность: значение доверия для субъекта доверия тем выше, чем меньше социальная дистанция между ним и объектом доверия. Наиболее высокая (100%) значимость доверия в близких отношениях. Но доверие сохраняет свое высокое значение и в абстрактных (68% и 51%) и социальных (40%) отношениях, хотя здесь его значимость существенно снижается. Доверие представлено в каждой подструктуре личности и элементах этой подструктур (статической и динамической). В каких бы формах доверие не проявлялось в основе его лежит единая онтологическая форма психического бытия доверия, последовательно отражаемая в гносеологических формах его постижения: психическое явление – психическое образование – высшая психическая функция – функциональный психический орган. Эмпирическое подтверждение нашло также теоретическое предположение о том, что доверие является встречным эквивалентным отношением.

Артемяева О.А. (Иркутск)
ПРАКТИКА КАК ДЕТЕРМИНАНТА СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Решение вопроса об интеграции теории и практики, несмотря на его актуальность для современной науки, требует учета закономерностей развития науки в целом, в ее исторической ретроспективе. Проблема единства теории и эмпирии в психологии, хотя и имеет уникальную историю решения, имеет в своей основе общенаучные тенденции. В формировании и развитии науки В.С. Степин выделяет две стадии: зарождающейся науки (преднауки) и науки в собственном смысле этого слова. Преднаука изучает преимущественно те вещи и способы их изменения, с которыми человек многократно сталкивается в обыденном опыте. Деятельность преднаучного мышления формируется на основе практики и представляет собой идеализированную схему практических преобразований

реальных предметов. По мере развития познания формируется новый способ построения знаний – собственно научный. Материалом последнего являются ранее сложившиеся системы знания (языка). Они погружаются в особую структуру, заимствованную из другой области знания, где она предварительно обосновывается в качестве схематизированного образа предметных структур действительности. Таким образом, в науке наряду с эмпирическими правилами и зависимостями, выявляемыми в преднауке, формируется особый тип знания – теория, позволяющая получить эмпирические зависимости как следствие из теоретических постулатов. Однако достоверность полученного знания проверяется практикой. Становление и развитие научного познания в VI – I вв. до

н.э. со свойственным античному расслоенному обществу презрительным отношением к физическому труду привело к противопоставлению абстрактно-теоретических исследований и практически-утилитарных форм применения научных знаний (Степин В.С. *Философия науки. Общие проблемы.* М., 2008).

Таким образом, исторически практическое познание предшествовало теоретическому, научному. Практика была основанием научного поиска. Вместе с тем в процессе развития научное стало противопоставляться практическому, прикладному, как низшему уровню. Возникновение таких философских направлений, как рационализм и эмпиризм, способствовало закреплению этого противопоставления. Выдвинутое в рамках диалектического материализма положение о необходимости связи теории и практики предполагает рассмотрение практики как исходного и конечного пункта познания, а теории – как промежуточного звена, на котором происходит интерпретация полученных данных и построение гипотез. Существенным является понимание повышения уровня практики на начальном и конечном этапе, ее преобразования в результате теоретического осмысления (Алексеев П.В., Панин А.В. *Теория познания и диалектика.* М., 1991).

В психологии проблема соотношения теории и практики приобретает специфическое звучание в силу наличия специфических форм практики. Как свидетельствуют результаты историко-психологического исследования Е.А. Будиловой, во второй половине XIX в. такими формами были, прежде всего, судопроизводство и военное дело. В основе историко-психологического исследования «Социально-психологические проблемы в русской науке» (М., 1983) лежало признание общественной практики (как в числе важнейшей детерминанты становления и развития психологической науки. В частности становление отечественной юридической психологии во второй половине XIX в. рассматривается как ответ на требования нового порядка судопроизводства, введения суда присяжных. Развитие военной психологии объясняется запросами практики создания массовой профессиональной подготовки армии, непрерывной профессиональной подготовки, необходимости идеологической работы, руководства в армии в условиях нарастающих социальных противоречий. Существенно, что накопление психологического знания в российской науке XIX в. проходило в работах не ученых-психологов, а специалистов в обозначенных областях: юристов-практиков А.М. Бобрищева-Пушкина, Л.Е. Владимиров, журналиста Н.М. Ядринцева, военных М.И. Драгомирова, К. Дружинина и др.

К началу XX в. произошло расширение сферы психологической практики. Ее основными областями стали психологическое сопровождение учебного, производственного и терапевтического процессов. Развитие психологии в России происходило параллельно и в связи с развитием мировой науки: отсутствовал языковой барьер, существовала практика зарубежных стажировок, отечественные исследователи участвовали в зарубежных конференциях, совместных научных исследованиях, публиковали свои работы на иностранных языках (Артемьева О.А. Реализация комплексного подхода к человеку в работах В.М. Бехтерева// Бехтеревские чтения в Елабуге: Мат-лы межд. науч. конф. Елабуга, 2008. С. 29-33; Артемьева О.А. Социально-психологические детерминанты научного знания в психологии// Психология когнитивных процессов: Мат-лы всерос. науч.-практ. конф. Смоленск, 2007. С. 8-12.).

Это позволяло Л.С. Выготскому – одному из передовых психологов-исследователей тех лет – рассматривать методологические проблемы мировой психологии в целом. Его фундаментальная работа «Исторический смысл психологического кризиса» (рукопись 1926 г.) представляет собой попытку объяснения причин рассматриваемого яв-

ления и путей его продуктивного разрешения. В этой работе Л.С. Выготский называет развитие прикладной психологии главной движущей силой кризиса в его последней фазе. В прикладной психологии он усматривает «все прогрессивное, здоровое, с зерном будущего, что есть в психологии». Она «дает лучшие методологические работы. Представление о смысле происходящего и возможности реальной психологии можно составить себе только из изучения этой области... Центр в истории науки передвинулся; то, что было на периферии, стало определяющей точкой круга. Как и о философии, отвергнутой эмпиризмом, так и о прикладной психологии можно сказать: камень, который презрели строители, стал во главу угла» (Выготский Л.С. *Собр. соч.: В 6 т. Т. 1.* М., 1982. С. 291-436.).

По мнению Л.С. Выготского, через психотехнику, психиатрию, детскую психологию и криминальную психологию психология впервые столкнулась с высокоорганизованной практикой – промышленной, воспитательной, политической, военной. «Это прикосновение заставляет психологию перестроить свои принципы так, чтобы они выдержали высшее испытание практикой. Она заставляет усвоить и ввести в науку огромные, накопленные тысячелетиями запасы практически-психологического опыта и навыков, потому что и церковь, и военное дело, и политика, и промышленность, поскольку они сознательно регулировали и организовывали психику, имеют в основе научно неупорядоченный, но огромный психологический опыт... Она для развития психологии сыграет ту же роль, что медицина для анатомии и физиологии и техника для физических наук». Л.С. Выготский противопоставляет прежнюю и новую психологию. «Там практика была колонией теории, во всем зависимой от метрополии... практика была выводом, приложением, вообще выходом за пределы науки, операцией занаучной, посленаучной, начинавшейся там, где научная операция считалась законченной. Успех или неуспех практически нисколько не отражался на судьбе теории. Теперь положение обратное; практика входит в глубочайшие основы научной операции и перестраивает ее с начала до конца; практика выдвигает постановку задач и служит верховным судом теории, критерием истины». Наиболее существенно то, что Л.С. Выготский рассматривал практику как конструктивный принцип науки, требующий философского осмысления эмпирического материала, методологии науки: «Сложнейшие противоречия психологической методологии переносятся на почву практики и только здесь могут получить свое разрешение. Здесь спор перестает быть бесплодным, он получает конец. Метод – значит путь, мы понимаем его как средство познания; но путь во всех точках определен целью, куда он ведет. Поэтому практика перестраивает всю методологию науки» (там же).

Представленные взгляды Л.С. Выготского были опубликованы лишь десятилетия спустя. Названные области психологической практики имели после его ухода уникальную историю развития. В 1920-1930-х гг. обслуживавшие их теоретико-прикладные направления были подвергнуты жесткой идеологической критике. Среди «репрессированных» научных направлений оказались педология, психотехника и психоанализ. Прикладная психология была «обезглавлена». Идеологическая ситуация предписывала устранение из теоретических основ науки всех чужеродных концепций, построение самобытной советской науки на фундаменте марксистско-ленинской философии. Такой поворот истории отечественной психологии привел к увеличению в ней доли теоретического знания по сравнению с эмпирическим.

Исключением в формировании этой тенденции стал период Великой Отечественной войны, когда запросы практики оказали важнее идеологических задач (Артемьева

О.А. Социальная детерминация отечественной психологии в периоды войн// Вестник Университета (ГУУ). №10. 2008. С.22-25). В это время были открыты новые психологические лаборатории, научно-исследовательский институт психологии в Киеве, психологические кафедры и отделения в Московском и Ленинградском университетах. В 1943 г. была организована Академия педагогических наук с психологическим отделением, в 1945 г. – сектор психологии при АН СССР. В годы Великой Отечественной войны активно развивалась военная психология. Участие в этом приняли как те, кто вступил в войну, будучи специалистом-психологом, так и те, «кому боевой опыт подсказал важность научной разработки военно-психологической проблематики» (Дьяченко М.И. Советская психологическая наука на службе обороны родины// Вопросы психологии. 1985. №3. С.5-13). Приобрели известность психологические работы посвященные военной маскировке Б.Г. Ананьева, Б.М. Теплова, С.В. Кравкова, психологическим основам стрельбы Д.Б. Эльконина, особенностям взаимоотношений в воинском коллективе А.Д. Глоточкина и др. В это время был накоплен значительный опыт восстановительной работы в эвакогоспиталях. Оказались востребованы знания психотехники (Геллерштейн С.Г. Восстановительная трудотерапия в системе работы эвакогоспиталей. М., 1943). По словам А.Р. Лурия, именно во время войны и ближайший послевоенный период нейропсихология превратилась в самостоятельную отрасль психологической науки (Лурия А.Р. Этапы пройденного пути. Научная автобиография. М., 1982).

Травля психологии и психологов в послевоенный период ограничила возможности развития науки в единстве теории и практики. Эта особенность сохранялась вплоть до 1980-1990-х гг., принесших с собой политические и экономические перемены. Уже в 1980 г. происходящий

«крутой подъем» в развитии психологии Б.Ф. Ломов объяснял развитием общественной практики и связанным с этим развитием исторических, экономических, социологических и т.п. исследований, сталкивающихся с необходимостью «анализа "микропроцессов" и "микромеханизмов" жизни общества, индивидуального уровня социального бытия человека» (Ломов Б.Ф. Теория, эксперимент и практика в психологии // Психол. журн. 1980. Т. 1. № 1. С. 8-20). Основными направлениями детерминации науки практикой он называл определение проблематики психологии, подходов к ее разработке и используемых методов.

Снятие ограничений на осуществление психологической практики, в том числе ее альтернативных форм, в стране привел к лавинообразному росту багажа не только научного, но, прежде всего, внеученого психологического знания в обозначенных выше сферах производства и быта, воспитания, психотерапии. Новые психологические подходы, выросшие на почве зарубежных теорий и отечественной внеученой практики в областях религии, мифологии, искусства, подчас входят в противоречие с отечественной концепцией психологии. Психологическая практика на очередном этапе своего развития, словами Л.С. Выготского, перестраивает методологию. В связи с этим, решение проблемы интеграции теории и практики на современном этапе развития психологии в России видится в способности теории решать запрос практики и проверять себя на ее материале, в объединении психологов, формировании единой системы получения и изучения эмпирических данных с последующим обогащением практики. Существенным для решения этих задач является, с одной стороны, дифференциация и изучение современных общественных практик как носителей психологического знания, а с другой – привлечение для их осмысления современных научных достижений, в частности постнеклассических подходов в психологии.

Асмаковец Е.С. (Омск)
ОСОБЕННОСТИ КОПИНГ-ПОВЕДЕНИЯ СОТРУДНИКОВ
ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ БОЛЬНИЦЫ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ
СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ

Ежедневно каждый человек сталкивается со стрессами, особенно в профессиональной деятельности. Стресс приобретает масштабы эпидемии и представляет собой основную социальную проблему современного общества. Стресс в профессиональной деятельности, как состояние психического напряжения, может вызвать у человека различные заболевания желудочно-кишечного тракта, сердечно-сосудистой и нервной системы. К его негативным последствиям относятся: снижение работоспособности, ухудшение качественных и количественных показателей работы, снижение адаптивных возможностей организма, личностные деформации и стресс-синдромы (переживание одиночества, выгорания, депрессии, хронические усталости и др.), болезни адаптации (язвенная болезнь желудка, инфаркт миокарда, гипертония, бронхиальная астма, нефросклероз и др.) (Н.Е. Водопьянова, Е.С. Старченкова, 2005; Л.А. Китаев-Смык, 1983). Поэтому особое значение необходимо уделять методам повышения стрессоустойчивости, как устойчивости моторных, сенсорных и умственных компонентов деятельности при возникающем эмоциональном переживании (В.Л. Маришук, В.И. Евдокимов, 2001) и формированию адаптивного совладающего поведения сотрудников на рабочем месте.

Совладающее поведение или «копинг» поведение, от английского «to cope» – совладать, преодолевать, «coping» – совладение, представляет собой поведение, направленное на приспособление к стрессовым обстоятельствам, готовность индивида решать жизненные про-

блемы. Копинг-поведение - это форма поведения, которая предполагает сформированное умение использовать определенные средства для преодоления эмоционального стресса. Психологическое предназначение копинг состоит в том, чтобы как можно лучше адаптировать человека к требованиям ситуации, позволяя ему овладеть ею, ослабить или смягчить эти требования, постараться избежать или привыкнуть к ним и таким образом погасить стрессовое действие ситуации (С.К. Нартова-Бочавер, 1997).

Правомерно предположить наличие взаимосвязи уровня стрессоустойчивости и стратегиями копинг-поведения, которые могут рассматриваться как «ресурс стрессоустойчивости».

Целью нашего исследования было выявление особенностей копинг-поведения сотрудников областной клинической психиатрической больницы: психологов, специалистов по социальной работе, медицинских работников с разным уровнем стрессоустойчивости.

Специфические особенности деятельности сотрудников данного учреждения и проблемы, с которыми им приходится сталкиваться каждый день: огромная ответственность за жизнь и здоровье пациентов, которая тяжким грузом ложиться на их плечи; длительное нахождение в «поле» отрицательных эмоций - страдания, боли, отчаяния, раздражения и так далее, которые так или иначе по механизму эмоционального заражения передаются и на сотрудников больницы; неравномерный режим работы с

ночными и суточными дежурствами, что нарушает естественные биоритмы труда и отдыха и негативно влияет на адаптивные способности организма; заработная плата сотрудников, которая явно не соответствует степени их социальной ответственности, что вызывает чувство неудовлетворенности своей профессией и связанные с этим личностные стрессы.

В нашем исследовании мы выявляли особенности устойчивости к профессиональным стрессам, которые проявляются в физиологических и психологических реакциях на напряженные ситуации в трудовой деятельности человека. Мы исследовали особенности трех видов профессиональных стрессов: психологического, рабочего и организационного.

Выявляя особенности копинг поведения, т.е. поведенческие и когнитивные усилия, применяемые индивидом, чтобы справиться с внешней стрессовой средой, мы опирались на типологию К. Карвера, выделяющего:

- *активно-адаптивные копинг-стратегии*, которые направлены непосредственно на разрешение проблемной ситуации: «активный копинг»; «планирование»; «поиск активной общественной поддержки»; «положительное истолкование и рост»; «принятие» - признание реальности ситуации.

- *пассивно-адаптивные копинг-стратегии*, которые могут способствовать адаптации человека в стрессовой ситуации, однако он не связаны с активным копингом: «поиск эмоциональной общественной поддержки»; «подавление конкурирующей деятельности»; «сдерживание».

- *неадаптивные копинг-стратегии*, которые только в некоторых случаях, помогают человеку адаптироваться к стрессовой ситуации и справиться с ней: «фокус на эмоциях и их выражение»; «отрицание»; «ментальное отстранение»; «поведенческое отстранение».

Поэтому для диагностики особенностей стрессоустойчивости в профессиональной деятельности мы использовали следующие методики: «Стрессоры», «Инвентаризация симптомов стресса», «Шкала организационного стресса Мак – Лина», «Шкала психологического стресса PSM-25». Для диагностики стратегий копинг – поведения сотрудников КПБ мы использовали методику «Стратегии копинг-поведения» К. Карвера.

Полученные с помощью данных методик результаты показали:

Сотрудники клинической психиатрической больницы из всех видов профессиональных стрессов менее всего подвержены влиянию психологического стресса.

Большая часть сотрудников КПБ подвержена влиянию организационного стресса, что говорит о том, что ситуации, связанные с взаимоотношениями в коллективе организации, особенность деятельности являются главным источником стресса для сотрудников КПБ.

Личностные свойства – компоненты (составляющие) устойчивости к организационному стрессу (Мак-Лин) у психологов имеют высокие уровни развития, что способствует высокой устойчивости к организационному стрессу; у специалистов по социальной работе показатели компонентов устойчивости – низкие, что свидетельствует о том, что специалисты по социальной работе обладают низкой устойчивостью к организационному стрессу.

Наиболее подвержены организационным, рабочим и психологическим стрессам медицинские работники и спе-

циалисты по социальной работе, наименее подвержены психологи. Возможно, это связано с нагрузкой, интенсивностью, эмоциональным напряжением и уровнем ответственности сотрудников КПБ на рабочем месте.

Основными стресс-факторами для сотрудников КПБ являются перегрузка на работе и напряженные отношения с руководством. Реже стресс-факторами являются сфера деятельности и конфликты с коллегами. В большей степени воздействию стресс-факторов подвержены специалисты по социальной работе.

Нами были выявлены особенности копинг поведения сотрудников Клинической психиатрической больницы с разным уровнем устойчивости к профессиональным стрессам:

Сотрудники КПБ с высоким уровнем устойчивости к рабочему стрессу прибегают к копинг-стратегиям, которые являются пассивно-адаптивными (поиск эмоциональной общественной поддержки, подавление конкурирующей деятельности, сдерживание) и активно-адаптивными (активный копинг, планирование, поиск активной общественной поддержки, положительное истолкование и рост, принятие). У сотрудников КПБ со средним уровнем устойчивости к рабочему стрессу преобладают активно-адаптивные копинг-стратегии. Кроме того, они также используют копинг-стратегии, которые являются пассивно-адаптивными. Также активно используют такую копинг-стратегию, как юмор. У сотрудников с низким уровнем устойчивости к рабочему стрессу преобладают неадаптивные копинг-стратегии (фокус на эмоциях и их выражение, отрицание, ментальное отстранение, поведенческое отстранение). Также они активно прибегают к использованию алкоголя. Сотрудники данной группы практически не используют активно-адаптивные и пассивно-адаптивные копинг-стратегии.

Сотрудники КПБ, независимо от уровня устойчивости к психологическому стрессу, активно используют активно-адаптивные и пассивно-адаптивные копинг-стратегии, реже, используют неадаптивные копинг-стратегии.

У сотрудников КПБ с высоким уровнем устойчивости к организационному стрессу преобладают активно-адаптивные копинг-стратегии. Кроме того, они прибегают к использованию пассивно-адаптивных копинг-стратегий. У сотрудников со средним уровнем устойчивости к организационному стрессу преобладают в равной степени как активно-адаптивные, так и пассивно-адаптивные копинг-стратегии. Также ими активно используются такие копинг-стратегии как обращение к религии, употребление алкоголя, юмор. У сотрудников с низким уровнем устойчивости к организационному стрессу преобладает неадаптивные копинг-стратегии. Ими практически не используются активно-адаптивные копинг-стратегии и стратегии, которые способствуют адаптации человека к стрессовой ситуации.

Таким образом, результаты нашего эмпирического исследования показали: чем выше уровень устойчивости к профессиональным стрессам, тем более адаптивные и активные копинг-стратегии используют сотрудники клинической психиатрической больницы. Для повышения уровня устойчивости к профессиональным стрессам необходимо внедрение коррекционных и профилактических программ, направленных на выработку навыков использования активных адаптивных копинг-стратегий в стрессовой ситуации.

Айрапетян Д.Р. (Ереван)

**Восприятие и субъективная оценка времени
в контексте психодиагностических проблем принятия решения**

Методологический анализ и разработка принципов и факторов принятия решения (ПР) один из основных и ак-

туальных проблем психологии ПР (Карпов А.В. 1999, Корнилова Т. В. 1994, Kahneman D. & Tversky A. 1999,

Wittmann M. 2007). В немногочисленных исследованиях, отражающих различные подходы, можем отметить кардинальные разногласия.

У западных авторов сложилась традиция исследования процессов ПР методом лабораторного эксперимента посредством моделирования разных ситуаций ПР. Самыми известными из этих моделирующих систем, считаются «задача Линды» или «выбор в случае терроризма» Д. Канемана, «выбор ожидаемого выигрыша» М. Аллэ, и много других моделирующих игр и задач (Tversky A. and Kahneman D. 1983, Allais M. 1953). В основе такого подхода лежат несколько объективных и субъективных причин. Первая связана с тем, что результаты психологических исследований проблем ПР в основном применялись в экономической практике, где требовалось лишь определить рациональность или же иррациональность экономического агента. И поэтому исследователи ПР не старались вникать в чисто психологические закономерности ПР. Другим психодиагностическим критерием ПР, наряду с рациональностью, стал фактор «восприятия риска», что повысило роль психологического подхода в исследованиях процессов ПР. Но и в этом случае западные исследователи продолжали придерживаться вышеуказанных методов (Slovic P. 1987, Brandsma A. 1986, Yudkowsky E. 2007).

Другой методологический подход лежит в основе психологических исследований процессов ПР в российской психологии. Во-первых, это связано с тем, что психологические исследования процессов ПР отделились в самостоятельную сферу. Во-вторых, это связано с тем, что разные психологические концепции проблем принятия решения обосновываются на деятельностином подходе. В психодиагностическом плане продуктивнее обратиться к подходам Т. Корниловой и А. Карпова (Корнилова Т. 1994, Карпов А. 1999).

Т. Корнилова, взяв за основу традиционно выделяемые на западе психодиагностические критерии ПР (рациональность, риск), с методологической точки зрения разработывает их, сопоставляя западные и российские теории, обосновывает их как личностные свойства и делает первый шаг к созданию тестовой модели психодиагностики ПР. Результатом ее работы становится опросник «Личностные факторы принятия решения» (ЛФР-25). А. Карпов, основываясь на принципах теории деятельности, обосновывает свою концептуальную точку зрения психодиагностических проблем ПР, рассматривая последнюю как интегральный психический процесс. Он обращает внимание, как минимум, на шесть основных недостатков западного психодиагностического подхода и лабораторного эксперимента. А. Карпов считает: «Попытки моделирования процессов ПР в автономном и самостоятельном виде, в аналитической изолированности от деятельности и поведения могут привести, в лучшем случае, к восприятию лишь какого-либо аспекта ПР, а в худшем – к моделированию иного, нежели ПР, процесса. При таком аналитическом моделировании не только рвутся реальные связи ПР с поведением, деятельностью – с той регулятивной базой, на основе которой он вообще становится реализуемым; не только теряется его регулятивная специфика и детерминация, но и утрачивается главное – заложенные в регуляции детерминанты разрывания процесса ПР». А. Карпов предлагает от традиционно-лабораторного эксперимента (ТЛЭ), через методы естественного моделирования (ЕМ), имитационных задач (ИЗ) и деятельностно-опосредованного моделирования (ДОМ) перейти к изучению процессов ПР в психологическом анализе деятельности (ПАД). Тогда, по мнению Карпова, можно будет осуществить все возможные принципы экспериментального изучения процессов ПР, одним из кото-

рых является принцип регистрации оптимального количества показателей ПР (А. Карпов 1999).

У А. Карпова в числе показателей ПР (точность и время реализации решения, количественные и содержательные характеристики информационной основы ПР, субъективная оценка правильности хода и результатов решения и т.д.), не отмечен фактор восприятия и субъективной оценки испытуемых во времени отведенного на ПР как психодиагностический необходимый показатель, что несомненно является неотъемлемым фактором в реальной жизни и деятельности субъекта ПР.

Первое упоминание о факторе времени в исследовании процессов ПР мы встречаем у И. Дрора и Дж. Бушмеера, а также М. Виттемана и М. Паулуса (Dror I., Bushmeyer J., Basola B., 1999, Wittmann, M. and Paulus, M., 2007).

Проблему восприятия времени в контексте проблем ПР можно обсудить в двух разных планах. Обсуждением проблем первого плана и занялись вышеуказанные авторы экспериментальным путем доказывая, что импульсивными людьми результаты, получаемые в скором будущем и более ценные для субъекта ПР, предпочтительней отдаленным результатам, хотя их абсолютная ценность оценивается высоко. По мнению авторов, это также связано с академическим и профессиональным успехом в жизни.

Обсуждаемые теоретические выводы и экспериментальные факты являются основой для более глубокого изучения фактора времени в процессах ПР и позволяют выдвинуть гипотезу, что восприятие и субъективная оценка времени влияет на процесс решения проблем и выбор основной стратегии ПР.

Ярким примером этого факта является ситуация цейтнота в шахматной игре. Ситуации цейтнота условно можем разделить на две основные группы: объективные и субъективные. Во время объективного цейтнота мы все можем наблюдать, что на часах у игрока уже считанные минуты, и он под давлением фактора времени принимает разного рода решения. Но для психологического анализа более интересна другая ситуация – когда у игрока на часах еще достаточно времени, чтобы тщательно выбирать стратегии ПР (и об этом свидетельствуют эксперты), но у шахматиста появляется психологическая нехватка времени – так называемый субъективный цейтнот. Одной из причин возникновения такого состояния и является восприятие и оценка временных интервалов самим субъектом. Для выяснения взаимосвязи восприятия и оценки времени с факторами ПР мы запланировали экспериментальную работу с шахматистами, которая включала серию тестов и экспериментальных заданий.

Тестировались личностные факторы принятия решения по опроснику ЛФР-25, исследовалась степень точности восприятия коротких промежутков времени, а также испытуемым предлагалось принимать решения в ситуациях бинарного выбора Д.Канемана и М. Аллэ (Корнилова Т. 1994, Калинин С. 2006, Пашукова Т. И др. 1996, Tversky A. and Kahneman D. 1983, Allais M. 1953). В исследовании приняли участие 20 юных шахматистов РА, имеющих разряд мастера и международного мастера.

Обсудим основные результаты исследования. По степени точности восприятия коротких промежутков времени выборка распределилась в интервале 50-115%, по шкале рациональности опросника ЛФР-25 - от P10 до P80, по шкале готовности к риску – от P10 до P90, а персональная компетентность во времени по сырым баллам от 19 до 38 баллов. Интересны результаты по ситуациям бинарного выбора – только 25%-ов испытуемых выбрал рациональный ответ в задаче Линды Д.Канемана и столько же процентов рационального выбора в одной из ситуаций М.Аллэ. Подробней результаты бинарных выборов обсудим далее, а пока остановимся на обсуждении взаимно-

связи степени точности восприятия коротких промежутков времени с личностными факторами принятия решения.

Поскольку подсчет коэффициентов корреляции в основном был невозможен, а в тех случаях, когда был возможен, не дал значимых результатов, мы предприняли более тонкий анализ полученных данных. Испытуемые, показавшие высокие результаты по шкале рациональности ЛФР выше 75-ой процентиля, по степени точности восприятия времени оказались в интервале 70-90%, а показавшие низкие результаты (ниже 25-ой процентиля) – в интервале от 100% до 115%. По шкале готовности к риску показавшие высокие результаты оказались в интервале от 90 до 100%. Показавшие же низкие результаты по шкале готовности к риску разбросаны по всей шкале степени точности восприятия времени. Относительно ситуации бинарного выбора, в задаче Д. Канемана, все испытуемые, предпочитавшие рациональный выбор, оказались в интервале 70-100% по степени точности восприятия времени. Это означает, что те испытуемые, которые в определенной степени переоценивают временные интервалы, более рациональны в ситуациях ПР, но если переоценка превышает 30%, то взаимосвязь пропадает. Та же закономерность применима и к фактору готовности к риску, но с наименьшим интервалом – не более 10%. Если же имеет место недооценка временных интервалов, то она обратно пропорциональна фактору рациональности, а готовность к риску – становится независимым фактором.

А теперь обратимся к результатам ситуации бинарных выборов М. Аллэ. В опросник мы включили три таких ситуации. В первой задаче, в ситуации А, есть 100%-ая уверенность в получении выигрыша в 1 млн. франков, а в ситуации В имеется 10%-ая вероятность выигрыша в 5 млн. франков, 89% - в 1 млн. франков и 1% – не выиграть ничего. Во второй задаче предлагается сделать выбор между ситуацией С и D. В ситуации С имеется 10% вероятность выигрыша в 5 млн. франков и 90% – не выиграть ничего, а в ситуации D - 11% составляет вероятность выигрыша в 1 млн. франков и 89% – не выиграть ничего. В третьей задаче предлагается сделать выбор между ситуацией Е и F. В ситуации Е имеется 89% вероятность вы-

игрыша в 5 млн. франков, 10%-ая вероятность выигрыша в 1 млн. франков, и 1% – 10 млн. франков, а в ситуации F 89% вероятности выигрыша в 5 млн. франков, 10%-ая вероятность выигрыша в 1 млн. франков, и 1% – не выиграть ничего. В 3-ей задаче рациональным выбором является ситуация F, но, по результатам М. Аллэ, боязнь – 1% вероятности не выиграть ничего, большинство людей склоняется к выбору Е. Так и в нашем эксперименте, только 25% испытуемых предпочли ситуацию F, и они, по степени точности восприятия времени, находятся также в интервале от 90 до 100%. Это еще раз доказывает, что если «задача Линды» моделирует фактор рациональности в чистом виде, то в 3-ей задаче Аллэ моделируется также и фактор рискованности. Что касается первых двух задач, то парадокс Аллэ гласит, что значительное большинство индивидов в этих условиях предпочитает выбор ситуации А в первой паре и ситуации С во второй. В нашем же эксперименте, в чистом виде, парадокс не выявился. Выборка разделилась на две равные части в первой задаче, а большинство испытуемых (75%) во второй задаче отдали свое предпочтение ситуации С (более рациональной по теории вероятности), что лишней раз доказывает, что эти задачи моделируют факторы ПР в разной степени выраженности. Если сопоставить эти выборы с результатами степени точности восприятия времени, то выясняется, что в первой задаче отдающие предпочтение более рациональному варианту – В, испытуемые находятся в середине шкалы восприятия времени – 70-100%. А испытуемые, отдавшие свое предпочтение варианту абсолютной надежности А, расположены на краях шкалы точности восприятия времени – 40-70% и 100-110%.

Это еще раз доказывает нашу гипотезу о прямой взаимосвязи восприятия и субъективной оценки времени и факторов ПР. Но также подчеркивает то, что в сфере психодиагностических проблем ПР еще много противоречивых подходов, а психодиагностика ПР нуждается в одном едином обоснованном подходе, что сделало бы возможным результативно моделировать оптимальное количество факторов ПР.

Артемьева О.А. (Иркутск)
ПРАКТИКА КАК ДЕТЕРМИНАНТА СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Решение вопроса об интеграции теории и практики, несмотря на его актуальность для современной науки, требует учета закономерностей развития науки в целом, в ее исторической ретроспективе. Проблема единства теории и эмпирии в психологии, хотя и имеет уникальную историю решения, имеет в своей основе общенаучные тенденции. В формировании и развитии науки В.С. Степин выделяет две стадии: зарождающейся науки (преднауки) и науки в собственном смысле этого слова. Преднаука изучает преимущественно те вещи и способы их изменения, с которыми человек многократно сталкивается в обыденном опыте. Деятельность преднаучного мышления формируется на основе практики и представляет собой идеализированную схему практических преобразований реальных предметов. По мере развития познания формируется новый способ построения знаний – собственно научный. Материалом последнего являются ранее сложившиеся системы знания (языка). Они погружаются в особую структуру, заимствованную из другой области знания, где она предварительно обосновывается в качестве схематизированного образа предметных структур действительности. Таким образом, в науке наряду с эмпирическими правилами и зависимостями, выявляемыми в преднауке, формируется особый тип знания – теория,

позволяющая получить эмпирические зависимости как следствие из теоретических постулатов. Однако достоверность полученного знания проверяется практикой. Становление и развитие научного познания в VI – I вв. до н.э. со свойственным античному расслоенному обществу презрительным отношением к физическому труду привело к противопоставлению абстрактно-теоретических исследований и практически-утилитарных форм применения научных знаний (Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы. М., 2008).

Таким образом, исторически практическое познание предшествовало теоретическому, научному. Практика была основанием научного поиска. Вместе с тем в процессе развития научное знание стало противопоставляться практическому, прикладному, как низшему уровню. Возникновение таких философских направлений, как рационализм и эмпиризм, способствовало закреплению этого противопоставления. Выдвинутое в рамках диалектического материализма положение о необходимости связи теории и практики предполагает рассмотрение практики как исходного и конечного пункта познания, а теории – как промежуточного звена, на котором происходит интерпретация полученных данных и построение гипотез. Существенным является понимание повышение уровня практи-

ки на начальном и конечном этапе, ее преобразования в результате теоретического осмысления (Алексеев П.В., Панин А.В. Теория познания и диалектика. М., 1991).

В психологии проблема соотношения теории и практики приобретает специфическое звучание в силу наличия специфических форм практики. Как свидетельствуют результаты историко-психологического исследования Е.А. Будиловой, во второй половине XIX в. такими формами были, прежде всего, судопроизводство и военное дело. В основе историко-психологического исследования «Социально-психологические проблемы в русской науке» (М., 1983) лежало признание общественной практики в качестве важнейшей детерминанты становления и развития психологической науки. В частности становление отечественной юридической психологии во второй половине XIX в. рассматривается как ответ на требования нового порядка судопроизводства, введения суда присяжных. Развитие военной психологии объясняется запросами практики создания массовой многонациональной по составу армии, непрерывной профессиональной подготовки, необходимости идеологической работы, руководства в армии в условиях нарастающих социальных противоречий. Существенно, что накопление психологического знания в российской науке XIX в. проходило в работах не ученых-психологов, а специалистов в обозначенных областях: юристов-практиков А.М. Бобрищева-Пушкина, Л.Е. Владимиров, журналиста Н.М. Ядринцева, военных М.И. Драгомирова, К. Дружинина и др.

К началу XX в. произошло расширение сферы психологической практики. Ее основными областями стали психологическое сопровождение учебного, производственного и терапевтического процессов. Развитие психологии в России происходило параллельно и в связи с развитием мировой науки: отсутствовал языковой барьер, существовала практика зарубежных стажировок, отечественные исследователи участвовали в зарубежных конференциях, совместных научных исследованиях, публиковали свои работы на иностранных языках (Артемьева О.А. Реализация комплексного подхода к человеку в работах В.М. Бехтерева// Бехтеревские чтения в Елабуге: Мат-лы межд. науч. конф. Елабуга, 2008. С. 29-33; Артемьева О.А. Социально-психологические детерминанты научного знания в психологии// Психология когнитивных процессов: Мат-лы всерос. науч.-практ.конф. Смоленск, 2007. С. 8-12.).

Это позволяло Л.С. Выготскому – одному из передовых психологов-исследователей тех лет – рассматривать методологические проблемы мировой психологии в целом. Его фундаментальная работа «Исторический смысл психологического кризиса» (рукопись 1926 г.) представляет собой попытку объяснения причин рассматриваемого явления и путей его продуктивного разрешения. В этой работе Л.С. Выготский называет развитие прикладной психологии главной движущей силой кризиса в его последней фазе. В прикладной психологии он усматривает «все прогрессивное, здоровое, с зерном будущего, что есть в психологии». Она «дает лучшие методологические работы. Представление о смысле происходящего и возможности реальной психологии можно составить себе только из изучения этой области... Центр в истории науки передвинулся; то, что было на периферии, стало определяющей точкой круга. Как и о философии, отвергнутой эмпиризмом, так и о прикладной психологии можно сказать: камень, который презрели строители, стал во главу угла» (Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М., 1982. С. 291-436.).

По мнению Л.С. Выготского, через психотехнику, психиатрию, детскую психологию и криминальную психологию психология впервые столкнулась с высокоорганизованной практикой – промышленной, воспитательной, политической, военной. «Это прикосновение заставляет психоло-

гию перестроить свои принципы так, чтобы они выдержали высшее испытание практикой. Она заставляет усвоить и ввести в науку огромные, накопленные тысячелетиями запасы практически-психологического опыта и навыков, потому что и церковь, и военное дело, и политика, и промышленность, поскольку они сознательно регулировали и организовывали психику, имеют в основе научно неупорядоченный, но огромный психологический опыт... Она для развития психологии сыграет ту же роль, что медицина для анатомии и физиологии и техника для физических наук». Л.С. Выготский противопоставляет прежнюю и новую психологию. «Там практика была колонией теории, во всем зависимой от метрополии... практика была выводом, приложением, вообще выходом за пределы науки, операцией заначной, посленаучной, начинавшейся там, где научная операция считалась законченной. Успех или неуспех практически несколько не отражался на судьбе теории. Теперь положение обратное; практика входит в глубочайшие основы научной операции и перестраивает ее с начала до конца; практика выдвигает постановку задач и служит верховным судом теории, критерием истины». Наиболее существенно то, что Л.С. Выготский рассматривал практику как конструктивный принцип науки, требующий философского осмысления эмпирического материала, методологии науки: «Сложнейшие противоречия психологической методологии переносятся на почву практики и только здесь могут получить свое разрешение. Здесь спор перестает быть бесплодным, он получает конец. Метод – значит путь, мы понимаем его как средство познания; но путь во всех точках определен целью, куда он ведет. Поэтому практика перестраивает всю методологию науки» (там же).

Представленные взгляды Л.С. Выготского были опубликованы лишь десятилетия спустя. Названные области психологической практики имели после его ухода уникальную историю развития. В 1920-1930-х гг. обслуживавшие их теоретико-прикладные направления были подвергнуты жесткой идеологической критике. Среди «репрессированных» научных направлений оказались педология, психотехника и психоанализ. Прикладная психология была «обезглавлена». Идеологическая ситуация предписывала устранение из теоретических основ науки всех чужеродных концепций, построение самобытной советской науки на фундаменте марксистско-ленинской философии. Такой поворот истории отечественной психологии привел к увеличению в ней доли теоретического знания по сравнению с эмпирическим.

Исключением в формировании этой тенденции стал период Великой Отечественной войны, когда запросы практики оказали важнее идеологических задач (Артемьева О.А. Социальная детерминация отечественной психологии в периоды войн// Вестник Университета (ГУУ). №10. 2008. С.22-25). В это время были открыты новые психологические лаборатории, научно-исследовательский институт психологии в Киеве, психологические кафедры и отделения в Московском и Ленинградском университетах. В 1943 г. была организована Академия педагогических наук с психологическим отделением, в 1945 г. – сектор психологии при АН СССР. В годы Великой Отечественной войны активно развивалась военная психология. Участие в этом принимали как те, кто вступил в войну, будучи специалистом-психологом, так и те, «кому боевой опыт подсказал важность научной разработки военно-психологической проблематики» (Дьяченко М.И. Советская психологическая наука на службе обороны родины// Вопросы психологии. 1985. №3. С.5-13). Приобрели известность психологические работы посвященные военной маскировке Б.Г. Ананьева, Б.М. Теплова, С.В. Кравкова, психологическим основам стрельбы Д.Б. Эльконина, особенностям взаимоотношений в воинском коллективе

А.Д. Глоточкина и др. В это время был накоплен значительный опыт восстановительной работы в эвакуогоспиталях. Оказались восстановлены знания психотехники (Геллерштейн С.Г. Восстановительная трудотерапия в системе работы эвакуогоспиталей. М., 1943). По словам А.Р. Лурия, именно во время войны и ближайший послевоенный период нейропсихология превратилась в самостоятельную отрасль психологической науки (Лурия А.Р. Этапы пройденного пути. Научная автобиография. М., 1982).

Травля психологии и психологов в послевоенный период ограничила возможности развития науки в единстве теории и практики. Эта особенность сохранялась вплоть до 1980-1990-х гг., принесших с собой политические и экономические перемены. Уже в 1980 г. происходящий «крутой подъем» в развитии психологии Б.Ф. Ломов объяснял развитием общественной практики и связанным с этим развитием исторических, экономических, социологических и т.п. исследований, сталкивающихся с необходимостью «анализа "микропроцессов" и "микромеханизмов" жизни общества, индивидуального уровня социального бытия человека» (Ломов Б.Ф. Теория, эксперимент и практика в психологии // Психол. журн. 1980. Т. 1. № 1. С. 8-20). Основными направлениями детерминации науки практикой он называл определение проблематики психологии, подходов к ее разработке и используемых методов.

Снятие ограничений на осуществление психологической практики, в том числе ее альтернативных форм, в стране привел к лавинообразному росту багажа не только научного, но, прежде всего, вненаучного психологического знания в обозначенных выше сферах производства и сбыта, воспитания, психотерапии. Новые психологические подходы, выросшие на почве зарубежных теорий и отечественной вненаучной практики в областях религии, мифологии, искусства, подчас входят в противоречие с отечественной концепцией психологии. Психологическая практика на очередном этапе своего развития, словами Л.С. Выготского, перестраивает методологию. В связи с этим, решение проблемы интеграции теории и практики на современном этапе развития психологии в России видится в способности теории решать запрос практики и проверять себя на ее материале, в объединении психологов, формировании единой системы получения и изучения эмпирических данных с последующим обогащением практики. Существенным для решения этих задач является, с одной стороны, дифференциация и изучение современных общественных практик как носителей психологического знания, а с другой – привлечение для их осмысления современных научных достижений, в частности постнеклассических подходов в психологии.

Балгимбаева З.М. (Алматы) **СОДЕРЖАНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ ГЕНДЕРНЫХ ПРЕДУБЕЖДЕНИЙ**

Современная психология сегодня является многоотраслевой мультипарадигмальной наукой. При этом многие отрасли современной психологии все чаще обращаются к гендерной проблематике, которая является достаточно динамично развивающейся и охватывает многие сферы жизнедеятельности общества, являясь значимой частью большинства сфер знания. В этой связи особую актуальность приобретают социально-психологические исследования гендерных предубеждений.

На наш взгляд, актуальность заявленной проблематики определяется важными методологическими и практическими предпосылками.

С точки зрения методологии в социально-психологическом исследовании гендерных предубеждений существенное значение имеет выработка подходов к изучаемому явлению. В связи с этим возникает насущная необходимость использования гендерного подхода.

Гендерный подход в социальной психологии, сформировавшись на волне феминизма, разводит понятия «пола» и «гендера». Несмотря на существование некоторых разногласий по данному вопросу, наиболее распространенной считается точка зрения о том, что понятие «пол» скорее применимо к биологическому различию между мужчинами и женщинами, а «гендер» - к социокультурному объяснению феноменов маскулинности и фемининности.

Как показал анализ, проведенный на основе гендерного подхода, в культуре и философии, сложилась традиция маскулинных предубеждений, выражающаяся в демонстрации преимуществ мужчин над женщинами, основанная на использовании неадекватных эталонов сравнения, которые мы назвали *традиционными гендерными предубеждениями*.

В этой связи особенно актуальным является исследование «условий, которые формируют и поддерживают социальное поведение» [5, с. 506], а также «социальных норм, обуславливающих то, как реагируют на половые различия отдельный человек, группа или целое культурное сообщество» [1, с. 22]. Таким образом, вырисовывается актуальная необходимость использования гендерно-

го подхода в кросскультурных исследованиях гендерных предубеждений. Активно привлекая «методы разных гуманитарных и естественных дисциплин, сочетая количественные и качественные стратегии исследования», гендерный подход носит «междисциплинарный характер и позволяет интерпретировать (понимать) различные социальные, культурные, исторические, экономические, психологические явления в контексте гендерных экспектаций конкретного общества» [4, с. 31 - 32].

Таким образом, насущной актуальной методологической проблемой в исследовании гендерных предубеждений является не столько междисциплинарный, сколько интегративный подход, который активно разрабатывается профессором В.В. Козловым.

Исходя из принципов интегративной методологии, мы приходим к выводу о том, что ее суть «заключается в многоплоскостном, многомерном, многоуровневом, разновекторном анализе, создающем возможность качественно иного исследования, предполагающего включение в плоскость анализа аспектов множественности, диалогичности, многомерности психического феномена» [3, с. 41 – 42].

Как видим, актуальность методологического использования интегративного подхода в исследовании гендерных предубеждений определяется самой логикой развития современной социальной психологии.

Практическими предпосылками актуальности заявленной проблемы являются две причины.

Во-первых, практически для всех постсоветских стран характерным является существование в условиях традиционных поликультурных полей, где имеет место как сохранность традиционного этнического образа жизни, с ее бытовыми и обрядовыми формами, так и активная их трансформация, в результате глобализации. Такое сосуществование в поле взаимопроникновения культур может сопровождаться определенными сложностями и «напряжениями», которые, рано или поздно потребуют своего разрешения. И в этом смысле в нашем исследовании делается акцент на этнических предубеждениях, поскольку, являясь общими эмоционально-оценочными отношениями (установками), они оказывают существенное влияние

на социокультурные процессы современного Казахстана, на сознание и поведение различных этносоциальных общностей, проживающих на обширной казахстанской территории.

Во-вторых, как показывают исследования, проводимые как за рубежом, так и в странах СНГ, современные условия жизнедеятельности приводят к определенному «размыванию» мужских и женских личностных качеств. Это обусловлено особенностями современной городской семьи, в которой большинство матерей работают, и поэтому ребенок чаще проводит время с пассивными нянями; большое количество детей растет без отцов или матерей в результате увеличивающегося числа разводов; такие достижения цивилизации, как телевидение, отдельная детская и прочие затрудняют процесс общения между детьми и их родителями.

С другой стороны, в современном Казахстане еще имеет место большая сохранность традиционного этнического образа жизни и тех семейных устоев, которые поддерживаются выполнением определенных семейно-бытовых, обрядовых и иных форм. Такие условия существования приводят к формированию определенных мужских и женских качеств, форм поведения и видов деятельности. Поэтому изучение проблемы гендерных предубеждений имеет большое значение для практики семейного воспитания, для понимания многих проблем, связанных с гендерным развитием детей.

Таким образом, объектом нашего исследования выступают гендерные предубеждения, а предметом – их содержание, детерминированное социальными кросскультурными особенностями испытуемых.

Исходя из наработок профессора С.М. Джакупова [2], мы предлагаем следующее *определение этнических гендерных предубеждений*: эмоциональный компонент субъективных оценок и отношений, направленный на мужчин и женщин той или иной национальности, возникающий и изменяющийся в процессе жизнедеятельности личности.

Практическая значимость работы состоит в том, что материалы исследования могут быть использованы:

преподавателями высших учебных заведений в качестве самостоятельной дисциплины или дополнительного материала к курсам: «Культурология», «Философия гендера», «Гендерная социология», «Гендерная психология». «Социальная психология»;

специалистами в области полового воспитания и просвещения детей и молодежи;

педагогами, работающими в условиях современной школы в полиэтничном Казахстане;

в консультативной практике по проблемам половых, национальных или семейных отношений;

в коррекционной деятельности социальных и психологических служб и т.д.

Кроме того, результаты представленной работы открывают перспективы дальнейших кросскультурных исследований, связанных с проблемами гендерной социализации и этническими особенностями развития личности.

Источниками исследования послужили работы зарубежных, российских и казахстанских философов, культурологов, социологов и психологов.

Обоснование выборки исследования. В качестве испытуемых в исследовании выступили мужчины и женщины, юноши и девушки 17, 40 и 60 лет русской, казахской и уйгурской национальностей, проживающие в урбанизированном центре (г. Алматы) и сельской местности (Алматинская область).

Выбор именно этих *этнических* групп продиктован тем, что русские, казахи и уйгуры являются представителями наиболее многочисленных диаспор, проживающих на территории современного Казахстана. Сравнительный анализ этих этнических групп позволит определить общее

и различное в содержании гендерных этнических предубеждений и выявить наиболее полотипизированных представителей того или иного этноса.

Возрастной состав испытуемых определяется следующим.

Семнадцать лет - это возраст, которые многие психологи определяют как возраст бурного развития самосознания, возраст «открытия своего Я». У большинства юношей и девушек в этом возрасте очень интенсивно развиваются такие личностные качества, как чувство собственного достоинства, мировоззрение, независимость суждений, сознательность, самостоятельность.

Кроме того, центральным психофизиологическим образованием этого возраста является половое созревание и связанное с ним полоролевое самоопределение, а также интерес молодых людей к вопросам пола.

К тому же уровень интеллектуального развития юношей и девушек данного возраста делает возможным понимание процедуры исследования и содержания материала и может представлять для них определенный интерес.

Возраст сорока лет связывают с кризисом середины жизни, когда происходит активное переосмысление прожитого, соотносятся результаты уже достигнутого и еще не решенного. Зачастую в результате подобных размышлений у человека возникает внутренний конфликт и неудовлетворенность от прожитого. В этот момент могут обостряться противоречия между своими собственными представлениями о жизни и требованиями социального окружения, которые могут охватывать все сферы жизнедеятельности личности, в том и числе и ее гендерные аспекты.

И, наконец, возраст шестидесяти лет. Это период поздней зрелости, когда человек прекращает активную трудовую деятельность и переходит в новый социальный статус. К этому возрасту человек подводит жизненные итоги, делает основные выводы. Очень важным является определение своего места в новом социальном пространстве и оценка себя как человека, «который прожил не зря».

Социальный (жители города и сельской местности) и половой состав (юноши и девушки, мужчины и женщины) определяется возможностью осуществить сравнительный анализ гендерных предубеждений, который позволит не только обнаружить общее и различное в содержании гендерных предубеждений, но и выявить наиболее традиционно ориентированных испытуемых.

Что касается *количества* выборки, то были исследованы 540 респондентов (по 15 человек из каждой социальной, возрастной, этнической и половой подгруппы.)

В рамках кросскультурного исследования содержания гендерных предубеждений нами использовался опросник проф. С.М. Джакупова. Данная методика позволяет выявить эмоциональные оценки и отношения относительно мужчин и женщин у представителей различных этнических групп (например, восточных или западных) с различными заданными значениями.

Испытуемому предлагается оценить то или иное понятие, символ, слово путем соотнесения их с одной из фиксированных шкальных значений. Данные значения располагаются в одном континууме с противоположными значениями, образуя пять шкал. Если шкалы с отрицательными значениями обозначить через X, а с положительными значениями через Y, то данные шкалы могут интерпретироваться следующим образом:

«-5» – очень выраженное X;

«-3» – выраженное X;

«0» – ни X ни Y;

«3» – выраженное Y;

«5» – очень выраженное Y.

Таким образом, принцип биполярности, лежащий в основе методики, позволяет осуществить категоризацию и

стереотипизацию, что является очень продуктивным при проведении сравнительного исследования предубеждений, как минимум, двух – чаще всего своей и чужой – этнических групп.

Исследование проводилось групповым способом по 10-12 человек в группе. В процессе работы испытуемые должны были определить свое отношение к типичному мужчине уйгуру и типичной женщине уйгурке, соотнося свои ответы с предложенными шкалами. Таким образом, представители казахской и русской этнических групп должны были дать характеристику мужчинам и женщинам уйгурского этноса, а представители уйгурской группы – мужчинам и женщинам своего этноса.

Исследование проводилось с учетом этнических и языковых особенностей испытуемых: для русских - на русском, для уйгуров – на уйгурском и для казахов – на казахском языках.

С целью статистической обработки данных, полученных в результате опроса, а также с целью выявления критериев, составляющих содержание этнических гендерных предубеждений, нами был использован факторный анализ методом анализа главных компонент («Principal Component Analysis»). Данная операция была осуществлена при помощи специальной компьютерной программы «SPSS 11.0 for Windows».

Опуская факторно-аналитическую обработку данных, приведем анализ результатов проведенного исследования.

а) Исследование показало, что независимо от возраста, половой, социальной и этнической принадлежности испытуемых, признаки, определяющие содержание этнических гендерных предубеждений, можно распределить по трем основным факторам: «Внешность», «Интеллект» и «Характер».

б) Содержание гендерных предубеждений зависит от возрастных особенностей испытуемых. При этом было выявлено следующее:

Наиболее ярко значимость возрастного признака проявилась в гендерных предубеждениях, направленных на женщин уйгурской национальности.

Во взрослой выборке в оценке женщин-уйгурок значимым оказался фактор «Интеллект».

В предубеждениях, направленных на женщин уйгурской национальности для детской выборки, значимым стал фактор «Внешность».

Респонденты пожилой выборки в оценке женщин-уйгурок отдали предпочтение фактору «Характер».

В оценке женщин-уйгурок пожилыми людьми обнаружилось смешение факторов «Внешности» и «Интеллекта» с некоторым преобладающим значением последнего.

В оценках мужчин уйгурской национальности для взрослых значимым оказался фактор «Характер».

В детской выборке и среди пожилых людей в оценках мужчин уйгурской национальности возрастных различий обнаружено не было. И в первой, и во второй выборке значимым оказался фактор «Интеллект».

У детей в оценке мужчин-уйгуров было выявлено смешение факторов «Характера» и «Внешности».

в) Содержание гендерных предубеждений зависит от этнической принадлежности испытуемых. Так:

Для представителей уйгурской национальности в предубеждениях, направленных на женщин, значимыми оказались все три фактора.

Для взрослых уйгуров в оценке женщин уйгурской национальности существенное значение имеет фактор «Интеллект».

Для детей и пожилых уйгурской национальности в предубеждениях, направленных на женщин-уйгурок, преобладающее значение имеет фактор «Характер».

В предубеждениях, направленных на мужчин, у представителей уйгурской национальности ведущее значение отводится двум факторам: «Характеру» и «Интеллекту».

В содержании гендерных предубеждений казахов, направленных на женщин-уйгурок значимыми оказались все три фактора.

Гендерные предубеждения казахов, направленные на мужчин уйгурской национальности, включили в себя два фактора: «Характер» и «Внешность».

В содержании гендерных предубеждений русских, направленных на мужчин уйгурской национальности, значимыми стали факторы: «Внешность» и «Интеллект».

В содержании гендерных предубеждений русских, направленных на женщин – уйгурок, важным оказался фактор «Внешность».

Для детей и пожилых - русских респондентов, в оценке женщин уйгурской национальности значимым стал критерий «Характер».

г) содержание этнических гендерных предубеждений зависит от социальных условий проживания испытуемых (город или село):

Для городских уйгуров и казахов в предубеждениях, направленных на мужчин и женщин уйгурской национальности, значимым оказался фактор «Внешность».

Для городских казахов в содержании гендерных предубеждений, направленных на женщин-уйгурок, в качестве преобладающего был определен фактор «Интеллект».

Для городских русских в предубеждениях, направленных на мужчин-уйгуров, значимыми оказались факторы «Внешность» и «Интеллект».

В предубеждениях, направленных на женщин-уйгурок, у городских русских значимым оказался фактор «Внешность».

Для сельских уйгуров, казахов и русских в оценках мужчин и женщин уйгурской национальности значимым оказался фактор «Внешность».

Кроме выводов по перечисленным признакам (возрастному, этническому и социальному) в содержании гендерных предубеждений, направленных на мужчин и женщин уйгурской национальности, были выделены следующие тенденции:

Женщин уйгурок оценивают более высоко по всем трем факторам по сравнению с мужчинами уйгурами. Причем данная тенденция сохраняется в оценке всех трех этносов независимо от места их проживания. Мы объясняем это тем, что во всех трех культурах сложились довольно жесткие требования к мужчинам, которых всегда более строго осуждали за проявления каких-либо слабостей.

Казахи, как взрослые, так и дети, более низко оценивают мужчин и женщин уйгурской национальности по всем трем факторам. Оценка же мужчин и женщин уйгуров со стороны взрослых и детей русской национальности более приближена к той оценке, которую дают взрослые и дети уйгуры в оценивании самих себя.

**Баранова Н.А., Бегунов И.А., Паньков В.П. (Ижевск)
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭКСПЕРТНОЙ СИСТЕМЫ В ОКАЗАНИИ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ПАЦИЕНТАМ ПРИ СОСТОЯНИИ
ТРЕВОГИ**

Проблеме лечения зависимости от алкоголя исследователи всегда уделяли приоритетное внимание. Накопленные знания в области медицины позволяют расширить представления о биологических и психологических механизмах формирования зависимости от алкоголя, что открывает возможности не только для медикаментозной помощи, но и психологической.

За последние три года в ГУЗ «Республиканском наркологическом диспансере» МЗ УР был проведен анализ причин алкогольной зависимости. При более детальном исследовании было выявлено, что 85% пациентов испытывают состояние тревоги. Именно это состояние вероятней всего является и является одной из важных, а иногда и основной в алкогольной зависимости. Особенно это касается начальных стадий.

Психические расстройства у пациентов, обращающихся к психотерапевту и обозначаемые понятием «тревога», до настоящего времени остаются не до конца изученными как в теоретических, так и в практических вопросах психиатрии, наркологии и психотерапии.

Тревога неоднократно описывалась в специальной, преимущественно психоаналитической литературе (S. Freud, 1926; A. Alder, 1930; H. Basowitz, 1955; J. Wolpe, 1966; и др.), однако, до сих пор нет, клинической типологии невротической тревоги, не описана её клиническая динамика на разных стадиях невротического процесса.

Многолетняя психотерапевтическая практика в ГУЗ «Республиканском наркологическом диспансере» МЗ УР позволяет сделать вывод о том, что независимо от вида классификации тревоги процесс лечения заключается в достаточно длительном общении психотерапевта с пациентом, что для подавляющего числа пациентов, особенно находящихся в начальной стадии представляется проблематичным в психологическом, временном, да и в финансовом смысле. Более того пациенты испытывающие состояние тревоги с трудом решаются на первый контакт с психотерапевтом. Хотя самой действенной является помощь на первом этапе алкоголизации. Развитие современных информационных технологий позволяет решить данную проблему. Преподавателями Удмуртского государственного университета создается экспертная система (далее ЭС) элементы которой в настоящее время используется на практике в ГУЗ «Республиканском наркологическом диспансере» МЗ УР.

Наиболее важным преимуществом использования ЭС в помощи наркозависимым пациентам является ее доступность при ее использовании. Сводятся к минимуму препятствия, обусловленные расстоянием, нехваткой времени, снимаются определенные психологические барьеры. Человек, испытывающий потребность в психологической

помощи, используя ЭС, может мгновенно эту помощь получить, не испытывая при этом боязни утраты чувства безопасности, вытекающей из необходимости признания себя «больным». Все это улучшает вступление в контакт и уменьшает сопротивление психотерапевтическому воздействию.

ЭС позволит без непосредственного участия психотерапевта взаимодействовать с пациентом и снимать (или хотя бы понижать) чувство тревоги. В настоящий момент система может отобразить записанный аудио-ряд с показом соответствующих трехмерных изображений. При этом возможно динамически менять звук и изображение в зависимости от реакций пользователя, т.е. в процессе взаимодействия пациенту задаются вопросы, на которые он отвечает четырьмя способами: «да», «нет», «не знаю», «нет ответа», и в зависимости от его ответа процесс взаимодействия идет по тому или иному пути.

Основные компоненты созданной системы: модуль воспроизведения звука, модуль построения трехмерных изображений, модуль описания и загрузки порядка взаимодействия системы и человека, модуль синхронизации вывода звука, изображения, взаимодействия с пользователем, который, кроме прочего, учитывает характеристики компьютера. Остановимся на них чуть подробнее. Модуль воспроизведения звука базируется на использовании базовой мультимедийной подсистемы операционной системы MS Windows, модуль построения изображений использует библиотеку OpenGL, расширенную библиотекой загрузки полигональных моделей. Для более удобного описания порядка взаимодействия системы и пользователя создан специальный язык описаний и, разумеется, транслятор с этого языка во внутренние структуры данных системы. Процесс синхронизации в основном осуществляется через подстройку вывода изображения и считывания реакций пользователя к выводу аудио-ряда. Для того чтобы вычисление и вывод изображений согласовывался со звуком происходит учет текущего FPS компьютера с последующей подстройкой под него.

В текущей ситуации было обнаружено, что точное описание всего процесса взаимодействия может быть затруднительно психотерапевтом-экспертом, т.к. он в режиме реальной встречи с пациентом почти «автоматически» подстраивается под его индивидуальные особенности и впоследствии не может алгоритмизировать этот процесс. Решением этой проблемы может быть расширение имеющейся системы: т.е. запись не фиксированных вариантов взаимодействия, а некоторых правил, как оно происходит с последующей генерацией необходимых аудио-видео рядов в автоматическом режиме.

Башкин М. В. (Ярославль), КОНФЛИКТЫ В МЕЖЛИЧНОСТНОМ ОБЩЕНИИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Анализ состояния проблемы конфликтов старшеклассников свидетельствует о том, что, несмотря на определенный уровень ее теоретической и практической разработанности, сохраняет свою актуальность вопрос о необходимости системных исследований в этой области.

Проведенное анкетирование 80 старшеклассников «МОУ СОШ №8» г.Ярославля позволило сделать следующие выводы. Негативное отношение к конфликту выразили 25% опрошенных, объясняя это тем, что конфликт носит разрушительный характер, является причиной нарушения взаимоотношений между людьми. Один из старшеклассников подчеркнул, что конфликт – «это сущность человека, а значит и всего общества». При этом 50% старшеклассников отметили и положительные стороны конфликта: он позволяет снять противоречие и ре-

шить возникшую проблему, выяснить отношения, помогает понять человеку ошибочность своей точки зрения, является способом выхода накопленных отрицательных эмоций. В одном из полученных ответов положительная роль конфликта усматривалась даже в том, что конфликт служит иногда способом самоутверждения личности.

Среди качеств, присущих личности, оптимально разрешающей конфликты, 33% старшеклассников отметили толерантность, 25% опрошенных назвали спокойствие и уравновешенность. Также старшеклассниками были выделены такие качества, как коммуникабельность и активность, воспитанность и дипломатичность, уверенность в себе и склонность к лидерству, настойчивость и находчивость. В нескольких ответах были названы наглость и уступчивость как качества, помогающие человеку оптимально разрешить конфликт.

Рассуждая об условиях успешного разрешения конфликта, 17% старшеклассников отметили, что важно научиться видеть проблему с разных сторон, анализировать ситуацию и проявлять гибкость в поведении. Половина опрошенных старшеклассников подчеркнули важность жизненного опыта и накопленной человеком мудрости для конструктивного поведения в конфликте.

Старшеклассниками были отмечены следующие трудности, возникающие у них на пути оптимального разрешения конфликта: упрямство участников конфликта (33% опрошенных); сохранение самообладания в конфликте (12% старшеклассников); отсутствие дипломатии в отношениях оппонентов, выражающееся в нежелании сторон прислушаться друг к другу (8% опрошенных). К барьерам в конфликте старшеклассниками отнесены также недостаточная компетентность сторон в обсуждаемом вопросе, излишняя рассудительность, неуверенность в себе, неумение проявить настойчивость, а также толерантность, затрудняющая иногда решение конфликта. В нескольких ответах старшеклассники назвали трудностями в конфликте нехватку у них таких ресурсов, как отсутствие времени на поиск решения и недостаток физической силы.

Среди наиболее часто встречаемых конфликтных ситуаций старшеклассники выделили возникающие межличностные конфликты с учителями (25%), одноклассниками и друзьями (21%), родителями (12%). В нескольких анкетах отмечены также межгрупповые конфликты, возникающие в классе при обсуждении совместных дел.

Эффективное решение личностью возникшей проблемной ситуации требует принятия во внимание условий, образующих данную ситуацию, а также учета собственных когнитивных характеристик, способствующих ее более успешному решению.

По результатам проведенной методики «Шкала оценки метакогнитивных знаний и метакогнитивной

активности» (Ю.В. Скворцова, М.М. Кашапов) был сделан вывод о низком уровне развития метакогнитивной активности у 38% старшеклассников. Таким образом, многие из обследованных учащихся недостаточно высоко оценивают свою способность справляться с проблемными ситуациями, не умеют отслеживать ход своей интеллектуальной деятельности, не владеют приемами структурирования информации.

Данные корреляционного анализа позволили выявить обратную связь между типом реагирования в конфликте («агрессия» (по методике «Диагностика ведущего типа реагирования»; М.М. Кашапов, Т.Г. Киселева) и метакогнитивной активностью старшеклассников ($r = -0,941$; $p < 0,05$). Установлено, что старшеклассники с несформированной регуляцией собственного интеллектуального поведения склонны к проявлению в конфликте агрессивной стратегии поведения.

Нами было выявлено, что чем лучше у личности развиты волевые качества, креативность и умение брать на себя ответственность за свои действия, тем выше вероятность того, что в конфликтной ситуации ею будет использована конструктивная стратегия поведения, направленная на поиск решения, удовлетворяющего интересы обеих сторон.

В ходе проведения исследования установлено, что старшеклассники, склонные к проявлению агрессивного поведения в конфликте, ориентированы на успех и берут на себя ответственность за свое поведение, проявляя при этом такие полярные чувства, как гнев и робость. Пытаясь контролировать конфликтную ситуацию, старшеклассники зачастую теряют над собой контроль, что приводит к проявлению ими агрессивных тенденций в поведении.

Результаты проводимого исследования служат базой для организации элективного учебного курса «Психология» с учащимися 10–11 классов «МОУ СОШ №8» г.Ярославля.

Белан Е.А. (Краснодар) **ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОЕ ОТРАЖЕНИЕ ХАРАКТЕРИСТИК ЗНАЧИМЫХ И ТРУДНЫХ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЙ В ИНДИВИДУАЛЬНОМ СОЗНАНИИ**

Ситуационные предикторы активности личности функционируют через отражённый в индивидуальном сознании образ ситуации. Исследование организации активности личности в различных жизненных ситуациях с необходимостью приводит к вопросу о том, как различаются параметры образа той или иной ситуации эмпирическим субъектом. Поскольку набор характеристик ситуаций может быть номинально достаточно стабильным, то различие следует искать в оценивании субъектом этих характеристик. Также следует полагать, что именно уровень оценивания тех или иных параметров ситуации личностью служит основанием для дифференциации жизненных ситуаций, объединения их в классы и определяет ту или иную форму проявления активности субъекта.

Рассмотрим результаты эмпирического исследования, целью которого было выявить различия в оценке личностью ситуаций, классифицированных по основанию усиления комплексного (многоаспектного) воздействия ситуации на субъекта: ситуаций повседневности, значимых жизненных ситуаций и трудных жизненных ситуаций.

В исследовании приняли участие 294 испытуемых (119 мужчин и 175 женщин в возрасте 18–45 лет): рабочие, служащие и студенты г. Краснодара и Краснодарского края. Испытуемых просили назвать по 5 жизненных ситуаций в трёх категориях:

повседневные (те ситуации, которые переживаются ежедневно и являются наиболее обычными);

значимые (те ситуации, которые представляют наибольшую личностную значимость, важные, яркие ситуации);

трудные (которые заведомо превышают обычный адаптивный потенциал и выступают как определённые препятствия для жизнедеятельности, требующие совладания).

После этого испытуемым было предложено оценить на основе его субъективного мнения параметры взаимодействия с жизненными ситуациями, а именно:

- характеристики ситуации;
- характеристики взаимодействия с данными ситуациями;
- характеристики субъекта взаимодействия;
- характеристики предпочитаемых стратегий взаимодействия.

Всего испытуемые назвали 1423 повседневные ситуации, 1410 значимых ситуаций и 1368 трудных жизненных ситуаций, каждая из которых была оценена ими по 20 параметрам. Использовались два основных метода измерения. Часть параметров оценивались в номинативных шкалах, с указанием сравнительных категорий, часть параметров – в 10-балльной шкале.

Также испытуемым предлагалось поставить в соответствие с каждой названной ситуацией одну наиболее часто применяющуюся ими в подобных ситуациях стратегию поведения из специально созданного списка. Список стратегий поведения включал 16 стратегий – по 3 обобщённых стратегии разных типов активности: адаптивной,

активной адаптации, совладающей и надситуативной активности.

Остановимся на анализе наиболее показательных характеристик значимых и трудных жизненных ситуаций, позволяющих относить ситуации к одному из исследуемых классов. Чтобы исключить влияние фактора пола испытуемого, анализ проводился отдельно в мужской и женской подвыборках.

Предварительно была произведена проверка на нормальность распределения измеренных в балльной системе параметров. Поскольку в большинстве шкал значения асимметрии и эксцесса превышали значения своих стандартных ошибок, распределение было признано отличным от нормального, что позволило предполагать существование определённых тенденций в оценивании параметров ситуаций испытуемыми. Дальнейшее сравнение уровня выраженности для испытуемых тех или иных ситуационных переменных значимых и трудных ситуаций производилось с помощью критерия *U* Манна – Уитни.

Проведённый анализ позволил сформулировать следующие выводы:

трудные жизненные ситуации обладают более низкой личностной значимостью и желательностью для субъекта (в обеих подвыборках $p = 0,00$);

несмотря на сравнительно одинаковую частоту повторяемости, субъект реже привыкает к трудным ситуациям (в обеих подвыборках $p = 0,00$);

давление ситуации оценивается как более сильное в переживании жизненных трудностей (в обеих подвыборках $p = 0,00$);

трудные ситуации оцениваются как более плотные, «заслоняющие» от субъекта остальные события жизнедеятельности (в обеих подвыборках $p = 0,00$);

уровень активности субъекта выше в значимых ситуациях (в обеих подвыборках $p = 0,00$), тогда как противодействие ситуации оценивается как более сильное в жизненных трудностях (в обеих подвыборках $p = 0,00$);

по степени интенсивности эмоциональных переживаний значимые и трудные жизненные ситуации достоверно не различаются (для мужской подвыборки $p = 0,70$; для женской – $p = 0,10$).

Далее вычислялась взаимосвязь между бинарными переменными с использованием ϕ -коэффициента сопряжённости К. Пирсона. Получены следующие результаты:

в значимых ситуациях личность чаще постулирует себя в центре событий (для мужской подвыборки $p = 0,02$; для женской – $p = 0,00$), тогда как в жизненных трудностях чаще переживается ощущение вынесенности за пределы наличной ситуации (для мужской подвыборки $p = 0,01$; для женской $p = 0,00$);

в трудных жизненных ситуациях личность значительно чаще переживает воздействие ситуации на жизненное пространство (для мужской подвыборки $p = 0,02$; для женской $p = 0,00$);

в значимых ситуациях чаще переживается комфортное эмоциональное состояние (в обеих подвыборках $p = 0,00$), тогда как в трудных ситуациях – дискомфортное (в обеих подвыборках $p = 0,00$);

в значимых ситуациях личность чаще постулирует подконтрольность наличной ситуации, тогда как в жизненных трудностях подконтрольность переживается как очень низкая (в обеих подвыборках $p = 0,00$).

Далее был проведён анализ соответствия определённых форм организации активности исследуемым типам жизненных ситуаций. С помощью анализа таблиц кросстабуляции с вычислением критерия χ^2 К. Пирсона выявлено, что в значимых ситуациях субъект достоверно чаще применяет адаптивные стратегии и стратегии активной адаптации, в то время как в трудных ситуациях – стратегии совладающей и надситуативной активности (в обеих подвыборках $p = 0,00$). При этом эффективность используемых стратегий оценивается выше в значимых ситуациях по сравнению с жизненными трудностями (вычисление по критерию *U* Манна – Уитни; для мужской подвыборки $p = 0,04$; для женской $p = 0,00$).

Таким образом, из представленного материала видно, что существует необходимость выделять значимые ситуации в отдельный класс, поскольку данные ситуации обладают набором характеристик, отличных от характеристик трудных жизненных ситуаций. Анализ данных эмпирического исследования ещё далеко не завершён, однако становится ясно, что обозначенные различия имеют принципиальный характер, обуславливающий различные формы организации активности личности в соответствующих жизненных ситуациях.

Бережная О.В. (Волгоград)

ТЕХНОЛОГИЯ «КЛЮЧИ И ОТМЫЧКИ ОТ ДЕНЕЖНОГО ПОТОКА»

Мой авторский тренинг «Как создать и приумножить личный капитал», посвященный теме денег, благополучию и богатству, ориентирован на практику и результат, который получают участники тренингов.

В период с 2005 по 2007 год у участников тренингов стала наблюдаться одна и та же закономерность: после того, как человек прошел тренинг в определенный им временной срок наступает финансовый результат, но стали проявляться такие странные вещи как мужчина (женщина, не важно кто) создавал определенную сумму денег для решения своих вопросов, но как только приходили деньги к нему, в его окружении, появлялись разные люди, которым срочно требовалась именно эта сумма, чтобы решить проблемы; женщина выиграла крупный проект, а ее сын разбил новую машину через день; такие ситуации стали происходить с мелкими и крупными сумма денег и указывали мне и участникам на то, что не хватает чего – «технологии» - для того, чтобы человек стал единственным и полноправным хозяином своих денег или своего сказать денежного потока.

В 2007 году я создала технологию «Ключи и отмычки от денежного потока», которая на протяжении двух лет пока-

зывает людям, кто помогает им тратить деньги или кто управляет их потоком. Откровений здесь много, а главное наступает результат, когда человек становится единственным владельцем своих денег и сам принимает ответственность и решения за свое благополучие.

Технология основана на визуализации и глубококом дыхании, где пауз между вдохов и выдохов нет. Участники тренинга или клиент занимают удобную для него позу, желательно лежа, и начинает спокойно и глубоко дышать. Через 5 – 7 минут такого дыхания, мы начинаем путешествие вглубь себя с целью выяснения «Кто управляет моими деньгами?».

«...Мы едете по широкому шоссе на хорошей машине, Вам приятно управлять машиной, встречный машин нет, здесь Вы сами устанавливаете правила движения... Сейчас Вам лучше притормозить у знака названия города (имя человека), выйти из машины и отправиться в путешествие по своему собственному городу... Здесь много зданий, зеленых деревьев и кустарников, но одно здание привлекает Ваше внимание, на нес красуется вывеска «Банк (имя человека)». Почувствуйте, есть ли у Вас желание пойти в свой собственный банк? Какие чувства у Вас

вызывает Ваш банк? И вот вы оказываетесь в холле своего банка, входите в лифт и он Вас поднимает в кабинет управляющего банка. Кто занимает место управляющего в Вашем банке? Что он(а) Вам говорит? Сейчас Вам можете принять решение и взять на себя функции управления своими деньгами... Если Ваше решение положительно, то Вы произносите следующие слова: «Когда – то я сам(а) решил(а), что ты будешь управлять и отвечать за мои деньги, с сегодняшнего дня функции управления и ответственности за свои деньги я возлагаю на себя». Если у Вас есть желание, Вы можете поблагодарить этого человека за тот труд, который он делал для Вас.

Поворачиваясь к лифту, посмотрите есть второй лифт, ведущий Вас в хранилище, где хранятся Ваши деньги, сбережения... Готовы ли Вы спуститься в хранилище и посмотреть, чем Вы сейчас обладаете. Заходите в лифт и нажимаете кнопку «Хранилище (имя человека)», лифт стремительно опускает Вас и вы оказываетесь перед дверью в хранилище, там два замка кодовый и обычный для ключа... А теперь оглянитесь вокруг и посмотрите, кто кроме Вас стоит перед дверью и у кого есть ключ, который Вы когда-то сами дали этому человеку. Теперь Вы можете забрать у них эти ключ, Вы становитесь полноправным и единственным владельцем своих денег. Подходя к каждому, чтобы забрать ключ, произнесите слова: «Когда – то я дал(а) тебе ключ от моего денежного потока, сейчас я готов(а) взять его обратно и стать единственным владельцем своего денежного потока». После того, как вы соберете все ключи у находящихся здесь людей, раство-

рите в своей руке все эти ключи... Теперь кодовый замок сменился на сенсорный для ваших рук... Вы подходите к двери, прикладываете руки, но замок пока не срабатывает, оглянитесь за вашей спиной стоят люди, которые сделали сами отмычки от Ваших денег... Вам нужно собрать теперь еще и отмычки от Вашего денежного потока... Подходя теперь вы произносите: «Когда – то ты сам(а) сделал(а) отмычку от моего денежного потока, сейчас я готов(а) взять его у тебя и стать единственным владельцем своего денежного потока». Все полученные отмычки растворите в своей второй руке... Теперь на двери только сенсорный ключ, прикладывая руки к этому ключу можно произнести: «С сегодняшнего дня я – единственный владелец своего денежного потока». Дверь для Вас открывается и Вы оказываетесь в своем хранилище... (Здесь человека оставить лучше наедине на несколько секунд, чтобы он смог насладиться своим путем к своим деньгам). Выходя из хранилища, закройте дверь и возвращаетесь через лифт в холл своего банка, а затем на место, где Вы оставили машину... А затем на то место, где начинался Ваш путь».

Это технология проста, но ее результаты удивляют даже скептиков и пессимистов... Для многих, кто проходил через эту технику, картина их финансов стала яснее и четче, а также человек на осознанном уровне приходил к определенным выводам: «Кто же истинный владелец его потока?» и как теперь строить отношения с теми людьми, чьи образы пришли в визуализации.

Бирюков В.А. (Томск)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ ТРАНССЕКСУАЛИЗМА В ПРОЦЕССЕ ОНТОГЕНЕЗА

Прежде чем мы начнем говорить о психологических особенностях транссексуального феномена, нам кажется необходимым раскрыть категорию транссексуализма как можно полнее и объемнее, безусловно, насколько это предоставляется возможным.

Вот несколько определений из разных источников (Большой толковый психологических словарь, Артур ребер, г.2000, Словарь гендерных терминов (www.owl.ru), а так же интернет-словари dic.academic.ru)

Транссексуализм – состояние, характеризующееся, прежде всего, убеждением человека, что он имеет неправильный пол. Было предложено несколько критериев для определения истинного транссексуализма:

1. дискомфорт, создаваемый собственной половой анатомией
2. устойчивое, глубокое желание принадлежать к другому полу
3. желание изменить собственные половые органы
4. отсутствие других психологических расстройств или генетических анатомических патологий, таких как гермафродитизм.

Транс-м обычно классифицируется как расстройство половой идентичности и противопоставляется гомосексуализму и трансвестизму. Также называется инверсией половой роли.

Транссексуализм – стойкое несоответствие полового самосознания человека его генетическому и гонадному полу.

Транссексуализм – нарушение половой аутоидентификации, стойкое осознание своей принадлежности к противоположному полу, несмотря на правильное (соответствующее генетическому полу) формирование половых желез, мочеполового аппарата и вторичных половых признаков.

Общим для всех определений является тезис о том, что человек опровергает/отрицает свой биологический пол. Уже на данном этапе нашего исследования мы можем предположить, что человек имеет некую внутреннюю данность, которая вступает в конфликт с окружающей действительностью. Слово «данность» нам кажется оправданным, так как на современном этапе исследований транссексуального феномена на первом месте стоит физиологический подход, который определяет причиной транссексуализма «эмбриотрофные воздействия в перинатальном периоде (применение андрогенов, острая асфиксия плода, нарушение маточно-плацентарного кровообращения и др.), искажающие дифференцировку структур головного мозга, ответственных за формирование полового самосознания и полового поведения». Другими словами, с этим человек приходит в мир. Надо отметить следующую особенность, что ни «правильное воспитание», ни «правильная психотерапия» не могут «переубедить» человека, страдающего ядерной формой транссексуализма в том, что он «ошибается».

Проявления транссексуализма широко варьируются по степени выраженности, от ярких "ядерных" до стертых "краевых" форм.

При так называемых стертых формах отмечаются лишь эпизодические высказывания о своей принадлежности к другому полу. Начиная с этапа формирования полового самосознания (возраст от 1 года до 7 лет), такие дети называют себя именами противоположного пола, стремятся носить хотя бы «нейтральную» в половом отношении одежду, в играх девочки предпочитают мужские роли, а мальчики — наоборот. При самых выраженных (так называемых ядерных) формах транссексуалы настойчиво стремятся к смене пола, в том числе паспортного, юноши нередко решаются на самооскопление.

Как уже было сказано выше, процессы формирования транссексуализма крайне скрыты в силу своей физиологической основы, и их критическое осмысление практически невозможно с точки зрения психологии.

Условно мы можем выделить несколько этапов развития транссексуализма в процессе онтогенеза, прежде чем нарастающий конфликт будет разрешен. Для каждого из них характерны некоторые психологические особенности. Подробная классификация нам представляется неоправданной и, по большому счету, ненужной из-за большого количества «скрытых переменных», факторов, которые вполне могут повлиять на развитие событий.

Самый первый период – дошкольный. Многие исследователи, с полным на то основанием, считают, что невозможно определить расстройство гендерной идентичности и прогнозировать его развитие, основываясь на непосредственных наблюдениях за поведением ребенка в возрасте до 8 лет. Одни и те же внешние проявления у детей могут быть вызваны совершенно разными мотивами, которые сами дети не могут, конечно, осознать и объяснить. Известно множество случаев, когда ребенок, любящий, например, в детских играх играть роли противоположного пола, вырастая, никак не проявлял ни гендерной дисфории, ни нестандартной сексуальной ориентации.

Далее, в возрасте 10-12 лет, в период полового созревания, когда дети уже осознают различия между мужчинами и женщинами, идет нарастание конфликта самосознания с окружающей реальностью. Особый дискомфорт вызывает «взросление тела». На данном этапе ребенок как правило прибегает к кроссдресингу и имитации манер поведения того пола, с которым он себя идентифицирует. Без понимающего участия родителей такие состояния как страх разоблачения, чувство вины прочно встраиваются в психическую реальность ребенка и могут послужить основой для других психических отклонений. Нельзя забывать, что в этот период взросления человек, и без того отягощенный новообразованиями своего психического и физического мира, также вынужден нести бремя «необычности», а нередко и «отверженности».

Роль помощи родителей и хорошего детского психолога здесь трудно переоценить.

Не редки случаи, когда ребенку не только не оказывается необходимое содействие, но и табуируется его право на свою психическую реальность, так как существование родителей, которые являлись бы минимально компетентными в области транссексуализма, скорее исключение, чем правило.

Следующий этап (20 лет плюс-минус 3 года) – этап взросления, время достижения возраста полового созревания и паспортного совершеннолетия открывает у человека новые возможности – возможность строить жизнь по своему желанию, изменять ее, самостоятельно пробовать себя в разных областях. Неустойчивость психики, неопределенность жизненных целей и ориентиров, желание

«быть как все» ставят транссексуала на распутье. Нужно принимать решение либо о реализации своей гендерной идентичности, либо встраиваться в социум в «неправильном теле» и жить в постоянном напряжении из-за нерешенности конфликта.

Решаются на транзишн (операцию по коррекции или перемене пола) в этом возрасте единицы. В основном, это ярко выраженные транссексуалы, с раннего детства не признававшие свой физический пол, и пользующиеся если не поддержкой, то хотя бы вынужденным признанием родных.

Однако, в основном, все происходит иначе. Те, кто скрывал свою истинную гендерную сущность, продолжают скрывать ее. При этом проблем становится больше – вторичные половые признаки физического пола активно развиваются. Тело и лицо становятся совсем не такими, какими бы их хотелось видеть. Общество и государство требует соответствия гендерным нормам. Чего стоит, например, для «женщины в мужском теле» перспектива армейской службы, а для «мужчины в женском теле» разговоры родни, что нужно быть женственной, следить за внешностью, приглядываться к мужчинам, имея в виду замужество... Большинство ломается, вливается в «общую струю»: выходят замуж, женятся, приобретают профессию. Но противостоять внутреннему противоречию не представляется возможным. Брак часто оказывается неудачным, профессия – неинтересной, и причин своей неудовлетворенности жизнью многие не понимают.

На этом фоне проявления своей транссексуальности и попытки ее игнорирования подавляются и могут обернуться депрессиями, уходом в себя, выпадением из социума, а в особо тяжелых случаях – психическими расстройствами, мыслям о суициде и нередкой реализацией подобных мыслей.

Все вышеперечисленные этапы предельно ясно иллюстрируют динамику нарастающего напряжения человека, страдающего расстройством гендерной идентичности. Лишь единицам, чья психика по счастливому случаю оказалась достаточно устойчивой и на протяжении около 20(!) лет пыталась сохранять возможный уровень интеграции, балансирующей между социальными нормами/табу и своим самосознанием, удалось добиться своего (транзишн) и удачно адаптироваться в обществе. Данная ситуация «тупика» может служить возможностью раскрытия внутреннего потенциала личности, чего зачастую не происходит. Страх, чувство вины и отверженности не лучшие попутчики на пути трансформации.

Масса предрассудков, низкая психологическая компетенция и страх перед многообразием форм этого мира порождают все новые препятствия на пути становления личности. Следует отметить, что особая роль в формировании устойчивости личности и ее самоопределении играет семья. Еще в самом начале пути человеку можно и нужно помочь.

Богданчиков С.А. (Саратов)

Методический арсенал советской психологии 1920-1930-х годов

Тема очередного Ярославского методологического семинара – «Психологическая наука и психологическая практика» – дает исследователю истории советской психологии хороший повод для того, чтобы попытаться в общем и целом охарактеризовать советскую психологию с исторической точки зрения не столько в плане ее философских, теоретических или методологических проблем, сколько как науку сугубо эмпирическую, экспериментальную, прикладную и практическую. Для достижения этой цели необходимо выделить наиболее важные публикации, носящие ярко выраженный научно-исследовательский, прикладной или учебный характер и

связанные с непосредственным применением или изложением с учебной целью методов психологии. Ограничившись – ввиду необъятности материала – и хронологически, и содержательно, для начала оценим методический арсенал советской психологии 1920-1930-х годов главным образом по изданиям учебно-методического характера, обычно носящим название «Практикум по психологии», «Практические занятия по психологии», «Экспериментальная психология» и т.п.

(1) В 1915 г. была опубликована книга Г.И. Челпанова «Введение в экспериментальную психологию» (последующие издания – второе в 1918, третье в 1924 г. – были

стереотипными). Это было первое в России учебно-методическое пособие подобного рода. Подчеркнем, что «Введение» следует рассматривать в тесной связи (как единый комплекс) с другими учебными пособиями Челпанова, которые многократно переиздавались в дореволюционные годы – «Введение в философию» (семь изданий в 1905-1918 гг.), «Учебник логики» (десять изданий в 1906-1918 гг.), «Учебник психологии» (шестнадцать изданий в 1905-1919 гг.) и курс лекций «Мозг и душа» (шесть изданий в 1900-1918 гг.).

В обширном предисловии Г.И. Челпанов определял «Введение в экспериментальную психологию» как «руководство для лабораторных занятий», предназначенное для студентов тех высших учебных заведений, где имеются психологические лаборатории. В предисловии содержатся разделы: «Как нужно пользоваться книгой», «Какого рода должна быть подготовка у того, кто приступает к изучению экспериментальной психологии?», «Как вести занятия?» и даже «Как организовать лабораторию?».

О тенденциях тех лет свидетельствует то, что, как в предисловии указывает Г.И. Челпанов, пособие «может также служить руководством для преподавателей средней школы, которые хотели бы организовать практические занятия». При этом Г.И. Челпанов оговаривает одно важное условие (очевидно, под влиянием шедшей тогда дискуссии с А.П. Нечаевым по поводу школьных психологических лабораторий): «Многие из описанных в этой книге экспериментов могут быть производимы и в средней школе, если эта последняя располагает соответствующими приборами». В конце предисловия приводится «Перечень обзоров по экспериментальной психологии», позволяющий нам судить о положении дел в России в области экспериментальной психологии в конце 1910-х – начале 1920-х годов. В перечне преобладают работы на иностранных языках, а три работы на русском языке – это переводы методических пособий А. Бинэ (1903), Р. Шульце (1912) и Г. Уиппла (1913).

О том, какой конкретный смысл (и методически, и относительно объекта изучения) вкладывался в то время в понятие «экспериментальная психология», можно судить по названию глав челпановского руководства: «Понятие функции и геометрическое изображение функций», «О вероятности ошибок», «Кривая ошибок», «Вероятное значение и мера точности», «Вероятная ошибка», «Ощущение цвета», «Явления контраста в области цветовых ощущений», «Слуховые ощущения», «Монокулярное зрение», «Бинокулярное зрение», «Хроноскоп», «Измерение сложных реакций», «Графическое измерение времени», «Графическая регистрация движений», «Исследование памяти», «Экспериментальное исследование внимания». Последние четыре главы посвящены психофизическим методам (минимальных изменений, средних ошибок, постоянных раздражений и равных интервалов). В предисловии Г.И. Челпанов благодарит своих учеников-студентов, помогавших ему при составлении пособия – это такие впоследствии выдающиеся (без преувеличения и без исключения) отечественные психологи-экспериментаторы, как Н.И. Жинкин, С.В. Кравков, П.А. Рудик, А.А. Смирнов, П.А. Шеварев.

(2) В 1926 г. в дополнение к «Введению в экспериментальную психологию» Г.И. Челпанов издал (пока еще позволяли условия нэпа) «Очерки психологии». Данная книга представляет собой написанное в научно-популярном стиле пособие по психологии, содержащее традиционные для того времени главы об ощущениях, восприятии, мышлении, чувствах и воле. Сам Челпанов позиционировал эту работу как «сочинение, в котором излагается психология эмпирическая и экспериментальная». «Очерки» интересны тем, что в предисловии Челпанов дает ре-

кламное (иначе не скажешь) описание сконструированного им «Универсального психологического прибора», изображенного в разных ракурсах на следующей странице (с. 4). Судя по этой информации, устройство сделано по принципу «все в одном», т.е. в одно целое конструктивно объединены хроноскоп, мнемометр, кимограф, тахистоскоп и даже проекционный аппарат. Еще одной важной особенностью этого чудо-прибора является то, что он компактно складывается в виде небольшого чемодана, предназначенного, как подчеркивает Г.И. Челпанов, «для ручной переноски» (в 1910-1920-е годы ряд специальных аппаратов для проведения психологических экспериментов был создан А.П. Нечаевым).

(3) Следующим большим шагом в общеметодическом обеспечении отечественной психологии стал вышедший в 1927 г. «Практикум по экспериментальной психологии». Эта работа была подготовлена коллективом молодых сотрудников Московского государственного Института экспериментальной психологии В.А. Артемовым, Н.А. Бернштейном, Л.С. Выготским, Н.Ф. Добрыниным и А.Р. Лурия под общей редакцией директора института К.Н. Корнилова. Несмотря на реактологический язык, присущий «учению о реакциях» К.Н. Корнилова (вместо ощущений, восприятия, памяти, мышления и чувств везде речь идет о «рецепторном моменте реакции», «центрального момента реакции», «эффекторном моменте реакции», «эмоциональных реакциях» и т.п.), содержательно «Практикум» явился дальнейшим развитием того, что было ранее сделано Г.И. Челпановым, в чем можно легко убедиться, сравнив оглавления данного «Практикума» и «Введения в экспериментальную психологию» Г.И. Челпанова. Это вполне объяснимо: «Практикум» создавался в стенах челпановского института, авторы книги были вооружены доставшимися им в наследство экспериментальными устройствами и материалами, к тому же К.Н. Корнилов, В.А. Артемов и Н.Ф. Добрынин ранее, еще до 1917 г., были студентами историко-филологического факультета Московского университета и изучали психологию в Психологическом институте непосредственно под руководством Челпанова, т.е. были его учениками. Во введении к «Практикуму» указывается литература «для более глубокой проработки» – это уже знакомые нам по «Введению» Г.И. Челпанова книги на иностранных языках (руководства Р. Шульце, А. Бинэ, Г. Уиппла и др.) и на русском языке, в том числе указывается и книга Г.И. Челпанова; из новых добавлены две работы: статья «Современная методика психофизиологического эксперимента» Н.М. Добротворского из сборника «Новые идеи в медицине» (1924, № 4) и методическое пособие «Простейшие школьные психологические и педологические опыты» К.Н. Корнилова, Н.А. Рыбникова и В.Е. Смирнова (1927, пятое издание; первое издание, что весьма показательно, вышло еще до революции, в 1915 г.).

(4) Разумеется, на протяжении 1920-х годов методическим аспектам большое внимание уделяли и многие другие отечественные психологи-исследователи. В плане персон и школ это были, помимо Г.И. Челпанова и К.Н. Корнилова, также П.П. Блонский (экспериментальные исследования в области психологии, педагогики и педологии), А.П. Нечаев (экспериментальные методы в области педагогической психологии), Г.И. Россолимо (метод психологических профилей), И.П. Павлов и его школа (метод условных рефлексов), В.М. Бехтерев и его школа (метод сочетательных рефлексов), сравнительная психология (В.А. Вагнер, В.М. Боровский, Н.Н. Ладыгина-Котс), Л.С. Выготский и его школа (А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев и др. – «метод двойной стимуляции», «экспериментально-генетический метод», «сопряженная моторная методика»). В 1920-е годы и в последующем дальнейшие развитие получили методические идеи А.Ф. Лазурского (1874-

1917) – в работах В.А. Артемова, Н.А. Рыбникова, И.В. Страхова и других советских психологов (метод «естественного эксперимента», конкретные методики наблюдения и составления характеристик).

(5) Отдельного изучения (с точки зрения выявления не только узкой, отраслевой, но и общепсихологической значимости) заслуживают методы и конкретные методики, которые в 1920-е годы создавались и применялись отечественными исследователями, работавшими в области психоанализа, педологии, психотехники, социальной психологии, криминальной психологии и в других прикладных и практических отраслях. В плане событий об уровне эмпирических исследований и достижений в области экспериментальной, прикладной и практической психологии в 1920-е годы свидетельствуют материалы первого и второго всероссийских психоневрологических съездов (1923, 1924), а также Всесоюзного съезда по изучению поведения человека (1930).

(6) Среди наиболее значимых публикаций экспериментальной направленности, относящихся к середине 1930-х годов, следует назвать работы Л.С. Выготского и его школы, работы П.П. Блонского (в области педологии и эйдетики), С.Л. Рубинштейна (психолого-педагогические характеристики учащихся), «Психология педагогической оценки» Б.Г. Ананьева (1935), а также сборники экспериментальных исследований «Цвет в архитектуре» Б.М. Теплова (с соавторами) (1934), «Зрительные ощущения и восприятия» (1935) (со статьями Б.М. Теплова, С.В. Кравкова, А.А. Смирнова, В.А. Артемова, А.И. Богословского и др.) и два тома «Психологических исследований» (в области сравнительной психологии) – «Инстинкты, навыки» (1935) и «Рефлексы, инстинкты и навыки» (1936), ведущими авторами в которых выступили В.М. Боровский и Н.Ю. Войтонис.

(7) В середине 1930-х годов в советской психологии возникла настоятельная, обусловленная главным образом идеологическими соображениями необходимость в новом пособии по экспериментальной психологии. С этой целью П.С. Любимовым был подготовлен и в 1936 г. под

редакцией и с предисловием К.Н. Корнилова опубликован (судя по всему, до партийного постановления о педологии) «Практикум по экспериментальной психологии». О драматической и даже трагической ситуации, сложившейся в нашей стране в середине 1930-х годов (еще до постановления о педологии) свидетельствуют слова, сказанные К.Н. Корниловым в редакторском предисловии: «Настоящий практикум по экспериментальной психологии предназначен для студентов первого курса педагогического и дефектологического факультетов педагогических институтов» (с. 3). Это означает, что к тому времени в стране кадры психологов уже не готовились (если не считать нескольких аспирантов в год на всю страну), психология как учебная дисциплина существовала только для будущих педагогов и дефектологов, но даже и для них количество часов на психологию (и теоретическую часть, и на практикум) было минимальным, к тому же на первом курсе.

(8) Постановлением ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г. «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» эмпирические исследования не только в педологии и психотехнике, но и вообще в психологии оказались сведены к минимуму. Возрождение в какой-то мере началось только после того, как в 1942 г. С.Л. Рубинштейн возглавил кафедру психологии, а затем в 1943 г. организовал психологическое отделение на философском факультете Московского университета. Но после «павловской» сессии 1950 г. для всей советской психологической науки вновь наступили тяжелые времена. Лишь в 1966 г. в нашей стране были открыты факультеты психологии в Московском и Ленинградском университетах, вследствие чего встал вопрос об учебно-методическом пособии по экспериментальной психологии для будущих психологов. Соответствующий «Практикум по психологии» вышел в Ленинграде в 1970 и 1972 гг. (в двух частях) и в 1972 г. – в Москве (под редакцией А.Н. Леонтьева и Ю.Б. Гиппенрейтер). Фактически это было продолжением дела, насильственно прерванного в 1930-е годы.

Богович Л. (Рига)

ВЛИЯНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ НАКАЗАНИЯ И ПООЩРЕНИЯ НА РАЗВИТИЕ НРАВСТВЕННОСТИ РЕБЕНКА

В течение своей жизни все дети совершают самые разные поступки. Самим детям, особенно младшим, очень трудно различить и понять свои действия, решить какие они, хорошие или плохие. В этой задаче, решение должны находить взрослые, уже знающие, по каким критериям в нашем обществе надо отличать хорошее от плохого, зло от добра. В этом могут помочь правила, которые вы используете в общении со своим ребёнком. Правила должны быть в каждой семье, они определяют образ мышления ребёнка. В разных семьях правила бывают разные, где-то помягче, а кое где и более жёсткие. К правилам мы относим все, что регулирует жизнь в семье - время утреннего подъёма и отхода ко сну, вечерние ритуалы – чистка зубов, умывание, чтение сказок на ночь, так же вежливость в отношении старших и сверстников, взаимоотношения с воспитателями и учителями о многое-многое другое. Список очень длинный.

Обычно родители знают, что их тревожит в поведении ребёнка. Например, ребёнок бросает свои вещи на пол, не очень бережно к ним относится, и взрослые могут ввести правила аккуратности и следить за их выполнением. Если ребёнок следует правилам, то взрослый хвалит ребёнка, не следует – наказывает. Современные психологи считают, что наказание так же важно, как и поощрение. Поощрение, необходимо для того, чтобы ребёнок выпол-

нял действия, требуемые взрослым, а наказание служит для того, чтобы ребёнок воздержался от выполнения определённых действий. Наказание учит детей избегать опасности. Что вы выберете: гибель ребёнка под колёсами автомобиля на проезжей части, либо обучение правилам перехода через дорогу с обязательным использованием различных методов поощрения и наказания? Ситуации в которых может подвергаться опасности жизнь ребёнка встречаются очень часто и иногда требуют от взрослых незамедлительной реакции. Если вы увидите в руках ребёнка заряженный пистолет, вы же не будете долго раздумывать и убеждать ребёнка, а при первой представившейся возможности отберёте его, а когда ребёнок снова возьмёт оружие в руки, не смотря на ваши запреты, то неужели, вы его не накажете за такой поступок?

Положительная оценка взрослого (поощрение, похвала, награда) придаёт положительную окраску всем совершаемым действиям ребёнком, и даже тем, к которым ребёнок относился с полным равнодушием. Отрицательная оценка взрослого часто придаёт отрицательную окраску совершаемым ребёнком действиям.

Оценивание взрослым поступков ребёнка с помощью положительного отношения закрепляет, фиксирует, так называемый «правильный» способ поведения (то, что

взрослый считает правильным и необходимым). Так же с помощью отрицательной оценки взрослый нейтрализует, разрушает так называемый «неправильный» способ поведения. Оценка взрослого должна отвечать определённым требованиям, то есть быть:

объективной и в то же время тактичной, поэтому в поступке сначала выделяют положительные стороны, а об отрицательных говорят как бы вскользь, но так, чтобы ребёнок понял, чем именно недоволен взрослый. Оценивать следует не самого ребёнка, а его поступок. К порицанию следует прибегнуть лишь в исключительных случаях, предварительно показав и объяснив, как надо поступать;

ориентированной на поведение ребёнка, а не на сравнение его с другими детьми, чтобы не унижать в глазах взрослых, не разрушать совместную деятельность;

дифференцированной, поскольку общие оценки ничего не дают для развития личности. Нужно показать, за что ребёнок оценивается определённым образом, и ребёнок будет стремиться повторить действие, чтобы снова заслужить положительную оценку;

регулярной и постоянной, а не даваться от случая к случаю;

включающей сочетание разных способов воздействия, как разговоров, так и действий

со стороны взрослого (поцелую и объятия, либо же шлепок, недовольное лицо). К последним, дошкольники особенно чувствительны. Соотношения разных способов оценки зависят от возраста, индивидуальных особенностей ребёнка и ситуации.

Взрослый, применяя в отношении детей различные виды поощрений и наказаний, развивает у детей представления о данных процессах, базирующихся на уровне нравственного развития ребёнка. В свою очередь, осваивая нравственные нормы, дети учатся сами применять поощрения и наказания в отношении других детей. Часто можно наблюдать картину, как дети проигрывают применения поощрений и наказаний в отношении своих игрушек, хвалят куклу за съеденную кашу, наказывают мишку за порванные штанишки и т.п. В игре с другими детьми и с игрушками, дети закрепляют определённые навыки к применению поощрений и наказаний. Так же стоит отметить, что если ребёнок способен выделять хорошие и плохие поступки (в соответствии с используемой в его окружении системой ценностей), то он может более или менее адекватно предположить, что за хорошие поступки полагается какое-либо поощрение, а за плохие поступки – наказание.

Видов наказания не так много. Бывает прямое физическое наказание – шлепки, наказания ремнём, оплеухи, щипки и т.п. Словесное наказание – крики, брань, выговоры, просьбы. Затем идут такие виды наказания как запрет и игнорирование, например, наказание молчанием (лишение общения со взрослым), лишение игрушек, свободного времени, запрет гулять, необходимость стоять в углу. Других видов наказания нет, но очень важно отметить, что они могут обладать различной степенью интенсивности применения в отношении ребёнка, то есть могут быть, как и жестокими, так и более гуманными. Физическому наказанию в любом из своих проявлений можно присвоить высокую степень интенсивности, так как даже лёгкие шлепки, вызывают боль, чувство унижения, обиды. Естественно более грубые формы физического «наказания», например, такие как избиения, не рассматриваются именно как виды наказания, в том смысле, что наказание служит для корректировки поведения ребёнка, а избиения и побои служат лишь для удовлетворения низменных инстинктов недостойных взрослых.

Словесное наказание так же бывает различной степени интенсивности. Высокую степень интенсивности можно присвоить крикам, брани, оскорблениям. Уже гораздо мягче выговоры, «прикрикивание» и нотации. Совсем мягкое наказание это просьбы вести себя по-другому.

У таких видов наказаний, как запрет и игнорирование, так же можно условно выделить различные степени интенсивности по количеству применений данных лишений. Например, ребёнка можно наказать и десятиминутным стоянием в углу, а можно и «забыть» его там и на два часа. В первом случае степень интенсивности будет низкая, а во втором высокая.

Поощрения тоже бывают нескольких различных видов: материальное поощрение (подарки, деньги, игрушки, развлечения), словесное (похвала, одобрение, использование ласковых слов) и тактильное, то есть связанное с прикосновениями (поцелуи, объятия).

Для маленьких детей подкрепление наиболее эффективно, если происходит непосредственно после демонстрации желательного поведения, таким образом, чтобы связь между действием и наградой была очевидной. Для более старших детей незамедлительность получения награды не столь существенна, поскольку они в большей степени способны к отсрочиванию получения желаемого и к пониманию связи между своим поведением и следующей через некоторое время наградой.

Награды следует использовать с осторожностью, потому что иногда они могут снизить интерес ребёнка к поощряемой деятельности. Наиболее полезными являются награды, отвечающие принципу минимальной достаточности, который гласит, что наиболее эффективными средствами долговременного изменения поведения ребёнка являются награды достаточные и необходимые для того, чтобы ребёнок усвоил новое поведение. Иными словами, награда должна привлечь ребёнка к новому способу действий, но не должна становиться столь значимой, чтобы ребёнок сосредотачивался в первую очередь на ней самой.

Рассматривая возможности применения поощрений и наказаний в отношении детей, стоит выделить и такой аспект, как адекватность наказания или поощрения в зависимости от поступков детей. Никто не будет отрицать, что небольшие проступки, наказываются мягче, чем более значительные. Хотя, эта ситуация является двойственной, так как значение поступкам ребёнка присваивает взрослый. Именно взгляды взрослого, его система ценностей влияет на выбор адекватности наказания или поощрения. Если взрослый не может контролировать свою агрессию, то любая ошибка в выполнении задания ребёнком, любая помарка в тетради может вызвать применение грубой физической силы (избиение, оплеухи и т.п.) или же за любую мелочь, за каждую красиво написанную букву ребёнка заваливают подарками, игрушками, развлечениями. Сам взрослый должен обладать развитой системой ценностей, нормальным уровнем морально-нравственного развития, чтобы адекватно оценивать поступки ребёнка.

Так же необходимо сделать акцент на том, что дети, общаясь с взрослыми, подвергаясь со стороны взрослых оцениванию (поощрению и наказанию) сами учатся поощрять и наказывать других людей, и если не в реальной форме, то хотя бы в воображаемых, гипотетических ситуациях.

Поэтому в воспитании детей важно и поощрение и наказание! Важно выбрать меру, и чем больше средств воздействия вы применяете к ребёнку, тем богаче его жизненный опыт, тем лучше ребёнок усваивает правила поведения.

ТРАДИЦИОННЫЕ ЗНАНИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ЧАСТЬЮ ПСИХОДУХОВНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Глобальное потепление, интенсивное загрязнение атмосферы, почвы, воды, потеря лесов, опустынивание, исчезновение видов... далеко неполный перечень проблем глобального значения, успех в решении которых зависит от духовного развития каждого из нас.

Арнольд Минделл (2003, С. 16) замечает «согласно традиции Времени Сновидений австралийских аборигенов, все объекты, люди и события представляют отзвуки первобытных созидательных сил». Великие научные достижения современности не способны пока обеспечить гарантированное сохранение естественных функций природных экосистем, так может пришла пора обратиться к опыту прошлого, но с учетом современных непростых запросов.

Развитие данного тезиса актуально в отношении проблематики сохранения окружающей человека природной среды, ведь до сих пор во всем мире не найдена удовлетворяющая схема взаимодействия человеческой цивилизации и природы. Что же мы можем отыскать для этих целей из сокровищницы мирового опыта?

Прежде всего следует обратиться к коренным малочисленным народам (*indigenous peoples*), которые в наибольшей степени сохранили свою связь с природой, проживая в обширных малонаселенных местах планеты с богатыми биоресурсами и относительно малонарушенной природной средой. Но сейчас можно отмечать постоянный и интенсивный процесс сокращения площади таких территорий, также широко известна проблема быстрой потери уникальных свойств тропических лесов; катастрофическими темпами разрушаются экосистемы коралловых рифов; в засушливых регионах мира отмечается экспансия пустынь; все меньше природы остается в городских окрестностях и урбанизированных зонах всех континентов.

Конвенция о биологическом разнообразии – первое масштабное международное соглашение, в рамках которого 190 стран – ведущих государств планеты более 15 лет проводят согласованные действия, направленные на сохранение, устойчивое использования и справедливое распределение прибыли от использования всего имеющегося разнообразия жизни (биоразнообразия).

Конвенция признает исключительную роль коренных народов и местных общин в процессе выполнения ее решений, и в ряде официальных документов высшего ранга констатируется, что именно они, обладающие традиционными знаниями, инновациями и практикой гармоничного сосуществования с дикой природой, способны предложить свои многовековые «рецепты», позволяющие замедлить потери биологического разнообразия.

Правительства стран-участниц Конвенции взяли на себя обязательство уважать, беречь и сохранять такие знания и опыт, способствовать их более широкому применению, а также способствовать получению самими держателями и хранителями традиционных методов природопользования выгод от их знаний. Что это за знания, которые могут быть названы традиционными?

Традиционные знания — это знания и методы, связанные с растениями и животными, естественными лекарствами и лечением, которые применялись на протяжении веков в народе. Такими знаниями признаются сведения, которые позволяют составить новое представление о пищевых продуктах и применении природных компонентов в приготовлении косметики, изготовлении аксессуаров и т.д., знания, имеющие интеллектуальное значение и находящиеся в коллективном ведении. Традиционные знания характеризуются тем, что создаются не на систе-

матической основе, а в соответствии с тем, как творец знаний взаимодействует с окружающей его культурной средой.

По разным подсчетам, в мире проживает от 300 до 600 миллионов коренных народов, чей образ жизни, язык, культура и черты индивидуальности тесно связаны с окружающей природной средой. Помимо этой категории людей, особо зависимых от благополучия природной среды, есть аборигенное население общей численностью около 1,4 миллиарда, именно оно прежде всего относится к беднейшим, и благополучие их тесно зависит от биоразнообразия. Но и культурный вклад коренных народов также исключительный: всего в мире существует примерно 6 тыс. культур, из них на долю культур коренных народов приходится 4 тыс. — 5 тыс.

Лингвистическое разнообразие – другой хорошо регистрируемый факт: примерно три четверти из 6 тыс. сохранившихся языков в мире — это языки коренных народов. А сами коренные этносы, по своему особому образу жизни значительно отличаются друг от друга, и учитывая, что многие районы, отличающиеся самым большим биологическим разнообразием на планете, до сих пор населены коренными народами, и получается, что большая часть природного и культурного разнообразия планеты сохраняется благодаря коренным народам.

Очевидна и исключительность духовного богатства коренных народов, и вполне логичным будет считать, что интеграционные тенденции трансперсональной психологии позволяют рекомендовать обратить особое и расширенное внимание к духовному и культурному наследию коренных этносов, сохранивших свои традиции, исторические формы природопользования и народные знания.

В традиционной культуре каждого народа присутствуют сведения, отражающие опыт освоения локальной среды, адаптации к окружающим природным условиям и успешный опыт выживания. Многочисленные этнографические, биологические, экологические, медицинские исследования показали, что в условиях Арктики, у многих народов Севера были созданы и сохранились в значительной степени оригинальные системы адаптации к неблагоприятным условиям. Однако, в России в последние десятилетия, ситуация в таких регионах существенно изменилась, и те традиционные знания, которые соответствовали духу этих народов оказались под реальной угрозой полного исчезновения.

В 1995 году этнографы опубликовали "Список народов Севера России", в который включили народы и этнические группы, исходя из признаков длительности их проживания на Севере и сохранения традиционных для Севера видов деятельности. Этот список, кроме коренных народов Севера, включает этнические группы населения Севера, являющиеся по происхождению локальными частями больших народов, таких как северные якуты-оленьеводы, коми-оленьеводы, часть карелов и русских старожилов Сибири, смешавшихся с народами Севера и в настоящее время занимающихся такими же, как и коренные малочисленные народы, видами традиционного природопользования.

В 1999 г. в России был принят Федеральный закон "О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации", в статье 1 этого Закона конституционной формулировке "коренные малочисленные народы" было дано следующее определение: "коренные малочисленные народы Российской Федерации (далее - малочисленные народы) - народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие

традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями».

В 2000 году Правительством Российской Федерации был утвержден Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации, в который, в соответствии с вышеперечисленными признаками, было включено 45 народов. Из них 40 народов (алеуты, аляуторцы, вепсы, долганы, ительмены, камчадалы, кереки, кеты, коряки, кумандинцы, манси, нанайцы, нганасаны, негидальцы, ненцы, нивхи, ороки (ульта), орочи, саамы, селькупы, сойоты, тазы, теленгиты, телеуты, тофалары, тубулары, тувинцы-тоджинцы, удэгейцы, ульчи, ханты, челканцы, чуванцы, чукчи, чулымцы, шорцы, эвенки, эвены, энцы, эскимосы, юкагиры) проживают на Севере или в районах с суровыми климатическими условиями, приравненных к Северу. Их объединяют формы традиционного природопользования, адаптированные к суровым условиям Севера, малая численность (17 из этих народов насчитывают менее 1500 человек), современное расселение на землях предков.

При рассмотрении возможностей изучения и расширенного использования традиционных знаний коренных народов следует помнить, что исходными источниками знания являются ощущения, основанные на первичной информации об окружающей среде. Постоянное воздействие окружающего мира отражается и запечатлевается в психической сфере человека, образуя тот фундаментальный информационный фонд, с помощью которого люди находят новые неизвестные им сферы, свойства и отношения предметов окружающей действительности.

Основываясь на фундаментальном положении классика «...вопрос о том, как устроен мир, без учета нашего воспринимающего психического аппарата, есть пустая абстракция, лишённая всякого практического интереса» (З. Фрейд, 1990, С. 142), можно предположить, что в борьбе за существование у человека выработалось и до сих пор действует чувство самосохранения, обеспечивающее постоянное задействование имеющихся и добавление новых знаний, ориентированных на упорядочивание взаимодействия со средой (географической, социальной и этической) рассматриваемых в рамках единой целостной системы.

Важнейшая черта знаний – историческая преемственность, закладывающаяся в органическом единстве унаследованности от прошлых поколений социального опыта и памяти, сохранившихся в виде традиций определенного этноса. В свою очередь, на развитие знаний через этнос оказывает влияние географические условия – климат, рельеф, флора и фауна, восприятие которых суммируется в виде развития определенных форм традиционного природопользования. Полагаем в этой связи, что традиционные знания, получая свое развитие на основе отображения условий и ограничений природной среды, представляют собой идеально выраженное явление, раскрывающее объективные связи природы и человека, они проверены временем и остро нужны сейчас. Вопрос заключается в приоритетах выбора этносов и территорий для таких исследований.

Российский Дальний Восток до сих пор поддерживает большую группу коренных народов, относящихся в основном к тунгусо-маньчурской языковой группе. По разнообразию этническому и природному особым образом выделяется регион Нижнего Амура и Сахалина, слабо разобщенный в географическом отношении, но имеющий многие общие исторические и биогеографические «корни», связанные с расселением этнических групп на обширной территории Азии и даже Северной Америки.

Представляется целесообразным включить в фокус научных задач трансперсональной психологии – изучение и выявление современных функций традиционных знаний коренных малочисленных народов, вероятно, что данное направление должно базироваться на идентификации особенностей развития в границах определенных природных биосоциальных этапов, генерирующих традиционные знания биоэнергетических процессов космического и общепланетарного генезисов.

Именно так, в раскрытии «сил сновидения», скрытых в материи, отображаемых структурно и функционально традиционными знаниями, мы способны будем раскрывать и конструировать наше будущее. Присоединяясь к сентенции «...давайте же сохраним и изучим, что у нас еще имеется, что еще доступно для прикосновений, что способно нас научить и сохранить» (А. Минделл, 2005, с.24), мы уже делаем первый шаг в будущее, а что будет следующим?

Бурыкина М.Ю. (Брянск)
К ВОПРОСУ О ПРИНЯТИИ МАТЕРЯМИ-ПЕДАГОГАМИ
СВОЕГО РЕБЁНКА: СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

В зависимости от того, как ведут себя взрослые с ребенком, какие отношения проявляются со стороны близких людей, ребенок воспринимает мир притягательным или отталкивающим. В результате у него, отмечает Э.Эриксон, возникает доверие или недоверие к миру, формируется позитивное или негативное самоощущение. Негативный опыт общения не побуждает, а отвращает ребенка от стремления утвердить себя в мире человеческих отношений и приводит к возникновению защитных механизмов. При доброжелательном отношении взрослых удовлетворяются потребности ребенка в одобрении, признании, положительной оценке, в любви и принятии, что является необходимым условием нормального психического развития детей.

Термин «принятие» характеризует аффективную окраску отношения родителя к ребенку и признание его самоценности (А. Я. Варга, А. И. Захаров, Д. И. Исаев, М. Сегелман и др.). Эмоциональная близость определяется В.В. Столиным как аффективный знак отношения (симпатия-антипатия) и эмоциональную дистанцию между роди-

телями и ребенком. А.С. Спиваковская утверждает, что принимать ребенка – значит признавать права ребенка на присущую ему индивидуальность, непохожесть на других, неповторимое существование человека, со всеми свойственными ему качествами.

И. А. Носова выделяет признаки принятия родителями своего ребенка:

- 1) реализация любви, создание положительного эмоционального фундамента, чувственной основы контакта между родителями и ребенком;
- 2) Требование принятия ребенка, любви к такому, какой есть, базируется на признании и вере в развитие, в постоянное совершенствование ребенка. Умению родителей общаться без постоянного осуждения личности ребенка помогает вера во все то хорошее и сильное, что есть в каждом, даже в самом неблагополучном, ребенке;
- 3) Отказ от фиксирования слабостей, недостатков и несовершенств.

О.М. Дьяченко, Т.В.Лаврентьева обращают внимание на то, что часто за родительским осуждением стоит недо-

вольство собственным поведением, раздражительность или усталость, возникшие совсем по другим поводам. За негативной оценкой всегда стоит эмоция осуждения и гнева. Принятие дает возможность проникновения в мир глубоко личностных переживаний детей. Печаль, а не гнев, сочувствие, а не мстительность – таковы эмоции истинно любящих своего ребенка, принимающих его родителей.

Э.Фромм, Ю.Б. Гиппенрейтер, М.А. Хазанова выделяют две формы принятия: безусловное (полное) и условное (частичное). Безусловное принятие - это удовлетворение потребности в любви, в принадлежности, в необходимости другому. Условное принятие - оценочное отношение к человеку: «Если ты будешь хорошим мальчиком, то я буду тебя любить. Причина оценочного отношения к детям - вера в силу награды и наказания.

Принятие, по мнению Ю.Б. Гиппенрейтер, выражается в вербальной и невербальной формах. Слова и выражения, интонация, тон голоса родителей указывает на раздражение ребенком. Одергивание, критика его, сердитый, строгий голос родителя приводит ребенка к мысли: «Меня не любят», - он ощущает себя плохим, несчастным. Невербальная форма принятия: взгляды, ласковые прикосновения, позы и жесты - необходимы ребенку для выживания.

По мнению Ю.Б. Гиппенрейтер, М. Безруких причинами неприятия родителями своего ребенка являются: а) ценностные установки родителей, проявляющиеся в требованиях, критике, напоминаниях, нотациях, в борьбе за послушание и дисциплину; б) несоответствие ребенка идеальным представлениям взрослых; в) неосознаваемое стремление родителей компенсировать свои жизненные неудачи, не осуществившиеся мечты или желание доказать всем свою незаменимость; г) неосознаваемое эмоциональное отвержение; как следствие тяжело протекавшей или нежелательной беременности, болезни или увечья ребенка, его непохожести на сверстников, низких способностей, особенностей характера, темперамента.

Неудовлетворенность ребенком родителей и других членов семьи, отмечает М. Безруких, нарушения отношений обусловлены преимущественно степенью соответствия ребенка идеальным представлениям взрослых. Это приводит к разладу психоэмоционального взаимодействия. Социальный контроль в таких процессах осуществляется по принципам ролевого поведения. Принятие как взаимодействие регулируется ролевым ожиданием – мать или отец ожидают от сына или дочери определенный тип поведения, и сколько-нибудь заметное от него отклонение осуждается. Поэтому важно сказать, что необходимым условием плодотворного и эффективного взаимодействия, как и безусловного принятия, является соответствие поведения родителей и ребенка ожиданиям друг друга.

В связи с вышеизложенными позициями мы предприняли попытку изучить отношение женщин-педагогов к своим детям в сравнении матерями, связанными своей профессией с системой «человек-техника».

Выборку составили женщины, имеющие детей от 1 года до 16 лет, и воспитывающие их в условиях полной и неполной семьи. Обследование 461 женщины осуществлялось в вузах г. Брянска (Брянский государственный университет, Брянский филиал Московского психолого-социального института, Брянский филиал Московского педагогического государственного университета, Брянский государственный технический университет, Брянская государственная технологическая академия) среди студентов заочного и вечернего отделений, работающих педагогами, педагогами-психологами в образовательных учреждениях города и области, а также занимающихся техническими профессиями (инженер, программист, технолог).

Нами был использован тест-опросник родительского отношения А.Я.Варга, В.В.Столина, который представляет собой психодиагностический инструмент, ориентированный на выявлении родительского отношения, в том числе принятие своего ребенка.

Результаты обследования матерей распределены на 4 группы: матери-педагоги и матери-инженерно-технические работники (ИТР), воспитывающие детей в полных и неполных семьях. В свою очередь каждая группа разделена на четыре возрастные категории детей: ранний (1-2,11г.), дошкольный (3 г.- 6,5л.), младший школьный (6,5-10 л.) и подростковый возраста (11-16 л.). Охарактеризуем материнское отношение в указанных группах.

Среди матерей-педагогов, воспитывающих детей без отца, отмечено преобладание (98% от выборки матерей-педагогов) симбиотических отношений с ребенком (диапазон процентильного ранга составил от 86, 63 до 96,65 ед.). Следует отметить, что наименьшие значения по шкале «Симбиоз» получены в семьях с детьми раннего возраста (процентильный ранг 86,63). Нами замечена тенденция усиления симбиотических отношений к младшему школьному возрасту и фиксация высоких значений по отношению к подросткам. Эти матери ощущают себя с ребенком единым целым, стремятся удовлетворить все потребности ребенка, оградить его от трудностей и неприятностей жизни. Они постоянно ощущают тревогу за ребенка, который им кажется маленьким и беззащитным. Тревога родителя повышается, когда ребенок начинает автономизироваться в силу возрастных особенностей, по своей воле матери не предоставляют ребенку самостоятельности. Данный тип отношений во многих случаях сочетается с высокими значениями по шкалам «маленький неудачник» (79%), «авторитарная гиперсоциализация» (69%).

Значительная часть матерей-педагогов, воспитывающих детей в неполной семье (38%), доминантно используют в отношении своего ребенка стиль родительского отношения «Маленький неудачник». У данных матерей имеются стремления инфантилизировать ребенка, приписывать ему личную и социальную несостоятельность. Матери видят своего ребенка младшим по сравнению с реальным возрастом. Интересы, увлечения, мысли и чувства ребенка кажутся им детскими несерьезными. Ребенок представляется неприспособленным, неуспешным, открытым для дурных влияний. Мама не доверяют своему ребенку, досаждают на его неупешность и неумелость. В связи с этим они стараются оградить ребенка от трудностей жизни и строго контролировать его действия. К подростковому возрасту данные по инфантилизации более выражены и достигают средних значений процентильного ранга 93,03.

Некоторые матери данной группы (79%) выстраивают родительское отношение по типу «Авторитарной гиперсоциализации», часто сочетая с позицией «Симбиоз». В их отношениях отчетливо просматривается авторитаризм. Матери требуют от ребенка безоговорочного послушания и дисциплины. Они стараются навязать ребенку во всем свою волю, не в состоянии встать на его точку зрения. За проявления своеволия ребенка сурово наказывают. Матери пристально следят за социальными достижениями ребенка, его индивидуальными особенностями, привычками, мыслями, чувствами. К подростковому возрасту количество матерей, отношение с детьми которых выстраивается по данному типу, увеличивается до 96%.

И только 5% матерей-педагогов, воспитывающих детей в неполной семье, ориентированы на «Принятие» и «Кооперацию», которая определяет социально желательный образ родительского отношения. Матери заинтересованы в делах ребенка, стараются во всем помочь ребенку, вы-

соко оценивают интеллектуальные и творческие способности ребенка, испытывают чувство гордости за него. Матери поощряют инициативу и самостоятельность ребенка, стараются быть с ним на равных. Они доверяют ребенку, принимают его точку зрения в спорных вопросах. В семьях подростков и младших школьников показатели принятия снижаются (2% матерей-педагогов), что указывает на усиление подозрительности и недоверия детям-подросткам. Наибольшие значения по шкале «кооперация» (процентильный ранг-31,19) получены в дошкольном возрасте, когда ребенок значительную часть времени находится в дошкольном учреждении и менее всего «доставляет хлопот» и оказывает сопротивление своим матерям. В диаде «дочь – мать», в некоторых случаях, кооперация достигает относительно высоких количественных показателей (48,82 проц. р.)

Среди матерей-педагогов, воспитывающих детей в полных семьях, получены сходные значения и различия в результатах по выборке «матери-педагоги» оказались статистически достоверно не значимы (по t-критерию Стьюдента). Исключение составили данные по шкале «авторитарная гиперсоциализация», которые достоверно выше в семье подростков (особенно мальчиков). А также достоверно ниже значения по шкале «кооперация» в семьях мальчиков-подростков. Можно предположить усиление тенденции на авторизацию отношений влиянием отца, включенного в процесс взаимодействия с подростком.

Результаты обследования матерей-ИТР достоверно отличны по шкалам «принятие» и «кооперация». Женщины (61%) склонны своих детей принимать такими, какие они есть (процентильные ранги находятся в диапазоне от 12,02 до 53,79) и готовы с ними сотрудничать. Данная тенденция усиливается к подростковому возрасту (78% матерей), но заметно снижена в младшем школьном возрасте (45% женщин). Симбиотические отношения наиболее показательны для детей раннего возраста (процентильные ранги - 57,96 -74,97, а к подростковому возрасту снижаются до 19,53 по нижнему порогу). Значения по шкалам «маленький неудачник» и «авторитарная гиперсоциализация» наиболее выражены в младшем школьном возрасте, но не превышают значения 69,3 и 70,25, что достоверно ниже в сравнение с выборкой матерей-педагогов.

Таким образом, полученные сравнительные значения указывают на общие тенденции в принятии матерями-педагогами своих детей, независимо от типа семей. Наше исследование показало склонность матерей «педагогизировать» свои отношения с собственными детьми. Они проявляют завышенные ожидания от них, стремясь приблизить их к идеалу, навязываемому образовательным учреждением и обществом, часто вопреки потребностям и возможностям детей, перегружая их требованиями и запретами, что правомерно вызывает дисгармонию детско-родительских отношений.

Ватова Л.С. (Москва)

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МОЛОДЕЖНОГО ВАНДАЛИЗМА

Проблема молодежного вандализма в настоящее время практически не изучена. Ею занимались несколько зарубежных авторов - социологов, например, К. Ношис, Э. Роос и др., с целью усовершенствования законодательства. В нашей стране в социально-психологическом аспекте проблема не изучалась. Нами предпринята попытка изучить этот феномен более детально, чем за рубежом.

Феномен молодежного вандализма в онтологическом плане является частным случаем феномена девиантного поведения, имеет с ним общие черты и различия, которые выделяют его в самостоятельную социально-психологическую категорию. Главное отличие вандализма от девиантного поведения состоит в том, что его суть заключается в порче культурных ценностей (девиантное поведение может быть направлено на любые объекты и субъекты), а причинами являются переоценка ценностей в обществе, их деформация в сознании вандалов, приводящая к нарушению норм. Вандализму можно дать определение: молодежный вандализм – это разновидность девиантного поведения, проявляющаяся в порче культурных ценностей по причинам: подражания разрушительным тенденциям, существующим в обществе, самоутверждения в социуме, протеста против последовательности применения норм.

Структура причин молодежного вандализма представляется собой матрицу, состоящую из кластеров (первопричины, причины социальные, социально-психологические) и уровней (основного, производного, надстроечного).

Функционирование причин молодежного вандализма происходит по принципам детерминизма и поэтапности. Причины действуют от макроуровня (основного) к микроуровню (надстроечному), т.е. от средовых причин (внешних) к личностным (внутренним). Последний связан с психологическими свойствами. Каждое звено в матрице является посредником в передаче информации от одних структур к другим, внося свой вклад в передаваемое действие. Основные причины макроуровня связаны с изме-

нением ценностей на протяжении веков, нарушением процесса социализации.

Структура вандализма представлена четырьмя компонентами: эмоциональный, когнитивный, мотивационный, поведенческий, которые представлены специфическими и не специфическими свойствами и действуют поэтапно в указанной последовательности. Психологические свойства можно классифицировать как основные, адаптационные, социального развития, вандализма.

Функционирование вандализма. Причины вандализма действуют по цепочкам от макро- к микро причинам (личностным), приводя в действие компоненты вандализма. Последние активизируют их составляющие, которые обеспечивают поэтапную предрасположенность к вандализму, дезадаптацию, готовность к вандализму, вандальное поведение.

Динамика вандализма. Психологические свойства имеют динамику с возрастом, с усилением вандальной активности, с переходом от 1-й стадии развития вандальных групп (адаптации) к 3-й стадии (интеграции).

С усилением вандальной активности неадекватность психологических свойств, в том числе ценностных ориентаций, увеличивается. Так, если для обычной молодежи характерны инструментальные ценности, связанные с познанием, творчеством, т.е. с самореализацией, то для молодежи с вандальной активностью (одиночные вандалы) эти ценности не достижимы, кроме того

А) для одиночных вандалов характерно преобладание терминальных ценностей, связанных с эгоистической направленностью на себя (любовь, красота природы) (деформация норм),

Б) для групповых вандалов характерно предпочтение терминальных ценностей, связанных со свободой в смысле все доступности, материальное благополучие, достигаемое любым путем, даже путем побочного с вандализмом преступления (нарушение норм).

Для обычной молодежи ценности достижимы, во втором случае – практически не достижимы (внутренние конфликты), в третьем – не достижимы. А некоторые ценности ниже доступностей, т.е. обесцениваются (внутренние вакуумы), которые «заполняются» путем вандальной деятельности.

Гетерохронность психологических свойств (появление и исчезновение свойств в разное время): проявляется в следующем неадекватность психологических свойств проявляется в 16 лет, исчезает в 23 года. Их динамика с возрастом имеют три стадии: а) возрастания, б) стабилизации, в) спада.

Активизация компонентов вандализма порождает социально-психологические механизмы вандализма:

А) одиночного: эмоциональный, когнитивный, мотивационный, защитный, которые действуют в указанной последовательности,

Б) группового вандализма: лидерство, интеграция, поляризация, субкультура.

В вандальных группах механизмы усиливают свое действие, а их усиление, в свою очередь, влияет на увеличение вандальной активности.

Функционирование вандальных групп. Вандальные группы возникают в результате существования у молодежи предрасположенности к вандализму, а их интеграция происходит за счет усиления позитивного отношения к вандализму и вандальной активности при неизменной предрасположенности к вандализму. Это свидетельствует о том, что вандальная активность групп усиливается от стадии к стадии становления группы за счет становления групповой установки и процесса интеграции группы, а также за счет деформации психологических свойств и деградации личности.

Выявлены типы групп: а) подростковые, б) смешанные, в) юношеские.

Групповые вандалы делятся на четыре категории: а) неустойчивые, б) зависимые, в) конфликтные, г) доминирующие.

Современные группы вандалов имеют отличительные особенности от групп вандалов 200-2005 гг. Первые имеют одну направленность: на граффити или порчу имущества, если раньше группы были смешанные (с разной направленностью деятельности); члены группы подразделяются по виду деятельности (художник, добытчик и др.), если раньше деление членов производилось по их статусу от пахана до новичков; имеют привлекательность чле-

ны – профессионалы в вандальном деле, а не члены с эмоциональными качествами как раньше.

Прогнозирование. Можно прогнозировать, что вандальные группы ближайшего будущего будут более узко направлены, более профессиональны, с более четким разделением членов по видам выполняемой вандальной деятельности.

Вандализм имеет два направления: негативное (при естественном течении процесса его становления) и позитивное (при применении профилактики). Сначала мы изучили негативную динамику вандализма, затем, используя теоретические и эмпирические знания, разработали социально-психологические профилактические программы молодежного вандализма, которые были апробированы в ряде структур: учебных заведениях, структурах МВД и др., дали позитивный эффект.

Структура позитивного компонента вандализма представлена в профилактических программах и представляет собой комплекс профилактик общей и специальной (превентивной и коррекционной). Первая направлена на минимизацию причин вандализма, вторая – на нейтрализацию его механизмов. Профилактика должна быть адекватной, поэтапной, достоверной.

Первая профилактика включает в себя мероприятия создания коллектива и сети малых коллективов, выбор деятельности и самореализации в ней.

Вторая профилактика представляет собой ряд направлений с методиками, направленных на нормализацию эмоциональной, когнитивной, мотивационной, защитной сфер личности, а также на предупреждение, нейтрализацию вандального поведения, налаживание отношений со сверстниками, родителями, снижение агрессивности, аффектного состояния, деструктивности.

Эффект социально-психологической профилактики молодежного вандализма выразился в уменьшении вандальной активности, переориентации на полезные виды деятельности и самореализации в них, повышении успеваемости, коммуникабельности, улучшении взаимопонимания. Кроме того, наметилась тенденция к нормализации психологических свойств и состояний вандалов. Большинство вандальных групп распалось, остальные переориентировались на полезные виды деятельности, в частности, на сотрудничество с органами МВД, проявление себя в спортивной, творческой деятельности, деятельности студенческих благотворительных отрядов.

Велькова Н.А. (Омск)

ПСИХОСЕМАНТИКА ОСОЗНАННОГО И НЕОСОЗНАВАЕМОГО ВОСПРИЯТИЯ РЕКЛАМНЫХ СООБЩЕНИЙ

Сегодня мы не представляем себе окружающий мир без рекламы. Реклама преследует нас повсюду, воздействуя на наше сознание и бессознательное. Но данное воздействие не проходит бесследно: постепенно меняется наше поведение, мысли, эмоции, отношение, то есть меняемся мы сами. Как именно влияет реклама на нас, каким образом мы ее воспринимаем, в чем особенности воздействия и восприятия рекламы... На эти и другие вопросы пытаются ответить специалисты в области психологии, социологии, маркетинга, экономики, рекламы и пр.

В данной статье приведен анализ рекламных сообщений супермаркетов с учетом его восприятия на осознанном и неосознаваемом уровне. Исследование проходило в два этапа, на первом из которых изучалась уже существующая реклама, на втором – анализировалась уже реклама, разработанная по результатам первого этапа исследования.

Изучение осознанного восприятия рекламных сообщений проводилось с помощью анкеты, разработанной на основе метода семантического дифференциала Ч. Осгуда. Анализ неосознаваемого восприятия осуществлялся в виде фоносемантической экспертизы текста рекламы в программном обеспечении ВААЛ. Для математической обработки полученных данных применялись метод ранговых корреляций Спирмена.

Выборка исследования составила 551 человек. На первом этапе - 160 респондентов, по 40 человек каждой возрастной категории: подростки (12-16 лет), юноши (17-25 лет), представители ранней (26-40 лет) и средней зрелости (41-60 лет). В каждой возрастной категории по 20 представителей каждого пола. На втором этапе - 197 человек, из них: 61 подросток (33 мальчика и 28 девочек), 58 юношей (31 парень и 27 девушек), 28 представителей ранней зрелости (8 мужчин и 21 женщина) и 49 респондентов, относящихся к средней зрелости (23 мужчины и

26 женщин). На третьем этапе - 194 респондента, их которых: 32 подростка (13 мальчиков и 19 девочек), 84 представитель юношеского возраста (31 парень и 53 девушки), 57 представителей ранней взрослости (25 мужчин и 32 женщины) и 21 представитель средней взрослости (7 мужчин и 14 женщин). Возрастной состав выборки (от 12 до 60 лет) обусловлен покупательской способностью респондентов.

Анализируя результаты анкетирования, было обнаружено, что показатели восприятия по всем факторам у женщин практически в 2 раза больше, чем у мужчин. При этом фактор оценки является доминирующим у всех респондентов (2,4 балла – у женщин и 1,8 баллов – у мужчин). На втором месте по значимости у женщин находится фактор силы (от 1,1 до 1,7 баллов в зависимости от возраста), у мужчин не обнаружено единых тенденций (у респондентов в возрасте до 25 лет преобладает фактор силы, у аудитории других возрастных групп – фактор активности). С учетом возрастного аспекта выявлены наиболее высокие психосемантические показатели у представителей ранней и средней взрослости.

Фоносемантическая экспертиза текста рекламного сообщения показала преобладание фактора силы (1,1 балл), при этом фактор активности составил 0,9 баллов, а фактор оценки -0,3 балла.

Сравнение психосемантических показателей осознанного и неосознаваемого восприятия проводилось путем качественного анализа и анализа семантического пространства. Из построенных профилей была обнаружена некая взаимосвязь между осознанным и неосознаваемым уровнями восприятия. В частности, существует взаимосвязь по фактору активности и силы у всех респондентов ранней и средней взрослости (независимо от пола); а у женщин-респондентов еще и по фактору оценки, что подтверждается коэффициентом метода ранговых корреляций Спирмена. На основании данной корреляции была сделана гипотеза, что при изменении показателей неосознаваемого восприятия, будут изменяться показатели осознанного субъективного восприятия респондентов.

Таким образом, определив основные закономерности восприятия рекламы в супермаркете, был разработан текст рекламного сообщения новой акции. Данный текст тщательно редактировался с помощью программы ВААП

и в итоге представлял собой позитивно воспринимаемое сообщение с высокими психосемантическими показателями (1,4 - оценка, 1,1 - сила, 1,6 – активность).

При анализе данной рекламы методом семантического дифференциала в целом обнаружены более высокие показатели (по фактору оценки до 2,4 баллов – у женщин и 2,0 – у мужчин; по фактору активности до 1,9 – у женщин и 1,6 – у мужчин; по фактору силы до 1,9 – у женщин и 1,4 – у мужчин). С учетом гендерного различия, женщины по-прежнему более позитивно воспринимают рекламу. С учетом возрастного аспекта, обнаружено положительное восприятие рекламы со стороны представителей подросткового и юношеского возраста.

Анализируя семантические пространства показателей метода семантического дифференциала и фоносемантической экспертизы текста, обнаружена взаимосвязь между осознанным и неосознаваемым уровнями восприятия. В частности, все психосемантические показатели практически совпадают у респондентов в возрасте от 12 до 26 лет, независимо от гендерных особенностей; по факторам оценки и активности - у всех респондентов ранней и средней взрослости, особенно ярко данная тенденция выражена у женщин-респондентов.

Результаты сравнения семантических пространств подтверждают поставленную гипотезу о взаимосвязи осознанного и неосознаваемого уровней восприятия. Кроме этого психосемантический анализ рекламного сообщения позволяет сформулировать основные особенности восприятия рекламы:

Женщины более позитивно воспринимают рекламу, чем мужчины.

Возрастные особенности восприятия рекламы зависят от характеристики рекламируемого товара.

У большинства респондентов при восприятии рекламы определяющим является фактор оценки.

Существует прямая взаимосвязь между показателями осознанного и неосознаваемого восприятия.

Перспектива дальнейшего исследования заключается в выявлении возрастных особенностей восприятия рекламы; в определении взаимосвязи (либо ее отсутствии) восприятия и воздействия рекламы; в обнаружении других социально-психологических особенностей восприятия и воздействия рекламы.

Вербина Г.Г. (Чебоксары)

АКМЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОХРАНЕНИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ

Логика борьбы за выживание в условиях остроконкурентного рынка вынуждает специалистов различного профиля коренным образом менять свою стратегию. Становится преобладающей точкой зрения, что решающей предпосылкой конкурентоспособности является человеческий потенциал, в котором на первом месте находится индивидуальное, психическое и профессиональное здоровья специалиста.

Анализ существующих подходов и исследований показал, что многие ученые в той или иной степени касались данной проблемы (в области организаций и функционирования психологической службы в системе образования: К.А. Абульханова-Славская, М.Р. Битянова, И.В. Дубровина, Ю.М. Забродин, Е.А. Климов, Б.Б. Коссов, А.И. Крупнова, Л.М. Митина, Н.Н. Обозов, А.М. Прихожан, Н.М. Пейсахов, Н.С. Пряжников, А.А. Реан, Н.И. Рейнвальд и др., на промышленных предприятиях: Г.М. Андреева, Л.Я. Гозман, Л.А. Дергачев, Ю.В. Микадзе, Мартынова Т.Н. и др.).

Проведенный анализ указывает на связь с неумелой организацией умственного и физического труда специа-

листов, с отсутствием "техники личной работы", с нарушением элементарных норм психогигиены и психопрофилактики, что позволяет констатировать, что большая часть специалистов России не владеет в полной мере акмеологическими и психологическими технологиями сохранения и укрепления здоровья: индивидуального, психического и профессионального.

Значимый сделанный вывод о том, что личность - это то, что человек сумел сделать из себя при данных обстоятельствах в ходе своей жизни, и личность постольку личность, поскольку она сумела сделать из своей жизни то, что соответствовало ее способностям, потребностям, физиологическому, психическому и психологическому состоянию, смыслу жизни. Субъект жизненного пути вырабатывает жизненную стратегию, и в этом его важнейшая функция. Стратегия жизни в самом общем определении — это способ жизни, который соответствует типу личности, ее индивидуальности. Стратегия — приведение личностью как субъектом свою жизнь в соответствие своему типу, при продолжительном сохранении своего здоровья. Стратегия является индивидуальным достоянием, достижени-

ем каждого. Как очевидно из термина «стратегия» (в отличие от «тактики»), это выбор наиболее принципиальных для человека направлений его жизни, решение кардинальных задач и соответственно способность эти направления и задачи определить и затем реализовать. Стратегия предполагает наличие обратной связи между тем, чего личность достигла, и ее последующими притязаниями, целями и т. д. Эти связи пронизаны жизненным смыслом и придают личности уверенность (через удовлетворенность — неудовлетворенность жизнью, деятельностью и т. д.) и чувство подлинности жизни, что благотворно сказывается на ее здоровье. Отсутствие стратегии — тактика жизни — преобладание внешней необходимости, уступка личностью своих внутренних индивидуальных целей и задач требованию времени, обстоятельств негативно сказывается на ее здоровье. Стратегия — это оптимальная организация жизни, регуляция ее хода и осуществление избранного направления. Стратегия жизни предполагает наличие ответственности за свой способ жизни, за свое здоровье. Ответственность определяется С.Л.Рубинштейном как ответственность за все «содеянное и упущенное». Ответственность — гарантированное своими силами достижение цели, решение задачи, сохранение верности себе при встрече с непредвиденными трудностями, препятствиями и сохранении при этом своего здоровья. Выработывая стратегию жизни, одни преимущественно опираются на социально-психологические тенденции, на окружающих людей, используют социальные ситуации, другие же — на внутренние возможности, свои силы и самостоятельно поддерживают определяющую линию жизни, третьи оптимально их объединяют, четвертые постоянно разрешают противоречия между ними. Типы активности человека — характерные для него способы соединения личностью внешних и внутренних тенденций жизни с целью превращения их в движущие силы своей жизни, они представляют собой умноженные личностные ресурсы, которые позволяют на долго сохранить индивидуальное, психическое и профессиональное здоровье. Личностный потенциал рассматривается как самоуправляемая система внутренних возобновляемых ресурсов личности, которые проявляются в ее деятельности, направленной на получение социально значимых результатов. Личностный потенциал человека определяется его внутренними ресурсами, а не внешними, такими, например, как технические средства, власть или деньги. В самом общем плане под ресурсом личности понимается все то, что ей принадлежит: ее черты характера, темперамент, способности, ценности, уровень здоровья и т.д. Совокупность внутренних ресурсов человека, в частности, определяет его психофизиологические и профессиональные возможности и выступает основанием акмеологических понятий «личностно-профессиональный потенциал» и «акмеологическое здоровье».

Акмеологическая парадигма открывает человеку возможность как совершенствования внутренних ресурсов, так и способности распоряжаться ими в сверхсложных условиях. Самоуправление индивидуальным, психическим и профессиональным здоровьем предполагает не только

осознание необходимости постоянно за него бороться, но и уверенность в своих возможностях на этом пути, знание себя. Последнее означает, что человек должен уметь «расшифровать» свое физическое, психическое и эмоциональное состояния и оказывать на них, если потребуется, необходимое воздействие, знать свои наиболее сильные и слабые психологические особенности, уметь беспристрастно, адекватно оценивать подлинный уровень своих физических и психических возможностей. С нашей точки зрения, управление своим психическим и психологическим здоровьем предполагает тренировку собственной психики, раскрытие ее резервов и развитие, совершенствование психических процессов (памяти, внимания, воображения и др.), воспитание в себе дисциплины ума и чувств. Специалисту следует учиться активной, осознанной, с ясным пониманием ее целей и характера воздействия психической и эмоциональной саморегуляции, овладению техникой и приемами самовоздействия как неотъемлемого компонента культуры поведения. Ориентация на помощь извне и обращение за ней по каждому поводу к тем или иным специалистам врачебного профиля делает профессионала пассивным, зависимым в решении собственных психологических и акмеологических проблем. Иначе говоря, специалист должен быть уверен в собственных силах, присущих ему возможностях и уметь ими распоряжаться. Уверенность в себе, самоуважение, адекватная самооценка, умение управлять своей психикой и держать ее под контролем помогают специалисту защитить себя от бытовых и профессиональных коллизий, которые встречаются на его жизненном пути.

В итоге можно говорить, что специалист должен сам определять и выработать степень своей социальной зрелости, степень своей компетентности и профессионализма, степень акмеологического здоровья и степень самостоятельности, которая дала бы ему возможность найти свои собственные место и роль в современном социуме, что требует от специалиста знаний в различных областях деятельности, умений применять их на практике, а также неординарных личностных качеств, таких как: личная и социальная ответственность, чувство собственного достоинства и уважение достоинства другого человека, терпимость, адекватная самооценка и др. В число важнейших личностных характеристик представляется необходимым включить так же и стрессоустойчивость. Стрессоустойчивость, другими словами, — это способность противостоять стрессу. Для этого специалистам нужны такие качества, как умение переключиться и управлять своими эмоциями, аутоугнетения и самоконтроль, физическая тренированность. Социально-психологические резервы стрессоустойчивости специалистов концентрируются в приемах волевой регуляции, в обучении методам анализа эмоциональных ситуаций и их разрешении, в обучении "проигрывания" возможных событий, в хорошем владении профессиональными навыками и знаниями на пути к достижению акме.

Вербина Г.Г., Капланова А.Ш. (Чебоксары)
ПОСТРОЕНИЕ ИНТЕГРИРОВАННОГО ПОВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТА –
СУЩЕСТВЕННАЯ ЧАСТЬ АДАПТАЦИОННОГО ПРОЦЕССА

В зависимости от того, насколько поведение профессионала интегрировано, т.е. целостно, осознанно и подчинено определенной цели, настолько высок у него порог фрустрации, который можно рассматривать в качестве меры потенциальной стабильности психической адапта-

ции и способности противостоять возникающему напряжению и стрессу.

К.Левин утверждал, что совокупность существующих взаимосвязанных факторов, определяющих поведение индивида в данное время и его уровень здоровья, входит в понятие «жизненное пространство». Оно охватывает

личность и ее психологическое окружение, образуя единое психологическое поле. Поведение и развитие индивида представляют собой переход личности из одной области жизненного пространства в другую или изменение самой структуры жизненного пространства.

Как известно, на пути интеграции «Я», по Э. Эриксону, личность проходит, восемь стадий развития, охватывающих путь человека от рождения до смерти. Каждая из них представлена как кризис, ставящий человека перед условным выбором в сторону усиления «Я» или его ослабления, что влияет на поведение личности. Сами стадии, согласно Э. Эриксону, заданы генетически, но позитивное или негативное разрешение кризиса определяется особенностями взаимодействия личности с социумом, которое нередко приводит к внутренней конфликтности.

Источники внутренней конфликтности, согласно теории К.Роджерса, лежат в стремлении личности к позитивной оценке, как со стороны окружающих, так и со своей собственной. В качестве механизма возникновения конфликта выступает постепенная замена своих ценностей чужими, интроецированными. Корни этого явления, по мнению К. Роджерса, следует искать в социальном устройстве, которое требует от человека неперемного подчинения общепринятым нормам и правилам в ущерб развитию своей индивидуальности. Сложившаяся критическая ситуация нередко «повреждает» психологическое будущее, тем самым, нарушая душевное равновесие, отрицательно влияя на адаптационный процесс и на здоровье. Индивид оказывается перед необходимостью направить свои силы на восстановление осмысленности существования.

Власть личности над своими психическими состояниями «возможна только при наличии в составе ее душевного единства некоего регулятивного фактора. Таким фактором здоровая личность всегда и обладает в действительности. Имя его – воля» (М.Я. Басов).

Вслед за М.Я. Басовым, одним из первых исследователей, обративших внимание на волю, как особую форму психической регуляции поведения, мы понимаем волю как психический механизм, посредством которого личность

регулирует свои психологические функции, прилаживая их друг к другу и перестраивая в соответствии с возникшей проблемой.

На наш взгляд, воля – это основная составляющая самоорганизации, саморегуляции и саморазвития. Воля (или произвольность) – это самоуправление своим поведением с помощью сознания, которое предполагает самостоятельность человека не только в принятии решения («свобода воли»), но и инициации действий, их осуществлении и контроле. Главной сущностью воли является самость. Самость – это сознательное преднамеренное планирование человеком своих действий в соответствии с собственными желаниями, с переживаемым им самим чувством долга (мотивации), это отдача самому себе команды для начала действия, стимуляция самого себя, осуществление самоконтроля за своими действиями, состояниями, что позволит адаптироваться к различным жизненным ситуациям и сохранить здоровье.

Умение специалистов пользоваться приемами психического самоуправления, саморегуляции, т.е. осуществлять сознательные воздействия на свою эмоциональную сферу, на собственное поведение с целью поддержания или изменения характера протекания эмоций и чувств позволяет сохранить эмоциональную устойчивость предполагает поддержание индивидуального, психического и профессионального здоровья в процессе профессиональной деятельности.

Из сказанного следует, что специфика функционирования механизмов самоконтроля и саморегуляции проявляется в том, что специалист при необходимости может произвольно даже в крайне неблагоприятных условиях выполнять определенные физические или психические действия, сознательно поддерживая при этом необходимый для выполнения продуктивной деятельности психический тонус.

Таким образом, построение интегрированного поведения специалиста позволит прогнозировать особенности его движения по жизненному пути, его стратегии в адаптационном процессе, в сохранении и укреплении здоровья.

Верещагина А.А. (Алматы)

ДЕЛОВОЙ ТЕКСТ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Социализация личности – сложнейший процесс, интегрирующий большое число составляющих, в том числе – решение «вечного» вопроса: что на что влияет: «внешние» факторы на «внутренние» или наоборот. На сегодняшний день вряд ли возможно однозначное решение данного вопроса, поскольку по своей сути он напоминает вопрос «что первично – яйцо или курица?».

Существует много точек зрения, в той или иной степени решающий один из аспектов процесса социализации. Одни ученые полагают, что на социализацию личности в большей степени влияют общественные отношения и исследуют социальные функции общения, другие подчеркивают не менее важные психологические функции и роль общения в развитии психических процессов и форм психической деятельности человека.

Социализация неразрывно связана с представлениями о личности и о характере ее связей с обществом. Г.М.Андреева трактует социализацию как усвоение индивидом социального опыта путем включения в социальную среду и воспроизведение системы социальных связей и отношений (Г.М.Андреева, 1986), в социальной психологии установилось понимание социализации как «процесса активного усвоения индивидом ценностей и норм общества и формирования их в систему социальных установок, которая определяет позиции и поведение индивида как

личности в системе общества» [Социальная психология / Под ред. А.Л.Журавлева, 1967].

С психологических позиций важен тот вклад, который вносит сам индивид в процесс социализации в силу своих собственных психологических способностей и особенностей, то есть индивид выступает как активный субъект процесса. Результат социализации будет зависеть от уровня развития когнитивной сферы личности, от способностей адекватно и критично воспринимать и осмысливать явления действительности, влияние социального окружения, которым подвергался человек.

Социально-психологическая сторона процесса социализации позволяет выделить те институты общества, которые осуществляют сам процесс. Эти институты различны по социальному статусу: официальные учреждения общества (государства) и неформальные институты. Человек оказывается объектом воздействия. Причем как сам человек, так и институты социализации изменяются в течение жизни индивида. «Процесс социализации продолжается в течение всей жизни человека, даже если в старости он приобретает иногда регрессивный характер» [Социальная психология / Под ред. А.Л.Журавлева, 1967].

По мнению Дюркгейма [Durkheim E., 1995], базовые категории, через призму которых человек воспринимает мир, отображают групповые представления и устройство общества, лишают беспорядка социальные отношения и

таким образом воспроизводят социальные солидарности. Основой этого тезиса является предположение, сформулированное в античной общественной мысли о взаимной обусловленности форм знания и общества. В неомарксизме существует другой взгляд на проблему текстообразования – формы знания используются доминирующими группами для навязывания другим собственных интересов и сохранения (или завоевания) властных позиций, а не только способствует воспроизводству коллективного целого. С этой точки зрения, анализ текстообразования в социуме направлен на то, чтобы обнаружить отношения господства и подчинения, которые являются сутью содержания идеологии как формы социальной репрессии. В том и другом случае, общественное сознание рассматривается как реальность, а язык и текст являются институционализированными образованиями.

Маркеры социальной принадлежности являются отличительной чертой разных текстов. В рамках одного и того же языкового сообщества существует множество языков разных социальных групп. Социальные границы речи являются важным компонентом в воспроизводстве вертикальной мобильности. Официальный язык, как правило, близок языку «высших» слоёв общества, «массы» используют разговорный язык. Профессиональным сообществам присуща стремление к локализации языка. Это позволяет ограничить доступ в эти группы «случайных», «чужаков». Кроме того, использование профессионального языка подчёркивает привилегированность высокооплачиваемой группы, особенность обладающих престижем профессионалов [Bourdieu P., 1992].

Во многих случаях, языковая компетентность является показателем социального статуса. В современном обществе, где письменное слово доминирует над устным, деловой текст можно рассматривать как субъект социального воздействия. В работах Р.Барта вводится понятие «письма», под которым подразумевается «опредметившаяся в языке идеологическая сетка, которую та или иная группа, класс, социальный институт и т.п. помещает между индивидом и действительностью, понуждая его думать в определенных категориях, замечать и. лишь те аспекты действительности, которые эта сетка признает в качестве значимых» [Барт Р., 1994].

Представляется логичным и оправданным взгляд на понятие письма М.Серто [Серто М., 1997], который понимает его как целенаправленную, последовательную и регулируемую практику по производству орудий освоения и систематизации окружающего пространства, то есть процесс рационального упорядочивания мира. Этот процесс, по мнению М.Серто, может обеспечиваться тройственной системой: текст-орудие-человек. Текст – это «мысленный порядок», в качестве которого выступают, в первую очередь закон, моральные правила, стандарты поведения, «нормативы» внешнего облика человека. Орудия – это книги (от гражданского кодекса до романа) и предметы быта, которые как бы «подгоняют» поведение и мысли людей под установленные образцы, преобразующие людей в соответствии с представлениями о норме. В схеме М.Серто человеку отводится пассивная роль. Если не вдаваться в терминологический и методологический спор, то, в целом, идея отражает взгляд на текст как на *инструмент* социализации.

В обществе, как только текст начинает рассматриваться в качестве социального объекта, взаимодействующего со своей аудиторией, то для его анализа оказывается недостаточным изучение высказывания или сообщения самого по себе, без учета взаимных ориентаций участников коммуникативного процесса и социального контекста, или коммуникативной ситуации. Можно сказать, что влияние на общество в некоторой степени зависит от содержания деловых текстов. Это позволяет, в свою очередь, пред-

определять общественно-историческое развитие и, соответственно его нормам, устанавливать, контролировать соответствие личности и её социальной роли.

Социальный контекст, в рамках которого осуществляется процесс коммуникации, влияет и предваряет восприятие человеком смысла сообщения. Более того, тексты могут восприниматься как лишённые смысла, если отсутствует социальный контекст. Например, фраза «Предъявите Ваши документы!», сказанная поваром, может расцениваться как угодно, но только не в своём прямом значении, привязанном к области правовых отношений. Теория речевых актов подтверждает это положение. Согласно её концепции, фразы, произносимые человеком, – это не только описание положения вещей и констатация фактов. Основная цель и предназначение этого процесса – оказание влияния, воздействие на социальную реальность: просьба, рекомендация, предостережение, убеждение и т.д. Если речевое действие соответствует установкам и традициям общества, которое связывает это высказывание в социальной ситуации с достижением результата, то оно является эффективным. Следовательно, в целях достижения однозначного толкования семантики, заложенной в высказывании, необходимо учитывать конкретную ситуацию. Конситуация (или социальный контекст) включает в себя иньонктивные нормы и сценарии, которые указывают людям на приемлемое и ожидаемое поведение, релевантное действию, заложенному в высказывании. Данные нормы и правила предопределяются статусной позицией и ролью участников коммуникативного акта.

Деловой текст является социальным объектом, поскольку он содержит в себе признаки социальной и институциональной принадлежности (индекс социального статуса и жанровые ограничения). Эффективность его воздействия закреплена нормативной структурой социума. Результаты наших эмпирических исследований (психодиагностические методики определения интеллектуальных, когнитивно-стилевых и личностных особенностей субъекта, тест понимания Грея-Лири, определение умственных способностей адаптированным тестом Вандерлика, когнитивно-стилевых особенностей по методике Уиткина, методика свободной сортировки, разработанная В.Колгой по принципу оригинальной методики Гарднера, методика доставки плана текста А.А.Смирнова и др.) подтверждают тезис о том, что деловой текст, являющийся источником социального воздействия, под влиянием когнитивной структуры воспринимающей личности и сам, в свою очередь, подвергается трансформации. Следствием такого изменения может быть неадекватное поведение.

Когнитивное поведение личности моделируется по определенной схеме, включающей весь комплекс составляющих познавательного процесса: ощущение и восприятие, внимание, память, воображение, мышление, речь. Когнитивное поведение индивидуально и особенно для каждой личности, следовательно, механизм понимания делового текста, его структура или схема также индивидуальны и особенны для каждой личности. Конкретная ситуация задаёт ситуативно обусловленное поведение, более того, поведенческая стратегия и тактика личносно предпочитаемы.

Дефицит информации при восприятии делового текста, возникающий вследствие личностных параметров (уровень подготовленности, степень развития интеллекта и пр.), может вызвать (и зачастую вызывает) высокий уровень тревожности. Например, в статьях 7, 14, 19, 41, 58, 93 Конституции Республики Казахстан 1995 года (с изменениями и дополнениями 7 октября 1998 г.) провозглашается статус казахского языка как государственного и намечены правовые основы функционирования языков в Республике Казахстан. В частности, статья 7 гласит: «1. В

Республике Казахстан государственным является казахский язык. 2. В государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык. 3. Государство заботится о создании условий для изучения и развития языков народа Казахстана». Пункт 2 статьи 7 вызвал неоднозначное толкование у представителей разных этносов республики.

Русскоговорящее население считало, что если русский язык употребляется «наравне с казахским», то, следовательно, языки равны по статусу и нет повода для тревог и волнений. Однако пункт 1 этой же статьи продекларировал для казахского языка статус «государственный». Тогда как понимать «наравне с казахским»? Как показало время юридического и фактического равенства нет. Население встревожилось, и те, кто мог себе позволить сменить место жительства, стали спешно покидать республику.

Казахскоговорящее население в этих же пунктах усматривало ущемление прав казахского языка: если казахский язык действительно государственный, то зачем давать русскому языку возможность «употребляться наравне с казахским»?

И хотя закон «О языках в Республике Казахстан» провозглашает правовые основы функционирования языков в Республике Казахстан, обязанности государства в создании условий для их изучения и развития и обеспечение одинаково уважительного отношения ко всем языкам, употребляемым в Республике Казахстан, однако фактически межэтническое напряжение не спадает, поскольку повсеместно закрываются школы с русским языком обучения, в учебных планах школ и вузов катастрофически сокращаются часы на изучение русского языка и русской литературы.

Индивидуальная избирательность понимания делового текста указанного закона переросла в коллективное осознание, тревожность не только не подавляется, но усугубляется «перегибами» региональных руководителей: все вывески в общественных местах (больницы, поликлиники, названия кабинетов в учреждениях, магазины, предприятия соцкультбыта и под.) исключительно на государственном казахском языке, что приводит к «бытовым» конфликтам. «Контроль выполнения закона о языках в

области наружной рекламы и вывесок осуществляется однобоко и пристрастно: текст только на русском языке считается нарушением, а текст только на казахском – нет. Хотя с точки зрения закона и в том, и другом случае происходит нарушение. На этом фоне неказахское население воспринимает расширение сферы применения казахского языка не как естественный процесс, а как постепенное сокращение привычной информационной среды и ущемление своих прав»

Любая личностная (в социальном аспекте – региональная) избирательность понимания делового текста приводит к когнитивному диссонансу, поскольку каждая сторона воспринимает и толкует источник информации в соответствии со своими личностными предпочтениями и установками. Утраченное равновесие возможно восстановить лишь дополнив информацию и подкрепив её реальными действиями.

Видим, что механизм понимания делового текста структурируется различными способами: как особая форма адаптивного поведения, аффективно-когнитивным напряжением, взаимным подавлением и противостоянием идей, индивидуальными и коллективными стратегиями и другими составляющими.

Как справедливо отмечает В.В.Новиков, «Общественное настроение как эмоция отражает благоприятные или неблагоприятные условия жизни и деятельности, особенно условия в коллективе отношения с руководством» [Новиков В.В., 2003]. Негативное умонастроение как единство рационального и эмоционального, имеющее массовый общественный характер, закономерно приведет к негативным массовым последствиям. В связи с этим, решение острейшего языкового вопроса должно сопровождаться весьма и весьма продуманными действиями, не ущемляющими гражданских прав и культурологического достоинства представителей разных этносов. Поскольку общественное мнение – это динамический процесс, то его формирование и развитие в позитивном направлении требует открытости, объективности, постоянного информационного обогащения.

Следовательно, деловой текст не только объективно определяет факты, но и целенаправленно воздействует на убеждения людей, на формирование их мировоззрения и поведенческих реакций.

Волчек О.Д. (Санкт-Петербург)

ПРИРОДНАЯ СРЕДА И РАЗВИТИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

В предисловии к монографии (Н.Ж.Айзенк & Д.К.В.Нияс «Astrology: Science or Superstition?», 1982), Г.Ю.Айзенк раскрывает проблему отношения к новому в науке. Им приводится ряд примеров и высказываний известнейших ученых, чьи усилия продвинули науку вперед. Однако на определенном этапе своей жизни они пришли к заключению, что дальше в их области науки поиски бесполезны. Эти наблюдения, как отмечает ученый, справедливы и относительно гелио-, космобиологии, где почти нет исследователей психологов.

Космос, и, прежде всего Солнце, всегда влиял на развитие цивилизации. С XX века наступил этап преодоления геоцентризма в представлениях общества о Космосе [А.Д.Урсул, 1969, С.4]. Сам феномен человека следует рассматривать как фундаментальную социоприродную целостность, имеющую социоприродное и космическое значение, с многообразием социоприродных измерений [В.П.Казначеев 1984; 2003].

В нашей стране существует ассоциация исследователей по проблеме «Циклы в природе и обществе», есть активные члены международного комитета по изучению факторов внешней среды - CIFA, активные участники

международных конгрессов «Слабые и сверхслабые поля и излучения в биологии и медицине», имеется ряд лабораторий и кафедр «Экологии человека». Проблемами взаимодействия природных условий и человека в мире активно занимаются медики, биологи, антропологи, физики, философы, и, крайне редко психологи, среди которых - Г.Ю.Айзенк, М.Гоклен, В.Н.Дружинин, Т.Б.Дмитриева.

В.Н.Дружинин предложил помимо наследственности и воспитания учитывать и такой вид детерминант психического развития, как природные ритмы, показал наличие связи между рождением в разные зодиакальные месяцы и личностными особенностями. Он предположил, что с момента зачатия непрерывно в течение всей жизни идет воздействие геокосмических факторов на развитие индивида. Это воздействие может быть благоприятным и неблагоприятным, но наиболее существенно в первые месяцы пре- и постнатального развития [В.Н.Дружинин, 1990, 1995].

Работы Н.И.Моисеевой [1995], Н.И.Хорсевой [2003, 2004], Дементьевой [1995] оправдали гипотезу В.Н.Дружинина и показали повышенную чувствительность организма ребенка к геофизическим факторам в период эмбриогенеза, и, прежде всего в ранние сроки беремен-

ности матери. В многочисленных зарубежных работах говорится о важности условий момента рождения, различии спортивных показателей психомоторики и спортивных достижений в зависимости от месяца рождения [А.П.Дубров, 1990; Ad Dudink, 1994 и др.]. Но В.Н.Дружинину негласно было запрещено заниматься подобной тематикой, а табу для других психологов действует до сих пор. Сложилась уникальная ситуация: коммерческой астрологии, с ее фетишизацией момента рождения и манипуляцией поведением человека, был дан «зеленый свет», доступ ко всем СМИ; гелио-, космобиология, которые являются частью экпсихологии, и учитывают опыт многовековых наблюдений традиционной астрологии, восточной медицины, получила запрет.

Согласно Б.А.Никитюку [1982], всё существующее многообразие конституций человека вызвано различием в темпах роста и развития зародышевых листков. Системообразующую роль в конституциогенезе играет хронологический фактор, то есть ускорение или замедление индивидуального развития. Сам соматотип свидетельствует о гармоничности – дисгармоничности, согласованности – рассогласованности в темпах роста и созревания отдельных его звеньев. Это проявляется и в частных ассоциированных психодинамических конституциях. Темпы роста и развития в эмбриогенезе и раннем онтогенезе определяется, и существующее многообразие возможных архитектурных полей мозга; индивидуальной изменчивости мозговых функций коры головного мозга, и, особенно, вербальных функций; вариаций индивидуальности [Саркисов С.А., 1964; Б.А.Никитюк, 1991].

Каковы бы ни были внешние условия, организм человека стремится в ходе онтогенеза к достижению некоего стандарта, происходит ограничение лимита вариаций наследственной программы. Вариации фенотипа при одинаковых условиях среды вызваны генетической программой, а при сходной генетической программе неодинаковой дозировкой внешних факторов [Кликс Ф. 1983; Б.А.Никитюк, 1982; Эфроимсон В.П., 1971].

Т.И. Алексеевой [1977, 1998], изучалось влияние географической среды на показатели людей, проживающих более чем в 40-ка географических регионов от пустынь до Арктики. Главные выводы: существует адаптивный тип или экотип как наследственно закрепленная норма реакции. Он обеспечивает гомеостаз популяции и среды и выражается в морфологических и функциональных особенностях. Экотипы конвергентно возникают и проявляются в сходных условиях обитания у популяций, генетически не связанных друг с другом, независимо от расовой и этнической принадлежности. В основе классификации экотипов лежит широтная и ландшафтно-климатическая зональность. Выявлена связь экотипа с индексом суровости погоды, определяемым по показателям температуры воздуха, влажности и скорости ветра. Ведущим в средних факторах является фактор холодного стресса. Чем больше размах амплитуды колебаний температуры и скорости ветра, тем выше его значения. Более суровые климатические условия способствуют развитию мезоморфного типа. С увеличением индекса «суровости» погоды и кислотности почв укрупняются размеры черепа, расширяется грудная клетка, уменьшается длина тела и конечностей, увеличивается костно-мышечная масса тела. Одновременно снижается жиротложение и повышается основной обмен и теплопродукция и т.д.

Но природные условия среды обитания человека испытывают постоянную сезонную и многолетнюю изменчивость. Факторы, с которыми в предшествующих поколениях организм сталкивался, отразились в генотипической памяти. Повторяющаяся периодичность геофизических процессов за миллионы лет с момента возникновения жизни на Земле закрепились в эволюционной программе раз-

вития живых организмов. Логично предположить, что изменчивость ведущих природных условий вызывает периодические сдвиги адаптивного поведения и его механизмов в рождающихся когортах людей; показатели интегральной индивидуальности, динамики текущих психических процессов синергичны с динамикой эволюционных геокосмических условий.

Действительно, в итоге многолетних комплексных исследований на представительных выборках обнаружено воздействие сезонных и многолетних изменений природных условий на показатели человека как интегральной индивидуальности. А именно: на гено- и фенотипические (цвет глаз и волос, группа крови по системе АВО и Rh); показатели общей конституции; функциональной асимметрии мозга, уровень тестостерона, стили мышления, темперамента, суточного хронотипа и адаптивности к суточному ритму, самоактуализированной личности и эмоциональной направленности, черты характера. Следовательно, наряду с экотипами человека в пространстве существуют, и экотипы человека во времени. В ходе лонгитюдных исследований выявлено воздействие геокосмических флуктуаций на текущие психические процессы – эмоциональную направленность, мышление, самооценку и, тем самым, на общественное сознание и настроение, социально-исторические процессы. По всем изученным показателям и их динамике прослежены половые различия [О.Д.Волчек, 2006, 2008].

Выяснилось, что важнейшее значение имеет сочетание геокосмических факторов, где главную роль чаще всего играют значения межпланетного магнитного поля (ММП). Это объяснимо биомagnetизмом человека, начиная с его генетического аппарата, гендерными различиями в чувствительности человека к магнитным воздействиям. Стоит отметить, что загрязненность магнитными полями искусственного происхождения в настоящее время превышает в 100-10 000 допустимую норму, что, несомненно, негативно отражается на здоровье и поведении человека.

Как оказалось, наряду с глобальными природными условиями – солнечной активностью, характеристиками геомагнитного поля, космических излучений и гравитацией, большое значение имеют региональные природные условия, а именно: среднемесячные и среднегодовые значения температуры, осадков, долготы дня. Поэтому переживаемые человечеством климатические изменения, заставляют обратить пристальное внимание на воздействие и геокосмических и региональных условий на развитие индивидуальности

Приведу в качестве примера некоторые результаты обследования 250 мужчин и 500 женщин, жителей Петербурга 1926-1990 г.р. по опроснику «ОЧХ-В» В.С.Русалова и О.Н.Маноловой. Так имеются достоверные отличия черт характера в связи с годом и месяцем рождения, $p \leq 0,05 \div 0,001$. Лицам, родившимся в те или иные годы и месяцы, свойственна своя комбинация выраженных черт характера.

Усредненные по пятилетним периодам показатели черт характера существенно различаются, что не может быть объяснимо с позиций возрастной психологии. Например, тревожность максимальна у лиц 1931-1940 и 1971-1975 г.р., но минимальна для лиц 1951-1955, 1961-1965, 1986-1990 г.р. Циклотимность имеет наивысшие значения для лиц 1926-1930 г.р. и 1986-1990 г.р. Наиболее яркие различия у представителей разных поколений имеются в показателях демонстративности, соответственно, 16,4 балла – для лиц 1946-1950 г.р. и 21,8 балла – 1986-1990 г.р., $t=9,42$.

Корреляционный анализ между усредненными показателями характера и природными условиями месяца рождения и зачатия, года рождения и предшествующего ему года выявил многочисленные зависимости, $p \leq 0,05 \div 0,001$.

Относительно условий года рождения и предшествующего ему года достоверные зависимости имеются для 9-ти из 10 черт характера и для мужчин и для женщин. Однако для демонстративности, циклотимности, экзальтированности, дистимности и возбудимости число этих зависимостей достигает 6-10 связей, максимум которых приходится на индекс ММП. Образно говоря, сочетание ведущих природных условий в последние десятилетия провоцирует развитие перечисленных выше акцентуаций. По корреляционной нагрузке лидируют индексы межпланетного магнитного поля - ММП, приливной силы Луны и

Солнца; далее, в порядке убывания, индексы солнечной активности, осадков, температуры, нейтронного потока и геомагнитного поля.

Следовательно, хотя формирование характера, прежде всего, зависит от наследственности, социальной среды, воспитания и деятельности, необходимо учитывать и влияние условий природной среды, их сочетаний. Исследования воздействия изменчивости природных условий на человека будут наиболее плодотворны при междисциплинарном подходе и интеграции усилий специалистов из разных научных сфер.

Вяткин А.П. (Иркутск), Козлов В.В. (Ярославль) «ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК» ИЛИ СУБЪЕКТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ? ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕГРАЦИИ

Метафора «экономического человека» (ЭЧ) и его модели возникли у истоков экономической науки (А.Смит) и широко применяются в ней по настоящее время, отражая основные особенности массового экономического поведения (В.Автономов, Г.Беккер, А.Маршалл, Д.Кейнс, П.Хейне, и др.). В последнее время психологическая наука настойчиво обращается к проблеме психики в экономической среде (А.Журавлев, О.Дейнека, Е.Климов, В.Новиков, В.Позняков, Д.Канеман и др.), на основе теоретических положений и эмпирических фактов показывает, что реальное поведение существенно отличается от модели ЭЧ. Возникновение в России общества с рыночной экономикой неизбежно предполагает, что каждый россиянин, хотя бы в будущем, должен уметь жить в этом обществе и подчиняться диктату рынка. Это требует «пробуждения» экономического сознания – на передний план выходят подрадные отношения, происходит становление этики предпринимательства, распространение «товаризированного» взгляда на социальные отношения, появляются тенденции и привычки сводить потребительскую стоимость к меновой. Целью настоящей работы является поиск возможностей интеграции экономических и психологических положений в исследовании экономической социализации личности.

В качестве методологической основы определена категория «субъект», которая в современной науке утвердилась как новая область знания и как методология психологического исследования (С.Л.Рубинштейн, Б.Г.Ананьев, Б.Ф.Ломов, А.В.Брушлинский, К.А.Абульханова, Л.И.Анциферова, В.В.Знаков и др.). Это объясняется характером самой категории, позволяющей интегрировать гносеологический и онтологический подходы в конкретно-научном исследовании (Брушлинский, 2003). Категория субъекта позволяет выделять адекватные единицы анализа, которые аккумулируют свойства и деятеля, и деятельности, обеспечивая связь между ними, единство человека и его жизни. Активное деятельностное отношение человека к миру исходит от субъекта как инициатора, креативного начала в его взаимодействии с обществом, миром и самим собой (Анциферова, 2000). Динамика деятельности соответствует динамической структуре ее субъекта, связанной, в свою очередь, со структурой личности. Субъект экономической деятельности реализует заданное направление деятельности через выбор целей и ресурсов, а также осуществление конкретных действий.

Кратко обобщая известные модели ЭЧ, отметим, что его действия всегда происходят в условиях ограниченных ресурсов и направлены исключительно на удовлетворение своих потребностей. Они сопряжены с выбором, в котором ЭЧ руководствуется утилитарными интересами и стабильными рациональными предпочтениями. ЭЧ обладает свободой выбора, имеет критерии количественной оценки альтернатив, а также действует в условиях абсолютной полноты информации. «Главная характеристика

современного экономического человека заключается в максимизации целевой функции» (Автономов, 1998). Именно такая характеристика вызывает наибольшие возражения со стороны психологов, но, тем не менее, экономисты отстаивают свои позиции, поскольку, в противном случае, пришлось бы вносить радикальные изменения в принятые ныне положения экономических теорий.

То, что в моделях ЭЧ потребность является основной детерминантой поведения, в общем, согласуется с психологической теорией. Однако то, что в дальнейшем потребности полностью подчиняются расчету и утрачивают всякую мотивирующую силу, является несомненным противоречием такой модели, и это противоречие никак не разрешается. То, что человек наделен способностью оценивать и сравнивать альтернативы, у психологов не вызывает сомнений ни в теоретическом, ни в прикладном плане. Однако то, что только благодаря именно этой способности человек делает выбор, вызывает серьезные сомнения, поскольку достаточно часто за выбором в реальном поведении часто скрываются традиции, привычки, эмоции и многое другое, а не «голый» расчет. Е.Суботский(2001) убедительно показал сосуществование феноменального и рационального начала в сознании, которые находятся в перманентном конфликте. Феноменальное решение соответствует заблаговременному субъективному опыту человеку и полностью опирается на него, а рациональное – текущему сообщению извне и претендует на «более правильный» результат.

Э.Фромм (2001), характеризуя ЭЧ с позиций «рыночного характера», отмечает, что при его выраженности человек ощущает себя «как товар, свою стоимость не как потребительскую стоимость, а как меновую стоимость. Живое существо становится товаром на рынке личностей». Цель рыночного характера – сохранить спрос на себя при всех условиях. Личности с рыночным характером по сравнению с людьми XIX века не имеют даже своего «я», на которое они могли бы опереться, ибо их «Я» постоянно меняется в соответствии с принципом «Я такой, какой вам нужен». У них нет «самости», стержня, чувства идентичности. Люди с рыночным характером функционируют целиком на рассудочном уровне и избегают чувств. В то же время В.Хашченко (2005) представляет результаты комплексного исследования, в котором теоретически обоснованы и эмпирически подтверждены показатели экономической идентичности – отношение к собственности, отношение к себе как экономическому субъекту, отношение к условиям жизни. Представления о богатстве и принадлежности к имущественной группе выделены как регуляторы и критерии экономической идентичности.

В настоящее время, отмечает Г.Ловецкий (2002), версия в пользу экономического человека только усиливается, т.к. каждый член общества выступает в качестве потребителя, взвешивающего стоимость покупки и ожидаемую выгоду. Важнейшая черта ЭЧ 21 столетия – ориента-

ция на практическую целесообразность своих действий. Практическое чувство как овладение смыслом практик позволяет аккумулировать все, что обеспечивает нужное направление и преследуемые цели.

По мнению Р.Дарендорфа, пересечение индивида и общества дает нам человека политического, социального, экономического, и в каждой позиции общество наделяет его ролью, тем самым, опосредуя связь с обществом. Социальные роли – это пучки ожиданий, привязываемые в конкретном обществе к поведению тех, кто занимает определенные позиции (Дарендорф, 2002). Т.о., экономическая экспансия, с одной стороны, связывается с навязыванием и доминированием экономических ролей, а с другой, именно в экономических ролях может разрешаться психолого-экономическое противоречие. ЭЧ наделяется социальными качествами, которые связываются исключительно с областью личного потребления, обмена, накопления или инвестирования (Кейнс, 1978). Существенное изменение в моделировании поведения ЭЧ обусловлено общим ростом экономического благосостояния населения, сменой «рынка продавца» на «рынок покупателя», что обозначает начало т.н. «общества потребления». Теперь для ЭЧ характерно распределение своего дохода в течение жизни (Modigliani, 1989), непосредственное участие в покупке товаров (Ajzen, 1980), формирование сбережений и долгов (Lea, 1993), потребление (Энджел, 1999).

В российской экономике рынок с полной симметрией уступает место ному рынку, где участники далеко не равны перед его факторами. При таком положении необходимость расчета, рационального анализа ситуации и ее прогнозирования возвращает нас к ценности идеи рациональности, что отчасти поддерживает статус ЭЧ. Для россиян характерна сниженная динамичность, традиционно присущая жителям европейских стран, - их экономическое поведение, скорее всего, не будет полностью рыночным, строго рациональным, россияне привносят в хозяйственное поведение этические и другие внеэкономические мотивы (Лившиц, 1993). В.Л.Тамбовцев утверждает, что степень распространения экономического поведения населения нашей страны неодинаково в различных сферах хозяйственной жизни, категорию «экономическое поведение» он определяет как целерациональное, где связывает выбор вариантов действий исключительно с критерием максимизации прибыли. «Человек, ведущий себя экономически, различает варианты поведения, но не следует единственному способу действия; ставит себе цели, но не стремится реализовать некоторые «высшие» ценности; а при выборе вариантов поведения следует тому, который (с учетом полноты его знаний) должен обеспечить ему наибольшую денежную выгоду» (Тамбовцев, 1994). Авторы фактически отождествляют понятия рациональное и экономическое поведение, и подчиняют его стремлению индивида к максимизации прибыли. Это, в сущности, является возвращением к трактовке старой идеи ЭЧ.

Наиболее острой проблемой моделирования поведения ЭЧ остается проблема рациональности. Если представители классической школы упрощенно рассматривали участника экономической жизни как существо сугубо рациональное и расчётливое, стремящееся максимизировать доход или прибыль, с развитием науки пришло понимание того, что рациональность не может быть сведена к стремлению человека к максимизации дохода и что в основе поведения личности «лежит не узкий эгоизм, а более широкий спектр ценностей и предпочтений» (Беккер, 1993).

А.Подъяков (2007) также отмечает ключевую роль рациональности в экономическом поведении, камнем преткновения которой является нетранзитивность психологических предпочтений в реальных отношениях. На наш

взгляд, эта проблема является основным методологическим барьером между психологией и экономикой. Проблема разрешается на модели игрового поведения субъекта, где повторяющиеся альтернативы появляются с разной вероятностью, т.о. нетранзитивные предпочтения не нарушают принципов рациональности единичного выбора.

О.Дейнека (1999), признавая рациональность основным критерием экономического субъекта, заменят в ней функцию максимизации полезности на ее оптимизацию, рассматривая последнюю как связь выгоды с затратами в условиях фактически действующих ограничений. Часто суть оптимизации сводится к выбору субъектом любой альтернативы, если ее ожидаемая полезность превосходит некий наперед заданный порог (Алескеров, 2006).

В некоторых работах высказывается мысль о том, что границу между рациональным и нерациональным определить не удастся, например, Д.Скидмоур утверждает, что «не существует иррационального поведения, есть лишь механизмы рациональности... которые еще не раскрыты» (Skidmore, 1992). Поведение человека может выглядеть, как не направленное ни на какой определенный объект, ни к какой цели, казаться бессмысленным, иррациональным, однако за этими внешними характеристиками скрывается либо подготовка к рационально ориентированному поведению, либо сложное проявление последнего, просто непонятое — как наблюдателем, так и самим субъектам действия (Наумова, 1988). Г.Беккер отмечает, что рациональность невозможно обосновать непосредственно, что даже те люди, которые полностью зависят от своих привычек (то есть характеризуются традиционным типом действия), или те, кто подвержены необдуманному импульсу (то есть характеризуются аффективным типом действия), могут изменять свое поведение вполне предсказуемым, определенным образом, если изменяются ресурсы, находящиеся в их распоряжении, т.е. осуществляют действия рационального характера (Беккер, 1993).

Современные исследователи (Г. Саймон, Дж. Катона, М. Холбрук и Э. Хиршман, Р. Франк и др.) разрабатывают и используют модели ограниченной рациональности, которые объясняют нерациональное поведение людей эмоциональными факторами, ограничениями познавательной способности людей, условиями неопределенности при принятии решений, особенностями восприятия и т.п. Так, Р. Франк пишет, что существуют два толкования понятия рационального поведения. Первое диктуется личным интересом, когда человек учитывает издержки и выгоды и не принимает в расчет такие мотивы поведения, как альтруизм, стремление к справедливости и т.д. Второе диктуется сиюминутной целью, когда в спектр мотивов поведения могут быть включены любовь, милосердие, долг и др. Несомненно, данный вид рациональности более адекватен реальному поведению человека, однако, оказывается чересчур широким для эмпирического изучения (Франк, 2000).

Некоторые современные аспекты наполняют жизнь ЭЧ новыми смыслами. Например, информация становится серьезной отраслью экономики, устраняются различия между реальными и виртуальными мирами. Поведение ЭЧ происходит в логике двух альтернатив – распределения доходов и обеспечение прожиточного минимума (Горц, 1986). Важный момент постновейшей истории заключается в осознании субъектом дистанции в отношении незначительных или чуждых ему вещей. Впереди эпоха возникновения новых знаний и новой техники, требующих рационального подхода. По Д.Беллу, именно знание, а не труд выступают источником стоимости, сокровенной сущностью человека является его способность множить информацию. Простые люди становятся самыми активными участниками экономических процессов. Главное – хватка,

расчетливость, движение, реактивность, наращивание ресурсов для подавления конкурентов (Белл, 2004).

Выдвижение информации в качестве основного ресурса порождает качественные сдвиги в характеристике ЭЧ, усиливая его специфику как предельно рационального и прагматичного агента вещно-имущественных отношений. Информация, помимо стоимостных параметров обладает свойством безграничности, т.е. ценность ее возрастает по мере роста числа продаж и для нее нет ни одного конечного вида использования (Друкер, 2000). Непотребители продукции конкретного предприятия играют для него не менее важную роль, чем потребители, распространяя позитивную информацию как о самом предприятии, так и о его продукте. Переход к веб-стилю жизни, связанному с новым витком отчуждения людей друг от друга, неизбежно влечет усиление элементов расчета и рациональности в их отношениях. Мелкие или незаметные восприятия, которыми наполнена вся наша повседневная жизнь, приобретают большее значение, чем принято полагать. И тогда понимание, анализ и учет этих «мелочей» позволяет конструировать, поддерживать и сохранять более адекватные представления об экономической или политической реальности.

Согласно современной позитивной экономической теории (Эренберг, 1996) рациональность предполагает последовательность в реакции на общие экономические стимулы, а также приспособляемость поведения в тех случаях, когда названные стимулы претерпевают изменения. Люди действуют в жизни рационально в том смысле, что они ставят перед собой определенную цель и последовательно достигают ее с помощью максимизации полезности, причем полезность выражается как в денежной, так и в неденежной форме. Другими словами, люди стремятся к достижению цели внутренне непротиворечивым способом, чтобы в максимально возможной степени удовлетворить свои потребности при данных ограниченных ресурсах.

Д.Канеман использует понятие ЭЧ уже не как метафору, а предлагает свою версию субъективной карты, т.е. карты пространства ограниченной рациональности, характеристики которой заданы психологическими особенностями принятия решения с учетом риска потерь и возможных сожалений по поводу неправильных решений. Он по-своему решает проблему специфики экономической и психологической теории: «объектом экономической теории могут быть только блага, но не человеческие чувства и отношения» (Канеман, 2003). Таким образом, он переходит от традиционной дихотомии «иррациональное - рациональное» к континууму, заданному ростом интеллектуального усилия - инстинкты, доминанты, привычки, нормы-правила, логика рационального выбора. То есть, обладая потенциальной возможностью рационального

выбора, человек может игнорировать эту возможность. Таким образом, функционирует субъективная карта ограниченной рациональности. В большой серии экспериментов, проведенных в течение десятков лет, Д.Канеман и А.Тверски показали, что экономический выбор при принятии решения детерминирован скорее особенностями восприятия, рефлексии памяти или эмоций, чем рациональным расчетом с анализом вероятностей альтернатив. Даже если люди обращаются к расчету выгоды, справляясь с интуицией и нормативностью прошлого опыта, они субъективно искажают вероятности и ценности выборов. Базовой аксиомой разработанной ими «теории проспектов» является то, что в экономическом выборе человек ориентируется на субъективные ожидания в отличие от используемых ранее вероятностно-ценностных оценок альтернатив.

В то же время О.Дейнека (1999) утверждает, что экономический выбор приближается к рациональному по мере нарастания ценности альтернативы. Аналогичный результат получен на модели множественного экономического выбора с изменяемым различием ценностей альтернатив (Вяткин, 2008).

Таким образом, психология и экономика, являясь двумя сторонами единого процесса жизни людей, в научном плане имеют различные и часто взаимопровержающие подходы. В основании экономической теории лежит гипотетическая модель «экономического человека», которая, как считают экономисты, адекватно воспроизводит поведение человека в экономике. Основными характеристиками модели являются экономический эгоизм, ориентация на удовлетворение потребностей и максимизация полезности. Кроме того, модель описывает нормативное массовое поведение, т.е. то, что должно быть, а не то, как есть в реальности, и полностью отрицает индивидуальные оценки. Психологическая наука объясняет экономическое поведение на основе субъектного подхода, имеющего принципиально иные теоретические основания, а также эмпирическую фактологию. Важность и необходимость интеграции экономического и психологического подходов в исследованиях по экономической социализации усиливается в связи современными тенденциями трансформации общества. Ведущими из этих тенденций являются высокая динамика трансформаций, конфликт ценностей и «информационная революция». Эти тенденции существенно усиливают роль рациональности в повседневной жизни и обеспечении жизненной перспективы. Наиболее приемлемым направлением интеграции экономических и психологических положений в исследовании экономической социализации личности является концепция ограниченной (субъективной) экономической рациональности, разрабатываемая с позиций субъекта деятельности.

Ганькова З.А. (Петрозаводск)

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ГОРОДСКОГО И СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО РЕГИОНА РОССИИ

В данной работе изложены ценностные ориентации людей, работающих в городской и сельской местности Северо-Западного региона нашей страны.

Значительную часть региона занимает республика Карелия, где проживает три коренных народа: русские, карелы, вепсы. Природные условия, нелегкий труд на земле, риск при обеспечении условий жизни сформировали тип личности, который отличается выносливостью, самообладанием, скромностью, стремлением к самореализации. В регион приезжают новые люди, пытаются самоутвердиться, стать постоянными жителями. Проникает и крупный бизнес; происходит скупка природных богатств,

что снижает статус коренного народа, изменяет их роли, ценности.

По мнению С.Л. Рубинштейна человек стремится к достижению того, что для него стало ценностью, что значимо для человека. По мнению Б.Г. Ананьева на основе статуса личности формируется система её социальных ролей и ценностных ориентаций. Ценности не существуют вне отношения «субъект-объект». «Ценность – это не признак объекта, а характеристика субъекта в его среде», - писал Климов Е.А.

Для изучения ценностей мы использовали известный тест М. Рокича. По мнению М. Рокича «ценности характе-

ризируются такими признаками: 1) истоки ценностей прослеживаются в культуре общества и личности; 2) влияние ценностей прослеживается во всех социальных феноменах, заслуживающих изучения; 3) общее число их невелико; 4) все люди обладают одними и теми же ценностями, хотя в различной степени; 5) ценности организованы в системы».

Отметим выбор целей - ценностей людьми, работающими в городе (в основном, в г. Петрозаводске). Выборка испытуемых 110 -120 человек.

а) Мужчины, работающие в городе, выбирают продуктивную жизнь, интересную работу, творчество, счастье других людей, общественное признание, красоту природы и искусства, познание, развитие, жизненную мудрость, активную деятельную жизнь.

б) Мужчины, работающие в сельской местности, выбирают познание, здоровье, уверенность в себе, материально обеспеченную жизнь, наличие верных друзей, развитие, свободу, развлечения, любовь, счастливую семейную жизнь.

а) Женщины, работающие в городе, выбирают счастье семейной жизни, материально обеспеченную жизнь, продуктивную жизнь, общественное признание, развлечения, счастье других людей, жизненную мудрость, интересную работу, творчество, здоровье.

б) Женщины, работающие в сельской местности, выбирают здоровье, счастье семейной жизни, познание, уверенность в себе, активную деятельную жизнь, свободу, любовь, материально обеспеченную жизнь.

II Выбор инструментальных ценностей (средства-ценности)

а) Мужчины, работающие в городе, выбирают независимость, эффективность в делах, твердую волю, рационализм, самоконтроль, ответственность, воспитанность, честность.

б) Мужчины в сельской местности предпочли ответственность, честность, аккуратность, исполнительность, самоконтроль, чуткость, воспитанность, рационализм, терпимость, жизнерадостность.

а) Женщины, работающие в городе, выбирают также средства-ценности: воспитанность, независимость, исполнительность, самоконтроль, рационализм, образованность, эффективность в делах, честность, смелость в отстаивании своих взглядов, ответственность.

б) В сельской местности женщины выделяют аккуратность, честность, воспитанность, независимость, терпимость, ответственность, самоконтроль, исполнительность, твердую волю, чуткость.

При сравнении выбранных ценностей можно отметить различия у испытуемых города и сельской местности, а также различия в выборе мужчин и женщин.

Выбирая ценности - цели мужчины, работающие в городе, предпочитают цели, требующие более полного использования своих возможностей, способностей, интересной, творческой деятельности, уважения товарищей по работе. Для них важна зрелость суждений и здравый смысл, что достигается личным жизненным опытом; небезразлично благосостояние, развитие других людей.

Мужчины, работающие в сельской местности, больше внимания уделяют личностным качествам - познанию,

уверенности в себе, здоровью; отмечают материально обеспеченную, семейную жизнь.

Женщины, работающие в городе, отмечают полное использование своих возможностей, способностей; уважения окружающих, жизненную мудрость, здоровье, счастье семейной жизни.

Сельские работницы подчеркивают важность здоровья, счастья семейной жизни, уверенности в себе, материально обеспеченную жизнь.

Заметна разница и в выборе инструментальных ценностей, т.е. ценностей-средств, особенно у мужчин. Они предпочитают умение действовать самостоятельно, принимать рациональные решения, проявить сдержанность, принимать обдуманные, рациональные решения; ценят чувство долга, смелость в отстаивании своих взглядов, продуктивность в работе.

В сельской местности мужчин чаще всего отличают более личностные средства-ценности, такие как честность, аккуратность, исполнительность, терпимость, самоконтроль.

Женщины, работающие в городе и в сельской местности, выбирают сходные ценности-средства. У городских работниц чаще выбор приходится на умения здраво и логично мыслить (рационализм, смелость в отстаивании своих взглядов). Сельские женщины чаще выделяют терпимость к мнениям других, проявляют чуткость, заботливость, умеют прощать ошибки и заблуждения других людей.

В результате исследования определена предпочтительность ценностей и проведена статистическая обработка данных с использованием факторного анализа. Факторный анализ объединенных термических и инструментальных ценностей выделены показатели, которые различают испытуемых в выборе.

В анализе были привлечены только те признаки, которые маркируют факторы с нагрузкой более 0,5. На факторы ценностей влияет пол испытуемых и специфика региона (городская и сельская местность).

Приведем для примера несколько факторов:

Мужчины, работающие в городе, в селе:

<u>26% Активная самореализация</u>	<u>28% Самодостаточность</u>
Продуктивная жизнь, общественное признание, развитие, ответственность с положительным весом, уверенность в себе - с отрицательным.	Познание, ответственность, материально-обеспеченная жизнь, исполнительность, эффективность в делах - с положительным весом.

Женщины, работающие в городе, в селе:

<u>23% Деятельная жизнь</u>	<u>30 % Самостоятельность</u>
Интересная работа, общественное признание, уверенность в себе, счастливая семейная жизнь с положительным весом и твердая воля - с отрицательным.	Здоровье, независимость, честность, свобода, материально-обеспеченная жизнь с положительным весом, чуткость, терпимость - с отрицательным.

**Грязнов А.Н., Чевееркина Е.А., Тухватуллина Д.Р.(Казань)
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ
АЛКОГОЛИЗМА**

Алкоголь - одно из наиболее широко используемых веществ, воздействующих на психику: приблизительно 8 из 10 человек, живущих в Европе и Америке, принимают алкоголь. Около 50% американских студентов имели опыт

приема алкоголя в 13 лет и к 17 годам их количество увеличивается до 81,7%. В Канаде 78% людей в возрасте 15 лет принимают алкоголь; 12% мужчин и 3% женщин относятся к категории алкоголиков, т.е. принимают 14 единиц

в неделю и больше. Это тот уровень, который с большой вероятностью может привести к неблагоприятным последствиям. В Великобритании считают опасным прием алкоголя в дозе 21 единица в неделю для мужчин и 16 – для женщин, в Канаде верхний предел для умеренного потребления алкоголя оценен в 14 и 12 единиц в неделю соответственно, а в США – 14 и 7 напитков в неделю.

Число больных алкоголизмом в мире, в том числе России столь велико, что значительная часть работоспособного населения оказывается вне активной социальной жизни. Кроме того, известно, что существенную роль в реализации аддиктивных свойств личности играют генетические факторы. Все это грозит деградацией общества и его генофонда, что представляет угрозу безопасности страны.

В России формы употребления спиртных напитков:

- абстинент (не более чем 100 граммов вина два-три раза в год);
- случайное употребление алкоголя (от одного раза в 2-3 месяца до одного – двух раз в месяц, обычно не более 50-150 граммов);
- умеренное употребление алкоголя (один-четыре раза в месяц от 100 до 300 граммов водки);
- систематическое пьянство (200-400 граммов водки один-два раза в неделю);
- привычное пьянство (300-500 граммов водки два-три раза в неделю и более), являющееся стадией предболезни.

Алкоголизм как заболевание вызывается систематическим употреблением спиртных напитков, характеризуется влечением к ним, приводит к психическим и физическим расстройствам и нарушает социальные отношения лица, страдающего этим заболеванием (В.Д. Менделевич, 2002). По нашему мнению алкоголизм – это неравнодушное пристрастное стремление к употреблению алкоголя (этилового спирта), который приводит к отрицательным последствиям: ухудшению здоровья, развитию психической и физической зависимости и деградации личности, при этом наносящий ущерб социальному окружению (А.Н. Грязнов, 2000).

В отечественной наркологии принято выделять три стадии течения болезни:

- первая стадия – появляется влечение к алкоголю, снижается контроль количества выпитого, растет толерантность к алкоголю, появляются частичные алкогольные амнезии. Продолжительность болезни от 1 года до 6 лет. Средний возраст больных от 18 до 35 лет;
- вторая стадия болезни – усугубляются признаки, характерные для первой стадии, появляется абстинентный синдром. Толерантность достигает максимума. Алкогольные амнезии становятся систематическими. Появляются запои. Начинаются проблемы в социальной сфере. Проявляются изменения личности: заостряются преморбидные характерологические особенности, возрастает лабильность эмоциональных проявлений, появляется алкогольный юмор (А.Н. Грязнов, 2001). Продолжительность данной стадии около 10 лет. Средний возраст больных 25-35 лет;
- на третьей стадии болезни происходит снижение толерантности к алкоголю. Алкоголь становится смыслом существования и добывается любыми средствами. Изменяется картина опьянения, больные становятся раздражительными, придирчивыми, угрюмыми. Абстинентный синдром может сопровождаться эпилептическими припадками. Изменения личности принимают характер деградации. Этические нормы поведения снижаются, семейные привязанности ослабевают. Хроническое употребление алкоголя приводит к явлениям так называемой алкогольной энцефалопатии (органическое поражение головного мозга). Частыми осложнениями алкоголизма в

развернутой стадии являются алкогольные психозы (В.Д. Менделевич, Р.Г. Садыкова, 2002).

Исследователи Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М. предложили условную шкалу определения уровня алкоголизации:

- 0 уровень – полное воздержание от алкоголя; отсутствие опыта приема.
- 1 уровень – эпизодический прием; не приятные воспоминания о приеме алкоголя.
- 2 уровень – систематический прием; удовольствие от употребления; включение небольших доз в общий рацион питания.
- 3 уровень – эпизоды передозировки; возникновение похмелья.
- 4 уровень – возникновение психической зависимости; случаи употребления алкоголя с утра для поднятия настроения.
- 5 уровень – частые случаи похмелья; активный поиск алкоголя; формирование физической зависимости.
- 6 уровень – эпизодические запои; признаки социальной (главным образом семейной и трудовой) дезадаптации; изменения в эмоциональной и мотивационной сферах личности.
- 7 уровень – продолжительные запои; стойкая зависимость от алкоголя; выраженные изменения личности по алкогольному типу; глубокая социальная дезадаптация.

Приведенные качественные критерии выступают как нормативы, позволяющие отнести индивида к той или иной диагностической группе.

Наличие алкогольной традиции в обществе и особенно социально-экономических и бытовых условий не являются единственной причиной тяги к психоактивному веществу, приводящие к алкоголизму и наркоманиям при наличии личностных, психологических и медико-биологических факторов, способствующих алкоголизации и наркотизму в России. Обобщая различные концепции, касающиеся генеза алкоголизма, Лисицын Ю.П., Сидоров П.И. классифицируют их следующим образом:

1. *Социально-генетическая концепция.* Природа алкоголизма объясняется особенностями социальных условий и отношений людей, алкогольными обычаями микросреды, производственными и экономическими отношениями.
2. *Психологическая концепция.* Алкоголизм трактуется как неспецифический показатель социально-психологической несостоятельности личности, неразвитости ее нравственной, ценностной, потребностной сферы.
3. *Генетическая концепция.* В предрасположенности к алкоголизму большую роль играет наследственность.
4. *Генетотрофическая концепция.* Алкогольная зависимость объясняется наследственно обусловленными нарушениями обмена веществ, в основе которых лежит необычайно высокая потребность в некоторых необходимых для организма пищевых продуктах.
5. *Этаноловая концепция.* Основной причиной алкоголизма является специфическое действие на организм самого алкоголя. Согласно данной концепции люди разделяются на “алкоголеустойчивых” и “алкоголенеустойчивых”.
6. *Адренохромная концепция.* Алкогольная зависимость объясняется нарушениями катехоламинового обмена, приводящими к постоянному психическому напряжению, которое зависит от соотношения в организме адреналина и продуктов его распада - адренохрома и адренोलютина, а также их предшественников. Чем больше в организме адреналина и меньше его метаболитов, тем сильнее напряжение.
7. *Эндокринопатическая концепция.* Пристрастие к алкоголю объясняется первичной слабостью эндокринной системы, вследствие чего для адекватных эмоциональных реакций необходима ее постоянная искусственная стимуляция, особенно в экстремальных условиях.

8. *Психопатологическая концепция.* Подчеркивается роль психических, преимущественно характерологических, особенностей личности в формировании алкогольной зависимости. Сложностью является частая невозможность однозначно оценить причинно-следственную связь этих особенностей и алкоголизма.

9. *Биоэнергетическая концепция.* Исходит из того, что алкоголь действует на водно-ионную структуру организма, нарушая ее стабильность. Употребление алкоголя приво-

дит к потере устойчивости биоэнергетических структур организма и зависимости от спиртного.

Анализируя значимость социальных, биологических и личностных факторов в формировании алкогольной зависимости, мы имеем в виду, что все аспекты данной комплексной проблемы представляют собой системное единство, будучи взаимосвязанными и взаимообусловленными.

Губина С.Т. (Глазовск)
ПРОФИЛАКТИКА И КОРРЕКЦИЯ ПСИХИЧЕСКОГО ВЫГОРАНИЯ С
ПОМОЩЬЮ МУЗЫКАЛЬНЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
ВОЗДЕЙСТВИЯ

Следуя логике феноменологической теории личности К. Роджерса, выгорание – это психическое состояние, возникающее вследствие невозможности удерживать напряжение, вызванное сопротивлением условий неактуальных на данный момент жизни ценностей, что является показателем несформированности (деформации) ценностной сферы в целом.

Музыкальное воздействие предполагает широкие возможности для использования его в качестве психологического средства, регулирующего актуально-ценностную и эмоциональную сферы личности благодаря таким свойствам, как: интонационность, процессуальность, резонансность. Музыка оказывает динамичный эффект воздействия на воспринимающего, так как выполняет гностическую функцию особого невербального познания - постижения интонационного смысла (Г.С. Тарасов), является средством настройки на базисные содержательные формы – универсальные механизмы личностного развития (Д.К. Кирнарская).

Комплекс профилактико-коррекционных средств воздействия, состоит из четырёх циклов упражнений. В качестве методологической основы использованы идеи и концепты гуманистической и экзистенциальной психотерапии.

Цикл 1. Составили следующие упражнения: «Образ, рожденный МНОИ», «Музыка смерти», «Звуки неизвестного города», «Музыка одиночества», «Живые цепи».

Цель: акцентировать внимание участников на том, что опыт психотравмирующих переживаний может рассматриваться как польза, как неотъемлемый субъективный «багаж», указывающий на факт невозможности удерживаться в условиях неактуальных, на данный момент жизни субъекта, ценностей. Разработка заданий направлена на осознание (переживание) бессмысленности удерживания неактуально-ценностного личностного содержания. Задача: с помощью музыкальных и звуковых средств, создать предпосылки для участников (на основе переживаний характерных образов) на переосмысление проблем экзистенциальных беспокойств и реальности своего существования.

Цикл 2. Составили следующие упражнения: «Свободное слушание», «Доверяю себе», «Я ВИЖУ музыку», «Я открываю себе СЕБЯ»

Цель: акцентировать внимание участников на том, что стремление получить новый субъективный опыт переживаний – это естественная потребность каждого человека. Разработка заданий направлена на формирование субъективной открытости (автономности) Задача: с помощью музыкальных средств создать предпосылки для возможности переживания участниками ощущения эмпирической свободы с последующим анализом этого состояния.

Цикл 3. Составили следующие упражнения: «Музыкальная конструкция», «Игра фона», «Я осознаю...», «Музыка воспоминаний»

Цель: акцентировать внимание участников на ощущении (переживании) перспективы альтернативы выбора субъективного пути развития, которое является характеристикой жизни здорового человека. Разработка заданий направлена на сосредоточенность на настоящем, возможность переживать прошлый опыт как настоящий. Задача: с помощью музыкальных средств создать условия для возможности фиксирования внимания участников на переживании полярностей: «второстепенного-главного»; «общего-частного»; «фигуры-фона». Анализ данных полярностей даёт возможность переосмысления значения выбора при поиске пути субъективного личностного развития.

Цикл 4. Составили следующие упражнения: «Музыка желаний», «Рождение картинки», «Страницы из альбома», «Мой альбом будущего», «Музыкальные зарисовки». Цель: акцентировать внимание участников на постепенном вхождении в новый актуальный образ «Я», поскольку, это является необходимым явлением на разных этапах развития человеческой личности. Разработка заданий направлена на активизацию процессов актуально-ценностной личностной реконструкции. Задача: активизировать у участников, с помощью музыкального воздействия, настройку на формирование актуально-ценностного субъективного образа «Я».

Выявлено пять типов реакций, соответствующих разному уровню выраженности выгорания:

1 Чаще всего, принимают (переживают) упражнения группы №1, демонстрируя мотивацию самораскрытия, при высоком уровне аффективности в №2,3; ощущают внутреннюю поддержку №4; По окончании мероприятий демонстрируют чувство благодарения и «освобождения»; *реакция характерна для испытуемых с высоким уровнем выгорания.*

Резко негативно воспринимают упражнения группы №1; замыкаются в себе в №2,3; жалуются на усиление чувства усталости и бессмысленности, ощущают «вредность для себя в пустом времяпрепровождении», испытывают чувство опустошения в №4, не видят «полезности и надобности» использования данной практики; *реакция характерна для испытуемых с высоким уровнем выгорания.*

Поведение в целом демонстративное; аффективно-когнитивные реакции отстранённые ко всем упражнениям; проявляют внимание только к отдельным заданиям, занимаются поиском в предложенном музыкальном репертуаре «полезной» музыки (особенно при наличии музыкального образования); отличаются рационализацией; пытаются «обучать» других участников группы, как правильно нужно слушать музыку и т. д. В заключении ожидают похвалы от руководителя курса за «компетентность и воспитанность», т.е. ориентированы на социальное одобрение; *реакция характерна для испытуемых со средним показателем выгорания.*

Толерантное отношение к упражнениям группы №1, но при этом проявление чувства тревоги, вызванного тем, что в реальной жизни, они не хотели бы оказаться в подобных ситуациях; поведение отличается высокой степенью адаптированности на протяжении всего курса; аффективные реакции носят шаблонный и неярко выраженный характер; при прохождении упражнений №4, многие испытуемые демонстрируют отсутствие инициативы, а иногда даже теряются в выполнении заданий, мотивируя тем, что «не знают как нужно...»; по завершении курса, в своих отзывах используют высказывания общего характера, например: «познавательно для всех..., необходимо как обмен опытом т. д.»; *реакция характерна для испытуемых со средним показателем выгорания.*

Проявляют повышенный интерес и открытость к переживаниям на протяжении всего эксперимента; в упражнениях группы №1 одинаково положительно воспринимают как позитивные, так и негативные аффективные переживания; поведение в целом носит спонтанный и экспрессивный характер; проявляют такие реакции, как: слезы, смех, танцевальные движения и др.; стараются расширить музыкальный репертуар своими темами, проявляя креативность; иногда на занятия приносят свои рисунки и

стихи, написанные, под впечатлением прошедших встреч; по завершении в отзывах акцентируют внимание на том, что им «не хватило времени». Пытаются сами сочинять задания, результаты своей творческой работы выносят на общее обсуждение *реакция характерна для испытуемых с низким уровнем выгорания.*

На основании обобщения представленных описаний, можно сделать следующие выводы, что музыкальное воздействие как психологическое средство, обладает особенностями: *фасилитировать* аффективно-когнитивные процессы психики; *диагностировать* актуальные потребности и ценности; конструктивно влиять на *формирование* актуально-ценностной сферы личности. Эффективность психопрофилактики и психокоррекции выгорания с помощью музыкальных психологических средств воздействия определяется с учётом индивидуальных особенностей развития актуально-ценностной сферы личности.

Необходимо отметить, что опыт внедрения циклов музыкальных психологических средств воздействия показал, что данная разработка расширяет багаж научных исследований в рамках изучения психологии музыкального восприятия.

Гусакова Г. (Санкт-Петербург)

МЕТОДЫ БИОСЕНСОРНОЙ ПСИХОЛОГИИ В РАБОТЕ С БЕРЕМЕННЫМИ

Состояние беременности – это состояние особое не только по самому факту, что внутри человека (женщины) зародился и развивается другой человек, а еще и потому, что процесс захватывает весь организм в целом, включая физическое тело, психику, а также тонкие энергетические составляющие человека.

По сути, главное во время беременности – создание определенных, благоприятных условий для формирования и развития другого человека.

Речь идет о том, чтобы использовать период беременности для получения реальных практических навыков саморегуляции, для самосовершенствования.

В этом отношении хорошо себя зарекомендовали подходы биосенсорной психологии (Институт Биосенсорной психологии г. Санкт.-Петербург).

Термин «биосенсорные» относится к классу таких психодисциплин, как психология, психотерапия, философия, педагогика и другие (В.Тонков). Сам термин берет свое название от «био» – живое и «сенса» – чувствовать. То есть предполагается, что люди, имеющие отношение к данной деятельности обладают способностями к повышенному чувствованию живых организмов, впрочем, и не только живых, так как именно такая способность позволяет людям, например, бесконтактно, только психическими усилиями двигать предметы малой массы.

Биосенсорная психология как наука стала оформляться после того, как появились факты 100% овладения способностями к такому бесконтактному движению предметов. Было обнаружено, что данными способностями начали владеть практически 100% людей, имеющих к этому феномену интерес и способных упорствовать в практических занятиях для достижения такой цели. В результате осмысления возникновения таких феноменов и анализа самонаблюдений в процессе бесконтактного движения предметов, был сделан основополагающий вывод биосенсорной психологии о материальности психики.

Биосенсорные психологи не просто принимают это утверждение о материальности, а умеют осознанно взаимодействовать в рамках этой материальности. Это достигается благодаря целенаправленному, сознательному развитию собственной чувствительности, выходящей за рамки общепринятой. На пути развития такой чувствительности любой человек сталкивается как с проблемой

собственных догматических взглядов на психику, выраженных в нем самом, во многом навязанных воспитанием в современной общественной среде перекрывающих саму психику и ее возможности, так и с рядом необычных состояний сознания, практически не описанных в научной литературе.

Наблюдение за собственным развитием, за эффектами, происходящими на этом пути, приводят к пониманию того факта, что способности к тонкому чувствованию и взаимодействию являются присущими любому человеку.

Кроме этого, повышенная чувствительность позволяет человеку осознанно запустить механизмы саморегуляции и самооздоровления в своем организме. Специалист биосенсорной психологии сам обладая повышенной чувствительностью способен хорошо чувствовать то, что происходит в психике беременной женщины. Он может научить женщину самой ориентироваться в процессах самовосстановления и саморегуляции. Основная практика, используемая во время беременности – это глубокое расслабление. Достигается оно посредством пошагового вхождения в состояние расслабления, начиная со снятия физических напряжений и зажимов, постепенно выходя на растворение глубоких психических напряжений. Часто для достижения этих эффектов используется дыхание. Важно, что бы женщина научилась чувствовать возможности своего дыхания и применять его для регулирования родов, научилась доверять себе. Важно не просто знать, как дышать во время родов, а понять и почувствовать чем-то внутренним, как это делать и на что обращать внимание. С другой стороны, дыхания во время родов должно "хватать". А это значит, что дыхательную систему надо разрабатывать и тренировать, освобождаясь от скрытых напряжений.

Хорошие результаты по психофизической и дыхательной подготовки дают занятия акварелакса.

Основная направленность работы при занятиях дыхательными практиками в воде: обучение контакту с физическим телом, обучение контакту с эмоциями (отслеживание своего эмоционального фона), обучение наблюдению за своими психическими реакциями, обучению наблюдению за взаимосвязью этих трех составляющих.

В результате занятий замечено: увеличение дыхательного и резервного объема легких; укрепления всех

групп мышц тела; улучшения венозного кровотока, артериального давления, улучшение плацентарного кровообращения, нахождение своего ритма движения в сочетании с дыханием (что является необходимым элементом подготовки к родам), согласование дыхания и движения, сбалансированности психических процессов, уменьшение тревожности, разрядка подавленных эмоций, глубокое

дороговое взаимодействие с ребенком, дети рождаются очень чувствительными и здоровыми изначально.

На занятия приходят обычные женщины, просто желающие оздоровиться и благополучно родить. Они не ставят перед собой цели глубокого познания дыхательных или биосенсорных практик. Однако во время занятий просто и естественно начинают применять эти навыки.

Гусева Т.С. (Ярославль) ФЕНОМЕН ДОВЕРИЯ: ТРИ ТИПА ДОВЕРИЯ

Проблема доверия имеет актуальный характер в любом человеческом обществе. Доверие, или наоборот, недоверие, присутствует везде, в любой сфере жизнедеятельности человека.

Таким образом, доверие является значимой составляющей взаимоотношений человека с миром, с окружающими людьми, с самим собой. Данные взаимоотношения выстраиваются на основе доверия /недоверия. И от того, насколько будет выше уровень доверия /недоверия, зависит качество и специфика построения этих взаимоотношений. Кроме того, от уровня выраженности доверия во многом зависит поведение человека, особенности его образа жизни, мировоззрения и т.п.

В настоящей статье мы рассмотрим такие три типа доверия, как:

1. доверие к миру;
2. доверие к другим;
3. доверие к себе.

Рассмотрим каждый из этих типов доверия подробнее.

Доверие к миру. Это такой тип доверия, который определяется чувством безопасности человека в отношении всего происходящего во внешней среде.

Доверие к миру начинает формироваться с первых дней жизни ребенка. По другому его обозначают как «базовое доверие». Понятие «базовое доверие» было введено американским психологом и историком Э. Эриксоном. В интерпретации самого психолога, разрешение дилеммы базового доверия/недоверия к окружающему миру является важнейшим фактором становления личности.

Младенец, появившийся на свет, еще не имеет представлений о том, в каком мире он родился. И в то же время младенец имеет набор основных потребностей, без удовлетворения которых он не выживет (еда, тепло, присутствие мамы). И если на данном этапе жизни (до 2-х лет) эти основные потребности ребенка удовлетворяются, то у него формируется стойкое ощущение, что мир, в котором он родился, безопасен для жизни, и этому миру можно доверять, а, значит, с этим миром можно вступать во взаимодействие.

В этот период весь окружающий мир ребенка сосредоточен в одном понятии – мама. И, если ребенок чувствует, что маме можно доверять, потому что она накормит, успокоит, всегда будет рядом, не оставит его, маленького и беспомощного, надолго одного, то в дальнейшем это чувство надежности и безопасности окружающего мира у ребенка будет укрепляться, а затем перенесется на весь окружающий мир.

Если же ребенка оставляют подолгу плакать в кроватке, кормят не в соответствии с потребностью ребенка в еде, а строго установленные кем-то часы, не носят на руках, чтобы не «приучать», не проявляют к нему ласковое отношение в необходимом ему количестве, то у ребенка возникает физический и эмоциональный дискомфорт. Вследствие этого у малыша формируется ощущение ненадежности мира, ненужности его в этом мире. Из-за отсутствия чувства безопасности внешний мир начинает ощущаться как враждебный и появляется стремление защищаться от него. Именно особенности протекания первого периода жизни человека и становится фундамен-

том формирования будущей личности, для которой свойственно доверие либо недоверие к окружающему миру.

Таким образом, на основе этого фундамента (наличие /отсутствия доверия к миру) в дальнейшем у человека формируется соответствующее поведение. Доверие к миру проявляется в открытости человека всем сторонам жизни, всем проявлениям нашего безумного мира.

По мере взросления уровень доверия человека к миру снижается. Человек становится более осторожным, чаще проверяющим, соотносящим все происходящее со своим собственным опытом.

Но тем не менее, полное отсутствие доверия к миру проявляется в поведении человека в виде замкнутости, отрешенности от мира, постоянное ожидание опасности из внешней среды. Это, в свою очередь, может привести к различным психическим расстройствам.

Доверие к другим. Этот тип доверия характеризуется чувствами безопасности и надежности в отношении окружающих человека людей. Доверие к другому также формируется в первые годы жизни ребенка.

Другой – это часть мира, и в то же время он является самостоятельным субъектом и имеет свою специфику.

Как уже было указано в настоящей статье, весь окружающий мир ребенка в первый период жизни состоит из одного человека – матери. Считается даже, что примерно первые пять месяцев жизни ребенок не воспринимает себя как отдельное от мамы существо. Если с рождения ребенок знает, что мама всегда рядом и всегда сможет прийти к нему, стоит только позвать на помощь, он может ей доверять. Если так и происходит, то у ребенка со временем формируется и доверие к другим людям — сначала к близким родственникам, потом к знакомым, друзьям, а потом и к людям вообще. Если не сформировалось это глубинное, бессознательное доверие к матери, то и формирование доверия к другим людям будет происходить очень нелегко, если вообще будет. И когда такой ребенок вырастет, то ему будет сложно доверять людям, открываться им.

Тот, кто решительно и неизменно отказывается доверять другим, живет в сильном стрессе, поскольку ему приходится постоянно и во всем быть настороже, постоянно опасаться, что кто-то из его окружения обманет, предаст. Кроме того, недоверие к другим провоцирует сильные переживания, напряжение, так как по причине своего недоверия к другим, человеку приходится все делать самому. Испытывая недоверие к другим, человек склонен постоянно ожидать предательства, отверженности. Эти чувства порождают закрываться, уединяться. И поэтому человек изолирует себя от других людей, лишая себя здорового общения с ними.

Таким образом, доверие к людям проявляется у человека в ощущении безопасности рядом с другим человеком, в способности положиться на другого, в способности более близкого интимного общения с ним. Доверительные отношения между людьми предполагают вовлечение этого другого в свой внутренний мир.

Доверие к другому в межличностном общении, взаимодействии является важным условием позитивности этих отношений, этого взаимодействия. В то время как при

недоверия к другому межличностные отношения приобретают конфронтационный характер.

Доверие к себе. Этот тип доверия можно охарактеризовать как определенную позицию человека по отношению к самому себе, отношение к себе как к целостной и значимой для себя самой личности. Эта позиция может выражаться по-разному: от полного принятия себя, самоуважения, осознания ценности своей личности, способности нести ответственность за свое поведение, ставить перед собой цели и задачи, самостоятельно их достигать и т.д. до полного недоверия к себе, а значит, зависимости от чужого мнения, поведения, неспособности ставить перед собой цели, предпринимать активные действия для их достижения.

Таким образом, доверие к себе (как и доверие к миру, доверие к другому) проявляется в поведении человека, то есть в его поступках. Доверяя себе, человек сам делает свой выбор, сам выбирает свои действия, стратегии достижения целей, при этом он способен нести полную ответственность за свою деятельность, он способен позволить себе определенные поступки.

Недоверие к себе у человека проявляется в его зависимостях: от чужого мнения, от чужих оценок. Отсутствие доверия к себе делает человека слабым и уязвимым, неуверенным в себе, не ощущающим своей значимости и ценности.

Таким образом, доверяющий себе человек является относительно независимым, принимающим себя, способным самостоятельно выстраивать свою жизненную стратегию с учетом своего прошлого опыта. Доверяющая себе личность осознает свои возможности, для нее является характерным проявление творческой активности, направленность на свое успешное саморазвитие и самореализацию.

Таким образом, доверие является чрезвычайно важным элементом человеческих отношений (к миру, к другим, к себе), оно объединяет нас, без него немислимо наше духовное развитие. Кроме того, наличие доверия способствует гармонизации отношений личности с миром, с другими, с самим собой.

Демчук И. (Москва), Романов Ю. (Новосибирск) **МНОГОМЕРНОСТЬ ФЕНОМЕНА «ПРАЗДНИК»**

Многомерность феномена праздника объясняется наличием насыщенной культурно-исторической линии развития, сложностью в его структурной организации, а также пониманием того, что праздник является особой формой бытия человека.

Обычное понимание праздника связано с определенным днем торжества, официально установленным государством, пришедшим к нам из истории или же ставшим таковым из личной истории индивида. Праздничная событийность, отличная от повседневного ритма жизни, приносит новые ощущения, новый опыт и понимания себя и мира. Праздник – это день, в который по традиции (например, религиозной) принято радостно проводить время, устраивать церемонии, вечеринки, застолья (иногда предшествуемые постами)². Центральным понятием праздника является *развлечение*, определяемое как вид поведения человека, помогающий ему расслабиться и получить удовольствие. И это мир занятий, времяпрепровождения как одного человека, так и группы, общества в целом.

В реальности праздник имеет большую значимость. Смысловая нагрузка его охватывает не только то внешнее и поверхностное, что мы видим и что нам понятно и знакомо, но и то, что скрыто глубоко внутри, окрашено архаическими красками.

Праздники всегда отражал тесную взаимосвязь человека и Вселенной, микро- и макрокосмоса, и эта связь из древних эпох перешла в современное время. Архаический праздник часто был воспроизведением какого-то события, происшедшего в мифическом прошлом. Эта его особенность сохранилась и в наше время. Элементами архаического праздника всегда были радость, веселье, танцы... Это сакральное предписание также присутствует в любых празднествах современного мира. Ритуал, как составная часть праздника, частично или полностью переходит из эпохи в эпоху, сохраняя ценностную и смысловую нагрузку.

Можно определить феномен праздника как феномен жизни, проявленный как интеграция воздействий на индивида и общества на духовном уровне, как способ создания новых коммуникативных каналов и страт на социальном уровне, как взаимозависимость на материальном

уровне (Рисунок 1). Деление на эти три составляющие является условным, так как очевидным остается факт взаимосвязи всех трех сторон праздника. Отличие может появляться в том, что в определенный момент времени в определенном пространстве, в определенном празднике-событии доминирующим фактом может стать одна из сторон, будь то материальная, духовная или социальная.

Рассмотрение праздника в триединстве материального, социального и духовного позволяет обнаружить его значимость для современного человека, проследить влияние феномена на различные аспекты человеческого бытия.

Отвечает ли все то, что предлагает нам мир развлечений и праздников потребностям духовного, социального и материального миров?

Определение сути праздника – это научный полигон для аналитической и лингвистической философии, структурализма и постмодернизма, герменевтики и феноменологии, психоанализа и экзистенциализма. Однако может оказаться, что теорию праздника построить невозможно. Праздник сопротивляется анализу и тяготеет к метафизике. Недаром праздник является центральным элементом всех религий, мифологии, магии и мистики. В этом есть своя правда.

Из всего многообразия определений можно сделать вывод, что праздник – это явление всеобщего характера, оно зарождается в обществе и неразрывно с ним связано, оно сосуществует в определенной культуре с присущей ей традициями, являясь ее постоянным элементом; оно там, где существуют духовные связи между людьми, из которых оно и рождается и, в свою очередь, укрепляет эти связи; оно есть свобода, есть отдых и способ быть в тонусе; оно определяется как сфера жизнедеятельности людей, без которой немислимо развитие. Праздник – это мы сейчас!

Праздник, с одной стороны, сочетает механизмы принятия действительности, адаптации к ней, дает возможность смириться с объективно сложившимися обстоятельствами, а с другой — помогает родиться новому, приветствуя обновление, служит человеку опорой в его усилиях понять действительность, пугающую своей новизной; он «обостряет сознание истории и одновременно дает отдых от нее» (Кокс Х.).

Праздник представляется определенным механизмом пробуждения архаических чувств, вызывающих память предков. Архаическое сознание проявляется в момент

² <http://ru.wikipedia.org/wiki/Праздник>.

пикового переживания, которое достигается за счет грамотно построенного празднества. Следовательно, праздник представляется не столько поводом для веселья, сколько определенное временное и пространственное событие, порождающего возможность более глубокого осмысления себя и проявлению ранее неизвестных аспектов собственного бытия. Важно быть искренним по отношению к самому себе, своим желаниям и эмоциям, иногда неожиданным и поражающим, которые прорываются из глубин сознания в момент празднества.

Архаичность праздника выносит индивида на дорефлективный уровень, уровень феноменального опыта, что аккумулирует собственную практику и обеспечивает эффективность праздника.

Архаическое восприятие реальности приближает индивида в момент празднования к ощущению того, что мир распаковывается в ежесекундном присутствии.

Современные корпоративные вечеринки, эстрадные и музыкальные фестивали, светские приемы и балы – уходят своими корнями в культовые и религиозные ритуалы наших предков. Ритуал как основа жизнедеятельности архаических обществ, выступает значимым элементом любого праздника. Он реализует две основные архетипические идеи (по П.А. Флоренскому): 1) разрывает мирское, физическое, «внешнее» время, действующее в сторону «энтропийной хаотизации мира» и является средством соприкосновения с сакральным временем, реактуализацией мифического времени Начала; 2) пространство, в котором происходит ритуал, становится освященным, сакральным и «совпадает» с мифическим Центром Мира (через его многочисленные символы). Ритуал привносит в праздник соприкосновение точек сакрального пространства и времени. Он наделяет индивида определенными формами поведения.

Результатом столь глубоко воздействия архаического в празднике является глубокая трансформация духовного мира личности празднующего.

Праздник способствует улаживанию и социальных контактов между людьми, рождает новые отношения, выводит прежние на другой качественный уровень. Это путь, «соединяющий людей в народ» (Кара-Мурза). По ходу праздника мы много узнаем о себе и тех, кто нас окружает в обычной обстановке, но на кого у нас вечно нет времени из-за занятости.

Каждый выезд на природу, за город или поход в ресторан, клуб трудовым коллективом – это хорошая возможность коллективу иначе взглянуть на себя и своих коллег, иногда разглядеть в начальнике, боссе интересного собеседника. Популярным в настоящее время является использование корпоративных праздников в качестве эффективного средства налаживания внутренних рабочих отношений, сглаживания или разрешения конфликтов. Это способ пересмотреть устоявшиеся стереотипы восприятия социальной структуры организации.

Достаточно частым явлением стало то, что на празднике знакомятся и образуют новые социальные структуры, рождаются семьи, появляются друзья, создаются новые группы по интересам. Случайные знакомства в праздничной толпе в момент искреннего восторга и раскрепощения, приветливости и открытости по отношению к рядом празднующему, могут привести к совершенно неожиданному, отличному от будничного и привычного, восприятию окружающей действительности и близких людей. Именно в момент пиковых переживаний радости и счастья инди-

вид открыт для принятия нового, в том числе и новых контактов.

Мы живем в эпоху сложных многоуровневых социальных взаимодействий. Одни связи являются для нас значимыми на духовном уровне, другие – на материальном, третьи дают выгоду социального плана. Но где бы мы не находились, в каком мы мероприятии не участвовали, мы остаемся вовлеченными в определенные социальные контакты. Разница лишь в том, как мы воспринимаем и что мы берем из этого. И любое праздничное, развлекательное, зрелищное событие также является для нас пространством социального мира. И если быть более чутким и открытым, быть свободным и приветливым, то этот мир станет для нас кладезем социального богатства. И не только!

С развитием общества возрастают и требования к празднику как организационному моменту. Это уже не просто встреча людей, гуляния и небольшие застолья. Праздник обрывает материальными «одеждами». Сегодня любой праздник – это финансовые вложения двух сторон.

Запросы растут, как растут и цены. В зависимости от возможностей заказчика будет организован и праздник. Чем финансово дееспособен заказчик, тем обширнее и разнообразнее будет праздничная программа. Индустрия развлечений настолько развита, что может отреагировать на любые запросы заказчика, его пожелания и, порой, даже капризы, кажущиеся иногда нереальными, неосуществимыми. Как говорят, были бы деньги, чтобы все оплатить, будет и праздник. Любой проект может создаваться под конкретного заказчика, с учетом всех его требований, сферы функционирования компании и даже отношений в коллективе.

Подлинный праздник – также результат умелой и профессиональной организации. Все больше и больше организация любого праздника превращается в большой сложный механизм, предполагающий привлечение огромных человеческих и материальных ресурсов.

В течение последних 20 лет на территории России появилось огромное количество агентств, чья основная деятельность – это организация праздников всех видов и уровней. Реклама в СМИ, а особенно в Интернете, призывает нас веселиться и радоваться на мероприятиях, которые подарит нам то или иное Агентство.

Таким образом, рассматривая праздник через возможности его духовного, материального и социального проявления, можно более четко проследить, насколько сложным и многоуровневым является мир развлечений. И это не просто событийность, это интеграция потоков энергии разного уровня и содержания во времени и пространстве. Это связь прошлого и настоящего, архаического и современного. Это эффективный механизм трансформации личности при условии наличия грамотно организованного праздника.

Необходимо создать такой праздник, в котором можно приблизиться к моменту пикового переживания...к мгновению мимолетной, чистой радости, которая объемлет всю жизнь. Сознание «рождает» факт нашего существования в каждый момент жизни. И присутствие в момент праздничного действия также является достижением.

Праздник есть игра. Игра жизни, игра, существующая в данной реальности, здесь и сейчас. И в этой праздничной игре есть место для беззаботной радости и ясного откровения. И рождается мгновение откровения перед собой и жизнью

Дехтяренко А.А. (Челябинск)
Особенности толерантности как свойства личности

В последнее время, термин «толерантность» используется в различных отраслях знания. Что касается терминологической стороны вопроса, то слово «толерантность» имеет очень широкое применение. Однако в зависимости от контекста иногда с успехом пользуются заменяющими его словами: терпимость, снисходительность, устойчивость, принятие и т.д.

Размышляя о смыслах толерантности А.Х. Асмолов, Т.У. Солдатова, Л.А. Шайгерова отмечают, что психологический смысл толерантности наиболее полно отражен в англо-русском психологическом словаре это - приобретённая устойчивость; устойчивость к неопределённости; этническая устойчивость; предел устойчивости (выносливости) человека; устойчивость к стрессу: устойчивость к конфликту; устойчивость к поведенческим отклонениям.

Теоретическое и прикладное исследование проблемы толерантности к неопределённости представлено в работе Е.Г. Луковицкой. Здесь, толерантность к неопределённости определяется и как тенденция восприятия, и как когнитивная характеристика личности, и как реакция на неопределённость. В данной работе рассматривается только субъективная неопределённость. Содержанием толерантности к неопределённости является социально-психологическая установка. Она обладает аффективным (осознаваемым или неосознаваемым переживанием неопределённости), когнитивным (уровнем осознания неопределённости внешней среды) и поведенческими (проявляется, как тенденция реакции) компонентами.

Преобладание когнитивного компонента проявляется в гибкости мышления, открытости новому, способности структурировать информацию и представлять возможные исходы ситуации. Преобладание поведенческого компонента проявляется в усилении контроля над ситуацией и вовлеченными в неё людьми. Преобладание аффективного компонента проявляется для большинства в таких эмоциональных переживаниях как стресс, депрессия, тревога, апатия и для меньшинства людей — в эмоциях воодушевления, эмоционального подъёма, наслаждения.

Определяя стратегию поведения в неоднозначных ситуациях, Т.И. Рогинская акцентирует внимание на толерантности по отношению к многозначным задачам, выделяющийся как фактор творческого мышления при исследовании интеллектуальных процессов. Е.Г. Луковицкая так же отмечает, что толерантность к неопределённости является характеристикой творческой личности.

Представленные примеры свидетельствуют о наличии некоторого общего свойства личности, определяющего стратегию поведения в неоднозначных ситуациях. В значительной степени оно обусловлено индивидуальными особенностями функционирования когнитивной сферы.

А.А.Реан выделяет три уровня феномена и три генетических фактора, определяющих толерантность: 1) социально-психологический, 2) индивидуально-психологический, 3) биопсихологический; соответственно факторы: 1) социогенетический, 2) микросредовый (или психогенетический), 3) биогенетический.

При социально-психологическом уровне анализа терпимость следует рассматривать как способность личности, группы или общества относиться непредвзято к мнению, отличающемуся от распространенных стереотипов.

Индивидуально-психологический уровень анализа предполагает рассмотрение терпимости как свойства личности. В данном случае большое значение приобретают характерологические особенности личности, установки. На проявление терпимости могут влиять черты характера: агрессивность, доброжелательность и др.

Биопсихический уровень анализа терпимости связан с половыми, возрастными и темпераментными особенностями индивида.

В структуре общего феномена терпимости А.А. Реан выделяет два вида, связанные с разными механизмами терпимости:

1) Сенсуальная терпимость личности - обусловлена устойчивостью личности к воздействиям среды и связана с ослаблением реагирования на какой-либо неблагоприятный фактор за счет снижения чувствительности. Таким образом, данный вид терпимости напрямую соотносится с «классическим пониманием толерантности» по А.А. Реану: это «терпимость-черствость, терпимость-стена».

2) Диспозиционная терпимость личности - характеризуется предрасположенностью, готовностью личности к терпимой реакции на среду. Эта готовность проявляется на когнитивном, аффективном и поведенческом уровнях. Это «терпимость-позиция, терпимость-установка, терпимость-мироощущение».

В ряде исследований толерантность связывают с эмоциями. Среди основных функций эмоций приспособительной, сигнальной, оценочной, регуляторной, выделяется коммуникативная. Анализируя и оценивая роль эмоций в специальном функционировании личности, в ее биосоциальной структуре В.В.Бойко обращается к проблеме коммуникативной толерантности. «Коммуникативная толерантность - это характеристика отношения личности к людям, показывающая степень переносимости ею неприятных или неприятных, по её мнению, психических состояний, качеств и поступков партнеров по взаимодействию».

Механизм возникновения и проявления коммуникативной толерантности связан с психологией эмоционального отражения личных различий. Таким образом, чем меньше неприятных и неприятных для себя различий находит один человек в другом, тем выше у него уровень коммуникативной толерантности, тем реже он осуждает индивидуальность другого или раздражается по поводу его отличительных особенностей.

Основные подструктуры личности, обуславливающие коммуникативную толерантность, следующие: интеллектуальная, ценностно-ориентационная, этическая, эстетическая, эмоциональная, сенсорная, энергодинамическая, характерологическая, алгоритмическая, функциональная.

В ряде работ, толерантность связывают с таким психологическим состоянием как фрустрация (Л.И. Ермолаева, А.И. Еремеева, Г.Б. Зеремба, Н.Д. Левитов, Э.И. Киршбаум, Л.М. Митина, и др.). По мнению Н.Д. Левитова, существуют различные формы толерантности. Наиболее «здоровым» и желательным следует считать, психическое состояние, характеризующееся, несмотря на наличие фрустраторов, спокойствием, рассудительностью, готовностью использовать случившееся как жизненный урок. Под фрустрационной толерантностью им понимается способность человека противостоять разного рода жизненным трудностям без утраты психологической адаптации. В дальнейшем именно этот аспект толерантности рассматривался многими психологами.

Л.И. Ермолаева считает, что можно рассмотреть действие факторов фрустрационной толерантности на двух уровнях - социальном и личностном. Выделяются следующие факторы социальной фрустрационной толерантности: объединение общими идеалами и целью, совместным трудом и переживанием. Л.И. Ермолаева определяет личностные факторы фрустрационной толерантности через способность личности к поисковой активности.

Итак, анализируя существующие подходы к толерантности можно выделить систему компонентов составляющих её структуру. К ним относятся: когнитивный, аффективный, поведенческий компоненты, в ряде исследований они названы «уровнями проявления» толерантности. При этом вычлняются уровни, характеризующие толерантность, такие как социальный и личностный. В качестве

механизмов коммуникативной толерантности называется психология эмоционального отражения личностных различий, совместимость или несовместимость одноименных качеств партнёра. В основе механизмов фрустрационной толерантности лежит конструктивное преодоление с использованием механизма психической регуляции и со-

владения, неконструктивный механизм - психологической защиты.

Таким образом, толерантность рассматривается как свойство личности, проявляющееся в состояниях, в волевой регуляции и саморегуляции на основе социально-психологического взаимодействия.

Дунаева О.Н. (Челябинск)
РОЛЬ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ФОРМИРОВАНИИ ГОТОВНОСТИ
СТУДЕНТОВ УНИВЕРСИТЕТА К СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ

В настоящее время в массовом общественном сознании созрело понимание жизненной необходимости нравственного оздоровления социальной атмосферы, повысился интерес к семье, рождению и воспитанию детей. На это направлено и государственная политика в социальной сфере – 2008 год объявлен годом семьи, а 2009 – годом молодежи. Вопросы нравственности, нравственного развития личности становятся ключевыми в социально – экономическом и политическом преобразовании общества.

Образование – это область социокультурной жизнедеятельности, где совершается становление духовно зрелой, ответственной, нравственно свободной личности, способной отстаивать общечеловеческие ценности. Годы студенчества – это период интенсивного развития личности по всем направлениям и освоение в полной мере гражданских, социальных и профессиональных ролей. У человека всегда есть выбор, и задача высшего образования заключается в том, чтобы дать правильную ориентацию, способствующую развитию личности, раскрытию существенных сил индивидуума и обретение вектора смысла собственного существования, определение жизненной стратегии.

Семья как естественная малая социальная группа является традиционным объектом социально – психологического анализа. Одна из практических задач в этой сфере подготовки молодежи к созданию семьи.

Изменения в обществе привели к тому, что многолетний опыт подготовки молодежи к семейной жизни оказался невостребованным. До 90-х годов брачный возраст был ниже, чем вначале XXI века, и работа по подготовке молодежи к семейной жизни велась в старших классах средней школы (И.В. Гребенников, С.В. Ковалев). В настоящее время из школьного цикла убрали предмет «Этика и психология семейной жизни», который способствовал осмыслению некоторых вопросов брачно-семейных отношений, поэтому собственная концепция «Я и моя будущая семья» у современных студентов содержит много бытовых представлений, вынесенных из родительской семьи, личного опыта и средств массовой информации. Для такой долгосрочной и жизненно важной сферы как брачно-семейные отношения необходимо иметь научные, достоверные знания и сформированные ценностные приоритеты.

Изучение курса «Психология и педагогика» в системе высшего профессионального образования осуществляется дифференцированно, что задается объективными требованиями профессии, к которой готовятся студенты, однако остается круг психолого-педагогических вопросов, которые являются универсальными для всех студентов, прежде всего вопросы любви, взаимоотношений полов, выбора брачного партнера, счастливых отношений в семье и браке.

Современная семья изменяется. Исследователи отмечают ряд неблагоприятных, а порой и негативных явлений происходящих в ней. На западе, где «кризис» семьи имеет место уже несколько десятилетий, социологи

и психологи полагают, что происходит обновление традиционных семейно-брачных отношений, которые теперь трансформируются в брачно-партнерские (Т.В. Бендас, Е.П. Ильин, И.С. Кон). Классификация базисных потребностей человека (П.В. Симанов) включает три основные группы: витальные, аффилиативные, духовные; которые в полной мере должны и могут реализоваться в семье. В соответствии с концепцией В.Н. Дружинина, каждая культура порождает определенную нормативную модель семьи. Структура, которой включает в себя: нормативных членов семьи, отношения власти – подчинения и эмоциональной привязанности – отталкивания, а так же их динамику. Структура отношений определяет особенности позиций и ролей членов семьи.

Иной становится иерархия власти и подчинения в современной семейной жизни, скорее это уже соподчинение; изменяется ролевая функциональность супругов, совершенствуются взгляды на методы и цели воспитания детей. Изменяется весь стиль и уклад семейной жизни.

Социальное общество, в котором на первое место выдвигаются индивидуалистические тенденции, снижает ценность семьи. Наиболее ценными становятся личное благополучие, успех, статус, комфорт, а долгосрочные и каждодневные обязательства перед семьей отягощают, дети воспринимаются как обуза. В наши дни материнство занимает незначительное место в иерархии ценностей женщины. Женщины скептически относятся к долгосрочности современных брачных отношений, внутренне они готовы к возможности развода и поэтому они ориентированы на рождение одного ребенка. В настоящее время происходит осмысление, уточнение и переоценка обществом отцовских функций, за счет насыщения этой роли. (Ю.В. Борисенко, А.Г. Портнова).

Изменяются и мотивы вступления в брак, где любовь не всегда основная причина. Любовь является духовно-нравственной основой психологического благополучия семьи (супружеская любовь, родительская любовь). Если нет любви, то интимности, уникальности отношений не возникает, семьи в истинном предназначении не получается, она формируется неустойчивой, незрелой, поэтому измены и разводы неизбежны. Таким образом, на процессы интеграции семьи и семейного благополучия оказывают влияние развитые духовные ценностные ориентации (А.Н. Елизаров, В.А. Сысенко).

Социальные роли включают гендерные роли. «Гендер» означает, прежде всего, социальные ожидания относительно супружеского и родительского поведения как соответствующего для мужчин и женщин. «Гендер» – это не биополярный, а мультиполярный конструкт выраженности маскулинных, фемининных, андрогинных качеств. На основе андрогинных качеств вырабатывается установка на более гибкое поведение, происходит согласование поведенческих паттернов брачно-семейные отношений при выполнении супружеских и родительских ролей (Т.В. Бендас, Е.П. Ильин, И.С. Кон).

Личность студента, за годы обучения в ВУЗе, проходит несколько этапов развития и находится полно-

стью в процессе поиска и становления по всем жизненно важным сферам. В ближайшем будущем он должен стать дипломированным специалистом, строить карьеру, создать семью, «войти» в роль родителя и формировать личность ребенка.

Ориентация на «супружество», а не на «кратковременный брак» должна является значимой ценностной ориентацией у студентов. Супружество – это личностное взаимодействие мужа и жены, регулируемое моральными принципами и поддерживаемое присущими ему ценностями. С течением времени у супругов появляется потребность иметь детей, стремление быть родителями. Данная потребность реализуется в полноценных, а не «краткосрочных» формах материнства и отцовства. В числе нравственных ценностей особо значимых для стабильности брака являются индивидуальная половая любовь, супружеский родительский долг. Следовательно, «качество» брачно-семейных отношений зависит от системы ценностных ориентаций человека. Необходимо не только традиционно расширять представления студентов о функционально-ролевой структуре семьи, циклах ее развития, но прежде всего формировать ценности супру-

жества, родительства, материнства, отцовства и расширять гендерный репертуар поведения.

В нашем исследовании принимали участие студенты второго и третьего курса технических специальностей. На втором курсе представления о будущей семье расплывчаты, более идеализированы. На третьем - представления становятся более устойчивыми, формируются критерии к выбору брачного партнера, задается предполагаемый стиль семейно-брачных ролей, типы возможных конфликтов и способы их решения, то есть создается собственная концепция «Я и моя семья», которая, к сожалению, содержит много бытовых представлений вынесенных из родительской семьи, личного опыта и средств массовой информации. Духовно – нравственные ценности не рассматриваются как приоритетные критерии при выборе брачного партнера и создания семьи.

Подготовка современной студенческой молодежи к созданию семьи и родительству, наряду с развитием духовно-нравственных критериев, должна осуществляться на всех этапах взросления и в период обучения в ВУЗе также, где основной задачей является подготовка к профессиональной деятельности.

Емельянова Е.Ю. (Северск, Томской обл.)
ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

В современных социально-экономических условиях начала XXI века человечество все более осознает, что будущее цивилизации в целом зависит от интерперсоны духовной, а вовсе не от материальных носителей достижений человеческого интеллекта. Стратегическим вектором развития общества определяется воспитание субъекта созидания – человека, обладающего нравственными и этическими ориентирами.

Главным ресурсом и инструментом воспроизводства общественного интеллекта является сфера образования. Целью и смыслом образования является определение личностных качеств человека, его знаний, умений, навыков, его менталитета, и как следствие, формирование духовного потенциала цивилизации в целом. В настоящее время научная мысль во всем мире обращена к исследованию проблематики образования, в том числе к вопросам оптимизации функционирования и совершенствования его структуры. Основной детерминантой упорядоченности и продуктивности образовательной системы является ее организационная культура, как совокупность идей, ценностей, норм и образцов поведения. Актуальность структурирования организационной культуры обусловлена ситуацией кризиса неразрывной системы образование-общество, аксиологической и когнитивной неопределенности, конфликта разных ценностно-нормативных систем. Особую остроту данному проблемному полю придает осуществление реформы образования, составной частью которой является экспериментальное введение НСОТ, революционизирующее социально-психологический уклад организаций-субъектов эксперимента.

Организационная культура имеет собственные предмет, объект и методы исследования, отражающие ее специфику.

Предметом организационной культуры является формирование взаимоотношений и взаимосвязей между элементами системы (людьми или/и подразделениями, индивидами в организации и с внешней средой), обеспечивающих самоорганизацию социально-экономической системы, а также процесс формирования основных ценностей организации.

Объектом организационной культуры является любая социально-экономическая система, поддающаяся управлению.

Методами, используемыми при формировании и развитии организационной культуры, являются:

- эмпирический метод (наблюдение, восприятие, сбор информации);
- методы системного анализа, в том числе системный подход, синергетический подход, методы общей теории систем и теории организации;
- методы математического и экономического моделирования (метод линейного программирования, метод приоритетов и др.)

Организационная культура представляет собой иерархическое понятие, она формируется из определенных уровней, ступеней.

- 3 уровень (верхний) – культура организации.
- 2 уровень – культура структурных подразделений.
- 1 уровень (нижний) – культура индивида – работника организации.

При формировании организационной культуры необходимо, чтобы цели нижних уровней организационной культуры работали на достижение целей верхнего уровня, и таким образом, - всей организационной культуры.

Понятие «организационная культура» в самом общем смысле – это идеология управления и организации социально-экономической системы. Структура организационной культуры может быть представлена в виде взаимосвязанных блоков:

- состав организационной культуры (цели организации, ценности организации, знания организации, внешние и внутренние коммуникации, культура материального процесса);
- носители организационной культуры (материальные предметы, знаки, символы, коммуникации, процессы);
- проявление организационной культуры (здания, оборудование, логотипы, цели, миссия, награды, звания, законы, ритуалы, история, традиции, общественное мнение, технологии, социальные гарантии, качество предоставляемых услуг);
- восприятие организационной культуры работниками (вербальное, невербальное).

Организационная культура направлена на повышение трудового потенциала системы и выражает основные ценности организации.

Трудовой потенциал включает в себя следующие компоненты: здоровье, образование, профессиональный

уровень, творческий потенциал, нравственные качества и приоритеты, профессиональная культура, которая является производной от компетенции работника и его трудовой этики.

Организационная культура имеет следующие функции:

1. Формирование, накопление, передача системы ценностей, позволяющей выбирать адекватные методы достижения целей.
2. Функция целеполагания.
3. Формирование системы внутренних коммуникаций и связей внутри организации по вертикали и горизонтали.
4. Компенсаторная функция, иницирующая чувства интеграции с организацией.
5. Социализирующая функция, поддерживающая социальную стабильность и защищенность сотрудников.
6. Нормативная функция.
7. Когнитивная функция.
8. Формирование системы внешних коммуникаций и связей организации.
9. Формирование культуры трудового, педагогического, методического процессов.

Обобщая все функции организационной культуры, можно выделить основную цель – интеграцию отдельных интраперсональных феноменов в интерперсональную систему.

Рассматривая социально-психологическую структуру организации, необходимо построить адекватную диагностическую модель согласно принципам системности. Точное определение дано Н.Хагером: «Моделью является мысленно представленная или материально реализованная система, которая адекватно отражает объект исследования или аналогично воспроизводит специфические свойства и соотношения. Она должна быть в состоянии представить объект так, чтобы облегчить его изучение, обеспечить получение об этом объекте новых знаний, составление прогнозов, лучшее управление определенными явлениями или оптимизация определенных объектов или процессов. Все это должно способствовать лучшему овладению или использованию самого объекта или процесса, или моделированию определенных свойств объектов (процесса)». Метод моделирования незаменим при попытке корректировки идеологии управления образовательной системы, являющейся «субъект-субъектной», потому что в процессе реализации экспериментальных технологий в эмпирическое поле попадает «продукт» образования – живой человек.

При построении модели основанием, системообразующим конструктом являются внутриорганизационные отношения в образовательном учреждении являются как средством, так и методом функционирования, и хотя они имеют высокую степень вариативности, среди них можно выделить три больших класса: когнитивные (познавательные), аффективные (эмоциональные) и конативные (поведенческие) отношения.

Рассматривая систему отношений в качестве фундамента социально-психологической системы, и исходя из принципа системности, можно выстроить адекватную, аккумулирующую в себе все основные свойства модель структуры организационной культуры с целью ее диагностики. Диагностическими параметрами для изучения являются культура организации, ее структура, позиции руководящих кадров.

В связи с вышесказанным, хочу остановиться на особенности настоящего исторического момента – осуществлении в России комплексного проекта модернизации образования. Данный факт непосредственно указывает на необходимость оптимизации социально-психологической системы, а равно и организационной культуры образовательного учреждения. Субъекты образования, участвующие в эксперименте по новой системе оплаты труда, уже столкнулись с этой проблемой. Ввиду отсутствия в кадровой структуре образовательных учреждений специалистов по организационному консультированию, задача реструктуризации социально-психологической системы организации «падает» на административных и педагогических работников, что приводит к нерациональному использованию их интеллектуально-временного ресурса, а также слишком большой дисперсии управленческих систем.

Таким образом, в результате анализа понятия, структуры, предмета, объекта, методов, функций организационной культуры, можно сделать следующие выводы. Организационная культура, формируя устойчивые духовные связи и коммуникации внутри организации, *создает ее внутренний потенциал*, за счет которого социально-экономическая система сможет выжить в условиях кризиса и развиваться дальше. Организационная культура дает возможность переорганизовывать, самоорганизовывать процессы, структуры организации в соответствии с изменившейся ситуацией. Организационная культура относится к внутренней среде организации, это ее внутренний ресурс: духовный, нематериальный, интеллектуальный. Построение системной модели организации позволяет упорядочить стратегию управления и оптимизировать организационную культуру предприятия.

Карагаполов В. Ю. (Бишкек)
ПСИХОГЕНЕТИЧЕСКОЕ РОДСТВО ДУХОВНОЙ ПРАКТИКИ И
НАРКОТИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТИ.

Пройдя этапы феноменологического описания и нейропсихологического эксперимента, психиатрия XXI века вступила в эру нейроимиджа, генетики и психофизиологии. Вместе с тем практическое использование полученных данных распространено значительно меньше, чем степень их теоретической разработанности. Особенно показательными в этом аспекте кажутся зависимости от психоактивных веществ (ПАВ).

Активное изучение патогенеза химических зависимостей на уровне баланса нейромедиаторов и взаимодействия клеточных элементов представляется скорее углублением в нюансы операционального характера (первостепенно важные для оказания медицинской помощи нарко- и/или алкоголь-зависимому пациенту), нежели поиском системообразующего фактора проблемы, принципиальные основы которого лежат в адаптационном смысле

ле расстройства и особенностях личностно-средового взаимодействия.

С этой точки зрения адаптация является не столько приспособлением индивида к каким-либо условиям, сколько динамичным процессом поддержания баланса между континуумами активность-покой и комфорт-дискомфорт в сферах биологического, психического и социального функционирования личности.

Эволюционная роль адаптации несомненна. При этом на филогенетическом (видовом) уровне даже в отношении простейших форм жизни мы сталкиваемся с поразительным феноменом: последовательной сменой принципа сохранения информации, кодирующей видовую принадлежность, и принципом видовой изменчивости. Зачастую принцип изменчивости оценивается как некий случайный, непредсказуемый, даже деструктивный феномен, сдерживаемый и направляемый принципом сохране-

ния при наличии качеств/признаков, обеспечивающих возможность адаптации к среде, или ведущий к дезадаптации и смерти в противном случае. Но возможно ли объяснить все видовое многообразие исключительно изменениями условий окружающей среды и/или спорадическими мутациями?

В контексте онтогенеза (развития особи/индивида) мы столкнемся с подобными вопросами при рассмотрении феномена сохранения постоянства внутренней среды организма – гомеостаза.

С позиции нормальной физиологии поддержание гомеостаза – это норма существования организма. Предполагается, что основным движущим мотивом физиологической активности, является стремление к гомеостатическому состоянию, в противовес происходящим метаболическим изменениям. С этой точки зрения изменения (гетеростаза) вновь рассматриваются в качестве некой помехи на пути к совершенной модели организма, пребывающего в состоянии покоя, «метаболической нормы». Вместе с тем, стоит на миг позволить этой модели «ожить», и мы вновь увидим продуктивное, гармоничное взаимодействие в диаде «гомеостаз-гетеростаз», становящееся залогом жизни и развития. Так, процесс утилизации питательных веществ неразумно оценивать лишь как способ поддержания белкового, углеводного и жирового обмена на уровне физиологической нормы, а как возможность дальнейшего роста/развития организма. Как нельзя войти в одну воду дважды, так и метаболизм организма, каждую секунду новый, непохожий на все, что было раньше и будет позже.

С момента слияния яйцеклетки и сперматозоида образовавшаяся зигота начинает бурный рост, развитие, нисколько не заботясь о своем гомеостазе, а поглощая заложенный потенциал. Безусловно, этот процесс обусловлен актуализацией генетической информации. Но в этой ситуации мы имеем дело с частным, «биологическим» случаем реализации гетеростатического принципа роста/развития. А гомеостаз? В данном примере обеспечивает возможность развития и роста, его базу и качество.

В психологии вопросы гомеостатического и гетеростатического паттерна мотивации и развития обычно рассматривались как диаметрально противоположные. Гипотезы Долларда и Миллера, представления бихевиористов о формировании личности, теория оптимума активации Томсона и Хебба противостояли позициям гуманистической школы Маслоу, Роджерса, экзистенциалистов. Замечательной попыткой учесть в рамках одного подхода оба направления, стала теория реверсивности Аптера, рассматривающая психическую деятельность индивида как функцию альтернативных равноправных систем активности, которые определяют личностно-средовое взаимодействие. Метамотивационный аспект теории Аптера позволяет расценить представления о гомеостатичности и гетеростатичности психического функционирования как не противоборствующие, а взаимодополняющие друг друга, поддерживая идею о психической деятельности как изменчивом процессе, направленном то на достижение конкретной цели, то на процесс ее достижения.

Такие современные направления как трансперсональная и интегративная психология вновь смещают акцент теоретического и практического интереса на представления о целостности личности, активно привлекая в качестве источников знаний скрытые эзотерические знания.

Смена ориентации современной науки о человеке с дискретной на холистичную заставляет по-новому оценить представление о принципах адаптационного процесса, который становится неразрывно связанным с ростом/развитием. Так, академик Козлов отмечает: «Все в природе обладает целостностью, сама природа целостна и представляет собой иерархию, в которой каждый эле-

мент является "целым" по отношению к своим частям и "частью" по отношению к большему целому. Оба эти аспекта существования: и часть, и целое должны быть выражены полноценно для осуществления потенциалов любого существа. Отсюда понятна тяга человека выйти за свои пределы, трансцендировать, быть, чувствовать, осознавать себя частью мироздания.»

Постулирование гетеростатичной потребности в трансцендировании, личностном росте, самоактуализации и т.д. как *присущей* человеку логично вписывается в систему целостной, холистичной парадигмы антропологии (в расширительном понимании, как науки о человеке, включая биологию, психологию, социологию и т.д.). Более того, как уже было показано выше, подобное же гетеростатичное стремление к росту и развитию наблюдается и на уровне физиологии и даже эволюции биологических систем, включая человека. Феномен психического функционирования в диаде «гетеростаз-гомеостаз» становится частным случаем, экстраполяцией базового, эволюционного принципа адаптации, согласно которому рост/развитие является ступенчатым процессом диалектического взаимодействия и взаимообусловливания: подъем – закрепление, выброс энергии – восстановление и т.д. Максимальное напряжение в диаде «гетеростаз-гомеостаз» на уровнях индивида и социальных систем обнаруживает себя в форме кризисов.

Реализация адаптационного потенциала составляет суть жизни каждого человека, модифицируясь в соответствии с индивидуальными особенностями, условиями среды и степенью осознанности феноменов личностно-средового взаимодействия. Наибольшее качество подобной реализации несомненно связано с максимальным вовлечением имеющихся психо-физиологических ресурсов, актуализация которых испокон веков ассоциируется с практиками измененных состояний сознания (ИСС). Духовные практики и употребление ПАВ в равной степени индуцируют ИСС, что обуславливало их совместное применение в различных религиозно – философских направлениях.

Употребление ПАВ в рамках культурной традиции и соответствующего мировоззрения препятствовало развитию химической зависимости, оставаясь формой ритуала и вспомогательного средства. Глобализация и размывание культурных традиций привело к тому, что значительное число неподготовленных людей в поисках реализации упомянутой В.Козловым тяги («выйти за свои пределы») испытали на себе многогранное психофизическое воздействие ПАВ, выделив в качестве основных эффектов персонально значимые сенсорные, эмоциональные и когнитивные феномены. ПАВ, служившие ключами к тому, что Олдос Хаксли называл «дверями восприятия», сегодня не столько открывают, сколько закрывают.

Вместе с тем некоторые гетеростатичные феномены, возникающие при употреблении ПАВ, обнаруживают известное психогенетическое родство с духовными практиками: выход из социального контекста («трансценденция эго вне социума» по В.Козлову), обособление, относительность морально-этических категорий, опыт переживания экстраординарных психофизических качеств. К сожалению, эти особенности в случае наркотической зависимости, то есть в отсутствие четкой волевой установки на рост/развитие, создают привычный рисунок асоциального «наркоманического поведения» и патологической «наркоманической личности».

Таким образом, при разработке лечебно-реабилитационных подходов к терапии наркотической зависимости необходимо учитывать следующие аспекты:

наркотическая зависимость (как и любое другое психическое и соматическое расстройство) имеет адаптационный смысл и включена в систему личностно-средового взаимодействия;

наркотическая зависимость является сложной системой, в равной мере участвующей в процессах гомеостатической и гетеростатической направленности, поэтому анализ подобной вовлеченности на разных этапах развития проблемы и в разных психофизических состояниях должен определять выбор терапевтической и реабилитационной стратегии;

наркотическая зависимость в силу своего психогенетического родства с духовными практиками определяет своеобразный мотивационный и ценностный профиль пациента, сближающий его в некоторой степени с искателями духовного роста/развития;

психотерапевтическая коррекция упомянутого профиля требует соотнесения с личностным и социокультуральным контекстом.

Карпенко О.Н., Чумаков В.И. (Волгоград) **ВЗАИМОСВЯЗЬ ГЕНДЕР-ТИПА ИНДИВИДА**

С ПРИМЕНЕНИЕМ ПРАВДЫ И ЛЖИ В МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

В современном мире, индивиды практически ежедневно сталкиваются с обманом, будь то сокрытие истины для достижения собственных целей или же «во благо».

Если существует обман и ложь, то каковы факторы их возникновения, особенности реализации у мужчин и женщин? Существует ли взаимосвязь гендер-типа, пола с правдивостью/лживостью? И что в действительности стоит за понятием «правда»?

Цель статьи: выявление связи между гендером, частотой правдивых высказываний, ситуативностью и формой проявления лжи.

Задачи работы заключаются в выявлении:

факторов лжи у мужчин и женщин, связанных с их гендерными особенностями;

связи ситуативности и «благоприятных» условий для реализации лжи;

различных форм лжи в соответствии с верой в истинность или осознания ложности преподносимых фактов у мужчин и женщин;

эмоционального сопровождения лжи у мужчин и женщин;

связи гендер-типа, пола с частотой применения правды и лжи в межличностных отношениях;

проблемы понимания правды с различных точек зрения.

Следует отметить, что понятия «ложь», «неправда» и «обман» разнородны по своему содержанию, хотя в повседневной жизни понимаются как синонимы.

Так, под ложью понимают «заведомо лживые высказывания с целью кого-либо ввести в заблуждение...» (Зеньковский, 1996).

Обман – это полуправда, приводящая реципиента к ошибочным выводам из достоверных фактов, из-за умышленного утаивания необходимых для понимания сведений. Неправда, основываясь на неполноте информации, отличается от обмана тем, что говорящий искренно верит в то, что он говорит.

Основными причинами лжи у мужчин являются следующие:

предстоящая возможность показать себя в более выгодном свете;

стремление сохранить социальные отношения;

неуверенность в своем «истинном Я»;

ложь как способ привлечения к себе внимания, обольщения.

Основными факторами лжи у женщин являются:

стремление помочь, приводящее к «лжи во благо»;

обман, как способ сохранить социальные отношения;

боязнь показать свои «слабости», применяя ложь, как механизм защиты.

У мужчин ложь и обман чаще бывают ситуативными, чем у женщин. Это объясняется следующим:

мужчины точнее, чем женщины могут описать ситуации, в которых применяют ложь;

знают смысл и ожидаемый результат ее применения.

«Особую ложь», выражающуюся в преподнесении реципиенту реальных фактов, произошедших с другими людьми, выдавая их за собственные подвиги для привлечения к себе внимания, чаще в своем общении применяют мужчины. Для женщин более характерно умолчание, а также искажение информации в виде «приукрашивания».

Необходимо упомянуть о сложившихся стереотипах в восприятии и проявлении мужской и женской эмоциональности. Согласно им:

мужчины должны сдерживать свои эмоции, а женщины не будут осуждаться за проявление своих чувств;

существует разделение эмоций на «женские» и «мужские».

Таким образом, традиционно сложилось представление о большей эмоциональности женщин. Присущая женщинам высокая эмпатийность в общении часто срабатывает как фактор возникновения лжи. Многие исследования выявили, что женщины превосходят мужчин по склонности к плачу, по частоте, интенсивности и длительности его проявления. Женщины также больше, чем мужчины, стыдятся. Тревога за то, что придется испытывать стыд при раскрытии истины, чаще всего предостерегает их выдавать ложную информацию. В свою очередь, специфически «мужские» эмоции, наоборот, подталкивают их к реализации лжи.

Для изучения влияния гендер-типа, пола у субъекта межличностных отношений на частоту правдивых/ложных высказываний нами было проведено экспериментальное исследование, в ходе которого было опрошено 200 респондентов: 100 мужчин и 100 женщин, возрастные рамки которых были в пределах 18-25 лет.

В первой части исследования нами было выявлено:

андрогинность у 86% мужчин и 92% женщин;

феминность у 1% мужчин и 6% женщин;

маскулинность у 13% мужчин и 2% женщин.

Получив результаты второй части исследования, нами была выявлена следующая закономерность:

Андрогинность - у 47% мужчин наблюдается правдивость; относительную правду применяют в межличностном общении 26%; частые реализации лжи характерны для 13%. Эти данные расходятся с таковыми у женщин: у 60% отмечается правдивость; 26% применяют относительную правду; у 6 % отмечаются частые проявления лжи.

Маскулинность – у 10% мужчин отмечается правдивость; относительная правда наблюдается у 2%; лживость отмечается у 1%. У женщин: правдивость - 2%.

Феминность – у 1% испытуемых мужчин отмечается относительная правдивость. Однако у женщин с феминностью отмечается преобладание правдивости - 5%, относительную правду применяют 1%.

Обобщая наше исследование, следует указать, что говорят правду 59% мужчин и 67% женщин, относи-

тельную правду применяют 29% мужчин и 31% испытуемых женщин, к лживости склонны 14% мужчин и 6% женщин.

Затронув в рассмотрении лишь часть проблемы лжи и обмана, необходимо отметить, что они не смогли бы существовать одно без другого. Так что же такое «правда»?

Правду следует понимать как воплощение истины в жизни людей, включающее в себя психологические составляющие. Существуют гендерные различия и в понимании правды. Так, мужчины понимают под понятием «правда» суждения, в которых адекватно отражаются факты. Женщины зачастую «правду» связывают с понятием искренность.

Таким образом, подведем итоги нашей работы: Распространенная «мужская» точка зрения, выраженная Н.А.Бердяевым: «Женщины лживее мужчин...», несостоятельна, что доказывается фактами, приведенными в данной работе.

У мужчин чаще, чем у женщин ложь носит ситуативный характер, однако у женщин отмечается большая склонность к умалчиванию информации.

Сложившиеся стереотипы по поводу эмоциональной составляющей мужчин и женщин, а также их «идеального образа Я» в формировании межличностных отношений подталкивает к внутриличностному конфликту, ведущему к специфически «мужским» или «женским» эмоциям, являющимися одной из причин обмана.

Качанова Наталья (Минск) ПАРАДИГМЫ МЫШЛЕНИЯ: ПЯТЬ МОДЕЛЕЙ

«У многих людей, испытывающих трудности, развилась функциональная слепота в отношении своего собственного мышления. Они страдают не от того, что не могут решить свои проблемы, а от того, что не видят механизма их создания. Что еще более удивительно, создателем этих проблем является их собственный ум».

Джон Гарднер

В психологии и психофизиологии восприятия произведено такое количество исследований, что описание на их основании выводов и открытий составило бы несколько томов интересной и полезной информации.

Исследования ведутся на самых разных уровнях: морфофизиологическом, психофизическом, психологическом, теоретико-познавательном, клеточном, феноменологическом ("фонографическом" - К. Хольцкамп [5]), на уровне микро- и макроанализа. Изучаются филогенез, онтогенез восприятия, его функциональное развитие и процессы его восстановления. Используются самые разнообразные конкретные методы, процедуры, индикаторы. Получили распространение разные подходы и интерпретации: физикалистские, кибернетические, логико-математические, "модельные".

Но, как отметил Леонтьев, по признанию самых авторитетных исследователей, пока не существует никакой убедительной теории восприятия, способной охватить накопленные знания и наметить концептуальную систему. Это заявление до сих пор актуально.

В психологии восприятия, по существу, в неявной форме сохраняются физиологический идеализм, параллелизм и эпифеноменализм, субъективный

сенсуализм, вульгарный механицизм. Не ослабевает, а усиливается влияние неопозитивизма. Особенно большую опасность для психологии представляет редукционизм, разрушающий сам предмет психологической науки. В результатах работ, претендующих на широкий охват проблемы, торжествует откровенная эклектика. [1]

Подобное состояние теории восприятия при богатстве накопленных конкретных знаний свидетельствует о том, что сейчас создалась острая необходимость пересмотреть то принципиальное направление, в котором движутся исследования.

В этой статье мы не претендуем на предложение всеохватывающей теории, а предлагаем рассмотреть проблему восприятия с точки зрения проблемы психологии создания индивидуальной картины мира.

Если мы будем следовать по пути материалистического анализа, то неизбежно придем к ситуации, где внешний объективный мир (являющийся энергоинформационным потоком) контактирует с субъектом через ощущения и образы, производимые физическими органами восприятия. Мы будем исходить из того, что информация, существующая объективно, находит свое от-

ражение в субъективном ощущении человека, и как следствие, конструируется в человеческом сознании как индивидуальная картина реальности.

В этой статье мы обратимся к некоторым ментальным особенностям построения субъективной картины мира, намеренно опуская не менее важные телесно-физиологические и эмоционально-энергетические аспекты данного процесса. (Их рассмотрение – это тема отдельной статьи). Человек воспринимает и фильтрует внешний энерго-информационный поток, обрабатывает и анализирует полученные данные на основании устойчивой парадигмы мышления. Она может быть отражена в конкретной модели, которая дает возможность ее досконального изучения.

Парадигма (греч. Paradeigma) – способ восприятия, предположение, теория, система координат. Это своеобразная призма, через которую мы воспринимаем информацию из мира и о мире, анализируем и оцениваем ее, строим на основании сделанных оценок и выводов свое поведение во внешней реальности.

Это карта территории, но не сама территория. Значимость карты заключается в ее способности отобразить территорию, в нашем случае - объяснить реальность и, в дальнейшем, направить, т.е. задать четкие ориентиры для развития и осуществления деятельности. Ценность карты определяется результативностью ее использования. Результат движения по карте – это своевременное и точное достижение пункта назначения. Однако существует ловушка, когда неадекватное (нецелесообразное) использование той или иной карты (парадигмы) приводит к необоснованному разочарованию самой картой. Как если бы, желая совершить автомобильное путешествие, мы взяли бы в дорогу географическую карту с указанием расположения геотермальных источников этой местности. А затем, не найдя ни одного указателя на то или иное шоссе, выбросили бы карту как ошибочную. Заметим, карта – не ошибочная, а неадекватно использованная.

Итак, парадигма мышления предоставляет нам знания о том, как функционирует человек, основывая свою деятельность на заданном алгоритме ввода-вывода информации.

До перехода к основной сути статьи следует немного остановиться на определении самого мышления.

Мышление изучается в рамках различных научных дисциплин, что отражает важность и многообразие аспектов, характеризующих мышление. Категориальный ракурс рассмотрения мышления реализуется в гносеологии. Здесь мышление изучается с точки зрения категорий объективного и субъективного, чувственного и рационального, эмпирического и теоретического, конечного и бесконечного, прерывного и непрерывного и т.д. В логике устанавливаются действующие в мышлении законы, правила, формы, операции. Кибернетика рассматривает

мышление в связи с задачами технического моделирования мыслительных операций, создания устройств искусственного интеллекта. Языкознание изучает речевые формы реализации мыслительного процесса. Науковедение изучает мышление как историю, теорию и практику научного познания. Этология рассматривает формы и уровни развития мышления в животном мире, предпосылки возникновения и развития человеческого уровня мышления. Нейрофизиология изучает функционирование и морфологию нервного субстрата мыслительной деятельности. Эстетика анализирует роль и функции мышления в создании и восприятии художественных ценностей. Этот перечень, конечно, можно было бы и продолжить, но для нас важно в данном случае зафиксировать то, чем отличается мышление как предмет психологии от всех вышеперечисленных аспектов. Очевидно, что для того чтобы каждая из упомянутых отраслей знания могла бы изучать мышление, необходимо, чтобы оно сначала реализовалось как аспект (уровень) познавательной активности конкретного человека. Именно это и составляет предмет психологии мышления.

Мышление – это процесс отражения связей и отношений, недоступных непосредственному чувственному восприятию, сопровождающийся переживанием чувства собственности (понимания) ситуации. Принципиальное значение для характеристики мышления имеет оценка его результатов (продуктов) с точки зрения истинности, т.е. их соответствия действительности.

Следует различать структурно-функциональный аспект мышления (понятия "ум", "интеллект", "мысль") и процессуально-динамический аспект (понятие «Мышление»). В этом смысле можно сказать, что мышление есть процесс функционирования ума, интеллекта, процесс продуцирования и преобразования мыслей. Мысль в свою очередь – это структурная единица мышления. [4]

Философский анализ мышления устанавливает его многомерность и многоуровневость. Одним из наиболее принципиальных результатов является разграничение рассудочного и разумного мышления. Начало детальной разработке различий этих уровней положил И. Кант. Согласно ему "всякое наше знание начинается с чувств, переходит затем к рассудку и заканчивает в разуме, выше которого нет ничего для обработки материала созерцаний и для подведения его под высшее единство мышления". Основная функция рассудка – упорядочение и систематизация явлений. Рассудок, по Канту, привносит форму в знание, содержание которого составляют результаты чувственного созерцания. Рассудок всегда носит конечный, ограниченный характер. В отличие от этого разумное мышление стремится найти бесконечное, безусловное, абсолютное. Но, полагая абсолютное трансцендентным, разум впадает в неразрешимые противоречия.

Продолжив кантовскую линию разграничения рассудка и разума как двух ступеней рационального познания, Гегель противопоставил разум как бесконечное мышление рассудку как конечному мышлению. Конечность рассудка обусловлена тем, что он, фиксируя ограниченные определения мысли, не способен выйти за пределы их содержания. Рассудок обеспечивает устойчивость, определенность в деятельности мышления. Достигнув стадии разума, мышление делает своим предметом собственные формы, тем самым выступая как свободная, не связанная ограничениями спонтанная активность духа. [3]

Не углубляясь в продолжение философских размышлений о соотношении рассудка и разума, вернемся к теме статьи - парадигмам мышления.

Внешний энерго-информационный поток при столкновении с субъектом восприятия обычно проходит несколько «фильтров», (в том числе и ментальный

«фильтр»), в которых происходит отбор определенного количества и качества информации с целью выживания при взаимодействии с внешним миром. Объем и характер информации задается критериями функциональной организации «фильтров». Безусловно, в процессе «фильтрации» информация претерпевает определенные искажения, опущения и/или генерализацию. Исходя из определения парадигмы мышления как способа, с помощью которого субъект обрабатывает полученную отфильтрованную информацию, и представленных ниже моделей, мы в состоянии указать на характер этих информационных изменений. Полученные выводы помогут объяснить некоторые устойчивые тенденции поведения, которые зачастую являются неуспешными в той или иной сфере деятельности. При этом настойчивость клиентов в их использовании нередко поражает психологов и терапевтов. Консультационно-сопроводительная работа в этих случаях не приводит к видимому изменению в поведенческих реакциях.

Как сказал Кови: «Если вы хотите произвести незначительные, постепенные изменения и усовершенствования, нужно работать над методами, поведением или установкой. Но если нам нужно осуществить значительное, революционное усовершенствование личности, необходимо работать над ее парадигмами.» [2]

Мы предлагаем для рассмотрения четыре базовых модели, соответствующие четырем парадигмам мышления, в которых раскрывается познавательно-деятельностный аспект существования человека с учетом фактора времени:

Информационно-накопительная
Позитивно-практическая
Опытно-традиционная
Эмоционально-оценочная

Мы используем трехмерную систему координат: на оси абсцисс (горизонтальной оси, X) отображается объем теоретического знания, на оси ординат (вертикальной оси, Y) – объем практического знания (опыта), их пронизывает ось времени (t), на которой отображаются конкретные временные точки (t1), (t2), (t3).

Модель №1. Информационно-накопительная парадигма – карта, где значение придается теоретическому знанию в ущерб практическому. Основной лозунг – «Знать больше!», накапливая новые информационные данные, заполнять пробелы в выбранной плоскости знания. На профаническом уровне это может реализовываться в «маниакальном» увлечении кроссвордами или собирательстве коллекций, например, филателия. На высокоинтеллектуальном уровне подобный склад ума способствует приобретению разносторонних энциклопедических знаний в выбранной области. С учетом фактора времени развитие равно расширению площади теоретического знания.

Человек «знания»

«+» модели №1 – человек-теоретик, оценивает каждый день с позиции «узнал ли я какой-то новый интересный для меня факт?» Отсюда стремление к постоянному обучению. Подобные люди могут иметь несколько высших образований. Они – заядлые посетители различных познавательных семинаров, покупатели познавательной видео/аудио продукции и книг-энциклопедий (а также их замечательные составители). Человек хорошо оперирует понятиями, замечает их неполноту или несоответствие использования, способен заполнять «белые пятна» знания в выбранной области. Такой человек востребован в теоретической науке и преподавательской деятельности. Человек «воздуха»: рождение идей зачастую происходит благодаря приобретению дополнительной информации, иногда не связанной напрямую с решаемой проблемой. Это лидер-вдохновитель и идеолог.

«-» модели №1 – у человека присутствует ощущение «неготовности». Он субъективно не готов к практи-

ческой реализации приобретенного знания (будь то предложение прочитать лекцию, провести занятие, продемонстрировать навык). Ему кажется, что если он затратит еще какое-то время на теоретическую подготовку, то у него появятся силы для успешного выступления. Ошибочность подобного подхода в иллюзорности связки «теория–реализация». Этот механизм работает в варианте «теория-действие-практика-реализация». Такой человек непрактичен в вопросах материального, бездеятелен, строит «воздушные замки», «пустозвон». Знания могут иметь поверхностный, хотя и разносторонний характер. Со временем площадь знания увеличивается, а вместе с нею увеличивается площадь соприкосновения с пространством «незнания»: «Я знаю, что я ничего не знаю», «Знание увеличивает печали», «Горе от ума»...

Модель №2. Позитивно-практическая парадигма – карта, где значение придается практике, причем личным конкретным действиям, а не заимствованному опыту. Основной лозунг – «Выше, дальше, быстрее!». Направленность внимания в будущее поддерживается позитивной установкой на успех и ощущением «вечной молодости». Эта парадигма максимально реализована в «западном» мышлении, где в каждый момент времени независимо от прошлых событий и накопленного опыта вам предлагают начать мыслить позитивно прямо сейчас. Максимально реализуется в бизнесе от уровня предпринимателя-одиночки до владельца большой корпорации. С учетом фактора времени развитие равно достижению больших результатов в конкретной сфере деятельности по сравнению со вчерашними показателями.

Человек «действия»

«+» модели №2 – человек-деятель, оценивает каждый день с позиции сравнения «что я сделал лучше/больше, чем вчера?» Отсюда стремление к постоянному личному достижению. Подобные люди оптимистичны и энергичны, «молоды душой» вне зависимости от возраста. Эффективны в соревновательной деятельности, причем, могут соревноваться с кем-то или с самим собой. Такой человек обладает стремительностью и волей спринтера – бегуна на короткие дистанции. Человек «огня»: способен зажигать в других пламя веры благодаря собственной непреклонной воле к действию. Быстро принимает решения, действует без сомнений. Это лидер-воин, совершающий решающий бросок, готовый в любой момент к подвигу. Большой запас «юношеского» позитива является неоспоримым преимуществом на трудных участках жизненного пути. Подобные люди востребованы в спорте, в армии, на начальных этапах в бизнесе. Их мотивируют маленькие и большие количественные достижения.

«-» модели №2 – маленькая площадь теоретических знаний (т.к. теории презираются): «каждый раз как в первый класс». Действия могут иметь повторяющийся характер без учета предыдущего опыта: «биться головой о стену, хотя дверь – рядом». При условии большой витальности данный подход все равно принесет результаты – стена не выдержит. Однако при снижении уровня энергии не помогут даже позитивные установки. Подобный подход в деятельности обречен достигнуть своего «физического» потолка: телесные или временные возможности, например, «в сутках только 24 часа!». Не учитывает эмоциональные реакции, способен «идти по головам», что приводит к социальному вакууму победителя. В «мирное время» такой человек остается не удел, затухает. Монотонные каждодневные действия не оцениваются им как результативные. Невозможность сегодня достигнуть большего, чем вчера формирует субъективное ощущение неудачи и личного краха.

Модель №3. Оптивно-традиционная парадигма – карта, где значение придается практическому опыту, как личному, так и заимствованному. Основной лозунг –

«Строить будущее, опираясь на традиции прошлого». Эта парадигма максимально реализована в «восточном» мышлении, в стремлении мудро использовать опыт предыдущих поколений, постепенно переводя количественные показатели в качественные. Это мышление «мудрой старости», мышление «авторитетного аксакала». Максимально реализуется в традиционной передаче профессии «по наследству», преподавании ремесел или конкретных навыков. С учетом фактора времени развитие равно повышению качества мастерства в избранной сфере деятельности.

Человек «дела»

«+» модели №3 – человек-практик, обладающий конкретными практическими знаниями и опытом, оценивает каждый день с позиции «в каком своем умении я стал более совершенен?». Способен на постоянные монотонные действия, усидчив, ответственен, обладает выносливостью и волей стайера – бегуна на длинные дистанции. Подобные люди устойчивы благодаря наличию субъективной опоры на жизненный опыт. Человек «земли»: фундаментален, крепок, основателен. Такие люди молчаливы, но если говорят, то их слова обладают весом за счет конкретных навыков, которыми они искусно владеют. Лидер-правитель, устроитель, организатор. Такие люди востребованы в практических областях человеческой деятельности, на производстве, во властных органах. Считаются мастерами своего дела и талантливыми учителями: даже если не могут объяснить теорию, то всегда смогут научить практике.

«-» модели №3 – серьезность может перерасти в озабоченность, ответственность в перенапряжении, традиционность в догматичности. Подобные люди уже все испытали, все познали, в крайнем случае, знают, что другие вместо них уже познали. Их характеризует общее состояние скуки: «мудрость» становится «старостью». Есть отношение к происходящему в контексте «ничто не ново под луной», «все новое – хорошо забытое старое». Этим людям не свойственно удивляться и с энтузиазмом реагировать на предложение новых переживаний. Подавление эмоциональности приводит к тяжести, зажатости и сухости. Жизнь вместо увлекательного путешествия становится похожа на пересмотр старых выцветших фотографий.

Модель №4. Эмоционально-оценочная парадигма – карта, где максимальное внимание сосредоточено на эмоциональном отношении к происходящему с человеком. Следует уточнить – не переживанию, а отношению, т.к. мы рассматриваем особенности именно ментального восприятия, а не эмоционального. Основной лозунг – Эта парадигма помогает объяснять наличие жизненных циклов (прилив-отлив, подъем-спад, день-ночь, победа-поражение и т.д.). Это мышление оценки, когда каждое событие проходит через призму отношения, приобретаая привкус той или иной испытываемой эмоции. Оно делает человека восприимчивым и способным на эмпатию. Максимально реализуется в кругах творческой элиты, где даже эксцентричная форма проявления издержки профессии воспринимается как издержки профессии. С учетом фактора времени развитие равно выбору действий, которые соответствуют положительной оценке, а в дальнейшем, приобретению «философского» взгляда на жизнь: «не радости без печали», «была черная полоса – будет и белая».

Человек «настроения»

«+» модели №4 – человек восприимчивый и чувствующий, способный с разных позиций рассмотреть ситуацию, что максимально применимо в решении конфликтов и недопонимания. Оценивает каждый день с позиции: «что хорошего произошло сегодня со мной?» Речь этих людей эмоционально-насыщенная и обычно достигает сердца людей, хотя и обращена к разуму. Их оратор-

ское искусство состоит в умении преобразовать личное эмоциональное состояние в словесную форму выражения. Человек «воды»: интуитивен, гибок в мышлении, способен принимать любую форму, отражать происходящее вокруг через характер своей деятельности. Лидер-помощник, друг. Такие люди востребованы в искусстве, творческой деятельности, в социальных и «помогающих» профессиях.

«-» модели №4 – быстрая смена оценок из-за изменения эмоционального фона. Если человек занимает руководящий пост, то отдает противоречивые указания в угоду человеческим отношениям, которые зачастую не вызваны потребностью производственного процесса. Человек не принципиален в своих оценках, подвержен влиянию более сильных и устойчивых личностей. Легко вскипает, легко остывает, размыто представляет перспективы развития и склонен строить жизнь «от момента к моменту». Их отношение к происходящему может выражаться во фразах: «все течет, все меняется», «жизнь как американские горки», «много смеешься – будешь плакать», «пережили голод – переживем и изобилие».

Итак, мы продемонстрировали и кратко описали четыре базовые парадигмы мышления, благодаря которым индивид конструирует образ своей реальности из отфильтрованного количества информации. Каждая из них имеет очевидные плюсы и не менее очевидные минусы, особенно в приложении к конкретным областям человеческой жизнедеятельности. Мы склонны считать, что способность человеческого сознания развиваться подразумевает под собой также трансформацию «фильтров восприятия»: их расширение; минимизация искажений за счет очищения и уменьшения границы между реальностью внешнего и внутреннего; увеличение скорости и объема обрабатываемой информации; приобретение разнообразия подходов в анализе поступающего информационного потока.

Эйнштейн говорил об этом так: «Те важные проблемы, с которыми мы сталкиваемся, не могут быть решены на том же уровне мышления, на котором мы находились, когда их создавали». Успех подобного решения обуславливается двумя факторами:

Существованием определенного множества карт (парадигм), в пределах которых и осуществляется выбор: поступательное накопление и освоение (предлагаемый нами порядок накопления и его аргументация описаны в отдельной статье)

Возможностью совершить этот выбор – «отречься» от привычно-используемой модели и «войти в лоно» новой концептуальной идеи о реальности

В этом случае мы сталкиваемся с понятием «ментальной свободы». Возвращаясь к философскому пониманию мышления, мы можем заключить, что «ментальная свобода» или свобода разума от рассудка (по Канту и Гегелю) имеет место тогда, когда мы не пытаемся привычным для себя способом мышления подтвердить разворачивающуюся реальность. Это способность диссоциироваться от привычного образа реальности (в т.ч. и оценки себя и своего места в ней) и возможность войти в переживание нового качества мира через смену парадигмы мышления.

В нашем понимании **пятая парадигма** мышления может носить название **сознательно-конативной** (от англ. conation – способность к волевому движению). Она представляет собой мета-системную организацию мышления, где при наличии базовых моделей и навыке их использования индивид способен сознательно выбирать самую адекватную модель для взаимодействия с миром благодаря механизмам волевой регуляции.

Воля – это психический механизм координации и субординации потребностей (мотивов), актуализируемых наличной ситуацией и регулирующей соотношением от-

дельных акций (операций, образов) в процессе достижения поставленной (принятой) цели.[4]

При характеристике волевых процессов следует разграничивать два близких по смыслу понятия: целенаправленность (целеустремленность) и целесообразность. Волевая активность целенаправленна, тогда как другие формы активности человека и животных: рефлекторные действия и инстинктивное поведение, пусть даже очень сложные по своей структуре, могут квалифицироваться только как целесообразные. Если целесообразные формы поведения соответствуют видовому опыту, стереотипны в своем осуществлении, то целенаправленная активность индивидуально-вариативна. В различии и родстве целесообразных и целенаправленных форм активности – одно из оправданий использования термина "конативный".

Деятельность человека становится целенаправленной, когда образ его реальности (целиком или частично) соответствует его потребностям. В этом случае наблюдается стремление к достижению поставленных целей в рамках ценностной иерархии данной картины мировосприятия. Образ реальности в качестве цели предстоящей деятельности должен быть не только сформирован, но и удержан в процессе реализации деятельности. В этом случае цель – это регулятор движения, который координирует и выстраивает в иерархическом порядке отдельные действия и операции на пути достижения цели.

Благодаря воле человек в состоянии удерживать образ предстоящей деятельности, отказываясь от множества альтернатив и противостоя дезорганизующим факторам. Определение природы воли, ее места в структуре человеческого бытия, составляет одну из постоянно актуальных задач на протяжении всей истории философии и теоретической психологии. Эта задача часто представляла в форме вопроса о свободе воли, хотя сами понятия "свобода" и "воля" в значительной мере совпадают. Свобода есть способность субъекта к самоопределению своей активности, а воля есть механизм такого самоопределения. Практический аспект вопроса о свободе воли связан с вопросом о мере ответственности человека за свои действия, с указанием признаков и условий формирования его правоспособности и дееспособности.

Свободный человек – это не освобожденный от каких-либо ограничений и норм в своей деятельности и поведении, а человек, чьи принципы поведения избраны им самим. Свобода воли – это тот аспект психической реальности, который обеспечивает возможность реализации такого поведения. Согласно И.Канту, человек как разумное существо, принадлежащее интеллигибельному (умопостигаемому) миру, обладает свободой воли, но в эмпирическом мире, где господствует естественная необходимость, он несвободен в своем выборе, воля его причинно обусловлена. [3]

Сознательно-конативная парадигма мышления подразумевает под собой сознательный выбор и ответственность, наличие принципов и смыслообразующих ценностей, которые имеют в своей основе духовную идею; поддерживаются каждодневной дисциплиной; кристаллизованы опытом; пропущены «через плавление человеческого сердца». Она не имеет ничего общего с использованием «стратегии хамелеона», где выбор той или иной «карты» совершается в угоду личным желаниям или диктуется внешними обстоятельствами.

И здесь наше внимание сосредотачивается не столько на «рассудочных» способностях человека, а на состояниях его «разума» - свободной, не связанной ограничениями привычной парадигмы мышления спонтанной активности духа. Именно ее активизация представляется нам высшей целью развития, в том числе и ментального. Согласно принципу "конечных причин" (causa finalis) иде-

ально постулируемая цель предвосхищает конечный результат, оказывает объективное воздействие на ход реального процесса.

С точки зрения практического применения данной модели мы можем по-новому выстраивать процесс работы с ментальным восприятием клиентом своей проблемной ситуации:

Диагностика используемой парадигмы мышления в описании своей проблемы и предполагаемой динамики ее развития.

Ознакомление клиента с существующими вариантами восприятия данной ситуации и жизнедеятельности в целом.

Поступательное приобретение и освоение других моделей мышления с одновременным ментальным практиком описания своей проблемы через призму каждой из изученных моделей.

Помощь клиенту в осознании гипотетической необходимости трансформации личного концепта «Я»

клиента в случае избрания им другой парадигмы мышления для оценки реальности.

Сопровождение и поддержка клиента в ходе его переосмысления себя, своего места и жизненной позиции, если этот процесс будет запущен предыдущими действиями.

Безусловно, каждый пункт этой схемы подразумевает под собой его практическое освоение специалистом, проводящим консультацию. Ведь сам процесс психологической работы является своеобразным путешествием по психической реальности, предполагает использование «карты», иногда требует ее замены или расширения имеющегося набора. А это неизбежно влечет за собой личностную трансформацию самого «проводника», его взглядов, позиции и привычной формы поведения. Чудо терапии зачастую происходит благодаря прорыву «проводника» за ограничения своей личности в пространство «спонтанной активности духа».

Кондрат Е.Н. - Санкт - Петербург, Миронова Т.И. - Кострома. ДЕТЕРМИНАНТЫ ГЕНДЕРНОЙ ДЕЛИНКВЕНТНОСТИ В МОЛОДЕЖНЫХ ГРУППАХ.

Издается при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 08-06-00-393а

К основным детерминантам противоправного поведения нами были отнесены, в частности, направленность личности, ее самооценка, социальные условия, вызывающие противоправное поведение, а также агрессивность поведения. Отдельные из этих детерминант уже были рассмотрены и подвергнуты подробному анализу в предыдущих параграфах данной работы.

В связи с необходимостью более репрезентативного изучения детерминант противоправного поведения, нами была предпринята попытка их дифференцированного изучения с выделением неспецифических и специфических детерминант. К первым были отнесены социально-психологические предпосылки и правовая компетентность исследуемых, а ко вторым – личностные предпосылки гендерной делинквентности.

Анализ выявленных нами в ходе эмпирических исследований неспецифических детерминант гендерной делинквентности в молодежных группах свидетельствует о неоднозначности их проявления в исследуемых группах. Так, в мужских группах делинквентности в большей степени сопутствовали состояние нетрезвости (опьянения) – 35-46 % случаев, неосознанность правонарушений – 55 %, автоматизм (56 %), нужда, бедность (15-30 %). Последняя детерминанта у мужчин имеет убывающую тен-

денцию. В группе мужчин 25-29 лет она вдвое снизилась по сравнению с представителями группы мужчин 17-24 лет. В то же время алкогольная обусловленность делинквентности, напротив, возрастала.

В женских группах предпосылки делинквентности характеризовались несколько иными количественными проявлениями. В первую очередь, обращает на себя внимание низкая выраженность исследуемых детерминант в женских группах (17-24 лет).

Наряду с наличием фактов юридической некомпетентности (12,9 %) и деструктивного влияния семьи (4,3 %), в данной группе показатели неосознанности и алкоголизации были в два раза ниже по сравнению с мужской группой, а делинквентность на уровне привычки, стереотипности была ниже в 7 раз. Вместе с тем в женских группах обращает внимание такая негативная тенденция, как существенное возрастание всех предпосылок делинквентности в группах 25-29 лет. Наибольшую выраженность у представителей данной группы имели нужда, бедность (43 %) и состояние опьянения, нетрезвости (52 %). Очевидно, алкогольная компенсация материальных затруднений в женских группах оказывается более криминальной, чем в мужских группах. Более низкие количественные значения социальных условий, необходимых для законопослушного поведения в данных группах, подтверждает это предположение.

Корниенко А.Ф. (Казань) ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПОСТРОЕНИЯ ИНТЕГРАТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ

В настоящее время в психологии наблюдается широкое внедрение понятий "интеграция", "интегативность" и образуемых на их основе словосочетаний "интегативный подход", "интегативность психики, сознания, личности", "интегативная психология", "интегативная психотерапия", "интегативная методология", "интегативные психотехнологии" и т.д. Введение и использование указанных понятий и словосочетаний обосновывается необходимостью в преодолении непрекращающегося в психологии методологического кризиса и углубляющегося психологического схизиса. Интегативная психология представляется как новая психологическая наука, которая позволит объединить две автономно развивающиеся в последнее время ветви психологии – теоретическую психологию и психологическую практику.

До последнего времени психологическая практика и психологическая наука жили да и сейчас живут, как отмечает Ф.Е. Василюк (1996), "параллельно жизнью как две субличности диссоциированной личности". Однако вряд ли стоит утверждать, что у них "нет взаимного интереса". Хотя они действительно поклоняются разным "богам", успех в развитии одной из них во многом определяется уровнем развития другой. Если взять теоретическую психологию, то в стремлении к постижению сущности психологической реальности в ее многообразных формах проявления ей никак не обойтись без результатов психологической практики. Именно психологическая практика является источником того многообразия психических явлений, описать, объяснить и предсказать которые призвана теоретическая психология. Содержание и смысл вводимых в психологическую науку понятий и разрабатываемых

мых теоретических концепций подлежат не только теоретическому, но и эмпирическому обоснованию, в частности, проверке в различных видах психологической практики. В свою очередь, психологическая практика, будучи озабоченной оказанием практической психологической помощи каждому отдельному человеку "здесь и сейчас" (а заодно и решением финансовых проблем тех, кто ею занимается), не может не опираться на положения теоретической психологии. Любой практический психолог уже на стадии формулирования психологической проблемы, на решение которой должна быть направлена психологическая практика, вынужден использовать базовые термины и понятия, принятые в теоретической психологии, такие как психика, мышление, сознание, личность, сознательное и бессознательное, эмоция, переживание, деятельность и т.д. То, как они трактуются и насколько хорошо проработаны в теоретическом плане, существенным образом определяет и порядок организации психологической практики, и совокупность инструментально-методических средств ее реализации.

Однако теоретическая психология, как оказалось, не в состоянии предложить психологической практике необходимые для нее непротиворечивые и в достаточной степени операционализованные психологические понятия. Более того, среди психологов до сих пор нет общепринятых определений основных как для теоретической так и практической психологии понятий "психика" и "сознание". Все прекрасно понимают, что психика и сознание как психические явления существуют, но мало кто может дать внятный ответ на вопрос о том, что это такое. Всем известно определение психики как субъективного отражения объективной действительности, во-первых, таутологично, во-вторых, излишне обще. В определении психики как особого свойства мозга недостаточно определенным оказывается "особость" этого свойства. Попытка Н.И. Чуприковой (2004) уточнить специфику психики и психического процесса не выходя за рамки материалистического монизма, свелась к тому, она поделила мозговые нервные процессы на два класса и к одному из них отнесла психические процессы на том основании, что они выполняют функцию отражения. Так психические процессы в определении Н.И. Чуприковой стали, пусть и особыми, но все же нервными процессами. Точно также И.П. Павлов полагал, что психические явления – это всего лишь более сложные процессы высшей нервной деятельности, за что его, собственно, и критиковали.

Что касается сознания, то под ним обычно понимается высшая форма психического отражения, высший уровень развития психики. Однако, несмотря на то, что развитие психики обычно соотносится с развитием познавательных психических процессов (ощущение → восприятие → мышление), сознание как высший уровень развития психики оказывается вынесенным "за скобки" не только познавательных, но и вообще психических процессов. Оно рассматривается как некоторое интегративное образование, в котором особым образом интегрируются все психические процессы. Однако каким образом они "интегрируются", и в каком соотношении остается невыясненным. В результате понятие "сознание" часто используется просто как синоним понятия "психика".

К типичным в отношении сознания высказываниям можно отнести высказывание В.М. Апплахвердова (2003): "О чем, собственно, идет речь, когда мы говорим о сознании, на самом деле никому не известно". Аналогичного мнения придерживался и известный философ М. К. Мамардашвили (1982): "сознание есть нечто такое, о чем мы как люди знаем все, а как ученые не знаем ничего". Однако отсутствие научного определения понятия "сознание" не мешает психологам использовать его как в психологической практике, так и в науке, в том числе, при определении других психологических понятий. Показательным

примером того, что из этого получается, может служить определение понятия "осознание", которое дается в работе А.Ю. Агафонова (2007). Полагая, что осознание есть "конечный результат, интегральный психический продукт активности сознания", А.Ю. Агафонов пишет: "любой осознаваемый эффект есть следствие неосознаваемой деятельности сознания". И деятельность эта, по мнению автора, заключается в принятии сознанием решения об осознании. Получается, что осознание есть результат деятельности сознания по принятию решения об осознании, которая осуществляется сознанием неосознанно!!! Как можно такое "научное" определение осознания использовать в психологическом исследовании или психологической практике?

Учитывая, что в психологии существуют проблемы в определении не только понятий "психика", "сознания" и "осознание", но и многих других понятий, складывается ситуация, которую В.В. Козлов охарактеризовал следующим образом: "ничтожество наших научных психологических знаний, с одной стороны, и безбрежная область практической психологии, с другой". Что остается делать в такой ситуации практическим психологам? Конечно же, брать инициативу в свои руки и хоть как-то определять то, что не могут определить представители науки. Несомненно, получается далеко не лучшим образом, но зато можно начинать психологическую практику. Поскольку клиенты, которым оказывается психологическая помощь, не столь искушенные в тонкостях и проблемах научной психологии и они их, в общем-то, и не интересуют, то самобытных теоретических построений практического психолога, как правило, бывает вполне достаточно как для проведения психологической практики, так и для обеспечения положительного эффекта. Наличие у практического психолога теоретической модели придает ему уверенности в том, что он все делает правильно, а его уверенность порождает уверенность клиента в том, что психолог знает, что делает, и он ему поможет. Клиент не задумывается, например, о корректности представленной о "слоистом строении сознания", о "молекулах", "уровнях" или "регистрах" сознания, о том, что переживание, определяемое как деятельность, является одновременно и процессом, "протекающим по четырем связанным между собой каналам". Не будучи специалистом в области психологии, он доверяет психологу. Собственно, от него больше ничего и не требуется.

Вместе с тем, многие практикующие психологи хотя бы большего, они озабочены действительно научным, а не наукообразным обоснованием своей психологической практики. Они стремятся навести мосты между практической и теоретической психологией. Их искренне волнует судьба психологии как единой науки, в которой теория и практика должны гармонично сочетаться, взаимно дополняя друг друга. Однако современная академическая научная психология в силу ее разобщенности на отдельные научные школы, каждая из которых характеризуется высоким уровнем амбициозности, оказалась не готовой к такой интеграции. Да, собственно, и психологов, которых занимают фундаментальными методологическими проблемами научной психологии, становится все меньше и меньше. Уж очень это не благодарное занятие. Ведь нужно вступать в единоборство с теми, кто создавал и закладывал тот фундамент, на котором стоит и продолжает строиться здание современной психологической науки. А это С.Л. Рубинштейн, Л.С. Выготский, П.К. Анохин, А.Р. Лурия, П.Я. Гальперин, А.Н. Леонтьев, К.К. Платонов, М.Г. Ярошевский, А.В. Петровский, Б.Ф. Ломов, Н.И. Чуприкова, В.П. Зинченко и многие другие. Одна мысль о том, что кто-то из них в чем-то может быть не прав, и уж тем более в фундаментальных методологических вопросах, в среде академических психологов априори будет расценено как кощунство. Поэтому выдвижение

новых фундаментальных идей следовало бы ожидать со стороны представителей практической психологии. И эти идеи ими выдвигаются. Другое дело, каков их научный уровень и научный потенциал. Практический психолог, занимаясь психологической практикой, как правило, самодостаточен. У него нет особых обязательств перед академической наукой и академическими психологами. Будучи гуманистом и не обременяя себя излишними знаниями естественных наук (физики, биологии, нейрофизиологии), а также математики и математической логики, он в доступной для себя и для клиента метафорической форме, или, выражаясь словами А. Маслоу, "в возвышенном поэтическом или свободно-ассоциативном стиле" излагает "новые", "альтернативные" подходы к пониманию психики, сознания, личности и методам психологического воздействия. Фактически в рамках практической психологии начинает развиваться своя теоретическая психология в дополнение, а может и в противовес традиционной академической. И за этой новой психологией закрепляется наименование "Интегративная психология".

Как же видят "Интегративную психологию" сами практические психологи? Как отмечает В.В. Козлов, понятие "интеграции" было введено в обиход европейской психологии К. Юнгом, который понимал под интеграцией осознание конфликта между фрагментами сознания и принятие конфликтующих сторон как равных по значимости. Понимание интеграции с позиции З. Фрейда означает, по мнению В.В. Козлова, "принятие и осознание того материала психической реальности, который изгонялся из сферы Эго в бессознательное при помощи защитных механизмов". Как видим, данное понимание интеграции несколько отличается от того, что мы имели в виду, говоря о недопустимости психологического схизиса и необходимости восстановления единства теории и практики в психологии. Интеграция в понимании К. Юнга и З. Фрейда озна-

чает, скорее, расширение области психической реальности, изучаемой психологией, нежели объединение различных ее ветвей.

Иногда под флагом интеграции звучат призывы к установлению связей психологии с другими отраслями наук, занимающимися изучением человека и особенностей его жизнедеятельности, а также с парапсихологическими и мистическими учениями, с религией и различными духовными практиками. И такой конгломерат различных подходов, концепций и мировоззрений также предлагается обозначать понятием "Интегративная психология". Однако не является ли использование понятия "Интегративная психология" в данном случае лишь модной этикеткой, предназначенной для "завлечения" в ряды клиентов практических психологов более широких слоев населения? Показательным в этом плане является определение "Интегративной психологии" на сайте <http://spb.samoroznanie.ru/>. "Интегративная психология - это открытое пространство, которое создает уникальные условия для слияния воедино имеющихся на сегодняшний день психологических подходов к развитию и обогащению личности, пребывание в котором позволяет человеку обрести и поддерживать целостность своей жизни". Где здесь наука психология? Это не более чем рекламная эклектика.

Если психологи-практики и психологи-теоретики хотят взаимного сближения своих позиций, выхода психологии из кризиса, устранения схизиса и воссоздания единства науки, именуемой "Психология", зачем вводить новое наименование "Интегративная психология"? Может достаточно "интегративного подхода" и "интегративной методологии"? С другой стороны, чем плох системный подход или комплексный, или, например, "синергетический"?

Королев А.Ю. (Нижний Новгород)
ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ КАРТ МЫСЛИТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В
ХОДЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО
КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ ПО НАПРАВЛЕНИЮ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО
ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА, БИЗНЕСА И
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Методика может быть применена в оперативной психологии, психологии чрезвычайных ситуаций, психодиагностике с использованием метода компьютерного психосемантического анализа (КПСА), психологическом обеспечении безопасности человека, бизнесе и предпринимательской деятельности.

Метод ставит перед собой следующие задачи:

- знакомство с отдельными аспектами психологического обеспечения безопасности бизнеса;
- изучение эффективных способов фиксации данных;
- расширение мыслительных возможностей;
- обретение практических навыков по составлению карт мыслительного процесса (КМП);
- приобретение навыков и умений, необходимых для

- принятия решений с использованием КМП;
- планирование занятия с помощью КМП;
- изучение роли программы «Психологическое обеспечение безопасности...» в картах мыслительного процесса;
- изучение риска нестандартного информационного воздействия;

использование групповых (коллективных) КМП для сплочения группы, повышения эффективности ее функционирования в части принятия наиболее выгодного решения, в том числе в условиях нештатной ситуации;

Мы обобщили практическое использование КМП при организации групповых и индивидуальных консультаций на курсах: МВА, «президентская программа», а также в корпоративных программах.

Косов А.В. (Калуга)
ЭКОЛОГИЧНОСТЬ МИФСОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Представление о мире является фундаментальным условием психической жизни субъекта, проявляющимся и закрепляющимся в любой из ее конкретных сфер, а изучение и описание структурных и функциональных единиц представлений состоит в выделении тех феноменов и процессов, являющихся и/или становящихся психологическими способами представления мира в психике индивида. Психика индивида включает в себя самые разнообразие «архетипы», но все они, согласно К.-Г. Юнга, имеют архаический характер и являются своего рода выражением искомого образа, воспринимаемого лишь интуитивно, и благодаря деятельности бессознательного проявляющегося в виде различных религиозных и околорелигиозных представлений и видений.

На понимание феномена современного человека достаточно сильный отпечаток накладывает и происходящий прорыв в неизвестное в сфере культуры, причем глобальный кризис, охвативший человечество, свидетельствует о смене и активной трансформации культуры. При этом необходимо учитывать, что религия (по В. Налимову) новые смыслы дать не может, т.к. все официальные конфессии историей своей погружены в далекое прошлое.

По мнению М. Элиаде, секрет мифосознания в цикличности времени в священном мифе, т.к. одно из наиболее характерных свойств образа мифологического действия – повторяемость, серийность. Любое практическое действие в мифологической картине мира, так или иначе, укладывается в рамки некоего эталонного действия (шаблона), весьма временно или пространственно удаленному от субъекта. Роль архетипа - не в определении границы разрешенного/неразрешенного, ведь в мифомышлении целенаправленное осмысленное действие возможно только через воспроизведение наличествующего в восприятии образца – несоответствующее архетипу, не имеет смысла и несовершенство.

Обращение к дискурсивным практикам сознания подразумевает обращение к проблеме языка и текста, а т.к. любое повествование - род социальной (языковой) деятельности, любое исследование сознания характеризует культуру и общество. При этом способ дискурса определяет картину мира и отношение общества к нему. Всегда наличествует «зазор» между конкретной речевой практикой и собственно мифом, т.к. реальный текст, записанный и интерпретированный современным исследователем, неизбежно рационализируется, но, будучи отчужденным продуктом сознания, текст может быть манифестацией мифосознания, но не мифом. Т.о., становится возможным судить о механизме функционирования мифосознания по отдельным его проявлениям, конечно же, учитывая универсальный характер мифа и то, что его проявления пронизывают все аспекты жизни человека и общества. Мифосознание не нуждается в письменной фиксации предмета изложения, т.к. он существует именно в момент трансляции (передачи информации от рассказчика к слушателям). Сюжет и жанр являются служебными понятиями, а изучаемой структурной единицей практически неизбежно оказывается мотив, притом, что существование мифа с его многочисленными инвариантами и метаморфозами – комбинации и рекомбинации мотивов, образующих сюжет.

В мифе – как событии различия и последующего отождествления-идентификации явленный сущий определенностей, – осуществляется превращение хаоса в космос, в упорядоченное, организованное целое. Порядок рассматривается как священный, как абсолютный – происходит сакрализация определенного ансамбля установленных архетипов, легитимирующих все сферы смыс-

ложившей активности. При этом конфигурирование элементов осуществляется в совокупности различных измерений экзистенциальной целостности – во временном (прошлое, настоящее, будущее), модальном (возможное, действительное, необходимое), смысловом (созерцаемом, мыслимом, переживаемом), языковом (знаковом и дискурсивном) и структурно-онтологическом измерениях (бытие как абсолют, феноменация и небытие, абсурдное и непомышляемое). При этом сложная конфигурация концентрируется в доступной пониманию схеме – миф в результирующей форме повествования выражает порядок мира и претворяется в магическое действие как средство покорения непостижимого в своей последней глубине бытия. Миф – субстанциализируемая на экзистенциальном уровне образность, гипостазирование определенной конфигурации опыта сознания как предельной, единственной и претендующей на тотальность.

Ускользающая природа мифического улавливается в конфигурации первичного, парадигматического опыта сознания и события знания, задающего контуры смысло-жизненного единства, синкретизиса созерцаемого, переживаемого, мыслимого и желаемого, воображаемого и действительного. Имагинативный и символический характер мифа обнаруживается лишь в перспективе сравнительного исследования и рефлексивного самоосмысления оснований онтологий. Мифический способ самоидентификации - процесс становления образцовых идентичностей во взаимодействии внутреннего и внешнего, как порождения смысла в его внутрионтологической инвариантности. Генеалогия – не только воплощение принципа «вечного возвращения» (воспроизведение архетипа, образа первопрародка в конкретном человеке), но и превращение квазивременной последовательности мифологического повествования в реальную причинно-следственную цепь событий. Культурный герой - выразитель коллективного «Я» (родового), что объясняет значимость его действий и поступков, всегда неслучайных. Мифологическая традиция создает уникальное, неповторимое, манипулируя переживаниями, сохраняя одни из них, преобразуя до неузнаваемости другие, предавая забвению третьи. Мифологический рассказ неизбежно несет на себе отпечаток индивидуальности нарратора. Мифологическая генеалогия позволяет решить проблему соотношения транслятора мифов с самой мифологической традицией, т.к. компонента повествования фактически включает нарратора в структуру мифа, делая его логическим завершением повествования, и это позиционирование образует неразрывное единство акта первотворения (всеобщего первоначала), образца (идеала), совокупности событий, генетически связанных с первоначалом и образующих цепь взаимопорождающих друг друга явлений, и рассказчика. Так формируется историческая тотальность, обеспечивающая единство объекта и субъекта дискурса.

Мифосознание - способ осмысления человеком мира и социальная практика, своеобразная структура, позволяющая человеку наполнить свой мир смыслом, выйти за рамки индивидуального существования и преодолеть ситуацию отсутствия самоидентичности, интерпретирующая смену типа смыслополагания как трансформацию элементов структуры (притом, что структура не абсолютна, зависима контекстуально и социокультурно обусловлена). Мифосознание, в первую очередь, социокультурная практика, притом, что мифическое, именно как опыт сознания, участвует в формировании и структурировании локальных жизненных миров, интенциональных идентичностей и коммуникативного пространства интеракций (бытие-друг-с-другом).

**В ТРАНСПЕРСОНАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ С. ГРОФА)**

Духовный кризис – как много раз мы о нем слышали, читали, думали. Как часто читая очередную статью, книгу о нем, мы находили у себя похожий набор симптомов, ловили себя на мысли, что все это мы когда-то чувствовали. Так что же это такое Духовный кризис? Существует такое количество мнений, написано такое количество книг, казалось бы данная проблематика исчерпана в полном объеме, но это не так. Каждый раз взрыхляя эту почву, мы находим новые ростки концептуальных идей относительно духовного кризиса.

Давайте рассмотрим точку зрения на духовный кризис (из всего этого разнообразия) Станислава Грофа. Она является одной из наиболее радикальных взглядов на духовный кризис.

Интерес С. Грофа к этой области является очень личным и тесно связан с его индивидуальной историей. Станислав начинал свою персональную карьеру как традиционный психиатр и фрейдистски ориентированный аналитик. Глубокие переживания в ходе психоделического сеанса, проводившегося в образовательных целях, привлекли его внимание к необычным состояниям сознания. Более чем тридцатилетние исследования и наблюдения необычных переживаний – своих собственных и других, – индуцированных самыми разными средствами, убедили его, что существующее в настоящее время понимание человеческой психики является поверхностным и не адекватным задаче объяснения всех наблюдавшихся им феноменов. Он также понял, что многие из состояний, которые в психиатрии считались проявлениями психических заболеваний неизвестной природы, в действительности являются выражением процесса самоисцеления души и тела.

Одна из основных идей высказанных С. Грофом – это идея о том, что некоторые драматические переживания и необычные состояния сознания, которые традиционная психиатрия диагностирует и лечит как душевные болезни, на самом деле являются кризисными ситуациями в личностной трансформации, иначе говоря, «духовными кризисами». Случаи такого рода описаны в религиозных текстах всех времен как результат медитативных практик и как этапы мистического пути.

Когда такие состояния психики верно поняты и встречаются поддержку, а не подавляются стандартными психиатрическими средствами, они могут быть целительными и оказывать весьма благотворное воздействие на людей, их переживающих.

Понятие духовного кризиса интегрирует достижения многих дисциплин, включая клиническую и экспериментальную психиатрию, современные исследования сознания, полевые антропологические исследования, парапсихологию, танатологию, сравнительное изучение религий и мифологию. Данные всех этих областей знания свидетельствуют о том, что духовные кризисы имеют позитивный потенциал и их нельзя путать с болезнями, имеющими биологическую природу и нуждающимися в медицинском лечении.

Гроф сосредоточивает свое внимание в первую очередь, хотя и не исключительно, на тех переживаниях, которые имеют явно духовное содержание или смысл. На протяжении веков визионерские состояния играли исключительно важную роль. От экстатических трансов шаманов или знахарей до откровений основателей великих религий, пророков, святых и духовных учителей, в качестве недавнего примера, достаточно вспомнить Мать Терезу, удостоившуюся мистического прозрения, эти переживания служили источником удивительных исцелений, религиозного энтузиазма и художественного вдохновения.

Все древние и доиндустриальные культуры придавали большое значение необычным состояниям сознания как важным средствам изучения скрытых аспектов мира и связей с духовными измерениями бытия.

Промышленная и научная революция драматически изменила эту ситуацию. Рациональность становилась высшим мерилом всех вещей, быстро сменяя духовность и религиозные верования.

Мировоззрение, созданное традиционной западной наукой и доминирующее сегодня в нашей культуре, строго говоря, вообще несовместимо ни с каким понятием о духовности. В мире, где реально только осязаемое, материальное и доступное измерению, все формы религиозной и мистической активности рассматриваются как отражение предрассудков, неведения, иррациональности или же эмоциональной незрелости. Поэтому непосредственные переживания духовных реальностей интерпретируются как «психотические», как проявления умственного расстройства.

Визионерские состояния теперь рассматривались не как существенное дополнение обычных состояний сознания, которое может давать ценную информацию о душе и реальности, а просто как патологические нарушения умственной деятельности. Это отразилось в том факте, что современная психиатрия пытается подавлять эти состояния, вместо того чтобы поддерживать их и позволить им идти естественным путем.

Когда стратегия современной медицины была применена к психиатрии, исследователи смогли найти биологическое объяснение некоторых расстройств с проявлениями психического дисбаланса. Как выяснилось, многие из них имели органические причины, такие, как инфекция, опухоль, авитаминоз, сосудистые или дегенеративные заболевания мозга. Вдобавок к этому медицинские ориентированная психиатрия обнаружила способы контроля симптомов тех состояний, для которых не было выявлено никаких биологических причин.

Хотя для большинства проблем, с которыми сталкиваются психиатры, пока не найдено никаких органических оснований. В результате этого исторического процесса люди с различными эмоциональными и психосоматическими расстройствами автоматически считаются психиатрическими пациентами, а трудности, с которыми они сталкиваются, рассматриваются в качестве заболеваний неизвестного происхождения.

Свое основное внимание С. Гроф сосредоточил на группе умственных расстройств, известных как психозы. Эти состояния характеризуются глубоким нарушением способностей «нормально» воспринимать мир, мыслить и эмоционально реагировать культурно и социально приемлемым способом, вести себя и общаться как принято.

Для некоторых расстройств из категории психозов современная наука нашла внутренние причины в анатомических, физиологических или биохимических изменениях в мозге либо других частях организма. Это подгруппа так называемых органических психозов, безусловно принадлежащих к области медицины. Однако для многих других психотических состояний, несмотря на упорные попытки нескольких поколений исследователей из различных областей знания, не было найдено никакого медицинского объяснения. Вопреки практическому отсутствию результатов поиска специфических медицинских причин, эти так называемые функциональные психозы обычно относят к категории умственных болезней, причина которых неизвестна. Именно эта подгруппа психозов интересовала С. Грофа.

Он говорил, что ввиду отсутствия ясного консенсуса в понимании причин функциональных психозов было бы уместнее и честнее признать наше полное неведение в отношении их природы и происхождения и использовать термин «болезнь» только для тех состояний, для которых можно найти конкретную физическую причину. Таким образом, мы можем открыть путь для новых методов, по крайней мере, к некоторым функциональным психозам, получая новую перспективу, которая и теоретически, и практически отличается от медицинского подхода к ним как к болезни. Фактически, подобные альтернативные способы разрешения проблемы уже разработаны, в частности, в контексте так называемой глубинной психологии. Это разнообразные психологические теории и психотерапевтические стратегии, вдохновленные пионерскими работами Зигмунда Фрейда. Хотя подходы глубинной психологии обсуждаются и изучаются в академических кругах, в понимании и лечении функциональных психозов в современной психиатрии доминирует, по ряду причин, медицинский стиль мышления.

Психиатрия прослеживает причины психотических состояний и поведенческих проявлений к физическим и физиологическим факторам, в то время как глубинная психология стремится найти причину умственных проблем в событиях и обстоятельствах жизни пациента, обычно связанных с его детством. Таким образом, традиционная психология ограничивает источники содержания ума обозримыми аспектами личной истории клиента. Мы называем это «биографической моделью» психоза.

Однако последние достижения психологии позволяют предположить, что источники этих необычных переживаний лежат за пределами как медицинской патологии, так и личной жизненной истории. Исторически первым прорывом в этой области были работы швейцарского психиатра К. Г. Юнга.

В большинстве своих работ С. Гроф опирался на открытия К.Г. Юнга.

Юнг существенно расширил биографическую модель, введя понятие коллективного бессознательного. Путем тщательного анализа своих собственных сновидений и сновидений своих клиентов, а также галлюцинаций, фантазий и иллюзий психотиков Юнг обнаружил, что человеческая психика обладает доступом к поистине универсальным образам и мотивам. Их можно найти в мифологии, фольклоре, искусстве и культуре не только по всему миру, но и на протяжении всей истории человечества.

Эти архетипы, как назвал их Юнг, с поразительной закономерностью выявляются даже у тех индивидов, чье образование и жизненная история исключают прямое знакомство с их разнообразными культурными и историческими проявлениями. Это наблюдение привело Юнга к выводу, что в дополнение к индивидуальному бессознательному существует расовое или коллективное бессознательное, общее для всего человечества. Он считал сравнительное изучение религий и мифологию ценнейшими источниками информации об этих коллективных аспектах бессознательного. В модели Юнга многие переживания, лишённые смысла в контексте биографических событий, такие, как видения божеств и демонов, могут рассматриваться как всплытие содержания коллективного бессознательного.

Хотя теории Юнга известны уже многие десятилетия, вначале они не имели существенного влияния за пределами узкого круга преданных последователей. Эти идеи слишком опередили свое время и должны были ожидать дополнительного импульса, чтобы обрести силу. Потому, что рационально-практический склад общества отвергал метафизические построения.

Если думать о разуме в этой бесконечно расширенной перспективе, то содержание переживаний, возникающих в различных неординарных состояниях сознания,

уже не кажется случайным или произвольным продуктом нарушений деятельности мозга. Скорее, его следует считать проявлением глубоких слоев человеческой психики, которые обычно недоступны сознанию. Различные духовные дисциплины и мистические традиции, от шаманизма до дзен, представляют богатый спектр ценных знаний, относящихся к этим более глубоким областям ума.

Таким образом, достижения глубинной психологии и древнее духовное наследие дают основу для нового понимания некоторых психотических состояний, для которых нельзя найти никаких биологических причин.

Как мы уже говорили, любого, кто переживает подобные экстремальные психические и умственные феномены, большинство современных цивилизованных людей немедленно объявит психотиком. Вместе с тем все большее число людей, судя по всему, проходят

через необычные переживания и вместо необратимого погружения в безумие нередко возвращаются из этих экстраординарных состояний ума с возросшим чувством благополучия и более высоким уровнем функционирования в повседневной жизни. Во многих случаях в ходе этого процесса излечиваются застарелые эмоциональные, умственные и физические проблемы и болезни.

Мы находим много параллелей подобным ситуациям в жизнеописаниях святых, йогов, мистиков и шаманов. Фактически духовная литература и духовные традиции во всем мире придают огромное значение трансформирующей силе подобных переживаний для тех, кто через них прошел. Концепции и практические методы, разработанные в буддизме, индуизме, христианстве, суфизме и других мистических традиций полны наставлениями, как с пользой для себя пройти через этот кризис.

С. Гроф развивал идею о том, что многие эпизоды неординарных состояний ума, даже драматические и достигающие психотических масштабов, не обязательно являются симптомами болезни в медицинском смысле этого слова. Он рассматривал их как критические ситуации в эволюции сознания, как «духовные кризисы», сравнимые с состояниями, описанными в мистических традициях всего мира.

Китайская пиктограмма, символизирующая кризис, замечательно отражает идею духовной трансформации. Она состоит из двух основных знаков, или радикалов, один из которых означает «опасность», а другой — «возможность». Таким образом, хотя прохождение через подобного рода состояние часто бывает трудным и пугающим, оно обладает огромным эволюционным и целительным потенциалом. Правильно понятый и рассматриваемый в качестве трудной стадии естественного развития, духовный кризис может привести к спонтанному исцелению различных эмоциональных и психосоматических расстройств, к благоприятным изменениям личности, к разрешению важных жизненных проблем и к эволюции в направлении того, что порой называют «высшим сознанием».

Постановка таким людям диагноза патологии и безответственное применение по отношению к ним различных подавляющих мер, включая медикаментозный контроль симптомов, могут существенно помешать реализации позитивного потенциала процесса. Являющиеся следствием традиционного лечения долговременная зависимость от транквилизаторов с их общеизвестными побочными эффектами, утрата жизненности и компромиссный образ жизни представляют собой печальный контраст по сравнению с теми редкими случаями, когда трансформационный кризис человека встречает поддержку и понимание и может без помех достичь завершения. Поэтому нельзя переоценить важность правильного понимания духовного кризиса и разработки всеобъемлющих и эффективных подходов к его лечению и адекватных систем поддержки.

Однако представляется необходимым высказать кое-какие предостережения. Проявления необычных состояний сознания охватывают очень широкий спектр, от чисто духовных состояний без всяких признаков патологии до явно биологически обусловленных расстройств, требующих медицинского вмешательства. Крайне важно использовать сбалансированный подход и быть в состоянии отличить духовные кризисы от подлинных психозов. В то время как традиционные подходы имеют тенденцию патологизировать мистические состояния, существует и противоположная опасность — спиритуализировать психотические состояния и возвеличивать патологию или, что даже еще хуже, не замечать лежащую в ее основе органическую проблему.

Трансперсональное консультирование непригодно для состояний явно психотической природы, характеризующихся (утратой ясности сознания, параноидальным бредом, галлюцинациями и экстравантными формами поведения. Кандидатами для применения нового подхода

явно не могут быть люди с хроническими расстройствами и длительной историей стационарного лечения, нуждающиеся в больших дозах транквилизаторов.

Важно распознавать духовный кризис и лечить его соответствующим образом, с учетом его огромного позитивного потенциала для исцеления и личностного роста, того потенциала, который обычно подавляется рутинным медикаментозным лечением.

Радикализм подхода С. Грофа к вопросу духовного кризиса выражается в том, что он устраняет данную проблематику из области прикладной медицины, которая использует методы медикаментозного подавления, перенося ее в сферу трансперсональной психологии, которая в свою очередь рассматривает данный кризис как «дар судьбы» в позитивном смысле. Подход С. Грофа к этой проблеме, дает возможность людям более ярко и полно раскрыть свой потенциал, качественно трансформироваться на более высокую ступень духовного развития, вместо принудительного лечения.

Кузнецова И.В. (Санкт-Петербург)
ХАРАКТЕРИСТИКИ АФФИЛИАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КАК
ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ

Под аффилиативным взаимодействием понимается сумма действий, направленных на установление, поддержание и развитие межличностных отношений с целью формирования близких, доверительных отношений. Формирование аффилиативных отношений возможно при наличии определенного мотива, стоящего за поведением, в частности мотива аффилиации.

Термин «взаимодействие» означает последовательность направленных друг на друга действий, которыми обмениваются партнеры.

По мнению В.Н. Куницыной, аффилиативное взаимодействие достигается при включении в общение таких характеристик аффилиативного взаимодействия, как легкость, доверие, понимание и притягательность собеседника (эмоциональное притяжение). При отсутствии любой из этих характеристик контакты людей превращаются в формальные, лишённые легкости и доверия, начинают «обрастать» подозрениями, барьерами и психологическими защитами.

Задачей настоящего исследования явилось выявление структуры характеристик аффилиативного общения и особенностей формирования отношений в группе, а также взаимосвязь с особенностями построения отношения с другом и матерью.

В исследовании использовались методики В.Н. Куницыной СОТКУ (самоотношение), СТАЛЬ (выявление особенностей межличностного общения), КОСКОМ (коммуникативная компетентность) - на выявление личностных и коммуникативных особенностей. А также специально разработанная методика на выявление структуры характеристик аффилиативного общения, частично основанная на социометрическом методе.

Суть процедуры изучения характеристик аффилиативного взаимодействия сводилась к изучению степени доверия, понимания, легкости и эмоциональной притягательности к каждому члену группы, кроме того, оценивалась субъективное представление респондентов об отношении группы к самому себе.

Анализ данных производился с помощью качественного (анализ сырых данных) и количественного анализа (первичные статистики, факторный и корреляционный анализ), рассчитывались следующие индексы: степень эмоциональной экспансивности, степень адекватности взаимоотношений, уровень ошибки при оценке отношений и степень «заметности» в группе.

В ходе анализа полученных данных была выявлена взаимосвязь между характеристикой «эмоциональ-

ная притягательность личности для группы» и такими индивидуальными характеристиками аффилиативного взаимодействия, как легкость, доверие и притягательность человека. Т.е. можно предположить, чем больше человек строит свои отношения как легкие, доверяющие, чем более притягательны для него окружающие, тем более притягательным будет такой человек и для группы. Кроме того, в группе выбирают как наиболее предпочитаемых тех, у кого высокая потребность в эмоционально- доверительном общении, и как менее предпочитаемых — с низкой потребностью.

При взаимных легких и доверительных отношениях респонденты чаще ожидают общего позитивного отношения к нам со стороны собеседника (вероятность 0,75);

Ожидание негативных оценок от группы или собеседника влияют на формирование низкой их привлекательности с одной стороны, и с другой — от непривлекательного собеседника или группы ожидают негативных реакций.

Была выявлена связь между притягательностью собеседника и его предполагаемым позитивным к нам отношениям (реально оно может быть иным), т.е. чем более привлекателен для нас человек, тем более позитивное отношение к нам мы ему приписываем (0,89). Кроме того, от человека, которого мы понимаем, мы ожидаем более позитивного к нам отношения (0,76).

Взаимное эмоциональное притяжение индивидов влияет на оценку легкости отношений с остальными членами группы, т.е. отношения в группе (в одностороннем порядке) называются тяжелыми, трудными (0,72). Это может быть связано с различными причинами: с одной стороны, при удовлетворенности отношениями с друзьями может не возникать желания расширять круг общения; с другой — подчеркивается отсутствие в группе истинной легкости отношений.

Уровень удовлетворенности отношениями наиболее тесно с потребностью в эмоционально- доверительных отношениях, т.е. люди с высокой потребностью чаще удовлетворены имеющимися отношениями ($r = 0,53$, $p < 0,003$). При этом степень удовлетворенности отношениями связана со всеми характеристиками аффилиативного взаимодействия, наибольшее значение отводится пониманию и притягательности собеседника ($p < 0,000$ и $p < 0,005$ соответственно).

Выявлено, что на степень удовлетворенности отношениями влияет только оценка реальных отношений, в

то время как предполагаемая значимость разницы между желаемыми и реальными оценками характеристик отношений со значимыми людьми подтверждена не была.

В результате факторного анализа были выявлены типичные для данной выборки стили взаимодействия.

Беспечное взаимодействие — легкость при построении отношений, доверчивость, желание понять собеседника проявляется в многочисленных контактах. Такой человек воспринимается таковым и группой (по средние групповой оценке), заметен в группе (высокий статус) по параметрам легкости и пониманию. Некоторая неадекватность самооценки (по двум методикам), чрезвычайная притягательность многих показывает недостаточную основательность, некоторую поверхностность контактов, несмотря на достаточно развитую социально-психологическую компетентность.

Манипулятивное взаимодействие. Взаимное непонимание индивида с группой, недоверие и отсутствие легкости во взаимоотношениях с одной стороны сочетается с построением зависимых отношений от друга — с другой, при этом строятся чрезвычайно открытые, сверх доверяющие отношения с человеком, который ему совершенно не доверяет. Слабый мотив достижения, ханжество позволяют рассматривать подобные дружеские отношения не на равных, а для удовлетворения собственных амбиций, т.е. индивид при сложных отношениях в группе выбирает себе «друга» в группе, за которого держится, что позволяет ему демонстрировать достойные черты своего характера, не оцененные группой. Низкий мотив достижения не является стимулом для выбора более надежных дружеских отношений, поэтому выстроенные дружеские отношения становятся достаточно значимыми.

Прямолинейное взаимодействие. Сложившиеся для члена группы отношения с матерью, активно демонстрирующей стратегию «неумения прощать», влияют на индивида и проявляются в неумении правильно, адекватно строить, предсказывать отношение к себе со стороны других. Это проявляется в склонности оценивать людей достаточно категорично (очень хороший или очень плохой), а также в ошибочности таких суждений (опасаемся

доброжелателей, откровенны перед злопыхателями). Хотя ожидания негативного отношения определяются более адекватно.

Однако, несмотря на это, таких людей в группе оценивают как легких и достойных доверия. Возможно, это связано с прямолинейностью и однозначностью определенного (или явно хорошее, или явно негативное) отношения к членам группы, при этом не используются при взаимодействии «вежливые маски».

Была выявлена связь стиля привязанности в семье и особенностей аффилиативного взаимодействия с окружающими людьми, так наибольшее влияние на оценку отношений с собеседником оказывает беспечный тип привязанности в семье. Такой стиль, а также доверительные отношения с матерью, умение прощать с ее стороны проявляется в том, что у респондента отношения с окружающими людьми чаще оцениваются как легкие, доверительные и понятные (0,589, 0,495 и 0,668 соответственно $p < 0,001$). При этом отчужденный стиль в семье влияет на оценку своих отношений с окружающими как сложных, при которых отсутствует понимание и доверие (-0,522, -0,601 и -0,447, $p < 0,02$).

Одной из причин возникновения доверительных отношений к другу является отсутствие у респондента понимания и доверия в семье (0,58, $p < 0,05$). Зависимость от друга часто сопровождается стремлением во что бы то ни стало сохранить сложившиеся отношения, что проявляется в готовности терпеть и прощать (0,52, $p < 0,05$) и излишним доверием (0,539, $p < 0,014$). Возможно, это связано с общей неуверенностью, некоторой инфантильностью респондентов и их стремлением переложить ответственность за развитие отношений на окружающих.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

Проявление характеристик аффилиативного взаимодействия в общении оказывает влияние на отношение к респонденту со стороны группы.

Ожидание определенных отношений со стороны группы формируют отношение к самой группе.

Стили отношений в семье оказывают влияние на особенности построения отношений с группой.

Кукина М. (Иркутск) ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК И ОТНОШЕНИЯ К СМЕРТИ ОНКОЛОГИЧЕСКИХ БОЛЬНЫХ

Неизлечимая болезнь, смерть – это явления, которые не принимаются в обществе. Люди стараются об этом не думать и жить так, как бы этого не было. Поэтому тяжело больные и умирающие, как бы нарушают своим присутствием принятое в обществе «молчание о страданиях», вызывают неуверенность и дискомфорт у окружающих. [4 с.11].

Смертельная болезнь влияет на всю жизнедеятельность человека, часто физические страдания являются причиной многих негативных эмоций: гнева, злости, депрессии, подавленности и обычного человеческого страха перед смертью в терпении, одиночеством, потерей человеческого достоинства, обреченности на милость других людей.

Темы смерти, умирания и посмертного существования предельно актуальны для каждого из живущих. Зная личностные особенности и отношение к смерти онкологических больных и тех, кто сопровождает их, можно повысить качество оказываемой психотерапевтической помощи, помочь перевести бессмысленность последней борьбы в достойный уход из жизни, который не остается в памяти родных страшным апогеем отчаяния и страдания, но спокойным и величавым уходом человеческой души из тела.

Работая в хосписе, нельзя не заметить, что в психике человека, однажды осознавшего неминуемость своей близкой смерти, всегда налицо, сознательно или бессознательно, идея смерти и чувство ускоренного приближения к «моменту» наступления смерти, тревога и даже страх перед этим концом. Однако физически здоровый человек не знает «момента» своей смерти, он не может даже приблизительно предугадать его, вследствие чего его состояние существенно отличается от состояния тех больных людей, которым врачи сообщили, что они неизлечимо больны и вскоре умрут.

У онкологических больных ранее реально действующие мотивы теряют свою побудительную силу, переходя в разряд целей в структуре главного, ведущего мотива - сохранения жизни. Происходит перестройка жизненных ценностей, меняется отношение больного к себе и окружающему. Было выявлено, что уже с момента первого обращения больного к врачу, установления онкологического диагноза, личность приобретает *позицию онкологического больного*. Зачастую эта позиция психологически выступает для больного, как позиция смертника, обреченности, поскольку рак нередко ассоциируется со смертью. На этом этапе основной смыслообразующий мотив, определяясь страхом смерти, побуждает к дея-

тельности, придавая ей особый личностный смысл, оттесняет существовавшие ранее ведущие мотивы.

Под психологической смертью человека мы понимаем протекающие в нем постепенные, но иногда ускоренные и скачкообразные изменения, в результате которых его жизнеспособность и психологическая сопротивляемость стрессорам и фрустраторам уменьшается. Человек, переживающий процессы психологической смерти, начинает сомневаться в ценности жизни и размышляет о том, насколько целесообразно жить дальше. Толстой Л.Н. в повести «Смерть Ивана Ильича» писал, что потеря смысла жизни – смерти равна. Здесь речь идет о психологической смерти, как отмечает известный психолог Налчаджян А.А., именно она делает как бы бессмысленным также существование тела, в котором в процессе психологической смерти происходят болезненные изменения [3].

Клиническими исследованиями хода психической смерти неизлечимо больных людей занималась известный американский психопатолог и танатолог Элизабет Кюблер-Росс. Она обнаружила, что до наступления смерти больные проходят через пять стадий психологических изменений и работы защитных механизмов.

Данный рисунок демонстрирует последовательность этапов, переживаемых больными после того, как поставлен окончательный диагноз. Следует отметить, что эти стадии не всегда идут в установленном порядке. Больной может застрять на какой-то из них или даже вернуться на предыдущую. Однако знать это необходимо для правильного понимания того, что делается в душе человека, столкнувшегося со смертельной болезнью. Э. Кюблер-Росс следующим образом описывает эти этапы.

Первый этап: отрицание. Иногда полное, иногда частичное в той или иной мере используется всеми больными не только в первых стадиях болезни, но время от времени и последующем ходе ее развития. Принимая даже истину, больные иногда отходят от нее, желают жить как можно дольше.

Эту защитную реакцию Э. Кюблер-Росс считает весьма полезной, т.к. она смягчает первый удар истины и создает условия для включения в работу психики других, более спокойно действующих и «менее радикальных» защитных механизмов.

Позже в этой стадии большинство больных начинает использовать механизм изоляции. Больные иногда говорят о своей смерти для того, чтобы перейти к более приятным и оптимистическим вопросам. Смерть и связанные с ней эмоции в психике больного изолируются от остальных психических содержаний и проблем. Таким образом, одна часть «Я» знает о болезни и неминуемой смерти, а другая отрицает ее, изолирует и вытесняет из сознания, заполняя его сферу другими образами и мыслями.

Второй этап: гнев.

Стадия гнева, возмущения, доказывает, что психическая самозащита в предыдущей стадии не увенчалась успехом. В этой стадии медицинскому персоналу и родственникам больного очень трудно с ним общаться. Причина в том, что возмущение и агрессивность умирающего иррадируют во все стороны, проецируются на окружающую среду.

Причиной такой агрессивности являются те многочисленные фрустрации, которые переживаются больным человеком: лишение обычной работы, ритмов труда и отдыха, повседневных приятных занятий, нередкая неподвижность, чувство потери всяких перспектив в жизни и т.п. Понимание причин гневливости больного и правильной общении с ним заметно облегчает его положение.

Третий этап: торг.

Этот этап менее известен, но при этом так же полезен пациенту, хотя непродолжительное время. В дей-

ствительности торг – это проба отложить исполнение приговора, основным элементом которого должна быть награда за хорошее поведение, при этом сам пациент устанавливает «последний срок», а так же обещание, что сам пациент не будет больше ни о чем просить, если приговор будет отсрочен. Большая часть торгов ведется с Богом. Пациенты обещают построить часовню, посвятить оставшуюся жизнь служению Богу, передать большое пожертвование в церковь за продолжение жизни.

Все эти обещания связаны с чувством вины, необходимо помочь пациенту разобраться, с чем связано это чувство, сопровождать больного до тех пор, пока он не освободится от нерационального страха или жажды наказания, вызванного огромным чувством вины, которое ведет к дальнейшему торгу, а так же невыполнению обещаний. После этого можно утверждать, что этот этап пройден.

Четвертый этап: депрессия.

Когда смертельно больной пациент уже не сомневается в поставленном диагнозе, когда должен согласиться на следующую операцию или снова пойти на лечение в стационар, когда развивается кахексия и слабость, тогда трудно утешить его улыбкой. Вместо равнодушия или стоицизма, гнева или бешенства появляется чувство огромной утраты. Пациенты страдают оттого, что теряют не только красоту, чувство собственного достоинства, возможность заниматься любимым делом, работу, материальную независимость и даже семью. Депрессию можно разделить на два вида – реактивную и подготовительную. Рассматривать их стоит отдельно. При первом виде депрессии иногда достаточно помочь по-другому взглянуть на беспричинное чувство вины, недовольство своей фигурой после операции, новые обязанности всех членов семьи.

Второй вид депрессии не является результатом пережитой утраты, но касается потерь, которые грядут в будущем. Пациента не стоит уговаривать посмотреть на светлые стороны жизни, перестать печалиться, ведь он теряет всех и все что любит. Ему будет значительно легче принять действительность, если у него будет возможность выразить свое сожаление. Этот второй этап депрессии часто проходит в молчании или слов необходимо очень немного. Взаимные чувства передаются через кадания, поглаживания. Это время, когда пациент может попросить только о молитве, ибо начинает думать о том, что его ждет впереди, а не о том, что оставляет после себя. Те, которые, приходя, стараются развеселить, больше мешают, чем помогают. Важно помочь пациенту и семье преодолеть конфликты и трудности. Этот вид депрессии необходим и спасителен, чтобы больной мог умереть спокойно, примирившись с судьбой. Только те больные, которые были в состоянии преодолеть свое отчаяние, были в состоянии преодолеть этот этап.

Пятый этап: примирение.

Если у пациента, было, достаточно времени, и он получил необходимую помощь, когда переживал вышеописанные этапы, то в конце достигнет фазы, когда не будет ни подавленности, ни гнева на свою судьбу. Перед этим завидовал живущим и здоровым, гневался на тех, кто не ожидает скорой смерти. Сейчас страдает от утраты дорогих его сердцу людей и мест, размышляет о приближающейся смерти в спокойном ожидании. В этом состоянии больные обычно истощены и слабы, часто и недолго спят. Когда умирающий успокоился и примирился с судьбой, круг его интересов уменьшается. Просит, чтобы его не беспокоили новостями или проблемами обыденной жизни. Этапа примирения с судьбой не следует ошибочно считать счастливым. Он почти лишен эмоций. Боль как бы прошла, борьба закончилась. Чем сильнее их борьба против смерти, чем больше не соглашались с ней, тем труд-

нее им будет достичь последнего этапа спокойной, полной достоинства акцептации [5].

Пациенты, находящиеся на разных стадиях онкологического заболевания, как самую главную потребность называют поддержку для переживания соматических симптомов, проблем духовных, эмоциональных и социальных.

В настоящем исследовании участвовало 17 больных в возрасте от 19 до 76 лет. Из них было 2 мужчин и 15 женщин. 53% составляли пациенты в возрасте от 49 до 57 лет. По 18% было обследуемых в возрасте от 19 до 35 лет и от 35 до 45 лет. У всех участников было диагностировано онкологическое заболевание, после использования различных методов лечения было предложено паллиативный уход в условиях стационара хосписа или дома. Все участвовавшие в исследовании имели среднее – специальное или высшее образование.

Чтобы выявить личностные характеристики обследуемых больных мы использовали «16-факторный личностный опросник» Р.Б. Кэттелла. Многофакторный опросник личности опубликован Р.Б. Кэттеллом в 1949 г. Институтом по проверке способностей личности, и с тех пор широко используется в психодиагностической практике [1]. Мы использовали этот тест потому что он универсален, практичен и дает многогранную информацию об индивидуально-психологических особенностях человека. Опросник диагностирует черты личности, которые Р.Б. Кэттел назвал конституционными факторами. По результатам теста можно подробно описать личностную структуру, вскрыть взаимосвязь отдельных характеристик личности, выявить скрытые личностные проблемы, найти компенсаторные механизмы поддержания психического здоровья. Коэффициент надежности опросника 16 PF, определенный методом расщепления, находится в пределах 0,71-0,91.

После заполнения обследуемыми пациентами опросников, мы получили средние показатели в стенах На основании средних показателей составили личностный профиль обследуемых онкобольных.

На представленном профиле и таблице 1 видим, что средние показатели факторов В, Е, L, N, О, Q₃, Q₄ довольно высоки. Это характеризует группу обследуемых пациентов следующим образом:

Для них характерна тревожность, ранимость, депрессивность, подозрительность, впечатлительность, высокое самонимение и эгоцентричность. Они критически настроены, не доверяют авторитетам, характеризуются наличием интеллектуальных интересов, аналитичностью мышления. Необходимо так же отметить, что для них характерна некоторая напряженность, взвинченность, беспокойство, им свойственно неудовлетворение стремлений. Они стараются сохранить свою независимость в суждениях и поведении, стараются избегать давления со стороны.

Низкие показатели по факторам С, F характеризуют пациентов данной группы как людей склонных к фрустрации, лабильности настроения, раздражительности, повышенной утомляемости. Им свойственны озабоченность и пессимистичность в восприятии действительности, они живут в ожидании неудач.

Все эти особенности объясняются тем, что все пациенты болеют как минимум несколько месяцев. Многие из них прошли курсы химиотерапии и операции, все это не принесло выздоровления, поэтому неудивительно, что таковы средние показатели данной группы

Мы рассмотрели взаимосвязь личностных особенностей по результатам теста Кэттелла и данных методики «Отношение к смерти» П. Вонга. Данная методика, предложенная доктором П. Вонгом, измеряет различные величины – страх смерти, избегание смерти, принятие смерти, нейтральное отношение к смерти и понимание

смерти как освобождения от проблем, Преимуществом этой методики является ее способность непосредственно выделить тип и величину принятия смерти, а не только предположить, что она является результатом низкого уровня страха смерти. Эти пять отношений не противопоставлены друг другу, а сосуществуют друг с другом, находясь в состоянии перемирия. Более того, П. Вонг считает, что как отрицательные, так и положительные аспекты отношения к смерти необходимы в поиске смысла жизни [2].

Статистическая обработка проводилась с помощью статистической программы «Биостатистика» с применением критерия ранговой корреляции г-Спирмена.

Обработка результатов показывает, что существует взаимосвязь между следующими показателями:

1. «Смерть, как освобождение от проблем» и О-фактор «Уверенность в себе – тревожность»

Анализируя полученные результаты, можно заметить, что большая половина (53%) обследуемых имеет высокие показатели О- фактора, т.е. им свойственны тревожность, депрессивность, ранимость, впечатлительность, они часто плачут, обижаясь.

Между показателями «Освобождение от проблем» и О - фактором существует прямая взаимосвязь, чем выше «тревожность», тем больше больные считают смерть освобождением от проблем и страданий, груза земной жизни, спасением от этого ужасного мира.

2. «Нейтральное отношение к смерти», Фактор А – «замкнутость – общительность», Фактор G – «подверженность чувствам – высокая нормативность поведения».

Между факторами А, G и «Нейтральным отношением к смерти» существует прямая взаимосвязь. Нейтральное отношение к смерти – это уверенность в том, что смерть является неизбежной частью жизни, и не важно, боится ли человек смерти или же приветствует ее. Он просто принимает ее как одно из неизменных явлений жизни, и стремиться, как можно лучше прожить отведенную ему жизнь. Среди обследуемых 12% имело высокие баллы показателя «Нейтрального отношения к смерти», т.е. чем более в человеке выражено стремление, как можно лучше прожить свои дни, тем больше выражено осознанное соблюдение норм и правил поведения, настойчивость в достижении цели, точность и ответственность. Они обычно очень точно и аккуратно выполняют все назначения. Хотя выполнять все правильно, начиная от диеты, заканчивая духовными практиками.

3.Фактор М – «Практичность – развитие воображение» и «Избегание смерти».

12% обследуемых имело низкие баллы фактора М. При низких оценках люди практичны и добросовестны. Они ориентируются на внешнюю реальность и следуют общепринятым нормам, им свойственна некоторая ограниченность и излишняя внимательность к мелочам.

У 6 % обследуемых были высокие оценки фактора М, их характеризует развитое воображение, ориентирование на свой внутренний мир, высокий творческий потенциал.

Избегание смерти – это опыт избегания мыслей или разговоров о смерти для того, чтобы уменьшить чувство страха, вызываемое ими, чтобы не подвергать смерть осознанию. Существует прямая взаимосвязь между фактором М и избеганием смерти. Для 29% обследуемых наиболее характерна тактика избегания смерти. Результаты показывают, что 12% участвующих в исследовании, стремились уменьшить страх смерти, послушно и аккуратно исполняя все рекомендации.

4. «Избегание смерти» и Фактор N – «прямолинейность – дипломатичность».

При низких оценках человеку свойственны прямолинейность, наивность, естественность, непосред-

ственность поведения. 6% обследуемых имело низкие баллы фактора N.

При высоких оценках человек характеризуется расчетливостью, пронизательностью, разумным и сентиментальным подходом к событиям и окружающим людям. Такие оценки имели 18% опрошенных.

Существует обратная взаимосвязь между избеганием смерти и фактором N, т.е. чем больше человек стремится избежать мыслей или разговоров о смерти для того, чтобы уменьшить чувство страха, вызываемое ими, тем более ему свойственны расчетливость, разумный и сентиментальный подход к событиям и окружающим людям.

6. Фактор N – «Прямолинейность – дипломатичность» и «Страх смерти».

Страх смерти – это чувство страха, возникающее тогда, когда человек сталкивается со смертью. В данном случае так же наблюдается обратная взаимосвязь между фактором N и страхом смерти. 12 % обследуемых характерен наиболее выраженных страх смерти. Для этих пациентов так же свойственны расчетливость, разумный и сентиментальный подход к событиям и окружающим людям.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

Существует прямая взаимосвязь – чем выше «тревожность», тем больше больные считали смерть освобождением от проблем и страданий, груза земной жизни, спасением от мирской суеты. Кроме этого, эти пациенты были скептически настроены, холодны по отношению к окружающим, неохотно принимали новые предложения принятия новых препаратов, новых методов реабилитации, с соседями по палате мало общительны.

Полученные результаты позволяют предположить, что часть пациентов принимали смерть как одно из неизменных явлений жизни, и стремились, как можно лучше прожить отведенную им жизнь, т.е. проявлялось их «нейтральное отношение к смерти». Отмечалась взаимосвязь – чем более в человеке выражено стремление, как можно лучше прожить свои дни, тем больше желание выполнять все предписания врачей.

Кроме этого, результаты исследования показывают, больным, стремившимся уменьшить страх смерти, был свойственен разумный и сентиментальный подход к событиям и окружающим людям, а так же аккуратность в исполнении всех рекомендаций. Полученные результаты можно предложить к рассмотрению психотерапевтам и медицинскому персоналу для анализа состояния инкурабельных онкологических больных, при выборе необходимой помощи.

**Куликовская Е.В., Феринский А.В. (Иркутск)
ВЛИЯНИЕ УЧЕБНОГО КУРСА «НЕТРАДИЦИОННЫЕ ВИДЫ
ОЗДОРОВЛЕНИЯ» НА ИЗМЕНЕНИЯ ЛИЧНОСТИ БУДУЩИХ ТРЕНЕРОВ,
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ФИЗКУЛЬТУРЫ**

Современные программы обучения преподавателей физкультуры и тренеров включают курс «Нетрадиционные виды оздоровления», в который включены методы, способствующие обучению контролю и регуляции психических состояний спортсмена, саморазвитию, самосовершенствованию во всех отношениях, способствующих улучшению тренировок и выступлений на соревнованиях.

В программу курса вошли элементы техник единоборств Востока в области регуляции психических состояний бойцов, дыхательные техники оздоровления, различные методы релаксации [2], контроля мыслей, идеомоторные методы тренировки и регуляции предстартовых, соревновательных и бытовых состояний [5] и воздействия на точки акупунктуры.

Для нас явилось важным, что настоящий курс включает практики, которые приводят к развитию личности, взрослению, осознанности, личной и социальной зрелости, адаптивности к стрессовым ситуациям, свойственным соревнованиям. А также то, что эти практики помогают осознать свои цели, определять пути их достижения, обеспечивая при этом улучшение физического здоровья, душевного благополучия, работоспособности и эффективности деятельности в обществе.

В течение учебного курса студенты обучались методикам и отрабатывали их на занятиях с целью управления всем комплексом функционального состояния включающем психическое и физиологическое состояние и настроение как его выражение, включающее: мысли (когнитивная составляющая), мотивацию, эмоции, а также физическое состояние тела [1].

В рамках этого курса было проведено пилотажное исследование, при котором был проведен педагогический эксперимент, предполагающий обучение методам саморегуляции, успешность обучения и освоения которых контролировалась по рисуночному тесту «Несуществующее животное». Этот тест был выбран нами в связи с тем, что его интерпретация даётся непосредственно в терминах состояния, которое являлось для нас объектом исследования.

Мы изучали изменения личности отражённые в эмоциональных особенностях, сфере общения и агрессивности, которые можно отследить в рисуночном тесте «Несуществующее животное».

Предполагалось, что методы саморегуляции, включённые в учебный курс приведут к уменьшению тревожности и эмоционального напряжения, уменьшится как общая так и вербальная агрессивность, появится доверие и интерес к внешнему миру. Кроме того, мы полагаем, что, воздействуя на психические состояния определённым образом можно содействовать изменению личности, формируя желания, убеждения и личностные качества: волю, упорство, трудолюбие, весёлое или спокойное отношение к жизни.

Выбор методов управления состояниями осуществлялся в соответствии с учебным планом на основе современных способов психологического воздействия на состояния человека, к которым относятся методы аутогенной тренировки, нейролингвистического программирования, когнитивной психотерапии [2].

Конкретно, испытуемые обучались релаксации по Джекобсону и Шульцу, выбору и активизации ресурсных состояний с помощью вербальных и тактильных «ключей», конструированию образа цели работе с ней в проночном состоянии, осваивали различные дыхательные техники, обучались регуляции физиологических состояний на основе опыта управления дыханием, а также с помощью Су Джок терапии.

В соответствии с **тремя фазами экспериментального исследования** в первой фазе в группе испытуемых был выполнен пред-тест, то есть студенты-испытуемые до обучения методам саморегуляции выполнили тест «Несуществующее животное», в соответствии с руководством [3].

Во второй фазе во время учебных занятий 2 раза в неделю студенты последовательно обучались указанной практикой и обсуждали успехи и трудности их усвоения. По мере возможности использовали их в повседневной жизни.

В процессе обучающего эксперимента отмечалась не одинаковая оценка необходимости выполнения практик участниками эксперимента. Некоторые студенты выполняли их только на занятиях и даже пропускали их, как, впрочем, и другие учебные курсы. Однако большинство студентов регулярно выполняли практики, хотя и не в полном заданном объёме.

Третья фаза представлена пост-тестом, в котором был выполнен рисунок «НЖ», а также «счастливого», «несчастливого» и «злого Нечестивого животного». Испытуемые не были предупреждены о возможности рисования дополнительных рисунков и рисовали НЖ, как единственный не предполагая, что последуют дополнительные задания. Повторное обследование проводилось после 3-х месяцев занятий.

Первичное обследование показало, что в группе из 11 студентов 20 летнего возраста может быть выявлено 3 типа личностных особенностей личности.

Первая группа представляет собой учащихся, развитие которых соответствует возрасту и которые могут воспользоваться психологическими консультациями с целью развития и совершенствования личности.

Вторая группа – это учащиеся, которых можно отнести к личностям с практически сформированными чертами виктимности, т.е. личности проявляющие черты характерные для поведения жертвы. Такие люди формируют возле себя ситуации приводящие их к несчастьям различного рода, в частности в группе они допускают, чтобы их унижали и пр. Здесь можно отметить, что эти студенты в качестве своей основной специализации выбрали спортивные единоборства, неосознанно пытаются компенсировать, преодолеть неэффективные личностные черты.

Третья группа - учащиеся, выбравшие для себя агрессию как способ выживания. Основным способом проявленным в рисунках является вербальная агрессия, которая в свою очередь может интерпретироваться как результат не сформированной взрослой самоидентификации и задержке в подростковой идентичности. Такая смешанная идентичность рождает тревожность, которая ярко проявляется в рисунках, страхи, попытки скрытности в рассказах, и у отдельных членов доходит до болезненной невротизации.

Как показатель личностных изменений произошедших в течение обучающего эксперимента мы выбрали следующие психологические особенности, характеризующие общее функциональное состояние испытуемых отражённые в таблице 1. При наличии признака приписывался 1 балл, при его отсутствии – 0 баллов.

В эмоциональной сфере отмечалось понижение не только ситуативной тревожности, которую можно оценивать, как привыкание к преподавателю, но и уменьшение общей тревожности как черты личности.

В сфере общения асоциальные черты в первом исследовании были проявлены в виде торчащих изо рта сигарет. Появление признаков экстравертности можно интерпретировать, как показатель открытости к взаимодействию, отражающей появления доверия к людям, надежды на взаимопонимание.

В отношении агрессивности наблюдалось уменьшение количества признаков вербальной агрессии, общей активной и защитной агрессии.

Вот примеры характерные для первой группы. **Испытуемая 2.** В общем уравновешенная, развитая и гармоничная личность находится в обществе, от которого можно ожидать чего угодно, и где приходится защищаться и проявлять стойкость характера, при этом проявляется высокая сопротивляемость стрессу, способность эффективно действовать в стрессовых ситуациях. Личность при этом не напряжена и устойчива, использует демонстративность как форму защиты от внешней агрессии, однако

и сама способна дать достойный отпор обидчику. При этом проявляется неудовлетворение социальными контактами, в которых не достаточно тёплых и дружеских отношений. Кроме того, наблюдается не завершенность пубертатного периода, проявляющаяся в неожиданных перепадах настроения и преувеличении сложности проблем взаимоотношений, хотя взрослая идентичность практически сформирована, что проявляется в ответственном подходе к постановке целей и осознании средств их достижения.

Пример из третьей группы. Испытуемая 1. (Выдержки). Положение фигуры НЖ и его элементов позволяет предположить, что автор агрессивен с теми, кто его больше всего интересуется, с кем он желал бы вступить в более близкие отношения, но кроме агрессии – других форм обратить на себя внимание автор рисунка не знает. (Здесь можно отметить также стиль поведения свойственный начальному подростковому возрасту при освоении интерполовых взаимоотношений). Неустойчивость настроения, смена его по незначительному поводу и без всякого повода, повышенная тревожность, постоянное ощущение угрозы, эмоциональная напряжённость характерны для автора рисунка НЖ. Как следствие в поведении автор применяет превентивные меры: первым осуществляет агрессию. В целом наблюдается не способность контроля поведения из-за внутренней неопределённости отношения к происходящему: желание контакта – с одной стороны, и не способность к эффективному общению из-за отсутствия наработанных моделей дружеского, доверительного общения (вероятно следствие проблем с родителями). Таким образом, на основании рисунков можно предположить, что у автора рисунков формируется агрессивный тип отношения с близкими, что является тревожным сигналом, сообщаемом о трудностях будущих семейных взаимоотношений.

Наблюдаемый негативизм противодействует требованиям окружающих и общественным нормам, характерен для возрастного кризиса подросткового возраста и может быть объяснён задержкой психологического развития, связанной с авторитарным стилем воспитания в детском возрасте.

Результаты рисуночных тестов после окончания лекционно-практического курса даны в следующих кратких описаниях.

Испытуемая 2. Можно отметить уход элементов агрессии на втором рисунке НЖ таких как рога и страхов: вокруг прорисованной радужки штрихи кровеносных сосудов (1 рисунок) и только у «Злого животного» вербальная агрессия, которая при общении испытуемой со сверстниками проявляется как защитная.

Таким образом, рисунок сохраняет основные черты личности и доминирующие состояния, проявляющиеся в демонстративности, желании сохранения мирных отношений, эмоциональной лабильности и т.д. Проявлением актуализированного состояния может быть элемент соответствующий усталости, которые вероятны при окончании семестра в период зачётной сессии.

Сведённая к минимуму агрессивность (отсутствие её на рисунке НЖ-2) и тревожности может служить показателем изменения доминирующих состояний в сторону спокойствия и гармонизации личности, формирующейся в следствие регулярных занятий практиками релаксации, формирования образа цели, наполненного эмоциональным спокойствием, переживанием удачи, социальной устойчивости.

Испытуемая 1. Повторный рисунок практически повторяет первичный, однако в нём нет шипов, крыльев и рогов, остались штриховые линии, но глаза не зачернены.

Хотя Злое НЖ и Счастливое НЖ перегружены количеством зубов, но появились руки у Несчастливого НЖ для открытого контакта.

И хотя признаки невротической вербальной агрессии частично сохранились, здесь можно усмотреть появление элементов открытости в результате появления новых ментальных конструкций, созданных в процессе освоения позитивного мышления.

Обсуждение и выводы.

Сравнение интерпретаций рисунков испытуемых выполненных до и после обучающего эксперимента позволяет сделать выводы, что регулярные занятия методами саморегуляции, включёнными в учебный курс такими как релаксация, использование позитивных ресурсов состояний, освоение разных методик дыхания, регуляции физиологических состояний на основе опыта управления дыханием, а также с помощью Су Джок терапии, привели к уменьшению тревожности и эмоционального напряжения, уменьшению как общей, так и вербальной агрессии.

В дальнейшем при проведении такого обучения планируется дополнительное включение опросников типа САН и Ханина, а также проведение тестов в контрольной группе такого же возраста, не изучающих данный курс, чтобы исключить влияние взросления.

По результатам первичного и повторных рисунков в целом можно выявить успешность освоения новых состояний через рисуночные тесты, в которых проявляются как актуальное, текущие состояния, так и доминирующие, и тем самым подтвердить утверждения класиков [4], что изменение доминирующих состояний приводит к изменению личностных черт. В нашем случае это даёт возможность обучения педагогического и тренерского состава освоению методов осознанного формирования личности современными психологическими методами как для самого преподавателя, так и для его учеников, использовать данные навыки в тренировочном процессе.

**Курилович М. А. (Минск)
ФОРМИРОВАНИЕ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВУЗА**

Проблематика диалога занимает одно из центральных мест в структуре психолого-педагогического знания, являясь давней и традиционной темой теоретических и экспериментальных исследований. Однако, несмотря на значительное количество исследований, к настоящему времени еще не сложилась целостная концепция формирования межличностного диалогического взаимодействия в учебном процессе. Диалогический подход в профессиональном обучении имеет огромное значение, так как диалог является теоретической основой построения педагогического процесса и определяет его качество и эффективность.

Данная статья направлена на теоретико-экспериментальное прояснение места диалога в контексте современных образовательных тенденций, анализ его педагогического потенциала. Это обусловлено актуальностью психологического осмысления и развития педагогического сотрудничества, всестороннего изучения различных сторон, аспектов и условий управления эффективным взаимодействием в образовательном процессе.

Зарубежные теории и подходы толкуют диалог как «сложное и многообразное явление». Именно во множественном, многосубъектном диалоге происходят становление индивида личностью, группы – коллективом, обретается осмысленность жизни. Истинная и подлинная свобода личности заключается в возможности слышать и понимать многоголосие мира, чужую позицию, осознавать границы иного духовного пространства. В диалоге происходит не обмен готовыми, ранее сложившимися внутренними смыслами, а вовлечение в процесс совместного со-зидания нового общего смысла, который преобразует и участников процесса, и их жизненный мир.

В работах отечественных авторов указывается на то, что диалогическое общение представляет собой тот оптимальный психологический фон организации контактов, к которому должны стремиться и который при адекватной внешней репрезентации и внутреннем принятии приводит к подлинному взаимораскрытию, взаимопроникновению, личностному взаимообогащению взаимодействующих на этом уровне людей, фон, который создает условия для прогресса саморазвития и самосовершенствования (А. А. Бодалев, Г. А. Ковалев).

Таким образом, в результате теоретического анализа понятия диалога, в нашем исследовании мы исходим из того, что диалогом можно назвать такое взаимодействие личностей, которое характеризуется особым отношением между партнерами, благожелательным стремлением пойти навстречу, пониманием, отношением коммуникативного сотрудничества, которое может не ис-

ключать при этом противоположных личностных позиций партнеров.

Известно, что сложившаяся традиционная система образования не всегда обеспечивает высокое качество подготовки будущих психологов. Недостаточная подготовка выпускников к диалогическому взаимодействию приводит к стрессовым ситуациям, снижению интереса к совместной деятельности в целом. Объясняется это не столько низким уровнем знаний, информированности студентов Вузов, сколько их недостаточной психологической и технологической подготовкой к реализации диалогического взаимодействия в процессе профессионального обучения и деятельности. Учитывая современную тенденцию практикоориентированности, на сегодня отсутствует специально разработанная технология диалогического взаимодействия со студентами в Вузе, что приводит к обострению противоречия между необходимостью получить компетентного специалиста и недостаточной разработанностью этой проблемы в теории и практике Вуза.

В своем исследовании мы исходили из предположения о том, что эффективность педагогической деятельности по формированию диалогического взаимодействия у студентов-психологов в вузе определяется следующими факторами:

- активизацией диалогического взаимодействия субъектов образовательного процесса в вузе;
- системой создаваемых условий эффективности реализации процесса формирования диалогического взаимодействия у студентов-психологов в вузе;
- разработкой научно-обоснованной модели процесса формирования диалогического взаимодействия у студентов-психологов.

Исследование проводилось на выборке преподавателей психологии и студентов-психологов нескольких вузов города Минска (Белорусский государственный университет, Белорусский педагогический университет им. М. Танка, Российский государственный социальный университет (филиал в г. Минске), Академия последипломного образования). Численность выборки составила более 300 человек.

Логика исследования основывалась на трех самостоятельных и, в тоже время, взаимосвязанных этапах эксперимента.

Констатирующий – диагностический. Основная задача этого этапа состояла: в констатации состояния и условий педагогического взаимодействия в вузе; в диагностике и выявлении сложностей и противоречий, необходимых для изменения и совершенствования диагностической модели исследования. Этот этап включал поста-

новку цели, составление плана исследования, выявление задач эксперимента, формулирование гипотезы. В этот же период были уточнены объект, предмет исследования и определены экспериментальная и контрольная группы.

На этапе *констатирующего эксперимента* необходимо было выяснить уровень знаний студентов-психологов о сущности понятия «диалогическое взаимодействие». Анализ результатов опроса студентов-психологов позволил выявить недостаточный уровень теоретической и практической подготовки студентов-психологов к диалогическому взаимодействию, а также затруднения, которые они испытывают при осуществлении данной деятельности.

Результаты констатирующего эксперимента обозначили необходимость создания механизма, который бы не сводил гуманитарное образование к заучиванию и конспектированию, а развивал реальные познавательные способности, позволяющие решать разнообразие сложные творческие задачи, способствовал развитию творческой, самостоятельной, рефлексивной личности и формировал способности к диалогическому взаимодействию со студентами.

Были проанализированы учебный план, программы, учебные пособия с целью выявления их возможностей в плане формирования диалогических способностей у студентов психологических специальностей.

2. В ходе *пилотажного эксперимента* уточнялась проблема исследования, разрабатывался комплекс специальных дидактических средств формирования диалогического взаимодействия у студентов-психологов.

При организации эксперимента учитывались и прогнозировались ожидаемые продуктивные результаты и предполагались возможные негативные последствия. Основная цель этого этапа: разработка и корректировка развернутой программы эксперимента. Также на данном этапе был проведен анализ теоретического уровня подготовленности преподавателей психологии и студентов-психологов к диалогическому взаимодействию в педагогическом процессе, разработаны и внедрены оптимальные формы и методы с целью развития способностей к диалогическому взаимодействию в процессе преподавания дисциплин психолого-педагогического цикла.

3. Основной формирующий этап включал попытку создания модели диалогического взаимодействия в педагогическом процессе вуза с последующим качественным и количественным анализом результатов эксперимента. Основной этап заключался в обогащении системы обучения студентов-психологов формами диалогического общения, реализации заложенной в гипотезе специально разработанной инновационной программы подготовки к диалогическому взаимодействию со студентами-психологами в профессиональной деятельности экспериментальных групп и преподавателей, работающих в вузах. В течение этого периода поэтапно проводились контрольные срезы, отслеживающие промежуточные результаты формирующей деятельности.

В *формирующем эксперименте* проверялась научная состоятельность гипотезы исследования, эффективность модели диалогического взаимодействия в профессиональной деятельности студентов-психологов. Анализ экспертных оценок, самооценок, продуктивности студентов-психологов явились основой выделения уровней сформированности диалогического взаимодействия: теоретического, практического, мотивационного. Обобщенные результаты эксперимента обрабатывались методами математической статистики.

Для реализации задач эксперимента был разработан спецкурс «Диалогическое взаимодействие в педагогическом процессе», призванный обеспечить студентами-психологами теоретическими и практическими знаниями о диалогическом взаимодействии в педагогическом процессе. В этом состояла главная цель курса. Значимость курса обусловлена, прежде всего, тем, что студентам специальности психология необходимы знания, помогающие им эффективно осуществлять диалогическое взаимодействие в ходе педагогической практики, а также в их дальнейшей профессиональной деятельности.

На заключительном этапе проводилось сравнение динамики профессионального и личностного роста экспериментальной и контрольной групп в плане овладения способностями к диалогическому взаимодействию в учебном процессе. Нами осуществлен качественный и количественный анализ, систематизация и интерпретация результатов опытно-экспериментальной работы, сравнение с прогнозируемыми и желательными результатами.

Опираясь на результаты проведенного исследования и программу эксперимента, нам удалось обеспечить изменения в стадиях диалогического взаимодействия педагогических субъектов исследуемого явления по отношению к процессу формирования диалогического взаимодействия в профессиональной деятельности у студентов-психологов.

В ходе эксперимента выяснилось, что наиболее яркими преградами на пути реализации диалогического взаимодействия в образовательном процессе являются: неумение слушать, тенденция оценивать людей, исходя из собственного «Я», категоричность в отношениях с окружающими людьми, нетерпимость к инакомыслию, неумение и нежелание учитывать индивидуальные особенности, привычки других людей, недостаточный уровень социально-психологической и психической адаптивности.

Существенным затруднением реализации студентами-психологами диалогического взаимодействия в педагогическом процессе явилось несформированность должным образом необходимых установок на данный вид работы.

Такое положение вещей свидетельствует о необходимости развития диалогических способностей студентов-психологов, для чего нами использованы тренинги, которые проводились в ходе формирующего эксперимента в вузе.

Существенным итогом экспериментальной работы стало сокращение количества конфликтов во взаимоотношениях «студент – студент», «студент – преподаватель», повышение контроля студентов над собственным межличностным взаимодействием в сторону диалогизации контактов, использование диалога на занятиях. Выявленные изменения свидетельствуют о повышении уровня диалогического взаимодействия у студентов-психологов, как в теоретическом, так и в практическом планах.

В итоге, разработанные нами программы специальных тренингов, программы совместной деятельности участников образовательного процесса по формированию диалогического взаимодействия в вузе позволяют оптимизировать процесс формирования эффективного педагогического взаимодействия в вузе и управлять развитием и совершенствованием способностей к диалогическому взаимодействию у преподавателей и студентов гуманитарных специальностей.

Лазарев Н. М., Лазарева Ю. Н. (Владимир)
ЗДОРОВОЕ ТЕЛО ВО ВРЕМЯ МИРОВОГО КРИЗИСА

В наше время разум выходит на ведущую роль, человек всячески пытается упростить свою жизнь, не обращая внимания на тело. Ведь нельзя забывать, что тело – это неотъемлемая часть нашего «Я», фундаментальная ценность человека, которая имеет первостепенную значимость в жизненных процессах. Тело – это изначальная данность в бытие родившегося младенца. Развиваясь, ребенок, прежде всего, вычленяет из реальности именно свое тело. Позже тело становится основой личности и сознания и воспринимается как «Я». Именно телесно-чувствительный опыт становится фундаментом психического развития и самопознания. В процессе развития тело формируется как универсальный, общечеловеческий язык, выражающий и передающий чувства и отношения к другим людям. Тело, по словам М. Сандомирского, является «...своего рода экраном, на который проецируются символические послания подсознания. Экран на котором все «тайное» (подсознательное) становится «явным» (сознательным) или, по крайней мере, получает потенциальную возможность стать таковым...взаимосвязь тела («сумы») и психики всегда двухсторонняя. Как все соматические расстройства имеют свои психологические «корни», так и любые психологические проблемы всегда приносят психосоматические «плоды»».

В рамках мирового кризиса идет сильнейшее психологическое давление со стороны средств массовой информации. Стрессогенная обстановка усиливается во много раз. В связи с этим вопрос психосоматики встает очень остро. Под психосоматикой в психологии понимают следующее. По словам М. Сандомирского – «это телесное отражение душевной жизни человека, включая как телесное проявление эмоций (следствием дисбаланса которых и становится психосоматические болезни), так и «зеркало» иных подсознательных процессов, телесный канал сознательно-подсознательной коммуникации».

Проявляется данная проблема на двух уровнях – психологическом и физическом. Психологическими проявлениями могут быть - необъяснимая тревога и беспо-

койство без повода, подавленное настроение и эмоциональная неуравновешенность. Обычные бытовые страхи принимают уровень фобий. Все что человек не может проконтролировать, объяснить, осознать интерпретируется у него как страх смерти. Данный вид страха не понимается буквально. Это боязнь чего-то непознанного, непонятого и опасного для жизни. Для данного состояния характерно чувство утраты значения всего того, что ранее составляло жизнь человека, разрушения прежних привязанностей и освобождения от прежних ролей.

Еще одно очень важное состояние, которое переживает человек вследствие кризисного состояния – это суженное состояние сознания. Оно возникает из-за постоянных и назойливых мыслей, которые транслируют СМИ и общество. Человек практически не может от них абстрагироваться, у него сужается круг интересов и желаний. Последствия данного факта серьезные – нарушение коммуникации, потеря ориентиров и жизненных ценностей, страх перед завтрашним днем. Все это предпосылки для появления неврозов и психических заболеваний.

На телесном уровне проявления кризисных ситуаций не заставляют себя долго ждать. Расстройства могут возникать как непосредственно в момент стрессовой ситуации, так и некоторое время спустя. Это могут быть частые головные боли, мигрени, нарушение функций желудочно-кишечного тракта, приступы астмы, нарушения работы сердечно-сосудистой системы, заболевания опорно-двигательного аппарата, снижение иммунитета и др. Снижение иммунитета, в свою очередь, может привести к появлению серьезных заболеваний. В частности, в данное время, наблюдается сильная эпидемия Гриппа.

Таким образом, последствия затяжного мирового экономического кризиса очень печальны. Сложившееся ситуация еще раз доказывает необходимость более глубокого внедрения методик интегративной психологии во все сферы общественной жизни. Только таким образом можно достичь улучшения качества жизни и здоровья человечества.

Лазаряни О.В. (Ярославль)
ОТЧУЖДЕНИЕ И ОДИНОЧЕСТВО – ЭКЗИСТЕНЦИОНАЛЬНАЯ
ПРЕДОПРЕДЕЛЕННОСТЬ СТАРЕНИЯ

Феномен одиночества занимал умы людей с древних времен, также как и само явление практиковалось всегда и в разных целях: для наказания, для обретения целостности, в ритуальных техниках, инициациях.

Проблема одиночества в философии и социологии рассматривается в контексте феномена отчуждения, который связан с потерей, деформацией личностной и социальной идентичности. Именно такие трансформации происходят с человеком в период кризиса старения, а учитывая, что значительную долю населения Российской Федерации составляют люди пенсионного возраста, то эта проблематика сейчас является востребованной.

Отчуждение выступает сегодня как универсальная и многогранная категория, охватывающая широкий спектр социальных и психологических процессов и состояний, характеризующих отношения человека с социальными группами, обществом и миром. Проблема одиночества практически во всех научных трудах рассматривается через призму отчуждения, поэтому и мы будем проводить исследование в этом контексте. Истоки проблемы отчуждения выявляются уже в философии Платона, как философская категория понятие отчуждения разработано, прежде всего, в трудах Г. Гегеля, Л. Фейербаха, К. Маркса. В западно-европейской науке разработка идет в самых разных направлениях, в частности, в психоанализе: З. Фрейд, К. Хорни, Э. Фромм, Э.Эрикссон, в экзистенциализме и экзистенциальной психологической мысли: М. Хайдеггер, К. Ясперс, Ж.П. Сартр, А.Камю, в христиан-

ском экзистенциализме: М. Бубер, в социологических концепциях: Г.Зиммель, Э. Дюркгейм, Р. Мертон, М. Симен.

Категория "отчуждение" получила свое освещение в ряде работ отечественных психологов: С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, К.А. Абульхановой-Славской, А.А. Меграбяна, В.С. Мухиной, И.С. Кона В.В. Новикова, Г.М. Мануйлова, А.В. Петровского, В.А. Петровского, М.В. Полевой, В.А. Абраменковой, А.Е. Горбушина, Н.П.Фетискина и др.

Все эти направления и их представители не сформулировали единого подхода к рассматриваемым понятиям, но из всех исследований вытекает, что отчуждение в современном мире является первопричиной одиночества, т.к. отчуждение – это, прежде всего разотождествление с собой, утрата экзистенциальных ценностей, разрыв с сущностными характеристиками. Могущество человечества в эпоху прогресса науки и техники предопределило его же бессилие. Собственная мощь противопоставит ему как чуждая сила, в этом — существенный момент парадоксальности современной эпохи: потеря человеком собственных убеждений, традиции, коммуникабельности, его одиночество (Ортега-Гассет); отсутствие личной ответственности, собственного мышления, его деятельность вне «Я» (Ясперс); трагедия самосознания превращенного в ничто человека (Кафка); скандал духа, кризис культуры, бытия и сознания (экзистенциализм); эстетика художественного выражения духовной бесформенности и внутреннего разложения современного чело-

века (Пикассо); бессилие человека перед собственным развитием (Кассирер); конформностное сознание одного человека (Маркузе); антипрактика — антицель — отчуждение (Сартр); сытое счастье находящегося в опасности человека (Бодамер); превращение средств в цель (Фромм); безнадежность ожидания (Бекет); сизифов труд бунтующего человека (Камю).

Также в современной науке существуют теоретические модели объяснения одиночества, которые пытаются высчитать основные причины, характеристики одиночества, личностные черты, способствующие формированию этого состояния. В разработке теоретических подходов активное участие принимали такие представители различных направлений социологии и психологии как Дж. Зилбург, Л. Салливан, Ф. Фромм-Рейхман (психодинамический подход); Боумен, Д. Рисмен, Слейтер (социологический подход), К. Мустакас (экзистенциальный подход), К. Роджерс, Мур, Эдди (феноменологический подход), Л. Э. Пепло, Серма (когнитивный подход), Вейс (интеракционистский подход).

Особую остроту приобретает проблема одиночества и отчуждения в пожилом возрасте, когда личность уже не востребована обществом в качестве трудового потенциала, социальным окружением — как значимого другого с социальным статусом, материальным положением и знаниями, духовным опытом.

На наш взгляд, существуют взаимосвязи между сформировавшимся/ несформировавшимся чувством одиночества и социальными показателями, потенциально способствующими этому процессу в пожилом возрасте. Для уточнения этого предположения, мы рассмотрели процесс формирования теоретических моделей одиночества и отчуждения в философии, социологии и психологии, проанализировали существующие подходы к объяснению одиночества, выявили группы пожилых людей, характеризующиеся разными уровнями переживания одиночества. Нами в процессе исследования выявлена корреляция одиночества по гендерному признаку в выборке пожилых людей, определены зависимости между субъек-

тивным переживанием одиночества в пожилом возрасте и объективными социальными характеристиками (уровень образования, семейный статус, степень социальной активности).

В ходе исследования нами показано, что социальные характеристики (образовательный статус и уровень социальной активности) оказывают значимое влияние на уровень одиночества в пожилом возрасте. Также мы эмпирически доказали, что уровень образования и социальной активности детерминируют стратегию социального поведения при изменении интегрального статуса (при выходе на пенсию), чем выше образовательный уровень пожилого человека, тем больше степень его адаптации в новых условиях пенсионной жизни. Исследование показало, что уровень адаптации к состоянию одиночества в пожилом возрасте не коррелирует с семейным статусом пожилого человека.

Проведенный теоретический и эмпирический анализ проблем одиночества и отчуждения личности в пожилом возрасте позволил выделить и обобщить психологические особенности механизмов воздействия различных социально-психологических факторов на остроту и глубину переживания одиночества в пожилом возрасте.

Экзистенциальный кризис пожилого возраста, ассоциированный с утратой смыслов, социальных контактов, рассматривается в контексте адаптации к чувствам одиночества и заброшенности. В свою очередь, повышение социально-психологической адаптивности через принятие одиночества как экзистенциальной самооценности мы рассматриваем как расширение ресурсного потенциала личности пожилого человека.

Вне сомнения, человек приходит в этот мир в отдаленности от других и уходит из этого мира в одиночестве. Экзистенциальная предопределенность одиночества человека в старости хотя и является социально-психологическим фактом, но может полноценно переживаться личностью как «значимого другого» при сохранении чувства значимости пожилого человека для себя и коммуникативной активности.

Лукеева М.В. (Нижний Новгород)
ИНТЕГРАТИВНОЕ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ
ПРОЦЕССА РЕАБИЛИТАЦИИ ПАЦИЕНТОВ МЕДИКО-
ПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Гуманистическая парадигма взаимоотношений медицинского персонала с пациентами строится на креативном и средовом метаподходах, а также использует идеи аксиологического, гуманитарно-культурологического, личностно-деятельностного, мотивационного, диалогического, интегративного подходов. В процессе поиска новых форм построения взаимодействия с пациентами необходимо соблюсти целенаправленность, целостность, эгалитарность связей между участниками восстановительного лечения. Эти характеристики определяют действия медицинского персонала, их последовательность и содержание.

Анализ педагогических исследований даёт нам основание представить разработанную нами модель психолого-педагогического сопровождения процесса реабилитации пациентов, выстроенную на соответствующих ведущих принципах:

Гуманистическая этическая направленность воплощается в следующих принципах:

признание самоценности личности пациента в процессе лечебных и реабилитационных мероприятий;

признание гуманно-личностного подхода медицинского персонала к пациентам.

Психологическая направленность воплощается в следующих принципах:

ориентация процесса реабилитации пациентов на ресоциализацию, становление субъектной позиции, формирование положительной «Я-концепции»;

направленность реабилитационного процесса на включение пациентов во все виды деятельности, освоённые им до заболевания;

опора на единство развития интуитивного и осознанного начал в процессе восстановления нарушенных функций;

признание самостоятельности пациента в её различных проявлениях одним из важнейших стимулов реабилитационного процесса;

осуществление взаимосвязи обучения и самообразования;

ориентация на зону ближайшего развития каждого пациента;

признание позитивного психологического микроклимата основой реабилитационного процесса;

ориентация на реализацию различных аспектов психотерапевтического воздействия в ходе реабилитации.

Педагогическая направленность проявляется в следующих принципах:

диалектическая взаимосвязь педагогической цели и средств реабилитационного процесса;

единство воспитания, обучения и развития пациентов в ходе медико-социальных воздействий;

доминирование в процессе восстановления нарушенных функций нерегламентированной деятельности пациентов, которая осуществляется ими в повседневной жизнедеятельности вне процедур и групповых занятий;

сочетание инвариантного (процедуры и занятия лечебной физкультурой) и вариативного (самообслуживание) блоков в реабилитационном процессе, обеспечивающее индивидуально-дифференцированный подход к ресоциализации и развитию пациентов;

ориентация процесса реабилитации пациентов на ведущую деятельность (у дошкольников - игровую, у школьников и студентов - учебную, у взрослых - трудовую, у пенсионеров - рекреационную);

деятельностное восстановление нарушенных функций в различных формах организации и самоорганизации пациентов в процессе их повседневной жизнедеятельности;

рассмотрение среды лечебно-профилактического учреждения как средства реабилитации пациентов;

адекватность поведения медицинского персонала задачам и содержанию процесса реабилитации пациентов.

Совокупность обозначенных принципов обеспечивает целостный подход к проектированию процесса реабилитации пациентов.

Проектирование технологического процесса психолого-педагогического сопровождения реабилитации начинается с составления программы, имеющей в своем фундаменте два слоя: целеобразовательный и содержательный.

Главной целью психолого-педагогического сопровождения является достижение пациентом оптимального уровня эмоциональной устойчивости и волевой включенности в реабилитационную деятельность.

Слой целеполагания выстроен на сочетании задач развития личности пациента и его обучения. Задачи развития реализуются через ознакомление персонала с образом жизни пациента в социуме и его мировосприятием в ходе бесед, отражающих соответствующие особенности мышления и поведения. Для блока целеполагания характерны интеграционные процессы. Интеграция подразумевает единство системы знаний о существующих ограничениях функциональной деятельности организма, освоенных пациентом способов жизнедеятельности, реконструированного мировосприятия с сохранением позитивной самооценки и перспективы возвращения к привычному образу жизни.

При формулировке цели важно выделить не только желаемые результаты, но и уровень их достижения. Поэтому алгоритмизированные и диагностируемые заданные цели отслеживаются благодаря мониторингу исходного и достигнутого уровня реабилитации пациентов, ведущими компонентами которого являются анализ качества психо-эмоционального состояния пациентов и диагностики степени восстановления нарушенных функций.

Психолого-педагогическое проектирование содержательного слоя процесса реабилитации проходит в несколько этапов — исходно-диагностический, исходно-установочный, организационно-подготовительный, содержательно-технологический, реализационно-корректировочный, итогово-аналитический.

Задачи реабилитации решаются путём создания условий для усвоения пациентами необходимой медицинской информации и овладения ими системно-усложняющимися способами деятельности по преодолению ограничений, связанных с заболеванием.

Характеризуя содержание психолого-педагогического сопровождения процесса реабилитации, отметим его ориентацию на реализацию пациентом его личностных функций (свободный выбор, самостоятельность, опора на имеющийся социальный опыт). Специфическими особенностями благоприятной для реабилитации среды с психолого-педагогической точки зрения являются:

среда лечебно-профилактического учреждения должна служить основой для реабилитации не только в деятельностно-операциональном, но и в мотивационно-эмоциональном аспекте;

продолгации лечебного эффекта способствует создание условий для нерегламентированной деятельности по восстановлению нарушенных функций в сочетании с регламентированной (организованной медицинским персоналом);

направленность на активную позицию пациента в реабилитационном процессе ускоряет его ресоциализацию;

включение близкого окружения пациентов (членов семьи, друзей, коллег, соседей по палате) в процесс реабилитации позитивно влияет на его качество.

Средообразование реабилитационного процесса занимает центральное место в содержании психолого-педагогического сопровождения и представлено следующими компонентами:

Анализ ситуации и постановка психолого-педагогической задачи, ориентированной на субъекты и объекты и результаты реабилитации.

Медицинский персонал как субъект процесса реабилитации, ориентированного на развитие самостоятельности пациента как в поведенческом плане, так и в плане принятия и реализации решений.

Среда лечебно-профилактического учреждения как комплексное средство ресоциализации и телесного восстановления выздоравливающих.

Логические связи компонентов системы на уровне взаимодействия в вариативных формах организации средообразовательного реабилитационного процесса подразумевают:

деловое взаимодействие субъектов по поводу овладения пациентами отдельными приёмами деятельности, осваиваемыми в регламентированном лечебно-реабилитационном процессе;

взаимодействие медицинского персонала и пациентов в совместной реабилитационной деятельности на уровне личных отношений в неформальной ситуации нерегламентированного общения;

овладение пациентами приёмами самообслуживания и другими видами реабилитационной деятельности без непосредственного участия медицинского персонала (с помощью близкого окружения и самостоятельно).

Проектирование вариантов реабилитационного воздействия и выбор оптимального решения в конкретных условиях лечебно-профилактического учреждения необходимо совершать на основе комплексного мониторинга качества средообразовательного процесса, направленного на восстановление и развитие соматики пациента с учётом его личностных качеств.

Логика и механизм последовательной, поэтапной реализации психолого-педагогического сопровождения является частью разворачивающейся во времени медицинской технологии процесса реабилитации пациентов. Она представлена целостностью организованной (регламентированной) и нерегламентированной (совместной с медицинским персоналом, представителями близкого окружения и самостоятельной) реабилитационной деятельности пациентов вне процедур и занятий ЛФК. Психолого-педагогическое сопровождение ориентировано на сохранение позитивного эмоционального настроения пациента в процессе восстановления нарушенных функций и

возвращения к привычному образу жизни после перенесённого заболевания.

Психолого-педагогическая компетентность медицинского персонала в организации обучения выздоравливающих больных и при подготовке их к выписке оказывается первостепенным фактором гуманизации лечебного процесса. В общем виде психолого-педагогическая компетентность определяется готовностью персонала к взаимодействию с пациентами с учётом характеристик их

личности, особенностей поведения и мировосприятия в соответствии с накопленным опытом жизнедеятельности.

Программа реабилитации должна составляться с учетом 3 показателей: текущего состояния здоровья уровня его физической подготовленности пациента и особенностей его мотивационно-потребностной сферы. Такой подход способствует успеху соматической и эмоциональной коррекции.

Лисовенко Б.С. (Ярославль) К ВОПРОСУ О ДЕТЕРМИНАНТАХ ПРЕОДОЛЕНИЯ РОЛЕВОГО КОНФЛИКТА

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта НШ-5262.2006.6

Нестабильная социально-экономическая ситуация в нашей стране, а с недавнего времени – и мировой экономической кризис привели к ряду важных социально-психологических и социально-профессиональных последствий.

Сложившуюся ситуацию хорошо описывает М. Пальчик, говоря об одной из ступеней бытия, освоенной человеком – уровнем событийных потоков: «... и совсем другое дело – оказаться в живом потоке событий, где на размышления времени нет. Это напоминает скорость решения водителя на оживленной трассе: каждое решение должно быть принято мгновенно и окончательно. Такие решения не обдумываются; они являются в виде точного знания» (М. Пальчик, 2007, с.13). По его мнению, это возможно, если овладеть приемами системного (целостного) мышления, которое является синтезом двух разных стилей, «иньского» (основанного на эмоциональном и чувственном восприятии мира, спонтанном и непредсказуемом) и «янского» (связанного со способностью принимать ответственные решения, отстаивать их и создавать изменения) (М. Пальчик, 2007, с.219). М. Пальчик отмечает, что современный человек, как правило, имеет склонность либо к первому, либо ко второму способу мышления.

На наш взгляд, эти два вида мышления сопоставимы с типами мышления по Дж. Гифлорду: иньское – дивергентное (целостное, интуитивное), янское – конвергентное (аналитичное, линейное). Приверженность какому-либо одному стилю мышления накладывает определенные ограничения на поведение человека, делает его эффективным в одних ситуациях и неэффективным – в других.

Нам интересен аспект применения разных стилей мышления в ситуации ролевого конфликта руководителей как ситуации предъявления несовместимых (взаимоисключающих) противоречий (С.И. Ерина, 1984, 2000, 2005).

Как показывают исследования (С.И. Ерина, 1984, 2000, 2005; О.А. Гаврилица, 1998; Е.Е. Корнеева, 2006; О.Н. Калинина, 2000; С.И. Ерина, Е.Б. Камчаткина, 2002; А.А. Головачев, С.И. Ерина, 2000; А.А. Филочева, 2003, 2006), далеко не все руководители справляются с ролевым конфликтом. Имеются данные о том, что способность найти выход из ситуации РК связана с определенными личностными качествами (А.А. Филочева, 2006).

В этой связи представляет интерес теория социального мышления К. А. Абульхановой, в которой в качестве механизма сознания личности изучаются и описываются социальные представления (2002). К. А. Абульханова отмечает, что эти представления могут быть как независимы и параллельны по отношению друг к другу, так и противоречивы (например, по времени, по личностному и общественному или ценностному основанию) (К.А. Абульханова, 2002). Будучи осознанными, представления могут быть воплощены в форму проблем и уже тогда решены.

Именно в этом случае, на наш взгляд, может идти речь о разрешении ролевого конфликта – если ожидания

(или социальные представления) восприняты и осознаны как несовместимые (С.И. Ерина, 2000).

В настоящее время в Ярославской психологической школе имеется методологическая и практическая база для изучения механизмов и способов разрешения конфликтов в целом. Преимущественно данные вопросы рассматриваются через призму индивидуально-личностных особенностей и проявлений креативности (творчества) (М.М. Кашапов, 2003). В то же время мы отмечаем, что не хватает исследований «интенсивного» характера, вскрывающих механизмы динамики ролевого конфликта, механизмы и детерминанты его разрешения.

Имеются данные о том, что способность найти выход из ситуации РК связана с определенными личностными качествами (А.А. Филочева, 2003, 2006). Это согласуется с теорией социального мышления – в том плане, что опосредующим звеном в разрешении противоречий будет мыслящая личность. Эта способность личности применительно к ситуации ролевого конфликта требует научного осмысления.

В последние 20 лет ряд исследователей говорит о формировании специфического типа личности, которую некоторые называют «парадоксальной личностью» (Л.Д. Кудряшова, В.И. Секун, Ж.Т. Тощенко, С.И. Ерина). Отличительной особенностью данной личности является умение или способность «совместить несовместимое» или проявить устойчивость к ситуации ролевого конфликта.

По М.М. Кашапову, предпосылка для совмещения несовместимого и для творческого осмысления конфликтного взаимодействия создается благодаря креативности (М.М. Кашапов, 2003). Можно предположить, что механизмом разрешения конфликта является креативность как способность выдвигать множество в равной мере правильных идей относительно одного и того же объекта в нерегламентированных условиях деятельности (Д. Гилфорд) или способность к обостренному восприятию недостатков, дисгармонии и т.д. (Е. Торренс).

Одной из особенностей парадоксальной личности, как показали исследования С.И. Ериной (2005), является высокая коммуникативная активность и открытость к сотрудничеству. А ведь именно в коммуникативной сфере руководители с выраженным ролевым конфликтом испытывают наибольшие трудности. В связи с этим мы ставим вопрос об уместности использования термина социальная креативность, который бы отражал возможность творчества в социально-психологическом поле влияния личности.

Чичук Е.Ю. определяет социальную креативность как интегративное многоаспектное свойство личности, которое обеспечивает творческое субъектное преобразование социоэкономического пространства; выражается в создании личностью новых способов решения социоэкономических задач, новых продуктов социальной реальности (Е.Ю. Чичук, 2006).

В связи с этим встает и другой закономерный вопрос – о соотношении между социальной креативностью и

парадоксальностью и их роли в преодолении ситуации ролевого конфликта.

Мы провели пилотажное исследование по изучению взаимосвязи креативности и уровнем выраженности ролевого конфликта. Выборка составила 60 человек в возрасте от 22 до 55 лет (педагоги и менеджеры среднего звена). Была установлена значимая связь (на уровне тенденции) между уровнем выраженности ролевого конфликта (опросник С.И. Ериной) и уровнем разработанности (тест невербальной креативности Торренса) ($r = -0,51$, $p \leq 0,01$).

Показатель разработанности отражает способность детально разрабатывать придуманные идеи. Высокие значения этого показателя характерны для людей, способных к изобретательской и конструктивной деятельности. Связь данного показателя с уровнем ролевого конфликта можно объяснить одной характерной особенностью креативности, которую описывают в психологической литературе. Креативные личности способны порождать новые идеи, но далеко не всегда воплощают их в жизнь. Как указывает Е.Н. Шиянов, характер зарождения и развития творческой идеи обуславливает участие в данном процессе двух типов мышления: дивергентного

и конвергентного. Дивергентное мышление (креативность, по Гилфорду) задействовано на этапе поиска идеи. Однако для разрешения ролевого конфликта недостаточно только знания (идеи) того, как этот конфликт можно разрешить. Необходимо действовать, а действие есть последовательное преобразование ситуации (конвергентное, или «янское» мышление).

На следующем этапе исследования мы изучили взаимосвязь парадоксальности и типа креативности (вербальной, невербальной и личностной). Исследование проводилось на студентах ЯГМА 4-5 курсов, общая выборка составила 100 человек, из них 74 девушек, 26 юношей. Испытуемым был предъявлен опросник парадоксальности, разработанный И.А. Надеинской под руководством С.И. Ериной, тест личностной креативности Е. Туник, тест вербальной креативности С. Медника и невербальной креативности Торренса. С помощью коэффициента линейной корреляции установлена связь на уровне тенденции между парадоксальностью и показателями личностной креативности – склонностью к риску ($r = 0,51$, p

$\leq 0,05$), любознательностью ($r = 0,44$, $p \leq 0,05$), сложностью ($r = 0,55$, $p \leq 0,05$).

Любознательность проявляется в поиске новых путей (способов) мышления и решения задач, изучении новых идей. Под сложностью понимается интерес к познанию сложных явлений, настойчивость в достижении целей, интерес к сложным задачам, самостоятельность и независимость в их решении. Склонность к риску также отражает такой показатель, как независимость суждений и принятия решений, устойчивость к чужому мнению, готовность пойти на риск, чтобы узнать, что из этого получится.

Это соотносится с исследованием С.И. Ериной и И.А. Надеинской, в котором выделяются такие особенности высокопарадоксальных людей, как высокие умственные способности, готовность к преодолению жизненных трудностей, целенаправленность в достижениях, стремление к самостоятельности, независимому поведению, низкая склонность придерживаться традиций, оригинальность (С.И. Ерина, 2005).

Наши данные подтверждают результаты предыдущих исследований. Отсутствие значимых корреляций между показателями вербальной и невербальной креативности и парадоксальностью предполагают дальнейшее исследование этих параметров на более другой социально-профессиональной выборке. Также необходимо переосмыслить данные обоих этапов работы о связи парадоксальности, уровня ролевого конфликта и определенным видом креативности и, возможно, провести дополнительные исследования.

Таким образом, имеются убедительные свидетельства того, что существует эмпирическая связь между таким показателем невербальной креативности, как разработанность, и уровнем выраженности ролевого конфликта, а также между парадоксальностью и личностной креативностью. В то же время остается пока неясной связь между другой стороной треугольника «Ролевой конфликт – креативность – парадоксальность», а именно – характер связи (и ее наличие) между РК и парадоксальностью.

Дополнительные данные по нашей проблематике будут получены в скором времени по результатам исследования, проводящегося в одной из организации г. Ярославля.

Ложкова Г.М. (Тобольск) ТЕХНОЛОГИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ

проведенный современными авторами анализ позволяет утверждать, что в современных условиях гуманизации образования выросла объективная потребность в формировании новой отрасли теоретического знания и практической деятельности – отрасли сопровождения процессов развития.

Возникновение теории и практики сопровождения, по мнению Е.И. Казаковой, обусловлено:

общим пониманием процесса развития как процесса решения личностью (или сообществом) тех или иных проблемных ситуаций (преодоления противоречий, выступающих движущей силой процесса развития);

выделением в качестве значимого понятия – понятия саморазвития, трактуемого как фундаментальная способность субъекта становиться и быть подлинным субъектом своей собственной жизни, превращать собственную жизнедеятельность в предмет практического преобразования;

констатации в качестве объективной реальности множественных проблемных ситуаций, характеризующим действием позитивных и негативных факторов, влияющих на развитие;

определением роли самостоятельной активности субъекта развития как основного условия оказания помощи в предупреждении и преодолении проблем.

В работах специалистов в настоящее время выделяются три основных вида сопровождения:

предупреждение возникновения проблемы; обучение сопровождаемого методам решения проблем в процессе разрешения проблемной ситуации; экстренная помощь в кризисной ситуации.

В некоторых источниках выделяются индивидуально-ориентированное и системно-ориентированное сопровождение.

Индивидуально-ориентированное направлено на решение конкретных проблем личности (или системы), системно-ориентированное сопровождение предназначено для предупреждения проблем или

решения проблем, характерных для большой группы людей или систем.

Таким образом, субъектом сопровождения может выступать как отдельный человек, так и целая образовательная система.

Основанием системы сопровождения человека является концепция свободного выбора как условие развития. Развитие понимается как выбор и освоение субъектом тех или иных инноваций. Отличие сопровождения от других видов помощи связано с его направленностью на раскрытие внутреннего потенциала системы, активизации его внутренних ресурсов по решению проблем.

Под сопровождением понимается специальный вид помощи субъекту, направленный на предупреждение и преодоление проблем его развития, а также создание условий для принятия субъектом оптимальных решений в различных ситуациях жизненного выбора. Ситуация жизненного выбора – это множественные проблемные ситуации, путем разрешения которых человек определяет для себя путь развития.

Сопровождение – это комплексный метод, в основе которого можно выделить несколько этапов:

- диагностика сущности возникшей проблемы;
- информация о проблеме и путях ее решения;

обсуждение возможных вариантов решения проблемы со всеми заинтересованными людьми и выработка плана решения проблемы;

первичная помощь на этапе реализации плана решения.

Основными принципами сопровождения являются:

право человека на свободный выбор своего пути развития;

индивидуальный подход;

запрет на проектирование результата;

принцип реальности, предполагающий принятие жизни во всей полноте;

ответственность субъекта за принятие решения;

приоритет интересов сопровождаемого;

непрерывность сопровождения;

принцип реальности (психолог не берет на себя задачи переделать клиента, он содействует в преодолении затруднений, создает условия для смысловой переработки проблемы и помогает человеку открыть внутренние ресурсы для того, чтобы стать автором своей жизни).

В основе системы психологического сопровождения должна лежать теоретическая модель, представляющая собой единство концептуальных положений и используемых психотехнологий, сориентированная на содержание проблем не только образования, но и профессиональной деятельности.

В профессиональной деятельности целесообразно учитывать индивидуальные особенности личности при постановке профессиональных задач. Для этого разрабатывается психологическое сопровождение, которое должно базироваться на углубленной и разносторонней психодиагностике и составление по ее результатам индивиду-

альных программ обучения и развития. Учет индивидуальных особенностей позволяет оптимизировать профессиональную деятельность, помогает в выработке индивидуального стиля деятельности.

Психологическое сопровождение инновационной деятельности предполагает несколько этапов. Один из них – вхождение группы (субъекта) в инновационную деятельность, создание эффективной команды.

Как известно, развитие группового вида деятельности характеризуется следующими параметрами:

наличием общих целей и совместной работы по продвижению к ним;

доверием и уважением участников друг к другу;

взаимной поддержкой участников;

принятием участниками ответственности за свою работу в группе;

сочетанием внутренней сплоченности и ее открытости внешнему миру;

установлением гласных и негласных правил, способствующих эффективной работе группы;

выработкой оптимального рабочего ритма;

отношением участников к удачам и неудачам,

преодолением ошибок для дальнейшего продвижения вперед.

Поведение ведущего является для участников группы образцом. От того, как работает руководитель, с какими собственными проблемами он пришел, зависит психологический настрой в группе. Существует ряд правил, которыми, целесообразно руководствоваться при организации групповой работы.

Правило 1. «Мы вместе, я и группа, группа и я, нам интересно!»

Правило 2. «Я принимаю всех, всех замечая, они мне помогают, а я помогаю им».

Правило 3. «Есть разные группы: «доверчивые» и «осторожные», «открытые» и «закрытые». Я знаю – вместе мы – сила».

Правило 4. Многообразие позиций возможно и все должно быть направлено на конструктив.

Правило 5. «Умение вести себя нестандартно – одно из важнейших для человека».

Задача ведущего – помочь группе эффективно использовать имеющиеся у нее ресурсы.

Эффективность групповой работы повышается, если ведущий сам проявляет живой интерес и воспринимает свое вмешательство как увлекательную игру, в которой каждый может чему-то научиться. Полезно видоизменять знакомые упражнения и вносить что-то новое, чтобы и у группы и у ведущего сохранялся живой интерес к происходящему.

Очень хорошо, если участники время от времени отклоняют предложения ведущего, тем самым, беря на себя больше ответственности.

Успешная работа в группе – скорее искусство, чем наука.

Мазур Ю.О. (Омск) ВОЛЯ КАК ГЛУБИННЫЙ ЛИЧНОСТНЫЙ РЕСУРС

Современная эпоха характеризуется социальной, политической, экономической нестабильностью, и обостряет духовный кризис, вызванный трансформацией ценностей, на которые прежде ориентировалась личность. В связи с этим все более актуальным становится вопрос о том, что позволяет человеку все-таки справляться с трудностями, достигать поставленных целей и разрешать задачи нравственного характера. По нашему мнению, именно воля, представляя собой основание личности, определяет способности человека преодолевать кризисные си-

туации, выживать в состоянии внутреннего дефицита ресурсов, реализовывать творческий потенциал вопреки внешним ограничениям.

О воле в психологической литературе написано очень много, однако единой точки зрения на ее природу до сих пор нет. В тоже время предпринималось немало попыток игнорировать понятие воли и исключить его из научного психологического словаря, но жизнь продолжает предъявлять научной психологии запрос, которым она не может пренебречь.

Изучение воли в историческом аспекте можно разделить на несколько этапов. На первом этапе предпринималась попытка прояснения воли как механизма осуществления действий, побуждаемых разумом человека помимо или даже в противовес его желаниям. Усилия исследователей на втором этапе направлялись волюнтаризмом, когда воля определялась как особая надприродная сила. На третьем этапе волю связывали с проблемой выбора и борьбой мотивов. Четвертый этап обнаруживает волю как механизм преодоления препятствий и трудностей на пути к достижению цели. Это, в конце концов, привело к возникновению двух главных противоборствующих течений в психологии по вопросу о природе воли. В рамках одного из них воля связывается с волевым усилием и преодолением препятствий (В. Джемс, Л.С. Выготский, В.А. Иванников, П.В. Симонов и др.). В рамках другого воля представляется в контексте проблемы мотивации (А.Н. Леонтьев, Ф.Е. Василюк, А. Маслоу, В. Франкл и др.).

Рассмотрим подробнее основные психологические подходы, раскрывающие феномен воли.

Приверженцы первого подхода трактуют волю на уровне действия - как волевое усилие и как способность человека действовать в направлении сознательно поставленной цели, преодолевая при этом внешние и внутренние препятствия. У. Джемс считал главной функцией воли принятие решения о действии (от лат. *Fiat!* - Да будет!). Волевое усилие состоит в направлении человеком своего сознания на непривлекательный, но нужный объект и сосредоточении на нем всего внимания. П.В. Симонов указывал, что воля есть потребность преодоления препятствия. Именно характер преграды, а не первичный мотив определяет состав действий, то есть силу воли, как механизма самопринуждения. В концепции В.А. Иванникова воля рассматривается как произвольная форма мотивации и является необходимой в тех случаях, когда не хватает побудительной силы мотива. Таким образом, в рамках первого подхода феномен воли определяется через категорию осознанности, произвольности, через понятие «волевого усилия» (как способности человека преодолевать и овладевать самим собой), в тоже время практически исключается мотивационный компонент в волевой активности личности.

Представители второго подхода рассматривают волю на уровне личности, реализующей социально-значимые мотивы. По мнению Ю.Б. Гиппентрейтер основными критериями волевой деятельности являются, во-первых, ее успешность, которая определяется зарядом энергии и устремленностью к целям, во-вторых, высота социально-значимых мотивов. И в представлении Ф.Е. Василюка, воля обнаруживает себя силой мотива, которая появляется в процессе и в результате ценностного развития личности. По А.Н. Леонтьеву сила мотива связана с приматом социально-значимой мотивации, по А. Маслоу - со служением бытийным ценностям, с точки зрения В. Франкла - с трансценденцией личности за пределы собственного существования. Иначе говоря, волевая личность характеризуется мотивационной «конгруэнтностью» - согласованностью желания, решения и исполнения. При этом борьба мотивов и усилия воли перестают быть актуальными. Выбор главного стремления (служение общечеловеческим ценностям и идеалам) уже сделан, и он заранее определил все возможные выборы.

Однако, изложенные выше подходы не раскрывают в полной мере сущность воли, а отражают различные стороны воли как феномена, и представляют собой необходимые и дополняющие друг друга характеристики волевой деятельности. Ориентация на интегративный подход (А.В. Карпов, В.В. Козлов, В.А. Мазилков, В.В. Новиков и др.) побуждает рассмотреть волю как целостный феномен, проявляющийся и в материальном, и в соци-

альном, и в духовном мирах личности. Когда мы раскрываем лишь отдельные составляющие воли, то на самом деле сводим ее либо к произвольному усилию, либо к свободе выбора, либо к социально-значимой мотивации.

Так, многие авторы разводят понятия «воля» и «произвольность». По мнению Е.О. Смирновой, воля и произвольность могут не совпадать. Волевой человек, обладающий устойчивой иерархией мотивов и вытекающими отсюда качествами настойчивости, решительности, целеустремленности, далеко не всегда способен к произвольной организации своего поведения (не владеет собой, не контролирует себя). Напротив, человек с развитой произвольностью, то есть хорошо владеющий собой, организованный, сознательно управляющий собой, может не обладать устойчивой системой собственных мотивов и ценностей и, следовательно, является слабovolным.

При рассмотрении воли как активности, направленной на реализацию социально-значимых мотивов, также возникают вопросы, так как понятие внутренней мотивации применимо к случаям заинтересованности делом и не предполагает преодоления себя и, соответственно, волевых усилий.

Ошибочно также отождествлять волю со свободой выбора и принятием решения. Есть ситуации, которые не предоставляют никакого выбора и в тоже время вызывают волевое действие. По мнению А.Н. Леонтьева, одним из примеров таких ситуаций является приказ командира. Выполнить чрезвычайно трудно, так как надо мобилизовать всю волю. Подняться в атаку и оторваться от земли очень трудно, но альтернативы нет, она никогда не обсуждается, нужно действовать и все. Выбор, как правило, присочиняется, на самом деле его психологически нет. В приведенном примере также прослеживается связь воли с моральным компонентом и системой ценностей личности. В частности И.М. Сеченов подчеркивал, что воля - это деятельная сторона разума и морального чувства, управляющая движением, часто наперекор даже чувству самосохранения.

Таким образом, мы видим, что различные составляющие воли проявляются на разных уровнях личности и на самом деле не противоречат друг другу. Как указывал А.Ц. Пуни, изучение феномена воли возможно только на основе учета ее полифункциональности как психологического механизма.

Для понимания воли как целостного феномена, с нашей точки зрения, необходимо рассмотреть еще и вопрос о воле как о бессознательном, автохтонном феномене, характеристикой которого выступает процесс самораспаковывания и самопроявления личности без существенных влияний извне и даже вопреки общепринятым закономерностям. Данное видение воли в психологической литературе представлено не достаточно, в отличие от традиционной трактовки воли как способности человека сознательно управлять своим поведением, преодолевать внешние и внутренние трудности при совершении целенаправленных действий и поступков.

Интерес к бессознательной воле мы обнаруживаем в философии. А. Шопенгауэр и Э. Гартман объявили волю космической силой, бессознательным первопринципом, от которого берут свое начало все психические проявления человека. В. Соловьев приравнял волю к бессознательному влечению, связывая ее с порождением действия. Ф. Ницше сравнивал изливание бессознательной воли с музыкой, указывая на то, что воля сама себя порождает и «играет сама с собой».

В психологии бессознательный аспект воли практически не рассматривается.

Принимая точку зрения В.В. Козлова о том, что воля к жизни является психологическим механизмом выживания в кризисной ситуации, когда базовые экзистенции приходится менять или отстаивать вопреки давлению

неблагоприятных обстоятельств, мы приходим к выводу, что бессознательная сторона воли проявляется в периоды кризисов: социальных, возрастных, творческих, и, особенно, психодуховных. Мы также исходим из того, что рассмотренные выше составляющие воли в ситуации кризиса могут препятствовать выходу личности на качественно новый уровень существования и вызвать подавление определенных элементов в структуре «Я». Так, произвольное усилие может затормозить процесс личностного развития и заблокировать ощущение внутренней целостности, а выраженная мотивация на реализацию в социуме или стремление быстро принять решение – форсировать и исказить процесс поиска смысла жизни.

Сталкиваясь с абсурдом человеческого существования, находясь в ситуации нестабильности и неопределенности, проживая трансформационный процесс, личности необходимо пребывать в этом состоянии. В состоянии, когда рождается новое основание, когда осуществляется процесс интеграции разрозненных частей в нечто целостное и завершенное. В связи с тем, что кризисное состояние может лишить человека не только внешней опоры, но и внутренней (разрушение прежней структуры личности), актуальной становится «стратегия странника», когда нужно идти неизвестно зачем, неизвестно куда, неизвестно сколько; когда не срабатывает ни мотив достижения, ни произвольное усилие как таковое, а только воля как глубинное стремление «Быть», как бессознательный первопринцип, из которого рождаются все личностные ресурсы. Так, мы приходим к выводу, что основательно и глубоко кризис может быть пройден только благодаря воле: все формы кризиса осваиваются «только воинами по духу или неистовыми в своей решимости стать другими» (В.В. Козлов).

Рассматривая биологическое и социальное основания воли, мы в первую очередь видим волю результата воспитания и самовоспитания личности, а вопрос о

врожденной заданности волевого потенциала остается нераскрытым. Мы обнаруживаем лишь несколько точек зрения по данной тематике. Например, П.В. Симонов, рассматривая волю как сформированную потребность преодолевать препятствия, определенную роль в ее развитии отводил врожденным задаткам личности, а именно «рефлексу свободы». Идея наличия воли у животных также высказывалась Е.Н. Бакановым, В. Вундтом, П.А. Гольбахом, Н.Н. Ланге и др. По П.А. Гольбаху, воля – это особое предрасположение мозга как телесного органа, определенное состояние которого и вызывает действие человека.

Если рассматривать волю как мощный энергетический потенциал и высший уровень активности личности, то целесообразно обратиться к точке зрения В.В. Козлова, который полагает, что каждый человек рождается с определенным уровнем витальности, то есть природной жизненной энергии, проявленность которой в дальнейшем зависит также от умения использовать ее структурированно и целенаправленно. При этом личность может распылать ее вне цели и быстро растратить, а может трансформировать в духовную силу, превосходящую по эффективности самую мощную жизненную энергию. Соответственно, мы не можем отрицать врожденного основания воли, и тем более возможности ее развития на протяжении жизни.

Обозначенные выше проблемы, как и проблема соотношения врожденного и приобретенного в реализации волевого потенциала, требуют глубокого и подробного изучения. Изложенные же представления позволяют задать новые направления в изучении воли как целостного феномена, проявляющегося на разных уровнях личности, а также включающего и сочетающего в себе сознательный и бессознательный аспекты, духовное и экзистенциальное начало в человеке, врожденный и приобретенный потенциал личности.

Манилов И.Ф., Демьяненко Т.В. (Киев)
ОСОБЕННОСТИ СУГГЕСТИВНОСТИ
СОЦИАЛЬНО ДЕЗАДАПТИРОВАННЫХ ПОДРОСТКОВ

Преступность, наркомания и алкоголизм несовершеннолетних несут реальную угрозу здоровью и жизни не только самих детей, но и людей, которые их окружают. Эффективная борьба с разнообразными проявлениями дезадаптивного поведения возможна при условии четких представлений о его психологических детерминантах. Социальная дезадаптация формируется, если ребенок не усваивает должным образом моральных норм и правил поведения принятых в обществе. Процесс вхождения в социальную среду имеет самое непосредственное отношение к феномену суггестии (внушения). Большинство асоциальных и антисоциальных форм поведения усваиваются непроизвольно, на фоне пониженной критичности, т.е. по механизму внушения. Актуальность более детального исследования феномена суггестии не вызывает сомнений.

В настоящей работе представлены результаты исследования суггестивности социально дезадаптированных подростков. В задачи исследования входило: разработать комплекс тест-проб на суггестивность, который охватывал бы основные сенсорные каналы; провести сравнительный анализ показателей внушаемости социально дезадаптированных и социально адаптированных подростков.

В эксперименте принимали участие 120 подростков, возрастом от 12 до 15 лет. Группа социально дезадаптированных – 60 подростков (42 мальчика и 18 девочек); группа социально адаптированных – 60 подростков (28 мальчиков и 32 девочки). Испытуемые набирались из городского приюта для несовершеннолетних и общеобра-

зовательных школ г. Симферополя (Автономная Республика Крым, Украина). Группа социально дезадаптированных подростков формировалась при помощи квалифицированных экспертов (психологи и социальные работники).

Уровень внушаемости подростков определялся при помощи 14 тест-проб на суггестивность, различной сенсорной модальности. В исследовании использовались зрительные (поиск изображения на чистом листе бумаги; демонстрация изображения с пояснением, которое противоречит истинному содержанию; тест-проба с отрезками разной длины), слуховые (установление источника несуществующего звука; внушение звука, который якобы издает «специальный прибор»), обонятельные (определение запахов в чистых пробирках; внушение запаха с цветного бумажного носителя; внушение неприятного запаха), кожные (внушение ощущения тепла в области живота; внушение разности температур одинаковых пробирок; внушение различной мягкости одинаковых предметов), двигательно-кинестетические (внушение невозможности разорвать сцепленные пальцы рук; внушение тяжести в руке; неимперативный тест раскачивания). Результат тест-проб оценивался от 0 (отсутствие реакции на внушение) до 3 баллов (максимальная выраженность реакции на внушение).

Для минимизации конформных, а также негативистических реакций была уменьшена императивность инструкций. Использование специальных психологических приемов позволило существенно снизить вероятность возникновения у испытуемых реакций на случайные (шу-

мовые) реально существующие раздражители (посторонние запахи, звуки и т.п.).

Для выявления особенностей внушаемости социально дезадаптированных подростков проводилось сравнение их средних показателей суггестивности (различной сенсорной модальности) с аналогичными показателями их социально адаптированных ровесников. При оценке статистической значимости различий показателей внушаемости социально дезадаптированных подростков и подростков группы нормы, использовался двусторонний t-критерий Стьюдента.

Проведенные исследования позволили сделать следующие выводы:

Показатели внушаемости социально дезадаптированных подростков количественно и качественно отли-

чаются от аналогичных показателей их социально адаптированных ровесников; социально дезадаптированные подростки имеют повышенную чувствительность к зрительным, слуховым, обонятельным и двигательнo-кинестетическим тест-пробам на суггестивность и пониженную чувствительность к обонятельным тест-пробам на суггестивность, в сравнении с подростками группы нормы; повышенная восприимчивость к кожным тест-пробам на суггестивность характерна большинству подростков; отличия в показателях внушаемости можно использовать в психодиагностических целях, в частности для определения глубины социальной дезадаптации несовершеннолетних.

Маньшкина М.В. (Ярославль) ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНИКИ «РИСУНОК НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ» В ПСИХОДРАМЕ КАК ТЕХНИКИ ФАЗЫ РАЗОГРЕВА

Психодрама – это акциональный метод психотерапии, в котором клиенты продолжают и завершают свои действия посредством театрализации, ролевой игры, драматического самовыражения, с использованием как вербальной, так и невербальной коммуникации. Психодрама способствует дальнейшему активному переосмыслению и переработке опыта, полученного в процессе сценического действия.

Классическое занятие психодрамы включает в себя четыре этапа: фазу разминки, фазу непосредственно отыгрывания, фазу завершения, делящуюся на шеринг и процессинг (то есть обсуждение и обратную связь). В данной статье мы бы хотели уделить внимание анализу техник, применяемых в фазе разогрева, так как именно эта фаза дает толчок в дальнейшему развитию психодраматического действия.

Фаза разминки направлена на создание между участниками группы чувства доверия и безопасности, стимуляция проявления спонтанности. В этой фазе - фазе «размораживания» - психодраматист пытается создать атмосферу доверия, т.к. только в состоянии безопасности возникают предпосылки игры, открытости к окружающим.

Разогрев имеет несколько важных конкретных целей:

1. Способствует возникновению спонтанности и творческой активности участников группы. Необходимо, чтобы психодрама создавала все условия для развития и использования личностного потенциала каждого человека (как любого члена группы, так и директора). Игровая фаза будет тем спонтаннее, чем лучше разогрет протагонист. Спонтанность в свою очередь делает игру более интенсивной, позволяет вскрыть содержание сознания, сделать негативную ситуацию переживаемой.

2. Облегчает общение между участниками, увеличивая ощущение доверия и принадлежности к группе с помощью разных техник, помогающих улучшить взаимодействие и взаимопонимание между всеми членами группы (например, знакомство, обмен каким-то жизненным опытом, физическая активность, которая может включать в себя разные варианты тактильного контакта или невербальной коммуникации). Процесс разогрева усиливает групповую сплоченность, одновременно давая возможность каждому из присутствующих получить представление о достоинствах и характерных чертах остальных участников группы. Эта стадия психодраматического процесса имеет много общего с происходящим на группах встреч или сессиях драматерапии, а также с тем, как мы «разогреваемся» для ежедневной деятельности.

3. Помогает членам группы сконцентрировать свое внимание на личностных проблемах, над которыми они хотели бы поработать на текущей психодраматиче-

ской сессии. Можно надеяться, что после разогрева, центрированного на протагонисте (отвечающего потребности в личной работе), по крайней мере, один участник группы (или более) выступит вперед, чтобы получить возможность разыграть свою драму. Большинство техник основано на принципе внутренней и внешней активности.

Опытный директор обладает большим репертуаром техник разогрева. Вместе с тем директор может (используя свой творческий потенциал) разработать новые техники, которые могут оказаться особенно полезными в группе, с которой он в данный момент работает.

Так, например, в классическом варианте фазы разминки могут быть использованы следующие техники:

Техника представления себя, как правило, используется в начале работы и позволяет клиенту в коротких сценах представить себя или значимых лиц. Она может выполняться также в виде монолога или интервью. Представление в этой технике дает информацию о реальном поведении, а не о фантазиях по поводу себя. При этом клиент свободен в выборе представляемой информации, что сразу дает ему ощущение безопасности. Вхождение в психодраму через эту технику усиливает эффект разогрева, дает возможность сосредоточиться на проблеме.

Техника исполнения роли предполагает принятие и пребывание в роли. Как правило, ее исполняет вспомогательное Я, помогая протагонисту в постановке сцены из его жизни. Играть ее может и протагонист, если он осваивает новую роль.

Вспышка: После короткого обдумывания каждый участник группы говорит, что он воспринимает в данный момент, чувствует или хочет сделать.

Идентификация с частью: От членов группы требуют поставить себя на место какого-либо предмета, одежды или части тела и говорить от его имени в Я-форме.

Диалог на ходу: Разговор между руководителем и членом группы, причем внешнее совместное движение должно дать ход также и психическим процессам.

Косвенное представление: После того, как участники разобьются по парам и поделятся информацией друг о друге, каждый член группы представляет другим своего партнера. В качестве заданий для размораживания полностью подходят также любые из множества невербальных упражнений, направленных на взаимодействие между участниками.

Как правило, по окончании разогрева один или несколько участников проясняют для себя проблемы (с разной степенью уверенности и фокусировки), которые они бы хотели как-то исследовать во время этой сессии. В этот важный момент принятия решения, касающегося

выбора роли протагониста (в переводе с греческого - «ведущий (или первый) актер», «прима»), участникам следует оказать поддержку. Затем следует выбор одного из претендентов на эту роль.

Развитие психодрамы повлекло за собой расщепление ее на несколько видов, а также объединение с другими психотерапевтическими методами. Ярким примером является синтез психодрамы с арттерапевтическими методиками. Обращение к искусству позволяет наполнить спонтанную игру выразительными идеями и формами, усилившими впечатление от переживаний актерами истории, рассказанной протагонистом. В частности одной из форм проявления арттерапии в психодраматическом пространстве является использование техники «рисунок на заданную тему» в фазе разогрева. Данная техника дает ряд положительных эффектов. Во-первых, ее использование дает необходимый диагностический материал. Во-вторых, особенно если психодраматическая сессия имеет определенную заданную тему, техника рисунка позволяет достаточно точно и ярко выявить протагониста. Через рисунок человек подчас бессознательно наглядно выражает свои проблемы, эмоциональное состояние. Рисование дает участникам определенный толчок к переходу в фазу проигрывания, так как минимизирует страхи перед психодраматическими призывами - «сделай это», «расскажи о своих чувствах», «покажи как ты это делал» и т.д. Кроме того человек уже яснее представляет ту проблему, с которой он хотел бы «поработать». И наиболее важным эффектом данной арттерапевтической техники является то, что такой творческий акт провоцирует проявление экспрессии и спонтанности, то есть истинной креативности.

Важно изначально в фазе разогрева настроить человека на работу с художественными средствами, карандашами, мелками, красками и бумагой и выбрать тему, которая бы перекликалась с основной темой психодраматической сессии, но в то же время была легкой и как бы ни к чему не обязывающей. Так, например, в одной из наших сессий, определенных тематикой «прошлое, настоящее, будущее» мы использовали технику рисунка «могу себе позволить играть как ребенок». Задача этого упражнения нарисовать «нерабочей» рукой самую любимую игру (или занятие) своего детства и придумать к рисунку название. Понятно, что при рисовании левой рукой «правша» как бы раздвигает границы умений, открывает в себе новые чувства, становится более спонтанным. При этом высока вероятность проявления сильных переживаний, детских страхов, и наоборот, появления ярких творческих образов. Во время рисования можно пронаблюдать за участниками и поставить первичную диагностическую картину: какие эмоции вызывает у клиентов процесс рисования, с чего они начинают рисовать, насколько им интересна поставленная задача. Как и после классического разогрева происходит обсуждение. В контексте нашей сессии нам было важно обсудить, почему именно эта детская игра возникла в воображении? Как чувствовал себя человек, работая над образами? Что чувствует сейчас? Дальнейшее проведение занятия может ни чем не отличаться от классического проведения психодрамы.

Рисуночный разогрев может применяться как дополнительный метод фазы разогрева. Он дает больше наглядной информации, позволяет раскрепостить мимику, тело. Рисунок дает возможность дополнительного самовыражения, возможность отразить мысли, чувства, а также дает дополнительную энергию для самораскрытия.

Маняпова Е.В. (Тобольск) ОПОРА НА ЖИЗНЕННЫЙ ОПЫТ В РАЗВИТИИ АУТОПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Современный мир требует от личности высокого развития творческого потенциала, необходимость достижения высоких результатов в жизни и, прежде всего, успешности в профессиональной деятельности. В труде важно достигать высокого качества, но не за счет высших по отношению к человеку факторов и условий таких, как обновление оборудования, повышения материального стимулирования, увеличение числа работающих, улучшение организации труда и т. п., а за счет внутренних резервов самого человека.

Если внутренний мир достаточно развит, то возможны необыкновенные превращения личности, способностей, мировоззрения и всего того, что, так или иначе, соприкасается с внешним миром. Это становится возможным благодаря существующим у каждого из нас специфическим способностям к самосовершенствованию. В акмеологии (наука, изучающая условия, способствующие достижению человеком высоты профессорского мастерства) их обозначили новым научным термином — аутопсихологические способности (АПС).

АПС объединяют в себе те специфические знания, умения и навыки, которые определяют наши возможности в самопонимании, самооценивании, самоанализе, саморегулировании, самореализации и в других явлениях нашего внутреннего мира, заимствованных из внешнего взаимодействия с приставкой «само».

Роль АПС заключается в обеспечении этих феноменов механизмом их реализации. В основе механизма лежат несколько очень сложных (по своей собственной структуре) процессов. Основная их задача — активизация таких резервных возможностей человека, которые были бы эффективными в нестандартных условиях. В тоже время АПС создают предпосылки для закрепления новой

информации, поступающей в головной мозг и питающей наше сознание в виде нового полезного опыта.

На этом основании можно выделить три функции АПС: 1) прием информации, 2) ее переработка и 3) усвоение структурами головного мозга. На этих трех «китах» строится наш подход и основана технология развития АПС в условиях профессиональной деятельности или в любой проблемной ситуации.

АПС являются свойствами личности, которые своими корнями уходят в сознательно-бессознательную область человеческой психики. Если они развиты, то позволяют личности адекватно воспринимать свой внутренний мир и встраивать его в реальную жизнь.

Напомним, что главной целью работы над собой является развитие таких свойств личности, которые позволили бы ей эффективно овладевать изменяющимися условиями среды с наименьшими затратами.

Принцип развития реализуется через привлечение субъекта к сбору необходимой информации и ее обработке с помощью сознательно бессознательных процессов: интериоризации, рефлексии, интраадаптации, эффективность которых определяется соответствующими специфическими способностями. К названным процессам мы добавляем процесс регенерации (восстановления) энергетического потенциала и соответствующую ему способность к восстановлению энергии.

Итак, в структуру АПС включены следующие способности:

- к загрузке информации (интериоризация);
- к сознательной ее переработке и определению своего отношения к ней (рефлексия);

- к установлению нейросвязей, т. е. образованию и закреплению нового личностного опыта (интраадаптация);

- к энергетическому обеспечению выделенных процессов.

Уровень развития АПС отражает функциональную зрелость одноименных процессов и операциональное многообразие их осуществления. При этом первая характеристика является преимущественно следствием онтогенетического развития, а вторая связана с индивидуальным опытом, и именно она развиваема. Эта составляющая механизма АПС позволяет признать АП — способности в качестве необходимого условия саморазвития и самосовершенствования.

Таким образом, чтобы расширить операциональное многообразие АПС необходимо работать с индивидуальным жизненным опытом личности.

Энциклопедический словарь Брокгауза определяет опыт с философских позиций. Опыт (в философском смысле) обозначается как отдельное состояние сознания, испытываемое или испытанное субъектом, так и совокупность таких состояний у единичных людей и у всего человечества. Опыт есть первичный источник наших знаний, дающий материал для всякого другого познания. Любой опыт существует во времени, приобретается и накапливается с течением времени. Опыт не дается вдруг, в один прием. Существовая во времени, опыт выражает связь между прошедшим, настоящим и будущим в жизни человека. Опыт принадлежит прошлому, поскольку он возникает в ходе предшествующей деятельности. Вместе с тем, он имеет значение для человека лишь в том случае, если находится в его распоряжении и может быть использован в настоящее время, для решения теперешних нужд, а также для будущего.

Жизненный опыт, по определению А.С. Белкина, - это витагенная информация, которая стала достоянием личности, отложенная в резервах долговременной памяти, находящаяся в состоянии постоянной готовности к актуализации в адекватных ситуациях, она представляет собой сплав мыслей, чувств, поступков, пережитых человеком и представляющих для него самостоятельную ценность. Жизненный опыт связан с памятью разума, памятью чувств, памятью поведения. Ключевое слово в этом определении – прожито.

По мнению Дж. Кепили, жизненный опыт - это результат серьезного анализа событий, их оценки. Решающее значение в развитии человека имеет то, как люди осознают и интегрируют свой жизненный опыт. В этом люди отличаются друг от друга.

Переход витагенной информации в жизненный опыт проходит через субъективное пространство личности и включает в себя ряд стадий:

Первая стадия – первичное восприятие витагенной информации, нерасчлененное, недифференцированное.

Вторая стадия – оценочно-фильтрующая. Личность определяет значимость полученной информации.

Третья стадия – установочная. Личность создает либо стихийно, либо осмысленно установку на запоминание данной информации с приблизительным сроком «хранения». Сроки хранения определяются значительно, жизненной и практической направленностью. Это определяет и уровень усвоения.

Жизненный опыт включает в себя следующие звенья:

Формирование и накопление, которое происходит стихийно, либо организованно и целенаправленно;

Осмысление, обобщение и оценка опыта субъектом, осуществляемые на двух уровнях общественного сознания, причем неосмысленный опыт не может быть сохранен и транслирован, а самим носителем применяется бессознательно;

Трансляция и усвоение опыта (получить опыт от другого субъекта в готовом виде невозможно, передаются скорее уроки, выводы, знания, входящие в опыт, то есть часть опыта);

Освоение и принятие опыта заключается в подражании, заимствовании, адаптации и закреплении, после чего субъект способен самостоятельно применять и транслировать опыт. Субъекту необходима возможность знакомства с проявлениями опыта и их оценки, выбора приемлемых вариантов. Не следует навязывать появившийся позитивный опыт для обязательного повсеместного освоения, поскольку в других условиях при нежелании субъекта усваивать такой опыт, он не способствует успешной деятельности. Должна повыситься роль стимулов формирования, трансляции и освоения опыта.

Таким образом, относительно возможностей жизненного опыта в развитии АПС можно выделить две задачи. Первая состоит в выделении и широком применении всего позитивного в опыте субъекта и его окружения. Вторая задача – «нейтрализация» и предотвращение трансляции опыта, не отвечающего потребностям общества и тормозящим развитие АПС. При этом субъект не в силах отбросить имеющийся опыт, так как это не совокупность знаний и выводов из прошлого, которые можно применять либо нет. Опыт – это изменение в субъекте, неотъемлемая его характеристика, сохраняющаяся независимо от его воли. Накопленный опыт не исчезает сам по себе, но может быть вытеснен более актуальным социальным опытом. Формирование такого опыта – важная задача не только общественного, но и личностного развития.

Марков А.С. (Рязань)
ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА
СПЕЦИАЛИСТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВОЕННОГО ВУЗА

Профессиональная подготовка будущих офицеров Вооруженных Сил РФ является делом большой государственной важности. Социально-экономические преобразования в стране привели к изменению задач, стоящих перед Вооруженными Силами РФ. При этом резко возросли требования к профессиональным качествам выпускников высших военно-учебных заведений. Поэтому основным направлением деятельности высшей военной школы становится формирование профессионализма как интегрального качества личности курсанта, которое может позволить военному специалисту свободно адаптироваться в современных условиях.

В монографии И.А. Володарской и А.С. Маркова «Формирование профессионализма у курсантов-

артиллеристов в процессе обучения электротехнике» (2004) для создания целостной личности будущего офицера предлагается рассматривать профессионализм как интегральную личностную характеристику, включающую профессионализм деятельности, профессионализм личности и профессионализм общения.

Профессионализм деятельности при этом включает в себя профессиональное мышление, владение обобщенными приемами профессиональной деятельности, а также профессиональные знания, умения и навыки.

Профессионализм личности, по нашему мнению, предполагает профессиональную мотивацию и склад ума, необходимый уровень развития интеллекта, духовные

запросы и эстетические пристрастия, явно выраженную любовь к своей Родине и верность воинской присяге.

Профессионализм общения проявляется в умении создать в армейском коллективе психологическую атмосферу, обеспечивающую эффективное выполнение поставленных задач.

Все эти качества формируются в образовательной среде и под её воздействием. Рассматривая образовательную среду военного вуза, мы придерживаемся определения В.А. Ясвина, что образовательная среда – это система влияний и условий формирования личности по заданному образцу, а также возможностей для ее развития, содержащихся в социальном и пространственно-предметном окружении. (В.А. Ясвин, 2001).

Для описания образовательной среды военного вуза используется трехкомпонентная структура образовательной среды, предложенная В.И. Пановым, в которой выделяем:

- пространственно-предметный компонент, обеспечивающий возможность необходимых для обучения, развития и социализации пространственных действий. Он включает в себя помещения, учебные поля, оборудование, особую атрибутику и другое материально-техническое обеспечение занятий;

- социальный компонент, представляющий собой пространство межличностного взаимодействия между курсантами, военными и гражданскими педагогами, психологами, командирами-воспитателями, администрацией и командованием военного вуза; а также типы этого взаимодействия (субъект-объектный, субъект-субъектный и субъект-порождающий);

- психодидактический компонент (технологический), подразумевает совокупность учебной и других видов деятельности включая образовательные технологии, содержание и методы которых определяются психологическими целями и задачами физического, познавательного, личностного и социального развития курсантов. (В.И. Панов, 2007).

Опираясь на разработанный В.И. Пановым алгоритм психодидактической экспертизы и проектирования образовательных технологий и систем, мы провели ряд исследований организации учебного процесса в десантном, артиллерийском и автомобильном военных институтах. При этом был выявлен ряд проблем психолого-педагогического сопровождения процесса обучения в высшей военной школе, обусловленный особенностями формирования профессионализма специалиста в образовательной среде военного вуза. К ним в частности относятся:

1. Возрастной скачок.
2. Выполнение профессиональных задач с первых дней пребывания в военном вузе.
3. Профессиональный оплачиваемый труд.
4. Не только юридическое, но и фактическое принятие обучающегося в профессиональное сообщество, в социальную группу защитников Родины.
5. В зависимости от военной специализации (десантники, артиллеристы, автомобилисты) по-разному идет социализация, что обусловлено характером выполняемых задач, ценой ошибки и теснотой связей воинского коллектива.

Курсант военного вуза за пять лет обучения из старшего юноши превращается во взрослого обучаемого. Причем, этот процесс происходит скачкообразно на вто-

ром – третьем курсах. Курсант сразу после принятия присяги, через месяц после зачисления на учебу, начинает нести службу с боевым оружием. С первых дней идет настоящая профессиональная деятельность, которая постепенно усложняется: боевые стрельбы из артиллерийских систем, вождение сложной военной техники в ходе ночных учений, прыжки с парашютом. В конце второго начале третьего курса все обучающиеся в военном вузе заключают контракт и начинают получать деньги за свой профессиональный труд. Е.И. Огарев определяет взрослого учащегося как «лицо послевоенного возраста, сочетающее систематическую учебную деятельность с регулярной занятостью в сфере профессионального (оплачиваемого) труда. Специфика взрослого учащегося выражается, прежде всего, в его двойном социальном статусе, что в свою очередь требует особой организации образовательного процесса». (Е. И. Огарев, 2005). Таким образом, наш курсант – это взрослый учащийся, так как он получает оплату за свой профессиональный труд.

Следует также отметить, что вступление в законный брак и наличие детей у старшекурсников военного вуза является социально одобряемым поведением, а прибывший в воинскую часть молодой лейтенант с женой и детьми имеет социальный статус выше, чем его холостой однокуртник. И если у И. Ю. Кулагиной центральными возрастными новообразованиями периода с 20-23 до 30 лет являются семейные отношения и чувство профессиональной компетентности, то в военном вузе эти новообразования скачкообразно формируются в период с 19 до 20 лет. (И. Ю. Кулагина, 2006).

Интересно отметить, что в военных вузах разным темпом идет социализация курсантов. Чем большую опасность для личности представляет профессиональный военный труд, чем теснее связи в воинском коллективе, тем быстрее идет социализация и принятие курсанта в профессиональное военное сообщество. Быстрее процесс социализации идет в десантном вузе, а медленнее всего этот процесс идет у военных автомобилистов. Это связано еще и с тем, что в военном автомобильном вузе только до 15% военных преподавателей имеют личный боевой опыт. В артиллерийском военном институте до 60-70% преподавательского состава участвовало в локальных военных конфликтах, а десантном вузе до 90% преподавателей принимало непосредственное участие в одном или нескольких локальных конфликтах. При этом, несмотря на догматическую образовательную среду и авторитарный стиль управления у некоторых преподавателей – участников боевых действий на их занятиях царит творческая атмосфера. Они заставляют курсантов решать творческие задачи, опираясь на свой боевой опыт и исходя из конкретных боевых ситуаций. Особенно активно на таких занятиях работают старшекурсники, они не боятся высказывать свое мнение, предлагать, обосновывать и отстаивать свои решения военно-технических и оперативно-тактических задач. Они приняты в профессиональное военное сообщество, имеют право голоса. Старшекурсники не обижаются, когда им указывают на ошибки и просчеты, они готовы искать ответы на поставленные вопросы и во внеурочное время, стремятся установить личные контакты со старшими боевыми товарищами, тянутся к ним. И в догматической образовательной среде военного вуза (по В.А. Ясвину) возникает субъект-порождающий тип взаимодействия между обучающим и обучающимся.

**Мелешников А.А. (Ярославль)
СУБЪЕКТИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЛИЧНОСТИ
ПО ФОТОГРАФИИ ПРИ ЗНАКОМСТВАХ
НА ИНТЕРНЕТ-САЙТАХ**

Знакомство – первый и исключительно важный этап установления любых межличностных отношений. Проблема знакомства, особенно в сфере взаимодействия полов, была актуальна в любое время и в любой культуре [2, 3, 5]. Вполне естественно, что Интернет как интегрирующая среда, стала основанием для нового способа знакомства.

Проведённый нами анализ показал, что подобные сайты являются исключительно удобными для *проведения ширококомаштабных исследований физической привлекательности* (далее – ФП) с использованием фотографий. Во-первых, достигается необходимый объём выборки; во-вторых, повышается экологическая валидность исследования: респонденты оценивают привлекательность не по заданию экспериментатора, а в процессе реального выбора партнёра для знакомства. Таким образом, их мотивация реальна и способ выражения оценки также адекватен – написание приветственного сообщения.

Особенностью данного исследования было использование в качестве стимулов только фотографий женских лиц. Однако это решение было достаточно обоснованным. Дело в том, что взаимодействие на современных сайтах знакомств между мужчинами и женщинами носит асимметричный характер. Иными словами, число инициатив по установлению контакта со стороны женщин намного ниже, чем со стороны мужчин.

Процедура проведения эксперимента была следующей: анкеты с фотографиями загружались на сайт знакомств Mamba.ru. В анкетах использовались различные данные 3-х типов, распределённые по анкетам случайным образом. Различные данные использовались для того, чтобы снять возможное подозрение посетителей сайта в случае появления абсолютно одинаковых анкет. Через 24 часа и через 72 часа после размещения анкеты нами фиксировалось число просмотров, число отправленных сообщений и «подмигиваний»³, а также возрастные характеристики написавших сообщения. Все тексты сообщений сохранялись для дальнейшей обработки. Промежуток между отправкой анкет составлял от трёх дней до одной недели.

Данное исследование базировалось на серии проведённых нами в 2003-2007 годах работ, посвящённых исследованию психологических компонентов физического облика человека. Ключевым понятием сформированной концепции была «*атрибутивная модель физического облика*» (далее – АМФО). Под АМФО понимается система приписываемых субъектом индивидуально-психологических особенностей другого человека, формирующаяся на основе непосредственного восприятия физического облика [4].

При помощи факторного анализа было установлено, что основными универсальными компонентами АМФО являются привлекательность, стабильность, оптимизм и женственность. Далее мы рассмотрим, как каждый из этих компонентов оказывает влияние на решение о знакомстве.

Несмотря на то, что изучение сайтов знакомств – относительная новая сфера психологических исследований, роль ФП в процессе взаимодействия на подобных сайтах уже рассматривалась в ряде работ, преимущественно в США [6]. Так, было установлено, что внешняя привлекательность является одним из важнейших факторов, определяющих популярность мужчины на сайте зна-

комств и наиболее важным из всех детерминант популярности женщины⁴.

Для определения роли ФП в принятии решения о знакомстве нами были вычислены коэффициенты линейной корреляции между уровнем ФП, числом просмотров и числом сообщений за 72 часа. Было установлено, что ФП обладает значимой связью как с числом просмотров, так и числом сообщений, причём определяет эти параметры более чем на 57 – 68%. Таким образом, данный коэффициент близок к данным, полученным в 60-х годах Брислин и Льюис [цит. по 8]. В указанном исследовании было выявлено, что желание мужчины назначить свидание на 79% зависит от ФП женщины. Нетрудно заметить, что роль ФП оказывается сходной в самых разных условиях взаимодействия. Более того, *информация о ФП действительно избыточна*. Как отмечалось ранее, выбор анкет участников осуществляется посредством предварительного просмотра мини-варианта фотографии размером 46*72 пикселя, в то время как полный размер фото составлял не менее 300*300 пикселей. Оказывается, что мини-варианта вполне достаточно для адекватного суждения о ФП, которое позже практически не меняется. Важно также, что ФП не оказывает влияние на соотношение сообщений и просмотров, и оба эти показателя в равной степени зависят от ФП.

Безусловно, факт влияния ФП индивида на интерес к нему среди посетителей сайта знакомств достаточно очевиден. Однако, признавая наличие такой связи априори, трудно сказать что-либо наверняка о характере этой связи. Дело в том, что *ФП может воздействовать на популярность анкеты в зависимости от собственного значения*. Опираясь на данные исследований А. Гриффин и Д. Ланглуа [5], мы предположили, что ФП будет в большей степени определять популярность анкеты при наименьших значениях. То есть снижение популярности в результате низкой ФП будет значимо более заметным, чем повышение при высокой ФП.

Для проверки данного предположения мы привели значения ФП и число просмотров к шкале одной размерности, после чего разделили пары значений ФП и числа просмотров на три группы в зависимости от уровня ФП. Выяснилось, что при высокой и средней ФП просмотры и привлекательность находятся на одном уровне, в то время как при низкой ФП число просмотров становится ниже. В дальнейшем необходим более глубокий анализ данной закономерности на более обширной выборке лиц-стимулов.

Таким образом, *уровень ФП оказывает сильное влияние как на число просмотров анкеты пользователя сайта, так и на число сообщений, адресованных ему. В то же время ФП не связана с соотношением указанных параметров*.

Как правило, признаётся, что информация о физическом облике позволяет вынести достаточно много суждений о личности воспринимаемого, но в то же время эти суждения не имеют реальной действующей силы, если не связаны с привлекательностью. Согласно нашему предположению, когнитивный компонент реакции на внешность на самом деле обладает действующей силой, но обычно его влияние не выявляется вследствие раздробленности влияния отдельных элементов АМФО. Для того, чтобы устранить эту трудность, мы использовали в качестве переменных для анализа значения компонентов АМФО, полученных в результате ортогонального вращения.

³ – специальная функция для выражения симпатии без написания содержательного сообщения.

⁴ – под популярностью здесь понимается число просмотров и сообщений, адресованных данному человеку, а также вероятность ответа на его сообщения.

Первый фактор АМФО не рассматривался по причине практически полного его совпадения со значениями параметров ФП и «сексуальность». Для оставшихся трёх компонентов были вычислены коэффициенты линейной корреляции с числом просмотров и числом полученных сообщений. Единственной значимой корреляцией оказалась взаимосвязь компонента «легкомыслие» и числа просмотров анкеты. Тем не менее, следовало выяснить, является ли это соотношение независимым от влияния ФП, так как данный фактор обладает значимой связью с внешней привлекательностью. Для проверки нами был использован метод частичных корреляций, показавший, что *при контроле переменных «ФП» и «сексуальность» корреляция числа просмотров и фактора «легкомыслие» теряет значимость.*

Анализ частичных корреляций позволил подтвердить то предположение, что отдельные компоненты АМФО, не связанные с ФП, сами по себе не оказывают значимого влияния на принятие решений о знакомстве. В то же время выявление взаимосвязи фактора «легкомыслие» и числа просмотров, пусть и зависящей от ФП, подтверждает выдвинутую нами гипотезу о качествах красоты и двойственности мужского стандарта выбора партнёрши, которая на первый взгляд была достаточно сомнительной.

Как мы отмечали выше, три фактора АМФО были получены при помощи ортогонального вращения, а значит они являются независимыми друг от друга. Пользуясь этим условием, мы вычислили сумму значений данных трёх компонентов и проанализировали её взаимосвязь числом просмотров и сообщений. В результате были выявлены значимые линейные корреляции, равные 0.51 и

0.39 соответственно. Далее мы также проверили значения этих корреляций при контроле переменных «ФП» и «сексуальность». Было установлено, что в данном случае связь остаётся значимой.

В содержательном плане выявлено, что романтическое влечение мужчины скорее всего возникнет к той девушке, которая, кроме ФП обладает *сочетанием* таких качеств как оптимизм, легкомыслие и слабость. Дополнительный анализ показал, что влияние указанной системы качеств на решение о знакомстве тем выше, чем ниже уровень ФП. При высокой ФП его воздействие не превышает 22%, при низкой – составляет более 60%.

Таким образом, в настоящем исследовании мы смогли впервые показать, что совокупное влияние компонентов АМФО, не связанных с ФП, действительно существует. Информация о личности, получаемая на основе восприятия внешности, оказывает значимое воздействие на принятие решений о знакомстве, даже если она не касается привлекательности. Подобный вывод позволил также подтвердить эффективность введённого нами понятия атрибутивной модели и его применимость в практике экспериментально-психологических исследований. Впервые было установлено содержание тех 20-30% дисперсии при принятии решения о знакомстве, которые оставались неизвестными с конца 60-х годов.

Итак, было показано, вся информация о внешности, получаемая при восприятии другого человека в сети Интернет, используется субъектом, при этом ФП и АМФО являются адекватными конструктами, практически полностью исчерпывающими результат переработки и оценки этой информации.

Мельникова А.А. (Санкт-Петербург) НАЦИОНАЛЬНАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ЯЗЫКОВОГО АНАЛИЗА

Вопрос о составляющих национальной ментальности до сих пор является предметом дискуссий – проявления ментальности разнообразны, запечатлены во множестве модусов культуры, что создает возможность различных трактовок. При рассмотрении многообразных подходов к анализу ментальности всегда возникает проблема верификации и, тем более, согласования различных концепций. Один из способов разрешить противоречия – обратиться к анализу носителя, система которого, с одной стороны, достаточно подробно изучена в научном отношении, а, с другой стороны, в этом носителе воплощена достаточно полно и разнообразно национальная ментальность. Исследование национального языка – один из таких подходов. Логично предположить: так же, как синтаксические правила организуют разрозненные слова в предложение – осмысленное высказывание о мире, так и идеи, соответствующие тому или иному синтаксическому правилу, являются каркасом для здания национальных ментальных представлений. Тогда предельно общие синтаксические правила задают основную рамку или предельно общие основания национальной концептуализации, проявляющейся в сфере онтологических, гносеологических, социальных и антропологических представлений.

Приступая к анализу синтаксиса, начнем с предположения того, какие основные идеи могут соответствовать базовым синтаксическим правилам. Первой характеристикой предложения является способ соединения в нем слов – жесткий или свободный. Как представляется, этим двум способам соответствует два основных вида этноментальной структурализации. Четкая, понятная, независимая от говорящего система предложения, «сверху» упорядочивающая хаос слов, формирует идею логичного мира, в котором все рационально обусловлено; кроме

того, носители языка с жестким типом упорядочивания слов будут склонны к позитивному восприятию общих организующих принципов (системы, организующей что-либо через формальные правила). Русский язык относится ко второму типу, и это соответствует идее мира, в котором нет единой жестко все организующей системы; носители языка с таким порядком будут склонны негативно относиться к любой системе, которая: 1) находится «сверху»; 2) наделена функцией упорядочивания. Кроме того, можно ожидать также неприятие всего того, что способно выступать в качестве абстрактного объединяющего компонента (как системного, так и несистемного характера). Вероятно также следующее: раз мир не предстает как четкий, ясный и понятный, то он не организован согласно определенным, известным закономерностям, следовательно, в нем нет жесткой корреляции между причиной и следствием (ибо детерминированность события обычно связана с упорядоченностью и ясностью в организации мира – тогда в каузальных отношениях можно четко проследить причину (или причины), характер воздействия которых также просчитываем (то есть стандартизован) и приводит к определенному результату).

Как оформляется соответствующая свободному порядку слов идея на уровне представлений об онтологических характеристиках у носителей русского языка? В качестве внешней силы, организующей миропорядок, в русской ментальности выступает концепт судьбы. Тема эта у филологов достаточно освещена, А.Вежбицкая даже включает понятие «судьба» в тройку доминирующих в русской ментальности концептов; она же, сравнивая ее с английским эквивалентом, отмечает лингвоспецифичность русской «судьбы» и большую разницу в частотности использования термина. Проанализируем ее специфику. Судьба не имеет сколько-нибудь фиксированной внешней

оболочки (в отличии, например, от бога, за которым часто закреплено антропоморфное изображение), ни пространственной локализации (бог, например, часто полагается в раю, а рай – на небесах (по крайней мере на уровне обычного сознания)), т.е. демиургом, организующим мир, выступает бессистемная, зыбкая, текучая сила. Неопределенность внутренней структуры и пространственной локализации дополняется неопределенностью того, что можно ожидать от судьбы: хорошего («баловень судьбы»), плохого («удары судьбы»), справедливого или несправедливого («что судьба скажет, хоть правосуд, хоть кривосуд, а так и быть»), т.е. невозможно выявить алгоритм действия судьбы – он непросчитываем. Причем концепт судьбы не только является ключевым, но и, как показывает сравнительное исследование состава словарей Даля, с одной стороны, и Ожегова и Шведовой, с другой, имеет тенденцию к расширению.

Таким образом, рассмотренный концепт подтверждает выдвинутое предположение о специфике ментальных представлений, связанных с синтаксической конструкцией. Но если данное предположение верно, то логично предположить, что у носителей менталитета, содержащего представление о мире как о неорганизованном, неупорядоченном, должно быть соответствующее отношение и к самому порядку – с одной стороны, этот концепт не будет являться значимым, с другой стороны, само отношение к нему не будет позитивным. Действительно, опросы показывают, что слово «порядок» не упоминается испытуемыми – россиянами, которых просили назвать важные для них слова и выражения (см.: Fleischer M. Das System der russischen Kollektivsymbolik. München, 1997). С точки зрения русского менталитета, «излишние порядки – те же беспорядки», в лучшем случае признается, что «на все есть свой порядок», т.е. не единый для всех, а для каждого случая – свой (см.: Цвиллинг М.А. Русско-немецкий словарь пословиц и поговорок. М., 1984). Такой подход не свойственен носителям языка с жестким способом расположения слов в предложении, – например, у носителей немецкого языка ярко выражен противоположный взгляд: исследователи немецкого менталитета указывают «прежде всего на постоянно испытываемую потребность немцев в Ordnung (порядке)» – «Ordnung regiert die Welt» («Порядок управляет миром») (см.: Вежбицкая А. Немецкие «культурные сценарии»: Общественные знаки как ключ к пониманию общественных отношений и культурных ценностей // Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999. С. 691.). Для носителей же русского языка порядок не является системообразующей категорией, так, по данным опросов, слово «порядок» они связывают в первую очередь с политической системой (см.: Fleischer M. Das System der russischen Kollektivsymbolik. München, 1997). Показательно и сравнение словарных данных – согласно толковому словарю Ожегова и Шведовой, у слова «порядок» семь основных областей применения, в то время, как для английского «order» Mega Dictionaries Standard (2005) указывает таких областей 20.

От неорганизованного, неупорядоченного мира сложно ожидать возможности проследить каузальные связи – наоборот, логично ожидать их отсутствие или по-

стоянное нарушение. Подтверждает данное предположение исследование А.Д.Шмелева и Т.В.Булыгиной, утверждающих: русский язык содержит большое количество слов, маркирующих неожиданности различного рода, что свидетельствует о характерном для русского менталитета представлении о непредсказуемости будущего, вытекающем из образа мира как нелогичного, неструктурированного образования (см.: Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Неожиданности в русской языковой картине мира // ПОЛУТРОПОН: К 70-летию В.Н.Топорова. М. 1997).

Кроме того, русский язык изобилует такими безличными конструкциями, в которых мир предстает непознаваемым и полным загадок, а истинные причины событий неясны и непостижимы (см.: Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996. С.33-88.). Например, отмечает Вежбицкая, в конструкциях «Его переехало трамваем», «Его убило молнией» непосредственная причина событий – трамвай или молния – изображена так, как если бы она была «инструментом» некоей неизвестной силы. В таких предложениях нет явно выраженного субъекта, глагол стоит в безличной форме среднего рода («безличной», потому что она не может сочетаться с лицом в функции субъекта), а незаполненная позиция субъекта свидетельствует о том, что настоящая, «высшая» причина события не познана и непознаваема. Альтернативная номинативная конструкция, не имеющая такого значения, тоже, конечно, допустима (*Его переехал трамвай. Его убила молния*), однако в русской разговорной речи, чрезвычайно распространены как раз предложения первого, бессубъектного, типа. Причем такой тип оформления мысли продолжает развиваться, захватывая все новые и новые области и постепенно вытесняя из многих районов тех своих конкурентов, которые не предполагают, что природа событий может быть непознаваемой. И это вполне согласуется с общим направлением эволюции русского синтаксиса, отражающего рост и все более широкое распространение всех типов «безличных» предложений, в особенности предложений с дательным падежом субъекта, представляющих людей не контролируемыми событиями, и бессубъектных предложений, представляющих события не полностью постижимыми (см.: Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. С.345.).

Вежбицкая же отмечает, что рост безличных конструкций, вытеснение личных предложений безличными является типично русским феноменом и что в других европейских языках – например, в немецком, французском и английском – изменения обычно шли в противоположном направлении. Это дает все основания думать, что неуклонный рост и распространение в русском языке безличных конструкций отвечают особой ориентации русского семантического универсума и, в конечном счете, русской культуры; богатство и разнообразие безличных конструкций в русском языке показывают, что язык отражает и всячески поощряет преобладающую в русской культурной традиции тенденцию рассматривать мир как совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому разумению. Таким образом, предположение о том, что основные идеи национальной ментальности соответствуют базовым синтаксическим правилам, имеет под собой реальные основания.

Мерзлякова Д.Р., Семкова М.П. (Ижевск)
ОСОБЕННОСТИ ПСИХОСОМАТИЧЕСКИХ СИМПТОМОВ «ВЫГОРАНИЯ» У УЧИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ

Особенности педагогической деятельности, ее высокая эмоциональная нагруженность, большое количество факторов, вызывающих стресс способствуют развитию «выгорания» у представителей данной профессии.

К. Маслак определяет синдром «выгорания» как «состояние физического, эмоционального и умственного истощения, отмеченного физическим истощением и хронической усталостью, чувства беспомощности и безнадежности, развитием отрицательной самооценки и нега-

тивного отношения к работе, жизни и другим людям». К. Маслач подчеркивает, что выгорание - это не потеря творческого потенциала, не реакция на скуку, а скорее «эмоциональное истощение, возникающее на фоне стресса, вызванного межличностным общением».

Согласно W.Schaufeli & D.Enzmann (1998) симптомы «выгорания» могут быть объединены в 5 основных групп: 1. Аффективные. 2. Когнитивные. 3. Физические. 4. Поведенческие. 5. Мотивационные.

В.Е. Орёл относит к физическим симптомам три категории симптомов:

Первая группа представляет собой неопределённые жалобы на физический дистресс: головные боли, головокружения, нервные тики, мышечные и суставные боли.

Вторая категория представляет собой разного рода психосоматические заболевания, куда относятся расстройства кишечно-желудочного тракта, сердечно-сосудистые заболевания.

Третья категория физических симптомов включает отдельные физиологические реакции (повышение давления, высокий уровень холестерина, уменьшение электрического сопротивления кожи и некоторые другие), которые являются отражением типичной реакции на действие стрессовых факторов.

В.Е. Орёл отмечает, что соматические симптомы характерны только для индивидуального уровня и являются универсальными для всех составляющих «выгорания».

Целью нашего исследования являлось изучение психосоматических реакций (симптомов) учителей начальных классов и связь этих реакций с уровнем психологических защит и копинг-стратегий.

В целях исследования выборку составили 37 женщин педагогов Удмуртской Республики. Возрастной диапазон учителей был выбран от 26 до 60 лет.

С данными испытуемыми было проведено упражнение «Фантом» (А. Асмолов, Г. Солдатова).

Задачами данного упражнения были: изучение соматических проявлений стресса; обучение навыкам самодиагностики стресса на ранних стадиях.

Участникам раздавались бланки с двумя схематическими изображениями человеческого тела и цветные карандаши. На первом силуэте им предлагалось метафорически изобразить, какие соматические проявления сопровождают их стрессовую реакцию, когда она достигает значительного уровня (фаза истощения). Для этого им необходимо было вспомнить, в каких именно частях тела локализованы эти ощущения, как именно они проявляются. С целью наилучшего представления этого процесса было предложено мысленно закончить предложение: «Я чувствую это, как будто...». В результате получилась метафора, которую испытуемые изображали на бумаге.

Затем на втором силуэте человеческого тела необходимо было аналогичным образом изобразить самые ранние телесные проявления, которые сигнализируют о начинающемся стрессе.

Рисунки педагогов о телесных маркерах стресса были подвергнуты процедуре кластерного анализа переменных. Учас по двум основным показателям: симптоматике начала и разгара стресса и по формальным признакам рисунка. Далее каждому рисунку присваивалось количество баллов по каждому классу признаков и проводился корреляционный анализ по критерию Пирсона этих значе-

ний со значениями возраста, стажа, уровнями психоэмоционального истощения, личностной отстраненности, профессиональной мотивации и индекса выгорания по опроснику Рукавишников. Кроме этого, в группе воспитателей ДОО изучались корреляционные связи этих показателей с уровнями психологических защит по опроснику Плутчика в модификации Вассермана и копинг-стратегий по опроснику «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (С. Норман, Д.Ф. Эндлер, Д.А. Джеймс, М.И. Паркер; адаптированный вариант Т.А. Крюковой). Для уточнения зависимости характера телесных проявлений стресса от уровня выгорания проводился дискриминантный анализ.

Признаки рисунков педагогов начальной школы классифицированы так.

Симптоматика стрессовых реакций распределены на 2 класса. В первый класс вошли неспецифические признаки стресса (сердцебиение, дискомфорт в животе, позывы помочиться, дрожь и напряжение в конечностях в начале или разгаре стресса). Это **физиологические реакции** на стресс. Ко второму классу относились такие признаки, как головная боль и боль в сердце в разгаре стресса, напряжение в шее и тяжесть в ногах в его начале. Такие признаки могут свидетельствовать о наличии заболеваний – гипертонии, патологии сердца или шейном остеохондрозе. Это **психосоматически обусловленные реакции** на стресс.

Формальные признаки рисунков распределились на 2 класса. В первый класс вошли: преимущественное использование контурного рисунка, высокая и средняя детализация, использование символики (сердечко, повязка на голове, запись ЭКГ, гири на ногах, кошка, скребущая на сердце). Это признаки субъективно **высокого контроля** над телесным состоянием. Во второй класс вошли слабая детализация рисунков, густая штриховка. Это признаки высокой тревожности и **слабого контроля** над телесными реакциями.

Выявлены положительные корреляционные связи между уровнями физиологических реакций на стресс и высоким субъективным контролем над физическим состоянием ($r = 0,62$; $p < 0,05$); уровнем физиологических реакций на стресс и стажем в годах ($r = 0,49$; $p < 0,05$); использованием символики, возрастом и стажем ($r = 0,47$; $p < 0,05$); болями в шее и возрастом ($r = 0,45$; $p < 0,05$); отрицательные связи – между стажем, возрастом и уровнем личностной отстраненности ($r = - 0,52$; $p < 0,05$); высоким субъективным контролем над физическим состоянием и уровнем личностной отстраненности ($r = - 0,49$; $p < 0,05$); сердцебиением и уровнями психоэмоционального истощения, личностной отстраненности и индекса выгорания (соответственно $r = - 0,45$, $- 0,49$ и $- 0,44$; $p < 0,05$); напряжением пальцев и уровнями личностной отстраненности и индекса выгорания (соответственно $r = - 0,58$ и $- 0,42$; $p < 0,05$); болями в шее и уровнями психоэмоционального истощения ($r = - 0,43$; $p < 0,05$); использованием желтого цвета и уровнями психоэмоционального истощения, личностной отстраненности и индекса выгорания (соответственно $r = - 0,43$, $- 0,48$ и $- 0,44$; $p < 0,05$).

Таким образом, можно сделать вывод, что долго работать в начальной школе могут педагоги со скомпенсированными уровнями выгорания, сохраняющие хороший контакт с собственными телесными переживаниями; личностная отстраненность огрубляет восприятие собственных симптомов, и отстранение от собственного тела, как и от субъекта труда, становится важным фактором в возникновении и поддержании процесса «выгорания».

Миронова Т.И. Кострома
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ

И ФОРМЫ ДЕПРИВАЦИОННЫХ СОСТОЯНИЙ ЛИЧНОСТИ И МАЛЫХ ГРУПП.

Издается при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 08-06-00-393а

Общеизвестно, что депривация, как и любое другое состояние и явление, может проявляться не только на личностном или групповом уровне, но и в различных формах.

Так, например, в разноплановых трактовках социальной депривации можно выделить; а) субъективную депривацию - самоизоляцию, отстранение от взаимодействия и общения с людьми, обречение человеком себя на одиночество, если окружающие его люди не позволяют или ограничивают возможности удовлетворения личностно значимых или жизненно важных потребностей; при этом субъективную депривацию (самоизоляцию) нельзя путать с одиночной изоляцией - насильственной изоляцией от людей; б) групповую депривацию - эмоциональную изоляцию в группе, коллективное отвержение; при этом групповую депривацию нельзя путать с групповой и изоляцией - длительным пребыванием человека в ограниченном кругу общения с людьми.

По форме депривация может быть скрытой или явной. Явная депривация изучена и описана относительно подробно. Явная депривация - это отклонение от нормы (в культурном понимании): воспитание ребенка в детском доме, пребывание человека в условиях социальной изоляции, длительное одиночество и т.п. В условиях явной депривации невозможно выделить «чистый» вид конкретной депривации: они существуют в сложном переплетении. Так, например, «в условиях воспитания в детском учреждении сенсорная, двигательная, социальная депривация сопряжены или даже являются следствием мате-

ринской депривации» (А.М. Прихожан и Н.Н. Толстых, 1990).

Дж. Боулби первым заявил «о частичной депривации». Частичную депривацию можно наблюдать там, где не произошло прямой разлуки матери с ребенком, однако их отношения по какой-либо причине неудовлетворительны для ребенка. Для обозначения подобных условий Х. Харлоу использует обозначение «скрытая» или «маскированная» депривация. Он подчеркивает при этом, что скрытая или маскированная депривация возникает в случаях, когда нарушаются значимые связи человека. Ученый делает вывод о чрезвычайной устойчивости ранних связей, именно поэтому нарушение их порождает депривацию.

Наибольший источник скрытой депривации на современном этапе развития общества «усматривается в семейной депривации». Дело касается уже не сиротства, а запущенной родителями нравственной заботы, которые сами недостаточно образованны, нравственны, гуманны. Нравственно запущенный ребенок - это ребенок из семей, которые не выполняют ни своей общественной, ни воспитательной функции (И.Лангмейер, З.Матейчик, 1984).

Скрытая депривация в данное время находится в центре внимания. Ее можно обнаружить там, где возникает источник, ограничивающий возможности удовлетворения важных и значимых потребностей. Так, например, школа рассматривается «как возможный источник социальной депривации» (Т.А. Араканцева). Социальная депривация понимается «как ограничения человека в его развитии» (Т.А. Араканцева), «как невыполнение обществом своих функций по защите и поддержанию полноценного существования своих граждан, в частности - детей» (Н.В. Малярова, С.К. Нартова-Бочавер).

Морозова С.В. (Челябинск) ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБ ЭКОЛОГИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ СТУДЕНТАМИ-АРХИТЕКТОРАМИ

Одной из актуальных проблем в России и мире на сегодняшний день является экологическая проблема. Решение экологических проблем не возможно без изменения господствующего в настоящее время экологического сознания. Термин экология человека обозначают комплекс вопросов, в том числе и психологических, касающихся взаимодействия человека с окружающей средой. Особенно важным является формирование экологического сознания личности, а преодоление экологического кризиса невозможно без системы экологического образования.

Говоря о формировании экологического сознания, мы предполагаем формирование экологической культуры, экологического поведения человека. Экологическая культура – это способность людей пользоваться своими экологическими знаниями и умениями в практической деятельности. Люди, у которых не сформирована экологическая культура, могут обладать необходимыми знаниями, но не владеть ими. Экологическая культура человека включает его экологическое сознание и экологическое поведение. Экологическое поведение – это совокупность конкретных действий и поступков людей, непосредствен-

но или опосредованно связанных с воздействием на природное окружение, использованием природных ресурсов. Экологическое поведение человека определяется особенностями его экологического сознания и основными практическими умениями. В.И. Панов отмечает, что важность психологического изучения проблемы экологического сознания обусловлена не только угрозой экологического кризиса, но и явлениями культурно-исторического плана – эволюцией человеческого сознания.

Каково же представление об экологическом сознании у студентов-архитекторов Южно-уральского государственного университета? Как формировать экологическое сознание? В данной работе мы рассматриваем отношение студентов-архитекторов к экологическому сознанию, их экологическое мировоззрение, которое является на наш взгляд значимым в их профессиональной деятельности.

Среди студентов 3-го курса в количестве 33 человек был проведен опрос с помощью анкеты, в которой располагались вопросы, касающиеся тем экологии. На вопрос: «С чем у вас ассоциируется понятие «экологическое сознание» – с экологической культурой или экологи-

ческим поведением?» Экологическое сознание как понятие ассоциируется с экологической культурой у 42% студентов, а с экологическим поведением – у 40%. Тогда как 18% студентов дали свой ответ – экологическое сознание – «отношение людей к окружающей среде», «экологическая культура и поведение, а также образ мыслей», «экологическое поведение и осознание о бережном отношении к природе», «экологическое мышление», «экологическая культура и поведение». Можно сказать, что представления о «экологическом сознании» у студентов недостаточно сформированы, лишь 18% говоря об экологическом сознании, предполагают формирование экологической культуры и экологического поведения человека. «Можно ли формировать экологическое сознание? – положительно на этот вопрос ответили 90% студентов и 10% ответили – «не знаю». Почти все студенты убеждены, что экологическое сознание можно формировать, хотя ранее, в школе и институте «экологические» дисциплины не изучались.

Следующий вопрос в анкете был: «Какими путями формируется экологическое сознание? – через политику и экономику; через просвещение; через телевидение и СМИ; через общее образование (школу); через высшее образование; через дополнительное образование (кружки, центры творчества); через специальное экологическое образование (лекции, семинары, курсы повышения квалификации, игры, тренинги)». На этот вопрос студенты расставляли ранги по степени предпочтительности ответов. Первое место отдано общему образованию, школе. На 2-м месте – телевидение, СМИ, на 3-м месте – просвещение, на 4-м – специальное экологическое образование (лекции, семинары, курсы повышения квалификации, игры, тренинги), на 5-м месте – высшее образование, на 6-м месте – дополнительное образование (кружки, центры творчества) и на 7-м месте – политика, экономика. То, что школьное образование является значимым для формирования экологического сознания, по мнению студентов не случайно. Панов В.И. указывает, что формирование экологического сознания может происходить разными путями и на разных уровнях социального устройства: через политику, экономику, просвещение, телевидение и т.п. Школьное образование в этом ряду занимает одно из первых и важнейших мест. Важным в формировании экологического сознания для студентов является не столько специальное экологическое образование и высшее образование (4-е и 5-е место), сколько телевидение и средства массовой информации (2-е место), которые оказывают огромное влияние на сознание индивида, особенно подрастающего человека.

Экологическое мировоззрение начинает закладываться на уровне дошкольного образования детей (М.В. Медведева). Важным при формировании экологического сознания, отмечает В.И. Панов (2001) является школьное образование. В настоящее время экология как обязательный учебный предмет включен в программу на федеральном уровне, но часто исключается на региональном. Как правило, программы по экологии строятся в логике традиционного обучения. Не используют психологические особенности формирования экологического сознания в качестве исходной основы и такие психодидактические действия, как диагностика и тренинг экологически ориентированного сознания.

Как же проявляется экологическое сознание, – через поступки, отношения человека к природе, другие действия? На вопрос анкеты: «В каком случае можно говорить о проявлении экологического сознания? – уход за аквариумными рыбками; активное участие в экологическом движении; проявление интереса к изучению природы края, региона» студенты ответили следующим образом: 3% (1 человек) – уход за аквариумными рыбками, 55% – это активное участие в экологическом движении, 18% –

проявление интереса к изучению природы края, региона. Свой ответ дали 24% студентов –

«бережное отношение к окружающему миру», «забота об окружающей среде путем не засорения ее как минимум и очистки ее как максимум», «гуманная, моральная заинтересованность в улучшении экологического состояния города, страны, мира», «развитие экологически чистых технологий производства», «сформированное сознание и переход его в действие», «не кидать мусор на тротуар, не чистить зубы в озерной воде». Для студентов проявление экологического сознания осуществляется не через практическое действие – уход за животными, растениями. Важным в проявлении экосознания, по мнению студентов, является поступок – активное участие в экологическом движении, поступок, определяемый как «акт нравственного самоопределения человека, в котором он утверждает себя как личность в своем отношении к другому человеку, самому себе, группе или обществу, к природе в целом» (Панов В.И., 2001).

Вопрос анкеты: «Какое выражение определяет экологическое сознание человека – «человек – царь всех зверей» и «человек – часть природы»? 85% студентов ответили – «человек – часть природы», что и определяет экологическое сознание. Тогда как 15% дали свой ответ – «человек – сама природа», «природа может прожить без человека, а человек без природы – нет», «человек – разумное, цивилизованное существо», «человек имеет право влиять на природу, но из этого ничего хорошего не получится».

Для психологии экологическое сознание – это феномен развивающийся, который имеет в своей основе возможность к появлению и развитию. Поэтому как объект психологии экологическое сознание может быть предметом диагностики его наличия или отсутствия и даже предметом целенаправленного формирования.

Формирование экологического сознания (отношения к природе, к другим людям и к самому себе) должно происходить как процесс обучения и социализации, в ходе которого учащиеся, студенты последовательно овладевают формами сознания, присущими различным уровням и формам развития Природы и Человека (Панов В.И., 2001).

Задачи, стоящие перед нами – формирование экологического сознания студентов через обучение и диагностику. Студенты архитектурного факультета проходят курс «Психология жизненного пространства», целью которого является развитие психологической позиции, развития экологического сознания, умение, оценить экологическую ситуацию (исследование жилой, образовательной, рабочей среды), владеть простейшими методами исследования среды. Студенты изучают важные темы – введение в экологическую психологию, экологическое сознание, развитие экологической психологии на Западе и в России, стресс-факторы городской среды. Среди задач, поставленных перед курсом, есть основные – формирование экологического сознания, экологического мировоззрения; формирование психологических знаний; формирование психологической компетентности – умение применить комплекс знаний и умений по психологии, психологии жизненного пространства в своей профессиональной деятельности.

Таким образом, психология не может игнорировать серьезные экологические проблемы, с которыми столкнулось человечество в XXI веке. Главная роль в решении экологической проблемы должно сыграть формирование развитого экологического сознания. Смысл человеческого бытия состоит не в покорении природы, не в наращивании материального богатства, а ценностной переориентации человеческой деятельности, в нравственном совершенствовании личности, уровня ее обра-

Морозова С.В. (Челябинск)
РОЛЬ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ В ПРОЦЕССЕ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ-АРХИТЕКТОРОВ

На сегодняшний день одной из актуальных проблем в России и мире является экологическая проблема, которая связана как с глобальными природно-климатическими изменениями, так и ухудшениями экологической ситуации. Слово «экология» часто ассоциируется у человека в большей степени с понятием «экологический кризис», чем с понятиями «сохранение», «экологическая защита». Экологический кризис мыслится как нечто внешнее по отношению к человеку, а не как то, что заключено в нем самом. Ведь любые меры принимаемые человеком по защите природы определяются поведением человека и его отношением к природе. Однако говоря о кризисе экологическом, следует понимать кризис мировоззренческий. Поэтому решение экологических проблем не возможно без изменения господствующего в настоящее время экологического сознания. Экологическими проблемами на сегодня занимаются ученые различных наук – биологи, экологи, геологи, а также психологи и педагоги. И не случайно, так как особенно важным является формирование экологического сознания личности, а преодоление экологического кризиса невозможно без системы экологического образования.

Что же такое экологическое сознание? С.Д. Дерябо под экологическим сознанием понимает совокупность представлений как индивидуальных так групповых, о взаимосвязях в системе «человек-природа» и самой природе, существующего отношения к природе, а также соответствующих стратегий и технологий взаимодействия с ней. С.В. Ясвин экологическое сознание определяет как «совокупность экологических и природоохранительных представлений, мировоззренческих позиций и отношения к природе, стратегий к практической деятельности направленной на природные объекты» [3].

В.И. Панов рассматривает экологическое сознание в психологическом аспекте «иными словами, для психологии экологическое сознание – это феномен развивающийся, который имеет в своей основе возможность к появлению и развитию» [3]. В.И. Медведев и А.А. Алдашева рассматривают экологическое сознание как некое отражение в сознании процессов взаимодействия между человеком как организмом и человеком и личностью, с одной стороны, и обществом и окружающим миром – с другой, в тех аспектах биологической и социальной жизни, которые обусловлены природными факторами.

Говоря о формировании экологического сознания, мы предполагаем формирование экологической культуры, экологического поведения человека. Экологическая культура – это способность людей пользоваться своими экологическими знаниями и умениями в практической деятельности. Люди, у которых не сформирована экологическая культура, могут обладать необходимыми знаниями, но не владеть ими. Экологическая культура человека включает его экологическое сознание и экологическое поведение. Экологическое поведение – это совокупность конкретных действий и поступков людей, непосредственно или опосредованно связанных с воздействием на природное окружение, использованием природных ресурсов. Экологическое поведение человека определяется особенностями его экологического сознания и основными практическими умениями в области природопользования [3].

В.И. Панов отмечает, что важность психологического изучения проблемы экологического сознания обусловлена не только угрозой экологического кризиса, но и явлениями культурно-исторического плана – эволюцией

человеческого сознания. С психологической точки зрения здесь важно отметить, что поиск решения экологических проблем строится в общественном сознании с помощью той же логики, которая привела к их возникновению. Согласно этой логике, если Человек своим неразумным воздействием нарушил Природу (или равновесие с ней), то он же своими воздействиями на Природу должен ее вновь восстановить. Чтобы в результате благих намерений по сохранению природы «маятник» экологического кризиса не качнулся в другую сторону, необходимо, чтобы Человек изменил свое понимание взаимоотношений с природой, т.е. изменил свой способ мышления и, соответственно, свое сознание. А это уже прерогатива психологии [3].

Проводя теоретический анализ феномена экологического сознания можно сказать о сложности изучения этого вопроса. Изучая, экосознание с психологической стороны для качественного исследования является, важным учитывать параметры возрастные, половые, статусные, этнические, социальные и др. Несмотря на то, что «экологическое сознание» довольно новая тема для исследований, но на сегодняшний день есть уже достаточно экспериментальных исследований. Так при изучении Л.Ю. Ивановой (2000) экологической культуры учащихся старших классов Москвы и Московской области выявлено недостаточная информированность об экологическом состоянии региона, страны и мира. В результате исследования экологического сознания школьников и студентов в Новосибирском Академгородке, выявлена связь их эмоциональных установок по отношению окружающей среды и готовности к действиям на защиту (Г. Шагун, 1994). В.А. Ясвин исследовал отношение всех возрастных категорий населения к особо охраняемым природным территориям по средствам методик [4].

Как формировать экологическое сознание у взрослых людей? Можно ли изменить экологическое мировоззрение? Какую же роль экологическое сознание и образование играет у студентов-архитекторов Южно-уральского государственного университета?

В данной работе мы рассматриваем отношение студентов-архитекторов к экологическому сознанию, их экологическое мировоззрение, которое является на наш взгляд значимым в их профессиональной деятельности.

Среди студентов 3-го курса в количестве 33 человек был проведен опрос с помощью анкеты, в которой располагались вопросы, касающиеся тем экологии. На вопрос: «С чем у вас ассоциируется понятие «экологическое сознание» – с экологической культурой или экологическим поведением?» Экологическое сознание как понятие ассоциируется с экологической культурой у 42% студентов, а с экологическим поведением – у 40%. Тогда как 18% студентов дали свой ответ – экологическое сознание – «отношение людей к окружающей среде», «экологическая культура и поведение, а также образ мыслей», «экологическое поведение и осознание о бережном отношении к природе», «экологическое мышление», «экологическая культура и поведение». Можно сказать, что представления о «экологическом сознании» у студентов недостаточно сформированы, лишь 18% говоря об экологическом сознании предполагают формирование экологической культуры и экологического поведения человека. «Можно ли формировать экологическое сознание? – положительно на этот вопрос ответили 90% студентов и 10% ответили – «не знаю». Почти все студенты убеждены, что экологическое сознание можно формировать, хотя

ранее, в школе и институте «экологические» дисциплины не изучались.

Следующий вопрос в анкете был: «Какими путями формируется экологическое сознание? – через политику и экономику; через просвещение; через телевидение и СМИ; через общее образование (школу); через высшее образование; через дополнительное образование (кружки, центры творчества); через специальное экологическое образование (лекции, семинары, курсы повышения квалификации, игры, тренинги)». На этот вопрос студенты расставляли ранги по степени предпочтительности ответов. Первое место отдано общему образованию, школе. На 2-м месте – телевидение, СМИ, на 3-м месте – просвещение, на 4-м – специальное экологическое образование (лекции, семинары, курсы повышения квалификации, игры, тренинги), на 5-м месте – высшее образование, на 6-м месте – дополнительное образование (кружки, центры творчества) и на 7-м месте – политика, экономика. То, что школьное образование является значимым для формирования экологического сознания по мнению студентов не случайно. Панов В.И. указывает, что формирование экологического сознания может происходить разными путями и на разных уровнях социального устройства: через политику, экономику, просвещение, телевидение и т.п. Школьное образование в этом ряду занимает одно из первых и важнейших мест [3]. Важным в формировании экологического сознания для студентов является не столько специальное экологическое образование и высшее образование (4-е и 5-е место), сколько телевидение и средства массовой информации (2-е место), которые оказывают огромное влияние на сознание индивида, особенно подрастающего человека.

Экологическое мировоззрение начинает закладываться на уровне дошкольного образования детей. Создаются и внедряются в обучение учебно-методические материалы для экологического образования. Однако, как отмечает М.В. Медведева председатель правления Общероссийского общественного движения «Зеленая планета», только треть учебно-методических материалов разработана совместно с представителями науки и еще меньше – по инициативе общественных организаций. Аналогичная картина складывается при анализе учебно-методических изданий для школьников. Конечно, помимо участия в создании учебно-методических материалов, по инициативе научной общественности широко внедряются программы непрерывной экологической подготовки студентов, проводятся научно-практические конференции, реализуются научно-практические проекты [2]. Данные формы работы ведутся в различных регионах России, однако насколько масштабна эта работа?

Важным при формировании экологического сознания, отмечает В.И. Панов (2001) является школьное образование. Поэтому по инициативе ЮНЕСКО и ЮНЕП был проведен ряд международных конференций, посвященных проблемам, целям и методологии просвещения в области охраны окружающей среды. В настоящее время экология как обязательный учебный предмет включен в программу на федеральном уровне, но часто исключается на региональном. Как правило, программы по экологии строятся в логике традиционного обучения. Это означает, что они пытаются скорее воспроизвести соответствующую научную дисциплину, чем природные (психологические) закономерности развития индивида и его сознания. Не используют психологические особенности формирования экологического сознания в качестве исходной основы и такие психодидактические действия, как диагностика и тренинг экологически ориентированного сознания (Панов В.И., 2001).

Как же проявляется экологическое сознание, – через поступки, отношения человека к природе, другие действия? На вопрос анкеты: «В каком случае можно го-

ворить о проявлении экологического сознания? – уход за аквариумными рыбками; активное участие в экологическом движении; проявление интереса к изучению природы края, региона» студенты ответили следующим образом: 3% (1 человек) – уход за аквариумными рыбками, 55% – это активное участие в экологическом движении, 18% – проявление интереса к изучению природы края, региона. Свой ответ дали 24% студентов – «бережное отношение к окружающему миру», «забота об окружающей среде путем не засорения ее как минимум и очистки ее как максимум», «гуманная, моральная заинтересованность в улучшении экологического состояния города, страны, мира», «развитие экологически чистых технологий производства», «сформированное сознание и переход его в действие», «не кидать мусор на тротуар, не чистить зубы в озерной воде». Для студентов проявление экологического сознания осуществляется не через практическое действие – уход за животными, растениями. Важным в проявлении экосознания, по мнению студентов, является поступок – активное участие в экологическом движении, поступок, определяемый как «акт нравственного самоопределения человека, в котором он утверждает себя как личность в своем отношении к другому человеку, самому себе, группе или обществу, к природе в целом» (Панов В.И., 2001).

Говоря о формировании экологического сознания, следует обозначить проблему ее диагностики. Основной проблемой диагностики и формирования экологичности сознания представляется выявление и устранение расхождений между имеющимися знаниями и мотивами, определяющими поступки индивида. Диагностика типа экологического сознания строится по следующим параметрам, представляющим выражение субъективного отношения личности к природным объектам в таких сферах психики, как:

эмоциональная (эмпатия, симпатия, антипатия) - восприятие природы как объекта эстетики, этики, жизни; познавательная - природа как объект познания и как условие обитания;

поведенческая - природа как объект и субъект действия;

поступочная - отношение к природе выступает в качестве субъективного средства нравственного самоопределения и самоутверждения [1,3].

Вопрос анкеты: «Какое выражение определяет экологическое сознание человека – «человек – царь всех зверей» и «человек – часть природы»? 85% студентов ответили – «человек – часть природы», что и определяет экологическое сознание. Тогда как 15% дали свой ответ – «человек – сама природа», «природа может прожить без человека, а человек без природы – нет», «человек – разумное, цивилизованное существо», «человек имеет право влиять на природу, но из этого ничего хорошего не получится».

Для психологии экологическое сознание - это феномен развивающийся, который имеет в своей основе возможность к появлению и развитию. Поэтому как объект психологии экологическое сознание может быть предметом диагностики его наличия или отсутствия и даже предметом целенаправленного формирования.

Формирование экологического сознания (отношения к природе, к другим людям и к самому себе) должно происходить как процесс обучения и социализации, в ходе которого учащиеся, студенты последовательно овладевают формами сознания, присущими различным уровням и формам развития Природы и Человека. Для этого образовательная среда должна обеспечивать учащимся возможность освоения разных субъектных ролей: субъекта семьи, субъекта своего учебного класса или школы, субъекта этноса, субъекта страны, субъекта планеты Земля и т.д. Освоение этих ролей предполагает также

формирование у учащихся способности быть субъектом своего психического и физического развития. Несмотря на определенные различия в подходах к реализации экологического образования, большинством специалистов признается необходимость включать рассмотрение экологических проблем практически во все учебные программы: от философии и социологии до географии и этики. Экологическое образование должно стать неотъемлемой составной частью содержания основного, среднего, специального и высшего образования [1].

Задачи, стоящие перед нами – формирование экологического сознания студентов через обучение и диагностику. Студенты архитектурного факультета проходят курс «Психология жизненного пространства», целью которого является развитие психологической позиции, развития экологического сознания, умение, оценить эколого-психологическую ситуацию (исследование жилой, образовательной, рабочей среды), владеть простейшими методами исследования среды. Студенты изучают важные темы – введение в экологическую психологию, экологиче-

ское сознание, развитие экологической психологии на Западе и в России, стресс-факторы городской среды. Среди задач, поставленных перед курсом, есть основные – формирование экологического сознания, экологического мировоззрения; формирование психологических знаний; формирование психологической компетентности – умение применить комплекс знаний и умений по психологии, психологии жизненного пространства в своей профессиональной деятельности.

С учетом вышесказанного, психология не может игнорировать серьезные экологические проблемы, с которыми столкнулось человечество в XXI веке. Главная роль в решении экологической проблемы должно сыграть формирование развитого экологического сознания. Смысл человеческого бытия состоит не в покорении природы, не в наращивании материального богатства, а ценностной переориентации человеческой деятельности, в нравственном совершенствовании личности, уровня ее образованности и культуры, в гармонизации окружающей среды.

Москвитина Т.Н. (Томск) ПРОИСХОЖДЕНИЕ АППЕТИТА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПСИХОДИНАМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И КОГНИТИВНОЙ ТЕОРИИ ЛИЧНОСТИ

Человек, познающий и изменяющий мир, не является бесстрастным созерцателем того, что происходит вокруг него и что делает он сам. Он *переживает* то, что с ним происходит и им совершается; он относится определенным образом к тому, что его окружает. *Переживание* этого *отношения* человека к окружающему миру составляет сферу чувств или эмоций.

Эмоциональные процессы приобретают положительный или отрицательный характер в зависимости от того, находится ли действие, которое человек производит, и воздействие, которому он подвергается, в положительном или отрицательном отношении к его *потребностям*, интересам, установкам.

Взаимоотношение эмоций с потребностями может проявляться двояко. С одной стороны, удовлетворение или неудовлетворение потребности, которая сама не проявилась в форме чувства, а испытывается, например, в элементарной форме органических ощущений, может породить эмоциональное состояние удовольствия – не удовольствия, радости – печали и т.п.; с другой – сама потребность как активная тенденция может испытываться как чувство, так что и чувство выступает в качестве проявления потребности. Выступая в качестве конкретной психической формы существования потребности, эмоция выражает активную сторону потребности.

Степень сознательности эмоционального переживания может быть при этом различной, в зависимости от того, в какой мере осознаётся само отношение, которое в эмоции переживается. Это общеизвестный житейский факт, что можно испытывать, переживать – и очень интенсивно – то или иное чувство, совсем неадекватно осознавая истинную его природу. Это объясняется тем, что осознать своё чувство – значит не просто испытать его как переживание, а и соотнести его с тем предметом или лицом, которое его вызывает и на которое направляется.

С этой точки зрения определим аппетит как совокупность эмоционального и мотивационного компонентов, обусловленную, в отличие от голода, не физиологическими причинами, а реакцией на внешние (ситуация) или внутренние психологические (тоска, тревога и т.д.) обстоятельства. Действия, порождаемые аппетитом (поедание излишнего количества пищи), являются неадаптивными с точки зрения здоровья (ведут к ожирению). К тому же аппетит не разрешает свою причину (не решается стрессовая ситуация), а, скорее, уводит человека в сторону от решения проблемы.

Интересно рассмотреть возникновение аппетита с точки зрения когнитивного подхода. Этот подход основан на том принципе, что чувства и действия человека перестают соответствовать ситуации, после того как он начинает расшифровывать эту ситуацию, пользуясь иррациональными и потому неадекватными соображениями.

Подобные представления покоятся на заложенных в каждом из нас глубинных потребностях (потребность рассчитывать на поддержку других, потребность быть любимым, проявлять свою компетентность и т.п.), удовлетворение которых необходимо для душевного равновесия. Весь парадокс, однако, заключается в том, что, поскольку мы приписываем этим потребностям чрезмерное значение, их удовлетворение становится очень трудной или даже невыполнимой задачей, а сами мы при этом испытываем эмоциональные расстройства и тревогу.

Пример. Позвонила подруге, она резко ответила по телефону, сказала, что не может долго разговаривать и положила трубку (активирующее событие). «Я ей чем-то помешала, она на меня за что-то рассердилась» (представление о ситуации). Чувство – тревога, обида. «Возможно, ей действительно некогда говорить. Позвоню ей позже, а пока есть время заняться чем-нибудь интересным» (объективный анализ ситуации). «Она меня не любит, как жалко себя, я никому не нужна» (неспособность к объективному анализу) – «Кто же меня пожалеет, кроме меня самой: пойду съем конфету» (аппетит как руководство к действию).

С точки зрения психодинамического подхода, мысли и поведение человека по большей части имеют бессознательную природу. Чаще всего они возникают в результате конфликта между связанным с реальностью сознанием, с одной стороны, и подсознательными побуждениями – с другой. Реалистическое разрешение этих конфликтов свидетельствует о сильном «Я», способном в любую минуту взвесить требования «Оно» и давление со стороны «Сверх-Я» и таким образом определить, какой поступок будет самым целесообразным и самым логичным. Однако большинство из нас не имеет ничего общего с тем холодным и трезвомыслящим существом, которое способно было бы придерживаться такой установки.

Если человек не способен эффективно контролировать некоторые жизненные ситуации, на помощь ему приходят *механизмы психологической защиты* «Я», обеспечивающие ему бессознательную компенсацию этой неспособности и ослабляющие связанные с ней стресс и

тревогу. Такие механизмы дают человеку возможность достичь удовлетворения потребностей – иногда реально, а чаще воображаемого или слишком оторванного от реальности – путём отрицания или искажения действительности или же отрицания тех представлений и побуждений, которые порождают тревогу.

Чаще всего человек прибегает к такому защитному механизму, как *подавление*. Оно состоит в вытеснении желания или конфликтной ситуации в область подсознательного. Речь идёт об активном забывании подобного психического материала, который, однако, сохраняет весь свой динамический потенциал в виде подавленного влечения.

Реактивное образование предполагает принятие человеком чувств и поступков, противоположных тем, что были вытеснены им, с целью ещё более сильного их подавления.

Работу этих защитных механизмов можно представить в виде схемы.

Однако, как бы мы ни объясняли себе механизмы возникновения аппетита, представляется, что основной способ работы с ним – осознание мотива действия. Ответ на вопрос «Зачем я это делаю? Что хочу получить своим действием? Как я могу получить желаемое другим способом (не с помощью еды)?» является одновременно моментом, усиливающим «Я» человека, и объективным анализом ситуации.

**Мухаметзянова Ф.Г., Богданова А.Х., Мухаметзянов Ф.А.
ПОДГОТОВКА БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ-ПСИХОЛОГОВ НА ОСНОВЕ
КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА КАК КОНКУРЕНТОСПОСОБНЫХ
СПЕЦИАЛИСТОВ**

Сегодня в мире признана возрастающая роль профессионального образования не только для отдельной личности, но и для всего общества в целом. Одним из факторов конкурентоспособности становится проявление умений накапливать знания и творчески их применять при решении профессиональных задач. Поэтому качество профессионального образования определяется не только объемом, но и степенью творческого использования субъектом деятельности приобретенных знаний, сформированных умений и привычек. В процессе профессиональной деятельности знания и умения в совокупности с потребностями и мотивами, возможностями и способностями начинают определять стратегию становления и развития компетентного и конкурентоспособного специалиста как субъекта профессионального опыта и жизненного пути.

Компетентностный подход в профессиональном образовании объективно соответствует социальным ожиданиям в сфере образования и интересам участников образовательного процесса. Компетентностный подход позволяет перейти в профессиональном образовании от его ориентации на воспроизведение знания к применению и организации знания, ориентировать деятельность выпускников на бесконечное разнообразие профессиональных и жизненных ситуаций. Компетентностный подход основан на концепции формирования компетенций как основы для проявления у субъектов учебно-профессиональной деятельности способности, решать практические задачи. Предполагается, что «компетентность» – это самостоятельно реализуемая субъектом профессиональной деятельности способность к практической деятельности, к решению жизненных проблем, основанная на приобретенных обучающимся учебном и жизненном опыте, его ценностях и склонностях.

Компетентностный подход рассматривается в подготовке будущего педагога-психолога рассматривается нами как технология моделирования результатов образования их представление как норм качества профессионального образования. В качестве инструментальных средств реализации компетентностного подхода выступают метаобразовательные конструкты: компетентности, компетенции, метакчества или учебно-познавательные качества.

Компетентностный подход как понятие исходит из представления как определенной точки зрения, обуславливающей проектирование или организацию того или иного явления. В нашем случае это - образовательное пространство в высшей школе по формированию педагога-психолога на основе компетентностного подхода. Формирование конкурентоспособного педагога-психолога связа-

но, прежде всего, с созданием условий для проявления и становления универсальных и профессиональных компетенций. В нашем понимании смыслообразующей категорией для компетентностного подхода является соотношение компетенций при формировании педагога-психолога в профессиональной школе.

В целом, тактика профессионального образования современного общества определяет стратегию становления и развития высшего образования на новом уровне, которая детерминирована объективными и субъективными условиями и факторами. Во-первых, рост наукоемких производств в современном обществе требуют того, чтобы более 50% персонала должны иметь профессиональное высшее образование. В системе образования наметилась четкая тенденция увеличения количества учителей, педагогов, психологов, педагогов-психологов, имеющих высшее профессиональное образование. Во-вторых, интенсивный рост объема научной, технической, учебно-методической информации определяют имидж современного специалиста, в котором важнейшей компетенцией становится информационная и научно-методическая компетентность. В-третьих, быстрая смена технологий требует проявления от современного педагога-психолога профессиональной мобильности и гибкости профессионального мышления. В-четвертых, происходит развитие новой системы исследований, ведущихся на стыке различных психологических, педагогических наук и технологий. Перечисленные условия и факторы определяют новейшую стратегию по формированию требований к компетентному педагогу-психологу как конкурентоспособному специалисту. Сегодня как никогда актуализируется тактика компетентностного подхода к подготовке педагога-психолога.

Все это, в целом, компетентностный подход определяет важнейшие требования к современному специалисту педагогу-психологу как конкурентоспособному и компетентному специалисту:

Современный специалист – педагог-психолог для решения профессиональных задач должны обладать не только фундаментальными, более того, обширными, многомерными знаниями, уметь их самостоятельно приобретать их переносить в различные ситуации при решении задач профессиональной деятельности.

Педагог-психолог должен уметь работать не только как индивидуальный субъект, но и как коллективный субъект деятельности, для чего ему необходимо постоянно совершенствовать корпоративную культуру, защищая и отстаивая не только свой имидж как профессионала, но и как равноправного субъекта корпорации.

Современный специалист педагог-психолог должен быстро, активно, мобильно осваивать новые технологии и уметь рефлектировать относительно их эффективности и целесообразности в той или иной ситуации как субъект профессиональных действий.

Современный педагог-психолог должен «оттачивать» навыки самообразования, причем, не как «обязательную реакцию» на требования профессиональной подготовки, а как естественную реакцию субъекта самостоятельных действий, проявляя, при этом, определенную санкционированную активность, мобильность и ответственность. При этом, для решения субъектом той или иной ситуации ему необходимо уметь мобильно осуществлять поиск информации и умения извлекать и переносить ее для эффективного решения тех или иных профессиональных задач.

Современный педагог-психолог должен «взращивать» способность к исследовательской деятельности в жизненно-важной «событийности», проявлять креативность как основу творчества.

Современный специалист педагог-психолог должен уметь реализовывать инновационные модели профессиональной деятельности, технологии их использования адекватно профессиональной ситуации и потребностям корпорации.

Все это в целом, и в частности, соответствует ведущей стратегии и тактике высшего образования, среди которых ключевыми являются, во-первых, адекватность задачам профессиональной подготовки требованиям современного общества в том, или ином специалисте. Во-вторых, возрастание требований к качеству профессионального высшего образования. В-третьих, расширение границы и возможностей доступного всем высшего профессионального образования.

В процессе подготовки педагога-психолога необходимо использовать компетентностный подход, содержание которого определяет формирование у будущего педагога-психолога ключевых компетенций, связанных, прежде всего с проявлением критического мышления, творческих способностей. Соответственно, в вузе необходимо создание условий для проявления студентами и преподавателями креативности, творческих способностей, т.е. способности творить, создавать, а не просто копировать нечто не только субъективно, но и объективно новое.

В академии социального образования (негосударственный вуз), на кафедре педагогики и педагогической психологии в плане реализации компетентностного подхода в процессе подготовки будущего педагога выработана своя тактика и стратегия. Прежде всего, нами выработана тактика перехода от информационных методов к методам обучения, активизирующих познавательную, креативную, творческую самостоятельность студентов. Мы не пользуемся понятием «активные методы обучения» т.к. методы в целом не могут быть активными или пассивными, а вот активизировать или «затормаживать» самостоятельность студента они могут, причем в большей степени, чем мы можем ожидать. Данная тактика в контексте компетентностного подхода к подготовке будущего педагога-психолога определяет стратегию оптимального включения в процесс профессиональной подготовки различных методов и технологий. Например, включение в учебный процесс приемов проблемного обучения, например, проблематизации, под которой, во-первых, мы понимаем не усложнение преподавателем той или иной учебной ситуации, а создание такой ситуации, в которой учебная или учебно-профессиональная проблема актуализируется самим студентом, исходя из его потребностей, мотивов, возможностей, способностей к решению учебно-профессиональных задач. Во-вторых, прием проблемати-

зации, опосредованно развивает у студента осознанную готовность к научному, учебно-научному поиску при решении той или иной проблемы. В-третьих, прием проблематизации требует использования оптимального сочетания различных способов самостоятельной работы и соответственно введение рейтинговой системы, тестового контроля учебных достижений. Все это требует использования в процесса подготовки педагога-психолога других психологических механизмов. Если в учебном процессе преобладают механизмы воспроизведения и припоминания, что проявляется в психическом развитии студента, нацеленном на то, чтобы запомнить и воспроизвести (порой любой ценой – вы зубрить, списать). Компетентностный подход нацеливает процесс обучения на использование механизмов узнавания, понимания, критического мышления.

Компетентностный подход в процессе профессиональной подготовки современного педагога-психолога в условиях негосударственного вуза заключается в формировании ключевых компетенций, которые рассматриваются нами как оптимальное сочетание множества профессионально значимых личностных качеств, умений, привычек интеллигентного, креативного специалиста, среди которых должны доминировать следующие:

1. Умение использовать понятия, которыми педагог-психолог оперирует в профессиональной деятельности и проявлять профессиональное значимое личностное качество - профессиональное мышление педагога-психолога, профессиональное целеполагание, заключающееся в том, чтобы ясно, доступно объяснять те или иные профессиональные явления и ситуации и осуществлять целесообразные действия.

2. Умение мыслить в конкретной ситуации определенными генеральными, профессионально-ориентированными категориями, что проявляется в профессиональном мышлении и профессиональной направленности как оперативное реагирование и гибкое решение профессиональных задач.

3. Умение видеть осознанную профессиональную необходимость решения той или иной задачи, находить причины их возникновения и решения, что проявляется в объяснении и мобильно, что проявляется в профессиональном мышлении и профессиональной рефлексии на уровне ответственного, рефлексивного реагирования.

4. Умение четко осознавать различные связи между педагогическими, социальными предметами и явлениями, способность предвидеть развитие событий на основе критического анализа имеющихся тенденций, умение разработать ту или иную оптимальную тактику поведения, что проявляется в профессиональной рефлексии и такте педагога-психолога

5. Умение осуществлять перевод количества в качество профессиональной деятельности педагога-психолога, проявлять себя как субъект профессиональной деятельности, т.е. распорядитель всех своих компетенций на уровне физических, интеллектуальных, душевных, духовных сил.

6. Способность к профессиональной социализации, как умение развивать себя в соответствии с профессиональными нормами, требованиями, этическим кодексом, как проявляется в профессиональном такте и его эмоциональной гибкости.

Таким образом, компетентностный подход в процессе подготовки педагога-психолога – это новое педагогическое явление, которое не имеет однозначного подхода к ее решению. Для ее реализации в профессиональной подготовке необходимо разработать новые стратегии и тактики и изменить содержание, методы, формы, технологии подготовки современного педагога-психолога.

Ободкова Е.А. (Ярославль)
СОЦИАЛЬНО-ОТВЕТСТВЕННЫЙ БИЗНЕС КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

На западе широко распространены идеи социально ответственного предпринимательства, корпоративной социальной ответственности, социальных инвестиций, корпоративного гражданства, социально этичного маркетинга и т.д. Считается, что организация должна достигать своих целей таким образом, чтобы это шло на пользу обществу.

Почему социальной ответственности в развитых странах уделяется большое внимание? Выделяется несколько причин, среди которых:

Глобализация и связанное с ней обострение конкуренции

Растущие размеры и влияние компаний

Сокращение и репозиционирование правительств «Война за талант» - конкуренция компаний за персонал

Рост гражданского активизма

Возрастающая роль нематериальных активов (репутации, брендов)

[Boston College Centre for Corporate Community Relations, Making the Business Case: Determining the Value of Corporate Community Involvement, 2008].

Начиная с 1992 года, на Западе все более широкое распространение получает точка зрения в соответствии с которой частные компании по собственной инициативе должны играть существенную роль в достижении «общественных целей» под флагом «корпоративного гражданства» (corporate citizenship). Корпорации должны вести бизнес с учетом интересов различных «заинтересованных сторон» (stakeholders), чтобы сообща достигать заявленной цели «устойчивого развития» (экономического, социального и экологического), не только ставя перед собой цели на уровне прибыльности и капитализации. Считается, что действуя описанным способом компании могут соответствовать «ожиданиям общества» (society's expectations), что представляется ключевым фактором долгосрочной стратегии успеха в современном мире. Т.е. успех бизнеса заключается не только в получении прибыли, но в ответственности перед государством, гражданами и обществом в целом.

Социальная ответственность бизнеса в ее современном понимании многообразна в своих проявлениях. Помимо традиционной ответственности за предоставление достойного вознаграждения и нормальных условий труда для своих работников, помимо экономической функции, состоящей в создании рабочих мест, помимо уплаты налогов, современный работодатель в ответе за то, чтобы его управленческие решения, по возможности, не ухудшали социально-экономического положения людей, работающих на него, живущих вокруг его предприятия и в стране в целом.

Общепринятого определения социальной ответственности бизнеса в международной практике не существует, что дает повод понимать термин «социальная ответственность бизнеса» каждому по-своему. Под социальной ответственностью бизнеса понимается и благотворительность, и меценатство, и корпоративная социальная ответственность, и социально-маркетинговые программы, и спонсорство, и филантропия и т.д.

Обобщая можно сказать, что **социальная ответственность бизнеса** – это влияние бизнеса на общество, ответственность тех, кто принимает бизнес-решения, перед теми, на кого прямо или косвенно эти решения влияют.

Данное определение социальной ответственности бизнеса скорее идеальное, и не может быть полностью претворено в действительность хотя бы потому, что просчитать все последствия одного решения просто невозможно. Скорее, социальная ответственность бизнеса - это не правило, а этический принцип, который должен быть задействован в процессе принятия решения.

Социальная ответственность бизнеса носит многоуровневый характер:

1. Базовый уровень социальной ответственности бизнеса предполагает выполнение следующих обязательств: своевременная оплата налогов, выплата заработной платы, по возможности — предоставление новых рабочих мест (расширение рабочего штата).

2. Второй уровень социальной ответственности бизнеса предполагает обеспечение работников адекватными условиями не только работы, но и жизни: повышение уровня квалификации работников, профилактическое лечение, строительство жилья, развитие социальной сферы.

Такой тип социальной ответственности бизнеса был условно назван «корпоративной ответственностью».

3. Третий, высший уровень социальной ответственности бизнеса предполагает благотворительную деятельность.

К *внутренней социальной ответственности бизнеса* можно отнести:

Безопасность труда

Стабильность заработной платы

Поддержание социально значимой заработной платы

Дополнительное медицинское и социальное страхование сотрудников

Развитие человеческих ресурсов через обучающие программы и программы подготовки и повышения квалификации

Оказание помощи работникам в критических ситуациях

К *внешней социальной ответственности бизнеса* можно отнести:

Спонсорство и корпоративная благотворительность

Содействие охране окружающей среды

Взаимодействие с местным сообществом и местной властью

Готовность участвовать в кризисных ситуациях

Ответственность перед потребителями товаров и услуг (выпуск качественных товаров)

Самыми востребованными инструментами реализации социальных программ являются: благотворительные пожертвования и спонсорская помощь, добровольное вовлечение сотрудников компании в социальные программы, корпоративное спонсорство, корпоративный фонд, денежные гранты, социальные инвестиции, социальный маркетинг.

Ошибочно полагать, что социально ответственная политика – удел крупных финансовых и промышленных гигантов, вынужденных оправдывать свои сверхприбыли перед обществом или сглаживать экологические и социальные дисбалансы, причиной возникновения которых послужила их деятельность. Проведение такой политики должно быть выбором осознанным, лежащим в основу ценностей и принципов компании, которые последовательно и на долгосрочной основе коммуницируются и во внешний мир, и внутри организации.

Как обстоят дела в российском бизнесе? В России традиционно больше внимания уделяется вопросам социальной ответственности бизнеса как помощи социально уязвимым слоям населения, другими словами, как спонсорство и меценатство. Актуальность проблемы наблюдается в том, что постепенно общество начинает осознавать, что социальная ответственность предполагает собой не только благотворительность.

Хотя в российском бизнесе идеи «социальной ответственности» так же получили распространение, и все же, большая часть предприятий не связывают свое развитие с внедрением характеристик социально-ответственного предпринимательства. На наш взгляд, данная особенность обусловлена не только особенностями экономической ситуации в стране, но и особенностями менталитета: из полутора десятков категорий ценностей в России доминируют - накопление богатства, власть, признание.

Еще одной причиной, тормозящей внедрение принципов социально-ответственного бизнеса, на наш взгляд, является «фокус видения». Основным способом мышления крупных западных компаний является - стратегический, опережающий. В России ситуация принципиально иная. Для российского бизнеса характерен реагирующий способ действий. Владельцы компаний сосредоточены на позиции «здесь и сейчас». А современные экономические условия (кризис) будут серьезным испытанием для концепции корпоративной социальной ответственности в России и в целом в мире.

И все-таки, **зачем бизнесу социальная ответственность**, что современному предпринимателю может дать внедрение программ социальной ответственности?

Кроме **вознаграждений компании** в виде создания благоприятного общественного мнения существуют и другие выгоды внедрения характеристик социально ответственного предпринимательства, к примеру:

Стабильность и устойчивость развития компании в долгосрочной перспективе.

Операционные издержки (например, инвестиции в экологически эффективные технологии приводят к существенному сокращению издержек)

Репутация и связи с общественностью (социальные программы улучшают репутацию предприятия и, тем самым, поднимают капитализацию, улучшение имиджа компании, реклама товара или услуги, освещение деятельности компании в СМИ)

Улучшение отношений с персоналом компании (развитие собственного персонала позволяет не только избежать текучести кадров, но и привлекать лучших специалистов на рынке; существует прямой эффект в виде повышения лояльности персонала от различных добавлений к официальному, законодательно установленному соцпакету, и т.д.)

Рост производительности труда в компании

Улучшение отношений с властями (с социально ответственными компаниями проще ведутся переговоры относительно лицензий, разрешений, налоговые льготы и пр.)

Социальное инвестирование (предпочтительно в мире инвестирование в компании с высокими показателями социальной активности) и др.

Сохранение социальной стабильности в обществе в целом.

Таким образом, кроме роста узнаваемости и повышения лояльности клиентов, персонала улучшаются и финансовые показатели с внедрением характеристик социально ответственного предпринимательства.

Каким же образом **внедряются характеристики социально ответственного бизнеса?**

Часто программы социально ответственного бизнеса внедряются компаниями самостоятельно в рамках программ по управлению репутацией. Однако нужно понимать, что без опоры на международные стандарты внедрения могут оказаться мало эффективными.

С целью «упрощения» создания преимуществ в своем бизнесе через критерии социально-ответственного предпринимательства теперь можно провести сертификацию по стандарту на основе международного консенсуса SA 8000, который позволяет компаниям давать своим потребителям, клиентам уверенность в приобретаемых ими товарах или услугах с точки зрения условий, в которых эти товары производились.

Что дает стандарт SA 8000? «Социальная Ответственность 8000» - стандарт, который обеспечивает определение этических критериев в производстве товаров или услуг. Он устанавливает основные нормы и процедуры, касающиеся производственной гигиены и техники безопасности, использования детского труда, принудительного труда, прав профсоюзов, зарплаты и продолжительности рабочего времени, наряду с системами управления, которые все это обеспечивают.

Стандарт позволяет компаниям разрабатывать и претворять в жизнь практические меры для того, чтобы управлять теми проблемами, которые они могут контролировать или на возникновение которых могут влиять.

Компании, которые интегрируют социальные факторы в свою деловую практику, создадут более значительную долгосрочную ценность для своих акционеров, чем те, которые этого не делают.

Итак, в данной статье можно найти ответы на вопросы: В чем заключается социальная ответственность бизнеса? Какие выгоды приносит социальная ответственность бизнесу? Как обстоят дела в российском бизнесе? Что дает стандарт «Социальная Ответственность 8000»? и т.д.

Резюмируя вышесказанное, заключим, что: проблема развития социальной ответственности бизнеса в России сегодня особенно актуальна. Это связано как с особенностями менталитета российского народа, так и с условиями «рыночной» экономики. Исторически сложилось, что отечественный бизнес имеет негативный имидж, как на Западе, так и в России, поэтому он имеет крайне низкую оценку нематериальных активов, что привело российские компании к недокапитализированности.

И все же, на наш взгляд, социальная ответственность бизнеса – это то, что происходит от убеждений и ценностей компании, а не столько из соображений выгоды, и сама постановка вопроса «выгодна ли социальная ответственность?» является жесткой.

Курс развития социальной ответственности в России задан В.В.Путиным: – «Внутренняя идеология должна постепенно меняться и ориентироваться не только на сиюминутное извлечение прибыли, но и на взятие бизнесменами части ответственности за судьбу и развитие страны», –будем надеяться, что поддержка власти и желания руководителей компаний воплотят в жизнь России критерии социально-ответственного бизнеса.

Овчарова О.Н. (Ярославль) МЕХАНИЗМЫ ВОСПРИЯТИЯ УГРОЗЫ

В последнее время проблема безопасности становится все более актуальной. Важнейшим элементом в определении понятия «безопасность» является угроза.

Взаимосвязь этих понятий базируется на следующем принципе: «верно и своевременно воспринятая угроза увеличивает шанс на сохранение безопасности». По сути

своей угрозой является социальной ситуацией, ее восприятие отлично от восприятия обычных объектов, а, следовательно, и изучение данных механизмов восприятия будет носить специфический характер. Примером необходимости изучения специфики восприятия угрозы могут служить события 11 сентября 2001 года. Информация о готовящемся теракте поступила, однако, не была оценена должным образом. Встает вопрос, что же именно повлияло на принятое решение, его адекватность. Научный интерес к механизмам восприятия угрозы обусловлен пониманием того что предшествует вынесению суждения о наличии или отсутствии угрозы субъектом принятия решения. Предметом данного исследования являются характеристики угрозы, которые лежат в основе конструирования суждения о наличии или отсутствии угрозы.

Задача исследования заключается в выявлении факторов, опираясь на которые субъект может определить является ли данная ситуация угрожающей. В ходе эмпирического исследования необходимо выявить категориальные характеристики угрозы. Постановка данной задачи обусловлена тем, что механизмы восприятия угрозы изучены недостаточно и требуют дальнейшего осмысления с учетом сущности феномена угрозы.

На современном этапе исследования феномена угрозы сложились два подхода к определению понятия. С точки зрения первого (коммуникативного) подхода угроза представляет собой намерение субъекта угрозы причинить вред другому субъекту, если он отказывается подчиниться предъявляемым ему требованиям. Таким образом, коммуникативный подход предлагает рассмотрение угрозы в качестве стимула поведения. С точки зрения второго подхода, угроза определяется в качестве совокупности когнитивных, аффективных и поведенческих реакций, возникающих в ответ на восприятие причинения вреда. Вместе с тем, указанные подходы не рассматривают содержание процесса переработки входящей информации и обеспечение проявлений определенных реакций.

В исследовании было выдвинуто несколько предположений (гипотез): 1. Субъект обладает когнитивной схемой угрозы, которая может носить как общий, так и индивидуально – специфический характер, и содержит в себе основные характеристики угрозы и связи между ними. 2. Восприятие угрозы сопряжено с процессом построения суждения о наличии или отсутствии угрозы, при этом используются категориальные характеристики угрозы,

Для проверки гипотез нами было проведено исследование с использованием таких методов как: 1. метод ассоциации; 2. метод семантического дифференциала; 3. метод мышления вслух. Все методы были применены к недифференцированной выборке (такие переменные как: возраст, пол, статус, и т.д. не учитывались). При проведении метода ассоциации мы получили список ассоциаций к слову «угроза», из которого были отобраны самые часто употребляемые слова. Далее составлялись биполярные шкалы для проведения метода семантического дифференциала. Процедура формирования шкал заключала в себе подбор антонимов к уже отобранным ранее словам. Понятия, предложенные для ранжирования при проведении метода семантического дифференциала, были выбраны так же среди ассоциаций, это такие понятия как: «преступник», «терроризм», «война», «огонь», «шантаж», «автомобиль», «болезнь» и «спокойствие». К полученным данным был применен метод факторного анализа. При обработке материала были выделены следующие факторы, составляющие семантическое пространство для указанных выше понятий: сила, оценка - вероятности, открытости намерений. Фактор «сила» составляли такие характеристики, как: могущественное – беспомощное; большое – маленькое. Следующий фактор «оценка – вероятности» включает в себя: нестрашное – страшное; чистое – грязное; приятное – неприятное; сулящее выигрыш – потери;

легкое – тяжелое; предоставляющее возможности – препятствующее. «Открытость намерений»: ожидаемое – неожиданное и светлое – темное.

Рассчитав расстояние между понятиями в семантическом пространстве, можно сказать, самым близким к понятию «угроза» является понятие «терроризм». Между ними расстояние составляет 1,12. Наибольший вклад в близость между этими понятиями вносит фактор «оценка – вероятности». Это означает, что субъект принятия решения, анализируя ситуацию, с большей вероятностью оценит ее как угрожающую, если ей присущи такие характеристики как: тяжелое, несущее потери, неприятное, страшное, грязное, препятствующее. Далее в семантическом пространстве находятся понятия «преступник», «болезнь», «война» и «шантаж». Расстояние между этими понятиями составляет соответственно 1,23, 1,29, 1,58, 1,64. Все эти понятия имеют индивидуально – специфический характер. Дальше всего от понятия «угроза» находится понятие «спокойствие» - 5,45. При обращении к фактору «оценка – возможности» расстояние максимальное. То есть, субъект принятия решения, анализируя ситуацию, ранжируя ее по данному фактору, примет решение о наличии угрозы, если большое количество характеристик, составляющих фактор, а так же определяющих его вес, будут совпадать с характеристиками угрозы. При проведении исследования для ранжирования по шкалам респондентам были предложены такие, занявшие промежуточное положение в семантическом пространстве на оси «угроза – спокойствие», понятия как: «огонь» - 3,18 и «автомобиль» - 3,95. Можно предположить, что эти понятия пребывают в динамичном состоянии и занимают свое конечное положение в зависимости от контекста ситуации. Например, взяв одну из шкал семантического дифференциала и задав ей два противоположных контекста можно наблюдать движение понятий. Машина – сулящая выигрыш (экономия времени, возможность заработка и т.д.) – понятие сдвигается к полюсу «спокойствия», тогда как машина – сулящая потери (авария) – данный контекст будет смещать понятие к полюсу «угроза».

Таким образом, можно утверждать, что в основе механизмов восприятия лежат категориальные характеристики, опираясь на которые субъект принятия решения выносит суждение о наличии или отсутствии угрозы.

При помощи метода мышления вслух была предпринята попытка определения и уточнения категориальных характеристик угрозы, используемых субъектом принятия решения. Процедура исследования заключалась в следующем. Испытуемым были предложены 6 групп картинок, каждая группа состояла из трех изображений, которые были призваны отразить ранее ранжируемые понятия в трех разных контекстах. Например, такое понятие, как «огонь» было представлено в трех аспектах: 1. «огонь в мангале»; испытуемым сразу становилось понятно, что огонь использован в мирных целях; 2. «языки пламени», когда нельзя было сказать, что он несет, разрушение или созидание; 3. «огонь – разрушитель», здесь был изображен огонь как средство уничтожения. Респондентам предлагалось описать каждую из предложенных картинок. Субъект оценивал предложенные картинки с точки зрения содержания в них угрозы.

Анализ полученных результатов позволил выявить самые распространенные характеристики угрозы: агрессивное, наличие оружия, страшный, причиняющий боль, опасный, смертельный, жестокий, неприятный, могущественный, темный, большой, светлый, беспомощный, подозрительный, неуправляемый, управляемый, динамичный.

Сравнивая выявленные нами характеристики угрозы с полученными в ходе ассоциативного метода и метода семантического дифференциала Ч. Осгуда результатами, следует сказать, что при оценке наличия или

отсутствия угрозы субъект принятия решения на этапе восприятия использует практически все выявленные нами ранее факторы.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы: 1. Восприятие угрозы – это процесс прогнозирования наличия или отсутствия угрозы, для которого субъекту принятия решения необходимо выделение 4х факторов: сила, оценка - вероятности, открытости намерений и предрасположенности. Именно из этих факторов складываются когнитивные схемы, при помощи которых субъект справляется с неопределенностью, выявляя наличие или отсутствие угрозы. Данный вывод не

противоречит нашему первому предположению (гипотезе) о том, что когнитивные схемы содержат характеристики угрозы, её критерии и связи между ними. Эти характеристики могут носить как универсальный, так и индивидуально - специфический характер 2. Субъект принятия решения, обнаружив наличие приведённых выше трех факторов, определяет характеристики угрозы на основе чего и делает выводы о наличии или отсутствии угрозы. Становится ясно, что субъект принятия решения опирается при столкновении с ситуацией неопределённости, где есть риск для безопасности на когнитивные схемы и критерии угрозы.

Овчинников В.А. (Ярославль) ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ КИБЕРАДДИКЦИИ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Аддиктивное поведение (от англ. addiction — пагубная, порочная склонность) – это одна из форм деструктивного поведения, которая выражается в стремлении к уходу от реальности путем изменения своего психического состояния посредством приема некоторых веществ или постоянной фиксации внимания на определенных предметах или активностях (видах деятельности), что сопровождается развитием интенсивных эмоций [1.С.8].

Формирование не химических (психологических) аддикций связано в первую очередь с предшествующим опытом преодоления индивидом фрустрирующих жизненных ситуаций. Чем чаще субъект в своей жизни сталкивается с трудными ситуациями, и чем меньше у него адаптивных личностных ресурсов и возможностей преодоления таких ситуаций, тем выше риск поиска личностью альтернативных способов ухода от проблем, т.е. иными словами выше личностная аддиктивная предрасположенность, путями реализации которой могут стать самые обычные и повседневные вещи, процессы и явления [2.С.2].

Одним из путей аддиктивной реализации в современных условиях глобальной информатизации все чаще выступает процесс взаимодействия индивида с компьютером и компьютерными технологиями, такими как Интернет и компьютерные игры. Кибераддикция (от англ. cyber - относящийся к компьютерам, информационным технологиям, Интернету) - зависимость индивида от виртуальной среды, созданной благодаря компьютерным технологиям (Дж. Сулер)[3].

Наличие аддиктивного поведения указывает на нарушенную адаптацию к изменившимся условиям микро- и макросреды. «Адаптация – приспособление человека как личности к существованию в обществе в соответствии с требованиями этого общества и с собственными потребностями, мотивами и интересами». [4.С.55]

А.А.Реан выделяет три типа адаптационного процесса [4.С.69]:

1. Направленность вектора активности «наружу». Адаптация характеризуется активным влиянием личности на среду, ее освоение и приспособление к себе.

2. Направленность вектора активности «внутри». Адаптация связана с активным изменением личностью себя, с коррекцией собственных социальных установок и привычных инструментальных, поведенческих стереотипов.

3. В случае неприемлимости для личности по каким-либо причинам двух рассмотренных вариантов адаптационный процесс протекает по типу активного поиска в социальном пространстве новой среды с высоким адаптивным потенциалом для данной личности, т.е. среды, оцениваемой самим субъектом как обладающей большим адаптационным потенциалом, хотя объективно это может быть совсем не так. Здесь нам необходимо отметить, что виртуальное пространство оценивается многими аддик-

тами именно таким образом. Но при этом объективно подросток не реализуется в сфере межличностного взаимодействия, считая эту сферу, обладающей низким адаптационным потенциалом для себя, вследствие чего затрудняется, искажается общий процесс социализации подростка. Поэтому в случае кибераддикции нам следует говорить не об определенном типе адаптации, а о псевдоадаптации, т.к. адаптивное состояние личностных структур (к тому же временное) достигается искусственным путем переноса психической активности на виртуальное пространство на фоне общего снижения адаптационных ресурсов.

Одной из причин, по которой адаптационный процесс идет по пути поиска в социальном пространстве новой среды с высоким адаптивным потенциалом, может служить актуальный уровень социально-психологической адаптированности подростка.

Мы предполагаем, что развитие личностных структур, составляющих в соответствии с идеями К. Роджерса и К. Даймонда социально-психологическую адаптированность индивида, позволит снизить напряженность форм кибераддиктивной модели поведения подростков и соответственно будет способствовать преодолению кибераддикции.

Целью нашего исследования мы ставим выявить психологические условия преодоления кибераддикции у подростков.

Объектом исследования выступает кибераддикция у подростков.

Предмет исследования – психологические условия преодоления кибераддикции у подростков.

Гипотезами нашего исследования мы сформулировали следующие:

1. Подростки со сформированными показателями кибераддикции обладают более низким уровнем социально-психологической адаптированности по сравнению с подростками, у которых эти показатели кибераддикции не выражены.

2. Психологическим условием преодоления кибераддикции у подростков может выступать развитие социально-психологической адаптивности подростка, включающей:

Развитие внутриличностных ресурсов социально-психологической адаптивности подростков.

Развитие сферы межличностного взаимодействия подростков.

Эти условия могут быть созданы в рамках тренинга социально-психологической адаптивности подростков.

Методики исследования:

Анкета на выявление степени использования компьютера подростками.

Тест-опросник кибераддикции, разработанный авторами данного исследования в соответствии с предла-

гаемой нами структурой кибераддикции, в которой выделяется 2 уровня: содержательный – представленный компьютерной игровой и Интернет аддикцией, и формально-операциональным, представленным компьютерной аддикцией. Соответственно здесь выделяется 3 шкалы: компьютерная аддикция - КА, компьютерная игровая аддикция - КИА, Интернет аддикция - ИА. При разработке в основу ОКА нами были положены критерии Интернет аддикции К. Янг и И. Голдберга, а также компьютерной аддикции П. Мунтяна, структурированные в соответствии с 5 сферами проявления кибераддикции: соматической (только для шкалы КА), эмоциональной, когнитивной, поведенческой и социально-коммуникативной. Опросник состоит из 55 утверждений, которые испытуемый должен оценить по 4 бальной шкале (от 0 – «никогда», до 4 – «всегда»). Апробация теста проводилась на 175 испытуемых. В ходе статистического анализа ОКА были получены результаты, свидетельствующие о хорошей внутренней согласованности по α -Кронбаха (КА - 0,8985; КИА - 0,8364 и ИА - 0,8474), а также статистически значимая на 1% уровне интеркорреляция шкал по Спирмену (КА и КИА - 0,666, КА и ИА - 0,494, КИА и ИА - 0,328). Нами также был проведен анализ результатов корреляции пунктов опросника с его шкалами (коэффициент корреляции Спирмена). В целом полученные нами статистические показатели являются удовлетворительными и могут свидетельствовать об относительной надежности и валидности теста, что позволяет нам использовать этот диагностический инструмент в нашем исследовании.

Шкала СПА К. Роджерса и Р. Даймонда, в адаптации А. К. Осницкого;

Опросник самоотношения В.В. Столина и С.Р. Пантелеева;

Тест коммуникативных умений Л. Михельсона.

Данное исследование было проведено в 2 основных этапа:

1. Выявление взаимосвязи уровня социально – психологической адаптированности подростков с их показателями кибераддикции, реализуемое в форме констатирующего эксперимента.

2. Развитие социально-психологической адаптивности подростков в ходе психологического тренинга с последующей оценкой эффективности проделанной работы.

Результаты исследования:

Данное исследование проводилось на базе 8-11 классов школы №26 г.Череповца в 2006-2007 г.. Всего было охвачено исследованием 182 человека.

Выявление взаимосвязи уровня социально – психологической адаптированности подростков с их показателями кибераддикции, реализуемое в форме констатирующего эксперимента.

Первоначальная диагностика кибераддикции показала, что у около 90% всех респондентов кибераддикция не выражена, у 10% (около 20 чел) - кибераддикция начального уровня, и только у 2% (3-5 чел)- умеренный

уровень. Высокий, патологический уровень диагностируется только у 0,5% (1 чел).

Проведя корреляционный анализ (коэффициент корреляции Спирмена) данных, мы получили следующие результаты. Для групп с компьютерной и компьютерной игровой аддикциями корреляция со всеми шкалами СПА (за исключением «доминирование») статистически значима:

- для шкалы «адаптированность» и «эскапия» - на 1%;

- для шкал «прятие себя», «прятие других», «интернальность» - на 5%

Для группы с Интернет-аддикцией корреляция со шкалами СПА – статистически не значима, за исключением шкалы «эскапия» (1%)

Помимо этих данных, нами была установлена статистически значимая положительная корреляция пола подростков (мужского) с их показателями компьютерной игровой (на 1%) и компьютерной аддикций (на 5%)

В целом, подводя итог данному этапу нашего исследования, мы можем сделать вывод о том, что наша гипотеза, что подростки со сформированными показателями кибераддикции обладают более низким уровнем социально-психологической адаптированности по сравнению с подростками, у которых кибераддикция не выражена, **подтвердилась не полностью.**

Развитие социально-психологической адаптивности подростков в ходе психологического тренинга с последующей оценкой эффективности проделанной работы.

По итогам тренинга прослеживается положительная динамика по всем параметрам эффективности. Статистически такая динамика значима для шкал: самоотношения, интернальности, прятия других, коммуникативной компетентности на 1%, и для шкал прятия себя и ожидаемого отношение других на 5%.

Положительная динамика показателей социально-психологической адаптированности прослеживается по всем шкалам, кроме эскапии, т.к. эта шкала имеет обратную направленность. Изменения статистически значимы для шкал: адаптированности, прятия других, эмоционального комфорта, интернальности на 1%, для шкалы прятие себя на 5%, статистически не значимы для шкал доминирования и эскапии.

Динамика показателей кибераддикции до и после тренинга социально-психологической адаптивности статистически значима для шкал компьютерной и комп. игровой аддикций (5%).

В целом, подводя итог данному этапу нашего исследования, мы можем сделать вывод о том, что наша гипотеза, что психологическим условием преодоления кибераддикции у подростков может выступать развитие социально-психологической адаптивности подростка, включающей: развитие внутриличностных ресурсов социально-психологической адаптивности подростков и развитие сферы межличностного взаимодействия подростков, **подтвердилась не полностью.**

Орлова А.В. (Санкт-Петербург)
ВЫРАЖЕНИЕ ЛИЦА КАК ЕГО ОПИСАТЕЛЬНАЯ ИНТЕГРАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Среди характеристик экспрессии человеческого лица, производящих большее впечатление можно отметить: взгляд, улыбку, выражение лица и в меньшей степени – напряженность и застывшую маску

Отмечены были и другие варианты ответа: мимика (женщины – 2,4 %, мужчины – 3,4 %), задумчивость, расслабленность. Женщины в большей степени, чем мужчины ищут проявления напряженности и отмечают ее наличие, или отсутствие.

Испытуемых также просили описать признаки, по которым можно отличить искреннюю, естественную улыбку от притворной. И здесь необходимо отметить, что мы имеем дело с неумением описать динамику. Улыбку больше рассматривают в динамике, в зависимости от ситуации. Глаза выделяют как основной фактор искренности («когда человек улыбается, улыбаются и его глаза», «искренняя улыбка отражается в глазах, они тоже светятся», «у притворной улыбки взгляд при этом равнодушный»). В притворной улыбке часто усматривают напряженность

(«притворная улыбка – рот в напряжении, возможно, стиснуты зубы», «при притворной улыбке губы несколько натянуты, а уголки всегда напряжены»), в искренней – расслабленность («естественная – рот без напряжения», «искренняя улыбка мягкая, без напряжения»). Есть и те, кто столкнулся с проблемой описания самой притворной улыбки. Некоторые, говоря о том, что смогут отличить естественную улыбку от притворной, объясняют это интуицией, некоторым «внутренним чувством» («просто энергетически, внутреннее чувство», «смогу определить интуитивно», «почувствую на уровне интуиции, не могу это объяснить»).

Нас интересовало, что люди вкладывают в понятие «выражение лица». По высказанным суждениям мы можем сделать обобщение: «Выражение лица – это совокупность взгляда, мимики (мимических проявлений) человека, его эмоций и чувств в данный момент, которые в совокупности отражают весь жизненный опыт и жизненную позицию.

В определении понятия «выражение лица» можно выделить такие составляющие:

Женщины

1. Это черты лица, пропорции лица, выражение глаз. Совокупность взгляда, мимики (мимических проявлений) человека в данный момент. Мимика: положение губ, бровей, характер взгляда. «Застывшая мимика».

2. Эмоции и чувства, которые человек испытывает в данный момент. Выражение эмоций. Комплекс эмоций, запечатленный на лице.

3. Внутренний мир человека, его состояние в данный момент. Лицо отражает весь жизненный опыт. Мнение о ситуации или человеке. Характер, выраженный в мимике.

4. Динамика: сочетание мимических движений, передающих настроение или отношение человека к чему-то. Изменение черт лица в зависимости от ситуации, настроения и прочее. То, как человек на меня смотрит

Мужчины

1. Мимика, взгляд, улыбка, отражающие эмоции человека. Совокупность мимических составляющих.

2. Состояние человека в эмоциональном отношении, эмоциональное состояние человека. Отражение его

эмоций и внутреннего мира, или наоборот – маска, скрывающая это.

3. Жизненная позиция, уверенность. Это взгляд на что-то. Выражение настроения, характера. Отражение мыслей и состояния человека на лице. Состояние души в данный момент.

4. Динамика: произвольная реакция лица на происходящие события или обстановку. То, с каким лицом человек воспринимает ту или иную новость о себе (информацию) или о чем-то близком ему. Настроение, которое человек выражает без слов.

Таким образом, можно говорить о том, что «выражение лица» – это не только распространенное понятие, но и достаточно четко определенное как среди мужчин, так и среди женщин. Испытуемые, давая определение понятию «выражение лица», не использовали такие характеристики, как «неуловимое», «необъяснимое», «непонятное».

«Типичное» выражение лица описывали следующим образом:

1) как состояние с точки зрения эмоциональной наполненности: унылое, без эмоций, ничего не выражающее, задумчивый взгляд, не напряжено, расслаблено, спокойное, обычное, безразличное (мужчины – 17 % опрошенных, женщины – 30,5 % опрошенных).

2) «типичное» лицо как определенный типаж, имидж: «не привлекающее к себе внимание», «бывают определенные маски, надеваемые по умолчанию, в зависимости от ситуации», «серьезное, без улыбки и эмоций, как на фотографии в документах (например, в паспорте)», «выражение лица любого человека, ведущего рутинную работу», «не отражает никаких эмоций – у дипломатов на пресс-конференциях», «человек с обычными бытовыми проблемами, не пытающийся обратить на себя внимание», «не выделяющееся из толпы» (мужчины – 22,6 %, женщины – 13,6 %).

50,8 % женщин и 52,8 % мужчин ответили, что «типичного» выражения лица не бывает, а 5,1 % женщин и 7,5 % мужчин – что они не знают, бывает ли «типичное» выражение лица или нет.

Остапенко Т.А. (Алматы) КОПИНГ-СТРАТЕГИИ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В СИТУАЦИИ СТРАХА

Начиная с раннего детства, и в течение всей жизни, в психике человека возникают и развиваются механизмы, традиционно называемые "психологические защиты", "защитные механизмы психики", "защитные механизмы личности". Эти механизмы как бы предохраняют осознание личности от различного рода отрицательных эмоциональных переживаний и перцепций, способствуют сохранению психологического гомеостаза, стабильности, разрешению внутриличностных конфликтов и протекают на бессознательном и подсознательном психологических уровнях.

На самом же деле речь идет о различного рода приспособительных процессах, свойствах и качествах, которые приобретает личность при своей социализации. При этом не редко детское защитное поведение: и типичные для них автоматически используемые защитные реакции, и сознательно применяемые стратегии совладания – трактуется родителями и педагогами как упрямство, капризы, агрессия, лживость или невоспитанность ребенка. Данное исследование позволило изучить характерные для детей младшего школьного возраста осознанные стратегии совладания со стрессом, в частности в ситуации страха, или копинг-стратегии. Копинг – это активные, преимущественно сознательные усилия личности, пред-

принимаемые в ситуации психологической угрозы. По своему содержанию понятие копинг близко к понятию психологической защиты. Основным отличием защитных автоматизмов от копинг-стратегий является неосознанное включение первых и сознательное использование вторых.

Типы защитного поведения у младших школьников могут проявляться преимущественно в поведенческой, эмоциональной и познавательной сферах функционирования личности. С поведенческими стратегиями связана смена самой деятельности или изменение ее формы. Это может быть обращение к какой-либо деятельности, конкретно разрешающей проблему, или деятельности замещающей. Стратегии эмоционального совладания проявляются в виде различных неадекватных оценок ситуаций, приводящих к переживанию раздражения, протеста, плача, злости или подчеркнутому оптимизму. В познавательной сфере осуществляются разные способы работы с информацией. При этом используются следующие варианты совладания: отвлечение или переключение мысли, игнорирование неприятной ситуации, поиск дополнительной информации, анализ не только самой ситуации, но и ее последствий, относительность оценок, придание нового значения смысла неприятной ситуации.

Чаще всего дети используют эмоциональные средства борьбы со стрессом, так как заострение эмоциональных свойств личности это характерная особенность возраста. Возможность применения интеллектуальных стратегий у ребенка еще не высока. Она базируется на хорошо развитом абстрактно-логическом мышлении, умении работать с информацией, нередко без опоры на ситуацию. Такой тип мышления в данном возрасте еще только формируется, чем и обусловлено редкое использование данного типа совладания.

Проведенное исследование позволило выделить ряд используемых детьми копинг-стратегий. Опишем наиболее эффективные и часто используемые копинг-стратегии в борьбе со страхами.

Обнимаюсь (использует 93% опрошенных детей). В трудной для себя ситуации не умея всесторонне обдумывать и рационализировать, ребенок старается отреагировать напряжением без слов, через прямой телесный контакт. Такой телесный, физический, сенсорный контакт связан с отношением привязанности (мать-первая «психологическая защита»).

Расслабляюсь (использует 93% опрошенных детей). Под расслаблением дети понимают как сон, так и возможность полежать и успокоиться. Расслабление может восприниматься и как пассивный оборонительный процесс. Это говорить о том, что дети младшего школьного возраста знают, как самостоятельно могут успокоиться.

Мечтаю (использует 93% опрошенных детей). Данная стратегия основана на развитии воображения. Приукрашивая себя и свою жизнь, дети пытаются установить контроль над реальностью, снизить уровень напряжения и неуверенности. В основе этой защиты лежит механизм замещения. Таким образом, воображение у младшего школьника часто выступает как деятельность, помогающая достичь терапевтического эффекта.

Стараюсь забыть (использует 93% опрошенных детей). По мнению детей, думать о неприятностях не менее опасно, чем их обсуждать. Взрослые в процессе обдумывания рационализируют и находят себе оправдание, что снижает напряжение. Мышление детей рационализировать еще не может, что заставляет их выбрать стратегию забывания. Они пытаются всеми силами освободить сознание от травмирующей ситуации. Такие переживания подавляются.

Делаю что-то (93%) и рисую или пишу (86% опрошенных). Обе стратегии схожи по содержанию. Они напрямую связаны с обучением. Если провинившийся ребенок садится за уроки вместо игры он получает социальное одобрение и начинает понимать, что таким способом можно не только искупить вину, но и вызвать похвалу. Данные виды защиты имеют в своей основе механизм компенсации. Особая роль отдается рисунку и ручному труду, так как они в детстве выступают как способ объединения целого ряда психических функций – речи, мышления, восприятия, внимания.

Смотрю телевизор (использует 86% опрошенных детей). Для современного ребенка это быстрый способ отвлечься. Герои фильмов, это модель поведения, которую ребенок выбирает. Данный защитный механизм срабатывает по принципу идентификации. Умение соотносить себя с героем фильма – это важный шаг для развития интеллектуальных копинг-стратегий. Искреннее сопереживание приводит к эмоциональной разрядке неосознаваемой переоценке всей системы ценностей, и, как результата, – изменение отношения к проблеме.

Играю (использует 86% опрошенных детей). Игра помогает отвлечься и тем самым снизить эмоциональное напряжение. Игра – это своеобразный взрослый «уход в работу». В игре ребенок не просто работает, он осваивает новые социальные роли, формирует морально -

нравственные ценности, осознание смысла своих и чужих действий и переживаний.

Таким образом, по степени частоты использования типы копинг-стратегий распределились следующим образом:

у мальчиков на первом месте стратегии типа подавления и телесного контакта дальше по убывающей идут детская работа, исповедь, восстановление сил, общение, физические нагрузки, обращение к высшему разуму, уход от общения, аффективное поведение.

у девочек на первом месте телесный контакт; на втором детская работа; на третьем месте: физические нагрузки, восстановление сил, подавление, исповедь; и дальше по убывающей общение, обращение к высшему разуму, уход от общения, аффективное поведение.

Теперь сравним частотные характеристики использования копинг-стратегий в связи с полом опрошенных.

Мальчики после перенесенного страха предпочитают говорить с собой в два раза (44%) чаще, чем девочки (20%). Однако дети обоего пола одинаково часто стараются поговорить о своих страхах с другими (мальчики 77,8% девочки 80%). Девочки предпочитают обдумывать свои страхи значительно чаще (100%), чем мальчики (66,7%). Так же 20% девочек используют стратегию «схожу с ума», которую мальчики не используют совсем. В свою очередь арсенал аффективной стратегии мальчиков значительно шире. Они используют такие стратегии как: «дерусь» (11%), «бью» (11%), «воплю» (22,2%), которые девочки не используют совсем. Использование аффективного (агрессивного) типа реакций мальчиками чаще (16%), чем девочками (11%) и более богатый его арсенал определен особенностями полоролевого поведения. Мальчикам социально допустимо проявлять агрессивные действия, в отличие от девочек, подобное поведение которых осуждается. Мальчики предпочитают забывать свои страхи (100%) чаще девочек (80%), что вероятно связано с социальным запретом на проявление страха у мальчиков.

Девочки после перенесенной ситуации страха стремятся обдумать ее самостоятельно (100%), проиграть в воображении (100%) и после этого в тесном телесном контакте (100%) обсудить ее с кем-нибудь (80%). Мальчики предпочитают заняться «детской работой» (89%) (порисовать (88,9%), поиграть (88,9%), посмотреть телевизор (88%), поделывать что-то (100%)) в процессе которой забыть (100%) о случившемся. После перенесенной ситуации страха девочки чаще предпочитают побыть одни (20%), чем мальчики (11%).

60% девочек и 66,7% мальчиков после перенесенной травмирующей ситуации страха предпочитают копинг-стратегию сна. Только «пережив» в сновидении страх, выразив увиденное словами и поделившись пережитым со взрослым, ребенок испытывает облегчение

В борьбе со страхом девочки значительно чаще используют стратегию «физических нагрузок» (80%), число мальчиков предпочитающих «физические нагрузки» значительно ниже (61%).

74% детей предпочитает стратегию «восстановления сил». Девочки предпочитают расслабляющие действия чаще (100%), чем мальчики (88%). Значительно чаще девочки используют стратегию «ем и пью» (80%, мальчики всего 55,5%) в качестве расслабления. Вероятно, это может быть одним из факторов увеличения числа детей с лишним весом.

Таким образом, детские защитные механизмы, связанные с реакцией страха, являются приспособительными процессами, т.е. реакциями совладания (копинг-стратегиями). Чаще всего дети используют эмоциональные средства борьбы со стрессом, так как заострение эмоциональных свойств личности это характерная особенность возраста. Возможность применения интеллекту-

альных стратегий у ребенка младшего школьного возраста еще не высока, что связано с недостаточно сформированным словесно-логическим и абстрактным мышлением. Наиболее часто используемая стратегия совладания, как у мальчиков, так и у девочек, стратегия – обнимаюсь и мечтаю. Первая связана с необходимостью отреагировать напряжение без слов, через прямой телесный контакт. Вторая стратегия основана на развитии воображения. Устанавливая контроль над реальностью, младшие

школьники снижают уровень напряжения, что приводит к спонтанному отреагированию. Воображение у младшего школьника часто выступает как деятельность, помогающая достичь терапевтического эффекта. Таким образом, учитывая используемые младшими школьниками копинг-стратегии совладания со страхами, возможно более продуктивно построить коррекционную или терапевтическую работу.

Павлова Ю. (Гомель) ИДЕНТИЧНОСТЬ В РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКА

Термин «кризис идентичности» первоначально появился в психиатрии в контексте клинической работы по реабилитации военных и описывал он состояние психических больных, потерявших тождественность представлений о самих себе, ощущение непрерывности времени и последовательности событий своей жизни. Американский психоаналитик Эрик Эриксон перенес понятие идентичности в психологию развития, считая, что Я-идентичность занимает центральное место в осмыслении процесса развития. Согласно его взглядам, кризис идентичности является нормальным явлением развития человека, поскольку в период пубертата и юности каждый человек переживает кризис, связанный с необходимостью самоопределения, в виде целой серии социальных и личностных выборов и идентификаций. «Являясь единицей переживания человеком своего Я, идентификация выступает как проявление содержания психической жизни, показатель ее наличия и дает возможность выделить собственное Я и его не тождественность Другому. На обобщенном уровне идентификация выступает как переживание динамической тождественности самому себе, принятие себя как данности. Это интегральное переживание, которое строится из отдельных частных переживаний и проявляется в самых разных конкретных формах». [6, с. 33]

«Понятие идентичности включает ряд важных аспектов. Во-первых, оно объединяет представления о постоянстве и протяженности, поддерживающие константность объектов и субъектов, несмотря на временные и другие изменения, которые они могут претерпевать. Во-вторых, идентичность соотносится с понятиями единства, монолитности, позволяющими описать одни явления как отграниченные от других. Наконец, в-третьих, идентичность позволяет установить отношения между вещами, объединяя те, которые существуют совместно, и перегруппируя их по сходству и различию. Идентичность основывается в первую очередь на осознании временной протяженности: Я охватывает принадлежащее ему прошлое и устремляется в будущее, осуществляя значимые выборы среди всех возможных путей развития личности». [3, с.134] «Индивидуум, страдающий от расплывчатости своей идентичности, никогда не пересматривает своих прошлых представлений о себе и о мире, так же как и не приходит к решению, которое ведет к более широкому, и, возможно, более подходящему взгляду на жизнь». [7, с. 228] Идентичность может быть понята в двух измерениях – временном и ситуативно-ролевом. В первом измерении – временном – идентичность обеспечивает преемственность, связь прошлого, настоящего и будущего. В ситуативно-ролевом измерении идентичность составляет центральное образование, удерживающее в единстве многие ситуации и соответственно роли, в которых выступает человек». [4, с. 90–91] Временная перспектива существенна для понимания возрастной динамики, так, например, баланс позитивных и негативных оценок себя мало меняется с возрастом подростка, зато резко возрастает озабоченность своим будущим Я. «Составление планов на взрослую жизнь есть результат антиципации будущего взрослого состояния и установления мостика между

«мною как ребенком» и «тем взрослым, которым я стану»... Ассимиляция прошлого и антиципация будущего требуют стойкой уверенности в себе, убеждения, что прошлое согласуется с настоящим». [3, с. 142]

Понятие идентичности включает в себя четко сформированный и личностно принимаемый образ себя во всем спектре отношений личности к окружающему миру, чувство адекватности и стабильного владения собственным Я, не смотря на его перемены и изменения ситуаций, в которых живет человек, а также способность личности к адекватному решению задач, возникающих при ее развитии. Идентичность – это показатель зрелой личности, истоки организации которой берут начало на предшествующих стадиях онтогенеза. «Формирование идентичности часто является длительным и сложным процессом самоопределения. Оно обеспечивает непрерывность прошлого, настоящего и будущего индивида. Формирование идентичности определяет структуру организации и интеграции поведения в различных областях жизни. Оно примиряет склонность и таланты самого индивида с предшествующими ролями, которые дали родители, сверстники или общество. Помогая человеку понять свое место в обществе, оно предоставляет также основу для социального сравнения. В итоге чувство идентичности способствует обеспечению направления, цели и смысла жизни». [5, с.526] Формирование идентичности нередко требует от подростка переосмысления своих связей с окружающими, своего места среди других людей, в том числе изменение отношений с родителями, поскольку взрослеющего человека не удовлетворяет роль опекаемого и управляемого. «Молодой человек, перед которым стала задача смены ролей, неизбежно сталкивается и с ролевыми конфликтами, т.е. с ситуациями, в которых сталкиваются свойственные разным ролям ситуативные ожидания... На всем протяжении юношеского развития индивид испытывает на себе действие последовательных или непоследовательных ожиданий значимых других, относящихся к его ролевому поведению и облегчающих или затрудняющих его приспособление». [2, с.175]

Идентичность имеет как личностные (субъективные), так и социальные (объективные) аспекты, которые теснейшим образом взаимосвязаны. «Идея о наличии двух аспектов идентичности – ориентированного на социальное окружение и на уникальность проявлений человека – наиболее полно воплотилась в теории социальной идентичности Х. Тэджфела и Дж. Тернера. Идентичность, или «Я-концепция», представляется в данной теории как когнитивная система, выполняющая роль регуляции поведения в соответствующих условиях. Она включает в себя две подсистемы: личную идентичность и социальную идентичность». [1, с. 139] Личная идентичность предполагает самоопределение в физическом, интеллектуальном и нравственном аспектах личности. Социальная идентичность складывается из отдельных идентификаций и задается принадлежностью человека к различным социальным категориям, таким как национальность, пол и т.п. «Даже в рамках ограниченной социальной общности влияние факторов культуры неразрывно связано с необходи-

мостью приспособления индивидуальной идентичности к социальной и политической реальности». [3, с.147] Однако, по мнению Х. Тэджфела, индивидуальная и социальная идентичности представляют собой два полюса биполярного континуума, которые и регулируют поведение человека.

Человеку свойственно различать те роли, которые он принимает, взаимодействуя с другими людьми, и то, каким он считает себя в действительности, свое подлинное Я, или идентичность личности. Если ощущение внутренней идентичности является устойчивым и согласованным, поведение индивидуума будет последовательным и непротиворечивым, несмотря на многообразие принимаемых им социальных ролей. «Оптимальное чувство идентичности переживается просто как благополучие, чувствование себя «как дома» в собственном теле, «знание, куда идем», и внутренняя уверенность в последующем признании со стороны других». [3, с.145] С другой стороны, последовательное и непротиворечивое социальное и межличностное ролевое поведение повышает уверенность человека в себе и дает чувство успешной самореализации. Обретение идентичности все больше воспринимается сегодня не как некая константная, раз и навсегда сформированная данность, а как постоянно обновляющийся процесс переживания своего Я. «Ведь идентичность – это не то, что «создается» в результате «победы», это не доспехи, не нечто статичное и неизменное». [8, с.33] Ускорение перемен и в будущем, и в современном мире неизбежно, в быстро меняющихся условиях личность вынуждена постоянно самообновляться, и это реальность нашей жизни, закономерный социальный процесс. Идентичность не формируется в юности раз и

навсегда; в сущности, этот процесс не прекращается всю жизнь. «Развитие человека не начинается и не кончается идентичностью: сама идентичность для зрелого человека становится относительной». [8, с.51]

Уязвимость подростков для стрессов, перемены традиционных и привычных ценностей, усвоенных ими в детстве, неконтролируемое обилие информации, с одной стороны, затрудняют развитие идентичности, а, с другой, увеличивают пропасть непонимания между поколениями. «Неудачи в достижении личной идентичности не обязательно обрекают подростка на нескончаемые поражения в жизни... Эриксон подчеркивал, что жизнь – это постоянные изменения. Благополучное разрешение проблем на одной жизненной стадии не дает гарантии, что они не появятся вновь на следующих стадиях или что не будет найдено новое решение старых проблем. Эгоидентичность – это борьба на всю жизнь». [7, с. 229] Конфликты, возникающие на стыке реализаций внутренней идентичности и функционально-ролевого поведения, преследуют человека на протяжении всей жизни, тем самым требуя периодической сознательной переоценки ценностей. «Так как социальные изменения постоянны, индивид сталкивается с постоянным изменением информации для ассимиляции. Для поддержания своей идентичности он может какое-то время не воспринимать эти изменения, используя для этого различные стратегии защиты идентичности» [1, с. 141]. Можно сделать вывод, что изменение идентичности во многом диктуется изменениями в социальном окружении индивида. В жизненном процессе человек вынужден постоянно обновлять индивидуальную и социальную идентичности, соизмерять их функции в регуляции поведения.

Павлюковец Е.В. (Минск)
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИФИЧЕСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ В РАМКАХ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОДХОДА К
ПРОФИЛАКТИКЕ АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Существует большое количество научной литературы, посвящённой изучению, анализу, а также всестороннему исследованию такого многогранного явления как аддиктивное поведение. В последнее время всё больше внимания уделяется своевременной профилактике аддиктивного поведения среди подростков, т.к. её необходимость является очевидной.

Существенную роль в формировании эффективных превентивных стратегий играет разработка различных подходов, которые построены в соответствии с научно подтвержденной и достоверной информацией о психосоциальных факторах, детерминирующих аддиктивное поведение.

Наиболее рельефно на фоне остальных причин наркотизации выступает одно из ценнейших качеств личности - любопытство. По результатам многочисленных социологических исследований подавляющее большинство молодых людей пришли к употреблению наркотиков именно из-за любопытства: 70—80%. Пытливость ума, который сам себя ведет к гибели. Трагедия гордыни, пренебрегающей техникой безопасности живых систем. Любопытство - это психическое состояние, которое возникает в результате необходимости ориентировки в окружающей обстановке. Ориентировочно-исследовательский рефлекс "что такое?" заложен в природу животных и человека.

Этот механизм играет большую роль в приспособлении человека к среде обитания. Чаще всего любопытство как психическое состояние прекращается после того, как "тайна" разъяснилась, а неизвестное стало известным. Ведь предупреждён – значит, вооружён. Именно на формирование соответствующего знания о вреде и

губительных последствиях химической зависимости направлен подход, основанный на распространении информации о наркотиках. Данный подход предполагает, что повышение знаний об употреблении психоактивных веществ и их последствиях будет являться толчком к формированию здорового образа жизни и отказу от наркотиков. Существуют три различных варианта информационного подхода: 1) предоставление частичной информации о фактах влияния употребления наркотиков на организм, поведение, а также количественных данных о наркоманах; 2) стратегия запугивания, вызывания страха, цель которой – предоставить устрашающую информацию, описывая неприглядные стороны употребления наркотиков; 3) предоставление информации о деградации личности людей, употребляющих наркотики, и о проблемах, с этим связанных. В настоящее время эти подходы частично комбинируются между собой и с другими типами профилактических вмешательств.

Однако, несмотря на то, что в рамках данного подхода информация о наркотиках и последствиях их употребления должна даваться в исчерпывающем виде, зачастую вся работа сводится лишь к использованию стратегии запугивания и устрашения, что практически сводит на нет эффективность подобной профилактики. Это соображение подтверждается исследованием «Отношение студентов вузов к наркомании: информированность и факторы риска» студентки Омского Государственного Университета - М. Семейной. Отсутствие достоверной полной информации ведёт к недоверию со стороны подростков. А.М.Пресман: Любое замалчивание, изъян в информации вызывает недоверие к пропаганде.

Есть и другой аспект, выступающий в пользу лимитирования предъявляемой подросткам информации о наркомании: всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) рекомендует: если в стране, регионе, в отдельной школе, в вузе нет угрожающей ситуации с наркотиками, лучше антинаркотической пропагандой не заниматься, поскольку она может сработать как источник информации, как реклама. Однако, уровень развития современных информационных технологий дает подросткам возможность доступа к всевозможным источникам информации, среди которых ведущим является Интернет. Существенное влияние также оказывают: телевидение, книги, пресса – изобилующие анти-наркотической пропагандой. Но в структуре представления, которое формируется на основе этих источников, есть все, кроме субъективных ощущений - о них практически не говорят. Поскольку та информация, которую подросток черпает из газет, книг, фильмов и теле- радиопередач, данный момент упускает, он пытается восполнить "пробел".

В то же время существует целый ряд художественных произведений, позволяющий взглянуть изнутри на мир наркоманической личности и открывающий глаза на истинный трагизм и опасность химической зависимости. В связи с этим, я считаю целесообразным использование специфических художественных фильмов и книг в качестве одного из средств профилактики аддиктивного поведения, в рамках информационного подхода. Подобные произведения несут не только смысловую наполненность, но и, в отличие от стандартных шаблонных профилактических программ, несут глубокую эмоциональную насыщенность. Повествование в подобных произведениях, как правило, ведётся от первого лица, что способствует процессу идентификации с главным героем. Весьма важной в данном случае является разработка вопросов для последующей рефлексии и структуры её проведения, т.к. лишь при последующей проработке увиденного или прочитанного материала можно закрепить осознанное отрицательное отношение к наркотическим веществам, детально обсудив все «подводные камни» механизма формирования химической зависимости и весь спектр негативных последствий употребления ПАВ. Тщательный отбор и предварительный объективный психологический анализ подобных произведений должен являться необходимым условием для их допуска к последующему использованию.

Если анализировать вышеозначенные художественные произведения в целом – они все имеют определённые сходства в сюжетной линии: юноша/девушка либо молодая пара, относительно благополучные в начале истории, незаметно для себя становятся химически зависимыми, как физиологически, так и психологически, а затем, поступаясь, казалось ранее незыблемыми моральными принципами и нормами, разрушают свою психику, тело, жизнь и жизни окружающих их людей, в погоне за иллюзией.

Одним из примеров подобной истории является фильм Барбета Шредера «Ещё». Режиссёр, без поучений

и нравочений, но со всей очевидностью показывает как легко и незаметно главные герои, с ужасающей беспечностью и безрассудством, меняют свою полноценную счастливую жизнь на тягостное существование внутри героиневой зависимости. Откровенность и достоверность данной картины не оставляет у зрителя ощущения недосказанности о реальной ситуации, в которой находится аддиктивная личность. Зритель, не лишённый эмпатии, может испытать весь спектр чувств, сопровождающий жизнь потребителей наркотика: страх, боль, всепоглощающую тревогу, тотальную безысходность – что само по себе является мощным инструментом для предотвращения аддиктивного поведения. Автор фильма не умалчивает, как принято, о притягательной силе наркотика, о мотивах его употребления, но расплата героев за это знание оказывается столь высока, что обесценивает весь предыдущий опыт. Доказательством неизбежности результатов, к которым приводят подобные эксперименты, служит смерть главного героя.

Ещё одним поучительным художественным произведением может служить роман Томаса де Квинси: «Исповедь англичанина, употребляющего опиум»

В этом повествовании раскрывается двойственная природа опиума: с одной стороны, из фантастических созданий воображения он в самом сердце тьмы воздвигает города и храмы, недоступные искусству Фидия и Праксителя; с другой стороны, он, превращаясь в неотвязную привычку, в потребность более сильную, чем разум и воля, разрушительно влияет на них, ослабляет, рассеивает, деконцентрирует умственную деятельность и вслед за прекрасными и возвышающими видениями внушает кошмары и тяжелый бред, вызывает миллион терзаний, физических и душевных.

Подобные истории, зачастую основанные на реальных фактах, несут в себе ту самую личностную субъективную составляющую, которой так не хватает для формирования отрицательного эмоционального отношения к наркотикам. Обучающие программы информационного подхода ориентированы на когнитивные аспекты принятия решения, как особенно важные в поведенческом плане. Имеется в виду, что повышение качества знаний об употреблении психоактивных веществ и его последствиях будет эффективным для изменения поведения. Задействовав помимо когнитивного аспекта еще и эмоциональный, мы формируем сознательное негативное отношение к ПАВ и их употреблению, т.е. в момент принятия решения «пробовать – не пробовать» подросток актуализирует не только имеющиеся у него обезличенные знания о вреде наркотиков, но и субъективное эмоциональное отношение, ставшее частью его личного опыта в результате ознакомления с соответствующим художественным произведением. Очевидно, что главная задача психолога, использующего ознакомление и анализ художественных произведений о вреде употребления ПАВ с целью профилактики – сформировать именно негативное отношение, а не возбудить излишний интерес. В связи с этим данная тема требует тщательного последующего исследования и дальнейшего пристального изучения.

**Паршукова Л.П. (Челябинск)
ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ
СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО СЕРВИСА И ТУРИЗМА**

Туристическая сфера предполагает активную деятельность, занятия которой способствуют не только восстановлению, но и развитию физических, интеллектуальных и эмоциональных сил человека. Психология социально-культурного сервиса и туризма изучает отношения между сотрудниками и клиентами, рассматривает психологические проблемы специалистов данной сферы деятельности. Например, такие как психическая саморегуляция специалиста, регулирование профессионального

стресса и многие другие актуальные проблемы. Психологически познать клиента означает умение определить его психологические особенности, понять его мотивацию, потребности, внутреннее состояние и предсказать возможное поведение. Это необходимо, чтобы избежать недоразумений и конфликтов, чтобы в наибольшей степени удовлетворить потребности клиента, чтобы предвидеть и прогнозировать его реакции, чтобы строить эффек-

тивные личные и деловые взаимоотношения с клиентом, и легко направлять их в нужную сторону.

Руденко А.М. в книге «Психология социально-культурного сервиса и туризма» утверждает, что специалист в области туризма должен обладать совокупностью следующих личностных качеств. Энтузиазмом и уверенностью, чтобы сохранить веру в себя, в свое умение продавать турпродукт. Умением сохранить упорство, чтобы выполнять намеченные цели. Порядочностью, чтобы продать тот турпродукт, который действительно выгоден туристу. Быть искренним и доброжелательным, что позволит увидеть положительное в людях и ситуациях, а следовательно, установить эффективные взаимоотношения с клиентами. Быть инициативным и ответственным за свои действия, уметь убеждать, вести переговоры и аргументировано отвечать на возражения. Внимательно следить за развитием отношений, чтобы завершить продажу тогда, когда это потребуется. Таким образом, видим, что человеческий фактор является определяющим в формировании качества обслуживания, от которого, в свою очередь, зависит эффективность продаж туристского продукта и, следовательно, прибыльность самой туристской фирмы.

Нами были проанализированы личностные особенности будущих специалистов в области туризма. В работе участвовали студенты Южно-Уральского Государственного Университета, обучающиеся на факультете «Сервис и легкая промышленность» (300 человек). За основу взяты результаты личностного многофакторного опросника Р. Кэттелла, форма С. Рассмотрим подробнее. В соответствии с указанными выше профессионально необходимыми качествами выделим наличие их у студентов, обучающихся туристическим специальностям. Как известно, все факторы опросника можно распределить по четырем сферам – коммуникативная (А, F, H, L, N, Q2), интеллектуальная (B, M, Q1), эмоциональная (C, I, O, Q1) и волевая (E, G, Q3).

Для нас в данном случае важны высокие значения следующих факторов коммуникативной сферы – А, F, H, N. Такие значения по фактору А (сердечность, доброта) имеют 51% студентов, что соответствует легкости общения, гибкости, открытости, готовности сотрудничать. По фактору социальной смелости (H) 53% студентов имеют значения, соответствующие проявлению общительности, дружелюбия, отзывчивости и смелости в контактах. А у 44% опитантов фактор F свидетельствует о наличии у них оптимистичности, энергии, уверенности, искренности. Необходимый уровень дипломатичности (фактор N) наблюдается только у 35%.

Из интеллектуальной сферы нас интересует высокий уровень социального интеллекта (B) и гибкость мышления, радикализм (Q1). Анализ показал, что 61% обследуемых имеют такие показатели социального интеллекта, а вот гибкостью мышления обладают только 18%, в то время как 39% студентов характеризуются консервативным, ригидным подходом к решению задач.

В эмоциональной сфере наиболее значимыми для нашего исследования являются высокие значения

фактора С (эмоциональная устойчивость) и средние значения трех других – мягкость, тревожность, фрустрированность. Результаты показали, что лишь 38% студентов показывают умение держать себя в руках, сохранять спокойствие, не впадать в панику, а 18% переменчивы, невыдержанны, тревожны. Необходимый уровень мягкости, чувствительности, эмоциональности, интуитивности (I) наблюдается у 42% опрошенных. «Полезный» уровень тревожности отмечается лишь у 34% испытуемых. А вот способностью сохранять оптимальный уровень возбуждения и напряжения (Q4) отличаются 60% студентов.

Показатели волевой сферы G, Q3 должны находиться в зоне высоких значений, так как связаны с регуляцией поведения. Высокое стремление к соблюдению моральных требований (G) отмечают только 27% испытуемых, а высокий уровень внутреннего контроля – 24%.

Результатом может быть вывод о том, что в общей группе испытуемых преобладают активные, общительные, уверенные личности с высоким социальным интеллектом, но склонные к консерватизму и отличающиеся сложностями в управлении эмоционально-волевой сферой.

Далее был проведен анализ личностных особенностей студентов отдельных специальностей: «Туризм», «Курортное дело», «Гостиничное хозяйство». Приведем краткое описание его. Во всех трех группах обучается больше половины студентов с ярко выраженной общительностью, открытостью и добросердечностью (более 50%), а также высоким уровнем социального интеллекта (от 55 до 64%). Социальная смелость, уверенность более характерна для студентов специальностей «Туризм» и «Гостиничное хозяйство» (53-58%).

Будущие специалисты «Курортного дела» более консервативны в принятии решений (50% имеют низкий уровень показателя Q1), среди них больше встречается исполнительных и добросовестных личностей, чем на других специальностях (32% против 16 и 20%). Их эмоциональная сфера отличается тонкостью чувств, сентиментальностью (43%).

Студенты специальности «Туризм» характеризуются слабыми волевыми особенностями – меньше 25% способны к управлению своими желаниями и не слишком стремятся к соблюдению моральных принципов, обязательности и дисциплинированности. Кроме того, больше четверти данной группы легко поступаются своими обещаниями и обязательствами.

Обучающихся специальности «Гостиничное хозяйство» отличает более доминантная позиция – 45 % их отмечают стремление к настойчивости в достижении цели. Среди них больше дипломатичных, стремящихся к гибкому, изысканному поведению (44% против 35%).

Таким образом, видим, что коммуникативные характеристики студентов, обучающихся разным специальностям туризма, совпадают. Однако, есть различия в эмоциональной и волевой сферах, что требует специального подхода к развитию профессиональных качеств и умений в процессе обучения в университете.

Пачин Р.К. (Елец) МАРГИНАЛЬНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ «ЧЕЛОВЕК-МАШИНА»

Ключевым звеном в цепи человек – технология – машина является личность оператора. Успешное осуществление профессиональной деятельности по реализации профессиональных функций напрямую зависит от личностных качеств специалиста. Как отмечает Ю. К. Стрелков, «изучение и рационализация труда человека за пультом управления должны проводиться вместе с изменением фундаментального подхода: предметом рассмотрения должны стать не только процесс труда (деятель-

ность, переработка информации), но и профессия и даже жизнь трудящегося как субъекта деятельности (носителя потребностей, мыслей, воспоминаний, восприимчив, чувств)». В связи с этим требует решения проблема выявления и изучения регрессивных тенденций в данной профессиональной деятельности с целью оптимизации процесса труда в рассматриваемой области.

Специфика профессиональной деятельности оператора заключается во взаимодействии со сложной

техники через информационные процессы. Сами операторы Н.С. Пряжниковым и Е.Ю. Пряжниковой подразделяются на перечисленные ниже основные группы:

операторы-технологи (непосредственно включены в технологический процесс, работают по четкой инструкции);

операторы-манипуляторы (управляют различными механизмами-манипуляторами, где машина — усилитель мышечной энергии);

операторы-наблюдатели, контролеры (различные диспетчеры транспортных систем, АЭС). Работают в реальном масштабе времени, так как готовы и к немедленному реагированию, и к отсроченному;

операторы-исследователи (используют различные образно-концептуальные модели — это пользователи вычислительных систем, дешифровщики изображения);

операторы-руководители (управляют не техникой, а другими людьми, в том числе — через специальные технические средства и каналы связи).

Авторы выделяют следующие особенности труда операторов в современных условиях:

с развитием техники увеличивается число объектов (параметров), которыми надо управлять;

развиваются системы дистанционного управления, человек все дальше отдалается от управляемых объектов — необходимость работать со знаковыми системами (с закодированной информацией);

увеличиваются скорость и сложность производственных процессов — повышенные требования к точности действий операторов, к скорости реакций и т. п.;

постоянно изменяются условия труда (часто это ведет к уменьшению двигательной активности);

повышается степень автоматизации производственных процессов, поэтому требуется готовность к действиям в экстремальных ситуациях.

В свете данных особенностей труда операторов все большее значение придается личности профессионала. С одной стороны, данная профессиональная деятельность предъявляет определенные требования к личностным профессиональным качествам специалиста, а, с другой стороны, индивидуально-типологические качества специалиста позволяют оптимизировать процесс его профессиональной деятельности.

В настоящее время существуют определенные тенденции, которые являются регрессивными в профессиональном становлении личности. Н.С. Пряжников и Е.Ю. Пряжникова в данном контексте рассматривают конфликты и стрессы. На наш взгляд к ним относится и профессиональный маргинализм. Рассмотрим его проявления в профессиональном становлении личности оператора.

Под профессиональным маргинализмом вслед за Е.П. Ермолаевой мы понимаем социально-психологическое явление, связанное с фактической утратой человеком или группой людей своей профессиональной идентичности. Далее автором поясняется, что профессиональный маргинализм — это не просто банальный непрофессионализм как недостаточность или неадекватность профессиональных знаний и умений, это, прежде всего, личностная позиция непричастности и ментальная непринадлежность к общественно-приемлемой для данной профессии профессиональной морали.

Проведя метасистемный анализ явления профессионального маргинализма, С.Л.Леньков пришел к выводу о целесообразности рассмотрения его как системного явления, характеризующего субъектов профессиональной деятельности (индивидуальных и коллективных) и связанного с наличием у них комплекса соответствующих свойств, детерминирующих нарушение профессиональной идентичности и существенных, хотя обычно — латентных девиаций в выполнении ими профес-

сиональной деятельности при формальном сохранении ее наиболее явных и «проверяемых» оперативных показателей эффективности.

Далее, касаясь структурного и компонентного анализа явления маргинализма, автор рассматривает классификацию маргиналов «по знаку». Из проведенного анализа он делает вывод, что жизнедеятельность «маргиналов-минус» способна приводить не только к консервации, застою профессиональной деятельности, потере ее адекватности актуальным запросам социума, и в этом плане «пассивной деградации», характерной для «маргиналов-исполнителей» и спонтанных личностных маргиналов, но и к деградации «активной», интенсивной, связанной с регрессом, разрушением, уродливым искажением не только ценностно-смысловых, этических и т.п. профессиональных стандартов, но и к откровенно вредному, негативному влиянию продуктов (результатов) подобной профессиональной деятельности на их потребителей и общество в целом.

Особенности требований к профессии в современных условиях позволяют утверждать, что профессиональный маргинализм — это достаточно опасное явление в профессиональном становлении личности оператора. По мнению С.Л. Ленькова, к которому мы присоединяемся, «маргиналы-минус» обычно формально применяют самые нормативные, социально и организационно одобряемые способы выполнения деятельности, но при этом характеризуются фактической асоциальной направленностью и латентной недостаточной эффективностью деятельности. Т.е. в нашем случае при формально полном выполнении своих профессиональных функций, такие субъекты труда работают с недостаточной эффективностью и отдачей. Они не проявляют заинтересованности в результатах работы производства как системы в целом. Одной из причин данного явления, на наш взгляд, является недостаточная, либо неверная мотивация осуществления своей профессиональной деятельности. Т.е. такие люди работают по принципу «моя хата с краю», «после меня — хоть потоп» и пр., что часто приводит к многочисленным поломкам и остановкам производства.

Наиболее опасным такое проявление является для операторов-организаторов, которые управляют не техникой, а людьми. С.Л. Леньков пишет, что маргиналы-организаторы не только разрушают, но и «созидают» достаточно изолированные и в структурном плане сложные схемы реализации теневого околопрофессиональных функций, а также соответствующие маргинальные организационные структуры.

Далее автор обращает внимание на еще одну разновидность «маргиналов-минус», симметричную к «маргиналам-творцам» и представленную «фанатиками профессиональной деятельности», которые имеют очень высокий субъектный потенциал, но отличаются от них вытеснением ценностями труда всех иных базовых личностных ценностей, что обедняет их метадеятельностный уровень, придает им маргинальный статус и приводит к снижению долговременной эффективности деятельности.

Данное положение особенно важно для операторов системы «человек-компьютер». Часто такие операторы обладают достаточно узкоспециализированными и однобокими знаниями и ценностями. Это происходит в связи с ограниченностью компьютера в аспекте восприятия операторами окружающей действительности и, как следствие, построения субъективной картины мира через призму компьютера. Данная ситуация приводит в целом к их личностной ограниченности. Это, по мнению В.Н. Дружинина, также означает деформацию мотивационной сферы — чрезмерное увлечение одной профессиональной сферой при снижении интереса к другим. Труд в этом случае часто выступает в качестве своего рода «защиты»,

попытки уйти от тех трудностей и проблем, которые возникают в жизни человека.

Таким образом, рассмотренное маргинальное явление в системе «человек-машина» представляет собой сложное, достаточно малоизученное явление, которое

негативно сказывается на результатах профессиональной деятельности операторов. Следовательно, оно нуждается в дальнейшем изучении с целью профилактики и коррекции.

Пачина Н.Н. (Елец)
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ: ИНТЕГРАТИВНО-ЦЕЛОСТНЫЙ ПОДХОД

Профессиональное знание является основой профессиональных умений, навыков, профессиональной компетентности и компетенций. Но при этом профессиональные знания уходят на второй план. Остается без внимания его структурный состав и качественные характеристики. В этой связи рассмотрим понятие «профессиональное знание» в рамках интегративно-целостного подхода. Для этого проанализируем, как различные исследователи определяют что такое знание. В психологическом энциклопедическом словаре «знание» - это теоретически обобщенный общественно - исторический опыт, результат овладения человеком действительности, ее познания. Знания в данном случае понимаются как опыт. Опыт в свою очередь К.К. Платонов определяет как качество (подструктуру) личности, сформированное путем обучения, обобщающее знания, навыки, умения и привычки.

В Современном толковом словаре русского языка Ефремовой знания понимаются как совокупность сведений, понятий, представлений о чем-либо, полученных, приобретенных, накопленных в результате учения, опыта, в процессе жизни и т.д. и обычно реализуемых в деятельности, или более кратко совокупность сведений, познаний в какой-либо области. В данном определении понятие «опыт» носит процессуальный характер. Данное определение обращает на себя внимание еще тем, что знания определяются как совокупность, то есть объединение элементов по общему признаку.

В кратком словаре системы психологических понятий К.К. Платонова знание это результат познания как психического отражения не только формы, но и сущности феноменов и связей между ними как системы понятий. У человека знание один из атрибутов сознания вместе с переживанием и отношением. С.Л. Катречко говорит о феноменологии знания. Так автор под знанием понимает именно такой феномен, который содержит дополнительный элемент мышления, а не просто первичные данные, зафиксированные каким-либо физическим прибором.

В этом же контексте, но более широкое по содержанию дает определение психологическому знанию Р.В. Почтер. Сравнительный анализ различных направлений исследователю позволил определить психологическое знание как результат научно-психологического познания (исследования), существующего в форме суждения (или определения), структурными элементами которого являются «отражаемое» (явление, процесс, событие как внешнего, так и внутреннего мира человека), «отраженное» (как результат, элемент внутреннего мира человека, его «субъективной реальности») и процесс отражения (механизм перехода «отражаемого» в «отраженное»). Онтологическим основанием такого взгляда на психологическое знание является идея психоизоморфизма (А.М. Волков, Ю.В. Микадзе, Г.Н. Солнцева), согласно которой существует изоморфизм между структурой знаний как социально выработанной формой их представления и структурно-функциональной организацией системы психики человека.

В докторской диссертации В.И. Гинецинского приводятся различные интерпретации знания. Оно определяется как часть сознания, как нечто общее в отражении предметного разнообразия, как способ упорядочения действительности, как деперсонифицированная обобщенная форма выражения сущности вещей, некий про-

дукт и результат познания, способ воспроизведения в сознании познаваемого объекта. Такая многозначность в определении понятия «знание» обусловлена множеством функций, которое им реализуется.

В широком смысле дают определение «знанию» коллектив исследователей под руководством И.О. Александрова. Так, категория «знание» ими определяется как метапонятие для обозначения наиболее общей составляющей опыта и/или скрытой от непосредственного наблюдения реальности внутреннего мира человека (независимо от того, доступна она или нет для вербального отчета), которая формируется в различных сферах практической деятельности и детерминирует психологические характеристики субъекта. Исходя из данного определения, профессиональное знание определим как метапонятие для обозначения наиболее общей составляющей опыта и/или скрытой от непосредственного наблюдения реальности внутреннего мира человека, которая формируется в различных сферах профессиональной деятельности.

Процесс становления профессионального знания начинается с момента выбора профессии и длится в течение всей профессиональной жизни человека. В.Н. Дружинин выделяет четыре этапа профессионализации:

- поиск и выбор профессии;
- освоение профессии;
- социальная и профессиональная адаптация;
- выполнение профессиональной деятельности.

Профессиональное развитие является неотъемлемой частью профессионализации личности. Начинается оно на стадии освоения профессии и продолжается на последующих этапах. Более того, оно не заканчивается на стадии самостоятельного выполнения деятельности, а продолжается вплоть до полного отхода человека от дел, приобретая специфическую форму и содержание (Ю.П. Поваренков, 1991).

Профессиональное развитие, как отмечает В.Н. Дружинин — довольно сложный процесс, имеющий циклический характер; человек не только совершенствует свои знания, но может испытывать и отрицательное воздействие этого процесса. В этой связи, автор говорит о восходящей (прогрессивной) и нисходящей (регрессивной) стадиях профессионального развития. На каждом из этих этапов происходит смена содержания, форм и уровней профессионального знания.

На профессиональное знание оказывает влияние специфика профессиональной деятельности. В ходе профессионального познания происходит отражение профессиональной ситуации, которая, в широком смысле слова, представляет собой систему объективных и субъективных факторов, детерминирующих деятельность. К числу таких факторов В.Н. Дружинин относит параметры внешней среды, влияющие на выполнение деятельности (условия труда, характер производственных заданий, состояние оборудования и т. д.), а также личностные особенности индивида, познавательные и двигательные способности.

В рамках интегративно-целостного подхода важными характеристиками профессионального знания в процессе его становления является целостность и интегративность. Интеграцию профессионального знания обеспечивает процесс его психического усвоения и при-

нения личностью на психических уровнях выделенных А.О. Карповым. Это психические уровни, детерминирующие ассимиляцию профессионального знания в сознании (рациональное знание) и в бессознательном личности (внерациональное знание), а также временные этапы, опосредующие его развертывание. В интегрированном знании представлены формы синтеза знания рационального, интуитивного и реликтового, при этом различного рода профессиональная деятельность требует знаний разной глубины.

Интегрированное знание – это синтезированный в познавательной практике комплекс амбивалентных продуктов рационального и внерационального мышления и восприятия, которое ассимилируется психикой в виде целостной системы с согласованной структурой и межобъектной динамикой. Оно проявляется как пропущенное через личность единство теоретического и практического опыта человека в его внутренней и внешней сознательной и бессознательной активности. В подтверждении этого в современной науке получен ряд экспериментальных факторов и теоретических представлений, которые говорят о существовании некоей целостной структуры, интегрирующей с разных позиций человеческий опыт. В теории

функциональных систем П.К. Анохина создание интегрированного знания может быть соотнесено с наложением паттернов индивидуального опыта на изоморфные структуры, соответствующие более поздней активности, при этом поведение формируется в результате деятельности структур разного возраста. Интегрированное знание – в отличие от эмпирического, инкубационного, развивающегося, специализирующего – это высший уровень развития профессионального знания, которое формируется в различных сферах профессиональной деятельности. С другой стороны профессиональное знание должно быть целостным. Уровни целостности профессионального знания могут поступательно изменяться от синкретичности, дифференциации, суммативного единства, комплекса, синтеза к органической целостности. Органическая целостность является высшим уровнем развития профессионального знания и является собственно интегрированным знанием. Интегративность и целостность профессионального знания динамически изменяются в зависимости от стадии профессионального развития. От того насколько оно целостно и интегративно зависят психологические характеристики субъекта.

Перешеина Н.В. (Киров) МОДЕЛЬ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАЦИЙ У ПОДРОСТКОВ С АГРЕССИВНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

В структуре агрессивного поведения выделяют несколько взаимосвязанных уровней: мотивацию, побуждающую к агрессивному поведению, эмоциональные процессы, сопровождающие агрессивное поведение, процессы саморегуляции, когнитивную переработку информации, внешне наблюдаемые проявления и действия.

Задачи психологического вмешательства при девиантном поведении можно сформулировать следующим образом: формирование мотивации на социальную адаптацию или выздоровление; стимулирование личностных изменений; профилактика конкретных форм отклоняющегося поведения; создание благоприятных условий личностных изменений с целью самореализации подростка в обществе.

Эффективность работы оценивается как по объективным признакам уменьшения нежелательного поведения, так и по субъективным изменениям. Одним из наиболее важных критериев позитивных изменений выступает повышение уровня социальной адаптации личности.

Исследованы психические и личностные особенности подростков, социальной ситуации и окружения, специфика проявлений характера и самооценки, неоднократные проявления агрессивного поведения респондентов, которые позволяют фиксировать предрасположенность и девиантность уже на начальных этапах подросткового возраста. В связи с чем, по результатам исследования предлагается следующая поэтапная программа работы с девиантными подростками.

Первый этап – диагностический, в качестве объекта профилактики подростки с агрессивным поведением.

Второй этап – планирование содержания профилактической работы. Это подбор методик, составление программы, планирование мероприятий:

- индивидуальные психотерапевтические занятия;
- программные групповые занятия по профилактике агрессивного поведения;
- тестирование по опроснику Басса-Дарки;
- подведение итогов профилактической работы;
- обсуждение кинофильма «Чучело» после просмотра;
- тренинг личностного самосознания;
- планирование на будущее.

Третий этап – организация индивидуальной и групповой психотерапии.

Организация индивидуальной психопрофилактической работы – эта техника включает в себя разъяснение в доступной форме причин появления агрессивного поведения, некоторых механизмов действия терапевтических методик, а также обсуждение жизненно важных для подростков проблем.

Прежде чем обучать подростка адекватным способам проявления агрессии, необходимо, чтобы он адекватно оценил неконструктивность своего поведения и его причины. Для этого проводятся индивидуальные беседы, продолжительность которых должна составлять не более часа. Выяснение причин агрессивности происходит в доверительной беседе, причем психолог должен со всей серьезностью и пониманием отнестись к переживаниям подростка. Рациональную терапию с агрессивными детьми целесообразно проводить поэтапно.

На первом этапе проводится разъясняющая терапия. Особенно действенен этот метод у подростков: у них уже имеется достаточно развитое мышление и определенный запас нравственных категорий. Основная задача – выработать у подростка адекватное отношение к агрессивному поведению и стремление изменить его. Начинать рекомендуется с интервью о конкретных фактах проявления агрессивности, придерживаясь примерно такого плана: когда, в какой ситуации это произошло; как выглядело проявление агрессии; какие чувства испытывал при этом подросток; как поступали при этом другие люди – взрослые и сверстники.

Для лучшего осознания можно дополнительно применить метод визуализации: попросить подростка закрыть глаза и вновь представить ситуацию, в которой он проявил агрессию. После этого ему задаются вопросы: «Как ты сейчас оцениваешь свое поведение?», «Что ты чувствуешь сейчас?»

Еще одной техникой является метод незаконченных историй. Психолог рассказывает историю, конец которой должен придумать сам подросток. Истории содержат какой-либо конфликт и строятся таким образом, что у них нет однозначного разрешения ситуации и возможен широкий диапазон реакций. Как и в

предыдущих техниках, подростку задаются наводящие и уточняющие вопросы.

Этап заканчивается, когда у подростка формируется твердое понимание неконструктивности, неправильности своих агрессивных действий и желание каким-либо образом избавиться от них. Такое понимание приходит далеко не сразу, обычно для этого нужно не менее 5 занятий.

Второй этап проводится в виде таких же сеансов, только акцент переносится с оценки поведения на его изменение и тренировку. Во время обсуждения подростку следует рассказать, как грамотно справляться с гневом и агрессией. Можно следовать рекомендациям Р. Кэмпбелла, который наиболее конструктивным считает прямое выражение гнева, раздражения, недовольства и других негативных чувств человеку, который их вызвал. При этом важно, в какой форме оппоненту сообщается о своем эмоциональном состоянии: это следует делать вербально и максимально вежливо, обязательно называя охватывающие тебя эмоции. Если по каким-то причинам корректно выразить свои чувства невозможно, то негативные эмоции потом все равно нужно разрядить. При этом подростку следует объяснить, что нужно делать это не в форме косвенной агрессии, срываясь на невинных или более слабых, а в виде обсуждения ситуации и своих чувств с друзьями, родителями, старшими товарищами — с теми, кто может его понять. Кроме того, нужно научить подростков в момент закипания ярости и гнева сделать какие-нибудь расслабляющие упражнения, выдержать паузу.

Рекомендации по сдерживанию нарастающей агрессии:

1. Посчитать до десяти.
2. Сделать 10 — 12 глубоких вдохов и выдохов.
3. Походить, если это возможно, взад-вперед по помещению в темпе, диктуемом внутренним состоянием.
4. Порвать какую-нибудь ненужную бумагу и сжечь.
5. Выместить свои отрицательные эмоции на каком-нибудь заранее подготовленном ненужном и безопасном предмете: подушке, боксерской груше и т.д.

6. Самое конструктивное — разрядить эмоции какой-нибудь осмысленной полезной работой — уборкой помещения, стиркой, работой в саду или просто спортивной игрой, бегом.

Для закрепления положительного эффекта индивидуальной психотерапии подростков комплектуют по 8-10 человек для занятий в группах по 2 занятия в неделю. Закрепляется весь цикл тренингом личностного самосознания.

В практике психологической профилактической помощи подросткам более 100 психотерапевтических методик, где отмечается равная эффективность от их применения. Но еще много неразрешенных проблем в выявлении, диагностике и профилактике девиаций у подростков: недостаточен финансовый и кадровый ресурс для организации профилактической работы на межведомственном уровне; недостаток теоретически обоснованных моделей по социально-психологической профилактике; отсутствие апробированных техник; пассивная роль СМИ в профилактике девиаций подростков. Преобладание информационно-просветительского подхода в решении проблем профилактики, кроме того, многие технологии заимствованы в зарубежных странах и без серьезной предварительной адаптации мало эффективны при использовании в нашей стране. Все это снижает уровень профилактической работы и ее качество.

Сущность предложенной модели психосоциальной профилактики подростковой девиации выражается в ориентации на самопознание и самореализацию подростка, формирование личностных свойств и качеств, переключение подростка с негативных форм самореализации на позитивные, комплексность воздействия. Психолог должен последовательно показывать важность и возможность использования подростком его собственных усилий в решении своих проблем.

Устранению подростковых девиаций должна соответствовать социальная политика, направленная не на ликвидацию последствий, а на преодоление причин порождающих отклоняющееся поведение и его комплексную раннюю профилактику.

Печеркина А.А., Остапчук Н.В. ОСОБЕННОСТИ СОХРАНЕНИЯ И ПОДДЕРЖАНИЯ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ СТУДЕНТОВ ВУЗА

Современные студенты — это, прежде всего, молодые люди в возрасте от 18 до 25 лет. В классификациях периодов жизни человека этот возраст определяется как поздняя юность или ранняя зрелость. Отсутствие единого термина уже говорит о сложности, неоднозначности психологических характеристик этого периода жизни, что особенно ярко проявляется в современных условиях развития российского общества.

Как правило, именно в студенческом возрасте достигают максимума в своём развитии не только физические, но и психологические свойства. Как свидетельствуют данные Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), студенты характеризуются худшими показателями физиологических функций в своей возрастной группе. Они лидируют по числу больных гипертонией, тахикардией, сахарным диабетом, нервно-психическими нарушениями. Причины этого кроются в основном в том, что в процессе вузовского обучения студенты испытывают сильное психическое напряжение, часто разрушительное для здоровья.

Обучение в высшей школе требует от студентов значительного интеллектуального и эмоционального напряжения, доходящего в период зачётных и экзаменационных сессий до пределов возможностей. Налагаясь на другие причины (социально-бытовые, экологические и т.

п.), это приводит к развитию нервно-психических заболеваний. Среди данной группы часто оказываются наиболее способные и целеустремлённые студенты.

По данным исследователей частота расстройств психического здоровья среди студентов в различных вузах и регионах колеблется от 7 до 40%. В подавляющем большинстве случаев это пограничный уровень психических нарушений. Подобным же образом складывается ситуация и среди абитуриентов, которые только поступают в высшую школу. Следовательно, в высшее учебное заведение приходят люди с уже нарушенным психическим здоровьем.

По мнению В. Буйлова, за последние годы отмечается тенденция к увеличению числа студентов, страдающих неврозами, неврозоподобными состояниями, психопатиями и другими расстройствами психики. Основными причинами возникновения таких состояний у студентов являются психоэмоциональные напряжения, связанные с учебным процессом. Они вызываются такими обстоятельствами, как адаптационные трудности, несоответствие уровня требований педагогического процесса уровню начальной подготовки студента, авторитарность позиции преподавателя, повышение уровня невротизации студентов в период зачётных и экзаменационных сессий, чрезмерно большой объём информации, дефицит времени,

снижение уровня мотивации к учёбе из-за неудовлетворённости методами преподавания, конфликтные ситуации с преподавателями и учебно-вспомогательным персоналом.

С.Д. Смирнов подчёркивает, что часто у студентов может наблюдаться гипертрофированная и несколько абстрактная неудовлетворённость жизнью, собой и другими людьми. При неадекватном педагогическом воздействии такие состояния могут стать причиной деструктивных тенденций в поведении. Но при обращении энергии этого эмоционального состояния на решение сложной и значимой для студента задачи неудовлетворённость может стать стимулом к конструктивной и плодотворной работе.

А. Левагина считает, что благоприятное положение студента в образовательной среде содействует нормальному развитию его личности. Не должно быть существенного расхождения между самооценкой и оценкой, получаемой студентом от значимых для него людей, к которым обязательно должен относиться и преподаватель.

Н.В. Басова подчёркивает, что здоровье студентов находится в прямой зависимости от структуры образовательного процесса. Оптимально построенный образовательный процесс не может и не должен иметь своими последствиями невротизацию учащихся. Образовательные технологии как таковые до сих пор не входят в круг проблем, рассматриваемых медиками и физиологами, несмотря на обеспокоенность ряда ученых возможностью отрицательного влияния педагогических воздействий.

В качестве одной из самых наболевших проблем можно назвать то, что высшее профессиональное образование, с точки зрения психологии, психотерапии и психиатрии, физиологии, на некотором этапе обрело черты, заставляющие признать за высшей школой наличие определённой «профессиональной вредности» в отношении студентов.

Г.С. Никифоров выделяет ряд факторов, которые обуславливают психическое здоровье студентов. Одним из важных факторов психического здоровья являются установки и ожидания, связанные с предстоящими событиями. Обобщённо их можно разделить на положительные (оптимистические) установки, которые выражаются в ожидании положительных событий, и отрицательные

(пессимистические), о проявлении которых свидетельствует ожидание негативных событий. Первые помогают успешно справиться со сложной ситуацией, поскольку эмоции, испытываемые в трудных ситуациях, действуют как механизмы подкрепления деятельности. В случае отрицательных установок эмоции начинают оказывать деструктивное, ослабляющее действие.

Следующий фактор психического здоровья студентов – удовлетворённость результатами своей деятельности. Чувство успешности ассоциируется с переживанием высокого субъективного значения личностных стремлений, а также с высокой вероятностью достижения поставленных целей. Сознательный выбор целей и положительная оценка возможностей их достижения имеют решающее значение в процессах саморегуляции.

Также важным фактором психического здоровья студентов является степень его идентификации со студенческой средой, которая иногда воспринимается им как враждебная. Особенно это замечается у студентов-первокурсников, впервые столкнувшихся с новыми, отличными от школьных, требованиями. Необходимую помощь в преодолении этого негативного явления может оказать психологическая служба вузов, предоставляя различного рода консультации и помощь в организации учебной деятельности.

Как известно, в период профессионального обучения в высшей школе студенты испытывают периодиче-

ски возникающие кризисы профессионального становления. И.В. Вачков, занимаясь данной проблемой, рассматривает кризисы профессионального становления студентов – психологов как постоянные «разочарования» в различных аспектах своего обучения и будущей работы. Несомненно, что степень разрешения данных кризисов тесно связана с психическим здоровьем студентов. Их успешное разрешение способствует поддержанию психического здоровья, а трудности в их преодолении могут послужить фактором его нарушения.

Наибольшие трудности в период обучения, по нашему мнению, испытывают студенты 1-го и 3-го курсов. Сложности студентов первокурсников связаны, прежде всего, с адаптацией к новым условиям. Обучение студентов на 3-м курсе является переломным моментом и часто сопровождается своими проблемами. Например, могут возникнуть разочарования в отдельных учебных предметах, в своём учебном заведении и преподавателях, в качестве и методах преподавания и, в целом, в выбранной профессии.

Все вышеперечисленные проблемы позволяют назвать периоды обучения студентов на 1-м и 3-м курсе наиболее критическими. Поэтому исследование психического здоровья студентов на данных этапах обучения представляется нам чрезвычайно актуальным.

Исследование особенностей психического здоровья студентов 1-го, 2-го и 3-го курсов проводилось с помощью следующих методик: для изучения самооценочного компонента использовался опросник С.А. Будасси и личностный опросник А.И. Колобковой «Общая шкала самооценки». Оценка эмоционального компонента проводилась с помощью методики рисуночной фрустрации С. Розенцвейга.

В результате проведённого исследования установлено, что в самооценочном компоненте для студентов 1-го, 2-го и 3-го курсов характерным является средний адекватный уровень самооценки, который говорит об адекватности оценки

себя студентами и совпадении их оценки с объективными показателями. Также можно сказать, что большинство студентов 2-го курса себя оценивают пози-

тивно, то есть в целом довольны собой, принимают себя такими, какие есть, знают свои положительные качества. Большинство студентов 1-го и 3-го курсов имеют общие оптимистические ожидания по поводу своей компетенции, верят в свои силы, в собственную ответственность, ожидают успеха в любой начатой деятельности.

В эмоциональном компоненте студенты чаще всего демонстрируют фрустрационные реакции, содержащие упреки, обвинения и враждебность в отношении других людей. Студенты 1-го курса имеют высокий коэффициент групповой адаптированности, а, значит чаще реагируют в ситуациях фрустрации конформно и схоже с группой. Они не склонны рассматривать происходящее во фрустрационной ситуации как нечто незначительное и преодолимое со временем, в их реакция реже всего отсутствует обвинение себя или окружающих.

Полученные данные позволяют заключить, что воздействия по сохранению и укреплению психического здоровья студентов необходимо направить на оба компонента – самооценочный и эмоциональный.

Основными направлениями работы с целью оптимизации самооценочного компонента должны выступать предупреждение возникающей тенденции к самообесцениванию у студентов, повышение уровня их самооценки, мастерства в собственной жизни, уровня собственной эффективности и действенности (общих ожида-

ний по поводу своей компетенции). Для работы над эмоциональным компонентом необходимо снижение степени фрустрированности у студентов, повышение уровня адекватности реакций на фрустрационные ситуации, а также стремления к её разрешению.

Несомненно, огромная роль в сохранении психического здоровья принадлежит здоровому образу жизни самого студента, его активности и заботе о своём здоровье. Это и физическая, двигательная активность, закаливание, правильно организованный режим труда и отдыха, питания и сна, отсутствие вредных привычек. К здоровому образу жизни относятся также система отношений человека, его жизненные цели и ценности.

В то же время студенческий возраст характеризуется многообразием эмоциональных переживаний, что отражается в стиле жизни, исключающем заботу о собственном здоровье, поскольку такая ориентация традиционно приписывается молодому поколению и оценивается молодым человеком как «непривлекательная и скучная». Поэтому становится актуальной намеренная регуляция психического здоровья студентов со стороны кого-то из участников образования. Таким элементом должна стать

психопрофилактика в студенческой среде с целью предупреждения возникновения психических заболеваний.

На наш взгляд, способами работы могут быть различные психологические тренинги (тренинг уверенности в себе, коммуникативный тренинг, тренинг самопознания и др.), консультативная помощь психолога, способствующие адекватному оцениванию себя за счёт самопознания, а также уменьшению степени фрустрированности, повышению активности, адекватности реагирования, обучающие умения разрешать фрустрационные ситуации. Другими путями влияния также могут быть здоровый образ жизни студентов, участие в оздоровительных программах и посещение ими специально оборудованной на факультете комнаты психологической разгрузки.

Но, в конечном итоге, всё зависит от возможностей образовательного учреждения и активности самих студентов в вопросе поддержания и сохранения психического здоровья.

Пономаренко Е. А. (Елец) **ДУХОВНАЯ МУЗЫКА В КОНТЕКСТЕ ЛИЧНОСТНОГО РОСТА ЧЕЛОВЕКА**

Известно, что личностный рост – работа над совершенствованием своих личных качеств, включающая самопознание, самопобуждение, возможности для расширения внутренней свободы. Все перечисленные составляющие могут быть рассмотрены как с позиций психологии, так и с позиций православной традиции, в частности, Добротолубия. Возможности духовной музыка в личностном росте человека велики. Духовная музыка – многокомпонентное явление. Она включает в себя интонируемую молитву, тексты великих святителей, звучащую многовековую и многонациональную музыкальную традицию. Ее название указывает на принадлежность к церковной жизни, с одной стороны, с другой она указывает на принадлежность к жизни человека, ее возвышенной стороне. Целительные свойства молитвы, определение сути святости описываются в психологической литературе (Ф. Василюк, 2005). Целительные свойства духовной музыки так же описываются в современной литературе (В. П. Анисимов, В. В. Медушевский), но такие данные не получают должного резонанса в научном сообществе. Причина такого явления, по нашему мнению, кроется в ее малой разработанности, в скромном тиражировании положительных результатов воздействия духовной музыки, в историческом контексте, в недавнем возобновлении данного пласта русской культуры в полном объеме и др.

Воздействие музыки на слушателя – вопрос психологии музыкального восприятия и музыкальной психотерапии. В последнее время возрос интерес к арт-терапии и, конкретно, к ее разновидности, музыкотерапии. Западно-европейские и русские источники предлагают разные картины вовлечения музыки в лечение и развитие личности человека. Так, немецкие психологи описывают опыты использования музыки не только как лечащего средства, но и психоделического (Петер Михаэль Хамель, 2007). Хамель – земляк Теодора Адорно, социолога музыки. В своих трудах Адорно разграничил типы слушателей и вывел понятие социологии музыки как познания отношений между слушателями музыки как общественными индивидами и самой музыкой. Очень важным, в контексте статьи, явилось мнение ученого о том, что физиологическое воздействие музыки не тождественно эстетическому постижению искусства. Хамель, описывая опыты немецких психологов (Эрнста Флакуса, Ганса Лейнера, Ингрид Ридель), подчеркивает, что различают «рецептивную терапию» – достижение эффекта от прослушивания музыки и спон-

танное музицирование. Кататимное переживание образов (рисование их на бумаге во время слушания музыки), разработанное Лейзером, снимает тяжесть симптомов заикания и других болезней. Доктор Ингрид Ридель назвала эту технику «музыкальным образотворчеством». Лейнер также указывает, что этот метод лечения, – «дневные грезы», может помочь здоровым людям глубже заглянуть в себя и понять свое собственное «Я».

По мысли ученого, музыку можно использовать для погружения в собственные мысли. Эрнст Флакус считает, что наиболее подходящими являются классическая дзен-музыка и электронные композиции. Эта музыка воспринимается как нейтральная, она «не заставляет вслушиваться и плавно втекает в человека». Классическая и духовная музыка, по мнению ученого, не подходят. От такой музыки трудно отрешиться. Она, по высказыванию пациентов Эрнста Флакуса, вызывает негативные воспоминания, связанные со строгостью воспитания со стороны церкви. Музыка для таких сеансов (в том числе, гипноза) специально обработана, с нее сняты искажения и перегрузки. Она предназначена дать силы, успокоить человека. После нее возможно восприятие музыки насыщенной, концертной, и она откроется глубже.

Интересно, что психологи часто сами создают музыку для своей работы. В. Петрушин для вокалотерапии придумал тексты к известным мелодиям, и создал оригинальные тексты и мелодии как формулы психотерапевтического воздействия. Для музыкально-психологического массажа он использует музыку классическую. В арт-терапии (Н. Е. Пурнис, 2008) обращение именно к классической музыке объясняется тем, что звучащая музыка должна быть совершенной, и в мастерстве написания, и исполнении.

О воздействии духовной музыки на современного русского человека в психологической литературе говорится очень мало. В. П. Анисимов описал опыт применения вокальных проповедей священника Г. Ульянич. Взгляды В. В. Медушевского на происхождение и сущность серьезной музыки, его курс анализа классической музыки – отдельная тема для исследования. На наш взгляд, его труды можно назвать «музыкальным богословием». Ученый дает свои определения культуры, искусства, стиля с точки зрения богословия.

Существует, так же, ответвление православной психотерапии. В. Авдеев, В. Невярович, митрополит

Иерофей (Влахос), игумен Евмений (Перистый) - эти имена мало известны. Например, Влахос в своем труде (Православная психотерапия, 2004) говорит о православной психопатологии, предлагая метод лечения – безмолвие. В основе православной терапии лежит Добротолюбие, учение монахов – аскетов. Известны два главных элемента психологии аскетов: борьба со злом и развитие добра. Борьба со злом рассматривается с точки зрения психологии греха и добродетели (Л. Соколов, 2002). Естественный человек, по изображению аскетов, нравственно бессилен. Добродетель - взаимодействию человеческих сил и благодати Божией. Личное совершенство - неперенное усилие для понимания души ближнего. В понимании души ближнего неперенный участник – любовь. В понимании своей души – любовь (к Богу) и ненависть (к греху). «Любовь является совершенным инструментом познания. Правильная аскеза, приводя душу к совершенной любви, открывает христианину ведение истины...» (Философский словарь, 1996).

«В православии два метода познания Истины: рациональный (научное богословие), и иррациональный (духовная жизнь)» (М. Я. Дворецкая, 2005). «Крест» (судьба) – есть логика развития данного человека (В. В. Зеньковский). «Через духовную жизнь в нас задана наша личность как тема творческого раскрытия и осуществления данных нам талантов. Связанность и внутренняя логичность нашей жизни обычно открывается нам в зрелом возрасте, когда мы видим, как через всю жизнь идет одна и та же тема, те же трудности, те же ступени возрастания» (М. Я. Дворецкая, 2005).

В музыке методы познания близки. Их также можно разделить на рациональный (анализ формы – структуры) и иррациональный (эмоция, образы). Профессионалы – музыканты часто вообще эмоционально не воспринимают музыку (так считал К. Игумнов), они ее «создают», моделируя эмоции человека. В психологии музыкальной деятельности и музыкального восприятия большое значение уделяется предшествующему опыту человека.

Привлечение музыки других религий в православной традиции, по нашему мнению, невозможно, хотя этот вопрос не является принципиальным в западной психологической литературе. Музыка, сопровождающая обряд, несущая традицию, является составляющей частью обряда. Действительно, происходит «незримое втекание» ее в человека, вместе с сакральным смыслом той религии, в недрах которой она создана. Медитация невозможна для православного человека. Он не должен жить жизнью грез, сознательно уходить в небытие. В исихазме главный догмат – трезвение. Трезвение – это взгляд души, обращенный внутрь. Для аскезы существенно внимание к помыслам, их отсекание. Духовная музыка

выступает здесь не в роли посредника. Ее называют «поющим богословием» (Б. Кутузов). Обращение к православной духовной музыке, звучащей в Оброчи – это и продолжение молитвы, и сама молитва. Обращение к другому жанру, духовной православной современной песне – этот взгляд на свою жизнь со стороны духовного восхождение, это настоящая аретотерапия – лечение идеалами. Сколько жизней отдано в борьбе за духовное становление России - в лице монахов, верующих мирян – пока этого никто не сосчитал. В массовом сознании живут герои великой отечественной войны – это правильно. Но есть другие жизни, другая война – современная духовная песня рассказывает об этом.

Зарубежная литература освещает проблему личностного роста (Брайан Трейси, Джим Кон, Морган Скотта Пек и др.). В названии работ практически всегда присутствует направленность на другого человека, воздействие одного человека на другого человека. В богословской литературе задача аскетического подвига – «стенание о грехах ближних» (Нил Синайский), и, прежде всего, о своих грехах, работа человека над собой. В православной традиции, в Добротолюбии, учитывается опыт культур и менталитета разных народов. Духовная музыка пришла в Россию через Болгарию из Византии, восточной столицы с монодийной культурой. Многокультурная интеграция духовной музыки принадлежит единой православной традиции. Ее составляющие, о которых говорилось выше, могут многократно обогатить душу современного человека. Не только на мистическом уровне, но и на эстетическом и интеллектуальном.

Выводы. Духовная музыка православной традиции представляет собой многокультурную и многонациональную традицию, впитавшую в себя духовный опыт «гениально духовно одаренных людей – святых» (Ф. Васильев). Смысл учения исихастов, заключенный в распетые церковные тексты, интонируемые молитвы, способствуют личностному росту человека. Воздействие духовной музыки на человека положительно в силу особенностей восприятия музыки («ритуального присвоения») – т. е. положительное воздействие возможно и без проникновения в смысл текста песнопений. Использование для релаксации, гипноза, лечения музыки неправославной традиции не представляется возможным, ввиду невольного присвоения человеком другой веры (большого информационного поля музыкальной интонации). В силу перечисленного, использование духовной музыки для личностного роста представляется логичным для русского человека, для православного человека – необходимым. Мы изложили лишь некоторые возможные подходы к заявленной проблеме, которая, безусловно, требует дальнейшего рассмотрения.

**Постовалова А.И., Яценко Е.Ф. (Челябинск)
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ К ВЫБОРУ
НАПРАВЛЕНИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ
В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕФОРМ**

Целью данной работы является изучение феномена «готовности» и исследование особенностей психологической готовности молодых людей к выбору направлений профессиональной подготовки в условиях образовательных реформ. Основанием нашей работы послужило то обстоятельство, что существующие методики для выявления профессиональных предпочтений, психологической готовности к выбору направлений профессиональной подготовки не позволяют рассмотреть в комплексе диапазон профессиональных предпочтений и степень сформированности личного профессионального плана молодых людей, а также требуют значительных временных затрат.

В связи с этим возникла необходимость создания специальной анкеты, которая позволила бы уменьшить временные затраты консультации и получить дифференцированную информацию о сформированности профессионального плана. В настоящее время апробация анкеты завершена.

В психолого-педагогической литературе выделяются несколько видов готовности к профессиональной деятельности: *психологическая*, выражающаяся в сформированности направленности личности на профессиональную деятельность; *теоретическая* готовность, состоящая в наличии необходимого объема специальных профессио-

нальных знаний; *практическая* готовность, характеризующая сформированностью на требуемом уровне профессиональных навыков и умений.

Анализ психологической литературы показал, что понятие «готовность» не имеет однозначной трактовки и определяется как *установка* психологическая (Д.Н.Узнадзе) и социально-фиксированная (В.А. Ядов, Е.С. Кузьмин и др.); *качество личности* (К.К. Платонов); *наличие способностей* (Б.Г. Ананьев, С.Л. Рубинштейн); *состояние* подготовленности (М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович, В.А. Крутецкий и др.); *устойчивая, многомерная, многокомпонентная характеристика личности*, включающая в себя мотивационный, когнитивный и деятельностный компоненты (А.Г. Асмолов, Н.В. Кузьмина, В.А. Сластенин, Л.Ф. Спиринов); *способность* человека ставить цель, выбирать способы ее достижения, осуществлять самоконтроль, строить планы и программы деятельности (Ю.Н. Кулюткин, Г.С. Сухобская). Стоит отметить, что последнее понимание (как *способность*) является важным для нашего исследования.

В многочисленных работах отмечается, что кроме готовности как психического состояния у человека проявляется готовность как устойчивая характеристика личности (Г.С. Сухобская, Ю.Н. Кулюткин, К.К. Платонов, В.А. Бодров). Ее не нужно формировать, она действует постоянно. Такая готовность предполагает избирательную активность, настраивающую личность на профессиональную деятельность и выступает как условие успешного выполнения деятельности. Е.А. Климов характеризует профессиональную готовность как сформированность субъектной позиции. Эта позиция и связанный с ней опыт позволяют личности целенаправленно, активно и осознанно осуществлять выбор профессии и подготовку к ней. Активность выступает прежде всего как «самоориентирование» личности. Н.С. Пряжников отмечает, что результатом готовности к выбору профессии является сформированность у личности «внутренней готовности к осознанному и самостоятельному построению, корректировке и реализации перспектив своего развития (профессионального, жизненного и личностного), готовности рассматривать себя развивающимся во времени и самостоятельно находить личностно-значимые смыслы в конкретной профессиональной деятельности». Таким образом, внешним проявлением психологической готовности может выступать личный профессиональный план личности.

Понятие личный профессиональный план как мысленный образ желаемого будущего, введенное Е.А. Климовым, употребляется тогда, когда предметом размышлений становится не только конечный результат, но и способы его достижения, путь, по которому намерен следовать человек, те объективные и субъективные ресурсы, которые ему для этого понадобятся. Выявленная степень сформированности профессионального плана позволит определить степень психологической готовности (осознанности) к профессиональному выбору.

С целью выявления степени сформированности профессионального плана личности, профессиональных и мотивационных намерений было проведено исследование старшеклассников МОУ СОШ г. Челябинска в возрасте 15-17 лет в количестве 201 чел. и студентов 1-3 курсов ЮУрГУ в кол. 181 человек. Общая выборка составила 384 человек.

На первом этапе исследования использовалась специально разработанная анкета, выявляющая сформированность профессионального плана. Профессиональный план мы рассматриваем как уровневое явление, определяющее степень сформированности информационно-когнитивного и мотивационного оснований профессионального плана. Соотношение этих оснований позволяет судить о наличии готовности к осознанному выбору профессиональной деятельности.

Анализ данных анкеты позволил выделить 3 группы школьников и студентов с различной степенью сформированности профессионального плана. Первая группа включает в себя школьников и студентов с *высокой степенью сформированности* (в дальнейшем будет обозначаться *ВСС*) профессионального плана (23%). Вторая группа включает школьников и студентов с *низкой степенью сформированности* (в дальнейшем будет обозначаться *НСС*) профессионального плана (31%). Третья группа – со средней степенью сформированности профплана (*ССС* – соответственно) (46%). Наиболее многочисленной является третья группа.

Сравнительный анализ показателей между старшеклассниками и студентами позволил выявить, что в группе с *ВСС* среди школьников наблюдается тенденция увеличения количества человек от 9 класса к 11 классу (14%; 23,5%; 25,4%), а также тенденция снижения количества человек в группе с *НСС* от 9 класса к 11 классу (44%; 38%; 25%). В группе *ССС* наблюдается скачок к 11 классу (от 42%; 38% к 50%). Наличие большой группы со средней степенью *сформированности* профессионального плана свидетельствует о том, что школьники испытывают недостаток информации о своих предпочтениях, потребностях и потому неуверенны в том, чем хотят заниматься в будущем.

Среди студентов также наблюдается тенденция увеличения количества человек в группе с *ВСС* от 1 курса к 2-му и 3 курсу (15,8%; 25,5%; 54,3%), а также тенденция снижения количества человек в группе с *НСС* от 1 курса к 3 курсу (30%; 21%; 9%). Группа со *ССС* включает 54% первокурсников, 53% – второкурсников и лишь 37 % третьекурсников. Можно предположить, что студенты 1 курса находятся в критическом адаптивном периоде, который предполагает психологическую профориентационную поддержку.

Группа школьников и студентов с *НСС* профессионального плана (по данным анкеты) характеризуется несформированностью *информационно-когнитивной* (отсутствие интереса к отдельным учебным предметам, занятиям в секциях, отсутствие знаний о профессиональных предпочтениях), *мотивационной основ* (преобладающими показателями экстернальной мотивации, представленными следующими мотивами: профессия «является высокооплачиваемой», «считается престижной», «ценится среди друзей и знакомых», «легко получить образование») и неосознанностью профессионального плана.

Группы школьников и студентов со *ССС* профессионального плана характеризуются частичной несформированностью *информационно-когнитивной* (отсутствие интереса к отдельным учебным предметам, занятиям в секциях, отсутствие знаний о профессиональных предпочтениях), *мотивационной основ* (преобладающими показателями экстернальной мотивации, т.е. данными *внешней мотивации*: школьники (33,3%), студенты (37,4%)) и частичной осознанностью профессионального плана.

Группы школьников и студентов с *ВСС* характеризуются преобладающими данными *внутренней мотивации* (профессия «позволяет совершенствовать духовный мир», «позволяет использовать свои способности, склонности», «позволяет постоянно развиваться», «дает возможность проявить творчество и быть оригинальным в работе», «обеспечивает стабильное будущее»).

Второй этап исследования заключался в изучении вопроса о взаимосвязи показателей анкеты с данными теста смысложизненных ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева.

При рассмотрении показателей теста СЖО (высокий уровень в зависимости от степени сформированности профессионального плана были обнаружены явные различия. В таблице демонстрируются средние значения показателей субтестов СЖО и процент испытуемых, имеющих высокие значения по тесту СЖО. Выявленные раз-

личия средних показателей СЖО в зависимости от степени сформированности профессионального плана являются достоверными на всех уровнях значимости ($p < 0,01$; $p < 0,05$ $p < 0,001$).

Сравнительный анализ показывает, что высокая смысловая ориентация проявляется у представителей группы с ВСС профессионального плана (в таблице значения выделены жирным шрифтом). Представители данной группы более целеустремленные, воспринимают процесс жизни как интересный, эмоционально насыщенный, наполненный смыслом, чаще удовлетворены результатами пройденного отрезка жизни, обладают достаточной свободой выбора, чтобы начать строить свою жизнь в соответствии с целями и представлениями о ее смысле, что свидетельствует о сильной личности, свободно принимающей решения.

Корреляционный анализ показателей осознанности профессионального плана (Ос) и субтестами СЖО выявляет положительные сильные связи (с О – общая осмысленность ($r = 0,237$; $p < 0,001$), с П – процесс ($r = 0,186$;

$p < 0,001$), с Ц – цель ($r = 0,197$; $p < 0,001$), с Я – локус контроля-Я ($r = 0,168$; $p < 0,001$), с Ж – локус контроля-Жизнь ($r = 0,195$; $p < 0,001$) и положительную слабую связь с субтестом Р – результат ($r = 0,131$; $p < 0,05$).

Корреляционный анализ показал, что существует положительная связь между степенью сформированности профессионального плана и показателями осознанности смысловых ориентаций.

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют, что анкета выявляет способности человека ставить цель, выбирать способы ее достижения, осуществлять самоконтроль, строить планы и программы деятельности. Созданная нами Анкета может использоваться для выявления профессиональных предпочтений, психологической готовности к выбору направлений профессиональной подготовки, позволяет рассмотреть в комплексе *диапазон* профессиональных предпочтений и *степень* сформированности личного профессионального плана и не требует значительных временных затрат.

Проворов А.М. (Ярославль) ИЗМЕНЕННЫЕ СОСТОЯНИЯ СОЗНАНИЯ (ИСС) В РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЯХ (НА ПРИМЕРЕ ОБЩЕСТВА СОЗНАНИЯ КРИШНЫ)

В основании каждого религиозного течения, будь то официальная церковь (напр., христианство, буддизм) или секта (напр., Общество Сознания Кришны, Дом Горшечника, Саентологическая церковь Р.Хаббарда, и т.д.) лежит 3 базовых основания: мировоззренческая компонента (определенная карта реальности), обрядовая компонента, человеческая компонента (совокупность последователей).

Нужно понимать, что все три компонента абсолютно необходимы для существования течения. Без четко описанной карты невозможно дать объяснение происходящих во внешнем и внутреннем мире явлений. Но без последователей, понимающих эту карту, она превращается в музейный экспонат. Из нее уходит жизнь и внутреннее содержание. В то же время без обрядовой компоненты последователь превращается в философа, который умеет дискутировать и хорошо понимает в интеллектуальном плане предмет, но не чувствует своей причастности к нему, причастности к тем космогоническим моделям, которые существуют в рамках его.

Нас в рамках данной статьи интересует очень важный момент, который озвучил на одном из своих тренингов В.В.Козлов. По большому счету, религиозная система ничем принципиально не отличается от системы психологической. Возьмем, к примеру, шаманизм.

Шаманизм – это религия (разнообразные верования), несущей конструкцией которых выступает богоподобный авторитет шамана — харизматической личности (медиума), способной впадать в транс, исцелять больных и убогих, а также находящаяся в контакте с загробными мирами⁵. Уже в рамках шаманизма делается попытка посмотреть на мир как на триединство. Мир верхний. Мир средний, и мир нижний. Если говорить упрощенно, то верхний мир заселяют боги, полубоги, духи, которые помогают жить человеку. Сюда обращаются за помощью, за советом, за исцелением. Средний мир – это мир видимый обычным глазом, слышимый обычным ухом. Его заселяет человек, в нем находятся все объекты привычные нашему восприятию. Материальные объекты. В нижних мирах обитают демоны, которые постоянно мешают, нападают, отнимают силы. Которых нужно постоянно задабривать. Описание каждого из уровней можно продолжать до бес-

конечности. Суть в другом. Давайте сравним теперь эту картину с той, которая предложена, например, в рамках психоанализа. Те же 3 мира. Даже по функциям они примерно одинаковы. Заслуга З.Фрейда, с этой точки зрения состоит в том, что он стал своеобразным «шаманом» для западного общества. Он предложил карту. Дал определенные психотехнические ритуалы и инициировал в свою «веру» огромное количество последователей.

На наш взгляд, связь религии и психологии до сих пор недостаточно изучена и во многом является односторонней (если не брать, конечно, современные тоталитарные культы, при создании которых очень интенсивно используются различные техники психологического воздействия и манипуляции). Религия не рассматривается с точки зрения психотехнологий, и состояний, на инициирование которых они направлены.

В рамках данной статьи мы хотели бы подробнее остановиться не на мировоззренческой компоненте (этим достаточно подробно занимается религиоведение и философия религии), а на обрядовую, психотехническую его составляющую, зачастую связанную с измененными состояниями сознания (ИСС). Такой анализ может дать более глубокие ориентиры для понимания сущности религиозного воздействия, анализе направлений традиционных религий, направлений New Age.

Для большей наглядности мы решили рассмотреть психотехническую компоненту Общества Сознания Кришны в силу их специфичности, наглядности, экзотичности и достаточно большого распространения на территории стран СНГ.

Общество Сознания Кришны – это «вайшнавское религиозное движение, основанное в 1966 году в Нью-Йорке А.Ч.Бхактиведантой Свами Прабхупадой с целью проповеди гаудия-вайшнавизма по всему миру»⁶. Гаудия-вайшнавизм – это направление индуизма, которое относит себя к монотеистической религии и признает Кришну в качестве верховной личности Бога. Вопрос признания кришнаитов индуистским течением во многом спорен и не принципиален для данной статьи, поэтому мы не будем останавливаться на нем более подробно⁷.

⁵ Религия: Энциклопедия / Сост. и общ. ред. А. А. Грицанов, Г. В. Сирило. — Мн.: Книжный Дом, 2007.

⁶ См. материал на <http://ru.wikipedia.org>

⁷ Более подробно об этом можно посмотреть на сайтах <http://krishna.ru/>, <http://portal-credo.ru>, <http://iriney.ru>, <http://hari-katha.org>, и др.

В.В. Козлов (1999) психотехнологии, направленные на изменение состояния сознания, разделяет на гиперстимуляционные и гипостимуляционные. Гиперстимуляционные техники заключаются в оказании максимальных по интенсивности воздействий на человека. Это могут быть танцевальные марафоны до изнеможения, продолжительные песнопения (особенно групповые), воздействие крайних температур (напр., баня), использование наркотических веществ, физические истязания, и т.д. Гипостимуляционные методики инициируют ИСС за счет монотонии, либо частичной сенсорной депривации (лишение сна, пищи, повторение однотипных движений, монотонное пение)⁸.

Согласно философии Общества Сознания Кришны, «преданный» (последователь Общества) должен постоянно находиться в здравом уме, должен постоянно рационально мыслить, не допуская никаких помрачений сознания.

С другой стороны, мы можем увидеть на практике, что психотехнический арсенал кришнаитов (данное определение мы применяем безо всякого негативного оттенка) достаточно велик.

Шрила Прабхупада (основатель Общества Сознания Кришны) предписал следование следующим четырем регулирующим принципам для развития духовной жизни:

Не есть мясо, рыбу, яйца

Отказ от внебрачного секса

Отказ от азартных игр

Отказ от одурманивающих средств (включая алкоголь, табак, кофе и чай).

Основные обрядовые практики состоят из чтения молитв, уединенного повторении Маха-мантры (Харе-Кришна мантры), бхаджанах (пение молитв), санкиртанах (совместных воспеваниях имени Господа преданными).

Налицо соединение достаточно жестких гипостимуляционных и гиперстимуляционных методов воздействия.

С одной стороны, много достаточно серьезных для обычного человека запретов, из-за которых приходится не только сдерживать себя, но и полностью перестраивать привычный рацион, сами привычки, а соответственно, и образ жизни, что непременно вызывает измененные состояния сознания (пусть и низкой интенсивности). Соблюдение четырех регулирующих принципов обязательно для исполнения каждым неопитом Общества. Таким образом, с самого начала мы видим, что на каждого преданного оказывается серьезное воздействие. Он не только участвует в различных религиозных практиках, но и трансформирует установленный порядок жизни, находясь на этапе перестройки поведенческих стереотипов, становясь более открытым для новых идей.

С другой стороны, все религиозные практики нацелены также на достижение измененных состояний сознания. Например, уединенное чтение маха-мантры (Харе-Кришна мантры).

Маха-мантра должна повторяться вслух. При этом происходит монотония за счет позы (стандартная поза для чтения сидя по-турецки), вербальная монотония (повторение одной и той же мантры состоящей из 3-х слов Харе, Кришна, Рама), аудиальная монотония (преданный слышит одни и те же слова, кроме того, влияют звуки, шипящие «ш» вперемешку с «р»), двигательная монотония (перебирание четок). Все это приводит к глубоким трансформациям состояниям, особенно если учесть, что мантра повторяется ежедневно по 5-10 кругов (круг на

четках в данной традиции состоит из 108 зерен, таким образом, мантра повторяется больше 500-1000 раз).

Санкиртаны. Санкиртаны – это совместные мероприятия, на которые собираются преданные. На них обсуждаются тексты основных религиозных книг (Шримад-Бхагаватам, Бхагават-Гиты), происходит совместное «воспевание святого имени» (киртаны, или бхаджаны). Во время санкиртанов полностью меняется направленность методов. Если до этого использовалась только индивидуальные и гипостимуляционные, то на совместных обрядах очень активное применение находят гиперстимуляционные методики. Громкое экстатическое пение мантр. Громкая музыка (используются барабаны, караталы, погремуски, фисгармония, хлопки в ладоши, и т.д.). Очень интенсивный запах благовоний. Зачастую на санкиртанах присутствуют и танцы, очень похожие по технике исполнения на трансовые танцы. Все это в совокупности создает еще более мощное измененное состояние сознания, особенно если учесть тот факт, что все эти разрозненные воздействия применяются в совокупности, и усиливаются за счет феномена групповой индукции.

Сильные трансформации, возникающие во время киртанов обозначаются как «изначальное состояние», т.е. то состояние, в котором человек должен находиться постоянно, но не находится в силу своей кармической сущности. Трансовое состояние, таким образом является не желаемым, а принимается за своеобразную точку отсчета, от которого меряются остальные состояния (менее ценные, соответственно).

Таким образом, можно говорить не только о богатом арсенале психотехник, вызывающих ИСС, но и об общем арсенале состояний сознания для общества преданных. Он коренным образом отличается от подобного арсенала «карми», т.е. непреданного не только очень активным использованием и освоенностью области ИСС (особенно трансформаций состояний), но и принципиально иной точкой отсчета (для «непреданного», как показывают исследования Ч.Тарта, наиболее ценными являются состояния «невротичной рациональности», пусть сам «непреданный» и не называет их так). За счет причастности к одинаковым практикам, одинаковым состояниям, одинаковым текстам создается общее смысловое поле, Общество превращается в общество в полном смысле этого слова, при этом Слова мантры являются своеобразными «пусковыми механизмами», или якорями, запускающими эти состояния.

Предложенный нами анализ является, безусловно, поверхностным, и нуждается в более детальной проработке, но задает главный ориентир для дальнейших разработок. Исследования воздействия религиозных практик на психику человека должны вестись не отдельно по всем трем компонентам, обозначенным нами в начале статьи. Использование даже конкретных неадаптированных техник религиозной практики в рамках психологического тренинга (что сейчас зачастую делается), становится просто бессмысленным, т.к. техники, взятые без объяснения карты, вживания в нее, инициируемые человеком из другой традиции не могут дать достоверное впечатление об исходных состояниях, переживаниях традиции, чьи техники используются. Это то же самое, как по меню угадать запах и вкус приготовленного блюда. Все ожидания не дают исчерпывающего описания. Кроме того, нельзя забывать краеугольную мысль: «Нет ничего практичнее хорошей теории».

С другой стороны, подобное использование может быть неэкологичным и просто небезопасным, т.к. «попробовав» психотехническую составляющую и не имея достойной опоры в двух других компонентах, человек после тренинга может «пуститься во все тяжкие», т.к. неграмотное освоение зоны ИСС способствует размягчению границ доступа к ним, размягчению границ Эго. Делает

⁸ Подробнее см. Козлов В.В. Интегративная психология: Пути духовного поиска, или освящение повседневности. – М.: Психотерапия, 2007.

человека более восприимчивым к разного рода манипуляциям. В том числе и религиозным.

В рамках данной статьи мы не стремились показать Общество Сознания Кришны в позитивном или негативном свете. Это достаточно сильное религиозное направление с глубокой философией. Нам бы хотелось обратить внимание психологов, особенно начинающих, на

то, что психотехники могут быть очень различны, и для того, чтоб грамотно с ними (их результатами) работать, нужно их как минимум знать. Религиозные организации позволяют познакомиться с уникальными психотехниками. Но их апробация должна проходить в экологических условиях.

Пытляк Д.В. (Ярославль) СИСТЕМА АКМЕОЛОГИИ: ЦВЕТОК МИРА

Первичная, условная система акмеологии была получена с помощью метода аналогий. Аналогия проводилась между психическими явлениями и социальными явлениями.

1) Экономика. – Восприятие, ощущения

Строительство, добыча ресурсов. – Обоняние

Продовольствие, сельское хозяйство. – Вкус

Торговля, сфера услуг. – Зрение

Производство, быт, ремесло. – Осязание

Предпринимательство. – Слух

Информационные услуги. – Кинестетика

Управление, менеджмент. – Интуиция.

2) Искусство. – Воображение, фантазия

Архитектура. – Образные представления, образность

Поэзия. – Метафорические образы

Танец, боевые искусства. – Абстрактные образы

Художественные искусства, кино. – Символические образы

Проза, литературные и ораторские искусства. – Вербальные образы

Музыка, пение. – Рефлективные образы

Театр, драматургия. – Практические или трансцендентальные образы

3) Право. – Эмоция

Юриспруденция. – Соучастие, радость

Конфликтология. – Справедливость

Охранное дело. – Бескорыстие

Экспертиза. – Сочувствие, любовь

Оперативная работа. – Уверенность, вера

Следовательское дело. – Интерес

Судейское дело. – Скромность

4) Образование, религия. – Память

Фасилитация (ведизм, синтоизм). – Непроизвольная память

Воспитание («языческие религии»). – Непосредственная память

Гуманитарность (конфуцианство). – Эйдетическая память

Профессионализм (христианство). – Совесть

Преподавание, наставничество (ислам, иудаизм). – Логическая память

Естественность (буддизм). – Опосредованная память

Учительство (йога, даосизм). – Произвольная память

5) Политика. – Воля, речь

Коммунизм. – Ответственность (внешняя речь)

Капитализм. – Настойчивость, внимательность

Социализм. – Требовательность

Демократия. – Креативность

Олигократия, либерализм. – Творчество

Аристократия. – Аккуратность, сдержанность

Монархия. – Самодисциплина (внутренняя речь)

6) Наука. – Мышление, интеллект

Физика, химия, география, геология. – Эмоциональное мышление (эмоциональный интеллект, наглядное мышление)

Биология, экология. – Творческое мышление

История, юриспруденция. – Оперативное (визуальное) мышление

Социология, психология, педагогика. – Социальное (знаково-символическое) мышление (социальный интеллект)

Филология, лингвистика. – Вербальное мышление

Математика, философия. – Пространственное мышление

Идеология. – Практическое (кинестетическое) мышление

7) Государство. – Деятельность, способности, компетентности

Экономика. – Жизнедеятельность, наслаждение

Искусство. – Игра, безопасность, благополучие

Право. – Общение, контакт

Образование, культура. – Любовь, обучение

Политика. – Уважение, признание

Наука, цивилизация. – Познание

Законодательство. – Самоактуализация, реализация

Система акмеологии и экпсихологии как её оборотной стороны есть научное отражение Древа Жизни. Мы видим в этом «дереве» все явления человеческого общества и человеческой жизнедеятельности одновременно. В нём в свою очередь преломлены явления космического порядка. Акмеология обращена к вершинам человеческого духа и мировой деятельности, в то время как экпсихология главный акцент ставит на взаимодействии природы и человека.

Экпсихология – это наука образности, т.е. она занимается изучением образов. Почему это так? Прежде всего, исходя из определения экпсихологии. Это наука о взаимодействии психики и окружающей среды, физической, биологической и социальной. При данном взаимовлиянии психики и весь человек как её носитель воспринимает среду в наглядных образах, которые интериоризируются и преобразуются в образы самых различных видов. Именно образы являют собой основное содержание нашей психики.

Следовательно, и акмеология – это наука образности, но только в аспекте человеческой деятельности и межличностных взаимоотношений. Акмеология занимается изучением вершин человеческого развития. На вершинах нашего развития находится наш идеальный образ, идеальный «образ-Я» или идеальное и высшее Я, к которому мы стремимся в нашем развитии.

Каким образом мы с помощью метода аналогий получили данную систему акмеологии? На этот вопрос мы можем ответить с вами, отвечая на вопрос: «Что есть образ?» Образ, помимо того, что это психическое явление или образование, – это также энергетическое образование. Всё, нас окружающее, есть образ. Мы утверждаем так с позиций субъективного материализма. Сама объективная реальность – есть образ в Уме Существа, создавшего эту реальность. Субъективно-материалистическая наука предполагает существование Бога-Творца как аксиому, иначе не было смысла говорить о субъективной материи. По большому счёту, субъективная материя – это энергия в покое или движении, энергия, состоящая из самых мельчайших частиц «ци» (термин даосизма).

Мы проводим также следующую аналогию – между авторской системой «КОТ» и развивающей акмеологической системой «КРЕАТИВ», разработанной М.М. Кашаповым.

7 этапов КРЕАТИВа:

1. Комплексная оценка ситуации
2. Разнообразный поиск решения
3. Единодушное принятие решения
4. Аprobация решения
5. Текущий контроль действия
6. Интерпретация
7. Выводы

7 этапов КОТа:

1. **Цель** или замысел (определение продукта или услуги команды).
2. **Лицо** (разработка командных ролей).
3. **План** или схема (стратегическое планирование направлений деятельности)
4. **Программа** или сценарий (создание тактической программы развития).
5. **Устав** (правила поведения и межкомандного взаимодействия).

6. **Формула** или лейтмотив (изучение закономерностей командного успеха и его прогнозирование).

7. **Модель** или игра (организация деятельности команды).

Данные этапы мы соотносим с уровнями развития разного компонента профессионального мышления, выделенными в нашем исследовании пока только как структурно-функциональные характеристики данного компонента:

1. Уровень наглядных и эйдетических представлений (наглядность)
2. Уровень метафор (метафоризация)
3. Абстрактный уровень (абстрагирование)
4. Знаково-символический уровень (символизация)
5. Вербальный уровень (вербализация)
6. Рефлексивный уровень (рефлексия)
7. Практический (трансцендентальный) уровень (децен-трация или трансцендирование)

Раимкулова П. А. (Бишкек) ЭМОЦИОНАЛЬНО-КОГНИТИВНЫЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ НАРКОЗАВИСИМЫХ.

В последние годы внимание психологов направлено на одну из самых серьезных социальных проблем третьего тысячелетия это злоупотребление наркотическими и токсическими веществами. Наркотизация характеризуется падением активности, энергетического потенциала, снижением сопротивляемости организма, угасание влечений, сужением потребностей в биологическом и в социальном смыслах. Она ведет к психическому опустошению, которая характеризуется следующими этапами: этап снижения личности, этап психопатизации, этап деменции. Психическая инвалидизация начинается с этапа снижения личности. Ограничиваются интересы в мотивационной сфере, упрощаются побуждения, обедняется эмоциональная гамма.

С точки зрения психологов наркомания является деструктивным изменением личности. Личность наркозависимого утрачивает свою целостность: наряду с «Я-здоровым» формируется «Я-патологическое», которое захватывает и подчиняет себе все больше сфер жизни человека. Находясь в патологическом личностном статусе, зависимый не осознает последствий своего заболевания и не мотивирован на лечение.

В.Франкл рассматривал наркоманию как реакцию на экзистенциальную фрустрацию. Э.Фромм, как своеобразный протест против социального насилия и скуки, как стремление «потреблять счастье в чистом виде», И.А.Былим как особый вид личной аномалии, как защитную компенсаторную тенденцию личности в ответ на фрустрацию базовых потребностей со стороны внешнего окружения. Э. Берн, как игра, в которой каждый участник (наркоман, члены семьи, окружающие, "спасающие" организации и другие) занимают определенную позицию, позволяющую получать определенную выгоду, наличие которой фиксирует психическую зависимость от наркотика. Раттер, отсутствие внутреннего контроля как основная причина, затрудняющая отказ от употребления наркотиков. Р. Уайд, М. Бозарт, нарушение когнитивных процессов; деградация воображения, выхолощенность мышления, снижение адекватности в понимании невербального поведения других людей, как основная причина снижения социальной адаптивности. О.Феничел, возникновение зависимости вследствие дефектов в психосексуальном созревании, ведущим либо к оральной фиксации, Е. Гловер, либо к анальной фиксации. Н. Лессуинг, как следствие регрессии, связанной со слабостью "Я" и невозможностью конструктивного преодоления фрустрации.

В нашем исследовании мы предприняли попытку провести сравнительный анализ феноменов и

переживаний, возникающих в процессе интоксикации ПАВ из групп опиатов (героин, ханка и т.д.) и каннабиноидов (гашиш, марихуана и т.д.), кокаина.

Интересно, что в клинических описаниях мы не встретили данных о переживании трансперсональных феноменов, что вероятно связано с высокой степенью их субъективности. Но в интервью с пациентами эти переживания отмечены всеми опрошенными.

Все пациенты отмечали переживания из группы трансперсональных феноменов как одни из самых важных, наравне с сенсорными, притягательность которых считается основной причиной интереса к употреблению ПАВ.

Интересно, что у большинства опрошенных первый прием ПАВ вызывал негативную реакцию (тяжесть в желудке, тошнота и рвота, головокружение, чувство страха), но желание испытать необычные переживания, ощущение могущества, которое создавало иллюзию преодоления внутренних и внешних конфликтов, препятствующих удовлетворению индивидом наиболее значимых для него потребностей, неизменно создавало мотивацию для повторного приема.

Еще одной сферой нашего внимания были переживания пациентов до начала употребления ПАВ и мотивы для первых проб. Наиболее частыми ответами пациентов Медицинского Центра доктора Назаралиева в ответ на наш вопрос о причине первого употребления ПАВ были:

любопытство и интерес
желание войти в группу
желание попробовать самому, ощутить тот кайф,
о котором так ярко рассказывали приятели.

избавление от скуки
"от нечего делать"

Однако, отвечая на дальнейшие распросы о том, что стояло за этими предъявляемыми мотивами, мы получали другие ответы:

чувство безысходности, желание убежать от реальности

непонимание, что происходит и как жить дальше
постоянная тревога

глубокое разочарование, отсутствие опоры
Упоминались и такие мотивы как желание

"увидеть, что стоит за пределами нашей реальности",
"ощутить запретный плод", "испытать себя", "испытать необычные ощущения" и даже желание быть "другим",
"отличаться от своих сверстников".

Привлекает внимание, что подобные мотивы и переживания Р. Ассаджиоли относил к глубинным причинам, характеризующим кризис, предшествующий духовному пробуждению: отсутствие чувства опоры; ощущение нехватки чего-то смутного, пустоты повседневной жизни; ощущение своей слабости и утраты контроля; повышенная тревожность.

Нами обнаружено так же, что для всех наркома-нов периода взросления в преморбиде характерно переживание неудовлетворенности потребностей в признании, в принадлежности к значимой группе, в любви или уважении, а также стремление к превосходству над другими является для индивида первостепенно-значимыми в данный момент. А. Адлер утверждал, что стремление индивидуума к превосходству управляется выбранной им фиктивной целью. Фиктивные цели могут быть опасными и пагубными для личности, как в случае с наркозависимыми.

Итак в ходе нашего исследования мы пришли к следующим выводам:

1. В ходе интоксикации ПАВ из групп опиатов и каннабиноидов наркозависимые, помимо известных клинических проявлений, переживают ряд трансперсональных феноменов.

2. Мы обнаружили, что особенности личности и психологические переживания наркозависимых до употребления ПАВ в процессе развития зависимости сходны с переживаниями, характерными для периодов так называемого экзистенциального, духовного кризиса.

3. Первичный опыт переживания собственного «могущества», переживание избыточных возможностей преодоления внешних и внутренних обстоятельств препятствующих удовлетворению индивидом наиболее значимых для него потребностей, становится источником иллюзорно-неограниченного действия по переустройству собственной жизни и ведет к дальнейшей зависимости от ПАВ.

4. Таким образом, руководствуясь холонной парадигмой и представлением о адаптационной целесообразности поведения человека, мы сочли возможным предположить, что одним из факторов, формирующих интерес к употреблению ПАВ из групп опиатов и каннабиноидов, и predisposing развитию химической зависимости, становится стремление к переживанию трансперсональных феноменов, сопряженное со стремлением к личностной интеграции.

Романенков Д.Н. (Таллинн) ОБРАЗ МИРА И МЕТОДЫ ЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ

А. Н. Леонтьев (1979) ввел понятие «образ мира», для решения проблем обобщения огромной совокупности эмпирических данных, накопленной при исследованиях восприятия человека. Проводя аналогию, можно сказать, что как понятие «образ» является интегрирующим для системного описания процесса восприятия с учетом совокупности его активных и реактивных составляющих, так понятие «образ мира» является интегрирующим понятием для описания всей феноменологии познавательной деятельности человека. Сегодня можно констатировать, что это понятие имеет очень большой описательный потенциал для всех направлений отечественной психологии.

Путь, которым двигался А. Н. Леонтьев, создавая концепцию образа мира, схематично описан В. П. Зинченко (1983). В рамках решения проблемы возникновения и развития психики А. Н. Леонтьев разрабатывает линию генеза чувствительности и возникновения ощущений. «Теперь, зная уже дальнейшую эволюцию взглядов А. Н. Леонтьева, мы можем утверждать, что он, решая проблему возникновения психики, шел от мира (условий жизни), суживая его при формулировке своей гипотезы до предмета потребности» (Зинченко, 1983, с. 142). Предположив, что предметом психического отражения становятся те отношения реальности, которые значимы для регуляции деятельности (жизнедеятельности животных), А. Н. Леонтьев доказывает это в серии своих экспериментов по развитию неспецифической чувствительности: испытуемые обучались различать цвет кожей ладони (Леонтьев, 1981). Эти факты позволили А. Н. Леонтьеву противопоставить свою концепцию ощущений традиционной, рефлексорной, развивать взгляды о роли активности в становлении ощущений, о детерминированности ощущений предметной действительностью.

Обобщая результаты многочисленных исследований восприятия, выполненных Леонтьевым А. Н. и его сотрудниками, А. Н. Леонтьев выдвигает «гипотезу уподобления»: суть механизма чувственного уподобления заключается в уподоблении динамики перцептивных действий свойствам отражаемого. Экспериментальные данные (неспецифическая чувствительность, исследования слуха) позволили А. Н. Леонтьеву предположить, «что процесс уподобления, при исключении возможности внешнего практического контакта моторного органа с

предметом происходит путем «компарирования» сигналов внутри системы, т. е. во внутреннем поле» (Леонтьев А. Н., 1981, с. 191). В. П. Зинченко (1983) подчеркивает, что такое предположение является одной из первых формулировок тезиса о полимодальности и возможной амодальности образа.

Результаты цикла исследований псевдоскопических эффектов зрительного восприятия, выполненных А. Д. Логвиненко и В. В. Столиным, послужили основанием «противоположного хода» (Зинченко, 1983, с. 149), сделанного А. Н. Леонтьевым: решая проблему возникновения психики, А. Н. Леонтьев суживал условия (мир) до предмета потребности и его свойств. Теперь он доказывает зависимость восприятия от всего предметного мира в целом. «Оказывается, что условием адекватности восприятия отдельного предмета является адекватное восприятие предметного мира в целом и отнесенность предмета к этому миру» (там же, с. 149).

А. А. Леонтьев (1983) особо подчеркивает:

«а) предзаданность этого означенного, осмысленного предметного мира каждому конкретному акту восприятия, необходимость «включения» этого акта в уже готовую картину мира;

б) эта картина мира выступает как единство индивидуального и социального опыта» (с. 36).

Акцентируется роль опыта человека и роль систем общественно — выработанных значений в осознании этого опыта, нетождественность образа мира наглядному или любому другому образу, любой комбинации образов. Описанное А. Н. Леонтьевым «вычерпывание» субъективного образа из мира Е. Ю. Артемьева интерпретирует как впервые предложенную модель слияния в одном психическом акте процесса, образа и реальности. В приведенном А. А. Леонтьевым (там же, с. 37-38) проекте ненаписанной книги А. Н. Леонтьева (наверное, «Образ мира»), развитие презентации расширяющегося времени кончается общественно — исторической перспективой, а расширяющегося пространства — космическим («Оно уже не мое, а человеческое»). Е. Ю. Артемьева (1999), обсуждая культурно-историческую специфику образов мира, отмечает, существование культур, в которых представление о прошлом настоящем и будущем циклично, что определяет и специфику соответствующих образов мира.

А. Н. Леонтьев (1983, Т.2) подчеркивает, что образ мира кроме четырех измерений пространства — времени имеет еще и пятое «квазиизмерение»: «*Это переход через чувственность, за границы чувственности, через сенсорные модальности к амодальному миру!* Предметный мир выступает в значении, то есть картина мира наполняется значениями» (с. 260). Введением пятого измерения подчеркивается тот факт, что образ мира определяется не только пространственно — временными характеристиками реальности (имплицитно используется четырехмерная модель пространства — времени), но и значением для субъекта того, что отражается: «... значения выступают не как то, что лежит перед вещами, а как то, что лежит за обликом вещей — в познанных объективных связях предметного мира, в различных системах, в которых они только и существуют, только и раскрывают свои свойства. Значения, таким образом, несут в себе особую мерность. Это мерность внутрисистемных связей объективного предметного мира. Она и есть пятое квазиизмерение его» (там же, с. 154). Субъективное значение событий, предметов, и действий с ними⁹ структурирует образ мира совсем не аналогично структуриации метрических пространств, аффективно «стягивает и растягивает» пространство и время, расставляет акценты значимости, нарушает их последовательность и, тем самым, ставит под сомнение (или ни во что ни ставит) все виды логических связей, являясь частью иррационального¹⁰. «Образ мира» является понятием, описывающим субъективную, пристрастную модель мира, включающую рациональное и иррациональное, развивающуюся на основе системы деятельности, в которые включен человек. Е. Л. Доценко (1998) определяет образ мира как «как результат моделирования (кодирования, обозначения) мира на языке субъективных переживаний человека (выделение субъективного смысла, истолкование, извлечение значения-для-меня). ... результат субъективного истолкования сенсорных данных, преобразования их в перцептивные образы, обобщения их в категории и формирования смысловых сгустков» (с. 20).

Статья А. Н. Леонтьева «Образ мира» (1983, Т.2) позволяет вероятностно реконструировать пятимерную модель описываемой понятием «образ мира» феноменологии: четыре измерения пространства — времени «пронизаны» пятым измерением — значением, как еще одной координатой каждой точки четырехмерного пространства — времени. Точно так же, как две точки, далеко отстоящие на плоской геометрической фигуре, могут соприкоснуться, если сложить лист в трехмерном пространстве, далеко отстоящие по временным и пространственным координатам предметы, события и действия могут соприкасаться по значению, оказаться «до», хотя и произошли «после» по временным и пространственным координатам четырехмерного пространства — времени (Серкин, 2000а) Это возможно лишь потому, что «пространство и время образа мира» субъективны. Если же учесть концепцию о представленности значений и смыслов для будущего, то понятным становится «кружение» субъективного времени образа мира, его «опережения» и «отставания» от конвенциональной реальности. В работах А. А. Кроника

⁹ Если возможен язык, структурирующий описание мира не только как описание событий, предметов и действий с ними (Сепир, Уорф), то значения описаний и такого языка будут иметь субъективное наполнение - В.С.

¹⁰ Наверное, именно этот аспект подчеркивал К.Г. Юнг (1993), употребляя термин "образ мира", для противопоставления коллективного бессознательного как не имеющего времени, вечного образа мира сиюминутной сознательной картине мира.

(Сколько Вам лет?, 1993) описан феномен парциального психологического настоящего: части настоящего испытываемые располагают в любом месте хронологической оси. Вневременная (время субъективно означено и размечено) структура образа мира приводит нас к логическому выводу о существовании в сознании человека парциального психологического прошлого и будущего.

Ряд авторов, отлично понимая субъективность пространства и времени образа мира, вводят послойные описания процессов, постулируя функционирование каждого слоя на основе специфических закономерностей. Используя такую модель, мы отказываемся от равномерных моделей неизменного пространства, заполненного предметами, и равномерной модели времени, заполненного событиями с предметами в пространстве. Логически строго рассуждая, мы вообще должны при формулировании понятия «образ мира» уже пользоваться не структурами описания материального мира, а структурами описаний таких идеальных явлений, как понятие, значение, представление, идея, мысль и др. Именно это и имел в виду А. Н. Леонтьев, говоря об образе мира как о системе значений. Непринятие этого является методологическим тупиком для многих исследователей, предлагающих модели субъективно сжимающихся или расширяющихся пространства или времени, позволяющие описать полученные в эксперименте факты, но беспомощные в прогнозировании субъективных структур пространства и времени. Проблема времени образа мира при ее разработке требует кардинального решения пока неразрешаемых проблем синхронизации процессов «внутреннего» и «внешнего» миров и «переквалификации» экспериментальных данных о всех познавательных процессах (особенно — о памяти) как выстроенных не только «в результате», но, прежде всего, «для» деятельности.

Сформулируем на основе вышеприведенных рассуждений следующее рабочее **определение 1: «Образ мира» — понятие, введенное А. Н. Леонтьевым, для описания интегральной системы значений человека. Образ мира построен на основе выделения значимого (существенного, функционального) для системы реализуемых субъектом деятельностей опыта (признаков, впечатлений, чувств, представлений, норм и пр.). Образ мира не приписывается миру субъективно, это наполнение образа реальности значениями, и, тем самым, построение его. Образ мира, презентуя познанные связи предметного мира, определяет, в свою очередь, восприятие мира.**

Примером функционального расчленения системы может служить проделанное А. Н. Леонтьевым (1983, т. 2) расчленение сознания на его составляющие (функциональные подсистемы): значение, личностный смысл и чувственная ткань сознания. Функции значения и личностного смысла как составляющих сознания состоят в структурировании, трансформации чувственных образов сознания в соответствии с общественно — исторической практикой (культурное описание) и в соответствии с опытом («для себя бытием», «личной историей деятельностей») субъекта. Что же является продуктом такой трансформации?

Значения по А. Н. Леонтьеву являются только одной из трех образующих сознания, наряду с личностным смыслом и чувственной тканью. Следовательно, интегральная индивидуальная система значений сама по себе (без других образующих) не является ни сознанием, ни его аналогом. Сопоставление употребления понятий «сознание» и «образ мира» в контексте работ А. Н. Леонтьева (1979, 1981, 1983 и др.) позволяет построить еще одно определение понятия «образ мира».

Определение 2: образ мира — понятие, введенное А. Н. Леонтьевым для описания интегральной

ного идеального продукта процесса сознания, получаемого путем постоянной трансформации чувственной ткани сознания в значения («означивание», опредмечивание). Образ мира можно рассматривать как процесс настолько, насколько изменяем идеальный интегральный продукт работы сознания

Таким образом, понятие «сознание» не тождественно понятию «образ мира», так как чувственное (чувственная ткань по А. Н. Леонтьеву) не является составляющей идеального образа. Детерминирующими факторами трансформации чувственных образов сознания в значения являются закономерности существования образа мира и совокупность реализуемых субъектом деятельностей.

Реализуемая субъектом деятельность является движущей силой изменения (развития) образа мира. Рассматривая образ мира как сложившуюся динамическую систему, мы должны учитывать, что эта **система имеет** свою **устойчивую структуру**, сохраняющую систему от разрушения (и, иногда, развития), что придает образу мира некоторую консервативность. Возможно, что баланс консервативности и изменчивости является одной из характеристик образа мира, позволяющих вводить типологию «**образов мира**» (например, возрастную) и алгоритмы описания индивидуальных образов мира.

Литература

Артемьева Е.Ю. Психология субъективной семантики М., 1999

Леонтьев А.Н. Избранные произведения. В 2-х тт. М., 1983

Романов Ю.Н. (Новосибирск) ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ КОРПОРАТИВНЫХ ПРАЗДНИКОВ В ПЕРИОД КРИЗИСА, ИЛИ «ПИР ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ»

«И осень, дотоле вопившая выпью,
Прочистила горло; и поняли мы,
Что мы на пиру в вековом прототипе —
На пире Платона во время чумы.»
Б. Пастернак «Лето», (1930)

Дань современности: то, что закончилось вчера, начинается снова сегодня. Определенные действия конкретных персонажей, оставленные без внимания проблемы «дней минувших» и даже литературные сюжеты, написанные некогда «под диктовку» Музы, оказывают влияние на цикличность процессов в мире сегодняшнем и определяют результат в различных сферах нашей жизни. Достаточно обратиться к неожиданному сопряжению двух известных «пиров» у Пастернака, чтобы обнаружить конкретные определения текущих проблем.

Все своими именами

Корпоративный праздник в его сегодняшнем виде стал формироваться в странах Европы и Америки на рубеже XIX-XX веков. К тому времени начальники начали понимать, что человек, работающий не только за «купуру», но и за «идею» трудится эффективнее. Назвав кризис - «чумой», а корпоративное празднование - «пиром» и сопоставив действия из «Пира» Платона и «Пира во время чумы» А.С. Пушкина с политико-экономическими процессами в России в конце 2008 - начале 2009 годов, можно обнаружить незамеченную ранее пророческую линию известного литературного сюжета, где каждый из пирующих, пусть и не произнося философских монологов, все же выражает какую-либо идею. Всего - 4 варианта поведения по отношению к чуме (*Е. Рабинович) и к пиру — соответственно.

эпикурейское пренебрежение смертью, заявленное в «Пире во время чумы» Молодым человеком, сегодня решительно трансформируется в оптимизацию бизнес-процессов и антикризисные мероприятия;

вера, что любовь победит смерть, о чем воспевала Мери, в нашем мире находит обличие в спецпредложениях event-компаний и многовариантности сценариев - «на любой бюджет»

страх, избегаемый Луизой, обретает голос в бюджетах финансистов, которые призывают «минимизировать бюджеты» и отказаться от «танцев на крышке гроба»;

и, наконец, призыв к преодолению Чумы, о чем на протяжении всего действия задумчив Председатель, отразился в формальных фразах (не лишенных впрочем смысла) государственных чиновников России, принимающих очередной законопроект.

«Застольная» - в главной роли Госдума РФ

Начнем с «призыва». Как и в платоновском «Пире» в «Пире во время чумы» в основу литературного действия легла «застольная беседа», случившаяся задолго до того, как чуму предпочли пиру, или пересмотрели бюджеты праздников в пользу «кризисных затрат». В условиях нашей современности ее главными героями стали не обычные гуляки, и даже не «самые блестящие умы» или золотая молодежь, а представители партий — депутаты Государственной думы РФ. Так, в ходе заседания 10 декабря 2008 года обсуждались поправки в действующее законодательство, направленные на сокращение новогодних праздников, а также график и продолжительность других «красных» дней календаря (ИА REGNUM). Госдума отказалась сокращать новогодние праздники и делать День рождения Пушкина выходным, а также не поддержала ряд других предложений законодателей, но, подводя итоги, было заявлено, что «лучшим подарком» для избирателей будет «сохранение действующего календаря до лучших времен», как показатель «стабильности» народных избранников. Вице-спикер Госдумы Владимир Жириновский (ЛДПР) уверен, что с праздниками в России «все хорошо, достаточно». Глава комитета Андрей Исаев («Единая Россия») категорично заявил, что «в условиях преодоления последствий финансово-экономического кризиса есть чем заняться, кроме перенесения праздничных дней». «Мы слишком много работаем и слишком мало отдыхаем», - заявил депутат Андрей Макаров («Единая Россия»). С ним согласились 1000 представителей российских компаний (в основном менеджеры по персоналу), которые приняли участие в социологическом исследовании на тему «Корпоративный новый год в условиях финансового кризиса», которое проводилось во всех федеральных округах (Newsru.com, SuperJob.ru).

Танцы на крышке гроба

Оказалось, что отмечать Новый год «масштабно» в декабре собирались - 58%, организовать приватную вечеринку в ресторане - 32%, а провести праздник в офисе — 6% опрошенных. В результате из-за кризиса веселые вечеринки, зажигательные капустники, награждение лучших для большинства россиян стали пыльным ожиданием. В каждой пятой компании корпоративный праздник на Новый год был отменен по причине финансового кризиса. 19% участников опроса ответили, что руководство предлагает отметить праздник «скромно» в офисе, говорит, что любой корпоратив сейчас - это «пляска на крышке гроба». В 5% компаний празднование Нового года было в принципе не предусмотрено, но в некоторых из них в преддверии праздников сотрудникам выплачивалась премия, размер которой существенно снизился в минувшем декабре.

На вопрос о том, сократился ли в связи с кризисом бюджет новогоднего корпоративного праздника, 46% респондентов сообщили, что бюджет урезали. При этом каждая четвертая компания (25%) значительно сократила затраты на проведение вечеринки, а в 24% организаций бюджет урезан ненамного. Интересно, что не во всех из них данное решение продиктовано экономическими затруднениями: «Расходы сократили, но не из-за кризиса. Просто мы проанализировали прошлый новогодний корпоратив и пришли к выводу, что было выброшено много денег в никуда, то есть мы заказали больше блюд, чем было необходимо». 31% участников исследования сообщил, что бюджет их новогоднего корпоратива остался прежним. А в некоторых компаниях он, наоборот, «увеличен по сравнению с прошлым годом». Затруднились с ответом 20% опрошенных. В основном это представители тех компаний, в которых празднование Нового года осуществляется за счет самих сотрудников: «Сами скидываемся!»

«Пир» как антикризисная мера

Эффективная оптимизация бизнеса в период кризиса предполагает решение нескольких задач, в том числе обучение принципам антикризисного управления и анализа психологических изменений личности. Как любая система, кризис существует и развивается по определенным законам. Поведение людей и законы существования компаний в период кризиса также закономерны и давно изучены. Любой кризис обостряет все болевые точки и слабые места бизнес-модели компании, которые в итоге могут привести к ее краху. Оптимизация бизнеса – это усовершенствование его структуры таким образом, чтобы убрать все слабые места. Если кризис уже повлек за собой изменения в структурах компаний – от сокращения отделов до закрытия тех или иных бизнес-направлений, то резкие корпоративные изменения могут поставить под удар жизнеспособность всего бизнеса или его отдельных составляющих. Например, увольнения негативно сказываются не только на сотрудниках, которые покидают компанию, но и на тех, кто в ней остается. Поэтому для успешного развития компании в период кризиса необходимо, чтобы ее сотрудники эффективно и целеустремленно работали – вместо того, чтобы думать о возможном увольнении. Правильно проведенное увольнение части персонала – это первое необходимое условие для последующих успехов компании на рынке в период кризиса. Второе, это психология коммуникаций с коллективом в период кризиса, который обостряет скрытые проблемы не только в самих компаниях, но и в жизни людей, благодаря которым эти компании существуют. Кризис может подорвать моральный дух коллектива и уверенность людей в том, что все будет хорошо. Отсутствие такой уверенности – это верный шаг к поражению и краху компании. Формирование уверенности в себе и позитивного отношения к происходящим событиям очень важно для высокой производительности и достижения любой поставленной цели. Побеждают те, кто мыслит категориями успеха. А значит, «пир» или праздник должен быть первым в списке антикризисных мер.

На любой бюджет!

Сегодня специализированные на так называемом, «event management», фирмы готовы предложить

самые разнообразные варианты праздников - от «просто веселых» до «командообразующих». Современный корпоратив - это специальное мероприятие, инициированное и финансируемое фирмой, организованное для персонала, партнеров, клиентов или иной целевой аудитории. Он может служить также эффективным инструментом внутреннего PR, создать корпоративную жизнь компании, формировать дух, сделать сотрудников лояльными и мотивированными к работе именно в этой фирме, объединить их в команду единомышленников. Чтобы добиться результатов требуется не формальный подход и участие.

Первое, что необходимо - это определить цели «пира». Они могут быть рациональными и иррациональными. Рациональные: знакомство, поощрение, формирование желаемого будущего, отстранение от прошлого, забот, интересное времяпрепровождение и т.п. Иррациональные: адаптация (когда компании нужно, чтобы люди привыкли к чему-либо), интеграция (когда необходимо, чтобы сотрудники объединились и работали, как слаженная машина), поддержание ценностного стандарта организации (чтобы все одинаково понимали, что хорошо и что плохо, что ценится, а что не ценится в данной фирме) и др.

Второе — формат. Выбирая его, необходимо убедиться, что он будет интересен большинству сотрудников. Если к единому мнению прийти сложно, лучше чередовать типы мероприятий. Иначе недовольство той части работников, чьи пожелания не учитываются, может со временем вырасти во внутриколлективный конфликт.

Корпоративное празднование может казаться (или оказаться) слишком дорогим удовольствием для многих компаний. Между тем, можно безболезненно сократить отдельные статьи расходов и при этом организовать мероприятие, вполне удовлетворяющее запросам сотрудников и приемлемое для имиджа компании, если:

- перенести дату торжества на менее массовый (например с 10-20 декабря на 8-15 января - экономия бюджета на 30% за счет «непраздничных» цен на место торжества, меню, и услуги по проведению праздника);

- перенести время суток празднования (например, время проведения с 10 утра до 15 дня — очевидная выгода за счет стоимости дневной аренды и отсутствия транспортных расходов);

- объединение нескольких дружественных фирм или партнеров для праздника (поделив затраты, можно сделать программу интереснее, добавить ярких ощущений за счет присутствия новых людей — сотрудников других фирм);

- организация праздника на собственной территории.

- организация фуршета вместо банкетного стола;

- использование талантов сотрудников.

Бесспорно, праздник во время кризиса — это энергозатратное мероприятие, которое требует не только материальных, но и моральных — творческих — инвестиций, но наотрез отказаться от его проведения — значит подтолкнуть своих сотрудников к еще большему унынию, что в нашей и без того сложной финансово-экономической ситуации просто недопустимо.

Рослякова Е. Ю. (Пермь) ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ ВИДОВ АКТИВНОСТИ

С появлением постнеклассической научной парадигмы в современной отечественной психологии все большее внимание уделяют проявлениям активности человека в различных сферах жизнедеятельности. Способность активно «выстраивать» собственное бытие, то есть

быть его субъектом, на сегодня признается одной из центральных характеристик человека в рамках самых различных исследовательских направлений. В российской психологии особое внимание категории активность уделяется последователями школы С.Л. Рубинштейна (А.В.

Брушлинский, К.А. Абульханова-Славская, В.В. Знаков, Е.А. Сергиенко, З.И. Рябикина и др.) активность неизменно рассматривается как одна из ключевых характеристик субъекта и субъектности. При этом выделяются все новые формы, виды и компоненты активности (учебной, коммуникативной, волевой, эмоциональной, творческой и т.д.) в самых различных концептуальных подходах: как форма деятельности, как свойства личности, как функция в структуре интегральной индивидуальности (Петровский, 1992, Вяткин, 2005, Волочков 2002, Васюра 1998, Горбунов 2001, Праведникова 1993, Токарев 1991). В этой связи назревает необходимость перехода от поэлементного, экстенсивного изучения отдельных проявлений активности к созданию более обобщенных подходов. Сопоставительных исследований различных проявлений активности в этом русле в различных социальных и возрастных группах, до сих пор не проводилось. В последнее время предпринимаются попытки обеспечить целостное эмпирическое сопровождение исследований субъекта и его активности (Е.Ю.Коржова, Т.Я.Решетова, О.Г.Гужва). Вместе с тем эмпирически проблема взаимосвязи различных проявлений активности субъекта, ее интеграции, конкретных оснований ее целостности остается мало изученной.

Таким образом, проблемой исследования является проблема взаимосвязей, интеграции различных проявлений и видов активности субъекта жизнедеятельности и закономерностей их интеграции. Производной от указанной проблемы является проблема эмпирических методов исследования интеграции различных проявлений активности субъекта. Первый шаг в ее решении – выделение компонентов активности субъекта жизнедеятельности, изучение их структурных взаимосвязей, конкретизация и операционализация для осуществления количественных измерений, следующим шагом – исследование взаимосвязей компонентов активности с точки зрения возможностей их интеграции в более обобщенные образования.

Исходными основаниями интегративного подхода выступили следующие положения: с одной стороны, человек проявляет свою активность в деятельности, познании, общении и других сферах взаимодействия (Рубинштейн, 1957, Брушлинский, 1996, Волочков, 2007). В этом плане акцентируется *качественное* своеобразие проявлений активности. С другой стороны, в каждой значимой сфере взаимодействия человек действует, активен в той или иной мере – акцентируется *количественная* сторона активности.

Мы различаем два уровня интеграции: активность субъекта конкретной сферы взаимодействия (предметной деятельности, общения, познания и т.д.) и собственно активность субъекта жизнедеятельности как систему более высокого порядка, качественно-количественная мера взаимодействия субъекта, интегрирующая наиболее существенные проявления и виды активности например, для определенной возрастной группы. С.Л.Рубинштейн (1973), К.А.Абульханова (1999), Б.Г.Ананьев (1972), Д.И.Фельдштейн (1996) отмечают в числе наиболее актуальных для юношества сферы - учебная деятельность, познание, общение, формирование жизненных смыслов и эмоциональная регуляция поведения.

Основанием выбора инструментария служила его возможность измерять различные проявления активности, наиболее типичные для данной выборки (n=304, 16-17 лет).

На первом этапе эмпирического исследования, после ряда пилотажных исследований, мы получили факторную структуру взаимосвязей различных видов активности, их отдельных компонентов, которая в целом соответствует актуальным сферам жизнедеятельности в ранней юности: 1) «Фактор учебной активности», 2) «Фактор

характеристик коммуникативной активности», 3) «Фактор активности саморегуляции» (в континууме характеристик эмоционального – волевого контроля поведения), 4) «Фактор активности смысло- и целеобразования», 5) «Интеллектуально-познавательная активность». Порядок факторов показывает общий приоритет учебной и коммуникативной активности в ранней юности.

Вместе с тем возникает вопрос – каков возможный предел интеграции отдельных видов активности и их компонентов? Образуют ли они некий «генеральный фактор активности» или же независимы друг от друга? Какая тенденция преобладает в их взаимоотношениях – тенденция к автономии или тенденция к объединению?

На втором этапе исследования мы перешли от некоторого множества показателей активности к более общему интегрированному индексу активности субъекта жизнедеятельности. Для этого мы использовали множественный регрессионный анализ, который позволил провести эту процедуру с учетом дифференцированного вклада каждого из интегративных индексов активности в общий индекс активности субъекта жизнедеятельности. В качестве «независимых» переменных выступили интегрированные индексы смыслообразующей ($\beta=0,57, p \leq 0,000$), коммуникативной ($\beta=0,53, p \leq 0,000$), учебной ($\beta=0,22, p \leq 0,000$), интеллектуально-познавательной ($\beta=0,22, p \leq 0,000$) и регулятивной активности ($\beta=0,54, p \leq 0,000$).

Соответствующий «Интегративный индекс активности субъекта жизнедеятельности» является эмпирическо-статистическим приближением, характеризующим в наиболее общем плане качественно-количественную меру активности субъекта жизнедеятельности в ранней юности, пропорционально вкладу включающий в себя наиболее существенные виды активности пяти сфер жизнедеятельности.

Таким образом, различные виды активности, наиболее типичные для ранней юности, образуют устойчиво воспроизводимую в разных выборках непротиворечивую структуру взаимосвязей, характеризующую пять относительно независимых групп показателей: учебной, коммуникативной, регулятивной, смыслообразующей и интеллектуально-познавательной активности.

Эти интегративные виды активности в значительной мере соотносимы с пятью сферами жизнедеятельности: предметная деятельность, общение, познание, созерцание и регуляция поведения.

Характер взаимосвязей пяти симптомокомплексов позволяет выделить общий фактор активности субъекта жизнедеятельности и вычислить соответствующий интегрированный показатель «Интегративный индекс активности субъекта жизнедеятельности», полученный с учетом значимости вклада каждого «частного» вида активности.

Этот индекс является обобщенной количественной и содержательной характеристикой преимущественно субъектной (по типу детерминации) активности субъекта жизнедеятельности. Ядро интегративного индекса активности субъекта жизнедеятельности в ранней юности образовано, прежде всего, доминированием и согласованным взаимодействием смыслообразующей, коммуникативной и регулятивной активности.

Такой интегративный подход к изучению активности субъекта жизнедеятельности позволил обосновать дальнейшую разработку вопроса о взаимосвязях разных видов активности, их сопоставимости, значимости той или иной активности в определенном возрасте и ресурсах повышения активности субъекта, что позволит спланировать и провести ряд исследований, изучающих взаимосвязи видов активности в других возрастных и социальных группах.

Румянцева Т.В. (Ярославль)

УРОВЕНЬ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОСТИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ КРИЗИСНОГО И АДАПТИВНОГО СОСТОЯНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ; № проекта 08-06-00775а

Выделение и обобщение данных относительно признаков и показателей кризиса идентичности является актуальной проблемой социально – психологических исследований. Особую актуальность имеет рассмотрение признаков и показателей кризиса идентичности в контексте социально-психологической адаптации студентов вуза. Поскольку их выделение может служить основой как для разработки рекомендаций по формированию позитивной профессиональной идентичности, так и для организации психологической помощи студентам.

В рамках нашего эмпирического исследования, посвященного выявлению особенностей трансформации идентичности студентов вуза в меняющихся социальных условиях, был выделен и изучен уровень дифференцированности идентичности, который с нашей точки зрения может выступать показателем кризисного или адаптивного состояния идентичности. О роли дифференцированности идентичности упоминается, начиная с Э.Эриксона. Низкая дифференцируемость идентичности расценивается как кризис идентичности. М. Ярумович, используя комплексную методологию, показала, что дифференциация когнитивных схем – неременное условие развития Я, которое ведет за пределы собственного эгоцентризма Я через распознавание различных социальных перспектив и понимания других. Социальное Я и социальная идентичность побуждают настройку и внутригрупповую включенность. Необходимое условие разделения себя от Мы – это формирование социальной и личностной идентичности, что позволяет индивиду направить внимание от одной перспективы к другой.

В эмпирическом исследовании применялись следующие методические средства: психодиагностические методики, экспертная оценка, контент – анализ, статистические методы: корреляционный и факторный анализы. Для диагностики особенностей идентичности нами использовался первый тест установок личности на себя: "Кто я?", предложенный М. Куном и Т. Макпартландом. Испытуемому предлагается 20 раз ответить в письменной форме на вопрос «Кто я?». Для интерпретации ответов в исследовании применялась шкала анализа идентификационных характеристик Н.Л. Ивановой в модификации Т.В.Румянцевой, состоящая из 26 показателей, 24 из которых были объединены в семь компонентов идентичности: «социальное Я», «коммуникативное Я», «физическое Я», «материальное Я», «деятельное Я», «рефлексивное Я», «перспективное Я». Два показателя рассматривались как самостоятельные компоненты: проблемная идентичность (затрудненность в самоидентификации); ситуативная идентичность (переживаемое состояние в настоящий момент). В качестве основной методики исследования личностных черт выступил опросник Р. Кеттелла – 16 PF. Для исследования особенностей мотивации студентов был выбран метод мотивационной индукции или тест «М.И.М» Ж.Ньюттена - Д.Ленса.

В рамках нашего исследования мы рассчитывали дифференцированность идентичности для каждого испытуемого. В качестве данного показателя выступало число, отражающее общее количество показателей идентично-

сти, которое использовал каждый испытуемый при самоидентификации. Таким образом, максимально возможным в теоретическом плане значением уровня дифференцированности в нашем исследовании могло выступить число 26, т.к. используемый в исследовании классификатор имел 26 показателей. В рамках нашего исследования, максимальный уровень дифференцированности составил 14 показателей, минимальный составил 3 показателя.

Нами были подсчитаны значения рангового коэффициента корреляции Спирмена между значениями дифференцированности идентичности и 1) остальными показателями идентичности, 2) личностными факторами по Кеттеллу, 3) мотивационными группами. Была выявлена связь уровня дифференцированности идентичности с компонентами идентичности, с другими личностными и мотивационными переменными.

Анализ статистических данных показывает, что повышение уровня дифференцированности идентичности связано с ростом выраженности социального, материального, деятельного, перспективного компонентов идентичности, с ростом глобальной, проблемной и ситуативной идентичностей. Отрицательные значения коэффициента корреляции проявляются между уровнем дифференцированности идентичности и персональной идентичностью, т.е. с ростом уровня дифференцированности уменьшается выраженность персональной идентичности. Отметим, что в исследовании Н.Л.Ивановой было показано, что уменьшение рефлексивного Я является признаком успешного преодоления кризиса идентичности, а увеличение с кризисом идентичности. Таким образом, повышение уровня дифференцированности связано с повышением адаптивности идентичности, а уменьшение уровня дифференцированности соответственно связано с нарастанием кризисности идентичности.

Также анализ статистической обработки показал, что повышение уровня дифференцированности связано со следующими личностными особенностями: ростом общительности, самоуверенности, ориентировании на свой внутренний мир, повышением социальной компетенции и уровня самоконтроля. Обнаружены достоверные значимые связи ($p < 0,05$) между уровнем дифференцированности и направленностью мотивации на активность, связанную с деятельностью, отдыхом, досугом, снижением мотивации на получение знаний, информации. Была выявлена достоверная разница в выраженности дифференцированности идентичности в ситуации социальной нестабильности и относительной стабильности.

Уровень дифференцированности идентичности является важным показателем для определения кризиса идентичности и зависит от стабильности – нестабильности социальной ситуации. Рост уровня дифференцированности связан с повышением позитивности идентичности, а уменьшение уровня дифференцированности связано с нарастанием кризисности идентичности. Общественные изменения сопровождаются изменением уровня дифференцированности идентичности: с повышением социальной стабильности уровень дифференцированности увеличивается, с усилением социальной нестабильности уровень дифференцированности уменьшается.

Самаль Е.В. (Минск)

«ИЗ КУКОЛКИ В БАБОЧКУ»: К ВОПРОСУ О САМОАКТУАЛИЗАЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Жизнь, не подвергнутая анализу,
Не стоит жизни.
Платон

Термин «трансформация» (лат. transformation) в словаре иностранных слов трактуется как преобразование, превращение.

В психологии трансформация представляется как процесс становления человека подлинным, самим собой, обретения соответствия своей сути. Трансформация, по мнению зарубежных исследователей – это процесс проявления Самости, включающий в себя кризисы и конфликты, а иногда и резкие изменения жизни.

В этом аспекте трансформация тесно взаимосвязана с самоактуализацией (self-actualization) – потребностью в развитии и воплощении «себя», главным мотивом человеческой деятельности и жизни, означающим полное раскрытие и максимальную реализацию человеком своего внутреннего потенциала.

Оба процесса имеют отношение к Самости, истинной сути человека. Самоактуализация проявляется в постижении собственной Самости, своего уникального потенциала, а трансформация способствует проявлению этой Самости путем преобразования возникающих внутренних установок, ценностей и приоритетов во внешне наблюдаемые черты личности и модели поведения.

Этот процесс проходит за срок нормальной человеческой жизни несколько фаз, в каждой из которых раскрываются определенные черты и элементы личности – существенные компоненты целостности того или иного человека. Но на каждой стадии развития от рождения до смерти цель трансформации – дальнейшее раскрытие индивидуальности и талантов человека.

Так почему же человек должен обрести свою суть? И почему этот процесс так растянут во времени?

Принцип экзистенциализма гласит – существование предшествует сущности, т.е. первоначально человек просто существует, обрести же сущность ему еще предстоит, он еще только проект.

Первая половина жизни, согласно К. Юнгу, связана с физическим взрослением и социальной адаптацией (рост и адаптация), а сутью второй половины становится духовное и культурное развитие (консолидация и углубление).

У Э. Эриксона задача первой половины жизни сопряжена с достижением идентичности, которая рассматривается как накопленная человеком уверенность в том, что его внутренняя целостность, обретенная на ранних этапах развития, соответствует тому, как человека воспринимают окружающие, что обычно находит реальное воплощение в выборе профессиональной карьеры и собственного индивидуального стиля жизни. В последующей жизни осознание человеком своего Я, своей идентичности не прекращается, а направлено на постижение глубин своего Я (Самости) и достижение подлинности, аутентичности.

И. Гофман обратил внимание исследователей на тот факт, что при приобретении идентичности человек вынужден решать сложный вопрос о том, как можно балансировать между двумя иллюзиями – обычностью и уникальностью личности. Стремление проявить свою уникальность зачастую проявляется уже в зрелом возрасте, когда она становится своеобразной ценностью и результатом внутренних преобразований и глубинной рефлексии.

Мюррей Стайн также указывает на тот факт, что в детстве и юности формируются установки, которые позже подвергнутся изменениям и развитию, но которые при всем при этом будут вариациями на одну и ту же тему. Более поздние черты, столь заметные у зрелого человека, в юности словно бы припрятываются или приберега-

ются, заслоненные более явными и бросающимися чертами и поведением. И это не спроста, ведь чтобы стать социально адаптированной личностью и определенным образом проявить себя в жизни, самоутвердиться, молодой человек часто прячет в тени те элементы, которые являются «камнем, отвергнутым строителями», т.е. социально неодобряемыми. Но по прошествии лет, эти индивидуальные проявления способны стать «краеугольным камнем» взрослой личности.

Такую «хитрость жизни» Мюррей Стайн объясняет как проявление «Ложного Я» персоны в период адаптации в детстве и молодости и «Истинного Я», которое проявляется во второй половине жизни. Цель первой половины жизни – это развитие сильного Эго (Я) адекватно адаптированного к условиям той или иной среды и культуры, цель второй половины жизни – достижение индивидуальности и чувства символического центра вне контроля Эго.

И.П. Короленко с соавторами также подчеркивает, что каждый ребенок уже на ранних этапах своего развития и приспособления к миру для того, чтобы защитить себя от опасности потерять полностью свою уникальность и независимость, формирует и развивает «Ложное Я».

В этой связи трансформацию можно считать переходом от «Ложного Я» к «Истинному Я».

Психологическая жизнь человека рассматривается как практически бесконечный процесс изменения и развития, идущий вперед по дуге или спирали, начиная с зачаточного состояния, в котором личность, в основном сохраняется в своем потенциале, до более полного и завершенного ее выражения внутри семейного и культурного контекста, к которому человек принадлежит. Наиболее существенные изменения происходят в середине жизни, когда преодолеваются семейные и культурные уровни, происходит развитие индивидуальной духовной позиции внутри культурного и исторического контекста, т.е. в частном проявляется универсальное.

При этом, по мнению Мюррей Стайн, трансформация середины жизни как переход от Эго к Самости затрагивает духовные изменения и сопровождается кризисом для Эго, а для Самости – возможностью рождения целостности, истинности. Человек переходит из одной формы в другую, появляются новый внутренний центр, новая система ценностей и новая направленность. Это глобальное изменение установок, поведения и понимания смысла, обращение к собственной духовной жизни.

Когда психологическая Самость – «взрослое имаго» – образовывается и полностью осознается во второй половине жизни, человек приобретает свободу расширять способы выражения психической энергии и реализовывать ее особым и высоко творческим образом. «Имаго» эквивалентно зрелой цельности, оно открывает новые горизонты, а также определяет индивидуальный психологический стиль.

Полное «имаго» (внутренняя структура) взрослого человека – это определенный паттерн установок, самооценки и мотивации, состоящий из аспектов психики, которые в прошлом частично или полностью бездействовали в бессознательном, оставаясь не развитыми, а в последствии будут нацелены на достижение личностной целостности.

Формирование имаго является неперенным условием для полной зрелой свободы быть самим собой и стать именно той личностью, которой человек стремится быть на самом глубоком уровне. Благодаря этому символическому образованию личность становится открытой для получения опыта и выражения присущей ей целостности в большей степени, чем это было возможно ранее.

Имея в виду ход процесса развития человека как индивида, как личности, как субъекта деятельности, Е.А. Климов настойчиво подчеркивает, что в различных

временных точках жизненного пути человека, к моменту достижения которых последний уже накопил какой-то определенный опыт познания, труда, общения, наложивший печать на особенности характеристик познавательных процессов, его эмоционально-волевой сферы, его поведения, постоянно возникают объективные ситуации, которые ставят человека перед выбором: что и как делать дальше и как дальше жить?

Подтверждая эту точку зрения, А.А. Бодалев указывал на то, что от того, как человек поступит в эти важнейшие для его судьбы моменты, будет в большей мере зависеть, состоится ли действительно вершина (акме) в его развитии на следующих отрезках его жизненного пути и какой она будет. Под действием формирующейся у личности картины мира, усваиваемых ею моральных, правовых, эстетических и иных принципов у нее возникают и укрепляются, выстраиваясь в определенную иерархию — к природе, к человечеству, отечеству, собственности, к труду, к людям вообще, к себе самой. И если эти отношения в своей содержательной части соотносятся с общечеловеческими ценностями и постоянно влияют на цели, которые ставит перед собой человек, побуждают его быть постоянно активным в достижении этих целей, значит, личность будет неуклонно продвигаться к своему «акме», к вершине в собственном развитии и воплощении индивидуальности.

Мартин Бубер, акцентируя внимание на индивидуальности человека, указывал и на ответственность самого человека за ее проявление. «Каждая личность, рожденная в этом мире, — писал он, — представляет собой нечто особенное, никогда не существовавшее прежде, новое, оригинальное, уникальное. Каждый обязан все

время понимать, что никогда прежде на свете не жил никто, подобный ему, и каждый, поэтому призван осуществить свою собственную миссию в этом мире». А осуществить свою миссию — это означает для человека состояться на наиболее высоком из возможных для него уровнях, живя, поступая, творя в совершенно конкретных исторических условиях места и времени, и только одному ему присущим уникальным способом.

Таким образом, самоактуализация, сопровождающая процесс сознательной жизнедеятельности человека, способствует на разных этапах его жизни осознанию и раскрытию определенных сторон своего Я. Такое познание себя стимулирует личностный рост и развитие. К середине жизни человек накапливает достаточное количество знаний о себе и окружающем мире для того, чтобы кардинально пересмотреть свою собственную позицию в нем. Стремление перестроить свою личность и свое отношение к жизни, сделать его более зрелым и аутентичным приводит к тому, что человек обращается к духовной составляющей своей жизни и в последствии трансформируется, т.е. преобразовывается в направлении подлинности. Он становится истинным отражением своей сути, Самости, и в последующей жизни начинает понимать, ценить и воплощать свое предназначение. Человек, не способный стать единым целым, будет неполным, разрозненным, дезинтегрированным.

У каждого человека свое призвание и миссия в жизни, каждый должен выносить в душе свое конкретное предназначение, требующее своего воплощения. Это великое таинство, о котором еще К. Роджерс говорил, как о «нашей способности преобразовывать себя, создавать новые, более духовные направления в эволюции человека».

Самсонов К.В. (Таллинн) ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОДРОСТКОВ

Для того, что бы человеческое общество могло существовать, члены этого общества должны знать чего им ожидать друг от друга, таким образом были разработаны нормы, правила и ожидания, которые предусматривают регуляцию общественной жизни, контролируют поведение членов общества и дают им защищенность. Эти нормы, или иначе сказать - ожидания общества, разделяют на три категории:

Внешность - подразумевает социальные ожидания общества, предусматривающие соответствие обстоятельствам стили одежды, косметики и пр. от каждого члена общества.

Манеры, или стили и способы поведения, имеется в виду способы самовыражения (*речь*, невербальная коммуникация, индивидуальные стили поведения (основывающиеся на расовых, возрастных и половых стереотипах поведения), стили поведения соответствующие группе, в которой находится индивид в данный момент.

Правила поведения, предусматривающие поведение человека в различных жизненных ситуациях, куда относятся правила полномочий (что можно делать), правила ответственности (определяющихся обязанностями), правила вежливости (проявляющимся в уважении к окружающим).

Эти повседневные правила — есть правила всех людей, и мы ждем исполнения этих правил от каждого члена общества. К не выполняющим эти правила относятся с подозрением, исключают их из групп, избегают их, а порой заключают в тюрьму.

Отношение к девиантным (отклоняющимся) видам поведения зависит от того, как их рассматривает общество, как угрожающее или как развлечение. Таким образом, можно говорить, что девиантное поведение это не отрицательное действие, как это часто понимают, девиация

определяется как действие, несоответствующее ожиданиям общества.

Данная форма поведения наиболее характерна для подростков, как способ выделения себя из мира детей, как способ рассказать о себе миру, через негативизм и отрицание мира взрослых ребенок приходит к взрослой жизни и становится полноправным членом этого общества.

И.С. Кон определяет девиантное поведение «как систему поступков, отклоняющихся от общепринятой или подразумеваемой нормы, будь то нормы психического здоровья, права, культуры или морали». Но норма не остается неизменной, она изменяется вместе с человечеством. Например, нельзя назвать девиантным поведением сожительство. А вот в какую сторону движется человечество, в сторону регресса или прогресса, — это зависит от общества.

Девиантное поведение в свою очередь разделяют на более частные понятия, это аддиктивное и делинквентное поведение. Аддиктивное поведение (пагубная привычка, пристрастие) — к такому поведению относится употребление наркотических веществ, алкоголя, беспорядочная половая жизнь, то есть все, что может нанести непосредственный вред организму. В аддиктивном поведении присутствует аутоагрессивный компонент, который способствует саморазрушению личности. Делинквентное поведение (противоправное) возникает, когда речь идет о нарушении прав и законов, существующих в обществе.

Делинквентным поведением было предложено обозначать мелкие правонарушения и поступки, не достигающие преступления (криминала), наказуемого в судебном порядке. Delinquo — с латинского — провиниться, ошибиться.

Делинквентность обычно начинается со школьных прогулов и приобщения к асоциальной группе сверстников. За этим следуют мелкое хулиганство, издевательство над младшими и слабыми, отнимание у них мелких карманных де-

нег, угон с целью покататься велосипедов и мотоциклов, которые потом бросаются где попало. Реже встречаются мелкое мошенничество, вызывающее поведение в общественных местах. К этому могут присоединяться домашние кражи денег. Все эти действия не носят характера серьезных преступлений.

Делинквентность является наиболее ярким проявлением поведения неустойчивого типа психопатий и акцентуаций характера. Она встречается также при гипертимной и истероидной психопатии и акцентуации. У эпилептоидов и шизоидов делинквентность чаще приходится видеть, когда девиация характера достигает степени психопатии. Иногда делинквентное поведение может встречаться у эмоционально лабильных подростков в условиях эмоционального отвержения и безнадзорности. Другим типам психопатий и акцентуаций характера, особенно сенситивному и психастеническому, делинквентность несвойственна.

Мотивы одних в тех же делинквентных поступков могут быть различными в зависимости от акцентуации характера. Кражи для неустойчивого подростка — прежде всего путь раздобыть средство для развлечений и удовольствий. При гипертимной акцентуации кража может носить престижный характер — хочется показать приятелям свою смелость, упрочиться в роли лидера. У шизоидов встречаются кражи во имя «восстановления справедливости», для того, чтобы пополнить собираемую коллекцию и т.п. Для эпилептоида само чувство риска («холодок») в момент совершения кражи может доставлять трудно описываемое наслаждение, хотя ценность похищаемого привлекает прежде всего.

И. С. Кон подразделяет девиантное поведение на две большие категории: поведение, отклоняющееся от нормы психического здоровья, подразумевающее наличие явной или скрытой психопатологии и антисоциальное поведение, нарушающее какие-то социальные и культурные нормы, особенно правовые. А так же разделяет делинквентное и преступное поведение. Чем тяжелее делинквентное поведение подростка, тем вероятнее, что он будет продолжать его и взрослым. Однако статистическая средняя делинквентность у большинства подростков с возрастом прекращается. Авторы множества концепций отмечают эту особенность девиантного поведения.

В. В. Ковалев отрицает наличие психических заболеваний у подростков с девиантным поведением, говоря о том, что совершение антиобщественных действий осуществляется под влиянием совокупности факторов, а потому не могут рассматриваться в качестве симптома или синдрома психической болезни.

В настоящее время не существует единого подхода к изучению и объяснению девиантного поведения. Ряд исследователей, велел за Дюркгеймом, считают, что при нормальных условиях функционирования социальной организации девиантное поведение встречается не так уж часто, ко в условиях социальной дезорганизации, когда нормативный контроль ослабевает, возрастает вероятность проявлений девиаций. К таким ситуациям: можно отнести стресс, внутригрупповые и межгрупповые конфликты, резкие изменения в обществе.

В рамках теории аномии, девиантное поведение растет, если при наличии общих целей, социально одобряемые средства достижения этих целей доступны не всем, а для некоторых людей или социальных групп они вообще недоступны. С позиции концепции социализации, лицами с девиантным поведением становятся люди, социализация которых проходит в среде, где факторы, предрасполагающие к такому поведению (насилие, аморальность и т. п.), считаются нормальными или общество относится к ним достаточно лояльно. Согласно популярной в 60-х гг. концепции стигматизации, отклонение в поведении является следствием негативной социальной оценки, «наклеивания» на индивида ярлыка «девиант» и последующего стремления изолировать его, исправить,

вылечить и т. п. Подобное поведение общества по отношению к индивиду скорее усугубляет формирование девиантного поведения, но никак не является причиной его возникновения.

Изучая в течении двух лет группы подростков с девиантным поведением William J. Chambliss выявил закономерность между отношением общества к действиям подростков и устойчивым противоправным поведением. Он отмечает, что в зависимости от социального положения родителей подростков (средний и низший класс), действия последних определялись либо как детские шалости (что позволило впоследствии данной группе подростков быть успешными и их поведение приобрело транзисторный характер), либо как серьезные нарушения против общества, эту группу детей изначально записали в злостные нарушители, что, по мнению автора, помогло приобрести их действиям характер устойчивого противоправного повеления. Таким образом, William J. Chambliss приходит к выводу о том, что на уровень я силу выраженности девиантного поведения, а так же на формирование устойчивого девиантного (противоправного) поведения влияет общество.

А.Е. Личко среди причин делинквентного поведения называл недостатки воспитания: неполная семья, наличие отчима или мачехи, гипопротекция, лишение семейной опеки.

А. М. Johnson и S. A. Szinek отмечают, что антисоциальное поведение подростка бессознательно культивируется родителями, которые удовлетворяют таким образом свои побуждения, противоречащие нормам поведения. При этом родители получают удовлетворение вследствие враждебного отношения к ребенку, совершающему правонарушение. В результате у несовершеннолетних создается дефект совести, который, согласно психоаналитическим воззрениям, относится к области *Супер-эго*.

Классический психоанализ рассматривает совершение преступлений и иных антиобщественных действий как результат бессознательного стремления подростка подвергнуться наказанию за противоречащие принятым нормам влечения и действия (сексуальное влечение к матери, онанизм и т. д.); таким образом, подросток пытается отреагировать чувство вины. А. Фрейд утверждает, что проблемы, возникающие в подростковом возрасте, обусловлены усилением *Оно* я ослаблением *Я*. Либидозная энергия плещется в организме подростка, отражаясь на его поведении, деятельности и характере взаимоотношений с окружающими сверстниками и взрослыми. Страх перед внешним миром, характерный для предыдущего возрастного периода уступает страху тревоги *Сверх-Я*, тревоги сознания и чувству вины. В распоряжении *Оно* имеется большое количество либидо, и оно, не делая различий, насыщает либидозной энергией все доступные импульсы *Оно*. Агрессивность становится неуправляемой, а непослушание латентного периода превращается в подростковое криминальное поведение. L.T. Broadwin утверждает, что корни мотивации противоправных действий находятся полностью в сфере бессознательного. Попытка убить другого человека расценивается как символический акт самоубийства (инстинкт смерти).

Тем не менее, нужно отметить, что подростковый возраст — это становление самосознания и самоконтроля человека, то есть последний этап социализации, а потому становление сознания и индивида влияет на его поведение не меньше, чем инстинкты, бессознательные импульсы и социальное окружение.

Самоконтролю принадлежит основная роль в социализации индивида и установлении социально приемлемых отношений с окружающими людьми. Основанием для самоконтроля служит самосознание. Полученные ис-

следователем результаты подтвердили, что отклонения в поведении подростков находятся в прямой зависимости от степени развития самосознания.

Кеплан связал девиантное поведение и пониженное самоуважение. В научной литературе есть четыре гипотезы, объясняющие эту связь: девиантное поведение способствует снижению самоуважения; низкое самоуважение способствует росту антинормативного поведения; при низком начальном самоуважении девиантное поведение способствует повышению самоуважения; кроме делинквентности важное влияние на самоуважение оказывают и другие формы поведения, значимость которых с возрастом меняется.

Кеплан нашел убедительные свидетельства в пользу второй в третьей гипотез: у подавляющего большинства подростков положительные оценки преобладают над отрицательными, причем с возрастом эта тенденция усиливается, самокритика, недовольство собой помогают преодолеть замеченные недостатки и тем самым повышают самоуважение. Таким образом, делает вывод Кеплан, низкое самоуважение положительно связано со всеми формами девиантного поведения. К такому же мнению приходит и Грановская, отмечая влияние низкого самоуважения на формирование асоциального поведения. Девиантное поведение является саморазрушающим, это «антитеза личностному росту», которое отмечается тенденцией к регрессу, возникновению и фиксации механизмов психологической защиты, нарушением созревания когнитивных структур.

Во время пубертатного криза девиантное поведение почти всегда содержит аутоагрессивный компонент как в виде аддиктивного поведения, так и антисоциального, индиквентного поведения — отмечают И. Е. Бутерина и Е. Д. Дедков.

Аддиктивное поведение — «пагубная привычка, страсти»; это не болезнь, а нарушение поведения, которое может привести к формированию физической зависимости. В основе закрепления аддиктивного поведения, Д. Д. Исаев выделяет следующие модели:

- Релаксационная (расслабиться, снять напряжение).
- Коммуникативная модель. В основе — неудовлетворенность потребности в общении (такая модель характерна для психастенического, сенситивного и шизоидного типа).
- Активирующая. Внутренняя неуверенность преодолевается за счет принятия психоактивных веществ, появляется уверенность, бесстрашие раскованность.
- Гедонистическая модель. Цель употребления — получить удовольствие (характерно для гипертимных и неустойчивых акцентуантов).
- Конформная модель — желание не отставать от группы, быть принятым в ее ряды (в основе лежит любопытство и стремление подражать).
- Манипулятивная модель. Способ манипулировать другими, попытка изменить ситуацию в свою пользу, возможность покрасоваться перед сверстниками (истероидный тип акцентуации), овладеть ситуацией и подчинить себе группу (эпилептоидная акцентуация), получая большую активность завладеть инициативой и проявить лидерские способности (гипертимная акцентуация).
- Компенсаторная модель (психастеники, сенситивы, астеноневротики).
- Аддиктивное поведение можно рассматривать как псевдоадаптивный стереотип, направленный на поддержание внутреннего психоэмоционального равновесия и приспособления к внешним условиям у подростков со стремлением к легкому и быстрому достижению удовольствия, незрелостью механизмов копинг-поведения, низкой стрессоустойчивостью.

Особенности акцентуаций характера играют вспомогательную, иногда предрасполагающую роль в формировании аддиктивного поведения. В качестве примера можно привести распределение мотивов употребления наркотиков среди подростков. На первом месте стоят причины, связанные с по-

вышенным интересом к чему-то новому, к необычным состояниям (75,6 %). Далее следуют социальные причины — «друзья делают это», влияние средств массовой информации, ориентация общества (18,7 %). Таким образом, можно говорить о том, что девиации в поведении — это своеобразные механизмы защиты, которые, будучи примененными один раз, получили положительное подкрепление в стали стереотипом поведения.

Девиантное поведение у подростков может возникать и на почве депрессивного расстройства. Оно проявляется во внезапно начавшемся и ранее не свойственном нарушении поведения. Подросток становится угрюмым и озлобленным, начинает грубить старшим, особенно родным и учителям, проявляет непослушание, действует «всея наперекор», причем явно нанося ущерб себе, забрасывает занятия, прогуливает, слоняется без дела, и, наконец, оказывается в уличной асоциальной компании. На всех поступках лежит печать отчаяния, настоящего удовольствия от похвалений не получает. Такие подростки могут участвовать в

серьезных правонарушениях. Проявляют интерес к алкоголю и наркотикам.

Агрессия обращается на близких, воспитателей, и особенно на благополучных сверстников, и легко может смениться аутоагрессией с нанесением себе повреждений и суицидными попытками. Такие подростки нередко отрицают угнетенное состояние, наличие неприятностей, трудностей, мысли о собственной неполноценности, ненужности. Подросток ведет себя так, как будто ищет наказания. Затаенное в душе представление о себе как о плохом, толкает подростка на делинквентные поступки, а содеянное убеждает в правоте своих мыслей, что еще больше усугубляет депрессию, усиливает чувство одиночества, оторванности, неприкаянности, что, в свою очередь, снова толкает на агрессивность.

При маниакальных состояниях делинквентное поведение проявляется во внезапно возникшем в безудержном желании поиска новых ощущений, развлечений, новых знакомств. Домашняя обстановка, привычный круг общения становится тесным и скучным, а систематический труд непереносим. Они устремляются на улицу, быстро оказываются в асоциальных компаниях, тянутся к выпивке, начинают сексуальную жизнь, часто меняя сексуальных партнеров. Порою вообще уходят из дома и ведут бродяжнический образ жизни. Тяга к риску, приключениям, толкает их на правонарушения, которые совершаются группой. По прошествии нескольких недель поведение круто меняется — они возвращаются в семью, к учебе, становятся дисциплинированными, не могут объяснить толком прежних поступков, а иногда даже обнаруживают признаки депрессий.

Таким образом, можно выделить ряд детерминант, влияющих на формирование отклоняющегося поведения. Разделим их условно на три группы.

К первой группе относятся социальные детерминанты, в число которых входит обстановка в обществе и уровень его развития (с изменениями в обществе, на переходных этапах его развития повышается уровень преступности в целом и среди несовершеннолетних), материальный; достаток населения, социальный статус материальное положение семьи и ближайшего окружения (социализация индивида в среде с предполагающимся асоциальным поведением, одобряющим или лояльно настроенным к нему).

Ко второй группе относятся социально-психологические факторы, к которым мы относим семью: типы воспитания и состав (неполная семья, недостатки воспитания, отсутствие эмоциональной привязанности внутри семьи), и референтную группу, к которой принадлежит подросток, а так же взаимоотношения с другими

взрослыми и незнакомыми. К третьей группе относятся психологические особенности подростков: акцентуации характера (наличие ярко выраженных акцентуаций характера у подростков, самооценка и уровень самоуважения подростка). Важно отметить, что тип акцентуаций характера зачастую несет временный, транзиторный характер и его влияние на поведение индивида со временем уменьшается. Так же надо обратить внимание на то, что девиации в поведении могут проявляться как

защитные механизмы, которые, будучи примененными один раз, получили положительное подкрепление и стали стереотипом поведения. Именно в подростковом возрасте проявляется отклоняющееся поведение и акцентуация характера, актуальным представляется рассмотреть особенности развития подростков.

Сахиева Р.Г., Ибрагимова Н.В. (Актюбинск)
СОЗДАНИЕ УМК В УСЛОВИЯХ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ
БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ-ПСИХОЛОГОВ

Как реакция на динамизм изменений в современном обществе, возрастание роли личности во всех протекающих процессах сформировалась новая парадигма развития образования, которая получила название «обучение в течение всей жизни». Она предполагает «включение» каждого человека в непрерывный процесс получения знаний, формирования ценностей, отношений и компетенций. Новая парадигма развития образования предъявляет особые требования к личности педагога-психолога, его профессиональной компетентности, вносит существенные изменения в цели и содержание профессиональной подготовки будущих педагогов-психологов, предполагает совершенно иные технологии и формы организации образовательного процесса.

Относительно новой формой профессиональной подготовки в современных условиях является дистанционное образование. Дистанционное образование (ДО) – это процесс получения знаний, умений и навыков с помощью интерактивной специализированной образовательной среды, основанный на использовании модульных программ обучения и новейших информационных технологий, обеспечивающих обмен учебной информацией на расстоянии и администрирования учебного процесса.

Основными отличительными характеристиками дистанционного образования являются:

1. Дистанционное образование предоставляет возможность проходить обучение в удобное время, не покидая места жительства, не прерывая процесса производственной деятельности, в темпе, соответствующим образовательным возможностям обучающегося.

2. Дистанционное образование обеспечивает широкий доступ к отечественным и мировым образовательным ресурсам.

3. ДО дает возможность обращения к различным источникам учебной информации.

4. ДО предоставляет учебный материал в концентрированном виде, что повышает эффективность ее усвоения.

5. Дистанционное образование способствует формированию и развитию творческого и интеллектуального потенциала личности, самостоятельности в обучении, повышает ответственность за его результаты.

Внедрение дистанционного образования в учебном заведении, создание и развитие высококачественной информационно-образовательной среды представляет собой технически непростую и дорогостоящую задачу. Высокое качество учебно-методических материалов, подготовка лабораторных компьютерных практикумов, компьютерных обучающих и тестирующих программ, электронных курсов и др. требуют больших финансовых и временных затрат на их создание и экспертизу, опыта и квалификации персонала. Для внедрения и эффективного функционирования дистанционного образования, кроме финансовых вложений, необходимо его обеспечение с учебно-методических и организационных позиций. В связи с этим, одним из важных аспектов организации дистанционного образования является разработка учебно-методических комплексов по различным дисциплинам.

Учебно-методический комплекс – совокупность учебных и учебно-методических материалов для изучения студентами дисциплины. Разрабатывается он профессорско-преподавательским составом на основе требований ГОС,

учебного плана и рабочей программы учебной дисциплины по специальности.

Общими требованиями разработки УМК являются: цели, задачи, принципы и содержание УМК должно соответствовать Государственному стандарту высшего профессионального образования;

УМК и его элементы должны разрабатываться на основе закона Российской Федерации «Об образовании»;

УМК и его элементы должны учитывать общую идеологию федеральной, региональной (разных уровней) политики и содействовать развитию региональной системы образования.

Основными принципами разработки и использования УМК являются:

принцип доступности – предполагает определение степени теоретической сложности и глубины изучения учебного материала;

принцип проблемности – предполагает возрастание мыслительной активности обучающихся в процессе обучения;

принцип наглядности – предполагает необходимость учета чувственного восприятия изучаемых объектов, их макетов или моделей;

принцип сознательности обучения – предполагает обеспечение самостоятельных действий обучаемых по извлечению учебной информации при четком понимании конечных целей и задач учебной деятельности;

принцип систематичности и последовательности обучения – означает обеспечение последовательного усвоения обучающимися определенной системы знаний в изучаемой предметной области;

принцип прочности усвоения знаний – предполагает глубокое осмысление учебного материала и его рассредоточенное запоминание;

принцип единства образовательных, развивающих и воспитательных целей.

При разработке УМК можно предложить преподавателям следующие общие методические рекомендации:

- провести четкую и глубокую структуризацию УМК и его элементов, дробление учебного материала на небольшие, легко воспринимаемые порции информации;

- тщательно выверить текст на наличие ошибок и дефектов;

- правильно и в разумных пределах использовать нумерацию элементов учебного материала, а также маркеров;

- активнее применять интересные и точные заголовки;

- шире использовать примеры, так как с их помощью можно приблизить объясняемое (предмет, явление, процесс) к обучаемому;

- повысить степень умственной активности и усвоения учебного материала обучающимися, используя различные формы наглядности, которые не только дополняют словесную информацию, но и сами выступают носителями информации.

Внедрение в учебный процесс дистанционного обучения предполагает изменение функций преподавателя от

информирующей к координирующей и консультирующей, что в свою очередь предполагает повышение познавательной активности и самостоятельности студентов.

Сербина Л.Н. (Москва) «ВСПЫШКИ-ЗАИГРЫВАНИЯ» В ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Все пуговицы, все блохи, все предметы что-то значат. И неспроста одни ползут, другие скачут. Я различаю в очертаниях неслышимый разговор: О чем-то сообщает хвост, на что-то намекает бритвенный прибор. Тебе следку подали. Ты рад. Но не спеши ее отправить в рот. Гляди, гляди! Она тебе сигналы подает. "Озарение" Н. Олейников, 1932

Процессуальная работа, так еще называют процессуальный подход в психологии, имеет под собой фундамент простых, но эффективных теории и практики, разработанных в последние четверть века Арнольдом и Эми Минделл, а также их коллегами в Швейцарии, США, и других странах. Уходя корнями в аналитическую психологию Юнга, даосизм и физику.

Процессуальная психология – это широкий и разносторонний подход, который включает в себя работу со своими внутренними переживаниями, с хроническими симптомами, разрешением конфликтов, работу с взаимоотношениями. Арнольдом Минделлом было сделано открытие, что сновидения случаются не только ночью, но что сновидческий процесс сновидит в теле в данный момент – и то, как человек говорит, как движется, какие чувства испытывает и как если наблюдать за этим, то можно поймать его сновидение.

В своей работе, своих книгах Арнольд Минделл показывал, как можно использовать мимолетные, исчезающие, еле уловимые, похожие на вспышки акты восприятия для получения доступа к Сновидению и более полного понимания ваших снов. Он называет эти восприятия «вспышками-заигрываниями» они представляют собой «предсигналы», и их легко упустить из вида.

Современная психология определяет Восприятие как отражение человека предмета или явления в целом при непосредственном воздействии его на органы чувств. Восприятие, как ощущение, связано, прежде всего, с тем анализаторным аппаратом, через который окружающая действительность воздействует на нервную систему человека. Можно сказать, что это совокупность ощущений. И восприятие предмета как сложного объекта требует аналитико-синтетической функции мозговых отделов анализаторов. Восприятия бывают различных видов, форм и размеров.

Как правило, предмет как целое, выделяется на фоне всех других вещей и часто выделяемый предмет, явление или ощущение, из множества других, уже знакомых человеку и он снова и снова выбирает его. Продолжительность такого восприятия бывает более длительное, и такой предмет или явление легко определить и назвать, чем другое продолжительностью доли секунды – «вспышки-заигрывания» - так они называются в процессуальной психологии.

«Вспышки-заигрывания», это те быстрые и воображаемые взаимодействия, которые возникают между наблюдателем и наблюдаемым. Это едва заметные предсигналы, которые происходят слишком быстро, в мгновение ока – подобно тому, как мигает электрическая лампочка, включаясь и выключаясь. Мимолетный характер этих сигналов как будто кратковременная вспышка и на них очень трудно сосредоточиться и легко упустить из

виду. Этот сигнал как бы заигрывает с вами, захватывая ваше внимание. Это некое грезоподобное взаимодействие между наблюдателем и наблюдаемым. Минделл вспоминает австралийских аборигенов, живущих в своей естественной среде, что абориген «мог бы воспринимать дерево, как обладающее способностью захватывать его внимание, «заигрывать» с ним, так что его тянет взглянуть на дерево. Дерево как бы подмигивает вам, и тогда, вследствие этого заигрывания, вы обнаруживаете, что вас тянет на него взглянуть. Согласно представлениям аборигенов, объекты обладают способностью захватывать наше внимание, заигрывая с нами, прежде чем мы на них посмотрим». Эти переживания двухсторонние и кажутся не имеющими смысла и смутными, чтобы быть важными. Они похожи на сновидения из страны грез, не всегда сознательный ум может вспомнить о них. Они случаются так быстро, что вы легко можете забыть о них. Вспышки-заигрывания представляют собой «эфемерные» чувства, мысли, и ощущения, которые быстро возникают и проходят. У нас нет точного представления об их содержании и значении.

Но наше тело может реагировать на «вспышки - заигрывания»: это могут быть внезапные вздохи, изменение глубины, ритма дыхания или другие еле заметные, быстрые сигналы как вздрагивание, движения глаз, бровей. Можем издать слабый звук, который может выражать некое удивление или возмущение. Чтобы воспринимать эти сигналы, необходима определенная натренированность в ловле этих заигрываний. Минделл советует: «Чтобы ловить эти вещи, вам нужно быть по-настоящему проворным и обладать осознанностью, и вы должны находиться в особом, ясном состоянии сознания. Вам нужно быть проворным как кошка, выматривающая мышь». Это отличный способ для того что - бы найти Сновидение и ту силу, которая выражает Себя. Заигрывания могут рассказать о Вас самих много интересного и неожиданного.

Заигрывания всегда происходят вокруг нас – это как живое сновидение. Утром, просыпаясь, мы не всегда помним сны, которые нам приснились минувшей ночью, но эти внезапные восприятия происходят всегда. Если быть проворным, как кошка, то можно терпеливо сидеть у норки и ждать, наблюдать, когда появится мышь, а потом поймать эту «вспышку-заигрывание».

Преимущество работы с заигрываниями состоит в том, что они всегда налицо; они – живое Сновидение. Людям не всегда снятся сны, но эти внезапные восприятия происходят всегда. Сначала имеется своего рода тенденция, затем наше внимание привлекает какое-либо заигрывание. Если мы улавливаем эти мимолетные и еле заметные предсигналы, то они разворачиваются в образы сновидения и, в конце концов, в реальность и сознание. Но если мы игнорируем эти послания, которые возникают в виде мимолетных заигрываний и вспышек переживаний, то они вытесняются, и мы забываем сущность своих переживаний, и тогда в общепринятой реальности обыденное сознание затмевает то, что возникает из предсигналов.

Как поймать «вспышку-заигрывание»? Попробуйте сделать такое небольшое упражнение:

Устройтесь в удобной для вас позе. Закройте глаза. Сделайте несколько глубоких вдохов и выдохов. И когда почувствуете, что вы готовы позволите свои глазам открыться. Теперь медленно оглядитесь вокруг, и, используя внимание «проворной кошки», поймите, что первое привлекло ваше внимание. Это может быть все что угодно, на чем вы сосредоточились: предмет, человек, фактура материала, цвет, явление, событие, звук. Если вы выбрали несколько вещей, то выберете то, что больше всего привлекло вас.

Сосредоточьтесь на этом объекте и какое-то время удерживайте на нем внимание. А теперь медленно переместитесь в него и попробуйте представить, что вы и есть этот объ-

ект. Попробуйте сделать выражение лица как у этого объекта, подвигайтесь, как он двигается, издайте его звук. Возможно, проявился какой-то персонаж, то дайте ему имя и сделайте запись об этом объекте, нарисуйте его.

Исследуйте, что мог бы представлять этот персонаж? Подумайте о том, как этот персонаж может быть интегрирован в вашу жизнь?

Важно не игнорировать эти послания, которые возникают в виде мимолетных заигрываний и вспышек, а наблюдать и тогда через вспышки-заигрывания мы можем открывать новые возможности, состояния и тайны жизни. Это двери в мир сновидений.

Сербина Л.Н., Сукманюк А.Н. (Москва)
ЗАНЯТЫЕ И НЕ ЗАНЯТЫЕ КАНАЛЫ В ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ РАБОТЕ И РАБОТЕ С ИЗМЕНЕННЫМИ СОСТОЯНИЯМИ СОЗНАНИЯ

В нашей жизни чаще всего мы используем визуальный, зрительный канал. Много информации, которую мы обычно получаем и осознаем, поступает к нам по зрительному каналу. Если говорить о телесных (проприоцептивных) переживаниях, то этот канал, который наименее развит у большинства из нас. Проприоцептивные переживания обычно не заняты нашим обычным осознанием. Эти переживания вытеснены из нашего восприятия. Мы не уделяем внимания температуре нашего тела, не концентрируемся на тех процессах, которые в нем протекают, на тех напряжениях, давлениях, легких покалываниях. Если в какой-то момент мы сосредотачиваемся на не занятом канале, таком например как телесный, то в какой-то момент мир замирает, останавливается, и мы попадаем в измененное состояние. Мы сосредотачиваемся и останавливаемся на тех переживаниях, которые происходят в теле. Намеренно чувствовать тело для нас непривычно, более привычнее - это «видеть» мир и его осознавать с помощью визуального канала.

Чувственное восприятие определяет, как тот или иной человек воспринимает и переживает свой мир посредством различных каналов чувств. Некоторые каналы в большей степени заняты нашим осознанием, тогда как другие каналы не заняты совсем. В обычной жизни мы более или менее осознанно пользуемся определенными каналами восприятия, вытесняя опыт, который мы можем получать по другим каналам. Мы можем воспринимать себя через посредство наших чувств зрения, слуха, ощущения, обоняния или движения. Для самоотжествления мы пользуемся лишь немногими из этих каналов. Каналы, которыми мы пользуемся намеренно, часто и сознательно, заняты нашим осознанием. Если мы не используем их намеренно, то эти каналы остаются не занятыми, хотя мы можем ими пользоваться, но мы не используем их намеренно, мы попросту не обращаем на них внимания.

Когда человек сосредотачивается на чувственном восприятии, которое не используется им сознательно, то возникает измененное состояние сознания. Измененные состояния сознания имеют прямую связь с каналами восприятия. В процессуальной работе используется шесть основных каналов восприятия: визуальный, слуховой, кинестетический (движение), проприоцептивный (телесные ощущения), отношения, мировой (и много других сенсорных каналов, обонятельный, вкусовой, духовный и т.д.)

Если мы сосредотачиваемся на занятом канале, то это дает нам ощущение чего-то привычного. Если мы сосредотачиваемся на не занятом канале, то у нас возникает странное, снопоподобное, неясное чувство.

Занятые и не занятые каналы наиболее явно представлены в процессуальной работе и работе с измененными состояниями сознания.

В последние четверть века Процессуальная психология или как ее еще называют, процессуальная работа, начала развиваться и продолжает свое развитие и по

сей день в Швейцарии, США, и в других странах. Уходя корнями в аналитическую психологию Юнга, даосизм и физику, процессуальная работа исходит из положения, что решение проблемы содержится в самом нарушении, которое она вызывает. Процессуальная работа развилась во всестороннюю психотерапевтическую систему, предназначенную для работы со всем спектром человеческого опыта и в том числе и с измененными и крайне экстремальными состояниями сознания, с зависимостями.

Арнольд Минделл, основатель процессуальной работы, говоря о разнице в подходе в восточной медитации и западной психотерапии, подчеркивает, что западная терапия более экстравертирована в своем отношении к индивидууму, чем восточные подходы. Восточный подход наоборот более интровертирован и большинство процедур медитации привлекают нас и влияют на поведение, изменяя наше состояние осознания.

Более углубленный интровертированный подход, направленный на более внимательное отношение к своим ощущениям и чувственным переживаниям позволяет улавливать момент перехода от обычных для нас состояний к измененным состояниям сознания, посредством смены канала восприятия.

Один из основателей американской психологии **Уильям Джеймс / W. James [1842-1910]** писал в начале XX века: *«Наше нормальное бодрствующее сознание, разумное сознание, как мы его называем, - это не более, чем один особый тип сознания, в то время как повсюду вокруг него, отделенные от него тончайшей преградой, лежат потенциальные совсем другие формы сознания. Мы можем прожить жизнь и не подозревая об их существовании; но стоит применить уместный стимул, - и они появятся во мгновение ока и во всей полноте - определенные умонастроения, которые, возможно, где-то могут быть применены и приспособлены».*

В устоявшихся взглядах на ИСС лежат представления о сознании как об аспекте, стороне психической реальности. Принципиальным отличием сознания от других сторон психики является его самообращенность, осведомленность о себе, что выделяется как рефлексивность сознания. В этой осведомленности мы думаем, желаем, определяем свои намерения и цели. В качестве центрального содержания рефлексии представлены значения и смыслы. В рефлексивном обращении к ним рождаются новые значения и смыслы, новые связи, происходят их взаимные логические и творческие трансформации, рефлексия влечет за собой сновидения, фантазию и ответственна за критичность и адекватность восприятия и осмыслений.

Значения и смыслы тесно связаны в символических, знаковых, образных и речевых выражениях, функционально присутствуют в чувственной ткани психики и предметной ткани деятельности. Рефлексия постоянно поддерживает тематическую и жизненную активность,

переводит потенциальное в психике в актуальное, а наши возможности в способности и новые представления.

В человеческой реальности, как подчеркивают исследователи, всегда есть значительный потенциал для

новых миров самореализации, творчества и самоопределения.

Соколова И.Ю., Андриенко А.В. (Томск)
РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ШКОЛЫ И ВУЗА

Одной из основных задач системы образования является развитие личности, ее потенциальных возможностей, интеллектуальных способностей и личностных качеств, в оценке которых большое значение имеет диагностика.

Диагностика индивидуально-психологических особенностей школьников 6-11 классов школ г. Красноярска была проведена с целью:

учета этих особенностей учителями при организации учебного процесса, направленного на активизацию и повышение эффективности учебно-познавательной деятельности учащихся;

определения потенциальных возможностей учащихся с последующей организацией обучения, способствующего развитию их интеллектуального потенциала, различных интеллектуальных и других способностей;

установления педагогически целесообразных отношений с учащимися, способствующими их оптимальному психическому состоянию и активной познавательной деятельности;

анализа результатов диагностики для последующих рекомендаций по разработке технологий и методов обучения, обеспечивающих не только формированию знаний, умений и навыков, но и развитие интеллекта, личности учащегося в целом;

выявления склонностей школьников к предметной и профессиональной деятельности.

Результаты диагностики индивидуально-психологических особенностей более 500 учащихся двух школ г. Красноярска свидетельствуют о следующем.

1. В соответствии с функциональной симметрией-асимметрией полушарий головного мозга у 47% школьников 6-11 классов выражен художественно-мыслительный тип личности, у 40 – 49 % – мыслительно-художественный и лишь у 4– 13 % в большей степени выражен мыслительный тип личности.

2. У 64 – 66 % учащихся преобладает эмоционально-неустойчивый (высокий уровень нейротизма) тип нервной системы, среди которых у 23– 24 % уровень нейротизма составляет 20–24. Только 34 – 36 % учащихся имеют средний и ниже среднего уровень нейротизма – эмоционально-устойчивую нервную систему.

3. У большинства учащихся 6 – 8 классов выражены акцентуации характера по различным типам и заниженная самооценка, о чем свидетельствуют данные, приведенные в таблице 1.

4. У 37% учащихся 6 – 8 классов заниженная самооценка, что снижает их активность, способствует проявлению неуверенности и т.д.

5. При достаточно высоком уровне развития образного мышления у большинства учащихся 11 классов низкий уровень развития пространственного мышления, средний уровень развития логического мышления, чаще средний уровень развития общего интеллекта.

6. Выполнение теста «Конструктивный рисунок человека» свидетельствует о потенциальных возможностях школьников 6 – 11 классов к деятельности в разных сферах в качестве изобретателей, конструкторов, художников, ученых, ответственных исполнителей, руководителей, педагогов.

7. По другим проективным тестам у учащихся проявляется целеустремленность, в большей степени

самостоятельность, чем подверженность влиянию других, стремление к достижению целей и т.д.

В целом можно сделать вывод о том, что учащиеся разных классов обладают достаточными потенциальными возможностями для успешного обучения в школе по разным предметам, но процесс обучения недостаточно ориентирован на развитие интеллектуальных способностей школьников, пространственного мышления в частности, высокий уровень развития которых может способствовать успешному обучению в вузе.

Анализ результатов диагностики индивидуально-психологических (личностных и интеллектуальных) особенностей школьников 6 – 11 классов позволил сделать рекомендации относительно организации образовательного процесса, направленного на реализацию потенциальных, творческих возможностей и развитие интеллектуальных способностей школьников.

В связи с тем, что 47% учащихся с выраженной функциональной симметрией или асимметрией с преобладанием правополушарных функций головного мозга свойственно целостное восприятие мира, явлений, предметов и это не исключено у 40 – 49% школьников с преобладанием левополушарных функций (мыслительно-художественных типов), следует целесообразным представлять учебную информацию в обобщенной форме – крупными блоками. Например: в виде листов опорных сигналов, опорных конспектов по В.Ф.Шаталову, структурно-логических, информационно-логических схем, разрабатываемых и применяемых преподавателями по разным дисциплинам.

Такое представление учебной информации способствует не только ее эффективному восприятию и запечатлению, но и наглядному представлению связей между элементами целого, элементами знания. Организация учебного процесса с применением структурно-логических схем (СЛС), что теоретически обосновано и подтверждено экспериментально [2], обеспечивает реализацию в образовательном процессе основных психологических концепций обучения: обучение на основе принципа высокого уровня трудности; развитие психических познавательных процессов – восприятия, внимания, памяти, мышления, воображения, речи; образного и пространственного мышления; дедуктивно-индуктивного мышления с преимущественным развитием первого, проблемное обучение, формирование системы знаний.

В зависимости от свойств нервной системы, функциональной симметрии-асимметрии полушарий головного мозга (ФСА) у учащихся в процессе обучения формируются различные стили индивидуальной познавательной деятельности – когнитивные стили: импульсивность – рефлексивность, аналитичность – синтетичность, полнезависимость – полнезависимость и др. Причем у обучающихся обычно один из полюсов этих стилей более развит, чем другой. В связи с этим, для обеспечения эффективной познавательной деятельности учащимся следует представлять учебную информацию в соответствии с доминирующим полюсом когнитивного стиля. Например, обладателям рефлексивного стиля познавательной деятельности, связанного с инертной нервной системой следует представлять информацию зрительно, а импульсивным (подвижная нервная система) – представлять информацию на слух. Для освоения и переработки инфор-

мации школьнику, студенту необходимо выполнять задания-задачи способствующие как доминирующему полюсу когнитивного стиля, так и противоположному. Так, синтетикам необходимо больше анализировать информацию, аналитикам – проводить обобщение, синтез, что в процессе обучения разным дисциплинам будет способствовать развитию «мыслителя» и «художника» в каждом учащемся и развитию у школьников, студентов логического, образного, пространственного мышления, которое (по результатам наших исследований) значимо положительно ($r < 0,5$) коррелирует с логическим (коэффициент корреляции – 0,547), образным (0,470) мышлением и общим интеллектом (0,43), см. рис.1.

Если же преподаватель в учебном процессе не учитывает особенности когнитивных стилей учащихся – школьников, студентов, то тогда методика обучения должна предусматривать представление учебной информации крупными блоками и решение задач, связанных с переводом информации с языка образов (О) на язык знаков, символов (З) и наоборот, и в целом решение задач четырех типов: О – З; З – О; О – О; З – З.

При такой организации учебного процесса какие-то его элементы будут наиболее соответствовать особенностям когнитивных стилей того или иного учащегося. В этом случае, а тем более тогда, когда стиль обучения в большей степени соответствует стилю индивидуальной познавательной деятельности школьника, студента, обеспечивается эффективность учебного процесса, что способствует повышению качества обучения и развитию интеллектуальных, профессиональных, творческих способностей подрастающего поколения.

Проводимые нами исследования направлены на выявление личностного и интеллектуального развития учащихся в образовательном процессе школы и вуза, а также на установление взаимосвязей и влияния биологических и социальных факторов на развитие личности, на выявление потенциальных, творческих возможностей подрастающего поколения и создание условий для их развития в образовательном процессе.

Анализ результатов лонгитюдных исследований индивидуально-психологических (личностных и интеллектуальных) особенностей студентов – первокурсников технических и педагогического вузов позволил:

выявить влияние обучения в общеобразовательной школе на развитие личности учащихся – их интеллектуальных способностей, личностных качеств;

установить причины недостаточного качества обучения выпускников общеобразовательных школ. Основными из них являются – интенсификация учебного процесса, а не его эффективность, обучение без учета свойств нервной системы и функциональной симметрии-асимметрии полушарий головного мозга, которые определяют различия в восприятии и переработке информации учащимися, направленность обучения на развитие логического мышления (функций левого полушария) без одновременного развития образного мышления (функций правого полушария), что не обеспечивает высокого уровня развития пространственного мышления, интеллекта и доминирование идеалистического и аналитического стилей представления и решения стратегических, а не только тактических проблем и т.д.;

разработать мониторинг качества подготовки специалистов в вузе, способствующий развитию личности студента в образовательном процессе, развитию его интеллектуальных, профессиональных, творческих способностей, саморазвитию и самореализации [2].

установить корреляционные связи между биологическими, личностными и интеллектуальными особенностями студентов-первокурсников; уровнями развития интеллектуальных способностей студентов и успешностью обучения их в вузе, развитием их профессиональных спо-

собностей и интеллектуальных стилей – стилей представления и решения проблем, что значимо в любой сфере профессиональной деятельности [3].

Остановимся более подробно на результатах проведенного корреляционного анализа. Так, уровень развития **общего интеллекта** значимо положительно ($p < 0,05$) коррелирует с уровнем развития пространственного мышления (коэффициент корреляции – 0,33). При этом **пространственное мышление** связано с проявлением функций правого полушария (0,25), с образным (0,43), логическим мышлением (0,30) и общим интеллектом (0,20) [1].

Оценки в школьном аттестате по физике, алгебре, геометрии, географии значимо положительно коррелируют с **функциями правого полушария**, с уровнями развития образного, логического и пространственного мышления. С уровнем развития **пространственного мышления** коррелируют оценки по физике (0,34), геометрии (0,15), литературе (0,27), географии (0,26).

С функциями левого полушария значимо коррелируют оценки по физике, литературе, географии, с уровнем развития логического мышления – оценки по алгебре (0,36), геометрии (0,16), русскому языку (0,27), литературе (0,18).

Среди типов мышления (логического, интуитивного и совмещенного) – интуитивный значимо коррелирует с эмоциональностью (0,23), а совмещенный с уровнем развития логического мышления (0,29).

Типы личности по тесту Д.Голланда, значимо коррелируют:

интеллектуальный – с функциями правого полушария (0,30) и пространственным мышлением (0,29); **социальный** – с эмоциональностью (0,30), **конвенциональный** – с левым полушарием (0,25) и эмоциональностью (0,30); **предприимчивый** тип личности – с экстраверсией (0,39); **артистический** (эстетический) – с правым полушарием (0,16), образным мышлением (0,18) и экстраверсией (0,23).

Среди типов личности, выделенных с помощью теста «Конструктивный рисунок человека», значимо коррелируют с функциями левого полушария: «руководитель» (0,23), «ответственный исполнитель» (0,29), «ученый» (0,29); с экстраверсией – «руководитель» (0,34) и «тревожно-мнительный» (0,39).

Стили мышления – интеллектуальные стили, стили представления и решения проблем также оказались связанными с некоторыми особенностями темперамента и типами мышления: синтетический стиль значимо коррелирует с экстраверсией (0,21) и эмоциональностью (0,28), идеалистический с образным (0,26) и реалистический с логическим (0,28) мышлением.

Эмоциональность отрицательно коррелирует с результатами сдачи экзаменов первокурсниками по всем предметам – «математика» (- 0,23), «инженерная графика» (- 0,22), «химия» (- 0,25).

Результаты корреляционного анализа позволили сделать выводы:

пространственное мышление является одной из значимых интеллектуальных способностей, высокий уровень развития которой способствует успешному освоению различных предметных областей знания и успешной деятельности в разных сферах;

имеются корреляционные связи между индивидуально-типологическими особенностями студентов – свойствами нервной системы (темперамента), функциональной симметрией-асимметрией полушарий головного мозга, и их склонностями к профессиональной деятельности в качестве руководителя, ответственного исполнителя, исследователя;

установлены связи стилей мышления – стилей представления и решения проблем с особенностями тем-

перамента, функциональной симметрией-асимметрией полушарий головного мозга, с уровнем развития логического, образного и пространственного мышления.

Сопоставление результатов сдачи экзаменационной сессии первокурсниками с уровнями развития их интеллектуальных способностей показало следующее:

Общий интеллект статистически значимо коррелирует с результатами сдачи экзаменов студентами различных групп по инженерной графике (0,19-0,24), по математике (0,26-0,47), химии (0,32-0,35);

Уровень развития пространственного мышления также положительно связан с результатами сдачи экзаменов по инженерной графике (0,19-0,20), по математике (0,37-0,51), химии (0,35-0,37);

Аналитический стиль мышления значимо коррелирует с результатами сдачи экзаменов по инженерной графике (0,39), по математике (0,36), химии (0,37);

Проведенные исследования и корреляционный анализ их результатов позволяют сделать следующие выводы:

высокий уровень развития общего интеллекта, образного, логического и пространственного мышления значимо положительно связан с результатами

сдачи экзаменов первокурсниками технического вуза:

уровень развития интеллектуальных способностей студентов-первокурсников оказывает положительное влияние на их адаптацию в вузе;

для студентов с эмоционально неустойчивой нервной системой (высокий 20-23 уровень нейротизма) ситуация сдачи экзаменов часто является стрессовой, что негативно влияет на успешность их учебной деятельности.

Более поздние исследования и проведенный на их основе корреляционный анализ показал, что корреляционные связи между различными индивидуально-психологическими особенностями, характеризующими развитие личности школьников и студентов в процессе обучения по сравнению с ранее выявленными изменились незначительно. Но, у студентов-первокурсников технических и особенно педагогического вузов значительно снизился уровень развития пространственного мышления, общего интеллекта и все чаще стали проявляться в качестве доминирующих прагматический и реалистический стили мышления, которые позволяют решать только тактические, но не стратегические проблемы. Это можно объяснить все большей направленностью процесса обучения на развитие логического мышления без одновременного развития образного, вследствие чего только у нескольких студентов в группе оказывается сформированным средний уровень развития пространственного мышления, а у остальных – низкий, тогда как 10-12 лет назад у 3-4 студентов в группе был сформирован высокий уровень развития пространственного мышления, а у остальных – средний и выше среднего и доминирующими интеллектуальными стилями у многих были аналитический и идеалистический стили, обеспечивающие решение стратегических проблем.

Кроме того, по результатам проведенных исследований на выборке в 242 человека и корреляционного анализа установлены значимые положительные связи

предприимчивого типа личности с экстраверсией (0,46) и отрицательные с эмоциональностью (- 0,24), а также отрицательные связи с экстраверсией интеллектуального (- 0,21) и практического (-0,20) типов личности [2].

Результаты корреляционного анализа, отражающего связи интеллектуальных стилей с другими индивидуальными особенностями личности, в том числе с пространственным мышлением, представлены на рис.1.

Как видим, пространственное мышление значимо положительно коррелирует с функциями правого полушария (0,26), общим интеллектом (0,17), образным (0,47) и логическим (0,57) мышлением.

Интеллектуальный стиль – «Синтезатор» значимо положительно коррелирует с функциями правого полушария и эмоциональностью (0,33) и отрицательно с образным (- 0,12) и логическим (- 0,21) мышлением.

«Идеалист» значимо положительно коррелирует с правым полушарием (0,25), образным мышлением (0,26), эмоциональностью (0,33) и с Синтезатором (0,28), а также отрицательно коррелирует с левым полушарием (- 0,15).

Аналитический стиль мышления – «Аналитик» значимо положительно

коррелирует с правым полушарием (0,22), логическим (0,35), образным (0,36) и пространственным (0,36) мышлением, общим интеллектом (0,34), и отрицательно коррелирует с левым полушарием (- 0,22).

«Прагматик» значимо положительно коррелирует с левым полушарием (0,25) и экстраверсией (0,10) и отрицательно – с правым полушарием (- 0,25) и образным мышлением (- 0,23).

«Реалист» значимо положительно коррелирует с левым полушарием (0,32), логическим мышлением (0,12) и экстраверсией (0,34), а также отрицательно коррелирует с правым полушарием (- 0,32) и образным мышлением (- 0,13).

Таким образом, проведенные исследования и корреляционный анализ их результатов позволяют сделать вывод о необходимости возвращения к наличию, особенно в системах общего образования (как и в доперестроечном периоде) природосообразного обучения, ориентированного на учет возрастных психофизиологических особенностей учащихся и одновременное развитие функций левого и правого полушарий головного мозга. Это является, по нашему мнению, одним из основных условий подготовки высокообразованных конкурентоспособных специалистов с высоко развитым пространственным, системным мышлением – способностями устанавливать соотношения, связи и закономерности между предметами, объектами, явлениями окружающей действительности, у которых доминируют идеалистический и аналитический стили мышления, обеспечивающие решение стратегических проблем.

К сожалению, в настоящее время в связи со все большей направленностью учебного процесса на развитие только левого полушария, без одновременного развития правого и без учета возрастных психофизиологических особенностей учащихся, у многих выпускников школ и вузов зачастую доминируют прагматический и реалистический стили решения только тактических, ситуационных проблем.

**Стародубцева Г.А., Фролова О.П. (Иркутск)
ИЗМЕРЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ЛОЯЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ
ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ КОМПАНИИ**

В практике современного конкурентно насыщенного рынка труда перед работодателями остро стоят вопросы

диагностики и прогнозирования лояльного/нелояльного поведения сотрудников. Решение про-

блемы формирования организационной лояльности персонала также является одним из важнейших направлений

кадрового менеджмента в условиях гонки за качеством продукта, уровнем обслуживания клиентов, получения прибыли при производстве товаров. Решение данных задач на практике не всегда оказывается эффективным без решения кадровой политики. Многие российские компании, сталкиваясь с последствиями низкой лояльности персонала, высокой текучестью кадров, хищениями, утечкой конфиденциальной информации, снижением производительности и качества труда, падением трудовой дисциплины, пассивностью и пр.

Очевиден запрос практиков к науке в отношении изучения самого феномена организационной лояльности, ее психологических и социально-психологических механизмов, факторов влияния на лояльность персонала со стороны организации, ее руководства, внутренних детерминант лояльности, способов предупреждения и профилактики нелояльности.

"Организационная лояльность" (ОЛ) как научный конструкт социальной и организационной психологии еще мало изучен. Приходится констатировать, что сегодня не существует общепринятой научной концепции лояльности, развернутой модели ее структуры и механизмов, нет единого мнения о ведущих факторах лояльности, о технологиях управления лояльностью. Более того, исследователи лояльности продолжают полемизировать по вопросу о сущности и основном содержании организационной лояльности. Не всегда ясно, что именно надо измерять в эмпирических исследованиях, когда изучается лояльность. Весь этот круг научно-исследовательских проблем требует теоретических решений. Накопление же эмпирических фактов в данной области исследований позволит восполнить нехватку знаний о механизмах ОЛ для теоретического осмысления интересующего феномена.

Организационная лояльность составляет важный элемент организационного взаимодействия, как руководства, так и сотрудников. Во-первых, лояльность между руководителями организации определяет, с одной стороны, ее общую психологическую атмосферу, распространяясь на все ее уровни, с другой – начинает выступать как внутриорганизационная норма, формируя организационную культуру. Во-вторых, лояльность руководителей друг к другу позволяет быстро и эффективно решать любые проблемы. В-третьих, лояльность к персоналу является важнейшим организационным ресурсом, т.к. лояльность руководителя по отношению к сотрудникам вызывает ответный отклик в виде желания оправдать доверие, мобилизует все возможности работников и повышает проявление ответственности. Но это происходит далеко не всегда и не часто. В-четвертых, организационная лояльность сотрудников по отношению к организации, преданность ей будет действительна в том случае, когда руководство компании выстраивает системную, многоуровневую целенаправленную кадровую политику персонала в соответствии с корпоративной культурой компании. Кадровая политика является для организации своеобразным каркасом, который строится из системы управления персоналом, планирования кадровой работы, проведения маркетинга персонала, определения кадрового потенциала и потребности организации в персонале [1]. В свою очередь, организационная лояльность персонала – это такой социально-психологический феномен в организации, без учета которого, любая, даже самая усовершенствованная кадровая политика персонала не будет работать.

В связи с этим мы задались прикладной целью изучить наличный уровень организационной лояльности нескольких структурных подразделений производственно-предпринимательского подразделения с перспективой дальнейшего ее повышения в рамках оптимизации кадровой политики компании. Исследовательская цель – провести поисковое изучение явления на производстве для обнаружения научных "то-

чек роста", сформулировать проблему дальнейших изысканий. Главным эмпирическим предположением стало утверждение о существовании различий в организационной лояльности сотрудников структурных подразделений производственной компании, отличающихся по территориальному расположению и производственным задачам. Соответственно, решались задачи по теоретическому и методологическому обоснованию исследования ОЛ; подбору диагностического инструментария и замеру организационной лояльности в структурных подразделениях компании; сравнительному анализу выявленных уровней лояльности и интерпретации результатов.

Изучая уже имеющиеся теоретико-методологические источники по проблеме, обнаружено, что само понятие "лояльность" произошло от французского слова "loyal", что означает "верный". В русскоязычной литературе по организационной психологии и управлению персоналом используется несколько терминов, относящихся к обсуждаемому явлению, значения которых разделены нечетко. К таким терминам относятся лояльность, приверженность, преданность, благонадежность, верность, надежность. В иностранной (англоязычной) литературе для обозначения явления используется термин "commitment", который можно перевести как "обязательство по отношению к чему-либо или кому-либо". Одним из значений английского слова "commitment" является привязанность индивида к некоему образу действий, лицу или группе. Это явление изучалось социальными психологами на протяжении многих лет под разными названиями: сработанность, кастовый дух, сплоченность, равновесие, сотрудничество и другими. Словосочетание "organizational commitment" одним из первых употребил С. Барнард (C.I. Barnard) как устойчивую привязанность работников к своей компании. Привязанность выступает одним из измерений организационной эффективности. Синонимами этому понятию в русском языке являются приверженность, верность и преданность. В настоящее время в большинстве работ в данной области исследования в качестве переводного значения термина "organizational commitment" используется понятие "организационная лояльность", полнее всего передающее смысл, который в него вкладывается.

Среди зарубежных авторов в изучении ОЛ чаще встречаются поведенческий и установочный подходы. Отечественные исследователи подвергают пересмотру и адаптации зарубежные концепции (Б.Г. Ребузев), либо трактуют ОЛ с точки зрения безопасности (А.В. Ковров) и с эмпирических позиций (О. Батурина). С точки зрения безопасности, сотрудники рассматриваются как изначально нелояльные, а основные усилия направляются на выявление предпосылок нелояльного поведения, под которым подразумевается сознательное нанесение ущерба организации. К числу нелояльных действий относятся, помимо хищений и утечки информации, прогулы, систематические опоздания, частое и не связанное с выполнением служебных поручений отсутствие на рабочем месте (абсентеизм), работа "спустя рукава", пьянство и т.п.

Исследователь О. Батурина выделила ряд различий в понимании организационной лояльности между руководителями и сотрудниками, т.е. в зависимости от занимаемой позиции взгляды оказались различными. Так, с точки зрения сотрудников, лояльность – это просто положительное или нейтральное отношение к компании. Руководители же склоняются к тому, что лояльность – это преданность организации, выражающаяся в добросовестном выполнении всех поручений, а также в сложившихся в коллективе дружеских отношениях и присутствии командного духа. Часто ОЛ определяется как психологическое состояние работников, присвоение ими организационных целей, желание предпринимать личные усилия, вносить свой вклад как член организации для достижения

ее целей, а также оставаться ее членом. В связи с этим приверженность предполагает идентификацию и вовлеченность. Лояльность – это благонадежность по отношению к конкретному набору правил, чувство преданности по отношению к организации, способность и готовность смириться с одними требованиями и глубоко принять другие. Существует и другая точка зрения, что организационная лояльность является качеством социальным, возникающее при социальных взаимодействиях (при наличии и субъекта, и объекта общения).

Научный подход представлен собственными концепциями социальных и организационных психологов (Л.Г. Почебут, О.Е. Королева, В.И. Доминяк и др.). В целом они характеризуют организационную лояльность как социально-психологический феномен, проявляемый на аффективном, когнитивном и поведенческом уровне индивидуальности. Так В.И. Доминяк построил модель изучения ОЛ на концепции реализации ожиданий работника от своей организации и обнаружил, что лояльность работника по отношению к организации складывается из потенциальной и воспринятой лояльности, развивающиеся по S-образной кривой. Кроме того, ОЛ тесно связана с удовлетворенностью работой. На ее формирование не влияет ни пол, ни возраст работника, но влияет возможность реализации своих ожиданий, мотивы деятельности и самореализации [2].

На Западе проведено множество исследований, посвященных организационной лояльности работников. Различные определения лояльности в рамках исследований 1960-1980-х годов можно свести к трем основным направлениям: лояльность как положительная эмоциональная реакция на организацию, ее цели и ценности; лояльность как результат оценки потерь, связанных с оставлением организации; лояльность как ощущение обязательств оставаться в организации. Наиболее значимой работой того этапа были исследования Р. Моудэй (R.T. Mowday) и его коллег [3]. Их концепция лояльности строилась в терминах идентификации сотрудника с организацией, вовлеченности и желания оставаться в ней. На основе этого определения они разработали опросник «Organizational Commitment Questionnaire» (OCQ).

В 1980-х годах лояльность к организации начинают признавать как многомерная рабочая установка (аттитюд). Наиболее известная и распространенная в настоящее время концепция, описывающая организационную лояльность как психическое состояние или отношение (установку, аттитюд), была предложена американскими специалистами Д. Мейером (J.P. Meyer) и Н. Аллен (N.J. Allen) [4]. Ранее в ее основу были положены два направления, объединяющие исследования поведенческой и аттитудинальной преданности организации, включающие в себя такие компоненты, как: аффективный (affective commitment) и временной, продолженный (continuance commitment). Аффективная составляющая (аттитудинальный компонент) характеризует убежденность индивида в правильности преследуемых организацией целей, ощущение важности ценностей организации и личного удовлетворения, получаемого от своей вовлеченности в организацию. Временной, продолженный зависит от степени воспринимаемых затрат, которые могут привести к уходу с данного места работы и к ограниченности альтернативных возможностей трудоустройства. Впоследствии Д. Мейер (J.P. Meyer) и Н. Аллен (N.J. Allen) добавили в свою модель третий, нормативный компонент, основываясь на мнении У. Вайнера (U. Wiener), утверждавшего, что индивиды могут также ощущать преданность организации из-за сильных этических или моральных обязательств. Таким образом, эта трехкомпонентная модель организационной лояльности пытается объяснить силу привязанности индивидов к своей организации тем, что они хотят (аффективный компо-

нент), вынуждены (временной) и должны (нормативный) оставаться в ней.

На основе концепции социально-психологической установки или аттитюда отечественный исследователь В.И. Доминяк предложил эмпирически обоснованное определение организационной лояльности. «Лояльность персонала – это социально-психологическая установка, характеризующая доброжелательным, корректным, искренним, уважительным отношением к руководству, сотрудникам, иным лицам, их действиям, к компании в целом; осознанное выполнение сотрудником своей работы в соответствии с целями и задачами компании и в интересах компании, а также соблюдение норм, правил и обязательств, включая неформальные, в отношении компании, руководства, сотрудников и иных субъектов взаимодействия» [2]. В основе данного определения лежат следующие категории: расположенность, осознанные действия в интересах компании, соблюдение норм, правил, обязательств.

Анализ источников по проблеме указывает на совпадение в понимании лояльности как отношения к организации отечественными и зарубежными исследователями, а также на значимость лояльности в жизнедеятельности компаний и организаций. Таким образом, вслед за утверждениями вышеперечисленных авторов, *организационная лояльность* в нашем исследовании рассматривается как *установочная система человека, в которой отражается относительная сила индивидуальной идентификации и вовлеченности человека в отдельную организацию*.

Исследование проводилось на базе одного из предприятий г. Иркутска, занимающегося производством и продажей светопрозрачных ограждающих конструкций. Приняло участие 169 человек (работники разных профессий и уровня квалификации), из них 124 мужчины и 45 женщин (соответственно 73% и 27% выборки), средний возраст участников составил 25 лет (максимальный – 56 лет, минимальный – 19 лет). В выборку вошли сотрудники структурных подразделений: производственный комплекс (106 человек); филиалы, осуществляющие деятельность по продажам продуктов в разных городах Иркутской области, – отделы продаж (25 человек); офисные отделы (38 человек).

Для оценки организационной лояльности использовался опросник организационной лояльности «OCQ – Organizational Commitment Questionnaire» (перевод В.И. Доминяк). Он представляет собой серию из 15 утверждений, отражающих возможное отношение человека к компании, в которой он работает. Нормативные значения получены на российской выборке. Автор приводит все основания для того, чтобы считать методику корректной [2].

В соответствии с нормами по опроснику OCQ был выявлен средний уровень ОЛ (от 46 до 75 бб.) в каждом из структурных подразделений компании: производственный комплекс – 70 бб.; отделы продаж – 68,5 бб.; офисные отделы – 68,5 бб.. Средняя по выборке – 69 бб. При этом можно говорить о приближении оценок к высокому уровню, т.е. выше средней нормы (верхняя треть).

Расчеты N-критерия Крускала-Уоллиса, предназначенного для оценки различий одновременно между тремя и более выборками, не выявили значимых различий между уровнями организационной лояльности в структурных подразделениях организации (хи-кр). Таким образом, опровергается эмпирическое предположение о том, что наличный уровень организационной лояльности представителей разных структурных подразделений одной и той же компании различается. Эти подразделения территориально удалены друг от друга и выполняют разные организационные задачи. Очевидно, что можно говорить о некоем единстве отношения сотрудников к своей компании, что может быть связано с единым подходом в

кадровой политике руководства, независимо от территориального расположения подразделений.

Насколько эта политика целостна и целенаправленна, судить сложно, но в момент диагностики, можно было заметить некоторые особенности разных отделов на фоне в целом схожих и положительных оценок своей организации персоналом. Они в большей степени относились к деятельности сотрудников офисных отделов и отделов продаж, недовольством оценкой руководством выполняемой ими работы. Для качественного анализа отношения опрашиваемых сотрудников к разным сторонам организации был проведен кластерный анализ ответов на опросник OSQ.

В целом для компании обнаружены кластеры, связывающие между собой следующие группы вопросов:

1 кластер – «Ради организации я готов повышать производительность своего труда» и «Я рад, что выбрал именно эту организацию из тех, которые рассматривал при устройстве на работу» (выбор и включенность);

2 кластер – «Я горжусь тем, что могу сказать «Я часть организации» и «Я рассказываю моим друзьям о том, как хорошо работать в организации» (идентификация);

3 кластер – «Я нахожу, что мои ценности и ценности организации очень схожи» и «Для меня эта лучшая из всех организаций, в которых я работал» (ценности).

Проанализировав кластеры можно заметить, что они распадаются на такие составляющие ОЛ, как: фактор усилий в интересах компании, интенциональный (готовность к повышению производительности труда), поведенческий (горжусь, рассказываю); фактор расположенности, разделения целей и ценностей (рад, ценности схожи). Во всех подразделениях сотрудники, отвечая на вопросы, делали больше выборов в пользу организации. Среди сотрудников производственного комплекса количество выборов в пользу организации по разным вопросам составляет от 70 % до 84 %, среди отделов продаж – от 72 % до 88 %, офисных отделов – от 52 % до 92 %. Относительно единство сотрудников можно характеризовать, во-первых, по вопросу их *идентификации* с организацией. Они верят в компанию, принимают ее цели и ценности, гордятся самим фактом работы в компании, желают оставаться членом данной организации. Во-вторых, компания пробуждает у них чувство самоуважения от самой работы в ней, поэтому они готовы вносить свой вклад для достижения целей организации («Я часть организации»). Это характеризует *вовлеченность* в деятельность и жизнь организации. В-третьих, проявляется эмоциональная привязанность к организации, работа вызывает чувство удовлетворенности от содержания, удовлетворенность своей карьерой, ощущение внимания и заботы со стороны компании («Для меня это лучшая из организаций»).

Кроме того, кластерный анализ ответов на опросник OSQ сотрудников организации трех разных структурных подразделений показал на фоне общего отношения к компании некоторые различия в виде появления новых кластеров. Заметим, что новых кластеров среди сотрудников производственного комплекса не было обнаружено. Для офисных сотрудников выделились следующие кластеры: 1-й – «Преданность организации вряд ли сулит много выгод», «Часто мне трудно согласиться с политикой в компании в отношении ее сотрудников»; 2-й – «Я согласен почти на любую работу для того, чтобы остаться в организации», «Аналогичную работу я могу выполнять в другой организации не хуже, чем в этой». Единодушие в отношении вопросов 1-го кластера можно прокомментировать как некоторое недовольство оценкой руководства работой сотрудников этих отделов, что формирует некий негативизм в отношении самой компании. Более того, самооценка профессионализма дает повод не сомневать-

ся, что при случае персонал офиса всегда сможет работать в другом месте. Это звучит как определенный «шантаж» или попытка последний раз предупредить начальство, чтобы считались с работниками, так как в то же время они все-таки согласны работать здесь при любых условиях, что указывает на привязанность и в целом положительное отношение к организации.

Для отделов продаж: 1 кластер – «Я готов работать сверхурочно на благо организации», «Часто мне трудно согласиться с политикой компании в отношении ее сотрудников»; 2-й – «Я согласен почти на любую работу для того, чтобы остаться в организации», «Аналогичную работу я могу выполнять не хуже, чем в этой», 3-й – «Я действительно забочусь о судьбе организации», «Решение о работе в организации было ошибкой с моей стороны». Ответы работников этих отделов на поставленные вопросы в основном повторяют предыдущую ситуацию. Но можно заметить, что их приверженность организации чуть более «трагична», «жертвенней», противоречивей. Они при расхождении взглядов на оценки руководства сотрудников, тем не менее, так вовлечены в деятельность организации, что готовы работать сверхурочно на ее благо. Третий кластер подчеркивает эту противоречивость отношения как последнюю попытку найти согласие или призыв услышать тем, кто может помочь не разрушить былые иллюзии.

Сотрудники филиалов и офисов управления, имеющие высшее образование, стаж работы на данном предприятии, как правило, более года, являются профессионалами и специалистами своего дела, причем компания это всегда подчеркивает путем такого направления в своей кадровой политике как ежеквартальное проведение профессиональных конкурсов, соревнований на «Лучшего специалиста» и т.п. Естественно, эти работники, не раз принимавшие участие в таких мероприятиях, знают себе цену как профессионалов, не будут согласны на любую работу только для того, чтобы остаться в организации. Считают, что такую же работу они могут выполнять в другой компании не хуже, чем в этой, причем на момент проведения исследования на рынке труда требовались узкие специалисты, занятые на производстве.

Кроме того, из включенного наблюдения известно, что часть сотрудников этих отделов часто не соглашались с политикой в компании в отношении оценки руководством ее работников. Нельзя однозначно сказать, что конкретно здесь имеется в виду, поскольку для персонала этот вопрос мог подразумевать политику в отношении оплаты труда, других направлений (пенсионное, страховое, социальное, образовательное). Но можно однозначно утверждать, часть выборов персоналом данных отделов сделана не в пользу компании, что можно характеризовать как проявление нелояльности, или скорее попытки сохранить ее. Большие возможности этих сотрудников, образовательные и функциональные, позволяют проводить сравнение, анализ ситуации своего положения в организации, что дает более разнообразную и неоднозначную характеристику их ОЛ.

Надо учесть, что только 37 % от выборки составляют представители данных подразделений. 63 % - это работники производственного комплекса, давшие основной удельный вес оценки уровня лояльности в организации. Сотрудников данного комплекса вполне устраивает настоящее положение дел в компании, не смотря на то, что они не могут определять стратегию ее развития, кадровую политику, решать производственные задачи. Можно предположить, исходя также из включенного наблюдения, что их уровень ОЛ связан с удовлетворенностью внешними и внутренними факторами. К внешним факторам относятся такие, как фактор полной занятости на производстве, обеспечение необходимым доходом и полным социальным пакетом, удовлетворения рабочими

условиями в соответствии с выполняемыми трудовыми функциями. К внутренним же факторам – удовлетворение от содержания выполняемой работы, реальных возможностей профессионального роста на основе эффективной трудовой деятельности в компании по оценкам высшего руководства, а также на основе успешного прохождения аттестации и связанный с ней рост заработной платы, удовлетворение от признания и ожидаемой оценкой их работы путем ежеквартальных вознаграждений.

Таким образом, в результате измерения был получен количественный показатель наличного уровня ОЛ сотрудников трех, случайным образом выбранных, подразделений производственного предприятия. Причем, значимых различий измеренных уровней ОЛ подразделений не обнаружено. Предположение о том, что уровень ОЛ сотрудников структурных подразделений, отдаленных территориально, различается, не подтвердилось. Организационная лояльность сотрудников предприятия проявляется на среднем уровне – 69 бб. (верхняя треть), что указывает на определенную эффективность кадровой политики компании в данном вопросе, т.е. все поставленные перед ней кадровые вопросы, задачи доходят до своей конечной цели.

Исходя из принятой концепции ОЛ, можно говорить о лояльности сотрудников к компании как о доброжелательном, корректном, искреннем, уважительном отношении к ней. Осознанное выполнение сотрудниками своей работы в соответствии с целями и задачами компании и в ее интересах, готовность повышать производительность труда, соблюдать нормы, правила и обязательства, принимать ее ценности как свои характеризуют степень идентификации и вовлеченности сотрудников по многим параметрам как выше среднего. Особенностью же выступает отличие отношений и установок производственников, с одной стороны, и работников отделов продаж и офиса, с другой. Для сотрудников, выполняющих производственные (материальные) функции вовлеченность в организационную деятельность, идентификация с

организацией, эмоциональная привязанность находятся на достаточном уровне и не вызывают каких-то сомнений. Для сотрудников, у которых образовательный уровень выше, стаж больше в организации, трудовые функции (в других подразделениях) связаны с управлением организации, наблюдается несколько другая картина. Несмотря на то, что они могут работать где угодно, они хотели бы работать именно здесь, что указывает на достаточный уровень приверженности организации. Желание адекватной оценки их работы (скорее не материальной, а моральной) и решение работать именно здесь может явиться отправной точкой для руководства в проведении мероприятий по укреплению и повышению ОЛ этих сотрудников.

Полученные в ходе исследования результаты позволили сформулировать ряд выводов, которые помогут руководству разработать эффективные технологии по оптимизации кадровой политики персонала.

Выводы, относящиеся к дальнейшему научному изучению ОЛ можно обобщить. Так, количественный показатель ОЛ нивелирует различия и мало информативен для изучения характеристик ОЛ. Качественные характеристики и анализ же позволяют обнаружить различия и особенности. Традиционный подход изучения ОЛ как набора, или даже системы, внутренних характеристик субъекта труда, откликающихся на проявление внешних факторов организационной структуры, мало эффективен для прогноза изменения индивидуальной ОЛ и построения схем ее повышения, так как существуют, скорее всего, разные уровни ОЛ не только для профессиональных, структурных и т.п. страт, но и индивидуально-возрастных периодов субъекта. Так как ОЛ связана с системой установок, сознания и самосознания, отношений личности к организации и другим сторонам профессиональной деятельности, необходимо изучать смысловую сферу работника. Использовать методы психосемантики, методы изучения мотивационной сферы.

Суоми И. (Челябинск) СКАЗКОТЕРАПИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ ЛИЧНОСТИ

Сказкотерапия – удивительное явление в современной отечественной психологии. С одной стороны, как и психология, она имеет древнейшие корни в сказаниях, легендах, мифах разных народов. С другой – как научный метод – она очень молода. Это один из немногих методов психотерапии, который родился в России, и его автором является русская женщина-психолог Т.Д. Зинкевич-Евстигнеева. Она же является директором Института сказкотерапии в Санкт-Петербурге. В основе сказкотерапии лежит система архетипов и архетипических сценариев, которые живут в судьбах каждого человека. Таким образом, изначально в сказкотерапии задана идея интеграции сокровищ народного творчества, научного познания и реальной жизни, что позволяет достигать убедительных результатов в психотерапевтической работе как с детьми, так и со взрослыми.

Место архетипов в структуре личности впервые обозначил К.Г. Юнг, он же показал возможность роста личности через осознание своих архетипов и интеграцию их противоположностей, таких как Добро и Зло, Анима и Анимус. Для психолога-практика всегда возникает вопрос: как это сделать наиболее эффективно и экологично?

Сказкотерапия является веками проверенным методом. В чем же ее эффективность? Как известно, сказки начинают рассказывать детям в очень раннем возрасте, буквально с самого рождения. Сюжет детских сказок очень прост, краток и, в то же время, удивительно насыщен красками жизни. Его легко изобразить на бумаге, поэтому в детских книгах очень мало места занимает

текст, а в основном – это яркие иллюстрации сюжета. В том случае, если нет книги, умелый рассказчик или рассказчица может легко разыграть сказку по ролям. В данном случае, для ребенка важна доступность образов, их действий и эмоций. Дети очень остро и непосредственно переживают приключения героев, и это становится их первым жизненным опытом.

Что же происходит при этом? Чаще всего ни взрослый, ни тем более, ребенок, не задумываются о том, что в любой, самой маленькой сказке спрятаны священные ключи к народной мудрости. Каждый персонаж и его действия – это и есть этот ключ. В науке эти ключи носят названия архетипов и архетипических сюжетов. Таким образом, маленький ребенок через непосредственное проживание сюжета сказки активизирует в себе архетипические формы поведения, напрямую впитывая мудрость человеческого бытия. Эти простые формы приобщения к общечеловеческим ценностям закладывают в ребенке очень важное качество – нравственный иммунитет, с которым он и будет идти по жизни. Естественно, у каждого ребенка уже задана архетипическая иерархия его личности. Благодаря сюжетам сказок эта внутренняя структура становится более гармоничной и адаптируется к той социальной среде, в которой воспитывается ребенок. Можно сказать, что при этом происходят мощные процессы интеграции, как во внутреннем мире маленького ребенка, так и в проявлениях его социализации. В этих процессах непосредственно участвуют окружающие ребенка взрослые. Архетипическая структура их личности при этом так-

же гармонизируется, что, в свою очередь, положительно влияет на все стороны их жизнедеятельности, их социальные связи и внутреннее состояние. Если использовать метафору, то можно представить, как обычный процесс чтения сказок детям в семье становится тем камушком, который, будучи брошен в воды бессознательного, создает широкие круги внутренней интеграции и гармонизации структур личностей, и, соответственно, и жизненных сценариев близких людей.

Нравственный иммунитет закладывается в раннем детстве, и сделать это достаточно легко. В то же время сложно сохранять его, когда человек, взрослея, все больше вовлекается в круговорот реальной жизни. Вот тогда ему на помощь может прийти сказкотерапия. Как утверждает Т.Д. Зинкевич-Евстигнеева, этот метод наиболее эффективен именно для взрослых. Его можно использовать как в качестве профилактики (как прививка от вируса гриппа), так и эффективное средство в различных кризисных состояниях личности. Ведь как гласит народная мудрость: «Сказка – ложь, да в ней намек, добрым молодцам – урок!».

Как же понять эти уроки? В данном случае, сказкотерапевт – это не просто человек, который обладает ключами, чтобы расшифровать сказку. Его задача состоит в том, чтобы соединить, проинтегрировать потенциал кризисной ситуации, в которой находится его клиент, с терапевтическим потенциалом соответствующей сказки. Иными словами, необходимо подобрать для данного «больного» соответствующую сказочную «пилюлю». Возникает вопрос: а если сказкотерапевт ошибется, какова цена его ошибки? Оказывается, и тут работает народная мудрость. Любая сказка – это не просто один архетипический сюжет, а целая система архетипов, которые выстраиваются в гармоничную логическую последовательность взаимодей-

ствий и взаимоотношений. Можно потянуть за любую ниточку и постепенно распутать весь клубочек, весь узел противоречий данного клиента.

Более того, человек в кризисном состоянии сензитивен к восприятию любого позитивного опыта, его бессознательное проявляет себя очень активно. Поэтому человека в таком состоянии достаточно легко вовлечь в перепетии сказочных персонажей. Их эмоционально насыщенные приключения становятся тем «бальзамом», который успокаивает боль души человека, участвующего в процессе сказкотерапии. Возникает эффект сопереживания, сострадания и осознания, а соответственно, и расширения сознания. Очень активно в этот процесс вовлекается также творческое начало человека. Многие самые серьезные взрослые начинают додумывать сюжеты сказок, а затем и придумывают их сами. Задача сказкотерапевта состоит в том, чтобы разжечь этот огонек творчества, поддерживать и развивать духовную активность клиента.

Сказкотерапия прекрасно сочетается со всеми видами арт-терапии: это разыгрывание сказок по ролям, художественное чтение, построение сказочных сюжетов в песочнице, рисование, создание кукол и другие. Терапевтический процесс при этом превращается в увлекательное, красочное действие.

Общаясь со сказкой, личность ребенка, подростка или взрослого как будто припадает к источнику с «живой водой». Народная мудрость тонко и мягко проникает через иссушенные слои души и восстанавливает тот чистый родник, который дан каждому от рождения. Как уже было отмечено, этот процесс интеграции может развиваться и углубляться, вовлекая все новые уровни и структуры личности человека.

Терехина Л.А., Соколова И.Ю. (Томск)
ПРИНЦИПЫ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ – ОДНО ИЗ ОСНОВАНИЙ
РАЗВИТИЯ И СОХРАНЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ ЛИЧНОСТИ В СИСТЕМЕ
ОБРАЗОВАНИЯ

Анализ научной литературы и эталонов здоровья (**античный** – здоровье как внутренняя согласованность, **адапционный** – здоровье как приспособленность индивида к окружающей среде, **антропоцентрический** – здоровье как всесторонняя самореализация, как раскрытие творческого и духовного потенциала личности) позволил нам выявить и обосновать следующие **принципы здоровьесбережения**.

Принцип гармонии телесной, душевной и духовной природы человека, в соответствии с которым болезнь можно рассматривать как подавленную жизнь Души и нереализованные в течение жизни способности человека, а здоровье – это не только постоянное поддержание равновесия души и тела, но жизнь в согласии с природой, это максимально возможное раскрытие духовности, что является самой важной жизненной задачей любого человека, и от того, насколько он выполнит эту задачу, зависит его здоровье. Духовность можно охарактеризовать как способность человека к восприятию высших духовных ценностей и идеалов, как способность творить, изменяя окружающий мир, на основе понимания универсальных законов жизни и принятия высших целей. Духовность – это умение гармонично сочетать свои интересы с интересами других людей и общечеловеческими ценностями, это стремление увидеть любую ситуацию и решить любую проблему с точки зрения общего блага [1].

Принцип следования основным законам развития природы, в соответствии с которыми в процессе активной жизнедеятельности человека происходит развитие его потенциальных, творческих возможностей и кото-

рые являются средством достижения целей в жизни человека. Для достижения цели организм включает функциональные системы, работающие также по единым законам, обеспечивая постоянство внутренней среды, мобилизуя все обменные процессы в нем в соответствии с поставленной задачей. В соответствии с этим можно сказать, болезнь – это сила, которая возвращает человека на путь развития, что причиной заболевания служит несоответствие образа жизни человека его творческому предназначению. С другой стороны, осознание цели и смысла жизни, формирование в повседневной жизни высших ценностных установок на основе универсальных закономерностей развития позволят человеку наполнить жизнь новым содержанием, восстановить нарушенные причинно-следственные связи, в том числе и обменных процессов в организме, изменить отношение к своему здоровью, осознанно выбрать индивидуальный вариант здорового образа жизни.

Принцип гармонии с окружающей средой. Опираясь на мнение А.А.Чижевского о том, что жизнь в значительно большей степени есть явление космическое, чем земное, что космические факторы врываются в физические и химические процессы происходящие в планетарной оболочке, вызывают соответствующие изменения в физико-химических, физиологических отправлениях организма, отражаясь на его психическом и социальном поведении, можно предположить, что причиной заболеваний является нарушение взаимодействия человеческого организма с планетой Земля, всеми ее царствами природы, со всей Вселенной, насыщенной постоянно движущейся

энергией, что болезнь следует рассматривать как нарушение потока энергии. Кроме того, человек очень тесно связан с природой, с другими людьми, с культурно-историческими традициями, и все это неизбежно оказывает влияние на его состояние. При этом связи с природой серьезно нарушены, что порождает многочисленные экологические проблемы и становится причиной уничтожения человечества и планеты, и постоянно возникают конфликты разных масштабов от конфликтов двух людей до конфликтов государств и коалиций, а чем глубже и серьезнее конфликт, тем больше он влияет на здоровье человека. Стремительный ритм современной жизни усиливает конфликтность и стрессовость ситуаций, но одновременно усиливает адаптивные способности человека, его гибкость, лояльность, понимание причин происходящих изменений. Это разрушает стену, воздвигаемую человеком между миром и собой, заботясь только о себе, своих интересах, проблемах, удачах.

Вместе с тем осознание человеком цели и смысла жизни как непрерывного преобразовательного процесса на основе интеграции целевых установок, в соответствии с целями развития планеты, человеческого сообщества, страны, позволит человеку предупредить заболевания и исправить искажения в сознании.

Принцип **поисковой активности** является основным компонентом поведения, обеспечивающим устойчивость организма к разнообразным вредным воздействиям и, следовательно, здоровьесбережению. Низкая поисковая активность, по мнению В.С.Ротенберга [2], не только делает жизнь пресной и бесполезной, но и не гарантирует здоровья и долголетия. Отказ же человека от поисковой активности по внутренним или внешним причинам может привести к серьезным заболеваниям так, при отказе от поиска у человека возникает депрессия, невротическая тревога, переживание беспомощности и безнадежности, которые часто предшествуют развитию таких заболеваний, как язва желудка и кишечника, аллергические расстройства, опухолеобразования. Кроме того, резкий отказ от активного поиска обычно приводит к спаду энергии, апатии и депрессии, на фоне которых развиваются сердечно-сосудистые заболевания, инфаркт.

Однако, самым универсальным типом поисковой активности является поиск самого себя, своего места в мире. Поиск себя и сотворение себя – своеобразный творческий процесс и основная задача обучения и воспитания заключается в развитии в человеке способности к поиску самого себя, в раскрытии его потенциальных возможностей в отношениях с миром и другими людьми, что будет способствовать сохранению здоровья подрастающего поколения.

Принцип **аксиологический**. В процессе жизнедеятельности у каждого человека формируется система ценностных ориентаций, являющихся аксиологической функцией сознания, которые определяют его поведение. Интегральной аксиологической функцией сознания является цель и смысл жизни человека. Согласно теории функциональных систем (ТФС) П.К. Анохина, цель (результат) как системообразующий фактор стабилизирует систему, т.е. состояние здоровья человеческого организма. Искание самой цели и рассогласование ее с результатом ведет к заболеванию. Наряду с этим осознание смысла жизни как проявление, познание и применение универсальных законов развития систем является гармоничным средством достижения цели. Высшие ценностные ориентиры, став осознанными, являются источником здоровья человека.

Принцип **самоактуализации, самореализации** проявляется в стремлении человека к возможно более полному выявлению и развитию своих личностных возможностей и является высшей потребностью человека.

Согласно А. Маслоу, самоактуализация – желание человека стать всем, чем возможно, потребность в самосовершенствовании, в реализации своего потенциала. Ее путь труден и связан с переживаниями страха неизвестности и ответственности, но он – путь к полноценной, внутренне богатой жизни.

По К. Роджерсу, самоактуализация – та сила, что заставляет человека развиваться на самых различных уровнях – от овладения моторными навыками до высших творческих взлетов.

По мнению Б.Ф. Ломова, жизнь для самоактуализирующейся личности – это процесс постоянного выбора: продвижение вперед, преодоление препятствий, неизбежно возникающих на пути к высокой цели, или отступление, отказ от борьбы и сдача позиций.

Таким образом, самоактуализация как саморазвитие и реализация собственного потенциала – это полноценная жизнь и здоровье, а недостаточная (по тем или иным причинам) самореализация неизбежно вызывает заболевание.

Принцип **самоидентификации** связан с соответствующей потребностью человека в самоидентификации – сохранении, невзирая на обстоятельства, самого себя, своей индивидуальности, в сохранении представления о самом себе, желании оставаться в согласии с самим собой. Эта потребность является стержнем, вокруг которого строится все поведение человека. Неудовлетворенная в силу тех или иных обстоятельств потребность в самоидентификации часто может стать причиной неврозов, так как любые невротизирующие ситуации, по мнению В.С. Ротенберга, неизбежно затрагивают глубокие пласты личности и так или иначе связаны с представлением человека о самом себе.

Все эти принципы, на наш взгляд, являются основополагающими в культуре здоровья личности, и следование этим принципам способствует сохранению здоровья человека в процессе его жизнедеятельности. Кроме того, эти принципы являются значимым теоретическим основанием организации образовательного процесса (как процесса обучения и воспитания), направленного на развитие личности и сохранение ее здоровья в любой образовательной системе. Так, сам человек может реализовывать в жизни первые три принципа, если у него в процессе воспитания и обучения будут сформированы соответствующего уровня сознание и мировоззрение. Четыре других принципа могут реализовываться в процессе познавательной и любой другой деятельности личности, если эта деятельность проектно-исследовательская, в целом творческая. Таким образом, основной задачей любой образовательной системы является создание условий для развития сознания, мировоззрения, актуализации потенциальных, творческих возможностей обучающихся, их активная познавательная деятельность проектно-исследовательского, творческого характера.

На основе выявленных принципов здоровьесбережения нами разработана и реализуется **программа формирования культуры здоровья участников образовательного процесса** в вузе [3]. Ее особенностью является ориентация на целостное представление о здоровье человека, на личность, ее неповторимость, ее индивидуальные биологические, психологические особенности и индивидуальные особенности сохранения и укрепления здоровья каждого студента и педагога.

Программа является общей для студентов и педагогов и включает подпрограммы формирования культуры здоровья: физической, способствующей здоровью физического тела; физиологической, обеспечивающей здоровье организма человека и его отдельных органов; психологической – культуры наших мыслей, эмоций, чувств, интеллекта, которая оказывает большое влияние на психическое, и соматическое здоровье человека; духовной

культуры личности, проявляющейся в ее духовной независимости. Основанием ее является здоровый дух – разумение, здравомыслие, самообладание, причем именно сочетанием здравомыслия и самообладания обеспечивается поддержание здоровья личности.

Реализация программы в образовательном процессе технического вуза [4] осуществляется в соответствии с выявленными педагогическими условиями:

лично-ориентированный и деятельностный подходы к формированию культуры здоровья субъектов образовательного процесса вуза;

создание лично-ориентированной системы формирования культуры здоровья субъектов образовательного процесса технического вуза.

разработка и применение учебно-методического комплекса по курсу «Культура здоровья личности».

Тонков В.В., Шарейко Н.Л. (Санкт-Петербург) ПРАКТИКА В ПСИХОЛОГИИ: ВОЗДЕЙСТВИЯ ИЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Некоторые положения биосенсорной психологии и блока биосенсорных психодисциплин.

Биосенсорная психология – это новая наука, область человеческих знаний, основанная на фактическом действии, связанном с проявлением психики и использовании этих факторов для выявления изначальных психических потребностей. (Термин «биосенсорная психология» представлен двумя составляющими: био - часть слова, говорящая о животном происхождении процесса, которое связано с биологическими особенностями человека и близких к человеческому строению животных. Сенс - указывает основную направленность исследований). Или другими словами - это психология, построенная на фактическом исследовании психических процессов, посредством маловостребованных психических ресурсов.

Блок биосенсорных психодисциплин включает в себя: биосенсорную психологию, психотерапию, психиатрию, педагогику, философию и прочее. Эти дисциплины занимаются исследованием психических реакций людей в ситуациях проявления ими заобывденных, заестественных способностей. Основой биосенсорных дисциплин явились доказательства, полученные в результате многолетней деятельности по широкому исследованию и применению пара-эффектов. В данной концепции мы сознательно не рассматриваем заведомо спорные вещи и опираемся только на проверенные факты. Такие, как возможность любого человеческого организма без исключения, вызывать перемещающие силовые воздействия на магнитные и совершенно не магнитные предметы малой массы. В 2008 году институтом биосенсорной психологии (Санкт-Петербург, Россия) был зарегистрирован мировой рекорд (автор рекорда В.В.Тонков) в номинации: «Самое большое сообщество людей, обученных в кратчайшие сроки навыкам телекинеза (бесконтактное движение предметов). Несколько сотен человек в доказательном порядке продемонстрировали навыки психикинеза, и именно то, что мы смогли достичь практически стопроцентных результатов обучения исключительно психологическими способами и является нашей доказательной базой.

Основы биосенсорных психодисциплин были заложены в 1990-1991 году на специальном годовом курсе, проводимом Владимиром Викторовичем Тонковым, который и является основоположником биосенсорных психодисциплин. (А.С.Захаревич был учеником и техническим исполнителем поставленных перед ним задач (например: написание программ по материалам В.В.Тонкова., открытию модальности биосенсорной психологии в психотерапевтической лиге и др.). Первые факты массового бесконтактного движения стрелки компаса появились в 2001 году. Для достижения этого эффекта использовались исключительно психологические способы регуляции и для разных участников потребовалось до 1 года психотренировок, причём факт телекинеза являлся и является побочным результатом занятий самопознанием. Фактический материал получен в группах с близкой к ста процентам обучаемостью этому явлению, с заранее не отобранным составом участников. В настоящий момент технология обучения усовершенствована В.В.Тонковым настоль-

ко, что любой заинтересованный человек, вне зависимости от его убеждений, может быть обучен в течение весьма короткого времени, от нескольких минут до нескольких часов. Этот факт лёг в основу направления биосенсорных психодисциплин, как один из самых показательных моментов прямого действия психики на окружающий мир.

-Краткое обоснование материальности психики:

Классическая психология предлагает нам взгляд на психические процессы, как на нечто идеальное, физиология же утверждает, что человеческий организм не имеет органов и систем, способных вызывать паранормальные феномены, а так же наличие паранормальных феноменов не имеет места в Ньютоновской макрофизике. Однако паранормальное биопсихическое происхождение реально существует и прекрасно вписывается в теорию и практику физики квантовой, подтверждаясь поведением кварков и теорией субатомных взаимодействий. Исходя из этого - достаточная часть психики просто обязана быть материальной.

- Учёт материальности психики в работе, как следствие данного обоснования:

Вывод о материальности даже части психики кардинально меняет отношение к ней самой и характером двусторонних взаимодействий. Мы вполне справедливо можем предполагать, что материальная часть психики способна повторять основные свойства привычные нам материальности: фиксацию своих видоизменений напрямую, а не опосредованно, путём проекции идеальных процессов на центральную нервную систему. Учёт таких её качеств основательно изменяет сам подход специалиста к психике клиента.

| - Особенности результатов и преимущества подходов:

Специалист биосенсорной психологии (-терапии) объединяет в себе классического психолога (-терапевта) и здравомыслящего экстрасенса-паранормала, имеющего доказательный опыт паранормальных действий. Таким образом, оперативная область психотерапевтической работы значительно расширяется, дополняясь специальными техниками работы с материальной частью психики участника.

Это позволяет не только использовать привычные психологические (- терапевтические) подходы, но и вводить новые, до этого не достижимые, а так же осуществлять более подробные наблюдения за протеканием самого процесса откликов корректируемой психики в процессе реального времени.

К основным подразделам психодисциплин относятся:

- специфические особенности дыхания
- специфические особенности движения
- специфические особенности звукообразования на явновыраженном фоне психо-био-энегоинформационно взаимодействий.

Биосенсорная психология разделяет высшую нервную и психическую деятельность.

По вопросу взаимодействия психик следует отметить, что сам процесс взаимодействия (исходя из изложенного выше) проходит так же не неким иллюзорно-

отвлечённым путём, а с конкретно выраженными физическими закономерностями, зачастую не зависящими от удалённости физических тел участников. И работа специалиста психолога, психотерапевта, должна строиться с учётом ответственности за собственные психоподходы и используемые методики. К воздействиям можно отнести агрессивные психометоды, такие как гипноз, кодирование и прочие, приводящие к дисбалансу собственно психической среды (анатомо-психической). Методы, создающие условия для возможности сбалансирования отклонений самим человеком, быстрее относятся к взаимодействиям. Отличительные признаки воздействия и взаимодействия совершенно явно выражены для специалиста, прошедшего специальную биосенсорную подготовку и оперирующего с психикой и её функциями как с субстанционно выраженной надстройкой (то есть, частью) единого психофизического тела человека. При отсутствии такой подготовки вмешательство в психические процессы зачастую приво-

дит к негативным последствиям, как для обратившегося, так и для самого специалиста.

Биосенсорная подготовка заключается в расширении диапазона восприятия, что позволяет осознанно выявлять закономерности психического взаимодействия и определять соответствие с ситуационными предрасположенностями

Направление биосенсорных дисциплин имеет безусловные особенности, отличающие их от иных психо-направлений, в остальном же ни в коем случае не опровергает уже сложившиеся в системе психо-наук взгляды и подтвердившие право на своё существование психотехнологии. Так, используя уже существующие и достаточно развитые в обществе учебно-методические, спортивно-оздоровительные, социально-духовные, административно-деловые и иные основы, биосенсорных дисциплины дополняют их своими специальными особенностями, создавая новый класс подходов к человеку и его жизни.

Уразаев А.М., Берестнева О.Г., Жаркова О.С. (Томск)
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БЕРЕМЕННЫХ
ЖЕНЩИН РАЗНОГО ВОЗРАСТА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Первая беременность, ее исход имеют важное значение для последующего развития личности женщины как субъекта репродуктивного поведения, семейных отношений, а также, эффективности профессиональной самореализации [1, 4, 10]. В последнее десятилетие для жизненного пути большинства молодых российских женщин характерным стал «сексуальный дебют» в подростковом возрасте, наличие двух и более половых партнеров до первой сохраняемой беременности [6, 8, 10]. Около половины городских «первородящих» женщин преобладающей этнонациональной формации сохраняли беременность без юридически оформленных семейных отношений с отцом ожидаемого ребенка [10]. Несмотря на полиморфизм социальных ролей, характерных для современных женщин, актуальными для многих из них не только в России, но и в других урбанизированных, промышленно развитых странах, стали психологические проблемы личностной самореализации как потенциальных матерей при формах семейных отношений с половыми партнерами нормативными для последующего воспитания детей.

Целью настоящей работы являлось изучение роли возрастных факторов в формировании свойств личности и психического состояния беременных женщин с установкой на рождение ребенка при современных условиях социализации.

В женских консультациях родильных домов г. Томска в течение 2007–2008 гг., было проведено психологическое обследование 150 практически здоровых беременных женщин в возрасте 16–34 лет, ожидавших рождение первого ребенка. Использовались известные, ранее применявшиеся нами методики [2, 3, 5, 7, 10]. В частности, для изучения структуры и черт личности женщин применялись тесты ММРП и Леонгарда-Шмишека. Эмоциональные отношения беременных женщин к значимым лицам и ситуациям, частично в обход вербальных защитных механизмов, исследовались по методике Люшера, которая позволяла оценивать их в пределах восьми-балльной шкалы. Наряду с этим, для количественной и качественной характеристики самооценок и ситуаций, описываемых женщинами при проведении психологического интервьюирования, использовалась линейка (тестовая карта) со шкалой от 0 до 20 баллов, которая последовательно была равномерно разделена на диапазоны «Незначимо», «Малозначимо», «Значимо» и «Очень значимо».

Число беременных младше 20 лет составляло 50, 20–24-летних – 66 и 35-летних и старше – 34 женщин. Средняя продолжительность беременности составляла около 19 недель, и в разных возрастных группах существенно не отличались. Число «первородящих», состоявших в юридически зарегистрированном браке (57–60%), и имевших до настоящей беременности двух и более половых партнеров (65–70%) также практически не зависело от возраста. Средний возраст начала половой жизни в группе женщин младше 20 лет составлял $16,3 \pm 0,2$ года и был статистически достоверно ($p < 0,05$) ниже, чем ($18,0 \pm 0,2$ г.) у пациенток 25 лет и старше. При этом отмечалась тенденция к реализации прямой зависимости между возрастом женщин и средним числом ранее производившихся искусственных абортов, которое составляло у более молодых $0,3 \pm 0,2$ (30%) от их числа, для 20–24-летних – $0,6 \pm 0,2$ и, у более старших, $0,6 \pm 0,1$ (по 60%).

Практически независимо от возраста, 40–50% «первородящих» указывали на возможность рождения второго ребенка. В качестве основной причины сохранения настоящей беременности, женщины моложе 20 лет чаще отмечали такие ответы, как «совместное желание с отцом ожидаемого ребенка» (70%) и «преимущественно собственное желание» (10%). Остальные возможные причины реже указывались ими в качестве основной. В сумме они составляли только 20% от всех ответов. Характерно, что «первородящие» старше 24 лет редко выделяли такую причину сохранения беременности, как «последний шанс материнства». Вместе с тем, в этой возрастной группе 54% указывали на «преимущественно собственное желание» в качестве основной для себя причины деторождения и только 36% - на «совместное желание с отцом ожидаемого ребенка». Кроме того, женщины наиболее старшего (25 и более лет) возраста указывали по 20-балльной шкале на большую ($p < 0,05$) степень значимости для себя удовлетворенности «собственной телесностью» ($13,7 \pm 0,5$ балла), чем те, которые не достигли 20 лет ($11,1 \pm 0,7$ балла). Средний же уровень самооценок потребности в психологической помощи в связи с беременностью у «первородящих» всех возрастных групп практически не отличался ($12,5-13,0$ баллов) и соответствовал диапазону «Значимо» тестовой карты. В целом, такая структура ответов отражала своеобразную «психологическую защиту» старших женщин при объяснении причин относительно позднего рождения первого ребенка. Сохранявшаяся в субоптимальном репродуктивном воз-

расте беременность становилась для них как бы фактором снижения «риска утраты возможности материнства».

Сопоставление результатов тестовой психологической диагностики структуры, черт и актуальных психических состояний личности у беременных разного возраста позволило установить, что у «первородящих» до 20 лет отмечались более низкие ($p < 0,05$) показатели в T -баллах по шкале «3-эмоциональная лабильность» ($42,9 \pm 2,0$) теста *MMPI*, чем в группе 25-лет и старше ($48,2 \pm 1,1$). Интерпретация соотношения этих значений (в 70-балльном диапазоне - для психологической диагностики) позволяла предположить, что формирование такой черты личности (при устойчивом превышении 70-80 T -баллов по шкале *Hu* - «истерия» - в психиатрической диагностике) в период беременности у клинически здоровых женщин наиболее старшего возраста проявлялась как реакция на психотравмирующие переживания, связанные с относительно поздним материнством. Статистически значимых различий показателей по остальным тестовым шкалам у женщин выделенных возрастных групп выявлено не было.

Для рассмотренных нами критериев типологизации «первородящих» женщин, при разделении их на «добрых девственниц» (21) и указывавших (53 пациентки) на наличие двух и более половых партнеров (до настоящей беременности) также были установлены ($p < 0,05$) групповые различия по возрасту. Так, у более малочисленной (28%) первой группы женщин, отец ожидаемого ребенка у которых являлся первым половым партнером, средний возраст составлял $22,4 \pm 0,3$ года, у второй - $23,9 \pm 0,4$ года. Хотя эта разница в хронологическом, биологическом значении в этом возрастном диапазоне репродуктивных возможностей была незначительна, она выступала как достаточно существенная для исчисления того возраста, который характеризуется [1] как психологический. Так, женщины первой группы, у которых отец ожидаемого ребенка являлся первым половым партнером, имели более ($p < 0,05$) низкие ($41,3 \pm 1,5$) показатели в T -баллах по шкале «3 - эмоциональная лабильность» (*Hu* - истерия - в психиатрической диагностике, при превышении 70-80 баллов) и более высокие ($45,9 \pm 1,1$) по шкале «4 - импульсивность» (*Pd*-психопатии) профиля *MMPI*, чем те, у которых настоящей беременности предшествовали

сексуальные отношения с двумя и более мужчинами ($45,9 \pm 1,1$ - по шкале эмоциональной лабильности и $41,8 \pm 1,0$ - по шкале импульсивности, соответственно). Характерно, что в этой, последней группе, только 11% указывали на собственное атеистическое мировоззрение. В группе же сохранявших «добрую девственность» к атеисткам относили себя 67%. Обратная зависимость между преобладанием среди беременных атеистического мировоззрения и их предшествующим сексуальным опытом с разными половыми партнерами была статистически достоверна по критерию хи-квадрат [2] при высоком уровне значимости ($p < 0,001$).

В структуре эмоциональных отношений женщин к значимым лицам и ситуациям возрастных различий не выявлялось. При этом, для плеяд значимых ($p < 0,01$) коэффициентов корреляций по Спирмену [2], характеризовавших проецирование в сознании беременных женщин мозаики эмоциональных отношений (по восьмibalльным оценкам Люшера-Эткинда), существовали положительные близкие к прямым связи для континуумов «Я-Я» и «Я-моя семья», а также «Я-Я» и «Я-беременность». Такой же характер связи был и между системами эмоциональных приятей «Я - отец ожидаемого ребенка» и «Я - моя семья».

В целом, проведенное исследование показало, что у женщин для периода беременности характерна инвариантность состояний личностной, психической сферы, которая имеет как возрастную детерминацию, так и обусловлена предшествующим опытом полоролевого поведения. При этом, существуют типологические различия не только в структуре, чертах личности, но и в особенностях ценностных ориентаций и мировоззрения женщин, зависящие от опыта их социализации как субъектов сексуального и репродуктивного поведения.

Полученные данные могут быть использованы как в области психологической диагностики и поведенческих нарушений у беременных женщин, так и для совершенствования программ полоролевого воспитания подростков в образовательных учреждениях.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №07-06-12143в) и РФФИ (проект №08-06-00313).

Успенская О.А. (Челябинск) ИЗУЧЕНИЕ ОБЩЕНИЯ КАК ФАКТОРА СТАНОВЛЕНИЯ САМОСОЗНАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Анализ современной психологической литературы дает представление о личности как принципиально изменчивой, постоянно активно конструирующей свой внутренний мир и мир социального взаимодействия. Движущей силой индивидуального развития признается, скорее, процесс социального взаимодействия, а не внутренние психические состояния и не факторы социальной среды.

В отечественной науке фундаментально исследовано и обосновано влияние общения на личность как целостное образование. В соответствии с идеями Б.Г. Ананьева о целостности онтогенеза, единства и взаимосвязи всех периодов человеческого развития можно утверждать, что общение на протяжении всей жизнедеятельности человека является одним из ведущих факторов его развития.

Истоки отечественных традиций в исследовании отношений, значимости других в становлении личности определяются взглядами П.А. Флоренского, Ф.М. Достоевского, Н.А. Бердяева, А.А. Ильина, Г.Г. Шпета, Л. Карсавина, оказавших влияние на представителей отечественной мысли М.М. Бахтина, Э.В. Ильенкова, Д.С. Лихачева, А.Ф. Loseва, Ю.М. Лотмана, Б.Ф. Поршнева и других, полагающих, что специфические человеческие процессы

могут родиться только во взаимодействии человека с человеком, как интрапсихологические.

Представители отечественной культурной традиции большое внимание уделяли нравственному аспекту в рассмотрении общения. П.А. Флоренский, определивший человеческое познание как «живое нравственное общение личностей», в этой связи отмечал: «В другом Я личность открывает свои задатки, духовно оплодотворяемые личностью другого» (Флоренский П.А., 1990, С. 345). Нравственный аспект рассмотрения общения просматривается и в письмах А.А. Ухтомского (1996), распространившего свое учение о доминанте на сферу человеческого общения.

По мнению А.А. Бодалева, в центре внимания всех аспектов общения находится проблема человека, «...как духовная и активная сила, преобразующая в этом процессе себя и других. В результате общение по своему содержанию становится сложнейшей психологической деятельностью партнеров» (Бодалев А.А., 1995, С. 201). Нравственный аспект в рассмотрении общения утверждается, прежде всего, в гуманистической традиции в психологии и оказывает большое влияние на практику психологической и социально-психологической помощи людям.

В отечественной психологии проблема общения, являющаяся, по мысли Б.Ф. Ломова, «базовой категорией, логическим центром общей системы психологической проблематики» (Ломов Б.Ф., 1984, С. 242–243), активно разрабатывалась как на философско-методологическом уровне (Бодалев А.А., 1982; Леонтьев А.А., 1976; Ломов Б.Ф., 1984), так и на социально-психологическом (Андреева Г.М., 2001; Демиденко М.В., 2000; Жуков Ю.М., Петровская Л.А., Растянкин П.В., 1990; Петровская Л.А., 1982).

Методологические и концептуальные разработки вопросов социальных форм проявления самоопределения личности, влияния общения на становление личности широко представлены у отечественных авторов: Б.Г. Ананьева, А.Г. Асмолова, А.А. Бодалева, Л.С. Выготского, И.С. Кона, А.А. Кроника, А.Ф. Лазурского, А.Н. Леонтьева, В.Н. Мясищева, А.В. Петровского, В.А. Петровского, С.Л. Рубинштейна, А.А. Ухтомского, С.Л. Франка, Д.Б. Элькнина и других.

В работах вышеназванных авторов подчеркивается, что общение – это универсальная реальность, в которой человек существует в течение всей жизни. Универсальность общения обнаруживается как при взаимодействии «человек–человек», так и в ситуациях, когда человек находится наедине с самим собой.

Для отечественной психологии идея становления Я в общении и через общение очевидным образом вытекает из концепции культурно-исторического развития психики. Согласно теории Л.С. Выготского, высшие психические функции, в том числе становление образа мира, образа Я и другого человека, имеют социально-культурное происхождение, то есть сначала складываются как внешние социальные связи между людьми. По мнению Л.С. Выготского, «...личность становится для себя тем, что она есть в себе, через то, что она представляет собой для другого» (Выготский Л.С., 1983, С. 196).

По существу ту же мысль мы находим в трудах К. Маркса. Автор пишет о жизненной необходимости, в силу которой человек, родившись «без зеркала в руках и не фихтианским философом: «Я есть я», ...сначала смотрит как в зеркало, в другого человека. Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку. По мысли Б.Ф. Поршнева (1987), Петр познает свою натуру через Павла только благодаря тому, что за спиной Павла стоит общество, огромное множество людей, связанных в целое сложной системой отношений.

А.У. Хараш (1987) указывает, что речь здесь идет о процессе становления у «человека Петра» под влиянием «человека Павла» глобального ощущения определенности собственного бытия, самоопределения.

По мнению Е.Т. Соколовой, Н.С. Бурлаковой, Ф. Лэонтиу (2001), именно за счет принципиального тождества механизмов общения, отношений, «завязанных» с другими, и внутренней организацией Я мы обладаем ключом к реконструкции прошлого, исходя из актуально данного: анализируя структуру самосознания, мы обнаруживаем «в свернутом виде» породившие его отношения между ребенком и взрослым на ранних этапах онтогенеза, и более поздние «напластования», связанные с прохождением кризисов идентичности.

Л.С. Выготский полагает, что психические процессы основаны на межличностных отношениях. Самосознание в своем онтогенетическом развитии, согласно Л.С. Выготскому, проходит тот же путь, что и все высшие психические функции: «средства социальных связей и есть основные средства для образования тех сложных психологических связей, которые возникают, когда функции становятся индивидуальными функциями...» (Выготский Л.С., 1983, С. 116). Механизмы сознания и социального контакта тождественны: «...сознание есть как бы соци-

альный контакт с самим собой... Мы сознаем себя, потому что мы сознаем других и тем же самым способом, каким мы сознаем других, потому что мы сами в отношении себя являемся тем же самым, чем другие в отношении нас» (Выготский Л.С., 1982, С. 96).

Индивид формирует свой внутренний мир путем интериоризации исторически сложившихся форм и видов деятельности. «Сначала другие люди действуют по отношению к ребенку, затем он сам вступает во взаимодействие с окружающими, он начинает действовать на себя» (Выготский Л.С., 1983, С. 141).

Опираясь на положение Л.С. Выготского о том, что «всякая функция культурного развития ребенка появляется на сцене дважды, в двух планах, сперва – социальном, потом психологическом, сперва – между людьми как категория интерпсихическая, затем внутри ребенка как категория интрапсихическая», мы можем заключить, что общение является не только средой, фоном, на котором происходит становление индивидуального сознания, но и его содержанием, что подтверждается исследованиями ряда авторов (Петренко В.Ф., 1988; Столин В.В., 1983), проследивших различные модификации в содержании индивидуального сознания и самосознания личности в результате специфических условий процесса общения.

А.У. Хараш подчеркивает значение intersubjectного, коммуникативного подхода к пониманию личности (в противовес intrasubjectному), который «берет в качестве своего отправного пункта не самого по себе индивида, а его связь с другими индивидами и усматривает в этой связи не нечто внешнее по отношению к его личности и жизнедеятельности, а ее внутреннюю смысловую ткань» (Хараш А.У., 1987, С. 31). Это означает, что общение есть не просто вид поведения, «вступление» или «невступление» в которое является делом сознательного выбора человека. Общение здесь понимается как состояние, в котором субъект находится постоянно, независимо от того, вовлечен ли он в акт намеренной коммуникации с другими людьми. Коммуникативное состояние, с точки зрения А.У. Хараша, «представляет собой интегративное понятие, объединяющее в одно целое теорию общения и теорию личности» (Хараш А.У., 1987, С. 33–35). В рамках intersubjectного подхода выделяются состояния закрытого общения (монолога) и состояния открытого общения (диалога), а также предлагается типология коммуникативных состояний личности, которые принципиально делятся на защитные состояния самоподачи и состояния самораскрытия.

Представления о механизмах и границах воздействия на сознание человека в процессе общения были раскрыты А.Н. Леонтьевым (1975). Автор рассматривает общение как элемент любой деятельности, который в исходной форме совместной деятельности «составляет необходимое и специфическое условие развития человека в обществе» (Леонтьев А.Н., 1981, С. 413). Исследования А.Н. Леонтьева показали, что развитие индивидуальных психических функций, мотивационной структуры личности осуществляется только в рамках взаимодействия с другими людьми.

В отечественной психологии соотношение «Я – Другой» рассматривалось в контексте проблемы самосознания. С.Л. Рубинштейн, И.И. Чеснокова, Е.В. Шорохова и другие трактуют самосознание как познание человеком самого себя в его соотнесенности с другими людьми в совместной деятельности. С точки зрения С.Л. Рубинштейна, личность как субъект осознает не только мир, но и себя в своих отношениях с окружающими. Осознание себя как «Я» является результатом развития личности, для которой изначально позиция «Мы».

С.Л. Рубинштейн (1957) полагает, что сущность человека принципиально межсубъектна, несводима к отдельному результату, к совокупности социальных ролей, к

бытию человека в качестве члена или агента социума, разомкнута и раскрыта для бесконечного становления. По мнению автора, личностное самоопределение не может быть монологическим делом, проблема самоопределения изначально представляет соотнесенность с другими субъектами. «Специфика человеческого способа существования заключается в мере соотношения самоопределения и определения Другими» (Рубинштейн С.Л., 1998, С. 261). Главным критерием самоопределения, подчеркивает С.Л. Рубинштейн, является активность жизненной позиции как результат взаимодействия объективного процесса общения с Другими и субъективного внутреннего процесса самоопределения. Самоопределение и определение Другими взаимообусловлены.

Подтверждение этому мы находим во вводимом М.М. Бахтиным (1975) понятии о «даре формы», представляющем собой «бесценный и ничем не заменимый вклад «другого» в формирование у «я» внутренне убедительного сознания собственной полноты и весомости».

Этот вклад становится возможным благодаря наличию у другого, по мысли М.М. Бахтина, «избытка видения», то есть уникальной возможности непосредственного восприятия целостной формы «я», отсутствующей у самого «я».

Таким образом, внешняя по отношению к «я» объективирующая активность со стороны другого обращается на полюсе «я» его внутренним переживанием своей внешней целостности и определенности; другой не только формирует в своем перцептивном поле мой целостный образ, но и возвращает его мне. «Избыток видения» «я» другим возвращается к «я» в виде «дара формы». Как подчеркивает А.У. Хараш (1987), в этом смысле можно говорить об абсолютной эстетической нужде человека в другом, видящей, помнящей, собирающей и объединяющей активности другого, которая одна может создать его внешне законченную личность; этой «личности не будет, если другой ее не создаст».

По мнению А.У. Хараша, человек должен общаться с другими во имя того, чтобы сознавать свое собственное «я». Подтверждение «я» со стороны другого и постоянная потребность в нем – это и есть те факторы, которые делают человеческое общение чем-то большим, нежели простым средством информационного обмена.

Диалектическую связь между общением и личностью вскрывает и М.И. Бобнева (1981), давая психологическую характеристику личностного общения, под которым понимается субстанциональная форма существования и проявления внутреннего мира личности, то есть личностное общение рассматривается как основная форма личностного существования человека.

И.И. Чеснокова (1977) рассматривает самосознание как сложный психический процесс, который проявляется, прежде всего, в восприятии человеком многочисленных «образов» себя в различных ситуациях деятельности и общения. Эти «образы» первоначально возникают на основе осознания данным человеком оценок его другими, далее – на основе соотнесения оценок других и своих собственных.

В информационном аспекте общения Б.Ф. Ломов (1984) рассматривает два направления психологического взаимодействия партнеров: первое связано с восприятием и пониманием смысла сообщения, другое – с восприятием и пониманием личности партнера. Эти процессы находятся в сложных взаимоотношениях, но выводят партнеров на проблему взаимопознания. От непосредственного образа партнера мы поднимаемся к знанию о человеке вообще и возвращаемся к самооценке: «совершая эти круги самопознания, мы уточняем знания о себе и о том месте, которое можем занимать в обществе» (Петровский Я.В., Ярошевский М.Г., 2001, С. 235).

Е.Г. Злобина (1981) классифицирует функции общения следующим образом:

1. Социальные, предполагающие понимание общения как фактора развития общества, включающие: 1) собственно социальные, ориентированные на удовлетворение потребностей общества в целом и отдельных его групп; 2) социально-психологические, связанные с потребностями отдельных личностей – членов общества.

2. Общение как фактор развития личности (в общении происходит осознание человеком собственной человеческой сущности). При этом автор подчеркивает, что в общении конкретный индивид усваивает опыт, выработанный человечеством, благодаря чему преодолевается ограниченность индивидуального опыта.

Общение как фактор развития личности, представляющий несомненный интерес для нашего исследования, рассматривается в работах других авторов. Б.Г. Ананьев (1980) в структуре общения выделяет: 1. Средства общения – как речевые, так и невербальные. 2. Получение информации о людях и межличностных отношениях. 3. Коммуникацию и саморегуляцию поступков человека в процессе общения. 4. Преобразование внутреннего мира самой личности.

М.И. Лисина (1986) в качестве «продуктов» общения личности рассматривает образ другого и образ самого себя.

Г.В. Черенкова (1988) подчеркивает, что общение является необходимым условием становления психологических свойств личности, ее сознания и самосознания.

По данным Я.Л. Коломинского (1976), общение со сверстниками приобретает особую роль в подростковом возрасте, когда партнер по общению выступает в качестве реальной объективной «точки отсчета» в процессе познания окружающих и самого себя.

Л.И. Божович (1972), Я.Л. Коломинский (1976) подчеркивают, что у старших подростков основным мотивом общения в среде таких же подростков (при групповой форме взаимодействия со сверстниками) является стремление к независимости и признанию ценности своей личности.

По мнению Л.И. Божович (1972), возникновение «личного мира» тесным образом связано с изменением самосознания подростка, появлением особого личного содержания сознания. Автор полагает, что психологическая интимность, одобрение и поддержка со стороны близкого человека способствуют пониманию личностью своей истинной сущности и обретению устойчивого Я.

Согласно представлениям Г.М. Андреевой (2001), жизнь человека можно рассматривать как непрерывный процесс его социализации, прекращающийся лишь со смертью. В процессе социализации автор выделяет три направления становления личности:

1. Освоение новых видов деятельности, предполагающее ориентировку в системе связей внутри данной деятельности и между различными деятельностями, а также наличие иерархизации видов деятельности в зависимости от их значимости для индивида.

2. Умножение связей общения и углубление его содержания.

3. Становление самосознания, образа Я, идентичности личности.

Г.М. Андреева понимает процесс социализации только как единство изменений этих сфер. «Они, взятые в целом, создают для индивида «расширяющуюся действительность» существования личности (Андреева Г.М., 2001, С. 280). Следовательно, становление самосознания находится в тесной взаимосвязи с общением.

В исследовании Л.А. Петровской (1982) выделены 5 источников самовосприятия человека: 1. Восприятие себя через соотнесение себя с другими. 2. Восприятие себя через восприятие себя другими (принятие обратной

связи). 3. Восприятие себя через результаты собственной деятельности. 4. Восприятие себя через наблюдение собственных внутренних состояний. 5. Непосредственное восприятие собственного внешнего облика.

Н.В. Антонова (1996) полагает, что влияние обратной связи на изменение состояния идентичности состоит в следующем: 1. Обратная связь, получаемая индивидом от других людей, содержит информацию, ассимилируемую в структуру идентичности. 2. Обратная связь, подаваемая человеком другим людям, воздействует на содержательное и оценочное измерения идентичности, одновременно воспроизводя их. Последнее заключение согласуется с исследованием Л.А. Петровской (1982), в котором рассматривается взаимосвязь самовосприятия и восприятия других людей, проявляющаяся, в частности, в симметрии источников самовосприятия и восприятия других.

Конфликтные ситуации, по мнению Н.В. Антоновой (1996), также могут служить стимулом и материалом для становления идентичности, так как в них человек раскрывается, получает новую информацию о себе и партнере. Если такая ситуация воспринимается человеком как возможность получения обратной связи – «либо через сравнение себя с другими, либо через утверждение себя среди других» (Андреева Г.М., 2001), это способствует развитию самоанализа, критичности, переосмыслению представлений о себе.

Важная роль в становлении самосознания принадлежит самораскрытию человека в общении, способствующему личностной идентификации. В этой связи Н.В. Амяга (1989) утверждает, что посредством самораскрытия контролируются границы «Я». Понимая в процессе самораскрытия, что его мысли и чувства отличаются от тех, что есть у других, человек усиливает чувство личностной идентичности и собственной ценности.

Г.М. Андреева рассматривает общение в контексте социализации со стороны его расширения и углубления, поскольку общение неразрывно связано с деятельностью. Расширение общения автор представляет как умножение контактов человека с другими людьми, специфику этих контактов на каждом возрастном рубеже. Углубление содержания общения Г.М. Андреева понимает как «переход от монологического общения к диалогическому, децентрацию, т.е. умение ориентироваться на

партнера, более точное его восприятие» (Андреева Г.М., 2001, С. 278).

В работе Е.Н. Волковой (1992) на примере педагогического общения показана связь между стилем общения и самосознанием личности.

Необходимость рассмотрения диалогического общения в единстве с внутренним диалогом, которым характеризуется мир личности, рассматривается в работах М.М. Бахтина (1972), Г.М. Кучинского (1988), В.В. Соболенкова (1997).

Таким образом, анализ отечественной психологической литературы позволяет прийти к следующим выводам:

1. Общение является фактором становления самосознания, поскольку в общении происходит осознание человеком своей сущности. Общение выступает универсальной реальностью, в которой зарождаются, протекают все психические процессы и поведение человека, восприятие и усвоение социальной и природной действительности.

2. Изучение влияния общения на личность и личности на общение представляет для нас особый интерес, поскольку связывает между собой «межличностную» и «внутриличностную» реальности человеческого существования.

3. Исследования общения в отечественной социально-психологической традиции свидетельствует о следующих ее особенностях. Прежде всего, категория общения рассматривается в соотношении с двумя другими категориями психологической науки – с деятельностью (в данном контексте – с совместной деятельностью) и личностью.

4. В рамках социализации общение рассматривается как одна из сфер становления личности человека, наряду со сферами деятельности и самосознания, идентичности личности. Взаимосвязь самосознания и общения обусловлена единством механизмов их развития в процессе социализации личности, а также их взаимным влиянием.

5. Категория личности переосмысливается в рамках интерсубъектного подхода к общению. Интерсубъектный подход, имеющий глубокие философские и общекультурные корни, обосновывает идею о коммуникативной природе личности.

Ушакова В.С. (Алматы)
ПРОБЛЕМЫ ЛИЧНОСТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ
ПСИХОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Процессы демократизации общества, социально-экономические изменения, происходящие в нем, растущий интерес к проблемам человека требуют подготовки специалистов, способных оказывать реальную помощь в условиях профессионального труда, жизни и экстремальных ситуациях, характерных для стремительного динамического обновления общества.

В условиях, когда на смену сложившейся репродуктивной приходит новая, личностно - ориентированная парадигма образования, и студент становится субъектом образовательного процесса, особую актуальность приобретает проблема формирования профессионально-психологической компетентности, конкурентоспособности и профессионализма деятельности будущего специалиста.

На первый план выходит потребность в подготовке новых кадров, в частности, в подготовке высококвалифицированных психологов-практиков, профессиональной обязанностью которых является непосредственное воздействие на личность клиента, создание условий для его саморегуляции, успешной социальной адаптации, самореализации. Осознание ответственности за профессио-

нальные вмешательства формирует у психологов потребность в самосовершенствовании профессионально важных качеств собственной личности, в умении проектировать собственную траекторию индивидуального развития.

Наука многократно обращалась к изучению личностных особенностей психологии ученых, рассматривая их с различных теоретических позиций. Рассмотрение карьеры ученого как процесса, обусловленного воздействием на него людей и событий, ведется в рамках двух принципиально отличных подходов. Первый – личностный, ставящий во главу угла личные склонности, предпочтения и способности индивида, и второй подход, акцентирующий процессы общения и социализации, как факторы формирования ученого. Ученых обычно принято подразделять на две группы: профессионалов, достигших зрелости в своей специальности, занимающихся активной научно-исследовательской деятельностью, и профессионалов, лишь формирующихся как ученые и находящихся в подготовительном периоде. К последним относятся также учащиеся, которые в результате разного рода социологических или психологических тестов были сочтены перспективными для науки.

Важные различия в ценностных предпочтениях и самоидентификации людей, работающих в фундаментальной академической и практической областях проследживаются в работах А.И. Донцова, Ю.М. Жукова, Л.А. Петровской. Для психолога-ученого, или «академического психолога» высшим признанием успехов в теоретической работе является именование его высококвалифицированным специалистом, то есть важна «формальная квалификация, должность или длина списка печатных работ».

В статье К.А. Рамуля была сделана попытка дать в самых общих чертах психологический анализ профессии ученого – выявить путем рассмотрения профессиональной деятельности ученого-психолога, некоторые личностные качества и некоторые способности. Необходимыми или важными для каждого академического психолога можно считать, прежде всего, следующие личные качества:

спонтанная любознательность.

способность продолжительное время заниматься решением все той же проблемы.

сравнительно высокая степень научной одаренности, которая предполагает хорошо развитую память, творческое мышление, фантазию, наблюдательность.

отдельные черты личности, а именно: энтузиазм по отношению к своей работе и ее задачам, прилежание, дисциплинированность, способность к критике и самокритике, беспристрастие, умение ладить с людьми.

Вторым слоем в психологии является прикладная психология. Между прикладным психологом и субъектом-носителем психики стоит другой профессионал. Прикладной психолог транслирует из теоретической психологии знания и строит предписания, основанные на этих знаниях, для организации чужой профессиональной практики.

И только третий слой в психологии составляет практическая психология. Это та психология, где психолог имеет собственную практику. Исследование личностных черт, отличающих психологов-практиков от психологов-исследователей, проводили Н.А. Аминов и М.В. Молоканов. Они выявили, что для успеха практического психолога самыми важными качествами личности являются: общий интеллект и стрессоустойчивость, поддерживающий стиль общения. Следует отметить, что множество работ посвящено изучению отдельных профессионально значимых качеств личности психолога. Так, исследуется подсистема коммуникативных качеств личности в качестве коммуникативной компетентности, или социального интеллекта.

Большое внимание отечественными психологами уделяется также проблемам развития профессионально значимых качеств личности психолога на различных стадиях развития профессионала, в том числе на стадии, соответствующей юношескому возрасту (В.А. Сластенин, С.В. Бобрышов, О.Б. Головатская). В частности, изучается формирование профессионально значимого опыта у учащихся – будущих психологов; принципы и методики отбора абитуриентов в вуз для практической подготовки и т.п.

В работе В.И. Носкова о подготовке профессионально зрелых и здоровых специалистов гуманитарного профиля упоминаются конкретные профессионально и личностно значимые качества учащихся – будущих психологов: эмпатия, нервно-психическая устойчивость, особенности межличностного общения, степень конфликтности, коммуникабельность, особенности оценки мимических реакций, жестов, движений партнера по общению.

Личностно-профессиональное развитие психолога в системе высшего образования обусловлено многоплановой деятельностью всех участвующих в нем субъектов. Она обеспечивает продуктивное и гармоничное раз-

витие у будущего психолога мотивационно-ценностных, интеллектуальных, эмоционально-волевых, социально - и профессионально важных качеств.

Основными специфическими особенностями личностно-профессионального развития психолога в вузе являются:

приоритет в системе жизненных ценностей студента-психолога самооценности человеческой личности;

активность гражданской профессиональной позиции студента, выражающаяся в его разноуровневой субъектности в образовательном процессе;

высокая степень осознания гуманистической сущности профессии.

Личностно-профессиональное развитие психолога интегрирует все компоненты образовательного процесса и придает ему многоплановый системный характер. То есть происходит формирование, развертывание и активное взаимодействие мотивационно-целевого, когнитивного, эмоционально-волевого и коммуникативно-деятельностного компонентов. Степень сформированности этих компонентов и взаимосвязи между ними определяют уровень продуктивности личностно-профессионального развития психолога и его творческой самореализации в профессиональной деятельности.

Исследователями определены внутренние и внешние противоречия в личностно-профессиональном развитии психолога. Внутренние противоречия проявляются на уровне индивида, личности, субъекта, индивидуальности (между высоким уровнем интеллектуального развития и недостаточной психической устойчивостью к условиям профессиональной деятельности, между развитыми коммуникативными способностями и не сформировавшейся направленностью личности на профессию, между устойчивой профессиональной направленностью и низким уровнем профессиональной компетентности и др.); на уровне образовательной деятельности (между личностно-значимыми мотивами и социально значимой целью учебно-познавательной и учебно-профессиональной деятельности, между содержанием профессиональной подготовки студента-психолога и средствами ее осуществления, между целями и результатами учебно-познавательной и учебно-профессиональной деятельности и др.); на уровне профессионального труда (между уровнем профессиональной подготовленности и успешностью решения профессиональных задач, между трудностями в профессиональной деятельности и стремлением психолога к самосовершенствованию, между недостаточным опытом студента-психолога и разноплановым и разноуровневым характером профессиональной деятельности и др.). На основе преодоления внутренних противоречий обеспечиваются профессиональное становление и интегративное вхождение психолога в систему востребованной деятельности.

Таким образом, на основе теоретического анализа проблемы профессионально значимых качеств личности психолога можно сделать следующие выводы:

1. Профессионально важные качества – сложная, многогранная психологическая категория.

2. В разных концепциях понятие профессионально значимых качеств личности раскрывается по-разному: через определение способностей, в частности, специальных способностей (Б.М. Теплов, Б.Г. Ананьев, В.А. Крутецкий и др.); в некоторых работах оно рассматривается как самостоятельно существующее, и включающее понятие способностей (Е.А. Климов, В.Д. Шадриков).

3. Наблюдаются различные подходы к исследованию основных компонентов профессионально значимых качеств личности.

ИНТЕГРАТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА СОЦИАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ВОЗМОЖНОСТИ СТАЛКИНГА

Рождаясь, мы приходим в мир и сразу же получаем данную обществом какую-либо роль - сына, дочери, сироты, отказника, подкидыша...

С процессом взросления количество наших ролей увеличивается пропорционально нашему активному включению в жизнь социума, который таким образом пытается создать некую упорядоченность, систему во «вселенном хаосе».

У каждой роли есть свои привилегии преимущества и запреты, наложенные обществом, при этом любая социальная роль вбирает в себя отпечаток личности, т.е. у каждого конкретного человека роль имеет отпечаток его индивидуальности, а личность, таким образом, получает некую степень свободы выполнения роли, что можно назвать стилем ее выполнения.

Актуальным вопросом в таком случае будет являться следующий: а кто Я, или, а где Я. Различные направления психологии, да и каждый конкретный человек отвечают на него по-разному, некоторые сводят свое Я именно к социальным идентификациям, а некоторые требуют чего-то большего – поскольку грустно быть только исполнителем ролей, пусть будет еще что-то душа, к примеру, самость, дух, индивидуальное свободное сознание.

В этом отношении понимание социального интеллекта, целей и задач которые он позволяет выполнять будет кардинально различным, хотя его в том и другом случае можно представить как искусство взаимодействия в социальных ролях, искусство лавирования в них, различным же будет вопрос цели, который исходит именно из нашего определения Я: я лавирую, чтобы быть максимально эффективным в своей роли, потому как Я и есть эта роль, либо я лавирую среди ролей наименее энергозатратным способом в поисках себя. Если к нам подходит первое – то вполне можно согласиться с тем, что и конформное поведение является одним из результатов действия социального интеллекта, некое стереотипное использование социального интеллекта. Поскольку оно также может привести и к социальной успешности и к социальной значимости, а уж если туда добавить чуточку житейской хитрости, то и подавно, то есть формальная социальная успешность в таком поведении не исключается, а вполне возможна и достижима, вопрос цены и энергозатратности. Если второе – я беру на себя роли и играю в них лишь постольку, поскольку мне это необходимо.

Социальный интеллект традиционно рассматривался именно в социальной психологии, и на наш взгляд, это ограничивало его возможности, сужало сферу его использования, когда психология обращается к вопросу Я, социальный интеллект нужно рассматривать в ключе развития не его как способности или искусства, а как еще одну возможную дорогу поиска себя. Именно в этом контексте социальный интеллект можно рассмотреть в рамках интегративной психологии, где основным показателем развития личности является ее целостность, а возможность достижения целостности осуществляется через развитие осознанности, на которую направлены все практики интенсивных интегративных психотехнологий. При этом интегративная психология, в силу ее тотальности, неотрывной связи с практической психологией, в силу ее тенденции соединения новейших методов и древних духовных практик дает богатые возможности эксперимента не только в пространстве личности, но и в пространстве социума.

Таким образом, с позиции интегративной психологии, мы предлагаем рассматривать социальный интеллект, как возможность личностного развития с опорой на

изначальные установки личности - поиска себя, либо отказа от себя, и степень личностной удовлетворенности в этом плане, при этом социальный интеллект как способность, как инструмент работает на обе эти тенденции.

Тенденция отказа от себя, в рамках социальных игр, в одном из крайних своих проявлений, характеризуется исключительно конформным поведением, где человек будет проявлять себя так, и только так как это необходимо в его представлениях социуму. Взаимодействие в таком состоянии происходит по упрощенной бихевиористской модели: стимул – реакция. В этом случае человек не имеет возможности выбора альтернативных реакций, поскольку тотально отождествляет себя с формой, в результате – хотя бы смутная связь с самостью, ядром потеряно, при этом роль не дается легко - поскольку теряется гибкость, основной характеристикой становится ригидность и любое несанкционированное изменение роли или условий осуществления роли проявляется огромным потрясением, катастрофой.

Когда говорят о развитии социального интеллекта, как правило, имеются в виду именно такие случаи, где недостаточность социализации или дезадаптации очевидна и для облегчения социально-ролевых страданий человеку становится необходимым развить хотя бы элементарную гибкость, эмпатию. Через некий момент тренировки выработать определенные социально-адекватные реакции. С этими задачами прекрасно справляются социально-психологические тренинги когнитивной направленности. Однако сама тенденция отказа от себя остается, человек не находит себя, он примеряет дополнительные маски, осваивает новые стратегии поведения и становится в процессе выполнения социальных ролей более удобоваримым для общества, не более.

Тенденция поиска себя с задействованием сил социума в максимальной своей эффективности можно увидеть в духовной практике сталкинга, которую по определению невозможно не включить в поле интенсивных интегративных психотехнологий, основной задачей применения которых является не подмена масок и подбор стереотипов поведения, а постижение целостности собственной личности и выход на уровень равенности (индивидуальное свободное сознание). С одной стороны сталкинг обозначают как духовную практику охоты за собой (собственно охотой на роль как на форму и на то, что она диктует), с другой стороны сталкинг определяют как искусство взаимодействия с миром, людьми, т.е. практика исключительно социальная. Основу поведения сталкинга составляет осознанность, при этом сталкер работает по принципу полного включения и спонтанности, у него возникает равностное отношение к любой социальной роли – и такой формой я тоже могу быть, следствием является последовательная интеграция психического пространства сохранение/нахождение ядра (самости), которое проявляется в любой роли. Такое выполнение социальной роли основано на тотальной осознанности себя, каждого своего действия.

В результате с позиции исполнения социальных ролей в технике сталкинга – появляется социальный интеллект «высшего пилотажа», его проявления благодаря поведенческой осознанности становятся максимально спонтанными, наименее энергозатратным, т.е. появляется свободная энергия. Следствием разотождествления ядра и роли является возможность выбора роли и мастерского исполнения любых ролей, при этом сталкера сопровождает комфортное мироощущение в любой роли, именно здесь можно говорить о появлении новых возможностей социального интеллекта как способа самопознания.

Т.о., рассмотрение социального интеллекта с позиций интегративного подхода, предполагает определение в качестве отправной точки постижение собственного ядра как неделимого Я, достижение целостности личности и непрерывность самопроявления такой личности в мире. Сущностными качествами такого самопроявления является спонтанность и осознанность. В таком случае социальный интеллект позволяет не просто быть успешным в социальном плане, с точки зрения полезности для социума, (что, между тем, если и является обязательным (не факт), то отнюдь не основным), а, прежде всего, - дает возможность самопознания, самопостижения, разворачивающихся как проявления собственного Я в мире. Применение интенсивных интегративных психотехнологий (точ-

нее – их широкого арсенала) позволяет развивать социальный интеллект именно в этом качестве; stalking, предполагает действие человека непосредственно в области социальных отношений, проявления в мире взаимоотношений окружающих и в качестве крайнего противопоставления использования личностью социального интеллекта в целях исключительно соответствия predetermined социумом формам (ролях) позволяет говорить о новых удивительных возможностях развития социального интеллекта. Соответственно, с позиции интегративного подхода социальный интеллект приобретает иную, более личностную, нежели социальную окрашенность и следствием этого будет необходимость рассматривать его в качестве возможности самопознания.

Фаерман М.И. (Ярославль)
ВЫСТРАИВАНИЕ КАРТЫ ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ:
ПСИХОТЕХНОЛОГИЯ АКТИВИЗАЦИИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ

Психологическая консультационная практика в сфере профессионального и личностного развития часто сталкивается с отсутствием выстроенной технологии, с помощью которой в рамках ограниченного времени консультации или тренинга можно решать четкие задачи в рамках универсального клиентского запроса. Проблематика личностного и профессионального развития и активизации внутренних ресурсов, способствующих развитию, безусловно, является универсальной консультационной и, одновременно, клиентской задачей.

В своей тренинговой и консультационной работе мы опробовали технологию активизации зон развития личности (АЗРЛ). По нашему мнению, данная технология может транслироваться и заслуживает внимания коллег. В настоящей статье предлагается краткое описание методологических предпосылок и структура технологии в условиях практического применения.

В основе технологии или консультационного инструмента лежит идеографический понимающий подход, рассматривающий личность как особую уникальную ценность, при этом опирающийся на экспериментальные научные методы исследования личности. В частности – это техники репертуарных решеток (ТРР), базирующиеся в свою очередь на Теории личностных конструктов Дж. Келли. ТЛК, лежащая в рамках когнитивного концепции, породила индивидуально-ориентированный метод и представляет собой «операциональную реализацию когнитивного и индивидуального подхода к субъективному шкалированию» (Иванова Н.Л.) [3]. Мы выделили ряд постулатов ТЛК, которые послужили и методологической основой излагаемой технологии.

События, с которыми сталкивается человек, могут иметь бесчисленное множество толкований;

Не обязательно опровергать одно утверждение для выдвигания альтернативного;

Самые очевидные факты, будучи иначе интерпретированы, приобретают иную окраску, т.е. подвергаются реконструкции;

Такая реконструкция является «конструктивным альтернативизмом» (по Дж. Келли);

Все знание является отнесенным;

В оценке реальности важную роль играют восприятие и понимание, личностная оценка;

Каждый человек – исследователь своей реальности;

Человек интерпретирует реальность, воздвигая системы конструктов, внутри которой факты приобретают смысл;

По Келли «конструкт – это симультанная констатация сходства и различия», т.е. субъективный контраст между двумя группами явлений, например: черное – белое, любимый – ненавистный. Это дихотомии, являющие-

ся личностным изобретением, которое накладывается на реальность;

Конструкты – это средства, пути толкования мира.

[3]

В процедурном ключе мы находим параллели с НЛП-практиками, в частности, с техникой дихотомического отношения к переживанию. *Практика заключается в выборе какого-то актуального переживания, например любви по отношению к конкретному человеку в конкретной ситуации, далее клиента просят обозначить противоположный аспект этого чувства, например ненависть. Следующим шагом клиент делает реальные шаги от точки любви по направлению к точке ненависти в пространстве. Каждый шаг обозначается клиентом: привязанность, влечение, интерес... и сопровождается озвучиванием своих эмоций: тревожно, грустно, спокойно... В том месте, где клиент достигает гармонии, покоя, комфорта, он прекращает движение. Терапевтическая цель достигнута* [5]. Аналогичные технологии применяются и в гештальт-терапии проективных методиках.

В концептуальном и методологическом плане описываемая ниже авторская технология так же использует представление о личности как о целостном психологическом образовании, распространенном в психоанализе или в современном трансперсональном подходе. Задача терапевта здесь – это интеграция личности. «Интеграция – это осознание конфликтов между «Я» и «Не Я», «Так» и «Не так», и открытое, оценивающее принятие того, что ранее отвергалось, отрицалось, подвергалось подавлению и было нерелексируемо» [4, стр.46]. Интеграция – осознание выбора альтернатив как столкновение дуальности.

«Интегративные психотехнологии – система концепций, моделей, методов и навыков которые ведут человека к большей целостности, к меньшей конфликтности, раздробленности сознания, деятельности, поведения» (Козлов В.В.) [4]. Цель интеграции в рамках трансперсонального подхода – выход за пределы дуальностей: «да» - «нет», «черное» - «белое» и вход в пространство «И так тоже», где царит равновесие, гармония, целостность.

Мы можем говорить и о влиянии экзистенциального подхода, в частности, «жизнеизменяющей» (Братченко С.Л.) терапии Бюджетала, одним из постулатов которого является уникальность личности и возможность решения терапевтической проблемы только лишь самой личностью. При этом роль терапевта (консультанта) – оказывать помогающее давление, провоцировать «взгляд внутрь себя» (Братченко С.Л.) [2] и не подсказывать решения и выходы из проблемы [2].

Исходя из такого толкования, АЗРЛ можно отнести к интегративным психотехнологиям, при этом базиру-

ющейся на ряде концепций в рамках идеографической парадигмы.

Описание технологии.

Технология активизации зон развития личности (личностного развития) предполагает несколько вариантов использования. Являясь формирующей практикой, АЗРЛ может применяться и как диагностическая процедура.

Режим индивидуальной консультации.

Шаг первый: клиент излагает (описывает) проблемную ситуацию, требующую решения.

Шаг второй: клиент выписывает в свободных формулировках свои личностные качества, свойства, признаки, черты (*формулировка на смысловом и понятийном языке конкретного клиента*), которые способствуют решению проблемной ситуации (*можно задать количество таких пунктов, например, не менее семи, хотя для чистоты процедуры выбор остается за клиентом*). Сразу после списка положительных характеристик, клиент продолжает список отрицательными характеристиками: какие Ваши качества свойства, признаки, черты мешают Вам решить эту проблему (задачу). Количество пунктов так же может быть задано или свободно. Это стандартная процедура – дихотомия, ранжир, классификация, свойственная системному мышлению, и по нашему мнению, скорее укрепляет бессилие клиента в своей стереотипности: «*Я в очередной раз разложил все по полочкам, а что делать не знаю*». При этом, такой стереотипный шаг поэтапно готовит личность к дальнейшей работе и дает необходимый материал.

Шаг третий: к каждому пункту (положительные и отрицательные характеристики) клиент прописывает противоположенность: характеристику, имеющую субъективно обратный полюс уже обозначенной. Например, *добрый – злой (из положительного списка); мякотелый – волевой (из отрицательного списка)*.

Шаг четыре: все противоположные характеристики (будем называть их гранями), переформулируются (реконструируются) в положительном ключе. Т.е. формулируются в проактивном, по Стивену Кови (Архангельский Г.) [1], созидающем, нацеленном на результат ключе. Например, *добрый – злой, злой – это критичный или осторожный*. Важно, чтобы все формулировки давал сам клиент. Соответственно, реконструкции подлежат все сформулированные в субъективно-негативном ключе характе

ристики, будь они в первоначальном списке, либо в противоположном. Если, по мнению клиента, обе характеристики дихотомии уже сформулированы в положительном проактивном ключе, то они не требуют коррекции.

Шаг пять: полученные грани переносятся на карту личностного развития (КЛР). Карта представляет собой чистый лист бумаги (А4) с точкой в центре. Относительно этой точки – *зоны максимальной ресурсности личности* – клиент переносит все дихотомии равноудалено от центра на одной прямой, причем, синхронное расстояние от цен-

тра тем больше, чем данное качество (отраженное в дихотомии) значимей по оценке клиента. На листе появляется несколько векторов, по-разному удаленных от центра и с подписанными клиентскими формулировками положительно сформулированных дихотомий окончаниями отрезков.

Через эту системную работу клиент прорисовывает и определяет для себя свое ресурсное поле, очерченное гранями своего потенциала.

Шаг шесть. Этот шаг позволяет сделать ресурсное поле, или карту личностного развития, объемной и конкретной. В практике часто случается, что две и более дихотомии, или грани одного ресурса совпадают или близки в формулировках. Например, *добрый – строгий (реконструировано из злого); волевой – добрый (реконструировано из мякотелого)*. Тогда предлагается объединить совпадающие грани. На карте появляется одна грань – *добрый*, а от нее через центр (на одном или разных расстояниях) расходятся лучи к *строгому* и *волево-*

слиянию могут происходить в разных соотношениях. Карта конкретизируется, уменьшается количество граней личной реальности, формулировки в ходе слияния могут продолжаться корректироваться.

Шаг седьмой: интерпретация. Полученную наглядную карту личностного развития (желательно аккуратно оформленную с использованием цветов) необходимо обсудить с клиентом. Центральная точка на карте – метафора источника ресурсов для решения задач, личностного роста, преодоления трудностей. Грани личностной реальности (окончания отрезков) – это аспекты потенциала, уже имеющегося у личности. Эти аспекты взаимосвязаны друг с другом и представляют целостную личность, не вступая в противоречия друг с другом, а являясь сторонами – гранями – этой целостной личности, причем какие-то из них дают больше потенциальной энергии – и к этим ресурсам можно прибегать чаще, а какие-то чуть меньше (*это наглядно видно по расстоянию от центра и количеству сходящихся осей через центр к одной грани*). С картой можно работать пролонгировано, изменяя, дополняя и корректируя.

Таким образом, описанная технология является довольно универсальным инструментом диагностики и развития личности (в личностной и профессиональной сферах). Благодаря наличию четкого алгоритма действий, технология легко транслируема и может использоваться консультантами без особой подготовки. На базе технологии АЗРЛ можно выстраивать диагностическое интервью, консультационную сессию, трениговую процедуру. В нашей практике технология использовалась в группах личностного развития, в аспекте межполовых отношений, в управленческом консультировании, в консультировании по профессиональному определению.

В дальнейшем мы планируем раскрыть выстраивание трениговых групповых процедур на основе технологии АЗРЛ, продемонстрировать клиентские КЛР и их анализ.

**Фетискин Н.П.-Кострома, Филатов О.А.-Москва
СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ В СИТУАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ
НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ.**

Издается при финансовой поддержке РФНФ. Проект № 08-06-00-393а

Интересными для анализа являются показатели стратегий поведения в ситуациях жизненной неопределенности, выделенные мужчинами и женщинами. Отличи-

тельным является активность жизненной позиции у женщин в ситуации социальной неопределенности.

У мужчин спасительным в ситуации неопределенности является надежда на помощь со стороны, семью. Отличительной характеристикой женщин до 20 лет является установка на умение адаптироваться, женщин 21 – 40 лет – оптимизм. Следовательно, женщины занимают более активную жизненную позицию и надеются в большей степени на свой оптимизм и умение адаптироваться, в отличие от мужчин, рассчитывающих на помощь со стороны. Единодушно мужчины и женщины определяют веру в себя. Предложенные стратегии в возрастных группах различаются как у мужчин, так и у женщин. Молодые мужчины и женщины в качестве важной стратегии отмечают планирование жизни. Согласие в нескольких мужских и женских группах отмечается в выделении в качестве возможностей преодоления жизненной неопределенности работу и веру в себя (табл.23).

Таблица 23.

Стратегии поведения в условиях социальной неопределенности

Стратегии	Мужчины (%)			Женщины (%)		
	до 20	21 – 40	старше 40	до 20	21–40	старше 40
Надежда	20,0		15,0	-	-	15,3
Дружья	60,0	5,0	-	-	3,0	-
Вера в себя	20,0	-	-	5,8	4,0	-
Семья	-	40,0	25,0	53,0	3,0	38,4
Работа	-	29,0	-	-	4,0	-
Интуиция	-	11,0	-	-	4,0	-
ЗОЖ	-	5,0	-	-	-	-
Адаптация	-	-	-	12,0	-	-
Установки	-	-	-	-	-	23,0
Отдых	-	-	-	-	-	7,6

На основе анализа ответов был составлен список значимых возможностей преодоления жизненной неопределенности у мужчин и у женщин (табл.24). Мужчины в

качестве возможностей преодоления жизненной неопределенности отмечают увеличение жизненных ресурсов, повышение веры в себя, целенаправленной организации жизни. Женщины также отмечают отсутствие веры в себя, недостаток оптимизма.

Таблица 24.

Ранговая значимость стратегий преодоления жизненной неопределенности

Мужчины	Женщины		
	Ранг	Возможности	Ранг
Планировать свою жизнь	1	Верить в себя	1
Проявлять настойчивость	2	Повысить уровень жизни	2
Верить в себя	3	Много работать	3
Уехать из страны	4	Планировать жизнь	4
Много работать	5	Верить в будущее	5
Выиграть в лотерею	6	Переоценить ценности	6
Больше отдыхать	7	Противостоять трудностям	7

Таким образом, у мужчин социальную неопределенность усиливают экономическая неустойчивость, финансовые трудности и человеческий фактор, у женщин – экономическая и политическая нестабильность, неуверенность в завтрашнем дне. У женщин, в отличие от мужчин обозначены проблемы социальной неопределенности, связанные с изменением ценностных ориентаций, отсутствием идеалов. Спасительным в ситуации неопределенности у мужчин является надежда на помощь со стороны, семью, женщины в большей степени надеются на оптимизм и умение адаптироваться. Причины сложной адаптации у женщин связаны в основном со сферой межличностных отношений и материальными трудностями, а у мужчин с материальными трудностями и политической нестабильностью. В целом, в ситуации социальной неопределенности женщины занимают более активную жизненную позицию, стремятся адаптироваться, заботятся о семье. Мужчины занимают более пассивную жизненную позицию. В условиях социальной неопределенности гендерные трансформации в структуре ментальности имеют адаптивный характер и временную непродолжительность. Жители малых городов России сензитивно реагируют на происходящие изменения и социальную неопределенность.

**Фомина С. (Новосибирск)
КОНЦЕПЦИЯ ЦЕЛОСТНОГО (ТРОИЧНОГО) ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ**

Современная отечественная психология признает целеполагание конституирующим признаком человеческой деятельности, занимающим одно из центральных мест в её структуре и процессе становления.

Так, А.Н. Леонтьев считал, что «развитие процесса целеобразования является необходимой предпосылкой развития личности» [1975].

Такую же позицию занимает С.Л. Рубинштейн. Согласно его концепции, цель представляется как личностное образование, и рассматривать её формирование необходимо в тесной связи с позицией личности в целом. За изменением цели будет всегда стоять конкретная личность, которая ставит перед собой цели и изменяет их. Нельзя отрывать изучение деятельности от личности, от конкретного субъекта деятельности. "Через цели действия содержание входит во внутренний план содержания сознания и определяет его" [1989, с. 7].

В.В. Давыдов отмечает, что рассмотрение сущности человеческой деятельности как целеполагающей и приводит к новому определению предмета психологии. "Изучение механизмов целеполагания, имеющих форму поиска, изучение законов, по которым цели определяют способы и характер человеческой деятельности - таков предмет психологии как науки"[1992, с. 70].

Последнее утверждение демонстрирует признание отечественной наукой первостепенной значимости проблемы целеполагания. Однако долгое время господствующие в отечественной науке функционализм и когнитивистский подход привели к тому, что различные стороны сложного процесса целеполагания изучались разными разделами психологии. Возникает постоянное сужение области исследования, прогрессирующую детализацию и специализацию.

В западной психологии взгляд на целеполагание является двойственным, почти поляризованным. С одной стороны, существует множество разработок, ориентированных на достижение эффективности в бизнесе. Это высокие технологии формулирования цели таким образом, чтобы это приводило к эффективным действиям с запланированным результатом. Такие технологии разрабатываются в НЛП и близких к нему бизнес-ориентированных направлениях (например, «умное целеполагание» - технология постановки SMART-целей).

В этом подходе основной акцент внимания ставится на эффективность выбранных действий, но не учитывается иерархическая зависимость самого этого выбора с процессом личностной самореализации.

С другой стороны, продолжает успешно развиваться холистический подход к человеку, рассматривающий процесс личностной эволюции в целом (аналитическая психология Юнга, гуманистическая психология, трансперсональная психология).

Холистически ориентированные психологические направления выбирают самый широкий масштаб наблюдения и осмысления человеческой реальности, и глубоко разрабатывают знание о целостном эволюционирующем Человеке, обладающем не только социальным, но и духовным измерением. В первую очередь, они заинтересованы в инициировании эволюционного процесса в целом (Уилбер, Гроф, Тарт), самоактуализации (Маслоу), самореализации, творческого состояния, состояния потока (М.Чиксентмихай) и т.д. Однако в этих подходах проблемы постановки целей практически не обсуждаются.

Таким образом, в отечественной психологии преобладает *пассивно-материалистический (созерцатель-*

ный) подход к проблемам целеполагания, заключающийся в наблюдении и описании всех тонкостей спонтанного процесса целеполагания. В зарубежной психологии, наряду с пассивно-материалистическим, широко распространён *активно-материалистический (эвристический)* подход к проблемам целеполагания, заключающийся в создании технологий эффективного управления этим процессом; рядом с этим подходом и с ним не пересекаясь, существует более ранний (восходящий к К.-Г.Юнгу), ориентированный на духовные традиции, подход к индивидуации и самореализации человека, не уделяющий специального внимания проблемам целеполагания.

В связи с этим нам кажется актуальным взгляд на целеполагание как на неотъемлемую часть духовной самореализации. Такой взгляд рассматривает постановку и решение жизненных задач как способ реализации ценностно значимых творческих замыслов. В самом деле, добиться эффективности в некотором направлении, не согласованном с глобальными замыслами личности, было бы для такой личности духовной и энергетической катастрофой.

Нам представляется актуальной задачей определение места целеполагания в целостном процессе эволюции личности как единства биологической, социальной и духовной составляющих, т.е. создание холистического, интегративного подхода к целеполаганию.

Из этой задачи вытекает следующая: создание эффективной технологии такого целостного целеполагания, детерминированного не только снизу (системой подцелей), но и сверху – процессом самореализации.

Фролова О.П. (Иркутск) ПРОБЛЕМА ДУХОВНОСТИ В ПСИХОЛОГИИ

Духовность и наука. Возможно их пересечение? Этот вопрос с этической позиции обсуждается со времени обретения психологией статуса науки, со времени вторжения науки, по мнению ортодоксальных душеведов – духовенства, в область неохватного и непознаваемого. Тогда, да и на протяжении всех полутора столетий, проблема нарушения душевных границ человека наукой, внедрения ее в сферу сакрального волнует многих. Хотя всегда были исследователи, желающие основательно разобраться с проблемой. Около ста лет назад психолог У. Джемс уже изучал религиозный опыт человека.

Изучается ли духовность в психологии в настоящее время? В такой постановке вопрос звучит в связи с определением междисциплинарных границ, с выходом за границы естественного научной парадигмы науки, расширением объекта научного исследования. В последнее время психологи все чаще обращаются к исследованию духовности человека в разных ее аспектах: нравственных, развивающих, воспитательных, веры, способностей и творчества. Однако в сознании некоторых психологов существуют представления о том, что духовность – это однозначно религиозность, и только религия может способствовать культивированию в человеке духовности. Или, что духовность – это только нравственность, а вопросы нравственности подчинены религии или на худой конец – этике.

В книжных магазинах изобилие духовной литературы, к которой относят эзотерическую, конфессиональную, душеведческую, сакральную, для самопознания, для самосовершенствования и прочую подобную литературу. Тогда как очень мало научных и учебных психологических изданий о духовной сфере личности.

Соотношение понятий «тело» – «душа» – «дух» давно описано в метафизических теориях, в источниках, раскрываемых в настоящий период большому количеству

непосвященных людей. Ортодоксальная психология, не признавая парапсихологические факты, считает их необъективными, ненадежными, неистинными. Такие знания составляют огромный пласт как Восточной так и Западной культуры: теософия Е.П. Блаватской, философия и психология буддизма, индуизма и других религий, интегральная йога Шри Аурабиндо, антропософия Штайнера, наука и знания системы ТМ-трансцендентальной медитации Махариши Йоги, идеи Г. И. Гурджиева и П. Успенского и т.д. и т.п. Обычные люди, считающие себя искателями Духа, несмотря ни на что занимаются совершенствованием своего сознания и Духа, используя эти знания, развивают индивидуальное сознание шире, глубже и дальше, нежели отдельные представители науки психологии.

Уже полвека в психологии существует направление, объединяющее тех, кто изучает духовные переживания человека – трансперсональная психология. Однако, теоретические знания её пока плохо интегрированы в общепсихологические. И практики других направлений психологии также очень редко обращаются к духовным сферам личности. Опасения К. Уилбера о том, что направления психологии, занимающиеся изучением духовных составляющих личности – трансперсональная и экзистенциальная – могут исчезнуть, раствориться в научной психологии, могут быть стёрты для последующих поколений, не безосновательны. Так как ортодоксальная психология с её стремлением расчленять, разъединять, причём чаще дихотомично, в настоящее время изживает себя в прежнем виде. Но пока в психологии будет царствовать только естественно-научная парадигма, будет невозможно проводить полномасштабные исследования духовности.

На наш взгляд, решить эту задачу возможно через интеграцию всех направлений психологии, предыдущих парадигм, «волн психологии», к чему стремятся К. Уилбер, С. Гроф, В.В. Козлов и некоторые другие психо-

логи. Сомнения по поводу интегрируемых элементов и возникающих вопросов на методологическом уровне: что интегрировать, как интегрировать, какими методами и кто будет это делать? – не могут иметь однозначных ответов. Одно понятно, что все предпосылки уже есть и понимание у теоретиков и методологов уже существует. Не хватает, скорее всего, пока общего признания самого факта, что это должно быть. Одним словом, пока идет первый этап признания истины, когда большинство говорит «Такого быть не может». И когда он будет – переход к утверждению «Да кто же этого не знает»?

Однозначно, что сознание, будучи предметом интегративной психологии, позволит не только объединить изученные объектные области психического, поведения, бессознательного, но и расширить познаваемую объектную область, «узаконить» и обосновать уже изучаемые духовные уровни сознания человека.

Системное изучение объекта возможно при выходе из наличной системы в более широкую. Методология системного и метасистемного изучения психических явлений человека существует и попытки изучения целостного сознания человека по принципу выхода в метасистему на теоретическом уровне затруднительны. Однако на практике это как не странно – возможно. А.В. Карпов говорит, что «правильно» построенные человеком вторичные образы дают такую возможность, дают мостик перехода и соединения индивидуального сознания с универсумом. Более того, при таком выходе в метасистему должно произойти разотождествление с этими образами и картинками, т.е. переход на другую сторону [1]. Таким образом, возможности научные, изыскательские связаны с индивидуальными. Можешь выйти за пределы индивидуального сознания, пережить сатори, нирвану, можешь изучить сознание, не можешь – не изучишь. Так как выход за пределы – это соединение с универсумом.

Вот и в карте сознания в вероятностно ориентированной модели личности В.В. Налимова один из уровней индивидуального сознания, а именно уровень мышления, связан с метауровнем (космическим сознанием). Еще более древний уровень индивидуального сознания – созерцание образов, тоже связан с уровнем, выходящим за пределы индивидуального сознания, а именно – с коллективным бессознательным, так хорошо описанным К.-Г. Юнгом [2].

Скорее всего, что духовность как высший уровень развития индивидуального сознания является первой возможностью выхода в метасистему, возможностью соединения с Духом (космическим сознанием).

Духовность как проявление психического, став предметом психологии, при интегративном подходе может дать толчок (основание) для выработки новой парадигмы

целостного изучения научных объектов. Что позволит на новых принципах многомерности и неоднозначности истинно рассматривать как некое системообразующее свойство индивидуального сознания, имеющего функции саморегуляции и саморазвития всей душевной структуры человека.

Современные психологии отмечают, что методологически метаподход требует нового взгляда на системное рассмотрение объектов, описание объектов через системы, но на новом уровне – холономном, целостном, интегральном. Не прошлые законы, а новые, описывающие саморазвитие и самоорганизацию систем (В.Е. Ключко), которые дают более широкие возможности толкования объекта в разных, многомерных его проявлениях позволяют формулировать новую научную психологическую парадигму. Основополагающие принципы синергетического подхода к самоорганизующимся системам во многом совпадают с принципами проявления духовности человека, описанными в эзотерике, духовных практиках, учеными-психологами В.В.Козловым [3], К Уилбером [4] и другими. Это – целостность, обусловленность, самоорганизация, позитивность, потенциальность, многомерность истины и др.

Духовность человека, Дух возможно познавать выходя за пределы Эго. Потому психологи все чаще трансцендируют индивидуальный или узко групповой опыт, стереотипы и установки посредством медитации. По словам Рудольфа Штайнера, путём медитации можно подняться к тому, что связывает человека с Духом. И тогда он начинает оживотворять в себе то, что пребывает в нём вечно и не ограничено рождением и смертью. «Медитация есть средство, ведущее к сверхчувственному познанию. Ибо каждый человек несёт внутри себя, наряду со своим – назовём его так – обыденным человеком, ещё и другого, *высшего человека*. ... И каждый может лишь сам пробудить в себе этого высшего человека» [5]. Элементы субъективного знания, полученного таким способом, требуют доказательств общепринятыми научными методами, что указывает на интеграцию и методического обеспечения, интеграцию методов количественных, измерительных, экспериментальных и качественных, наблюдательных, герменевтических.

Интегративная психология по содержанию должна стать наукой о сознании человека, а по сути о восхождении человека к Духу, индивидуации, самопостижению, духовности личности. Духовность в образе высшей, пророчивающей силы человеческой жизни на земле существует как проявление сознания, а значит – это предмет психологии. Всё что связано с сознанием и проявлениями его у человека есть и должно быть предметом изучения психологии.

Халваши О.В., Сукманюк А.Н. (Москва) Интегративная энерготерапия

Сегодня наступает новая эра – время, когда ученые заново открывают реальность, когда происходит слияние духовности и науки, в основе которого лежит новая научная парадигма энергетического взаимодействия материи и сознания.

Последние научные исследования показали, что природа нашего сознания – электромагнитная и берет свое начало в высших пространствах сложных геометрий. Мы – голографические существа с взаимосвязанными системами и всегда функционируем внутри единого целого.

Станислав Гроф после 30-ти лет изучения измененных (особых) состояний сознания сделал вывод о неисчерпаемых возможностях, которые открывает исследователям человеческой психики голографические взаимосвязи. Для описания явлений, в которых сознание вы-

ходит за обычные границы личности, С. Гроф изобрел термин «трансперсональный». В конце 1960-х годов вместе с несколькими близкими по духу коллегами и психологом А. Маслоу он создает новую ветвь психологии под названием Трансперсональная психология. По мнению Грофа существует глубокая связь между голографическими процессами и возникновением архетипов каждый раз, когда испытывается особое состояние сознания.

Одно из наиболее глубинных исследований особых состояний сознания принадлежит Ч. Тарту. Он пришел к выводу о том, что «переход между различными состояниями сознания происходит скачкообразно, по типу «квантового скачка», с полным разрывом специфических взаимосвязей психических подсистем и их последующей перестройкой в новую, стабильную структуру сознания». На сегодняшний день есть несколько психотехник, в том

числе и дыхательных, которые работают как «пусковой механизм» изменений волновой структуры электрической активности мозга.

Именно как «пусковой механизм», работает интегративная энерготерапия, которая является определенной психотехникой. Конечно, говоря о психотехниках, мы сталкиваемся с определенными проблемами - практически невозможно их описать, осмыслить и понять с точки зрения ортодоксальной психологии. Тем не менее, они есть и отлично работают, помогая людям в решении многих психологических проблем. Язык психологии строится на системе психологических понятий, а язык психотехники является выражением интегральной целостности.

В основе интегративной энерготерапии лежит несколько физических принципов, которые сведены в четкую последовательность действий и слов, произносимых специалистом. Именно эта последовательность создает уникальную энергию сеанса и является своего рода лазером, который освещает целостность человека, помогает ему «вспомнить» о функционировании внутри единого целого.

В свете понимания электромагнитной связи человека с человеком во время сеанса интегративной энерготерапии участвуют три важных понятия - резонанс, созвучие и голографическая природа человека. Связь между этими тремя понятиями заключается в следующем: «Каждый человек является уникальным голографическим выражением первоначального резонанса Вселенной, и каждый человек способен к резонансу и созвучию с этим первоначальным резонансом».

Слово «резонанс» происходит от латинского слова, означающего «отзвук, отголосок, эхо». Когда один предмет резонирует с другим, происходит перенос энергии от источника вибрации к этому другому объекту. Подобный перенос возможен благодаря феномену симпатического резонанса. Например, когда камертон откалиброван, или настроен, на определенную ноту, и голос певца зазвучит на этой самой ноте, то тогда камертон начнет вибрировать в резонансе с голосом певца. Если звучит другая нота, то в камертоне нет ни вибрации, ни резонанса. Симпатический резонанс можно также наблюдать на примере двух музыкальных инструментов с одинаково настроенными струнами (скрипка, арфа и т.д.), которые находятся рядом друг с другом. Если тронуть струну на одном инструменте, то ее вибрацию почувствует такая же струна на другом инструменте: она начнет поглощать энергию звука именно этой частоты и начнет вибрировать на этой же частоте. Симпатический резонанс имеет еще одно свойство: струны, настроенные на одну или более одинаковых октав над вибрирующей струной, тоже начнут вибрировать. Таким образом, работа с тонами в одной октаве может продуцировать вибрации более высоких октав.

В соответствии с принципом резонанса движениями и намерениями сеанса специалист создает определенную электромагнитную частоту, а электромагнитное поле клиента отзывается на нее (резонирует) тем, что реорганизуется и переходит на следующий, более высокий уровень.

Открытие созвучия связано с голландским ученым, которого зовут Кристиан Хейгенс. В 1665 году, работая над конструкцией маятниковых часов, Хейгенс заметил, что, когда он помещал двое часов рядом на одной стене и заставлял маятники качаться с разной скоростью, оба маятника в итоге начинали раскачиваться одновременно и с одинаковой скоростью. Созвучие можно определить как тенденцию двух качающихся (двигающихся взад и вперед) тел замыкаться в одной фазе, так что они начинают согласано вибрировать. Его также можно определить как синхронизацию двух и более ритмических циклов. Классическим примером этого явления могут служить

две отдельные пульсирующие клетки сердечной мышцы. Если поместить их рядом, то они начинают пульсировать в одном циклическом движении. Еще один пример эффекта созвучия – у женщин, живущих в одном доме, часто начинает совпадать их менструальный цикл. Принцип созвучия универсален. Он проявляется в химии, фармакологии, биологии, медицине, астрономии, социологии, и, конечно же в психологии. Слова, произносимые вслух специалистом, способствуют тому, что клиент вступает в созвучие с теми качествами, которые он хочет проявить в жизни.

Каждый из нас располагает собственной внутренней энергетической системой, она является хранителем энергии, которая необходима для адаптации к меняющимся условиям окружающей среды. Это адаптационная энергия, которая определяет наше долголетие (Г. Селье, 1951 г.). В то же время внешняя энергетическая система позволяет усилить внутреннюю энергетику за счёт «космической энергии». Она еще не известна фундаментальной науке, но со времён глубокой древности получила в Китае название «ци». И многие люди испытали на себе благотворное действие акупунктуры, где используемые иглы помогают разблокировать поток энергии вдоль меридианов. Меридианы представляют собой систему энергетических линий, проходящих через все тело. Большинству людей эти меридианы не видны, но ученые начинают обнаруживать их.

Движения, которые производит специалист над телом клиента – очень плавные и похожи на движения Тай Чи. Наши руки представляют собой биологические магниты, которые имеют определенную полярность. И, благодаря этому замечательному свойству наших ладоней, движения рук на сеансе обеспечивают правильную балансировку всех электромагнитных систем нашей анатомии.

Эта система была разработана Пегги Дубро и известна во всем мире как EMF Balancing Technique®. Более подробно ознакомиться с этой системой можно в книге «Элегантное обретение силы. Эволюция сознания». Обучиться этому методу можно только, пройдя специальный тренинг, на котором определенным образом передается специфический резонанс.

Помимо балансировки физических, эмоциональных и ментальных систем, на сеансах EMF Balancing Technique® человек находится в особом состоянии сознания. А как мы знаем, возможности этих состояний безграничны – они могут воскрешать события прошлых земных воплощений, получать информацию из будущего. Наши мысли взаимодействуют с информационным полем через своеобразный компьютер, который можно считать «полевым фантомом мозга».

Я применяю психотехнику, разработанную Пегги Дубро с 2006 года. Увлекаясь физикой, в частности голографической теорией и теорией суперструн, я увидела в EMF Balancing Technique® и в теории UCL® логическое объяснение, где и как конкретно в пространстве происходят все психологические изменения личности. Проведено более 3000 сеансов. Накоплен огромный исследовательский материал, который еще только предстоит осмыслить и проработать. И уже сейчас можно смело сказать, что это инструмент, который позволяет совершать сознанию «квантовый скачек» из одного состояния в другое, более стабильное. И это действительно – элегантное обретение внутренней силы!

За психологической помощью обратилась женщина в возрасте 43 лет с жалобой на то, что она просыпается от удущья каждую ночь на протяжении всей своей сознательной жизни. У женщины наблюдалась явная повышенная тревожность и депрессивное состояние, а дисбаланс в ее повседневной жизни проявился на физическом уровне рядом психосоматических расстройств. Ей

был предложен в качестве альтернативы курса психотерапии пройти цикл сеансов EMF Balancing Technique®, состоящий из 4 фаз.

На сеансе, будучи в особом состоянии сознания, она «увидела со стороны» сцену из ее прошлой жизни, где она была младенцем, которого задушили ночью подушкой. В результате, произошло спонтанное освобождение от «регрессивной» травмы, причем без драматического эмоционального катарсиса.

Интегративная энерготерапия, в частности EMF Balancing Technique® способствует высвобождению избыточного потенциала, который окружает диск (геометрически правильный сформированный паттерн в определенной системе электромагнитной анатомии) с информацией об эмоционально заряженном событии прошлого. Это спонтанное освобождение возможно благодаря многим

факторам, таким как геомагнитные изменения Земли, эволюция нашего сознания. Освобожденный энергетический потенциал человек может своим сознательным намерением направить на активацию скрытых (в большинстве латентных) талантов и способностей или на реализацию каких-либо проектов или реальностей, проявления которых он хочет. У некоторых моих клиентов открылся талант рисования, у других – поэзия.

Интегративная энерготерапия позволяет исцелить от травм без старых переживаний болезненных эмоций. На самом деле болезненные эмоции могут привести к повторной травматизации. И для того, чтобы освободиться от этих симптомов и страхов, достаточно только пробудить свои глубинные энергетические ресурсы и сознательно их использовать.

Хромова Е.Г. (Москва) КУНДАЛИНИ ЙОГА. ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД

18 лет в нашей стране существует и развивается новое направление психофизического развития - Кундалини йога.

С начала 90-х годов и по сегодняшний день в России и странах ближнего зарубежья оно все больше приобретает популярность. В Москве, Челябинске, Набережных Челнах, Астане, Алма-Ате, Казани и др. крупных городах все большее число людей выбирают этот вид йоги и регулярно практикуют, изучают и интересуются. Московские йога - клубы насчитывают сейчас более 3500 практиков, и данный процесс все больше разворачивается на фоне увеличения количества литературы, сайтов, страниц в ЖЖ и прочих видах информационных коммуникаций.

Это направление, на наш взгляд, заслуживает особого внимания профессионалов в области психологии и медицины, так как имеет явный терапевтический и развивающий потенциал.

Итак, немного истории. Йога возникла как интегральное учение и интегративная практика, объединяющая различные учения и направленная на устранение внутренних противоречий между различными практиками, с целью освобождения дополнительных трансформационных ресурсов. «Сущность йоги довольно проста: она означает запрягать или соединять. Когда Иисус говорил: «Ибо иго мое благо (легко)» [Мф.11:30], он имел в виду «Ибо йога моя блага (легка)». Как на Востоке, так и на Западе йога представляет собой способ сопряжения, или единения, индивидуальной души с абсолютным Духом. Она является средством освобождения, которое поэтому оказывается обжигающим, напряженным, иступленным. Она уносит вас далеко за очерченные для вас пределы; можно сказать, что она уносит вас в бесконечность.» (Кен Уилбер в «Предисловии» к «Энциклопедии йоги» Георга Ферштайна).

Йога обладает свойствами холистического подхода, проникая в каждый уровень человеческого существования. С течением времени техники йоги были разделены и потеряли свою однозначность. Обладая различными потребностями и установками, каждый человек уделял большее внимание и больше практиковал какие-то отдельные составляющие целостной йогической системы. Некоторые предпочитали просто упражнения, не уделяя внимания мантрам, другие выполняли мантра-медитацию без контроля дыхания. Однажды такое разделение привело к конечному распознаванию 22 различных школ йоги. Из этих 22 школ в настоящее время широко практикуется менее двенадцати.

Краткое описание различных форм йоги: Анабхава йога. Дисциплина небытия; высочайшая йогическая практика растворения себя в Себе без реальной под-

держки. Аштанга йога. Дисциплина восьми ступеней, описанная Патанджали. Бхакти йога. Дисциплина любви и преданности. Отдача эго в любви. Дхьяна йога. Дисциплина медитации; внимательность и концентрация - всё это относится к этой форме йоги. Гуру йога. Поглощение через фокус, отдачу и обретение добродетелей по отношению к учителю. Гьян (Джняна) йога. Дисциплина различения мудрости, чтобы отличать реальное от нереального, интуитивное от импульсивного и разумное от интеллектуального. Хатха йога. Владение полярностями. Джапа йога. Дисциплина повторения мантр. Карма йога. Дисциплина действий по превосходению себя. Это изначальный подход, описанный в Бхагавад Гите. Крия йога. Дисциплина доведения действий до завершения внутри себя. В Йога Сутрах Патанджали она упоминается как сочетание практики очищающих упражнений (тапа), глубокого изучения (свадхьяна) и преданного сознательного почитания Высшего Единого во всем (ишвара - пранидхана). Кундалини йога. Единая дисциплина силы осознанности и потенциала в каждом человеке. Ее называли наукой о "змеиной" силе (кундалини - шакти), являющейся основной в тантрической традиции, включающей Хатха йогу. Змея представляет энергию, суть, осознание, обновление и игру духа. Лайя йога. Слияние конечного с Бесконечным. Использование звука и мантры с ритмом и чувствительность к его тонкой структуре. Часто практикуется в группах. Мантра йога. Дисциплина йогической традиции, существующая со времён Веды. В ней используются звуки, которые защищают и проецируют ум. Наад йога. Дисциплина внутреннего звука, первичной вибрации. Сиддха йога. Дисциплина развития экстраординарных способностей. Самкхья йога. Дисциплина постижения природы вещей. Философия учения освобождения, относящегося к Махабхарате. Раджа йога. Королевская дисциплина, Маха йога. Йога Шакти Упанишады говорят о ней как о практике, сочетающей Мантра йогу, Лайя йогу, Хатха йогу и Радж йогу. Прибавьте к этому прямую связь с осознанностью, данную мастерами и Шабод Гуру. Сахадж йога. Техника йогического подхода, который даёт силу и активность. Основана на практиках и действиях, которые развивают ощущение способности и силы в человеке, что не ограничивается только практикой преданности. Техники Шакти и Бхакти взаимно дополняют друг друга. Шакти Йога. Тантра йога. Психофизические техники, используемые для очищения подосознания и обеспечения ясности души. Мы выполняем Йогу Белой Тантры. Траатик йога или Тратак. Дисциплина созерцания священного объекта или картины учителя. Янтра йога. Дисциплина фокусировки ума на геометрическом изображении (янтра) Космоса или энергетических процессов. (Уайт Джон. «Что такое Просветление»)

Кундалини йога соединяет в себе почти все виды йоги, сочетая их таким образом, что образуется сильный эффект, трансформирующий сознание, изменяющий внутреннюю и внешнюю жизнь человека. Это сплав движений, дыхания, медитаций, релаксации, ритма, звука, который высвобождает силу человека и направляет энергетические потоки в целительное русло.

Как писал Йоги Бхаджан: «Существует много разных видов йоги. То, к чему относится кундалини йога, Это йога осознания. Человек учится осознавать свой потенциал. Все известное имеет неизвестный потенциал, и ваше право узнать его. Почему вы не познали свой потенциал до сих пор? Потому что у вас не было метода. Кундалини йога, как метод, была оставлена для нас великими учителями, и сегодня находится в нашем распоряжении».

Цейтлин О.А. (Москва)

СЕМЬИ МИГРАНТОВ В МЕГАПОЛИСЕ: КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ ПРОБЛЕМ ВНУТРИСЕМЕЙНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В современном мире мигранты стали, и будут оставаться структурообразующим фактором экономики мегаполиса, который не может успешно функционировать без их привлечения, поэтому исключительно актуальным становится вопрос: на сколько успешно мигранты адаптируются на новом месте? Способность индивида к адаптации зависит от устойчивости функций организма и гибкости (разнообразия) реакций центральной нервной системы и психики, но при сохранении душевного равновесия.

Стабильность душевного равновесия – это ровное спокойное настроение вследствие баланса процессов торможения и возбуждения, положительных и отрицательных эмоций, отсутствие резких всплесков, не оправдаваемых ситуацией, а в случае волнения – быстрое возвращение психики в ее прежнее состояние. Это определяется как природными задатками, так и особенностями воспитания.

В новых условиях мигранту предстоит сохранять стабильность комплекса Я как организующего центра психики, равновесие во взаимоотношениях с окружающими, чувство собственного достоинства, устойчивость содержания сверх-Я, а, следовательно, нравственных ориентиров.

Гармоничная семья всегда была и будет для человека, а особенно для человека, совершившего миграцию, надежным тылом, источником сил и душевного равновесия, основой стабильности во внешнем мире, поэтому проблемы в семье наиболее остро отражаются на детях мигрантов. У не мигрантов широкая социальная сеть, а у молодых мигрантов чаще всего – только родители, поэтому внутрисемейные проблемы сказываются на мигрантах особенно остро.

Поэтому на наш взгляд является важным изучить особенности внутрисемейного взаимодействия в семьях мигрантов и понять существуют ли помимо гендерных различий, различия миграционные.

В этой связи нами было предпринято исследование характеристик внутрисемейного взаимодействия у московской молодежи из семей мигрантов.

В нашем исследовании приняли участие 166 студентов колледжей г. Москвы в возрасте от 16 до 22 лет. Из них 44 человека родились не в Москве (мигранты 1-го поколения), 62 человека – мигранты 2-го поколения (то есть один или оба родителя родились в провинции) и 60 человек – мигранты 3-го поколения (их дедушки и бабушки родились не в Москве).

В исследовании был использован опросник И.М. Марковской «Взаимодействие родитель-ребенок», предназначенный для изучения и оценки взаимодействия родителей и детей в семье с точки зрения подростков. В подростковом варианте опросника представлены 10 шкал:

1. Нетребовательность-требовательность.
2. Мягкость-строгость родителя.
3. Автономность-контроль по отношению к ребенку.
4. Эмоциональная дистанция - эмоциональная близость ребенка к родителю.

5. Отвержение-принятие ребенка родителем.
6. Отсутствие сотрудничества-сотрудничество.
7. Несогласие-согласие между ребенком и родителем.
8. Непоследовательность-последовательность родителя.
9. Авторитетность родителя.
10. Удовлетворенность отношениями ребенка с родителем.

Проведенный анализ гендерных различий взаимодействия отца с детьми показал, что юноши в большей степени, чем девушки считают отца эмоционально близкой фигурой ($U=1117,5$, $p<0,001$). То есть у молодых людей, в большей степени, чем у девушек развита потребность делиться с отцом самым сокровенным и важным.

Молодые люди в большей степени, чем девушки считают, что в их взаимоотношениях с отцом присутствует сотрудничество ($U=1400$, $p<0,05$), что отражает равенство и партнерство в отношениях с отцом и является следствием включенности молодых людей во взаимодействие.

Анализ взаимодействия матери с детьми также выявил гендерные различия. Юноши, в большей степени, чем девушки считают, что матери в отношениях с ними проявляют требовательность ($U=2451$, $p<0,05$).

Исследование различий стилей внутрисемейного взаимодействия в семьях мигрантов 1-го поколения показало, что молодые люди, родившиеся в Москве чаще, чем не москвичи считают, что их матери во взаимодействии проявляют требовательность ($U=1825,5$, $p<0,05$) и контроль ($U=1886$, $p<0,05$). То есть матери москвичей, по мнению респондентов, ожидают от своих детей более высокого уровня ответственности, и одновременно с этим предоставляют им меньше свободы (автономности).

Наше исследование показало, что, по мнению респондентов, отцы, родившиеся в Москве, эмоционально ближе к своим детям ($U=1276,5$, $p<0,05$) и более последовательны в отношениях ($U=2451$, $p<0,05$). То есть дети из семей, где отцы родились в Москве, испытывают большую потребность делиться с ними сокровенным и чувствуют своих отцов эмоционально близкими людьми. Отцы не москвичи, по мнению респондентов более последовательны в своих требованиях, воспитательных приемах и отношении к ребенку, чем отцы, родившиеся в Москве.

Респонденты, чья мать родилась не в Москве, считают, что матери их сильнее контролируют ($U=2518$, $p<0,05$), чем матери, родившиеся в Москве. То есть матери, родившиеся в провинции, в отношениях со своими детьми в большей степени опекают и ограничивают своих детей, чем матери, родившиеся в Москве.

Наше исследование показало, что тип семьи оказывает существенное влияние на характер внутрисемейного взаимодействия детей с их отцом. Так, в полных семьях наблюдается большая степень эмоциональной близости детей с отцом ($U=459,5$, $p<0,05$), в таких семьях дети в большей степени чувствуют принятие себя отцом ($U=371,5$, $p<0,001$) и как следствие их развитие будет бла-

гоприятным, а самооценка адекватно высокой. Дети из полных семей в большей степени по сравнению с детьми из неполных семей ощущают равенство и партнерство во взаимоотношениях с отцом, больше включены во взаимодействие и сотрудничество ($U=398$, $p<0,05$). В таких семьях гораздо выше степень и частота согласия детей с отцовским стилем воспитания и степень согласия с ним в различных житейских ситуациях ($U=405,5$, $p<0,05$). Респонденты из полных семей считают отцов более последовательными в своих требованиях, в своем отношении к ребенку и в применении наказаний и поощрений ($U=407,5$, $p<0,05$).

Респонденты из однодетных семей считают, что их матери в меньшей степени, чем матери в двухдетных и многодетных семьях принимают их ($N=8,7$, $p<0,05$), то есть в однодетных семьях дети чувствуют себя более отвергаемыми матерью, чем дети в двух- и многодетных

Респонденты из однодетных семей считают, что их матери в меньшей степени, чем матери в двухдетных и многодетных семьях принимают их ($N=8,7$, $p<0,05$), то есть в однодетных семьях дети чувствуют себя более отвергаемыми матерью, чем дети в двух- и многодетных

Чадаева О. (Ярославль) **Генезис танца как культурно-психологический феномен ТДТ**

Корни танцевально-двигательной терапии (ТДТ) восходят к рождению культуры древних цивилизаций. Известно, что в основе ТДТ лежит танец, как движение. Таким образом, вероятно, момент рождения танца знаменует рождение его психотерапевтической сущности, а, значит, и развивающегося направления психологии и психотерапии Танцевально – Двигательной Терапии.

В современной культуре существует большое количество определений танца. Танец пытались понять и объяснить с момента возникновения первых вариаций танца древних народов мира. Рассмотрим наиболее специфические и интересные из них в культурно – историческом аспекте.

Первобытное время:

Танец – основная форма совершения обрядов, ритуалов, в том числе обрядов жертвоприношения, поклонения, охоты, рыболовства и плодородия, всеобщего благополучия, любви и брака; основной формой танца являлся круг, имеющий символический, магический смысл, связанный с культами Солнца и Луны. Возможен как в групповой, парной, так и в индивидуальной формах, в которых каждый исполнитель танцевал отдельно и в которых, однако, вырисовывалась форма круга, где нет четкой дифференциации между зрителем, исполнителем и сочинителем; особое значение имели женские танцы, т.к. связь членов племени с томоном происходила через женщину; первобытные танцы полифункциональны, выполняя функции от психофизических до психофизиологических и социально-психологических, сохраняя накопленный племенем жизненный опыт и передача его подрастающему поколению (Королёва, 1997, с.50).

Танцы античности:

Следует отличать специфику танцев Древней Греции и Древнего Рима.

В период Древней Греции танец – трагедия, где он является средством усиления напряженности драматического действия (Эсхил), выражением эмоциональной реакции, на разворачивающиеся события (Софокл), а также рассматривается как пантомимка, изображающая чувства и сопровождающая выступления хора (Еврипид); танец приобретает новую функцию – сопровождение речи. В комедиях танец становится самостоятельным средством выражения чувств, в том числе эротических и откровенно сексуальных.

Римляне внесли в историю мирового танца большой вклад как создатели пантомимы. Пантомима – это чрезвычайно стилизованная последовательность движений, как правило, одного исполнителя, причём основная роль отводилась жестикуляции; несмотря на то, что в Древнем Риме преобладала пантомима, ритуальный танец там тоже не был забыт: существовало много танцев – шестий на разные случаи. Например, члены жреческой коллегии салиев, жрецов Бога Марса, исполняли свою культовую воинскую пляску – трипудий, т.е. танец в трёх-дольном размере.

Танец в Средние века:

Разделение на тело и душу (в связи с появлением христианства), признание тела «сосудом греха», при-

шло к тому, что танец и телесность лишились статуса «священного», а ритуальная сакральная функция была выхолощена. И танец всёбольше становился развлечением; в средние века и русле развития непрофессионального танца на первый план выходят его катарсическая функция и функция общения. Танец к этому времени становится единственным способом выражения, выплеска несанкционированных, социально – нежелательных, в том числе сексуальных эмоций, средством нерегламентированного общения (появляются карнавалы, развиваются народные танцы, появляются придворные учителя танца. Танец начинает уходить от спонтанности, эмоциональности к формальности, церемониальности, чопорности.

Танец в эпоху возрождения:

Танец – способ естественного развлечения и общения. Появляются дуэтные танцы близости; танец превращается в самостоятельный вид искусства, он не является уже «пластическим» продолжением музыки и не нуждается в словестном сюжете.

Танцы XVI – XVIII вв.:

Эволюция танца шла от придворного представления к театральному танцу. Танец превратился в миниатюрный спектакль с «живыми картинами» и танцами. В Англии имели место драматические пьесы, ставившиеся во дворце, за которыми непременно следовала «маска» - комедийный дивертисмент, где фигурировали как образы античности, так и волшебной сказки, а центральный большой танец исполнялся всеми присутствующими дворянами. В противовес «маске» появилась «антимаска» - гротескное или комическое представление, исполнявшееся после главной маски. Франция характеризовалась всевозможными маскарадами, откуда, собственно, и выделился жанр «балет с выходами», где сплетались воедино единство сюжета, музыка и поэзия. Это четко установило границу между публикой и артистами; и после этого театральный танец стал делом профессионалов.

Танцы XX в.:

Танец как вид искусства выделял в себе социальные танцы, характерными чертами которого явилось эстрадное направление, типа чечётки, который исполнялся как минстрел – шоу и позже приобрёл художественную форму. Ворודились и спонтанные движения тела. В танцевальном искусстве существовало главное утверждение - принцип о том, что только естественный жест, освобождённый от условности, способен свободно передать человеческие чувства. Далее (с появлением понятия «современность») в танце неотъемлемо стремящееся движение: от простой ходьбы, бега, скачков до различных естественных положений тела. Имели место естественный бег и прыжок, естественные, но активные движения головы и рук (стиль модерн). В постмодернизме танец приобрёл черты углублённой психологичности и драматичной напряженности. Был создан танец, свободный как от рефлексии, так и отизобразительности хореографических образов. Появились такие тенденции, как алеаторичность (случайность) хореографии, непоследовательность, свойственная абсурду, дегуманизация и некоммуникативность, свойственные «боевым точкам» времени.

Неевропейские тенденции развития танца

В индийской традиции и «танец» и «драма» обозначаются одним и тем же словом «натья» - выразительном танце-пантомиме, который излагает целую историю, и о «нрите» - чистом танце ради танца, в котором танцующий полностью отдаётся стихии ритмов. В китайской традиции танец находится в подчинённом положении по отношению к драме и театру, движение и жест несут большую смысловую нагрузку.

Таким образом, отметим, что с момента своего появления, с момента зарождения «человеческого» танец выполнял функции, которые присутствовали в той или иной мере (в каждом времени и в каждой культуре). Следует также отметить, что специфика современных видов танца как раз и характеризуется тем, что танец несёт в себе совокупность всех исторических танцевальных традиций и культур и в той или иной степени выполняет в себе и их функции. Перечислим эти функции:

Ритуальная (сакральная) – танец как самый естественный способ установления связи со «священным», первичный, символический язык человечества.

Коммуникативная – танец как первичный язык, способ передачи знания и кодификация общения не только между полами, но и между членами первичных групп.

Идентификационная – танец, как способ самоопределения, причём «само», в данном случае – это, в первую очередь, принадлежность своему племени, полу и т.д., разделённая общность, без которой невозможно выживание.

Экспрессивная – танец как игра и первое свободное (в том смысле, что не всегда строго функциональное) самовыражение.

Катарсическая – танец, как способ снятия эмоционального напряжения, разрядки, путь к освобождению.

Эти функции, естественно, в изменённом виде, танец сохраняет и сегодня. Он может выражать весь спектр человеческих чувств. Он остаётся социальным ритуалом, помогающим установлению отношения между полами, способом идентификации в современных субкультурах. И в нём по-прежнему есть сила, способная приводить нас в состояние «измерения священного», которое и является источником главных смыслов человеческого существования.

**Чеботникова В.В. (Алматы)
МЕТОД ХОЛОТРОПНОГО ДЫХАНИЯ**

Метод холотропного дыхания предельно прост: за счет глубокого частого дыхания наступает эффект гипервентиляции – в крови значительно понижается концентрация углекислого газа, что приводит к сужению сосудов. Кислород прочнее связывается с гемоглобином, и красные кровяные тельца хуже отдают его тканям. Возникает парадоксальное кислородное голодание от избытка воздуха. Примерно тоже происходит у астматиков, при стенокардии и гипертонии, когда кровь в результате частого дыхания насыщена кислородом, а организм, его ткани задыхаются от недостатка кислорода. Наступает торможение коры головного мозга и активизируется подкорка, что вызывает вытесненные из сознания переживания.

Что касается самого тренинга, необходимо подчеркнуть, что переживания происходящие во время дыхания, нельзя полностью систематизировать и подвести под общие шаблоны, так как, каждая личность – индивидуальна и «пришла» в этот мир при своих собственных обстоятельствах, которые не подлежат системности. По мере углубления процесса эмпирического самоисследования эмоциональная и физическая боль может достичь такой интенсивности, что человек как бы переходит границы индивидуального страдания и переживает боль целой группы людей, всего человечества или даже всего живого. Для этого опыта типично отождествление с ранеными или умирающими солдатами различных времен, мучениками подземелий, узниками концентрационных лагерей, гонимыми евреями или первыми христианами, с матерью или ребенком во время родов, с животным, настигнутым хищником. Этот уровень человеческого бессознательного представляет собой пересечение биографического опыта со спектром различных трансперсональных переживаний.

Переживания этого уровня бессознательного обычно сопровождаются яркими физиологическими проявлениями, такими, как удушье различной степени, учащенный пульс и сердцебиение, тошнота и рвота, изменения в цвете кожи, колебания температуры тела, спонтанные кожные высыпания и появления синяков, подергивания, дрожь и судороги, необычные двигательные феномены. В психоделических и немедикаментозных эмпирических сеансах, а также при неожиданно возникающих необычных состояниях сознания эти явления могут быть настолько подлинными и убедительными, что человек

может поверить, что действительно умирает. Даже опытный присматривающий или свидетель подобного эпизода может воспринимать ситуацию как серьезную угрозу жизни.

На биографическом уровне лишь люди, действительно пережившие встречу с возможностью смерти, могут столкнуться с такого рода проблемами. Однако когда процесс углубления в бессознательное выходит за биографические пределы, подобного рода переживания могут стать определяющими. Даже люди, не испытывавшие угрозы для жизни на собственном опыте, могут прямо переживать подобные феномены. Для тех же, кто на своем опыте пережил серьезные физические травмы, болезни, операции или опыт удушья, воспоминания об этих переживаниях играют роль связующего звена с этой областью.

Встреча со смертью при такой глубине самоисследования может органически переплетаться с различными явлениями, связанными с процессом биологического рождения. Встречаясь с редсмертной агонией, люди одновременно переживают родовые муки (как если бы они рожали или рождались). Кроме того, многие физиологические и поведенческие составляющие этих переживаний находят свое естественное объяснение как производные процесса рождения. В этом контексте часто встречается отождествление с плодом в утробе и переживание процесса собственного рождения с очень специфическими и достоверными подробностями. Стихия смерти может быть представлена поочередным или даже одновременным отождествлением с больными, дряхлыми или даже умирающими людьми. Хотя полный спектр явлений этого уровня нельзя сводить к повторному переживанию биологического рождения, родовая травма представляет собой, по-видимому, сердцевину этого процесса. Поэтому данная область бессознательного называется перинатальной.

Термин *перинатальный (perinatal)* – составное греческо-латинское слово, в котором приставка *peri* означает «вокруг» или «поблизости», а корень *natalis* указывает на отношение к рождению. В медицине это слово используется для обозначения процессов, предшествующих родам, связанных с ними или следующих непосредственно за ними (так, например, говорят о перинатальной инфекции или перинатальном повреждении мозга). В отличие от традиционного использования термина в акушерстве, здесь он будет применяться для обозначения

психических переживаний. Современная нейрофизиология отрицает возможность воспоминаний о рождении в силу того, что кора головного мозга еще не миеленизирована. Однако невозможно отрицать наличие подлинных перинатальных переживаний; частота их возникновения и их огромная клиническая значимость должны послужить поводом для пересмотра исследователями мозга своих теорий.

Связь между биологическим рождением и перинатальными переживаниями глубока и специфична. Это дает возможность использовать стадии биологических родов для построения теоретической модели, позволяющей понять динамику перинатального уровня бессознательного и даже прогнозировать процесс самоисследования на этом уровне.

Перинатальные переживания организованы в типичные тематические группы, базовые характеристики которых эмпирически связаны с анатомическими, физиологическими и биохимическими аспектами определенных клинических стадий рождения. Модель, основанная на этих стадиях, дает новое понимание динамической архитектуры различных форм психопатологии и создает революционные возможности для терапии.

Несмотря на свою тесную связь с биологическим рождением, перинатальный процесс выходит за рамки биологии и содержит важные психологические, философские и духовные измерения, так что здесь неуместен механистический редукционизм. Имея дело с мощной динамикой перинатального процесса в качестве переживающего данный процесс субъекта или в качестве исследователя, человек глубоко вовлекается в него и может увидеть в нем универсальный объяснительный принцип, однако в более широкой перспективе это может оказаться препятствием, требующим преодоления. Модель процесса рождения является мощным объяснительным принципом в рамках феноменов специфического уровня бессознательного. Когда же процесс эмпирического самоисследования переходит к трансперсональным областям психики, необходимо использовать иные представления.

Некоторые важные характеристики перинатального процесса ясно указывают, что этот феномен гораздо шире, чем просто повторное переживание процесса биологического рождения. Клиническая работа с необычными состояниями сознания показывает, что многие формы психопатологии имеют глубокие корни в феноменах этого уровня. Эмпирическое переживание смерти и рождения оказывает сильное терапевтическое воздействие на различные эмоциональные и психосоматические симптомы, связанные с травматическими последствиями рождения как для ребенка, так и для матери. Однако оно имеет и трансперсональные измерения и ведет к глубоким изменениям в системе представлений о мире, фундаментальной иерархии ценностей и жизненных стратегий.

Эмпирическое переживание смерти и возрождения часто связывается с экзистенциальным кризисом, в котором человек серьезно пересматривает смысл собственной жизни и существования в целом. Этот кризис может быть успешно разрешен только по средствам внутренней связи с духовными измерениями психики и глубинными ресурсами коллективного бессознательного. Возникающие в результате этого изменения личности и развитие сознания сравнимы с изменениями, описываемыми в контексте древних мистерий смерти и возрождения, посвящений в тайные общества или так называемых «ритуалов перехода». Таким образом, перинатальный уровень бессознательного представляет собой важную промежуточную область между индивидуальным и коллективным бессознательным, или между традиционной психологией и мистикой.

Переживания смерти и возрождения, отображающие перинатальный уровень бессознательного, богаты

и сложны. События, связанные с различными стадиями или аспектами биологического рождения, как правило, перемежаются или ассоциируются с различными мифологическими, мистическими, архетипическими, историческими, социополитическими, антропологическими или филогенетическими трансперсональными переживаниями. Они проявляются в четырех эмпирических структурах или гущениях, связанных с клиническими стадиями рождения ребенка.

Связь с переживаниями плода на стадиях биологического рождения обеспечивает избирательный доступ к специфическим областям коллективного бессознательного, воплощающим сходные состояния сознания. Для теории и практики эмпирической работы самопознания оказалось полезным постулировать сознание четырех гипотетических динамических матриц, управляющих процессами на перинатальном уровне бессознательного - **базовыми перинатальными матрицами (БПМ)**.

Помимо того, что эти матрицы обладают специфическим эмоциональным и психосоматическим содержанием, они являются также принципом организации материала различных уровней бессознательного. Различные аспекты биографического уровня – насилие и жестокость, угрозы, разлука, боль, удушье или, наоборот, состояния биологической и эмоциональной удовлетворенности тесно связаны со специфическими аспектами БПМ.

Развертывание перинатального уровня часто сопровождается также трансперсональными переживаниями вроде архетипических видений Великой Матери или Ужасной Богини-Матери, Рая, Чистилища, Ада, отождествлением с животными, с опытом прошлых воплощений. Как и в случае связи СКО и БПМ, связующим звеном между БПМ и трансперсональными феноменами оказываются сходные эмоциональные или физические переживания.

Перинатальные матрицы – это глубинные структуры бессознательной психики, в которых содержится информация о переживаниях и ощущениях организма в момент зачатия до завершения рождения.

Перинатальные матрицы в обычных условиях не осознаются человеком, хотя способны существенным образом влиять на его здоровье, психику, поведение и жизнь. С помощью специальной психологической методики -холотропного дыхания, любой человек может «проникнуть» в область перинатальных матриц и осознать содержащуюся в них информацию и переживания в символической или реальной форме.

Холотропное дыхание (от греч. holos – целый, tropein – ведущий) "дыхание, ведущее к целостности", – методика, авторами и теоретиками которой являются Станислав и Кристина Гроф. Теоретическая база холотропного дыхания – трансперсональная психология. Основными элементами холотропного дыхания являются:

более глубокое и более быстрое связанное дыхание, чем в обычном состоянии;

побуждающая музыка;

помощь холонавту в освобождении энергии посредством специфических приемов работы с телом.

Эти элементы дополняются творческим самовыражением личности, такими, как рисование мандалы, свободные танцы, лепка из глины, терапевтическая игра в песочнице. Холотропное дыхание великолепно сочетается с практикой гештальта, психосинтезом Ассаджоли, техникой управляемого воображения и др. Форма работы в основном групповая и при этом участники меняются местами в парах: в одном процессе они выступают в роли дышащих (холонавтов), в другом – в роли сидящего (ситтера).

Шабанов Л.В., Шелехов И.Л. (Томск)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФЕНОМЕНЫ МОЛОДЕЖНОГО НОНКОНФОРМИЗМА

Результаты наших уже самых ранних – пилотажных – исследований показали, что истоки молодежной субкультуры возвращают нас скорее к гипотезе о вынужденной маргинализации молодежи, нежели к концепциям реактивного «молодежного бунта» (системно-функциональный анализ, фрейдизм и неопсихоанализ, теории естественной субкультуры и т.д.). Лишь в этом случае мы сможем получить наиболее точный ответ на вопрос, что же представляет собой на самом деле такой многоликий и неоднозначный феномен молодежной субкультуры. При этом необходимо отметить, что внушаемость индивида зависит от ситуативных и личностных качеств, к числу которых относятся следующие: неуверенность в себе, низкая самооценка, экстравертированность, чувство собственной неполноценности, покорность, робость, стеснительность, доверчивость, тревожность, повышенная эмоциональность, впечатлительность, слабость логического мышления, медленный темп психической деятельности. Степень проявления данной характеристики личности возрастает в ситуациях сильного эмоционального возбуждения, утомления, стресса, в условиях низкого уровня осведомленности о составе микрогрупп или характере решаемых ими задач, а также в условиях низкой компетентности индивида в характере выполняемой групповой задачи, малой степени ее значимости и дефицита времени для принятия решения.

Мы склонны рассматривать такой феномен, как маргинальная ситуация – положением, в котором оказываются «культурные гибриды» во времена переломов и кризисов. В качестве иллюстрации к сказанному выше рассмотрим так же и психологические портреты героев контркультуры. За основу будет наиболее удобным принять метод Э. Шпрангера с вычленением конкретного ценностного набора (или «смыслообразующего мотива») характерного взятому типу (или «персонажу»); но т.к. у Шпрангера каждому типу личности соответствует только одна доминанта, что вряд ли является приемлемым для реальной жизни (чаще бывает, что для человека являются значимыми сразу несколько ценностей или же он ориентирован сразу на некоторый ценностный набор, но в разной степени значимости к отдельным его составляющим), в помощь этому методу будет применена традиция современной социологии.

Например, **митек** – это добродушный и наивный шалопай типа «Емелюшка-дурачок»; он добряк, он никогда не «обламывается», он не сексуален, неприхотлив в быту и технике, но при этом он человек искусства и у него есть определенное стремление к форме, стилю, соответствию ситуации.

Классический хиппи тоже добряк, вернее «непротивленец», но он имеет определенные принципы; он отстранен от всех, он экзистенциалист, при этом он не стесняется оседать на чужие харчи и претендовать на высшее знание.

Панк – это целое собрание «не», он не социален, потому что слишком циничен для этого; он не идеологичен – идеология не нужна; он не бунтарь – потому что в его жизни нет для этого причин; он не эстет – хотя своя эстетика у панка все же существует, но это скорее внешний кич и эпатаж.

Визионер – культивирует таинственность вокруг своей персоны, всегда чрезмерно культурен (т.е. насаждает «классику» и в музыке, и в литературе), готов «влезть» в авантюрное предприятие с незнакомыми людьми и быть подчеркнuto независимым.

Образ жизни героя контркультуры, как правило, связан с измененными состояниями сознания на уровне

мировосприятия; это стиль жизни связанный с выпадением из структуры социума в свой мир, где нет ни реального времени, ни пространства, ни связей, характерных для внешнего мира – именно там его функциональное место. Героика и мифотворчество контркультуры, их образ мира фактически не содержит врагов-злодеев; «мир прекрасен, просто люди тупые, ригидные и посредственные – им нравится быть массой серости», – поэтому герой, несущий в мир добро, само собой оборачивает все во зло (и в первую очередь для себя самого) из-за общего непонимания окружающих.

Теперь посмотрим на «неформалов-конформистов» – это, как правило, деловые люди (чего стоят только лозунги модов, яппи, стиль жизни мажоров и попперов); для любого делового человека приоритетами являются – рациональное холодное мышление, деньги, как показатель успеха, вес в конкретном обществе и все то, что приносит пользу себе, семье, своему обществу. Все это выражается, прежде всего, в имидже и внешних атрибутах – дорого, модно, лучшее из лучших.

В то же время, образ классического **гопника** – это акула, агрессия голодной сытости, злость; герой-гопник более всего подобен варварскому воину, показателем доблести и престижа которого являются шрамы и трофеи. Это не просто герой контркультуры – это герой антикультуры. Его мир черно-бел; все люди делятся на «своих пацанов», «чужих» и «лохов»; т.о., мир – это война всех против всех, жажда встречи с противником, вечная охота за жертвой (в отличие от рыцарского кодекса нападение на слабого или на женщину здесь нередко не только не осуждается, но даже и поощряется). Все это также связано с целым набором комплексов неполноценности («А что он корчит из себя самого умного» и т.п.); отсюда и психологический портрет – диссонансная раздерганная личность истеричного типа с асоциальной личностной направленностью.

Для наглядности проведем сравнение на ролевых плоскостях структуры. **Лидеры** – в большинстве своем они находятся на ступенях «адептов» или «электората»: Образ «олдового», «понюхавшего» жизнь, многое повидавшего старого steppenwolf'a, характерный для студентов 5 курса и аспирантов (т.е. людей, несамостоятельная жизнь которых подходит к концу), распадается на два уровня:

«Погибший гений» – классическую роль которого можно описать следующей фразой: «что Элвис? – я тоже мог бы стать не менее великим, но, увы, я родился не в то время (поступил в эту «шарагу» и потерял все; отдал слишком много сил и энергии идеям всеобщей любви, равенства, братства)» – обозначим его «псевдо – король Лир» (почему «псевдо»? – потому что реально это классическая «старуха у разбитого корыта»; тогда почему же «король»? – потому что правильная подача своей судьбы в правильном месте позволяет хоть и ненадолго, но занять высокое место в «обществе»). Его реинкарнация, если она получается – это «Король – Солнце Людовик XIV» – он становится «центровым», в меру – мудр, в меру – любвеобилен и, конечно же, он – местный гуру, всеобщий сэнсэй. Но при любом раскладе ситуации идиосинкразический кредит у этого персонажа минимален.

Отвергнутый реформатор – «пытался (хотел, бился и т. п.); набил шишки, (искалечился, выбился из сил и т.д.); увы, не смог (нас предали, против кармы не по-прешь...); в итоге сдался, раскис (теперь прозябаю тут, если здесь жизнь – дерьмо, то поверьте мне на слово – там тоже не лучше)». Люди этой роли, как правило, так называемые «вечные студенты» с каким-либо творческим уклоном и формирующимся алкоголизмом. У них обычно

есть ученики–последователи, но в отличие от первых – у них нет такого влияния и к ним люди не тянутся. Поэтому обозначим этот тип как «внештатный командир Земли». Этому персонажу позволено практически все, ведь каж-

дый срыв можно объяснить не собственными недостатками, а различными независимыми от себя обстоятельствами. Этот персонаж не имеет широкого поля «электората», зато у него высокий идиосинкразический кредит.

Шапиро А.З. (Москва)
«ЛИЧНОСТЬ» КАК КЛЮЧЕВОЕ ПОНЯТИЕ ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ ДЕТСТВА (В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИОННО-ГЕНЕТИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМ)

С понятием «личность» связан синтез различных аспектов проблематики детства. Поэтому можно говорить об этом понятии как о ключевом для данной области науки и практики, о чем свидетельствует анализ дискуссий на профессиональных конференциях, в различных дискуссионных группах Интернета и т.д. Каждый ли ребенок личность, где начинается личность? Если для родителей, ребенок – личность, так как утверждается в их бытии «еще до рождения», но будет ли он личностью для своих сверстников, педагогов? «Личность» - это «социальное в нас», или «мы - в социальном»? Как соотносятся в контексте дошкольного воспитания категории «личность», «власть», «сила»? Является ли любовь к ребенку развитием его «личностного» начала, и что происходит с «личностью» ребенка, если его балуют? Поток вопрошаний бесконечен, но представляется, что предельно-вершинное видение личности, должно быть соотнесено с жизнью, сопоставлено с той драмой, которая по Л.С.Выготскому, существует между природными и культурно-историческими детерминантами развития человека, одновременно являющимся составной частью природы и принципиально отличающимся от других населяющих Землю существ, что имеет важное значение для определения роли предельно-глубинных, эволюционно-генетических детерминант личности. Это означает, что представления о качественной специфике поведения и психики человека по сравнению с поведением и психикой животных должны учитывать не только познавательные функции, но и источники взаимоотношений между индивидами. В предельно-заостренной формулировке это можно выразить следующим вопросом: существуют ли филогенетические (эволюционно-генетические) предпосылки человеческой личности наряду с аналогичными предпосылками сознания, мышления, традиционно изучаемых сравнительной психологией и зоопсихологией? (Шапиро,1984-2009; Shapiro,1985-2005). Традиционным для психологии является представление об индивиде как о живом организме, включенном в процесс непрерывного взаимодействия с внешней средой: взаимодействуя со средой и с помощью физиологических механизмов приспособляясь к ней, организм изменяет свое состояние путем поиска оптимальных реакций и фиксации наиболее адекватных из них - таковы самые общие условия возникновения и первоначального функционирования психики, которые были введены в психологию под влиянием учения Ч.Дарвина, включившего психическое отражение (в том числе и психику человека) в качестве неотъемлемой части в единую цепь эволюции органического мира. Вместе с тем вне рассмотрения теоретико-психологической мысли оказались принципы генетики, также идущие непосредственно от Дарвина, универсальные для всей живой природы и более общие по сравнению с закономерностями адаптации организма к среде, - с позиций современной биологии самым общим критерием жизни выступает воспроизведение индивидом себе подобных и поддержание, согласно генетической программе, специфической структуры данного организма. Поэтому психологам, изучающим вопрос о природе и качественной специфике развития личности, и строящем на этой соответствующую практику полезно обратиться к современным исследованиям эво-

люционно-генетических основ социального поведения животных и человека - современной социобиологии (работы Э.Уилсона/E.Wilson/, Р.Докинса/R.Dawkins/, Р.Триверса/R.Trivers/, Д.Бараша/D.Barash/, А.Мазур /A.Mazur/, М.Ридлей /M. Ridley/ и др.).

Социобиологи утверждают, что любое живое существо, в том числе и человек, не может оказаться вне действия "репродуктивного императива" свойственного его биологическому статусу и иерархизирующего мотивационно-потребностную (в случае человека - еще и ценностную) сферу. Согласно социобиологам, роль генотипа по отношению к развитию индивида выступает в двух взаимозависимых планах: 1) как программа, на основе которой и при взаимодействии со средой складывается фенотип - непосредственная (proximate) обусловленность (этот аспект разрабатывается этологией человека); 2) как конечная цель фенотипического существования - перво-причинная (ultimate) обусловленность. "Курица - это способ, посредством которого одно яйцо производит другое яйцо", - шутят социобиологи, всерьез полагая, что "организм - это способ, посредством которого одна ДНК производит другую ДНК" (Wilson, 1975, с.3). Введенный Э.Уилсоном принцип "репродуктивного императива" утверждает, что "стремление" генов к самовоспроизведению является детерминантой взаимоотношений между индивидами, деятельность которых "привзвана" обеспечить генам безопасность. При этом термины, представленные в кавычках, не относясь непосредственно к внутренней мотивации живого существа, используются в социобиологии для того, чтобы избежать громоздких выражений типа: индивиды ведут себя так, как будто хотят максимизировать свою генетическую приспособленность. Фоциальность рассматривается как продукт эволюционно-генетического процесса; при этом "первичным социумом", имеющим биологическую природу, объявляется связь "родитель - ребенок", выступающая "как устройство, увековечивающее гены". Воспитание детей носит генетически-адаптивный характер, служит собственному "генетическому интересу" родителей. Репродуктивный императив настойчиво требует: воспроизводи свои гены каким угодно способом - то ли оставив много потомков, то ли обеспечивая лучшие возможности для последующего воспроизводства небольшому количеству потомков (родительская привязанность обратно пропорциональна уровню рождаемости!). Каждое поколение людей является потомками индивидов, рассматривающих воспроизводство генов как положительную ценность, с этим связана устойчивость в нормах родительского поведения, направленная в конечном счете на воспитание адекватной репродуктивной установки у детей. Отдельный организм представляет собой «колонию генов», объединившихся и кооперирующихся для более успешного выживания с генами организмов - биологических родственников (часть генов родственников является общими – отсюда выводится специфика альтруистического поведения по отношению к биологическим родственникам. Итак, взаимоотношения в ходе обучения и воспитания подрастающего поколения - это как раз то универсальное эволюционное устройство, которое, с точки зрения социобиологов, призвано обеспечивать "безопасность генов" и ситуативно

регулируется на инстинктивном уровне. Например, причины конфликтов между родителями видятся в том, что каждый партнер пытается заставить другого тратить больше усилий на воспитание общих "носителей генов". Вместе с тем, родители едины в том, что их отпрыски должны получить относительно равные возможности для последующего воспроизведения, и, следовательно, приблизительно равные объемы родительской заботы. Дети же "заинтересованы" лишь в собственной генетической адаптации, и "выживаемость генов" каждого отдельного отпрыска будет обеспечена лучше, если он сумеет получить больше родительской заботы, чем ему полагается "по справедливости".

Переходя к критическому анализу социобиологических концепций, отметим существенную роль в создании методологических предпосылок для такого анализа работ отечественных психологов, глубоко освещавших проблематику качественной специфики человеческого бытия. Прежде всего для нас здесь важна полемика по поводу биосоциальной проблемы между классиками отечественной психологии Л.С.Выготским и С.Л.Рубинштейном. Согласно основному тезису С.Л.Рубинштейна ("внешнее через внутреннее"), эволюционно-биологические и культурно-исторические влияния по отношению к психическому развитию человека не следует противопоставлять, они находят в нерасчлененном единстве, источник психического развития и поведение человека помещается вовнутрь индивида, в его врожденные психофизиологические механизмы - можно полагать, что эта точка зрения на определенном уровне ее теоретико-психологического рассмотрения находится ближе к концепции социобиологов, не являясь, конечно, тождественной ей, но, вместе с тем, не противостоя ей столь резко, как позиция Выготского. Согласно Выготскому, человек не может жить и развиваться на основе своих внутренних врожденных предпосылок, он, в отличие от животного, без внешних культурных опор представляет собой существо дисгармоничное и дисорганизованное. У человека гармония воссоздается культурой, извне, в социальной ситуации развития субъекта. Причем в точке зрения Выготского следует отличать "символически-ориентированные" интерпретации и "акмеистически-ориентированные" интерпретации, которым в русской литературе начала XX века соответствовали позиции А.Белого и О.Мандельштама: если для А.Белого культурное - противоположное природному, всецело антибиологическое, то О.Мандельштам рассматривает природу как позитивную модель для культуры, к гармонии которой человеку следует стремиться, подражая ей, что хорошо зафиксировано в понятии "геном культурного развития" (В.П.Зинченко, 1991).

Для социобиологов взаимоотношения между ребенком и его социальным окружением - звено биологической эволюции, в ходе которой происходит вос-

производство генетического материала. Качественная специфика человека, тот факт, что он не может (вследствие ряда эволюционно-генетических причин), вести тот гармоничный, органичный, образ жизни, который присущ животным. Человек предопределен к индивидуальному творчеству - творчество личности является необходимой образующей собственно человеческой жизни. «Личность» выступает как антагонист чередованию индивидуальных жизней в биологическом мире, антагонист слепой репродуктивности, заданной видовой генотипической программой. Именно в «личности» индивид обнаруживает самодостаточность, возможную в рамках естественно-исторического континуума лишь на уровне человека и снимающую противоречие между индивидуальной и родовой жизнью: в эволюционно-генетическом процессе органическая жизнь рода увековечивает себя через бесчисленное множество смертей отдельных особей; тогда как через процесс творчества человеческая личность сохраняется в потомках - не только в памяти потомков, которая может со временем стереться, но прежде всего в их делах, в той продолжающейся ниточке созидания культуры и самого человека, которую прядут конкретные личности в ограниченных временных рамках своих физических жизней. Если потенциальное бессмертие генов осуществляется в процессе биологической эволюции, то актуальное бессмертие личности реализуется в ходе ее самостоятельной творческой деятельности, способность к которой является родовой особенностью человека, а потому может сохраняться при всех обстоятельствах человеческой жизни и в каждой ее временной точке. Живая природа целостна, гармонична, позитивна как на уровне индивида (целостность, неделимость его задается генотипически), так и на уровнях популяций, экосистем: единство в разнообразии воплощено исходно во всех живых формах, кроме человека, который не может достигнуть целостности интраперсональной и интерперсональной, без непрерывных усилий по преодолению неблагоприятных обстоятельств своего бытия пребывать в гармонии с природой, другими людьми, самим собой он вынужден творить в каждый данный момент жизни - развитие личности есть творчество в общении, диалогично по своему существу: изменения имеют место не только на полюсе ребенка, но и на полюсе взрослого - не только родители творят психику ребенка, но и ребенок самим фактом своего существования реально создает новое в психической жизни своих родителей.

Если полагать, что личностное начало есть у всех людей, то это относится не только к детям но и к другим «субъектам психологии детства», и в первую очередь - к педагогам и родителям - поэтому «личностный подход» в системе дошкольного образования и воспитания необходимо повсеместно культивировать (Шапиро, 2009).

**Шелехов И.Л., Шабанов Л.В., Уразов А.М. (Томск)
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЖЕНЩИН ИЗ МОЛОДЕЖНЫХ
НОНКОФОРМИСТСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ (МНКО)**

Зная систему мотивов, норм и ценностных ориентации индивида, легче понять особенности его самочувствия и поведения в микрогруппе, степень его социальной адаптации, предполагаемый уровень общественной и трудовой активности. Именно поэтому, чтобы оценить степень включенности индивида в ту или иную микрогруппу, необходимо выявить наличие или отсутствие общности ценностных ориентации и установок данного индивида с членами микрогруппы. Все это дает возможность представить параметры включения индивида в ту или иную микрогруппу как форму опосредования межличностных отношений содержанием и ценностями деятельности данной микрогруппы. При этом степень включения инди-

вида в микрогруппу выступает в качестве интегральной характеристики предполагаемой системы внутригрупповых связей, которые, с одной стороны, учитывают эмоционально-психологические характеристики включения индивида в микрогруппу, а с другой - показывают уровень или степень совпадения мнений, оценок, установок и позиций данного индивида с другими членами микрогруппы. Первый фактор определяется в полной мере числом взаимных положительных выборов в микрогруппе при условии включения в нее данного индивида и может быть количественно представлен любым из вышеупомянутых социометрических коэффициентов. Наиболее информативным из них является социометрический статус, о кото-

ром речь шла ранее. Оценка второго фактора в соответствии со стратометрической концепцией базируется на применении референсометрических процедур, однако, с поправкой на особенности социально-психологических характеристик личности. Это связано с тем, что получаемые в ходе референсометрии количественные оценки совпадения мнений, установок и позиций индивида с другими членами микрогруппы в зависимости от его социально-психологических характеристик по-разному отображаются в его субъективной оценке степени привлекательности той или иной микрогруппы.

Поскольку любое молодежное объединение состоит из совершенно конкретных индивидов, с которыми и предстоит работа, нам кажется чрезвычайно важным, что исследование позволило выявить их социальные характеристики. Благодаря выработанной методологии, нам удалось выявить два уровня последних:

Во-первых, личностный уровень: высокая тревожность; низкая коммуникабельность (что, вполне вероятно, связано с отсутствием развитых навыков общения, неумением устанавливать любые адекватные контакты и не связано с нежеланием широко общаться, т.е. интроверсией, как она понимается в социальной психологии); склонность к агрессивному и ярко выраженному оценочному поведению; чувство эмоциональной изоляции, чувство неопределенности, неуверенности в будущем, что находит отражение в отсутствии планов относительно последнего, полагании на волю случая, т.е. жизни по принципу: «будь, что будет», «куда кривая выведет» и т.п.; чувство внешнего давления, отсутствие внутренней свободы.

Во-вторых, групповой уровень: иерархичность (внутри любой группы) внешних и внутренних связей; степень референтности; для некоторых МНКО (типа «гопников») едва ли не самое главное – определенная внешняя атрибутика, дополняемая демонстративным поведением (а в ряде случаев – эпатажным, асоциальным и, что особенно опасно, антисоциальным).

Для наглядности довольно приведем колоритные женские образы субкультур:

Офелия (по Шекспиру) – красавица, романтическая постоянно ищущая натура; но, как правило, чрезмерно доверчива и по-детски наивна, поэтому всегда имеет шанс стать жертвой «сердцееда», после чего или дойти до суицида, или «пойти по рукам». Варианты ролевых отклонений: «Мученица» – любовь для нее и страсть и страдание. Она не может быть постоянно со своим партнером, но и без него тоже. «Ника» (любительница победителей) – ее страсть лидеры, влиятельные в обществе люди, «чемпионы». Она носит маску «ледяной леди», спокойно проводит время, выбирая и присматриваясь. Однако, как только «чемпион» обращает на нее внимание, она тут же «оттаивает». «Любительница совершенства» – ее жизнь – вечная погоня за идеалом. Она предъясняет

мужчинам слишком завышенные требования и отвергает одного претендента за другим из-за малейшего изъяна. Ее жизнь – это непрерывные разочарования и душевная боль. Свои неудачи подобный типаж склонен приписывать колдовству, порче, сглазу и т. п.

Джюльетта гордится своей красотой, по мере взросления теряет комплексы и приобретает навыки манипуляторства; ее стихия – раскрутка клиента «на выпивку», на «жрачку», на «травку» и т. п. Ее изначальная мотивация – поиск «интересной компании» быстро меняется на поиск для «себя любимой» удачной партии на сожительство. «Любительница крепких орешков» – ее страсть не в любви, а в возможности «посостязаться». Обоюдная любовь – не ее стихия. С каждым свиданием она находит все больше недостатков в партнере и, наконец, исчезает на поиски очередного неприступного интересного экземпляра. «Любительница авантюра» – она предпочитает женатых и состоятельных. Опасность свиданий, постоянный риск быть раскрытой, таинственные звонки – вот ее стихия. Обратная сторона – гарантия от каких-либо обязательств, которые неизбежно последуют за равноправными отношениями. «Любительница интриги» – ее страсть «отбивать» кавалеров. Она отличается от «авантюристки» желанием связать себя с мужчиной, жизнь с которым обещает вызов обществу или гарантирует постоянные острые ощущения. Она хочет всегда быть «на языке» у окружающих. Чем больше скандалов, тем больше разговоров о ней, тем интересней и насыщенней жизнь.

Беатриче (персонаж из «Много шума из ничего» В. Шекспира) – она веселая, добродушная, умная и, как правило, не красавица, но и особо не комплексующая по этому поводу (по крайней мере, на людях). Неформальная система отношений – это ее стихия. Легко идет на контакты, не боится ошибок в поиске партнера (по крайней мере, относится к ним философски). Имея высокую степень независимости, не задерживается в «неформалах».

«Торчиха» (сленг., «тусовщица», завсегдаятай сборищ) – это фанатик в юбке; как правило питает страстные и тщательно скрытые чувства к лидеру или кому-нибудь из влиятельных «олдовых». Обычно эти чувства скрыты и безответны – «олды» или уже при подругах или уже «на выходе» из коллектива, а неопиты уже видят в ней – *Мать Моржиху*.

«Мать-моржиха» В каждой «коммуне» есть также и женщина, олицетворяющая мать; это всеобщая кровительница, на ее плечи ложится забота обо всех и о каждом (Мать-Моржиха). Соответственно с отношением она имеет полный внутригрупповой «идиосинкразический кредит», но на внешнем уровне ее права резко ограничены. Перспектива остаться в «старых девах», как правило, заставляет ее идти либо на брак с себе подобным «олдовым», либо на мезальянс с «пионерами»; в любом случае ее роль в семье остается материнской.

Шемет С.С. ИЗМЕНЕННЫЕ СОСТОЯНИЯ СОЗНАНИЯ У СПОРТСМЕНОВ

Интенсивные психотехнологии, основанные на расширенном состоянии сознания, состоят их комплекса дыхательных, телесно-ориентированных и голодинамических психотехник. Они направлены на снятие психического и физического напряжения, гармонизацию психоэмоциональной сферы и повышения уверенности в себе.

Интегративные психотехнологии имеют специфическую феноменологию, которая проявляется на всех уровнях тела и психики и выражается в специфических сенсорных, моторных, эмоциональных и ментальных реакциях, суть которых заключается в актуализации и отреагировании накопленного напряжения. К ним относятся: чувство онемения рук и ног, ощущение болезненности в

мышцах, ощущение тепла и холода, напряжения различных групп мышц, эмоциональные реакции (смех, слёзы), реакции дыхательной мускулатуры (кашель, спазмы), необычные образы, ощущение движения энергии в теле. В процессе тренингов данные явления проходят. В нашей стране наиболее полные исследования указанных феноменов осуществил В. В. Козлов (1).

С целью исследования особенностей протекания ресурсных состояний у спортсменов, нами было предпринято исследование в апреле 2007 года с группой спортсменов-дзюдоисток от 17 до 19 лет в количестве 15 человек. Девушки проходили интенсивные тренинги в объёме 36 часов.

Весь период занятий по динамике состояния делится на 3 фазы: активация, трансформация, интеграция.

В начальной фазе у спортсменов наблюдался высокий уровень психической напряженности, выражающийся в следующем: постоянные невротические реакции (смех, выкрики), подавленное дыхание как на вдохе, так и на выдохе, негативный эмоциональный фон (враждебность друг к другу), наличие сексуальной проблематики.

В начале занятий психофизической зарядкой и другими дыхательными техниками наблюдалось следующее: у всех спортсменов имелись блокировки дыхания как на вдохе (ограниченная глубина вдоха, дыхательный спазм), так и на выдохе (кашель, удушье). Причины: привычка задерживать дыхание в борьбе, установки тренера на ограничение глубины вдоха («что дышите, как лошади»), недостаточная тренированность дыхательной системы, большаяотягощенность стрессовыми факторами, связанными с дыханием. В результате активации дыхания наблюдались реакции разблокировок дыхания (смех, кашель) и освобождение дыхания.

На фазе трансформации при применении телесно-ориентированных психотехник у спортсменов наблюдалась общая усталость, большая напряженность в мышцах рук, ног и шеи, заученность движений, непонимание того, как совершается спонтанное движение.

На занятиях по релаксации многие не могли расслабиться, отпустить не только тело, но и психику. При активации тела и психики дыхательными методами актуализировались прошлые травмы, накопленное напряжение в мышцах, что выражалось в неприятных ощущениях затекания, онемения, болей. Необходимо отметить, что структура занятий направлена как раз на отреагирование и снятие болезненных ощущений, и те, кто добросовестно выполнял упражнения, эффективно проработали последствия напряжения.

У спортсменов были собраны письменные отзывы о том, что им дали психологические тренинги. Приведем примеры отзывов. Спортсменка Б.П. 18 лет: «Когда были

первые занятия, я была зажата, после, занятий у меня появился новый запас сил в конце тренировки и отличное настроение в течение всего дня. Больше всего мне нравилась дневной интенсивный отдых, после занятий я полна сил». Спортсменка П. О., 17 лет: «Эти занятия помогли мне преодолеть страх, «переломлять» в себе панику». Спортсменка Г. Е., 17 лет: «Утренний тренинг дал мне напряженность, потому что затекали руки, уставали ноги, да и вообще утром трудно сосредоточиться над самим собой! На вечернем занятии я почувствовала реальное расслабление, было отличное ощущение расслабленности».

Таким образом, у спортсменов при применении интегративных психотехнологий наблюдаются те же самые феномены, что и у не спортсменов, отличием является большая выраженность мышечного напряжения, вследствие усталости от ежедневных тренировок, а также незначительное количество образно-ментального компонента в состояниях расширенного сознания. Все возникающие образы являлись образами тела. Самым сильным впечатлением у спортсменов было состояние «потери телесности», то есть полного расслабления и отсутствие проприоцептивной чувствительности. Данное состояние вызывало огромную радость и чувство полного освобождения и отдыха. Многие отметили его как самое сильное впечатление в жизни.

В телесно-ориентированных психотехниках у спортсменов выявился больший по сравнению с не спортсменами страх падения, столкновения, ушиба. Отмечена слабая выразительность и вариативность движений, отсутствие плавных и спонтанных движений. У спортсменов наблюдаются жесткие, напряженные, заученные движения.

Особенностью спортсменов по сравнению с не спортсменами является большая скорость протекания всех физических и психических процессов, более высокая степень волевого управления своим состоянием, а также высокая мотивация к самоулучшению и целенаправленному использованию психотехник.

Шемет И.С. ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД К ИНТЕГРАЦИИ ПСИХИКИ

В отечественной психологии термин «деятельность» имеет статус категории, а рассмотрение психических процессов и явлений как деятельности является укоренившимся методологическим принципом. Вследствие этого мы считаем, что для лучшего понимания процессов интеграции психики необходима их интерпретация с позиций деятельностного подхода.

Если принять, что любая психическая активность укладывается в схему деятельности, то процессы интеграции психики можно считать интегративной деятельностью психики человека с присущими ей атрибутами: потребностями-мотивами-целями, с одной стороны, и действиями-операциями-движениями, с другой стороны.

Согласно нашей концепции интеграции психики, основной функцией психики является управление жизнью и поведением человека. Психика как самоорганизующаяся система имеет присущие ей интегративные механизмы, обеспечивающие ее целостность, без которой невозможно эффективное функционирование. Исходя из этого, базовой потребностью человека будет потребность в интеграции, а интегративные механизмы психики – это те психические действия, которые реализуют эту потребность.

Развитием теории деятельности является системный подход, системогенез деятельности, применяя который к процессам интеграции психики можно установить, что различные интегративные механизмы развиваются в процессе деятельности по интеграции и образуют единую систему интегративной деятельности, которая

находится в постоянном развитии. В этой целостной ситуации можно выделить различные мотивы, опредмечивающие потребность в интеграции.

В каком же соотношении находится потребность в интеграции и другие потребности индивидуума? Сам термин «потребность» в психологии означает состояние нужды в чем-то, то есть с точки зрения интегративного подхода, состояние дезинтеграции, которое снимается путем действия интегративных механизмов. Они, подчеркиваю, не обязательно напрямую направлены на удовлетворение потребности, но могут снять, либо снизить потребность. Этим принципиально отличается понимание деятельности как процесса удовлетворения потребностей и деятельность системы интегративных механизмов, которая гибко, зачастую компенсаторно работает с явлениями дезинтеграции, к которым можно отнести традиционно понимаемые потребности.

Если говорить о потребностях тела, то они оказываются наиболее ригидными, требуют адекватного удовлетворения и лишь частично замещаются действиями по интеграции. Если брать потребности более высокого порядка (любовь, уважение и др.), то система интеграции психики эффективно замещает данные потребности, не удовлетворяя их напрямую.

Применяя к рассматриваемой теме принцип культурно-исторического развития, следует принять, что если есть деятельность по интеграции, то неизбежно возникают и культурно нарабатанные устойчивые способы этой деятельности, а на определенном этапе развития цивили-

зации, и научные методы. Именно изучению и обоснованию методов интеграции психики была посвящена моя докторская диссертация.

Если приблизительно соотнести те немногие технологизированные способы деятельности по интеграции, которые можно назвать методами, и весь базовый массив существующих в культуре способов, приемов и действий по интеграции, логично предположить, что огромный пласт явлений человеческой психики, поведения и деятельности, реализующий потребность в интеграции, до сих пор не имеет адекватного научного описания и вообще не является предметом рассмотрения психологической науки. Учитывая современный уровень развития сознания человека, очевидно, что значительная часть деятельности по интеграции (например, применение разработанных методов), осуществляется людьми осознанно и целенаправленно, то есть имеет признаки реальной деятельности, и может быть предметом эмпирического изучения, а не только теоретико-методологического исследования.

Следуя имеющимся классификациям деятельности, деятельность по интеграции психики нельзя отнести

ни к одному виду, точнее, она может проявляться во всех видах деятельности. Развивая тему, следует предположить, что деятельность по интеграции должна занять совершенно особое место среди других видов деятельности, опосредуя их генеральной потребностью в интеграции.

Продолжая дедуктивные рассуждения о потребности в интеграции, напрашивается вопрос: а как проявляется данная потребность в жизнедеятельности? Видимому, столь системное свойство не может быть выявлено в конкретном феномене, но оно будет по-разному проявляться на разных уровнях психического и в разных видах деятельности, тем не менее опосредуя это некоторой тенденцией. Какова эта тенденция? Следуя критериям интеграции, это тенденция представляет собой стремление к повышению благополучия, на каком бы уровне система не находилась. Более конкретное представление невозможно без углубления в качественные характеристики интегративного развития системы, и описания уровня интегративного развития человека.

Шелелева С.В.г. Кострома
ГЕНДЕРНО-ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ПРЕДДЕВИАНТНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ В ДЕТСКОМ ВОЗРАСТЕ

Издается при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 08-06-00-393а

Все гендерные теории рассматривают процесс половой идентичности с разных сторон, но в целом они друг друга взаимодополняют. Для психологии девиантного поведения наибольший интерес представляет теория половой социализации, но она описывает лишь некоторые стороны развития личности. На наш взгляд, именно гендерный подход позволит понять детерминанты преддевиантного поведения.

Исследование гендерной специфики преддевиантного поведения проводилось на базе школ и детских садов г. Костромы, с помощью проективной методики «рисунок семьи», методики С.Бэм, экспертного оценивания и наблюдения.

Начиная с трех лет, идет активное освоение полоролевого репертуара, большую роль в этом играют взрослые. Анализ рисунков семьи детей старшего дошкольного возраста показал, что мать воспринимается доминирующей фигурой в семье чаще, чем отец и у девочек, и у мальчиков (88% рисунков увеличивают мать, дистанционно ее изображают ближе к себе), можно сказать, что в этом возрастном этапе идентификация с материнской гендерной ролью происходит в большей степени, чем с отцовской, очень важно молодым мамам исключить девиантные проявления в своем поведении (курение, принятие алкоголя, проявления агрессии, нецензурные выражения и т.д.). Далее в процессе гендерной идентификации наблюдаются различия в зависимости от типа поведения ребенка (нормативного или преддевиантного).

В старшем дошкольном возрасте мальчики с активно-социальным типом поведения изображают отца доминирующей фигурой и в совместной деятельности (21%). Мальчики с преддевиантным поведением изобра-

жают отца доминирующей фигурой, но сильным нажатием карандаша, с штриховкой и двойными линиями, что свидетельствует о тревожности, недоверчивости, подозрительности и дискомфорта по отношению к отцу (46%), очевидно отец становится для мальчиков более близкой фигурой, они себя идентифицируют с данной гендерной ролью. Преддевиантные проявления (целенаправленно-враждебная агрессия, негативизм, упрямство, конфликтность и т.д.) результат усвоения мужского поведения через идентификацию с образом отца.

Для девочек в старшем дошкольном возрасте фигура родителя другого пола становится менее значима, они изображают мать доминирующей фигурой (68%). Девочки с преддевиантными проявлениями при эмоциональном отчуждении себя дистанцируют от мамы (27%), при нарциссизме изображают себя на первом плане (22%), при агрессивных формах поведения родители изображены с открытыми ртами и острыми зубами, много острых углов в одежде и фигуре родителя (33%).

У старших детей гендерные роли приобретают более сложные очертания. У мальчиков в младшем школьном возрасте появляется особая потребность в близости к отцу или фигуре его заменяющей, девочки нуждаются в эмоциональной близости с матерью. Если в дошкольном возрасте половые различия ребенком воспринимались на внешних отличиях мальчиков и девочек, то младшие школьники в большей степени ориентируются на психологические качества. Таким образом, в дошкольном и младшем школьном возрасте гендерная идентичность формируется и в большей степени зависит от семейных взаимоотношений, от поведения значимого для определенного этапа гендерной идентификации родителя. Следовательно и преддевиантные проявления в поведении копируются в семье.

Шлыкова Ю.Б. (Краснодар)
КОНСТРУИРОВАНИЕ ВЫМЫШЛЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ КАК РАСШИРЕНИЕ БЫТИЯ ЛИЧНОСТИ

В психоаналитической практике процесс создания вымышленной жизни, фантастического Я личности традиционно связывается с фрустрированностью различных

потребностей человека (З.Фрейд, К.Г.Юнг и др.). Соответственно и к людям, постоянно обращающимся к своему «альтернативному», вымышленному опыту, традиционно

психологи и психотерапевты относятся, как к неспособным строить нормальные отношения в реально существующем мире.

В современной психологии личности все чаще встречается и иной подход. Во-первых, расширяется исследовательское поле личности как субъекта жизнедеятельности, в котором личность выступает как автор, активный герой собственной жизни (А.В.Брушлинский, В.В.Знаков, З.И.Рябикина и др.). Во-вторых, внутренний мир, ценностно-смысловая система личности, переживание личности все чаще описываются как реально существующие наравне с физическим, деятельностным и социальным пространствами бытия (Б.С.Братусь, Д.А.Леонтьев, З.И.Рябикина и др.). В-третьих, личность, конструирующая собственное Я в пространствах, альтернативных объективной реальности (в художественном творчестве, в фантазиях, мечтах), все чаще считается автором, субъектом собственной жизни (М.М.Бахтин, Е.С.Калмыкова и др.).

Таким образом, становится возможным и перспективным исследование внутреннего мира личности, тех отношений, в которые человек включает себя в вымышленном мире, и самих пространств, конструирование которых занимает у человека достаточно большую часть мыслительной деятельности.

Работа с вымышленными мирами личности сложна по понятным причинам. Однако если находится человек, готовый поделить своим внутренним миром, мы открываем огромное пространство для психологического исследования. Наше исследование ставит акцент на возможности альтернативных миров расширять пространства бытия личности. Мы не отрицаем компенсаторной функции фантазии, но более перспективным видим возможность для личности, через конструирование новых миров и отношений, расширения собственного Я, выхода за рамки физической реальности.

Потребность в конструировании альтернативной реальности возникает в подростковом возрасте, когда потребность в самоопределении и поиск идентичности с необходимостью ищут максимального количества контактов, переживаний, социальных ролей (Э.Эриксон). Именно в этом возрасте человек впервые чувствует и осознает «узость» реальных возможностей и условий самоактуализации в различных пространствах бытия. И практика расширения Я через фантазирование (которая уже использовалась в раннем детстве) становится главным средством удовлетворения потребности в самопознании и самореализации личности. Как и в раннем детстве, психологической предпосылкой возникновения фантазирования становится конфликт между уже «взрослыми» мотивами, потребностями, переживаниями и еще «детскими» средствами познания окружающей действительности. «Философия» юной личности настолько стремительно опережает ее практические навыки и жизненный опыт, что другого средства выплеснуть все новые переживания, сомнения, идеи, мечты кроме конструирования вымышленного мира нет.

Для подросткового возраста создание вымышленных отношений считается нормальным, но дальше, людей, постоянно обращающихся к вымышленным пространствам, принято считать эскапистами, не способными построить адекватных отношений с «реальным» миром.

Отсюда вопрос, почему процесс, помогающий достижению идентичности, самоактуализации личности ранее не может оставаться таким же эффективным в более зрелом возрасте?

Даже предварительная беседа с людьми, сохранившими привычку переживать альтернативные Я в вымышленных пространствах, ясно дает понять, что это люди, как правило, образованные, интеллектуально развитые, глубококомысленные, социально устроенные и вполне самоопределившиеся в жизни.

Что же дает личности практика переживания вымышленного бытия?

1. Прежде всего, эмоциональную насыщенность, безграничность переживаний и чувство эмоциональной насыщенности жизни. В реальных социальных отношениях личности достаточно «тесно». Вымышленные же отношения снимают границы переживаний и допустимых эмоций.

2. Только после удовлетворения потребности быть совершенным, «самым-самым» (которая не может быть удовлетворена в реальной жизни), человек способен понять и принять истинную ценность Другого. В вымышленных отношениях, Я всегда первично, автор – герой собственной (и не только) истории (Е.Е.Сапогова). Истории крайне эгоцентричны. Но в них всегда главный герой существует в отношении к Другому. И даже если роль Другому изначально дается второстепенная, со временем существования иного мира появляется переживание этого Другого как необходимого, без которого не будет Я как центра.

3. Постоянное обращение к повторяющемуся сюжету, позволяет личности переживать себя во времени. Вымышленное Я всегда соответствует тому, возрасту личности, который еще не утратил свою актуальность. Чаще всего, это возраст, предшествующий актуальному возрасту личности. Постепенно главный герой «вырастает» из своего альтернативного возраста. В своем актуальном состоянии мы не способны осознавать, понимать себя во времени. Осознание приходит уже по завершении определенного этапа жизни. Вымышленный мир помогает личности по-настоящему пережить, прочувствовать ценность уходящего времени Я и «отпустить» его. Т.е. взять с собой все ценное из только что понятого опыта, уже прошлой жизни.

Таким образом, мы считаем, что существует определенный тип людей, для которых конструирование иных реальностей собственного бытия является главным и эффективным способом самореализации, поиска самоидентичности. Может ли данный процесс быть универсальным для всех, стоит ли ему обучать человека – вопрос открытый. Но несомненно, что при осмысленном, адекватном отношении личности к собственным вымышленным пространствам, эти пространства становятся неисчерпаемым источником развития, самосовершенствования личности.

Для психолога же, работа с личной историей – и не имеет значения вымышленной или реальной – является неисчерпаемым источником смыслов, ценностей, установок, переживаний личности. Этот источник может использоваться и как инструмент познания другого, и как путь самопознания личности.

Якушева Л.М. (Тобольск)
АУТОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СПОСОБНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ, ЗАНИМАЮЩЕГОСЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

В современных условиях перед высшей школой становится задача, поднять уровень профессиональной подготовки студентов в соответствии с требованиями научно-технического прогресса, интересами государства,

увеличить выпуск специалистов по новым перспективным направлениям развития науки и техники.

Термин и понятие «инновации» как новой экономической категории ввел в научный оборот австрийский

(позже американский) ученый Йозеф Алоиз Шумпетер в первом десятилетии XX века. В своей работе «Теория экономического развития» (1911) И. Шумпетер впервые рассмотрел вопросы новых комбинаций изменений в развитии (то есть вопросы инновации) и дал полное описание инновационного процесса.

С точки зрения И.Т. Болабанова, инновационная деятельность — процесс, направленный на реализацию результатов законченных научных исследований и разработок либо иных научно-технических достижений в новый или усовершенствованный продукт, реализуемый на рынке, в новый или усовершенствованный технологический процесс, используемый в практической деятельности, а также связанные с этим дополнительные научные исследования и разработки. Рассматривая данное определение инновационной деятельности, следует указать на отсутствие в нем понятия разработки инновации. Научные исследования и разработки — это один из аспектов непосредственной деятельности преподавателя высшей школы.

Преподаватель становится теперь не столько носителем и передатчиком научной информации, сколько организатором познавательной деятельности студентов, их самостоятельной работы, научного творчества.

Насущная потребность в разрешении противоречий высшего образования выдвинула педагогику высшей школы в число важнейших научных дисциплин. Среди проблем, которыми занята педагогика высшей школы, одной из наиболее актуальных является проблема деятельности преподавателя вуза.

В деятельности преподавателя ярко проявляется единство четко поставленных целей обучения, воспитания, способов их достижения и реальных практических действий. Повседневный творческий труд по достижению цели — основная черта деятельности преподавателя.

Обобщающую характеристику современному преподавателю вуза дал З.Ф.Есарева: «Преподаватель — это научный работник, который хорошо овладел научными методами обучения и воспитания, умело использует технические средства преподавания, непрерывно повышает свою квалификацию, активно участвует в научно-исследовательской работе, в общественной жизни».

Лёшин В.В. отмечает, что аутопсихологические способности (АПС) объединяют в себе те специфические знания, умения и навыки, которые определяют наши возможности в самопонимании, самооценении, самоанализе, саморегулировании, самореализации и в других явлениях нашего внутреннего мира, заимствованных из внешнего взаимодействия с приставкой «само».

АПС являются свойствами личности, которые своими корнями уходят в сознательно-бессознательную область человеческой психики. Если они развиты, то позволяют личности адекватно воспринимать свой внутренний мир и встраивать его в реальную жизнь.

Нами была предпринята попытка экспериментально-психологического исследования аутопсихологических способностей педагогов высшей школы. Исследование было проведено на базе Тобольского государственного педагогического института им. Д. И. Менделеева.

Выборку составили две группы специалистов: занимающиеся инновационной деятельностью, т.е. входящие в творческую группу преподавателей, занятых разработкой какого-либо нововведения (первая группа респондентов) и занимающиеся только педагогической деятельностью (вторая группа респондентов). Все респонденты имеют базовое высшее педагогическое образование, многие из них имеют научную степень: кандидата наук. Возрастные рамки испытуемых ограничиваются 23-60-ю годами.

Исследование аутопсихологических способностей заключалось в изучении:

состояния социально-психологических условий (уровень благоприятствования);

обеспечение процесса саморазвития энергетическим потенциалом (уровень энергетической регенерации);

готовность в каждый момент к оценке происходящего события из своего состояния, вызванного этим событием, с целью поиска оптимального способа действия (уровень обращенности на себя);

готовность к принятию нового опыта из различных сфер жизнедеятельности (уровень технологичности мышления);

относительная готовность мозга к установлению новых нейросвязей (уровень динамичности мозговой деятельности);

условий организации профессиональной деятельности.

Методическим инструментарием для оценки аутопсихологических способностей являлся экспериментальный тест «Определение предрасположенности к самосовершенствованию».

Тест был разработан в 2000 году и апробирован на 250 респондентах: 163 мужчины (65%) и 87 женщины (35%) в возрасте от 27 до 41 года.

Содержание утверждений и проективные задания согласовались с близкими к исследуемым признакам вопросами психологических и психотерапевтических методик. Тест разрабатывался для измерения уровней развития аутоспособностей и фактора внешней сферы.

Вопросы ориентированы на оценку проявления бессознательной сферы. Их количество определялось необходимостью достижения высокой точности измеряемого свойства и достаточностью при дифференцировании одного уровня от другого.

Экспериментальная методика состоит из 106 утверждений, с которыми испытуемый должен был согласиться, если нашел ему подтверждение в себе, своей жизни и окружающих условиях, в противном случае отвергнуть его. Результаты заносились в индивидуальный протокол обследования. Как диагностический инструмент на качественном уровне тест дает точные, с низкой зависимостью от социальной желательности результаты.

Процедура проведения данного теста может иметь как групповую, так и индивидуальную форму работы. Учитывая гибкий график труда педагогов высшей школы, нами была выбрана индивидуальная форма проведения теста. Каждому преподавателю выдавался тестовый материал и индивидуальный бланк фиксации результатов. Перед выполнением теста объяснялась цель проведения эксперимента, предмет изучения данного теста и методика его выполнения. Тест выполнялся в свободное для педагога время и лишь с его согласия принять участие в эксперименте. После выполнения теста испытуемым предоставлялись результаты с подробным качественным анализом.

Такая система построения обследования позволила снизить количество случайных ответов и увеличила достоверность диагностики.

Результаты теста на определение предрасположенности к самосовершенствованию показывают, что у преподавателей первой группы по шкале «социально-педагогические условия среды» — 0,71 балл, по шкале «способность к энергетической регенерации» — 0,60 баллов, по шкале «способность к рефлексированию» — 0,8 баллов, по шкале «способность к интериоризации» — 0,74 балла, по шкале «интраадаптивная способность» — 0,70 баллов.

У преподавателей второй группы иная картина: по шкале «социально-педагогические условия среды» — 0,55 балл, по шкале «способность к энергетической регенерации» — 0,59 баллов, по шкале «способность к рефлексированию» — 0,45 баллов, по шкале «способность к инте-

риоризации» - 0,42 балла, по шкале «интраадаптивная способность» - 0,40 баллов.

Преподаватели, занимающиеся инновационной деятельностью, характеризуются достаточным уровнем развития основных внутренних способностей таких как «способность к рефлексированию», способность к интериоризации». Данную группу преподавателей отличает достаточный уровень развития способности к загрузке информации (интериоризация), к сознательной переработке информации и определению своего отношения к ней (рефлексия). Наиболее препятствующими процессу саморазвития и инновационной деятельности являются способности к установлению нейросвязей, т. е. образованию и закреплению нового личностного опыта (интраадаптация), к энергетическому обеспечению выделенных процессов, способности к генерированию психической энергии (энергии развития).

Преподаватели, не занимающиеся инновационной деятельностью испытывают затруднения в способности в каждый момент оценивать ситуацию и свое состояние в ней с целью поиска оптимального способа действия, способности к принятию нового опыта из различных сфер жизнедеятельности, способности к динамичному установлению новых нейросвязей.

Общественное признание, судя по всему, является фактором внешней стимуляции для включения человека в процесс развития (посредством рефлексии). Обе группы преподавателей отмечают недостаточный уровень благожелательности социально-педагогических условий для организации инновационной деятельности.

Таким образом, преподаватели, занимающиеся инновационной деятельностью, относятся к третьей группе профессионалов - активно-поисковая, движущие силы мотивационно творческой природы активизируют преобладающий подход личности к условиям среды. В этом случае траектория профессионального развития имеет либо стабильно возрастающий характер, либо неравномерно возрастающий, при котором всплески достижений преобладают над зонами пассивности. На этом уровне развитие личностного потенциала обеспечивается аутопсихологическими способностями.

Тогда как, преподаватели, не занимающиеся инновационной деятельностью, относятся ко второй группе профессионалов - репродуктивная. Их профессиональное развитие ориентировано на достижение уровня профессиональной подготовки, демонстрируемого его ближайшим окружением.

Яшин В.П. (Нижний Новгород) НА ПУТИ К ФИЛОСОФИИ ПСИХОЛОГИИ

С.Л. Рубинштейн писал: «Вопросы большой теории, правильно поставленные и верно понятые, - это вместе с тем и практические вопросы большой значимости». А Курт Левин частенько цитировал Кирхгофа: «Нет ничего более практичного, чем хорошая теория». Как видим, классики психологии всегда связывали теорию и практику в единый комплекс. Действительно, любая теория рождается из практики и обогащается практикой.

Причем творцом теории и практики является человек. Человек есть интегратор психологической теории и психологической практики. Если использовать метафору, то можно сказать, что теория и практика – это своеобразная лента Мёбиуса, где одно плавно переходит в другое.

Основания любой науки, как правило, это многоуровневые структуры, неоднородные, иерархичные, и они опираются на некоторые общие философские понятия. К ним относятся в первую очередь философские категории и принципы. Практически любое новое знание всегда выражается через небольшое число исходных понятий и принципов. Среди них понятия материи, энергии, информации, пространства, времени, свойства и отношения, количества и качества, процесса, движения, состояния, реальности, возможности и действительности, случайности и необходимости и еще немногие. Среди таких принципов – принципы единства и многообразия, тождества и различия, части и целого, сохранения и изменения, принципы причинности и развития (и еще некоторые). Все категории и принципы, выраженные человеком с помощью языка, родились в человеческой практике, во взаимодействии человека с самим собой и с окружающей Вселенной, которая, несомненно, богаче того, что мы вкладываем в содержание понятия «человек». Человек выработал эти категории и общие философские принципы именно в «козволюционном» (термин академика Н.Н. Моисеева) процессе взаимодействия с самим собой в рамках человеческого общества и с окружающей Вселенной, которая в первом приближении ограничивается местом проживания человека, то есть Землей. Рассуждая об особенностях подхода Гёте к природе, В. Гейзенберг писал: «Рассматривая природу, Гёте неуклонно исходит от человека; при этом именно человек и его непосредственное переживание природы образуют то средоточие, которое связывает все явления в осмысленный порядок».

Но философские категории и принципы не являются единственными основаниями науки. Поскольку научная деятельность является человеческим мероприятием, то на нее распространяются и правила человеческого общежития. И поскольку наука далеко не однородна в предмете исследования, в ней явно ощущаются и дисциплинарные основы. Кроме того, открывая новые явления, наука привносит новые основания, идущие от объективной реальности и человеческой практики.

Одним из важных вопросов любой науки, вопросом ее философской интерпретации, является вопрос о природе и специфике той реальности, которую она исследует. Например, в отличие от классической физики квантовая физика исследует такие фрагменты реальности, которые недоступны непосредственному восприятию и отражение которых в теоретической форме опосредовано классическими физическими представлениями и методами. Философ А.И. Панченко в своей работе, посвященной теме единства и многообразия мира, заметил, что это реальное опосредование приводит к мнению, что ряд определенностей объектов квантовофизического исследования обнаруживает зависимость от условий и средств познания, относительность к «системе отсчета» практической и теоретической деятельности, внешней по отношению к объекту исследования. В связи с этим встают новые для методологии физики вопросы о природе физической реальности и о той роли, которую играют в получении знания о физическом объекте, во-первых, сам этот объект и, во-вторых, теоретическая и практическая деятельность субъекта (теоретика, экспериментатора, физика, математика, философа). Но ведь все эти вопросы можно отнести и к психологии, с той лишь разницей, что объектом исследования у нас выступает другой человек и его психика, душа. Б.Г. Ананьев ввел категорию «человек» в систему психологических понятий и включил человека в предмет психологии, он впервые в нашей отечественной науке создал теоретико-экспериментальное психологическое учение о человеке. Человек у него выступает системообразующим основанием предмета психологии, включающим в себя такие понятия, как индивид, индивидуальность, субъект и личность. С.Л. Рубинштейн писал о человеке в своей работе «Человек и мир», которая вышла из печати уже после его смерти в 1973 году, хотя написа-

на работа была в 1960 году: «Поскольку есть человек, он становится не чем иным, как объективно существующей отправной точкой всей системы координат».

Важной темой философского анализа оснований любой науки является тема логики. Из трех известных человечеству вполне автохтонных философских традиций (греческой, индийской и китайской) в наибольшей степени отличны друг от друга европейская и китайская. Китайская философия сложилась внутри совершенно оригинальной и уникальной культуры, имея минимум контактов с иными духовными традициями. Знакомство Китая с достижениями европейской философии не произвело никакого заметного впечатления на них, а повышенный интерес к западным идеям в конце XIX века был вызван чисто прагматическим стремлением во что бы то ни стало освоить технику и технологию. И если в европейской философской традиции роль методологии играла формальная логика, то в китайской философии – нумерология. Кобзев А.И. отмечал, что одним из следствий общеметодологической роли логики в Европе стало обретение философскими категориями, прежде всего, логического смысла, генетически восходящего к грамматическим моделям древнегреческого языка. Сам термин «категория» подразумевает «высказываемое», «утверждаемое». Китайские аналоги категорий, генетически восходя к мифическим представлениям, образам гадательной практики и хозяйственно-упорядочивающей деятельности, обрели прежде всего натурфилософский смысл и использовались в качестве классификационных матриц: например, двоичная – *инь-ян*, или *лян и* – «двоица образов»; троичная – *тянь, жень, ди* – «небо, человек, земля», или *сань пай* – «три материала»; пятеричная – *у син* – «пять элементов».

Согласно Платону, числа (пифагорейски понимаемые как обладающие геометрическими, структурными ипостасями, т.е. «квадратные», «прямоугольные», «треугольные») занимают среднее положение между вещами и идеями. Точно так же нумерология находится между эмпирикой и логикой. Числа суть простейшие абстракции. Счет, по определению К. Маркса, - это «первая теоретическая деятельность рассудка, который ещё колеблется между чувственностью и мышлением». Для чисел и геометрических структур в конечном итоге становятся безразличны свойства счисляемых и структурируемых предметов, поэтому нумерология способна играть роль универсальной методологии.

Колебание рассудка между чувственностью и мышлением тут выражается в синкретическом единстве мысли с чувством и оценкой, общей формы с конкретным содержанием. Нумерологические схемы не мыслились в отрыве от своего онтологического содержания, а в центре их онтологии стоял социализированный человек. Нумерология антропо- и социоцентрична. Человеческий фактор определяет специфику главных нумерологических классификаций, построенных на исходных числах 2, 3 и 5: «двоица образов» - Инь и Ян – женское и мужское начала; «три материала» - «небо, человек, земля» - система, сконцентрированная на человеке; пять элементов – «вода, огонь, дерево, металл, почва» - по своему изначальному смыслу суть основные категории предметов хозяйственно-трудовой деятельности человека, о чем в первую очередь свидетельствуют наиболее оригинальные в компаративистском плане элементы – «дерево» и «металл».

Любые научные представления связываются с понятиями, которые включены в какую-то логическую или формальную схему объяснения. Если схема понимания отсутствует, то и понятия нет. В основе развитого теоретического знания, согласно В.С. Степину, должна лежать некоторая *фундаментальная теоретическая схема*, составляющая концептуально-смысловое ядро данной науки. Принято считать, что научная теория имеет дело со словом, символом, знаком и не всегда с образом свое-

го предмета, хотя у человека, ее воспринимающего, как известно, два полушария мозга – знаковое (левое) и образное (правое), и основной поток информации поступает через зрительный канал. Поэтому присутствие картинки в объяснении всегда желательно.

В качестве базовой схемы мы предлагаем использовать крест на стреле времени, который отражает системный подход и в скрытом виде содержит в себе принцип дополнительности, введенный Н. Бором в физике. Понятие дополнительности должно было иметь общеметодологическое значение для всей науки, но этого до сих пор не произошло. Сущность принципа дополнительности состоит в том, что мы не можем одновременно и одними методами изучать противоположности – разные стороны одной картины мира, поскольку есть онтологический и гносеологический аспекты.

По выражению К.Г. Юнга *крест* – это древнейший архетип нашей психики, который объединяет в себе мужское и женское начала. Горизонтальная ось креста - женское, иррациональное начало в человеке, пассивное, принимающее, изменяющееся, гибкое, и в то же самое время консервативное начало. Вертикальная ось - мужское, рациональное, активное, проникающее и новаторское начало.

На пространство креста очень хорошо ложится понятие системы, поэтому мы будем далее опираться на системный подход, который подразумевает рассмотрение любых проблем или объектов как минимум из пяти точек: с точки зрения целого, состава, структуры, образа цели и темпа-ритма движения целого в окружающей среде, траектория которого в прошлом даст представление об истории субъекта или объекта. Плюс обязательный учет состояния окружающей среды (ситуации) как надсистемы.

Такой подход обеспечивает полный анализ и дает возможность предусмотреть варианты развития проблемной ситуации и прогнозировать возможное поведение основных участников взаимодействия. Поэтому употребляемый иногда термин «реальные системы» - не более чем отражение того, что речь идет о моделировании какой-то интересной исследователю части реального мира. И всегда следует помнить, что в реальной жизни, в окружающем нас мире ни моделей, ни систем, которые тоже являются моделями, нет! Там – просто жизнь, сложные и простые объекты, конкретные люди и группы, сложные и несложные процессы и взаимодействия, часто непонятные, иногда неосознаваемые и не замечаемые нами. Системный подход рассматривает единственный объект как систему, а синергетика рассматривает поведение нескольких автономных систем, то есть синергетика включает в себя системный подход изначально.

Курт Левин писал: «Теоретическое развитие должно идти довольно быстро, чтобы социальная наука достигла того уровня практической полезности, в котором общество нуждается, чтобы выиграть гонку с деструктивными мощностями, высвобожденными в результате использования человеком естественных наук» Это было сказано 60 лет назад, а сейчас деструктивных элементов в обществе стало еще больше.

Психологам необходимо также освободиться от научных предрассудков, характерных для данной стадии развития. Философ Э. Кассирер раскрывал основной характер науки как вечную попытку выйти за рамки того, что считается научно доступным в любое конкретное время. Чтобы выйти за ограничения данного уровня знания, исследователь, как правило, должен разрушить методологические табу, которые осуждают как «ненаучные» или «нелогичные» те самые методы или понятия, которые позже оказываются основой для следующего большого шага вперед. И я полностью согласен с В.А. Мазилковым, что создание философии психологии крайне необходимо, чтобы глубже осмыслить предмет психологической науки

и обеспечить конструктивное взаимодействие всех альтернативных подходов внутри психологической теории и

психологической практики.

Козлов В.В. (Ярославль)
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПСИХОЛОГИИ: АПРЕЛЬСКИЕ ТЕЗИСЫ

Эту статью я начинал писать недалеко от города Карата на северо-востоке Тайланда, в медитативном центре Кра-томхина. Сидел на балконе в сумерках и слушал многого-лосый хор вечернего пробуждения: тут фоном идут музыкальные упражнения цикад, пение птиц, горловые звуки обезьян, кваканье лягушек из озера рядом и множество других звуков, принадлежность которых кому-то был бес-силен определить. Полулежа на огромном деревянном кресле, втягивая мягко и медитативно густой нектар ве-чернего воздуха вместе с дымом черного вирджинского табака из итальянской можжевелевой трубки, я думал: «Какая психология, какая теория, какая практика...».

В моем нирваническом сознании была полная тишина. Оно не понимало смысла вопросов и тем более смысла усилий по поводу постановки проблем. Даже мое вечно неудовлетворенное Эго молчало. Все говорило об одном: бытие самодостаточно и ничего не надо. Жизнь и так со-вершенна.

Мне было страшно лень мыслить психологию. Даже ду-мать о том, что я думаю о психологии. Тем более мыслить то, что думают другие по поводу этой удивительно стран-ной науки, о которой в тишине гармонии и благодати про-стого бытия в мире вспоминать нет необходимости.

На этом балконе у меня родилась кощунственная идея, что психология это наука людей неудовлетворенных, кому не хватает полноты жизни и чувств, людей обеспокоенных и встревоженных.

Мне понадобилось принять холодный душ, погулять в ночном парке и только после того, как меня из темноты страшно испугал какой то зверь, уже нервно покуривая сигарету на балконе, я смог написать: **«Сложность про-блемы, которая поставлена в качестве сквозной на этой конференции, неизмерима».**

Но я все-таки закончу мысль о человеке и психологии.

Я веду в Тайланде ритрит, который называется «Путе-шествие в Дхарму». В буддизме существует представле-ние о шести локах, шести обитаемых мирах. И если гово-рить о существах этих шести лок, каждое из них обладает своим специфическим виденьем, связанным с условиями его проживания, с привычками, базовыми психоэмоцио-нальными состояниями. В своей жизни, насколько я пони-маю, мы путешествуем по этим локам как психическим состояниям. С другой стороны – наш мир уже населен обитателями этих лок.

Высшая лока – это область безусловных Богов, аналог сада Эдема, рая, острова Элизиума.

Мы в раю в моменты гармонии, когда кругом счастли-вые лица, мы в силе и пьем нектар жизни с упоением, наслаждением, кругом замечательная атмосфера, пир горой и «жизнь полностью налажена». В этом можно пре-бывать вечно. Людям с «миром внутри», которые принима-ют жизнь как дар Бога, психология не нужна. Когда че-ловек самодостаточен и мир удовлетворителен - нет эк-зистенциальных или личностных проблем и нет надоб-ности в психологии. Покой и тишина внутри не требуют психологии. Это как мне на балконе 3 часа назад.

Психология – это наука, вызванная беспокойством и не-удовлетворенностью человека.

Вторая область в буддийском мироздании это место, где обитают полубоги, их называют Асуры. Небесное, асурическое перерождение в буддизме считается счаст-ливым, т.к. все есть – и богатство, и мудрость, и власть... И сома – напиток вечного блаженства им доступен. Но Эти полубоги, титаны, воинственные духи, обитатели 5-го

уровня отличаются тем, что им чего-то не хватает. Вот – все есть, но что-то не так.

Всегда, когда мы сталкиваемся с некоторой неудовле-творенностью, мы становимся полубогами. Начинается думание и чувство, что кто-то лучше и успешнее меня. У кого-то есть то, что не хватает мне. Вот у Сергея из тайской группы есть золотые «Citizen», а у меня нет. Многие думают что-то нехорошее обо мне, хотя вроде ничего плохого ни одному человеку не делал... Вот на мои работы мало ссылаются, может они считают, что я дурак или безумец...

После ритуала представления в прошлом году в Непале (в группе кроме обычных с достатком людей было 9 настоящих (долларовых) миллионеров) я подумал: «Что же вам надо еще в жизни». Или – что еще нужно людям с Рублевки. Асуры переводится как «обладающие жизнен-ной силой». Люди в славе, в деньгах и власти имеют по-чти все и, самое важное – обладают силой. Но в этом «почти все» основная загвоздка. Вся проблема в том – что уже есть неудовлетворительность мира и себя в мире.

Именно здесь начинается психология. Психология начинается там где есть виденье себя, людей и мира несовершенными.

Третья лока – это сфера людей. В соответствии с буд-дийской традицией, именно человек находится в наилуч-ших условиях для обретения нирваны. Здесь мы видим людей во всем многообразии их страстных проявлений. Здесь мечтания, желания, отношения, эмоции, планы. До конца никто не знает, куда и зачем идет. Никто до конца не понимает, зачем живет. Все пребывают в отсутстви-и ясности, чего мы в конце концов хотим, зависимы от дру-гих, цепляемся легко за любые эмоциональные конфлик-ты.

В этой локе есть что-то, что внушает надежду, недаром буддисты говорят, что только родившись человеком, мож-но освободиться.

Основная характеристика сферы людей - это страсть, всепоглощающая страсть, то есть способность отдаться до конца делу и чувству. И эта страсть может быть любо-вью, если она обращена на бесконечное, то мы становим-ся Христом. Если предмет страсти конечен, мы превра-щаемся в людей, вращающихся в обычных человеческих делах. Если страсть это радость – то мы превращаемся в смеющихся мудрецов, которым завидуют Боги. Если страсть это сострадание – то мы можем вкусить Махака-руну – Великое сострадание, которое делает нас Буддой. Если страсть – Истина, то мы видим мудреца, уже вку-сившего рай. Если страсть – Красота, то мы очи наши наполняется умилением совершенства. Если страсть – творчество, то мы взираем на Демиурга.

Человек это некто, кому открыты врата рая. Человек это всегда возможность быть Богом.

Человек – это возможность реализации, превозмогания границ, и здесь психология может быть помощником как учение достижения Самости.

Четвертая лока это область животных. Здесь пир секса, еды, размножения и драки за ресурсы.. Здесь собака, ко-торая бежит и видит только то, что чует его нос, только перед собой или человек, ничего не замечающий, кроме своих интересов. Здесь самодовольная свинья, которая жиреет, и у нее скоро будут поросята и она ждет, когда же подойдет ведро с похлебкой, или когда же придет муж с работы с деньгами, чтобы почавкать и почувствовать, как хорошо! Здесь козел, покрывающий уже сотую самку в этот день и думающий, что он великий Джакомо Казаново.

Здесь перегрызают друг другу глотки волки и другие хищники за добычу... здесь **уже не нужна психология**, здесь будничные животные энергии и инстинкты. Психологи часто бессильны помочь другим, т.к. человеческое, слишком человеческое – большей частью нечто телесное и животное. И себе тоже.

Пятая область – это лока претов, голодных духов, существ с громадным животом и узеньким горлом, которым постоянно чего-то не хватает. В соответствии с буддийской мифологией преты выглядят как горящие деревья с горлом толщиной с угольное ушко и с брюхом размерами с гору. Вон у того есть и это и то, и машина и дом огромный и любовницы хорошенькие, он столько всего успел, а я еще нет. Мне столько лет! Постоянная ненасытность, постоянное ожидание, постоянная зависть. Это чувство становится всепоглощающим. Ненасытная утроба, огромная, а способности маленькие, горло узенькое и жрать все время хочется и другие могут больше во всем. Вечный голод, черная зависть и силе, и молодости, и возможностям. Претам **не нужна психология**, им нужны только куски чувств, энергия человеческого переживания, жизнечность, но они не насытятся.

Шестая лока – мир адских существ (нараков), которые подвержены тяжёлым мучениям вследствие своих деструктивных действий при своей жизни. В отличие от христианского или мусульманского ада, мучения не вечные, и после довольно длительного срока искупления негативная карма очищается, и существа могут переродиться в высших мирах. Но они должны сами искупить. Им помочь не возможно. И здесь психология бессильна.

Я помню только одну попытку, но она закончилась крахом, хотя там было сострадание Будды, как рассказывал когда-то Рюноске Акутагава:

« Однажды Будда бродил в одиночестве по берегу райского пруда.

Весь пруд устлала лотосы жемчужной белизны, золотые сердцевинки их разливали вокруг неизъяснимо сладкое благоухание.

В раю тогда было утро.

Будда остановился в раздумье и вдруг увидел в окне воды, мерцавшей среди широких листьев лотоса, все, что творилось глубоко внизу, на дне Лотосового пруда.

Райский пруд доходил до самых недр преисподней.

Сквозь его кристальные воды Игольная гора и река Сандзу были видны так отчетливо ясно, словно в глазок биоскопа.

Там, в бездне преисподней, кишело великое множество грешников. И случилось так, что взор Будды упал на одного грешника по имени Кандата.

Этот Кандата был страшным разбойником. Он совершил много злодеяний: убивал, грабил, поджигал, но все же и у него на счету нашлось одно доброе дело.

Как-то раз шел он сквозь чащу леса и вдруг увидел: бежит возле самой тропинки крохотный паучок. Кандата занес было ногу, чтобы раздавить его, но тут сказала себе: "Нет, он хоть и маленький, а что ни говори, живая тварь. Жалко понапрасну убивать его".

И пощадил паучка.

Созерцая картину преисподней. Будда вспомнил, что разбойник Кандата подарил однажды жизнь паучку, и зашел он, если возможно, сласти грешника из бездны ада в воздаяние за одно лишь это доброе дело. Тут, по счастью, на глаза Будде попался райский паучок. Он подвесил прекрасную серебряную нить к зеленому, как нефрит, листу лотоса.

Будда осторожно взял в руку тончайшую паутинку и опустил ее конец в воду между жемчужно-белыми лотосами. Паутинка стала спускаться прямо вниз, пока не достигла отдаленнейших глубин преисподней.

Там, на дне ада, Кандата вместе с другими грешниками терпел лютые мучения в Озере крови, то всплывая наверх, то погружаясь в пучину.

Повсюду, куда ни взгляни, царила крошечная тьма. Лишь изредка что-то смутно светилось во мраке. Это тускло поблескивали иглы на страшной Игольной горе. Нет слов, чтобы описать весь безотрадный ужас этого зрелища. Кругом было тихо, как в могиле. Лишь иногда слышались глухие вздохи грешников.

Преступные души, низверженные после многих мук в самые глубины преисподней, не находили сил стонать и плакать.

Вот почему даже великий разбойник Кандата, захлебываясь кровью в Озере крови, лишь беззвучно корчился, как издыхающая лягушка.

Но вдруг Кандата поднял голову и начал вглядываться в темноту, нависшую над Озером крови. Из этой пустынной мглы, с далекого-далекого неба, прямо к нему, поблескивая тонким лучиком, плавно спускалась серебряная паутинка, словно опасаясь, как бы ее не заметили другие грешники.

Кандата от радости забил в ладоши. Надо только уцепиться за эту паутинку и ползти по ней, взбираясь все выше и выше. Тогда уж, верное дело, ускользнешь из преисподней.

А если повезет, то, чего доброго, и в рай попадешь. И не погонят тебя больше на вершину Игольной горы, не бросят снова в Озеро крови.

Подбодренный этой надеждой, Кандата крепко ухватился за паутинку обеими руками и начал изо всех сил карабкаться вверх.

Само собой, для опытного вора это было делом привычным.

Но от преисподней до райской обители много десятков тысяч ри. Как он ни старался, нелегко ему было добраться до горных высот. Лез, лез Кандата вверх и наконец даже его, такого силача, одолела усталость. Не смог он без единой передышки добраться до самого неба.

Делать нечего, пришлось дать себе роздых. Вот остановился он на полдороге, висит на паутинке, отдыхает, и вдруг поглядел вниз, в глубокую пропасть.

Недаром так упорно взбирался Кандата вверх по этой тонкой паутинке. Озеро крови, где он только что терпел лютые муки, скрылось в непроглядной тьме. А вершина страшной Игольной горы, смутно сверкавшая во мраке адской бездны, уже у него под ногами. Если он и дальше будет так проворно карабкаться, что ж, пожалуй, ему и в самом деле удастся дать тягу из преисподней.

Крепко цепляясь за паутинку, Кандата впервые за много лет вновь обрел человеческий голос и с хохотом крикнул:

- Спасен! Спасен!

Но тут же внезапно заметил, что и другие грешники без числа и счета облепили паутинку и, как шеренга муравьев, ползут вслед за ним все выше и выше.

При этом зрелище Кандата от испуга и удивления некоторое время только и мог вращать глазами, по-дурацки широко разинув рот.

Эта тоненькая паутинка и его-то одного с трудом выдерживала, где же ей выдержать такое множество людей!

Если паутинка лопнет, тогда и он сам, - подумает только, он сам! - уже забравшийся так высоко, полетит вверх тормашками в ад. Прощай надежда на спасение!

А пока он говорил это себе, грешники целыми роями выползали из темных глубин Озера крови. Сотни, тысячи грешников, растянувшись длинной цепочкой, торопливо лезли вверх по сверкающей, как тонкий луч, паутинке. Надо что-то скорей предпринять, или паутинка непременно порвется и он полетит в бездну.

И Кандата завопил во весь голос:

- Эй вы, грешники! Это моя паутинка! Кто вам позволил взбираться по ней? А ну, живо слезайте. Слезайте вниз!

Но что случилось в тот же миг!

Паутинка, до той поры целая и невредимая, с треском лопнула как раз там, где за нее цеплялся Кандата.

Не успел он и ахнуть, как, вертясь волчком, со свистом разрезая ветер, полетел вверх тормашками все ниже и ниже, в самую глубь непроглядной тьмы.

И только короткий обрывок паутинки продолжал висеть, поблескивая, как узкий луч, в беззвездном, безлунном небе преисподней.

Стоя на берегу Лotosового пруда, Будда видел все, что случилось, с начала и до конца. И когда Кандата, подобно брошенному камню, погрузился на самое дно Озера крови, Будда с опечаленным лицом опять возобновил свою прогулку.

Сердце Кандаты не знало сострадания, он думал лишь о том, как бы самому спастись из преисподней, и за это был наказан по заслугам: снова ввергнут в пучину ада. Каким постыдным и жалким выглядело это зрелище в глазах Будды!

Но лотосы в райском Лotosовом пруду оставались безучастны.

Чашечки их жемчужно-белых цветов тихо покачивались у самых ног Будды.

И при каждом его шаге золотые сердцевинки лотосов разлизали вокруг неизъяснимо сладкое благоухание.

В раю время близилось к полудню.»

Таким образом, остается всего два мира, где пригодна психология и психолог – мир полубогов, мир силы безмерной, но не удовлетворенной и мир людей с надеждой на их потенциальность и интенцию к целостности.

Что может им предложить психология?

Восхождение в локу рая.

Где тишина, где мир и благодать в человеке?

В чистом свете сознания.

Современный человек основывает свои убеждения на эмпирических свидетельствах. Ему важен личный опыт. Он не нуждается в церквях и храмах: среда, в которой он переживает священные измерения реальности, включая свою внутреннюю гармонию, бытийную целостность – это его тело и личностная природа. Вместо официального священника ему требуется поддерживающая группа единомышленников или же руководство учителя – психолога, богатого духом, который обладает большим опытом во внутреннем путешествии, чем он сам.

Хочу напомнить психологам широко известное высказывание Карла Густава Юнга, который на вопрос журналиста: "Верите ли вы Бога?" сказал: "Нет", и, выждав паузу, добавил: "Мне нет необходимости верить в Бога: я знаю Бога".

Мы уже писали неоднократно, что интегративная модель, как на объяснительном, так и на воздействующем уровнях, укоренена в целостном, органическом, голографическом видении. Она работает с целостными, гештальтными состояниями. Говоря простым языком, жизнь, мир, человек в мире всегда целостны и нерасчленимы. Но человек должен на своем опыте пережить и осознать эту целостность.

Сами понятия "цель" и "целое" этимологически связаны (по-гречески *τελός* – свершение, завершение; окончание, высшая точка, предел, цель; *τελειός* – законченный, полный, свершившийся; окончательный, крайний, совершенный). Достижение цели одновременно означает и завершение действия, замыкание круга, восхождение к полноте, совершенству, красоте. И путь, и плоды пути уже есть. Стремление к целостности уже включает саму целостность.

И нет ничего лишнего. На мой предубежденный взгляд, неистовый поиск человеком гармонии, силы и красоты, изучение внутреннего мира человека не должно быть разорвано от общей трактовки мира. Мы никогда не являемся психологами, в пределе – максимальный и глубокий

жизненный опыт + психологическая рефлексия. Сперва человек и лучше – добротный, чистый, нравственный человек, пострадавший свои ценности, проливший и слезы и пот и кровь над своими внутренними истинами и затем психолог.

Нет человека единичного и нет индивидуальности, есть человек в мире и человек для мира, сознание и личность, объявшие и растворившиеся в мире. Онтология и психология, субъективное и объективное не сосуществуют, а существуют в едином акте человеческого переживания, в едином порыве действия и мысли.

Для меня нет никакого Атмана, души или «психе», как неподвижного, безличного, Богданного начала.

Для меня важен предмет моих изысканий – динамически развивающееся, ненасытное индивидуальное свободное сознание человека. Важен предмет, который я могу показать другому, как предел осознания и понимания – место, откуда человек творит реальность в интеллектуальных смыслах и переживаниях, образах и действиях, эмоциях и символах. Важен чистый свет сознания, где Бог, рай, Я рядом.

Немецкий мистик Мейстер Экхарт утверждал, что "очи, которыми человек смотрит на Бога, те же самые, которыми Бог взирает на человека". Если мы заменим слово Бог индивидуальным свободным сознанием, то получим весьма адекватный психологический текст.

Мейстер Экхарт открыл в своем духовном опыте особое устройство человеческой рефлексии, одновременно связанной со светом сознания и с переживаемым опытом, двояковидящим, одинаково направленным и к сознания, и к отражаемой реальности.

В христианстве есть утверждение, что в человеке есть нетленная Божья искорка и она живет в его душе. Душа является вместилищем образов, эмоций, ощущений, понятий, символических смыслов. На мой взгляд, это предельно сжатое описание продуктивной функции сознания. Именно этой нетленной частицей (пространством индивидуального свободного сознания) мы можем научиться видеть предел чистоты, целостности и гармонии, узреть Бога как бесконечность во времени и всеобъятность в пространстве.

Не понять, но пережить.

Не объять, но узреть

Мейстер Экхарт пишет: "Где кончается тварь, там начинается Бог, и Бог не желает от тебя ничего большего, чем чтобы ты вышел из себя самого, поскольку ты тварь, и дал бы Богу быть в тебе Богом." "Если душа хочет видеть Бога, она должна забыть и потерять себя, ибо покуда она видит и знает себя, до тех пор она не видит и не знает Бога." Как финал этого можно привести высказывание: "Ты должен любить Бога таким, какой он есть: не Бог, не дух, не лицо, не образ, но одно чистое светлое единство, далекое от всякой двойственности. И в это единое Ничто должны мы вечно погружаться из бытия."

На самом деле – чистое сознание целостно и не имеет двойственности.

На самом деле – сознание обладает пустотностью и представляет из себя свернутый семантический вакуум.

Я не очень уверен в возможности «вечно погружаться из бытия». Я уверен в том, что человек должен страстно погружаться в бытие и реализоваться в бытии, но зная качество энергии своего недвойственного чистого сознания он должен. Чтобы отличать сущность от шелухи, истинное и вечное от наносного и временного, источник от отраженного света.

Но важно понимать – человек предназначен для самореализации и это возможно только в плотности бытия в мире. Цель – не стирание личной истории или малейших проявлений Эго. Пора понять: Эго – это основная и самая надежная опора жизни на Земле, эволюционно целесооб-

разный инструмент освоения самого сознания и разворачивания потенциальности сознания.

Сознание человека трансперсонально, но это не означает, что нужно уничтожать Эго и презрительно относиться к личности с ее неудовлетворенностью, непостоянством и бессамостью.

Сознание, вне сомнения, сверхличностно, но базовая стратегия интегративной психологии – не пренебрегать крупными опытами, но относиться к ним бережно и нежно как к ступенькам к сверхличностному, к чистому видению своего сознания.

Жизнь – это священный брак между личностью и сознанием, иерогамия Персоны и трансперсонального, мистический союз сознания и опыта.

И все время, возвращая человека в чистоту и тишину его сознания, мы совершаем великий шаг к тотальной интеграции личности.

Я хотел написать статью «ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПСИХОЛОГИИ: АПРЕЛЬСКИЕ ТЕЗИСЫ». Начинать я ее в Тайланде во время тренинга по буддийской психологии и практике. И сейчас, еще раз прочитав статью, я хорошо понимаю, что апрельских тезисов не получилось и не очень уверен, что они нужны.

Сегодня последний вечер на Бали.

Я сижу на берегу океана, и от него тянет свежестью и пряностью.

Уже ночь на берегу и никого нет, даже случайных пар.

К свежести и пряности океана примешиваются запахи благовоний от индуистского жертвенника.

Звезды в черном небе, волны океана и воздух, настолько плотно наполненный энергией жизни, что будто не дышишь, а пьешь нектар бессмертия...

И, кажется, что даже в одиночестве, на пустынном берегу, даже в темноте, даже когда время остановилось под вечными звездами, мир во мне и со мной абсолютно целостны.

И когда накатывают волны чудится мне, что это прилив силы человечества, как рождение тысяч и тысяч детей... и я слышу их торжествующий жизнь крик.

И когда волна океана уходит, кажется мне, будто уносится сила и слышу предсмертный хрип тысяч и тысяч умирающих, мужчин и женщин, старых и молодых...

Но волна за волной – целостность мира не исчезает и ее не надо искать – она присутствует все время – в рождении, жизни, смерти человека и человечества, растений и животных, звезд и Богов.

Мир и бытие человека в нем существуют только для того, чтобы ты понял – и ты и мир все время целокупны и нет повода для беспокойства.

Мы уже на вершине и мы уже смотрим на мир оттуда, куда стремимся.

Вечно будет дуть с океана нежный и мягкий ветер, который своими огромными крылами будто хочет обнять и приласкать тебя как малого ребенка.

Тебе просто нужно подставить свое тело.

И целостности, и гармонии, и божественному свету сознания внутри тебя просто нужно открыться.

Мы живем уже полностью оттуда, куда мы все время отчаянно стремились и многие все еще стремятся – из полноты бытия и целостности.

Неважно, сколько тебе лет и кто ты – то ли студент-первокурсник или профессор – знаю, что внутри тебя есть око восприятия, наполненное жизненностью, доверием, открытостью, как первый взгляд ребенка.

Под шум мягких и упругих волн океана, который живет и дает жизнь этой земле миллионы и миллионы лет...

...мне еще и еще хочется напомнить, что психология для людей и полубогов – это напоминание и воспоминание о том, что все мы уже целостны...

...если сможем из глубины молчания и ясности, из чистого незамутненного видения посмотреть друг - другу в глаза - мы увидим, что едины в понимании истока.

Мне так не хочется уходить с этого берега, хотя уже и возникло ощущение, будто остался один на Земле.

Я прожил здесь не секунды, а часы наслаждения, счастья, полноты.

И мне хочется отдать это всем живущим и страждущим.

Не поделиться – вылить полный кувшин блаженства и благодати до дна в жаждущие рты.

Но никого вокруг нет – только прибой океана, пряный воздух и звезды.

И я понимаю, что счастьем и полнотой бытия невозможно поделиться. Этому нужно открыться.

Кто это может сделать?

То ли кто-то внутри меня, то ли ветер, то ли звезды шепчут как неистовую молитву.

Ты и только ты...

Ты и только ты...

Ты и только ты...

Тайланд – Малайзия – Бали, 1 марта 2009 года

НОВИКОВ В.В., КОЗЛОВ В.В. (ЯРОСЛАВЛЬ) ИНТЕГРИРУЮЩИЙ РЕСУРС ЯРОСЛАВСКОЙ ШКОЛЫ ПСИХОЛОГИИ	4
КОЗЛОВ В.В. (ЯРОСЛАВЛЬ) ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПСИХОЛОГИИ.....	7
А.В. КАРПОВ(ЯРОСЛАВЛЬ) МЕХАНИЗМЫ КОГНИТИВНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ПРОЦЕССАХ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ	14
КАШАПОВ М.М. (ЯРОСЛАВЛЬ) СПЕЦИФИКА ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ, МЕХАНИЗМОВ И ПРИНЦИПОВ ТВОРЧЕСКОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ	17
МАЗИЛОВ В.А. (ЯРОСЛАВЛЬ) О РАЗРАБОТКЕ ТЕОРИИ МЕТОДОЛОГИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ.....	24
МАНУЙЛОВ Г.М., НОВИКОВ В.В., КОЗЛОВ В.В. (ЯРОСЛАВЛЬ) АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПСИХОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ.....	26
КАРИЦКИЙ И.Н. (МОСКВА) НАУКА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ.....	29
В.Ф. ПЕТРЕНКО ПОНЯТИЕ КОНСТРУКТИВИЗМА В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ	32
ФОМЕНКО Г.Ю. (КРАСНОДАР) ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕГРАЦИИ	34
АБДУЛАЕВА А.В. (КАРАГАНДА) ВЛИЯНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ВОЛЕВОЙ АКТИВНОСТИ И МОРАЛЬНО-НРАВСТВЕННОЙ НОРМАТИВНОСТИ НА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКУЮ АДАПТАЦИЮ СТУДЕНТОВ.....	36
АБРАМОВИЧ К.Н. (ИРКУТСК) СОЦИАЛЬНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ В СТРУКТУРЕ УЧЕНИЧЕСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ	37
АГИБАЕВА Г.Е. (АЛМАТЫ) ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ В ПСИХОЛОГИИ. МУЗЫКАЛЬНАЯ ТЕРАПИЯ КАК ИНТЕГРАТИВНЫЙ МЕТОД ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПСИХИЧЕСКОЕ И ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА.....	38
АКУЛЕНКО А.Н. (МИНСК) КАТЕГОРИЗАЦИЯ И КОНСТРУИРОВАНИЕ СМЫСЛОВЫХ ПОЗИЦИЙ В ДИАЛОГЕ.....	40
АНТОНЕНКО И.В. (МОСКВА) МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ДОВЕРИЕ	41
АРТЕМЬЕВА О.А. (ИРКУТСК) ПРАКТИКА КАК ДЕТЕРМИНАНТА СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ.....	43
АСМАКОВЕЦ Е.С. (ОМСК) ОСОБЕННОСТИ КОПИНГ-ПОВЕДЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ БОЛЬНИЦЫ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ	45
АЙРАПЕТЯН Д.Р. (ЕРЕВАН) ВОСПРИЯТИЕ И СУБЪЕКТИВНАЯ ОЦЕНКА ВРЕМЕНИ В КОНТЕКСТЕ ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ	46
АРТЕМЬЕВА О.А. (ИРКУТСК) ПРАКТИКА КАК ДЕТЕРМИНАНТА СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ.....	48
БАЛГИМБАЕВА З.М. (АЛМАТЫ) СОДЕРЖАНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ ГЕНДЕРНЫХ ПРЕДУБЕЖДЕНИЙ.....	50
БАРАНОВА Н.А., БЕГУНОВ И.А., ПАНЬКОВ В.П. (ИЖЕВСК) ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭКСПЕРТНОЙ СИСТЕМЫ В ОКАЗАНИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ПАЦИЕНТАМ ПРИ СОСТОЯНИИ ТРЕВОГИ.....	52
БАШКИН М. В.(ЯРОСЛАВЛЬ) КОНФЛИКТЫ В МЕЖЛИЧНОСТНОМ ОБЩЕНИИ СТАРШЕКЛАСНИКОВ	53
БЕЛАН Е.А. (КРАСНОДАР) ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОЕ ОТРАЖЕНИЕ ХАРАКТЕРИСТИК ЗНАЧИМЫХ И ТРУДНЫХ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЙ В ИНДИВИДУАЛЬНОМ СОЗНАНИИ	54
БЕРЕЖНАЯ О.В. (ВОЛГОГРАД) ТЕХНОЛОГИЯ «КЛЮЧИ И ОТМЫЧКИ ОТ ДЕНЕЖНОГО ПОТОКА».....	55
БИРЮКОВ В.А. (ТОМСК) ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ ТРАНССЕКСУАЛИЗМА В ПРОЦЕССЕ ОНТОГЕНЕЗА	56
БОГДАНЧИКОВ С.А. (САРАТОВ) МЕТОДИЧЕСКИЙ АРСЕНАЛ СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ 1920-1930-Х ГОДОВ.....	57
БОГОВИЧ Л. (РИГА) ВЛИЯНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ НАКАЗАНИЯ И ПООЩРЕНИЯ НА РАЗВИТИЕ НРАВСТВЕННОСТИ РЕБЕНКА.....	59
БОЧАРНИКОВ В.Н. (ВЛАДИВОСТОК) ТРАДИЦИОННЫЕ ЗНАНИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ЧАСТЬЮ ПСИХОДУХОВНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ	61
БУРЫКИНА М.Ю. (БРЯНСК) К ВОПРОСУ О ПРИНЯТИИ МАТЕРЯМИ-ПЕДАГОГАМИ СВОЕГО РЕБЁНКА: СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ..	62
ВАТОВА Л.С. (МОСКВА) СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МОЛОДЕЖНОГО ВАНДАЛИЗМА	64

ВЕЛЬКОВА Н.А. (ОМСК) ПСИХОСЕМАНТИКА ОСОЗНАННОГО И НЕОСОЗНАВАЕМОГО ВОСПРИЯТИЯ РЕКЛАМНЫХ СООБЩЕНИЙ.....	65
ВЕРБИНА Г.Г. (ЧЕБОКСАРЫ) АКМЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОХРАНЕНИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ	66
ВЕРБИНА Г.Г., КАПЛАНОВА А.Ш. (ЧЕБОКСАРЫ) ПОСТРОЕНИЕ ИНТЕГРИРОВАННОГО ПОВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТА – СУЩЕСТВЕННАЯ ЧАСТЬ АДАПТАЦИОННОГО ПРОЦЕССА	67
ВЕРЕЩАГИНА А.А. (АЛМАТЫ) ДЕЛОВОЙ ТЕКСТ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ	68
ВОЛЧЕК О.Д. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ПРИРОДНАЯ СРЕДА И РАЗВИТИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ.....	70
ВЯТКИН А.П. (ИРКУТСК), КОЗЛОВ В.В. (ЯРОСЛАВЛЬ) «ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК» ИЛИ СУБЪЕКТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ? ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕГРАЦИИ	72
ГАНЬКОВА З.А. (ПЕТРОЗАВОДСК) ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ГОРОДСКОГО И СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО- ЗАПАДНОГО РЕГИОНА РОССИИ	74
ГРЯЗНОВ А.Н., ЧЕВЕРИКИНА Е.А., ТУХВАТУЛЛИНА Д.Р.(КАЗАНЬ) СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ АЛКОГОЛИЗМА	75
ГУБИНА С.Т. (ГЛАЗОВСК) ПРОФИЛАКТИКА И КОРРЕКЦИЯ ПСИХИЧЕСКОГО ВЫГОРАНИЯ С ПОМОЩЬЮ МУЗЫКАЛЬНЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ВОЗДЕЙСТВИЯ	77
ГУСАКОВА Г. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) МЕТОДЫ БИОСЕНСОРНОЙ ПСИХОЛОГИИ В РАБОТЕ С БЕРЕМЕННЫМИ.....	78
ГУСЕВА Т.С. (ЯРОСЛАВЛЬ) ФЕНОМЕН ДОВЕРИЯ: ТРИ ТИПА ДОВЕРИЯ	79
ДЕМЧУК И. (МОСКВА), РОМАНОВ Ю. (НОВОСИБИРСК) МНОГОМЕРНОСТЬ ФЕНОМЕНА «ПРАЗДНИК»	80
ДЕХТЯРЕНКО А.А. (ЧЕЛЯБИНСК) ОСОБЕННОСТИ ТОЛЕРАНТНОСТИ КАК СВОЙСТВА ЛИЧНОСТИ	81
ДУНАЕВА О.Н. (ЧЕЛЯБИНСК) РОЛЬ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ФОРМИРОВАНИИ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ УНИВЕРСИТЕТА К СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ	83
ЕМЕЛЬЯНОВА Е.Ю. (СЕВЕРСК, ТОМСКОЙ ОБЛ.) ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ	84
КАРАГАПОЛОВ В. Ю. (БИШКЕК) ПСИХОГЕНЕТИЧЕСКОЕ РОДСТВО ДУХОВНОЙ ПРАКТИКИ И НАРКОТИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТИ.	85
КАРПЕНКО О.Н., ЧУМАКОВ В.И. (ВОЛГОГРАД) ВЗАИМОСВЯЗЬ ГЕНДЕР-ТИПА ИНДИВИДА С ПРИМЕНЕНИЕМ ПРАВДЫ И ЛЖИ В МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ	87
КАЧАНОВА НАТАЛЬЯ (МИНСК) ПАРАДИГМЫ МЫШЛЕНИЯ: ПЯТЬ МОДЕЛЕЙ	88
КОНДРАТ Е.Н.- САНКТ - ПЕТЕРБУРГ, МИРОНОВА Т.И.-КОСТРОМА ДЕТЕРМИНАНТЫ ГЕНДЕРНОЙ ДЕЛИНКВЕНТНОСТИ В МОЛОДЕЖНЫХ ГРУППАХ.	92
КОРНИЕНКО А.Ф. (КАЗАНЬ) ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПОСТРОЕНИЯ ИНТЕГРАТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ	92
КОРОЛЕВ А.Ю. (НИЖНИЙ НОВГОРОД) ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ КАРТ МЫСЛИТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ХОДЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ ПО НАПРАВЛЕНИЮ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА, БИЗНЕСА И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	94
КОСОВ А.В. (КАЛУГА) ЭКОЛОГИЧНОСТЬ МИФОСОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА.....	94
КУЗНЕЦОВА Н. (МОСКВА) РАДИКАЛИЗМ ПОНИМАНИЯ ДУХОВНОГО КРИЗИСА В ТРАНСПЕРСОНАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ С. ГРОФА)	96
КУЗНЕЦОВА И.В.(САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ХАРАКТЕРИСТИКИ АФФИЛИАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ	98
КУКИНА М. (ИРКУТСК) ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК И ОТНОШЕНИЯ К СМЕРТИ ОНКОЛОГИЧЕСКИХ БОЛЬНЫХ.....	99
КУЛИКОВСКАЯ Е.В., ФЕРИНСКИЙ А.В. (ИРКУТСК) ВЛИЯНИЕ УЧЕБНОГО КУРСА «НЕТРАДИЦИОННЫЕ ВИДЫ ОЗДОРОВЛЕНИЯ» НА ИЗМЕНЕНИЯ ЛИЧНОСТИ БУДУЩИХ ТРЕНЕРОВ, ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ФИЗКУЛЬТУРЫ	102
КУРИЛОВИЧ М. А. (МИНСК) ФОРМИРОВАНИЕ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВУЗА.....	104
ЛАЗАРЕВ Н. М., ЛАЗАРЕВА Ю. Н. (ВЛАДИМИР) ЗДОРОВОЕ ТЕЛО ВО ВРЕМЯ МИРОВОГО КРИЗИСА	105
ЛАЗАРЯНЦ О.В. (ЯРОСЛАВЛЬ) ОТЧУЖДЕНИЕ И ОДИНОЧЕСТВО – ЭКЗИСТЕНЦИОНАЛЬНАЯ ПРЕДОПРЕДЕЛЕННОСТЬ СТАРЕНИЯ	106

ЛИКЕЕВА М.В. (НИЖНИЙ НОВГОРОД) ИНТЕГРАТИВНОЕ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ПРОЦЕССА РЕАБИЛИТАЦИИ ПАЦИЕНТОВ МЕДИКО-ПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ.....	106
ЛИСОВЕНКО Б.С. (ЯРОСЛАВЛЬ) К ВОПРОСУ О ДЕТЕРМИНАНТАХ ПРЕОДОЛЕНИЯ РОЛЕВОГО КОНФЛИКТА.....	109
ЛОЖКОВА Г.М. (ТОБОЛЬСК) ТЕХНОЛОГИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ.....	110
МАЗУР Ю.О. (ОМСК) ВОЛЯ КАК ГЛУБИННЫЙ ЛИЧНОСТНЫЙ РЕСУРС	111
МАНИЛОВ И.Ф., ДЕМЬЯНЕНКО Т.В. (КИЕВ) ОСОБЕННОСТИ СУГГЕСТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНО ДЕЗАДАПТИРОВАННЫХ ПОДРОСТКОВ	113
МАНЬШКИНА М.В. (ЯРОСЛАВЛЬ) ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНИКИ «РИСУНОК НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ» В ПСИХОДРАМЕ КАК ТЕХНИКИ ФАЗЫ РАЗОГРЕВА	114
МАНЯПОВА Е.В. (ТОБОЛЬСК) ОПОРА НА ЖИЗНЕННЫЙ ОПЫТ В РАЗВИТИИ АУТОПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ.....	115
МАРКОВ А.С. (РЯЗАНЬ) ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА СПЕЦИАЛИСТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВОЕННОГО ВУЗА.....	116
МЕЛЕШНИКОВ А.А. (ЯРОСЛАВЛЬ) СУБЪЕКТИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЛИЧНОСТИ ПО ФОТОГРАФИИ ПРИ ЗНАКОМСТВАХ НА ИНТЕРНЕТ-САЙТАХ	117
МЕЛЬНИКОВА А.А. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) НАЦИОНАЛЬНАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ЯЗЫКОВОГО АНАЛИЗА	119
МЕРЗЛЯКОВА Д.Р., СЕМКОВА М.П. (ИЖЕВСК) ОСОБЕННОСТИ ПСИХОСОМАТИЧЕСКИХ СИМПТОМОВ «ВЫГОРАНИЯ» У УЧИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ..	120
МИРОНОВА Т.И. КОСТРОМА МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ И ФОРМЫ ДЕПРИВАЦИОННЫХ СОСТОЯНИЙ ЛИЧНОСТИ И МАЛЫХ ГРУПП.	122
МОРОЗОВА С.В. (ЧЕЛЯБИНСК) ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБ ЭКОЛОГИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ СТУДЕНТАМИ-АРХИТЕКТОРАМИ.....	122
МОРОЗОВА С.В. (ЧЕЛЯБИНСК) РОЛЬ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ-АРХИТЕКТОРОВ	124
МОСКВИТИНА Т.Н. (ТОМСК) ПРОИСХОЖДЕНИЕ АППЕТИТА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПСИХОДИНАМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И КОГНИТИВНОЙ ТЕОРИИ ЛИЧНОСТИ	126
МУХАМЕТЗЯНОВА Ф.Г., БОГДАНОВА А.Х., МУХАМЕТЗЯНОВ Ф.А ПОДГОТОВКА БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ-ПСИХОЛОГОВ НА ОСНОВЕ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА КАК КОНКУРЕНТОСПОСОБНЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ.....	127
ОБОДКОВА Е.А. (ЯРОСЛАВЛЬ) СОЦИАЛЬНО-ОТВЕТСТВЕННЫЙ БИЗНЕС КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ.....	129
ОВЧАРОВА О.Н. (ЯРОСЛАВЛЬ) МЕХАНИЗМЫ ВОСПРИЯТИЯ УГРОЗЫ.....	130
ОВЧИННИКОВ В.А. (ЯРОСЛАВЛЬ) ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ КИБЕРАДДИКЦИИ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ	132
ОРЛОВА А.В. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ВЫРАЖЕНИЕ ЛИЦА КАК ЕГО ОПИСАТЕЛЬНАЯ ИНТЕГРАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА	133
ОСТАПЕНКО Т.А. (АЛМАТЫ) КОПИНГ-СТРАТЕГИИ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В СИТУАЦИИ СТРАХА	134
ПАВЛОВА Ю. (ГОМЕЛЬ) ИДЕНТИЧНОСТЬ В РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКА.....	136
ПАВЛЮКОВЕЦ Е.В. (МИНСК) ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИФИЧЕСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В РАМКАХ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОДХОДА К ПРОФИЛАКТИКЕ АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ.....	137
ПАРШУКОВА Л.П. (ЧЕЛЯБИНСК) ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО СЕРВИСА И ТУРИЗМА	138
ПАЧИН Р.К. (ЕЛЕЦ) МАРГИНАЛЬНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ «ЧЕЛОВЕК-МАШИНА»	139
ПАЧИНА Н.Н. (ЕЛЕЦ) ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ:ИНТЕГРАТИВНО-ЦЕЛОСТНЫЙ ПОДХОД	141
ПЕРЕШЕИНА Н.В. (КИРОВ) МОДЕЛЬ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАЦИЙ У ПОДРОСТКОВ С АГРЕССИВНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ.....	142
ПЕЧЕРКИНА А.А., ОСТАПЧУК Н.В. ОСОБЕННОСТИ СОХРАНЕНИЯ И ПОДДЕРЖАНИЯ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ СТУДЕНТОВ ВУЗА.....	143
ПОНОМАРЕНКО Е. А. (ЕЛЕЦ) ДУХОВНАЯ МУЗЫКА В КОНТЕКСТЕ ЛИЧНОСТНОГО РОСТА ЧЕЛОВЕКА	145
ПОСТОВАЛОВА А.И., ЯЩЕНКО Е.Ф. (ЧЕЛЯБИНСК) ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ К ВЫБОРУ НАПРАВЛЕНИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕФОРМ	146
ПРОВОРОВ А.М. (ЯРОСЛАВЛЬ)	

ИЗМЕНЕННЫЕ СОСТОЯНИЯ СОЗНАНИЯ (ИСС) В РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЯХ (НА ПРИМЕРЕ ОБЩЕСТВА СОЗНАНИЯ КРИШНЫ)	148
ПЫТЛЯК Д.В. (ЯРОСЛАВЛЬ)	
СИСТЕМА АКМЕОЛОГИИ: ЦВЕТОК МИРА	150
РАИМКУЛОВА П. А. (БИШКЕК)	
ЭМОЦИОНАЛЬНО-КОГНИТИВНЫЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ НАРКОЗАВИСИМЫХ	151
РОМАНЕНКОВ Д.Н. (ТАЛЛИНН)	
ОБРАЗ МИРА И МЕТОДЫ ЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ	152
РОМАНОВ Ю.Н. (НОВОСИБИРСК)	
ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ КОРПОРАТИВНЫХ ПРАЗДНИКОВ В ПЕРИОД КРИЗИСА, ИЛИ «ПИР ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ»	154
РОСЛЯКОВА Е. Ю. (ПЕРМЬ)	
ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ ВИДОВ АКТИВНОСТИ	155
РУМЯНЦЕВА Т.В. (ЯРОСЛАВЛЬ)	
УРОВЕНЬ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОСТИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ КРИЗИСНОГО И АДАПТИВНОГО СОСТОЯНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ	157
САМАЛЬ Е.В. (МИНСК)	
«ИЗ КУКОЛКИ В БАБОЧКУ»: К ВОПРОСУ О САМОАКТУАЛИЗАЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ ЛИЧНОСТИ	157
САМСОНОВ К.В. (ТАЛЛИНН)	
ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОДРОСТКОВ	159
САХИЕВА Р.Г., ИБРАГИМОВА Н.В. (АКТЮБИНСК)	
СОЗДАНИЕ УМК В УСЛОВИЯХ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ-ПСИХОЛОГОВ	162
СЕРБИНА Л.Н. (МОСКВА)	
«ВСПЫШКИ-ЗАИГРЫВАНИЯ» В ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ	163
СЕРБИНА Л.Н., СУКМАНЮК А.Н. (МОСКВА)	
ЗАНЯТЫЕ И НЕ ЗАНЯТЫЕ КАНАЛЫ В ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ РАБОТЕ И РАБОТЕ С ИЗМЕНЕННЫМИ СОСТОЯНИЯМИ СОЗНАНИЯ	164
СОКОЛОВА И.Ю., АНДРИЕНКО А.В. (ТОМСК)	
РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ШКОЛЫ И ВУЗА	165
СТАРОДУБЦЕВА Г.А., ФРОЛОВА О.П. (ИРКУТСК)	
ИЗМЕРЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ЛОЯЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ КОМПАНИИ	167
СУОМИ И. (ЧЕЛЯБИНСК)	
СКАЗКОТЕРАПИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ ЛИЧНОСТИ	171
ТЕРЕХИНА Л.А., СОКОЛОВА И.Ю. (ТОМСК)	
ПРИНЦИПЫ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ – ОДНО ИЗ ОСНОВАНИЙ РАЗВИТИЯ И СОХРАНЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ ЛИЧНОСТИ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ	172
ТОНКОВ В.В., ШАРЕЙКО Н.Л. (САНКТ- ПЕТЕРБУРГ)	
ПРАКТИКА В ПСИХОЛОГИИ: ВОЗДЕЙСТВИЯ ИЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	174
УРАЗАЕВ А.М., БЕРЕСТНЕВА О.Г., ЖАРКОВА О.С. (ТОМСК)	
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БЕРЕМЕННЫХ ЖЕНЩИН РАЗНОГО ВОЗРАСТА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ	175
УСПЕНСКАЯ О.А. (ЧЕЛЯБИНСК)	
ИЗУЧЕНИЕ ОБЩЕНИЯ КАК ФАКТОРА СТАНОВЛЕНИЯ САМОСОЗНАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ	176
УШАКОВА В.С. (АЛМАТЫ)	
ПРОБЛЕМЫ ЛИЧНОСТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ	179
ФАДЕЕВА Ю. (ЧЕЛЯБИНСК)	
ИНТЕГРАТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА СОЦИАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ВОЗМОЖНОСТИ СТАЛКИНГА	181
ФАЕРМАН М.И. (ЯРОСЛАВЛЬ)	
ВЫСТРАИВАНИЕ КАРТЫ ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ: ПСИХОТЕХНОЛОГИЯ АКТИВИЗАЦИИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ	182
ФЕТИСКИН Н.П.-КОСТРОМА, ФИЛАТОВ О.А.-МОСКВА	
СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ В СИТУАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ	183
ФОМИНА С. (НОВОСИБИРСК)	
КОНЦЕПЦИЯ ЦЕЛОСТНОГО (ТРОИЧНОГО) ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ	184
ФРОЛОВА О.П. (ИРКУТСК)	
ПРОБЛЕМА ДУХОВНОСТИ В ПСИХОЛОГИИ	185
ХАЛВАШИ О.В., СУКМАНЮК А.Н. (МОСКВА)	
ИНТЕГРАТИВНАЯ ЭНЕРГОТЕРАПИЯ	186
ХРОМОВА Е.Г. (МОСКВА)	
КУНДАЛИНИ ЙОГА. ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД	188
ЦЕЙТЛИН О.А. (МОСКВА)	
СЕМЬИ МИГРАНТОВ В МЕГАПОЛИСЕ: КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ ПРОБЛЕМ ВНУТРИСЕМЕЙНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	189
ЧАДАЕВА О. (ЯРОСЛАВЛЬ)	
ГЕНЕЗИС ТАНЦА КАК КУЛЬТУРНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН ТДТ	190
ЧЕБОТНИКОВА В.В. (АЛМАТЫ)	
МЕТОД ХОЛОТРОПНОГО ДЫХАНИЯ	191
ШАБАНОВ Л.В., ШЕЛЕХОВ И.Л. (ТОМСК)	
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФЕНОМЕНЫ МОЛОДЕЖНОГО НОНКОНФОРМИЗМА	193
ШАПИРО А.З. (МОСКВА)	

«ЛИЧНОСТЬ» КАК КЛЮЧЕВОЕ ПОНЯТИЕ ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ ДЕТСТВА (В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИОННО-ГЕНЕТИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМ)	194
ШЕЛЕХОВ И.Л., ШАБАНОВ Л.В., УРАЗАЕВ А.М. (ТОМСК)	
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЖЕНЩИН ИЗ МОЛОДЕЖНЫХ НОНКОНФОРМИСТСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ (МНКО).....	195
ШЕМЕТ С.С.	
ИЗМЕНЕННЫЕ СОСТОЯНИЯ СОЗНАНИЯ У СПОРТСМЕНОВ	196
ШЕМЕТ И.С.	
ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД К ИНТЕГРАЦИИ ПСИХИКИ	197
ШЕПЕЛЕВА С.В.Г. КОСТРОМА ¹⁹⁸	
ГЕНДЕРНО-ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ПРЕДДЕВИАНТНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ В ДЕТСКОМ ВОЗРАСТЕ	198
ШЛЫКОВА Ю.Б. (КРАСНОДАР)	
КОНСТРУИРОВАНИЕ ВЫМЫШЛЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ КАК РАСШИРЕНИЕ БЫТИЯ ЛИЧНОСТИ	198
ЯКУШЕВА Л.М. (ТОБОЛЬСК)	
АУТОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СПОСОБНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ, ЗАНИМАЮЩЕГОСЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ	199
ЯШИН В.П. (НИЖНИЙ НОВГОРОД)	
НА ПУТИ К ФИЛОСОФИИ ПСИХОЛОГИИ	201
КОЗЛОВ В.В. (ЯРОСЛАВЛЬ)	
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПСИХОЛОГИИ: АПРЕЛЬСКИЕ ТЕЗИСЫ	203
СОДЕРЖАНИЕ.....	207

Институт интегративной психологии профессионального развития готовит специалистов по современным перспективным направлениям в области психологии.

- **Практическая психология**
- **Интегративная психология**
- **Трансперсональная психология**
- **Интегративная танцевально-двигательная психология и психотерапия**

Длительность обучения: 1,5 - 2 года, (1230 часов)

Форма обучения: заочная, дистанционная, экстернат, индивидуальная

Начало обучения: с момента зачисления

Набор студентов: круглогодично

Документ: по завершении обучения выдается **Диплом** установленного образца о дополнительном к высшему образованию с присуждением квалификации

Дополнительная информация:

Москва

+7 495 1254924

+7 926 3756813

Ярославль

+7 4852 984737

+7 4852 728394

+7 901 9854737

+7 920 1178418

Новороссийск

+7 918 4441719

+7 918 6466078

info@integratio.ru

www.integratio.ru

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ЧФ: СОЦИАЛЬНЫЙ ПСИХОЛОГ»

основан в Ярославле в 2000 году.

Подписной индекс в Агентстве «Роспечать»: 36053 (с 2007 г.)

Выходит два раза в год: в июне и декабре.

Единственный в России специализированный журнал по социальной психологии.

Полное название журнала: «Человеческий фактор: Социальный психолог».

На декабрь 2008 года вышло шестнадцать номеров.

Объем журнала: 96 – 104 страницы.

В журнале публикуются статьи по фундаментальным, прикладным и общественно значимым проблемам социальной психологии, актуальные исследовательские и психотехнологические разработки, обзоры важнейших социально-психологических конгрессов и конференций и другие материалы. Авторам необходимо указать ФИО автора и название статьи на английском языке, аннотацию к статье и ключевые слова - на русском и на английском языках, а также адрес и электронный адрес авторов для общения и рассылки авторских экземпляров журнала. Статьи к публикации принимаются постоянно по электронной почте.

Журнал имеет международный регистрационный номер – ISSN 1812-1985.

Номер свидетельства о государственной регистрации – ПИ № 77-15751.

УЧРЕДИТЕЛЯМИ ЖУРНАЛА ЯВЛЯЮТСЯ: МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ НАУК; МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ ЭРГОНОМИЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ; МЕЖОТРАСЛЕВОЙ ЦЕНТР ЭРГОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И РАЗРАБОТОК МИНПРОМНАУКИ РОССИИ; ИНСТИТУТ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ.

Главный редактор журнала «ЧФ: Социальный психолог» – В. В. Козлов.

Редакционная коллегия журнала «ЧФ: Социальный психолог»: А. В. Карпов, В. В. Козлов, В. М. Львов, В. А. Мазилев, Н. В. Ключева, И. Н. Карицкий, Н. П. Фетискин.

Редакционный совет журнала «ЧФ: Социальный психолог»: Г. В. Акопов, Ю. А. Бубеев, И. П. Волков, А. Л. Журавлев, Т. П. Емельянова, М. М. Кашапов, Ю. А. Клейберг, Г. М. Мануйлов, В. И. Назаров, Р. С. Немов, Н. Н. Обозов, Б. Д. Парыгин, Ю. П. Поваренков, В. Ф. Петренко, А. Л. Свенцицкий, В. Е. Семенов, В. А. Урываев, А. В. Филиппов.

Подписка на журнал осуществляется через редакцию.

Адрес для корреспонденции и почтовых переводов:

150000, г. Ярославль, ул. Первомайская, 9-2, Лазарянц О.В.

Контактные телефоны: 8*4852-728394; 89159911278; 8*495-3790465.

Адреса электронной почты: vvk@mail.yar.ru; s-psy@mail.ru

Стоимость годовой подписки: 300 руб.